

КОРОЛЕВА ВИКТОРИЯ

Филипп Александр
Беатрис де Лунжа

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Королева огромной империи, сравнимой лишь с античным Римом, бабушка всей Европы, правительница, при которой произошла индустриальная революция, была чувственной женщиной, любившей красивых мужчин, военных в форме, шотландцев в килтах и индийцев в тюрбанах. Лучшая плясунья королевства, она обожала балы, которые заканчивались лишь с рассветом, разбавляла чай виски и учила итальянский язык на уроках бельканто. Высокородным лордам она предпочитала своих слуг, простых и добрых. Народ звал ее «королевой-республиканкой». Полюбив цветы и яркие краски Средиземноморья, она ввела в моду отдых на Лазурном Берегу. Страстная натура, она почти до безумия любила своего Альберта и, овдовев в сорок два года, до самой смерти слепо следовала лютеранским принципам своего немецкого принца.

Это биографическое повествование без всяких прикрас рассказывает о пылкой и неистовой Виктории.

Перевод осуществлен по изданию:

Alexandre F., de L'Aulnois B

La Dernière Reine. Victoria 1819—1901.

Paris: Robert Laffont, 2000

-
- [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)

- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Эпилог](#)
- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ КОРОЛЕВЫ ВИКТОРИИ](#)
- [ЛИТЕРАТУРА](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)

- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)

- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)

- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)

- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Имя героини этой книги хорошо известно нашему читателю. Королева Виктория принадлежит к числу самых известных монархов XIX столетия. С ней связана целая эпоха в истории Великобритании. В годы правления Виктории, растянувшиеся почти на две трети столетия, Британия превратилась в мощную индустриальную и самую крупную колониальную державу. Что касается этого периода жизни британцев, то представление о нем можно почерпнуть из произведений знаменитых английских писателей и драматургов того времени — Ч. Диккенса, У. Теккерея, О. Уайльда, Б. Шоу, А. Конан Дойла и многих других. Достаточно хорошо известны министры Виктории — Р. Пиль, лорд Пальмерстон, У. Гладстон, Б. Дизраэли.

Но что читатель знает о самой королеве? Какой была Виктория в реальной жизни женой, матерью, правительницей? Какова ее роль в политической жизни страны, превращении Британии в парламентскую монархию, передовое государство? Со времени ее смерти в 1901 году историки не перестают спорить и высказывать порой диаметрально противоположные мнения о Виктории. Если одни видели в ней мудрую правительницу, с которой связано упрочение демократических институтов, то другие — вздорную женщину, интересовавшуюся лишь делами многочисленного семейства. Третьи утверждают, что пресса создала идеализированный образ любящей жены, матери, бабушки, королевы, заботившейся о благе подданных. Разнообразные интерпретации только усиливают интерес во всем мире к Виктории и времени ее правления. Лишь в последние годы у нас в стране появились статьи и книги, посвященные ей. Научная литература оседает в библиотеках, и не все имеют возможность ознакомиться с новинками.

Книга французских авторов Ф. Александра и Б. де л'Онуа удовлетворит любопытство тех, кто хочет больше узнать о Виктории — женщине. Авторы подробно, неторопливо, год за годом ведут свое повествование. Брак родителей герцога Кентского и принцессы Луизы Виктории Саксен-Кобургской, рождение Виктории 24 мая 1819 года, ее детство. Она взошла на престол в 1837 году и с наслаждением окунулась в круговорот праздников, балов, приемов. Страстная, восторженная любовь к мужу Альберту Саксен-Кобургскому, счастливое замужество и рождение девятерых детей. Потеря обожаемого супруга в 1861 году вызвала

настолько продолжительную депрессию, что в стране заговорили о возможности упразднения монархии и учреждения республики. С большим трудом королева пришла в себя и занялась устройством браков детей, а впоследствии и внуков. Она много путешествовала по стране, выезжала отдохнуть на континент, где вела неофициальные беседы с королями, принцами, президентами, министрами. В 1876 году она была провозглашена императрицей Индии. В 1887 и 1897 годах состоялось грандиозное празднование юбилеев ее правления. В 1901 году королева тихо скончалась в кругу семьи. Авторы не избегают сложных моментов в жизни Виктории: истерические приступы гнева, размолвки с Альбертом, депрессии, появление Джона Брауна, отношение к нему Виктории и ее детей и т. д. Содержится в книге также немало новых сведений об отношении Виктории к российским императорам, истоках вражды и Крымской войне, браке ее внучки Алисы и будущего Николая II. Обо всем рассказано просто и увлекательно. Читатель получает возможность окунуться в жизнь британского двора, узнать о семейных тайнах и событиях английской и европейской истории, личных встречах и взаимоотношениях правителей. На протяжении жизни Виктория вела дневник и переписку с родственниками. Многочисленные отрывки из ее эпистолярного наследия помогут лучше понять душевное состояние этой женщины. Используемые авторами высказывания, замечания Виктории позволяют взглянуть ее глазами на происходившие события и людей, окружавших ее. Такой прием раскрывает характер и внутренний мир Виктории, однако порой может ввести читателя в заблуждение относительно реалий того времени. И вот на них необходимо остановиться более подробно.

В 1837 году началось правление юной восемнадцатилетней Виктории. Это было тревожное, сложное время для королевства. Парламентская реформа 1832 года не решила наиболее важных проблем общества (нищенское положение большинства населения, которое связывало с политическими преобразованиями надежды на лучшую жизнь, всевластие аристократии, высокие налоги и многочисленные таможенные препоны). В 1836 году зарождается чартистское движение, которое выдвинуло требование демократизации политической системы. Собрания и лозунги чартистов пугали обывателя и правящие классы. Практически одновременно активизируют деятельность сторонники отмены существовавших ограничений торговли, что также способствовало усилению напряженности в обществе. Насколько Виктория понимала суть происходящих событий, что в этой ситуации зависело от нее? Для ответа на

этот вопрос необходимо обратиться к более ранним временам и разобраться в положении монарха в Британии.

Произошедшая в 1688 году «Славная революция» завершилась утверждением в 1689 году закона, названного Биллем о правах. Он учредил конституционную монархию в Англии и определил права парламента и монарха. Этой задаче были подчинены и другие акты конца XVII века. Их суть состояла в следующем. Король лишался права принимать законы, приостанавливать или отменять их действие, назначать и собирать налоги, иметь постоянное войско без согласия парламента. В ведении монарха оставалось заключение договоров с иностранными державами, право помилования, жалование почетных званий, управление зависимыми колониями, созыв и роспуск парламента, назначение главы кабинета. Помимо этого парламент определял размер средств, выделяемых монарху, и установил отчетность в тратах. С начала XVIII века британские короли отказались от права налагать вето на законы, утвержденные парламентом. На протяжении столетия в результате эволюции политической системы произошло дальнейшее ограничение традиционных прав монарха. Основатель английской Ганноверской династии, прадед Виктории Георг I не знал английского языка. В силу этого он перестал посещать заседания кабинета министров. С этого времени короли уже не участвовали в обсуждениях, а получали меморандум, в котором излагались рассмотренный вопрос, позиции членов правительства и их решение. При назначении главы кабинета монархи все в большей мере были вынуждены считаться с большинством победившей на выборах партии и авторитетом их лидеров. В противном случае раздоры министров могли парализовать работу правительства. Формирование коалиционных правительств было связано со сложными внутренними или внешними проблемами, разрешение которых приводило к учреждению однопартийного органа. Попытка дяди Виктории Вильгельма IV, который захотел пойти наперекор сложившейся традиции, в 1834 году, назначив премьер-министром Р. Пиля, закончилась неудачей и быстрой отставкой последнего. Консерваторы не имели большинства в палате общин, а согласованные действия объединенных либералов и ирландских депутатов провалили все законопроекты Пиля. Существенно сузились возможности монарха влиять на внешнеполитический курс государства после того, как вопреки воле Георга IV правительство, исходя из торговых интересов страны, в середине двадцатых годов признало латиноамериканские независимые государства де-факто, а затем и де-юре.

Таким образом, на протяжении XVIII и первой трети XIX столетия

компетенция короны в Британии значительно сократилась. Более того, в период борьбы за проведение первой парламентской реформы, которая незначительно расширила электорат, но стала отправной точкой изменения принципов представительства в палате общин, претерпел изменения статус монарха в глазах общества. К нему обращались как сторонники, так и противники перемен. За два-три года Вильгельм IV в общественном мнении превратился в некоего арбитра, стоявшего над схваткой, своего рода отца нации. И его позиция в этом вопросе оказалась той последней каплей, которая вынудила аристократическую палату лордов уступить требованиям народа. Следствием изменений стало постепенное усиление роли нижней, представительной палаты. А в ней — большинства партии, победившей на выборах, что, в свою очередь, вело к усилению политической борьбы за власть, формированию идеологии либерализма и консерватизма и массовых политических партий. Обозначившиеся тенденции со всей очевидностью проявились в годы долгого правления Виктории. Этому в немалой степени способствовали рождение детей и депрессии, когда она отказывалась встречаться с министрами, открывать заседания парламента, вникать в повседневные проблемы управления страной. Она превращалась скорее в некий символ монархии, символ имперского единства, что и продемонстрировало празднование ее юбилеев, нежели была реальным политиком и государственным деятелем. Порой Виктория пыталась интриговать против нелюбимых ею лидеров, негодовала, что вынуждена ставить во главе правительства неугодных ей Пиля, Пальмерстона, Гладстона, но ничего не могла поделать. Изменить сложившуюся практику она была не в силах. По мере проведения дальнейших реформ системы представительства и расширения электората политические лидеры и партии все в большей мере учитывали требования избирателей, были вынуждены считаться с общественным мнением. Действовал своего рода «партийный маятник» — поочередное пребывание у власти либералов и консерваторов, которые проводили все более независимую от настроений и желаний королевы политику. Безусловно, она отвечала интересам имущих слоев населения, но в то же время в значительной мере способствовала улучшению положения простых людей — фермеров, рабочих, ремесленников и лавочников, домашних слуг. Введение фабричной инспекции в 1833 году и ограничение эксплуатации труда на фабриках женщин и детей (социально ориентированное законодательство началось раньше, чем утверждают авторы, которые отнесли его к 1842 году), улучшение санитарного состояния городов и оказания врачебной помощи, отмена запретов на деятельность профсоюзов,

расширение городского самоуправления, обязательное начальное образование и т. д. — все это способствовало качественному улучшению условий жизни трудящихся. Естественно, корни новаций лежали гораздо глубже и едва ли их причину можно отнести за счет заботы королевы о своих подданных. Их истоки заключались в распространении идеологии либерализма и успехах хозяйственного развития. Великобритания первая в XVIII веке вступила на путь преобразования экономики. Промышленная революция завершилась во второй половине XIX столетия, неузнаваемо изменив весь облик страны. В 1850—1860-х годах Британия занимала уникальное положение, являясь крупнейшей промышленной державой с самым многочисленным флотом, разбросанными по всем континентам владениями и мировым банкиром. Именно эти достижения и были зафиксированы Первой всемирной выставкой середины века, которая так потрясла современников и изменила отношение к человеку труда. Однако, сохраняя довольно высокие темпы экономического роста, страна с 1870-х годов теряет лидерство в мировом производстве и вступает в полосу затяжных кризисов и депрессий. Это не могло не сказаться на жизненном уровне и политике правящих классов. В обладании огромной империей они увидели мощную опору и возможный выход из трудностей.

Отдельная тема — Виктория и ее премьер-министры. Это были представители крупных аристократических кланов (лорды Мельбурн, Розбери, Солсбери, Рассел, Дерби) либо выходцы из состоятельных торгово-промышленных кругов (Р. Пиль, У. Гладстон). Одни более или менее считались с ее мнением, другие действовали независимо от него. Между тем многие из них принадлежали к числу выдающихся политиков XIX столетия, но отношение к ним королевы, так ярко показанное авторами книги, не всегда соответствовало их заслугам перед страной.

Первый премьер-министр Виктории лорд Мельбурн по своим взглядам был скорее консерватором, нежели либералом. Аристократ, представитель крупного клана вигов, служил своей молодой королеве и стал ее наставником в политической науке. В письмах и дневниках Виктории мы встретим немало свидетельств о ее дружеском, восторженном отношении к нему. Мельбурн отвечал ей взаимностью. Возможно, эта симпатия вкупе с нежеланием расставаться с постом и стали причиной его не вполне корректного поведения во время политического кризиса 1839 года, когда он пытался создать у нее негативное представление о Р. Пиле. Мельбурн лукавил, говоря о преемнике как о человеке, который не умеет вести себя с монархами в силу рождения и воспитания. В действительности Пиль, сын крупного текстильного фабриканта, получил блестящее по тем временам

образование, в двадцатые годы был членом консервативного правительства и автором реформы полицейской службы (начало его политической карьеры авторы книги ошибочно отнесли к более позднему периоду). Достаточно сказать, что в последние годы жизни больной Георг IV, уединившись в своем дворце, общался с очень узким кругом лиц, в число которых входил Р. Пиль. Расставание с Мельбурном было тяжким испытанием для королевы. Главой кабинета в 1841 году стал Р. Пиль. Контраст оказался разительным. Консерватор Пиль служил скорее стране, нежели монархии. Он провел важные, давно назревшие реформы, что позволило Британии освободиться от пут протекционизма и способствовало мощному рывку экономики.

Лорд Пальмерстон дважды руководил кабинетом министров-либералов. Глава правительства, который был популярен в обществе и нелюбим королевой, интересовался международными делами, внешней политикой, стремился максимально укрепить положение Британии в Европе. Пальмерстон действовал самостоятельно, независимо от мнения и настроений Виктории, что не раз провоцировало приступы гнева и недовольства королевы.

Уильям Гладстон четыре раза возглавлял правительство. В книге он представлен несколько однобоко, тогда как его жизнь и деятельность были гораздо разнообразнее. В политику он пришел как тори и высказывал консервативные взгляды по основным вопросам внутренней и внешней политики. В двадцать три года победил на парламентских выборах в борьбе с серьезными соперниками и с этого времени на протяжении шестидесяти трех лет заседал в парламенте. Программа Гладстона включала сохранение союза англиканской церкви и государства. Обоснованию этого принципа была посвящена и его первая книга, опубликованная в 1838 году. Она явилась реакцией молодого человека на уменьшение влияния англиканской церкви, предоставление политических и гражданских прав католикам в 1829 году (так называемая эмансипация католиков) и требования нонконформистов ликвидировать государственный статус англиканской церкви. Работа Гладстона вызвала бурные споры в обществе. Однако сам автор в последующие годы кардинально пересмотрел собственные позиции.

Его взгляды претерпели серьезные изменения, что со временем привело Гладстона в лагерь либералов. Постепенное осмысление ситуации в государстве, задач политика в новых условиях стали результатом глубоких размышлений, гибкости ума, открытости к новым явлениям, способности отказаться от заблуждений. Гладстон осознает необходимость

осуществления преобразований в социальной и политической областях, против которых выступали крайние тори. В 1850-х годах Гладстон окончательно порвал с консерваторами, а после смерти Пальмерстона стал лидером либералов в палате общин. Глубоко религиозный человек, с начала пятидесятих годов он медленно шел к принятию идеи религиозной терпимости. В 1865 году он заявил о неудовлетворительном положении англиканской церкви в Ирландии. Церковь опиралась на протестантское меньшинство населения, однако католическое большинство уплачивало обязательную десятину. Первым законом правительства Гладстона в 1869 году стала ликвидация государственного статуса протестантизма в Ирландии. Действия Гладстона вызвали бурное негодование его противников. Университет Оксфорда, который он представлял в 1847—1865 годах в парламенте, разорвал с ним связи. Однако глава правительства не сомневался в своей правоте и впоследствии говорил о необходимости подобных перемен в Шотландии и Уэльсе.

Первый кабинет Гладстона вошел в историю как реформаторское правительство. Оно провело те назревшие реформы, которые откладывал Пальмерстон: были пересмотрены принципы приема на гражданскую и военную службы и отменена система продажи должностей, введено тайное голосование на выборах в парламент, всеобщее начальное образование, легализованы профсоюзы. Его колониальная политика была направлена на расширение сферы влияния Великобритании и предоставление большей самостоятельности переселенческим колониям, которая состояла в развитии форм самоуправления, расширении экономических связей между метрополией и доминионами на основе принципов свободной торговли.

После отставки кабинета Гладстон сложил с себя обязанности лидера либеральной партии, полагая, что пик политической карьеры пройден. Усиление католицизма и неконформизма в Британии, а также успехи науки вызвали в обществе в 1860—1880-х годах пристальное внимание к религиозным проблемам. Гладстон полагал, что наступало время борьбы за умы человечества в вопросах веры, и многочисленными публикациями принял участие в этом «сражении».

В 1880—1885 годах второе правительство Гладстона продолжило реформы и экспансионистскую политику своих предшественников — консерваторов, подавило движение в Ирландии. Одновременно премьер искал иные, несиловые пути решения проблем этой части королевства, увидел выход из кризисной ситуации в предоставлении Ирландии самоуправления и упорно добивался его осуществления.

Совершенно справедливо и удивительно точно Дизраэли подметил

разницу между собой и Гладстоном в отношениях с королевой. Если Гладстон видел в ней олицетворение института монархии и соответственно вел себя с ней, то сам Дизраэли видел в ней женщину. Мягкое почтительное поведение в большей мере импонировало Виктории, что позволяло министру добиваться желанной цели. В том случае, когда его дипломатия терпела крах, он все равно поступал так, как считал нужным.

Суть разногласий между Дизраэли и Гладстоном состояла также и в различных взглядах на империю, темпы ее расширения, экономическое бремя, связанное с содержанием колоний, взаимоотношения метрополии и зависимых территорий. Основанные выходцами из Великобритании колонии и присоединенные или захваченные земли с многочисленным местным населением имели различный статус в империи. Это обстоятельство и определяло неодинаковую политику по отношению к ним. Будучи приверженцем идей либерализма, Гладстон проводил курс на расширение прав переселенческих колоний и сокращение расходов государства, связанных с управлением ими. Действовавший более жестко Дизраэли в расширении владений, усилении связей с ними видел мощную экономическую и политическую поддержку Британии.

Едва ли есть нужда и далее углубляться в перипетии британской политики, когда впереди увлекательное чтение о событиях не такой уж далекой от нас истории жизни королевы Виктории. Она скончалась в январе 1901 года на рубеже двух эпох, а новое столетие внесло серьезные перемены во взаимоотношения России и Британии. Их сближение в XX столетии породило возрастающий интерес друг к другу. Предлагаемая книга позволит российскому читателю лучше понять события как той эпохи, так и последующей.

Доктор исторических наук М. П. Айзеништат

Глава 1

Солнце в Лондоне — вещь самая невероятная. В этот день — 22 июня 1897 года — толпа с тревогой всматривалась в серое небо. Пушки в Гайд-парке возвестили о том, что карета королевы выехала из ворот Букингемского дворца, и тут как по волшебству тучи рассеялись и выглянуло солнце, яркое летнее солнце, какого никогда не видели в британской столице. Облепившие балконы и даже крыши домов жители Лондона кричали, дивясь этому чуду: «Погода для королевы! Погода для королевы!»

Но эта небесная лазурь была не единственным подарком Виктории в славный день ее бриллиантового юбилея. Огромные толпы народа, расцвеченная флагами столица, Сити, прибывшие со всех уголков мира войска, ликующая империя с населением в триста пятьдесят миллионов человек, да, все это тоже было для Виктории. Никогда прежде Лондон не видел подобного великолепия и никогда больше не увидит. Она правила уже шестьдесят лет, и этот юбилей стал апофеозом ее могущества и славы. Даже Людовик XIV, перед которым она преклонялась, не знал ничего подобного. За несколько месяцев до торжественного дня начали чеканить медали и памятные монеты, во всех городах устанавливали статуи королевы, а также выпустили марки, которые коллекционировали мальчишки во всех концах империи. В лавках Стрэнда и Пиккадилли нарасхват шли тарелки, чашки, носовые платки и трости с изображением королевы, а еще чайники, чернильницы и ложки с короной. Витрины книжных магазинов пестрели обложками книг, прославляющих Викторию, а музыкальные шкатулки без конца играли «Боже, храни королеву». И никто не сомневался в том, что величие Британской империи — дело рук этой пухленькой бабушки с железным характером, одетой во все черное, как смиренная вдова.

На всех триумфальных арках и флагах, украшавших дома, были выведены одни и те же слова: «Твой трон — это наши сердца». В толпе кто-то воскликнул: «Она славно потрудилась, наша старушка!» Правда, своих подданных она тоже заставляла трудиться не *покладая* рук. Великобритания, эта кузница мира, стала первой индустриальной державой в истории человечества. Ее торговый оборот равнялся торговым оборотам Франции, Германии и Италии вместе взятых. Но главное — государыня сумела взрастить в сердце каждого из своих подданных ту британскую

гордость, символом которой сама и являлась. Великобритания завоевала пятую часть всей территории Земли. Ее флот господствовал на всех океанах. Лондон стал финансовой столицей и красивейшим городом планеты.

Перед тем как покинуть дворец, королева нажала на электрическую кнопку, чтобы отправить по телеграфу праздничное послание, обращенное ко всей своей империи: «От всего сердца я благодарю мои возлюбленные народы. Да благословит их Господь!» Она сама вытребовала для себя титул императрицы и вместе с толпой с удовлетворением думала о том, что над ее империей никогда не заходит солнце.

Слезы текли по лицам. Особенно по лицам бедняков, которые молились на нее как на икону. Чтобы увидеть ее, они заполонили все газоны, облепили решетки, залезли на деревья и уличные фонари, украшенные букетами цветов.

Военная форма, на которой алый цвет соперничал с золотом, флаги, пурпур, парча, медь труб: из окна своей гостиницы удивленно смотрел на это непривычное буйство красок Клод Моне, множество раз с упоением рисовавший этот город в коконе тумана.

Чтобы ничего не упустить из предстоящего зрелища, многие горожане остались ночевать прямо на улице. И сейчас они восторженно приветствовали колониальные войска, олицетворявшие славу и могущество Британской империи: солдат из Канады, с Ямайки, Мальты, Цейлона, из Гвианы, Лагоса, Кейптауна, с Кипра, из Наталя и Австралии... Полицейских из Гонконга, сикхов из Индии и представителей народа хауса из Западной Африки... Как же много тут собралось мужчин в военной форме, и особо среди них выделялись триста пятьдесят всадников в экзотических одеждах, при виде которых толпа не могла удержаться от восторженных криков и рукоплесканий. Самыми бурными аплодисментами наградили бенгальских улан в алых с золотом доломанах и тюрбанах, украшенных драгоценными камнями.

Королевскому кортежу предстояло проехать десять километров. Перед каретой Виктории, запряженной восьмеркой лошадей светло-рыжей масти, тянулась вереница из двух десятков других карет, в которых разместились королевская семья и именитые зарубежные гости. В головном экипаже бок о бок сидели папский нунций, посланник китайского императора и три или четыре магараджи. За ними ехали другие иностранные послы и придворные дамы. Девять следующих ландо были отведены принцессам, рядом с которыми гарцевали на лошадях принцы крови, облаченные в парадные мундиры; далее следовал главнокомандующий королевской

армией с орденом Святого Патрика на груди, и последней, в окружении фореиторов в красных ливреях, двигалась карета королевы, изукрашенная, как драгоценная шкатулка.

Праздничный парад войск длился уже почти час, когда наконец на площади появилась она. «И всем сразу же стало ясно, — писал Марк Твен, — что Виктория одна стоит целой процессии. Все остальное было просто фиоритурой»^[1]. Королевская карета въехала на Конституишн-хилл — улицу, что ведет к Гайд-парку, где когда-то на Викторию было совершено первое в ее жизни покушение. Восторженные крики оглушили ее. «Я думаю, что никто и никогда не слышал в свой адрес подобных оваций, какими встречали меня... Толпа была просто неопишущей, а ее восторг поистине поразительным и волнующим до глубины души». И королева, никогда не боявшаяся преувеличений, добавила: «Приветственные возгласы были оглушительными, а все лица казались озаренными искренней радостью».

В ответ она лишь слегка помахивала рукой. Толпа всегда пугала ее. Еще на первом своем балу, устроенном по случаю ее восемнадцатилетия, она удивлялась, что ее появление сопровождается восторженными криками. На следующий день после бала она записала в дневнике: «Народ слишком бурно встречал появление моей маленькой глупой персоны».

Сегодняшний день в честь праздника был объявлен нерабочим и население Лондона удвоилось за счет приезжих. По приблизительным подсчетам, в город съехалось около двух миллионов гостей. Пятьдесят тысяч военных было мобилизовано на охрану порядка, и все эти мужчины, одетые в красные куртки и блестящие каски, стояли в оцеплении и с большим трудом сдерживали энтузиазм народа. По всему пути следования кортежа до собора Святого Павла были установлены трибуны. Богатые американцы выкладывали чуть ли не по тысяче фунтов стерлингов за место на балконе Уайт-холла или Национальной галереи, чтобы получить шанс увидеть во плоти почти восьмидесятилетнюю мифическую правительницу, чье появление на публике было исключительной редкостью.

По своему обыкновению и вопреки уговорам министров королева наотрез отказалась надеть корону и парадную мантию. Но ее неизменное вдовье платье на сей раз было расшито серебром, а черный кружевной чепец украшен веточкой белой акации и бриллиантовой эгреткой. На шею она надела бриллиантовое кольцо — подарок младших из ее девяти детей. И сама Виктория, и ее царствование, и ее Великобритания — все являло собой смешение необыкновенной роскоши и простоты. Злые языки частенько упрекали ее в мещанстве, она же никогда не обращала на это

внимания. Она всегда с глубоким презрением относилась к британской аристократии, распутной и швыряющей деньги на ветер. Газеты порой называли ее «королевой-республиканкой», но и это не вызывало ее возмущения. Врожденная экономность роднила Викторию с ее народом.

В карете напротив нее сидели очаровательная принцесса Уэльская в сиреневом атласном платье и шляпе, украшенной цветами, и Елена, третья из ее дочерей, которую в семье звали Ленхен. Старшая дочь — Вики — ехала в другой карете, запряженной четверкой лошадей черной масти с алыми попонами, поскольку ее титул германской императрицы не позволял ей сидеть рядом с лошадиными задами. Слева от Виктории гарцевал на коне принц Уэльский, справа — ее двоюродный брат герцог Кембриджский в красном мундире и треуголке с белым плюмажем. За королевским экипажем следовал третий сын Виктории — принц Артур, герцог Коннаутский, он-то и завершал процессию.

Десять лет назад, когда отмечался золотой юбилей правления Виктории, на него съехались все: и ее внуки, и двоюродные братья с сестрами — европейские монархи. На сей раз ни одна или почти ни одна венценосная особа не была приглашена на торжества. Большой мастер по части церемоний — министр колоний Чемберлен, в недавнем прошлом один из самых ярых противников монархии, все организовал таким образом, что этот бриллиантовый юбилей превратился исключительно в прославление империи. В кортеже не было ни внучки Виктории — русской царицы, ни ее внука — кайзера Германии Вильгельма II. Отсутствие последнего совсем не огорчало королеву. Она осуждала внука за грубость и высокомерие по отношению к его матери.

Крики толпы становились все громче и наконец слились в единый мощный рев, когда при въезде в Сити лорд-мэр Лондона в горностаевой мантии опустился перед Викторией на колени и поднес ей на красной подушке ключи от города. Затем, уже при невыносимо ярком свете солнца, карета остановилась перед собором Святого Павла. Замершие по стойке «смирно» колониальные войска в переливающейся всеми цветами радуги военной форме, епископы в золотом облачении и принцы крови образовали почетный караул. Королева пожелала, чтобы церемония была предельно краткой. У нее всегда было очень простое отношение к религии, и Бог не слишком усложнял ее существование. На следующий день «Дейли мейл» напишет, что она приехала отдать дань уважения единственному Существу, «которое можно было признать более величественным, чем она сама».

Епископ Лондонский с архиепископом Кентерберийским пропели «Te Deum» и «Отче наш», а затем «The Old Hundredth»^[2], слова которого в

честь юбилея были несколько изменены:

*В грядущем, что бы ее ни ждало,
В радости и в горе, в благоденствии или скудости,
Не оставь ее, Господи, милостью своей,
Храни ее вечно, защищай и направляй...*

Хвалебные песнопения вырывались одновременно из миллионов глоток по всей империи, пока колокола собора Святого Павла звонили во всю свою мощь. Тронутая до глубины души королева не смогла сдержать слез, она поблагодарила епископов и двинулась дальше, в рабочие кварталы Саус Энда, где до сих пор ни разу не бывала.

Она не могла оценить замечательную метаморфозу, произошедшую с этой частью ее столицы, которая заключалась главным образом в том, что здесь совсем не осталось трущоб. Шестьдесят лет назад в этот район на берегу Темзы добропорядочные граждане и не рисковали заглядывать: его населяли разбойники, проститутки и неимущие, которых общество обрекло на прозябание в *workhouses*^[3]. Рядом с элегантными особняками Мейфэра жил своей жизнью другой Лондон — зловонная клоака, наводящая ужас на всю Европу.

Первая государыня в мировой истории, которая больше любила бедняков, чем богачей, хотела отпраздновать этот юбилей вместе со своим народом. И народ пришел к ней — более многочисленный и горластый, чем она могла себе представить. И вновь слезы навернулись ей на глаза и побежали по ее щекам, а принцесса Уэльская, державшая ее руку в своей, время от времени сжимала ее в знак поддержки. Виктория не переставала удивленно повторять: «Какие же они все славные, какие добрые!» Между тем эти эпитеты меньше всего подходили для англичан — необузданных, грубых, помешанных на своем острове и свысока относящихся к чужестранцам, для англичан, так никогда и не признавших принца-консорта, который был родом из Кобурга, маленького немецкого княжества. Ее любимого Альберта, которого высокородные лорды упрекали за то, что в нем ничего не было от английского «джентльмена».

Но в этот праздничный день, окруженная такой любовью и таким почитанием, она позабыла критику и сарказм политиков и журналистов, вменявших ей в свое время в вину то, что она открывала очередную парламентскую сессию лишь в тех случаях, когда ей нужно было добиться от парламента выделения дополнительных средств ее детям. Страна не

забыла, что именно Виктория способствовала укреплению конституционной монархии, тогда как до нее английская корона попадала то в руки иностранцев, то распутных и расточительных безумцев. Монархия была не только разорена в прямом смысле этого слова, но и дискредитирована до такой степени, что вызывала ненависть собственного народа. Королева дала Англии ту систему ценностей, которая одновременно обеспечивала ее процветание и социальный мир, что всегда было мечтой всех цивилизованных стран.

Когда королевская карета переехала через Темзу, стало жарко, просто неправдоподобно жарко, такая погода скорее была свойственна для юга Франции, куда Виктория теперь ездила каждую весну. От этой жары лорду Хоуву даже стало дурно и он упал со своей лошади. Государыня же ограничилась тем, что раскрыла над собой легкий черный зонтик от солнца, подбитый белым кружевом. Нежась в лучах своей славы, она не чувствовала удушающей жары, и это она, обожавшая сквозняки и требовавшая, чтобы во всех ее дворцах постоянно поддерживалась температура как на Северном полюсе. «Во время торжественной церемонии королева совсем не выглядела уставшей», — будет сообщено несколькими часами позже в официальном коммюнике двора. А ведь всего за десять дней до этого, в Бальморале, она признавалась своему доктору, что боится не вынести всех этих церемоний, что очень устала и «из-за одолевающих ее мыслей не может как следует отдохнуть». После смерти Альберта она только и знала, что жаловалась на плохое физическое и душевное состояние. Письма, которыми она забрасывала своих детей и внуков, изобиловали жалобами. Она обвиняла своих премьер-министров, что они хотят погубить ее, заставляя оставаться в Лондоне, в этой совершенно не пригодной для жизни столице с ее вечными туманами, раздирающими легкие и угнетающими душу, туманами, которые убили ее горячо любимого супруга.

Хотя, возможно, это было всего лишь демонстрацией ее безмерного эгоизма, придуманной ею болезнью, комедией, которую она разыгрывала для себя самой и окружающих. По аллеям вокруг Виндзорского или Букингемского дворцов она прогуливалась исключительно в карете, запряженной пони или осликом, но в 1890 году в Бальморале еще танцевала кадрили со своим внуком Эдци, наследником британской короны. «Я прекрасно с этим справилась», — с гордостью записала она в дневнике тем же вечером.

Главное же — ей удалось вновь обрести душевный покой, оправиться от потери Альберта, «ее дорогого ангела», после смерти которого она,

чтобы уснуть, крепко прижимала к себе его халат. В газетах появились фотографии, на которых она улыбалась, что было совершенно немыслимым еще несколько лет назад. В одной из своих критических статей, посвященных театру, Бернард Шоу — социалист, между прочим — не поспешил на похвалы в ее адрес: «Вы только подумайте о той юной девушке, какой она была семьдесят лет назад: семья, наставники, церковь, слуги и вообще все вокруг только и делали, что систематически и самозабвенно лгали ей... Каждый из портретов “королевы-девочки” образца 1837 года из тех, что можно видеть во всех витринах, в 1897 году должен вызывать у этой же самой королевы желание выскочить из своей кареты, чтобы написать под ним: прошу вас, помните, что сегодня любая машинистка с зарплатой в восемьдесят шиллингов в неделю в десять раз более образованна и сведуща в жизни, чем та несчастная в момент, когда на ее голову свалилась корона и когда ей пришлось править страной, полагаясь лишь на свой природный ум. Поверьте мне, невозможно прожить семьдесят восемь лет, не узнав того, о чем королевы никогда не говорят в мелодрамах, разыгрываемых на подмостках театра “Адельфи”».

Когда королевская карета возвращалась в Букингемский дворец, какой-то человек прямо перед ней упал с дерева — и это был единственный несчастный случай, произошедший в этот знаменательный день. В преддверии его королева не раз писала своему министру внутренних дел. Она опасалась, как бы во время праздничных мероприятий не произошло несчастия вроде давки в Москве, случившейся во время коронации Алике и Николая II, когда затоптали три тысячи русских^[4], или вроде недавнего пожара на благотворительной ярмарке в Париже, где заживо сгорело двести человек.

Ее любимый народ не должен страдать ни от каких, даже самых незначительных ран, и, вернувшись во дворец, Виктория тут же поинтересовалась, как себя чувствует упавший с дерева человек. Между государыней и ее подданными ныне существовало настоящее единение. В редком доме не было ее фотографий. Леди Эмптхилл, возвращавшаяся из Шотландии в роскошном личном вагоне королевы, была крайне удивлена, увидев ранним утром толпу, собравшуюся у железной дороги, чтобы посмотреть на их поезд: «Люди, знавшие, что не смогут увидеть свою горячо любимую королеву, были довольны уже тем, что смотрели на поезд, в котором она ехала. Мужчины снимали шляпы, женщины махали носовыми платками и порой посылали воздушные поцелуи, и никто не позволял себе никаких криков, поскольку подданные Ее Величества берегут ее покой».

В этот юбилейный вечер во всех деревушках королевства ждали праздничного салюта, назначенного ровно на десять часов, за пять минут до которого пушки дали предупредительный залп, возвещая о его начале. Танцы, музыка, петарды — так народ чествовал свою государыню в Лондоне, где впервые Пиккадилли-серкус и Сент-Джеймс-стрит были освещены с помощью электричества. Тысячи лампочек усыпали собор Святого Павла. Здание, принадлежащее банкирам Бенсонам, сияло красными и зелеными огоньками, а контора Кука — золотыми. На фасаде Мэншен-хауса электрическими лампочками были выведены слова: «Боже, храни королеву». Это был последний праздник уходящего века, во время которого ничто не нарушило счастья и спокойствия Англии, танцевавшей свой последний вальс в преддверии ужасов новейшего времени.

Накануне такое же сияние огней наблюдалось в районе Виндзорского дворца, где все корабли, стоящие на Темзе, и берега самой реки были украшены венецианскими и китайскими фонариками, а праздничная церемония началась с факельного шествия и вручения роскошных подарков, которым не было числа. Особенно растрогал Викторию браслет, выполненный по эскизу ее младшей дочери принцессы Беатрисы. Тесно прижавшиеся друг к другу бриллианты, сапфиры и рубины символизировали неразрывную связь метрополии со всей империей. Не обошлось и без досадного недоразумения: у низама Хайдарабада за несколько дней до его отъезда в Лондон украли бриллиант стоимостью в 300 тысяч фунтов стерлингов, который он собирался преподнести в подарок королеве-императрице. Но она едва ли расстроится по этому поводу: у нее и без того было достаточно драгоценных камней, вошедших в легенду, в частности, самый большой в мире бриллиант «Кохинор» и четыре крупных бриллианта, украшавших ее браслет, два из которых принадлежали Марии Антуанетте, третий — двоюродной сестре Виктории принцессе Шарлотте и последний — несчастной Марии Стюарт.

Виктория всегда любила золото и драгоценные камни. В Южной Африке только что было открыто новое золотоносное месторождение, получившее в ее честь название «Юбилейная золотая шахта». На торжественном ужине, устроенном в Букингемском дворце накануне большого парада, королева согласилась появиться не в обычном траурном платье, а в сари, изготовленном в Индии из тончайших золотых нитей. На столе сверкал золотой сервиз английских королей. В огромной золотой вазе, захваченной у Непобедимой армады, стояла охапка орхидей, свезенных со всех концов империи.

Праздничное меню из тринадцати блюд шеф-повар, француз по

национальности, составил на французском языке, и лишь одно название значилось там на английском — традиционный «гоаз[^]БееГ». Девяносто приглашенных на ужин гостей вынуждены были положить вилки, как только ее величество проглотила свой последний кусок.

Чтобы разместить гостей, которых королева была не в состоянии принять у себя во дворце, в Лондоне была построена самая большая в мире гостиница «Сесил»: во все ее комнаты, а их насчитывалось тысяча двести пятьдесят, было проведено электричество. Виктория забронировала там шестьдесят пять комнат, посольство Китая тридцать, а раджа Капурталы около сотни. Гостиница имела собственные турецкие бани, почтовое отделение и дюжину лифтов, доставляющих постояльцев на все тринадцать этажей. Ресторан мог одновременно принять тысячу посетителей, которых обслуживали двести официантов.

На следующий после торжественного парада день королева дала четыре приема: на них было приглашено около тысячи двухсот лордов и депутатов обеих палат парламента, главы советов графств, а также четыреста мэров и членов муниципалитетов, почти каждый из которых вручил ей прошение. Гостей было такое количество, что принять их всех согласно официальному протоколу не было никакой возможности. Едва ли не половина членов палаты лордов и три четверти членов палаты общин не смогли лично предстать перед королевой, и той, дабы не дать разыгаться обидам, пришлось организовать для них два больших приема из серии «garden-parties»^[5].

А когда вечером королева покинула Букингемский дворец и отправилась на Паддингтонский вокзал, ее провожала еще более многочисленная толпа, отнюдь не выглядевшая усталой после бессонной ночи и желающая во что бы то ни стало полюбоваться на новый королевский поезд с вагонами цвета шоколада и окнами из драгоценного красного дерева. Изнутри вагон-гостиная королевы был обшит деревянными панелями, а кресла и диваны из красного дерева с выгравированными на нем золотыми львами были обтянуты бело-зеленым атласом в тон ковру. Массивные серебряные светильники распространяли — невиданное новшество для того времени — электрический свет, который по желанию можно было регулировать.

По приезду в Виндзор Викторию ожидали новые поздравления, новые «Боже, храни королеву» и в довершение всего — выстроившиеся вдоль дороги во дворец учащиеся Итона, которые исполняли в ее честь песни. Перед тем как отбыть обратно к местам своей службы, колониальные войска прошли торжественным маршем перед ее величеством.

Командующий армиями лорд Робертс и лорд Метьюэн ехали с одной и другой стороны кареты и говорили на ухо королеве названия проходивших воинских подразделений. Сикхам она сказала несколько слов на хинди — языке, которому обучал ее любимый индийский слуга, ее Мунши, и не удержалась от замечания, что все они «очень красивые мужчины». Всю жизнь Виктория была равнодушна к красивому мужскому телу. В Бальморале она восхищалась коленями своих шотландских *ghillies*^[6]. И любила, когда Альберт и ее сыновья надевали традиционные шотландские килты.

Парады, военно-морские смотры, приемы, балы, обеды следовали друг за другом в течение двух недель по всему королевству и империи в целом, где верноподданные слуги ее величества неизменно заканчивали свои бесчисленные возлияния криками «ура» и тостами «за королеву». Во Франции на побережье Нормандии в гостинице «Берневальский пляж» толстый англичанин в элегантном костюме — некто господин Мелмот — собрал весь цвет местного общества: кюре, начальника почты, учителя, а также пригласил учеников местной школы. Ресторан гостиницы украсили цветными фонариками и английскими национальными флагами. Гости лакомились клубникой со сливками и шоколадным кремом. А потом внесли огромный торт, на котором было написано по-французски розовой глазурью: «Юбилей королевы Виктории». Господин Мелмот зааплодировал, подавая пример другим, и провозгласил тост за свою любимую государыню, а хозяин гостиницы, в свою очередь, поднял бокал за щедрого англичанина, одарившего подарками всех присутствовавших на празднике детей.

Под именем господина Мелмота во Франции жил Оскар Уайльд, вышедший месяц назад — в шесть часов утра 19 мая — из одиночной камеры в тюрьме города Рединга после двухлетнего заточения там, к которому он был приговорен за «содомию», как в притворно добродетельной Англии именовали гомосексуализм. В тюрьме с ним обращались так, как «не посмели бы обращаться, — уверял он, — даже с животными». Он страдал от голода, бессонницы, тяжелой болезни. Ему не разрешали ни читать, ни писать. Он похудел на десять килограммов. Умрет он, кстати, от последствий этого жестокого обращения. Но при всем том он захотел отпраздновать юбилей Виктории, которая, по его мнению, входила в тройку «великих людей» XIX века вместе с Наполеоном I и Виктором Гюго. Он любил ее. «Она похожа, — уверял он, — на рубин, оправленный в гагат».

Оскар Уайльд не был злопамятным. А ведь именно в день рождения

королевы, 24 мая 1895 года, в атмосфере морально-патриотического рвения его осудили за постыдную связь с лордом Дугласом, вторым сыном лорда Куинсберри. Во время своей обвинительной речи прокурор не удержался от восклицания: «Это худшее из дел, которое мне когда-либо приходилось вести!» — что вызвало шумное одобрение зала. На следующий день пресса единодушно рукоплескала вынесенному приговору. Лишь «Дейли кроникл» позволила себе некоторое сочувствие в адрес самого великого драматурга XIX столетия. В течение месяца Уайльд подвергался «наказанию кнутом», после чего его друг Альфред Дуглас обратился к королеве с прошением о снисхождении к несчастному. Но министр внутренних дел «выразил сожаление, что не мог посоветовать ее величеству удовлетворить это ходатайство».

Между тем Уайльд не был для Виктории первым встречным. Когда принц Уэльский впервые повел свою мать в театр через двадцать лет после смерти Альберта, он повел ее на пьесу под названием «Полковник», которая представляла собой сатиру на Оскара Уайльда. Шестью годами позже Уайльд обратился к королеве с просьбой написать стихотворение в его газету «The Ladie's World»^[7]. Виктория отказала ему, но в целом публикации в его газете ей понравились.

Уайльд вбил себе в голову, что ему непременно нужно предстать перед судом, ибо «если он должен быть осужден, то и эпоха должна разделить с ним эту участь», — говорил он. Карая его за гомосексуализм, английское общество демонстрировало собственное лицемерие. Уайльд подозревал лорда Роузбери, пользовавшегося расположением королевы, в гомосексуальной связи с его личным секретарем, который был не кем иным, как старшим братом Дугласа. Правда, в самом начале процесса Роузбери намеревался выступить в защиту обвиняемого, но его коллега Бальфур отговорил его от этой затеи: «Если вы сделаете это, то проиграете на выборах».

В историю имя королевы Виктории вошло как синоним воинствующего пуританства, поработившего английское общество и все народы Британской империи. А между тем сама государыня не являлась инициатором этой культурной контрреволюции. Она сочувствовала ей, следила за ней, возможно даже слегка «сдерживала», как уверяла «Таймс» утром в день ее юбилея. Ее восшествие на престол совпало с бурным развитием методистской церкви, которая насаждала респектабельность с усердием, достойным святой инквизиции. На смену развращенности английской аристократии — «самой развратной аристократии в Европе» — пришла возрождающаяся религиозность, во всяком случае, среднего класса

и народных масс, что стало отличительной чертой нового времени.

В ее царствование расплодились эти гадкие частные школы, ставшие декорациями множества романов от «Джен Эйр» до «Дэвида Копперфилда». Детям там прививали отвращение к тленной плоти, «этой мерзости, недостойной какой-либо заботы». Пылающие священным огнем «их преподобия» с гладко выбритыми лицами поучали, что смех и развлечения суть силки, расставленные Лукавым. По воскресеньям все кабаки и лавки закрывались. Любые виды трудовой деятельности запрещались. Богобоязненность объявлялась истоком мудрости. Смерть стала любимой темой художников. Отдых целиком посвящался чтению лучшей книги на Земле — Библии. Она закаляет души, которые ничем не испугать, ничем не обескуражить, ничем не сразить. Она требует от жен безропотности и покорности Божьей воле, велит им носить черные платья, не позволяющие разглядеть под ними признаков женственности.

Эту философию разделял и ее Альберт, немецкий принц, чопорный, педантичный, трудолюбивый, до смерти серьезный. Королева и принц поженились, когда обоим было по двадцать лет. Безумно влюбленная Виктория сразу же разделила непоколебимые принципы своего супруга. Юный принц, напуганный революциями, сметавшими с лица Земли один за другим королевские дворы Европы, был уверен, что лишь строжайшая мораль может спасти английскую корону. Овдовев, Виктория свято следовала политическому завещанию мужа. «Абсолютно во всем его желания, его планы, его взгляды должны быть для меня законом, и никакие силы мира не заставят меня отклониться от той линии, что он начертал», — написала она 24 декабря 1861 года, спустя десять дней после смерти принца-консорта.

Министры никогда не пытались увести ее с этого пути, даже наоборот. Будь то виги или тори, все они были убеждены, что могущество и процветание Британской империи напрямую зависят от престижа монархии. Для Гладстона, равно как и для Дизраэли, политика была лишь «возвеличиванием культа ценностей». Каких ценностей? Трудолюбия и набожности, естественно, но в первую очередь — уважения к семье. Альберт даже запретил разведенным женщинам появляться при дворе. Находясь в 1889 году на отдыхе в Биаррице и будучи в гостях на вилле герцога де Ларошфуко, Виктория заявила, что как глава англиканской церкви она не может сидеть за одним столом с герцогиней, разведенной в первом браке. Настойчивость герцога, ссылавшегося на «Максимы» своего предка, так и не смогла поколебать королеву Англии.

А между тем эта пожилая дама в черном, один взгляд которой повергал

порой окружающих в ужас, не так уж сильно, как можно было бы подумать, отличалась от той юной девушки — пылкой, наивной и жизнерадостной, — которая в пору своего восшествия на престол обожала скакать на лошадях и танцевать до упаду, а на заре после бала любоваться восходом солнца над Темзой.

Говоря о своем старшем сыне принце Уэльском, обожавшем Париж, женщин и азартные игры, она не постыдилась признаться: «Бедный Берти — это мой карикатурный портрет». И добавила: «Как бы он заставил страдать своего бедного папу!» При этом после смерти Альберта ее личная жизнь не раз давала повод для скандалов. Выставляемая ею напоказ в течение двадцати лет ее близость со слугой-шотландцем по имени Джон Браун периодически провоцировала шумные кампании в прессе. Даже за границей ее называли «миссис Браун», в Англии же это прозвище оставалось за ней до конца XX века. После смерти Брауна она написала одному из своих внуков: «Твоя бабушка потеряла своего лучшего друга».

Одновременно безжалостная и снисходительная, расчетливая и расточительная, чудовищно эгоистичная, но вместе с тем умеющая вдруг проявить чуткость к другим, она и ее противоречивый характер постоянно приводили в замешательство тех, кто сталкивался с ней близко. Следуя советам Альберта, она постоянно боролась с собой, обуздывая свою горячую натуру, порой выплескивающуюся в приступы бешенства. Но с годами она все реже и реже крушила в гневе все, что под руку попадет, как это случилось с ней за несколько дней до юбилея, когда придворные посоветовали ей не брать на церемонию ее любимого Мунши, которого она всегда желала видеть на почетном месте.

Бабушка всей Европы, Виктория правила в своей семье едва ли не так же, как в своем королевстве. Мужьями ее внуков стали или готовились стать король Норвегии, король Греции, король Швеции, король Румынии, король Испании и царь России. Почти все остальные были замужем за принцами крови. Эти браки были делом ее рук. Были предметом ее гордости и неусыпного внимания. Она забрасывала свое потомство письмами с внушениями и советами на все случаи жизни. Демонстрировала свою любовь, не скупясь на похвалы. Не забывала ни один праздник, ни один радостный или печальный памятный день. Никого не оставляла без подарка. И хотя порой это были поистине королевские подарки, расточительства она никогда не поощряла. Вики просит, чтобы ей в Берлин прислали новую тарелку, которую можно греть, чтобы подавать на ней детям ужин? Пожалуйста, но пусть она вернет старую, та еще послужит им в Виндзоре. Постепенно при дворе была создана буржуазная

модель добропорядочной, набожной и дружной семьи, которая распространилась на все общество.

Подобно Эмили Бронте Виктория в восемнадцать лет заявила: «Я выйду замуж только за того мужчину, которого люблю». И она сделала это, не поступившись интересами государства. Ее девять детей также вступили в браки по любви. Королева особо настаивала на этом. И что удивительно: несмотря на политические конфликты и даже войны, во время которых они порой оказывались по разные стороны фронта, они всегда оставались дружной семьей. Их монарший долг перед своими государствами не мешал им любить и поддерживать друг друга. И англичане догадывались, что именно это многочисленное счастливое семейство и спасло корону. Корону, которая при восшествии Виктории на престол была посмешищем всего мира и позором Англии.

Глава 2

«Наполеон повержен!» «Корсиканское чудовище позорно отреклось в Фонтенбло от власти!» «В Париже союзники восстановили на французском престоле Людовика XVIII!» Англичане набрасывались на газеты и с трудом решались верить набранным крупными буквами заголовкам «Таймс» или «Курьера», номера которых они рвали друг у друга из рук весной 1814 года. Как же долго длилась эта война! Долгожданный мир наступил! Император сослан на остров Эльба!

Все эти новости, заставлявшие Лондон надуваться от гордости, а три четверти Европы визжать от радости, оставляли равнодушным лишь одного человека: английского короля. А между тем Георг III всегда считал этого узурпатора-корсиканца своим личным врагом. Но сейчас, в семьдесят пять лет, в сиреневом домашнем халате, с длинной седой бородой, падающей ему на грудь, он бродил по комнатам своего Виндзорского замка, этакий король Лир, слепой и почти оглохший. Его величество устраивал смотр деревьям в парке, принимая их за гренадер, слушал пение ангелов, уверял, что видит в телескоп свое Ганноверское королевство, и рвался спасти Лондон от привидевшегося ему наводнения.

Жуткое видение Наполеона, громящего русские войска под Фридландом в 1807 году, Наполеона, подписывающего Тильзитский мир и делящего Европу с царем Александром, было не единственным его кошмаром. Георг III никак не мог оправиться от потери колоний в Америке, которые рассматривал как личную собственность и чью независимость ему пришлось признать в 1783 году. А еще он ненавидел ирландцев, этих проклятых папистов, хотевших быть хозяевами на своей земле, тогда как он, король Англии, торжественно поклялся во время своей коронации защищать интересы англиканской церкви.

Вот уже четверть века он страдал порфирией. Этой болезнью, передающейся по наследству, которой подвержены как мужчины, так и женщины и симптомами которой являются высыпания на коже, моча красного цвета, а главное — приступы безумия, сменяемые периодами ремиссии. Этот диагноз был поставлен его предку королю Якову Шотландскому доктором Тюрке де Майенном.

Первый приступ безумия случился у Георга III еще в 1788 году. Король впал тогда в такое буйство, что на него пришлось надеть смирительную рубашку. В 1811 году несчастного государя официально объявили

сумасшедшим. Парламент без всякого энтузиазма вынужден был назначить регентом его сына Георга, принца Уэльского, который оспаривал у графа д'Артуа титул «первого джентльмена Европы», но на деле был просто фатом, распутником и пьяницей, прозванным жирным «Prinny» — жирным «Павлином».

Принц-регент обожал роскошные празднества и не мог упустить случая широко и весело отметить эту долгожданную победу над Наполеоном. Его резиденция в Карлтон-хаусе была украшена огромной светящейся композицией, прославляющей Людовика XVIII, который с 1807 года жил в Англии, предоставившей ему убежище. Множество свечей, зажженных среди геральдических лилий, образовали надпись: «Да здравствуют Бурбоны!»

Народ ликовал и ночь напролет ходил по кабачкам, где пиво лилось рекой. 25 июня в Дувре встречали как героя возвращавшегося из Испании Веллингтона. Его путь к столице превратился в триумфальное шествие, а в Лондоне толпа распрягла его лошадей и сама потащила его карету. Все средства, позволявшие забыть тяготы осады, были хороши. Англия торжествовала, но была совершенно разорена. Караваны судов перегородили Темзу, в доках скопилось огромное количество мешков с сахаром, чаем и хлопком, текстильные фабрики не работали и не выпускали свою продукцию. Развитие машинного производства стало причиной роста армии безработных, которую пополнили двести тысяч солдат и матросов, вернувшихся домой после победы.

Аристократия же вздохнула с облегчением. Она избежала революции, термидорианских гильотин^[8] и рек крови, которые, казалось, никогда не обмелеют. Наполеон так и не высадился в Англии, и лорды не лишились ни одного из своих прав. А также остались при своих богатствах. Они правили страной, четыре пятых территории которой находилось в их владении. Беда, свалившаяся на французскую знать, позволила им за бесценок скупить принадлежавшие ей картины и мебель и богато обставить свои замки из шестидесяти комнат, в которых они проводили лето, а главное — осень, сезон охоты.

Гостей там принимали с неслыханной роскошью. Лорд Эгрмонт, например, держал в своем имении Петворт триста лошадей. В Бельвуаре у герцога Ратленда день и ночь играл для гостей военный оркестр, а в столовой для слуг были накрыты столы на сто человек. В Четсворте герцог Девоншир разъезжал по своим владениям в коляске, запряженной шестеркой лошадей, в сопровождении восьми фореиторов в ливреях. А его лондонский дом был «достоин императора».

Вместе с Мельбурн-хаусом и Холланд-хаусом Девоншир-хаус являлся одним из трех интеллектуальных оплотов партии вигов, чья репутация уже сложилась. Хрусталь огромных канделябров и пламя свечей отражались, повторяясь бесчисленное количество раз, в многочисленных зеркалах. После Ватерлоо балы следовали за балами, являя собой «сверкающее море украшений, драгоценных камней, перьев, жемчуга и шелка». Шампанское, бордо, порто лились рекой, и каждый день на утренней заре четыре тысячи представителей привилегированного класса все еще были на ногах, они пили черри и танцевали кадрили в тот час, когда рабочие уже шли на свои фабрики.

Эта ветренная аристократия перебиралась в город в феврале — к открытию парламентской сессии, поскольку в верхней палате парламента практически все места принадлежали ей. Начинался лондонский сезон с его великосветскими раутами, на которых подыскивали женихов для заневестившихся дочек. Политическая жизнь была совсем не обременительной для благородных лордов. По утрам они прогуливались в парке. Выйдя из парламента, направлялись в свой клуб, где в семь часов вечера ужинали, после чего, если не было никакого бала, появлялись в театре или в опере, а потом возвращались в клуб, чтобы покинуть его лишь на рассвете.

Мода требовала от мужчины, чтобы он много пил. Человек, не способный выпить за ужином две бутылки вина, был плохим сотрапезником. Достижения на этом поприще комментировалось следующим образом: «У этого джентльмена сил на четыре бутылки... у этого — на пять...» Лорды Пенмур и Дафферин прославились тем, что могли вопить по шесть бутылок. А высокородный и многоуважаемый лорд Грей порой приезжал в свой Брукс-клуб «пьяным, как лорд», что уже давно вошло в поговорку.

Азартные игры были не в меньшем почете. Еще в XVIII веке лорд Холланд специально выдавал своему пятнадцатилетнему сыну, Чарльзу Джону Фоксу, крупные суммы денег, «чтобы позволить ему достойно пройти школу игрока». Вокруг столов, обитых зеленым сукном, юные наследники проигрывали или выигрывали целые состояния, не выходя из своей обычной меланхолии. К ипподрому в Ньюмаркете, где высшее общество собиралось трижды в год, прибавился ипподром в Аскоте. Играли в клубах, играли у Уайта, Ватье и Алмака. Иногда партия заканчивалась дуэлью на пистолетах или вульгарной потасовкой. На Бонд-стрит кумиры золотой молодежи Джексон и Анджело обучали всех желающих новому виду боевого искусства под названием «бокс».

С окончанием войны высшие слои общества охватило настоящее безумие. Регент нанял архитектора Джона Нэша, и тот построил для него в Брайтоне «восточный павильон» с куполами, минаретами и красным музыкальным салоном, где он возлежал на подушках эдаким сатрапом. А лорд Байрон, дядя поэта, развлекался в своей замке Ньюстед тем, что, растянувшись на полу кухни, устраивал прямо у себя на животе бега сверчков, которых его милость подстегивал соломинкой, если те двигались слишком медленно. Никто уже почти не удивлялся тому, что леди Холланд во время званого ужина вдруг начинала пересаживать гостей. Еще меньше удивлялись, наблюдая, как знаменитый Веллингтон пытался оседлать на ярмарке деревянного коня или цеплялся за ковер, который тянул за собой по коридору герцог де Фэр и на котором лежало и болтало в воздухе ножками прелестное создание.

Богатый банкир Томас Куттс обожал разгуливать по городу, вырядившись в лохмотья. Лондон, снискавший в последнюю треть XVIII века славу столицы мужской элегантности, вдруг обуяла «страсть к моде». «Денди» состязались друг с другом в экстравагантности. Юный лорд Пальмерстон обожал зеленые перчатки. Лорд Байрон ездил верхом в белой шляпе и светло-сером плаще. Бруммель часами просиживал перед зеркалом и безжалостно мял накрахмаленные полоски муслина и батиста, которые подавал ему лакей, пытаясь найти тот единственный узел, что сделал бы его галстук неподражаемым.

При этом отнюдь не считалось зазорным и неэлегантным произносить при дамах соленые и даже откровенно грубые слова. Каждый джентльмен имел одну или несколько любовниц из высшего общества или дам полусвета. Молодой пэр должен был уметь пить и играть в азартные игры, но помимо этого ему полагалось волочиться за женой своего соседа, а потом, получив свою долю удовольствий, жениться на наследнице солидного состояния или богатой вдове. Адюльтер был обычным делом и никого из этой аристократии, влюбленной в итальянское Возрождение, не шокировал. У лорда Грея было пятнадцать внебрачных детей, а все сыновья леди Оксфорд были похожи на самых симпатичных друзей ее мужа.

Вопреки этой традиции безумный Георг III был первым королем, который никогда не изменял своей жене. Она родила ему пятнадцать детей. Семь его сыновей и пять дочерей были еще живы. Так что, казалось, будущее династии вроде бы обеспечено! Увы, лишь четверо из них вступило в брак и лишь у регента была одна-единственная законная дочь. Заботясь о том, чтобы корона перешла к достойным наследникам, Георг III всех своих детей воспитывал в строгости, он приглашал к ним

наставников-немцев и не баловал деньгами. Напрасный труд: погрязшие в долгах принцы весело и на широкую ногу жили со своими любовницами, от которых приживали внебрачных детей. Все они люто ненавидели друг друга, из-за их ссор, капризов и резкой смены настроений политическую жизнь страны постоянно лихорадило.

Регент был безумно влюблен во вдову-католичку Марию Фицгерберт, с которой якобы тайно обвенчался. Эти слухи он упорно отвергал. Долгов у него было на 400 тысяч фунтов стерлингов, и, чтобы получить у парламента новые субсидии, он согласился на брак с одной из своих немецких кузин, Каролиной Брауншвейгской, которую никогда прежде не видел, и женился на ней в марте 1795 года. Принцесса была толстой, с волевым подбородком и внушительным бюстом, и никогда не мылась. «Мне дурно, дайте мне скорее рюмку коньяку!» — воскликнул принц, увидев ее в первый раз. Он не испытывал к ней ничего, кроме отвращения. Принцесса сама признавалась, что их супружеские отношения продлились всего одну ночь. Ночь была единственной, но увенчалась успехом: спустя девять месяцев, 7 января 1796 года, на свет появилась принцесса Шарлотта, единственная наследница престола, чье рождение ознаменовало собой окончательный разрыв между ее родителями.

Второй сын Георга III — герцог Йоркский — был любимцем отца. Образованный и серьезный, он был назначен главнокомандующим английской армией в войне с Наполеоном, но проявил себя весьма посредственным военачальником, если не сказать — совершенно бездарным. Зато он попытался реорганизовать армию, в которой царила полная неразбериха. К несчастью, его любовница Анна Кларке втянула его в спекуляцию наградами и сильно скомпрометировала. У него не было детей от законной супруги Фредерики, которой он открыто изменял, что странным образом сказалось на герцогине: «Она почти не спала, час-два, не больше. Вставала, одевалась, завтракала в три часа утра, после чего шла гулять со всеми своими собаками и почти никогда не возвращалась домой раньше обеда».

Третий — Уильям, герцог Кларенс — в тринадцать лет пошел служить на флот. «Я хочу, чтобы с ним обращались без всяких церемоний», — потребовал его отец. В 1790 году Уильям влюбился в актрису Доротею Джордан, имел от нее десять внебрачных детей, получивших фамилию Фицкларенс, и жил с ними в Буши-хаусе, обремененный огромными долгами.

Четвертый — герцог Кентский, будущий отец Виктории — был «далеко не худшим в этой компании, но внешне малосимпатичным». Он

был толстым, с редкими волосами и крашеными бакенбардами, отец и братья ненавидели его за лицемерие. Веллингтон прозвал его «капралом» за то, что тот мнил себя великим стратегом и хвастался своими победами в Канаде, на Антильских островах и в Гибралтаре, а служившие под его началом солдаты терпеть его не могли. Он семь лет провел на военной службе в Германии, где стал ярым приверженцем железной дисциплины, которую пытался насаждать в своих войсках. За малейшую небрежность в ношении формы его провинившиеся подчиненные получали по сто ударов кнутом. Солдаты бунтовали и дезертировали. Одному несчастному, которого поймали в какой-то канадской таверне, всыпали девятьсот девяносто девять ударов кнутом. Другого приговорили к смерти и перед казнью заставили его, облаченного в саван, пройти за собственным гробом по улицам Оттавы. Герцог гарцевал на коне во главе маленькой процессии. В 1803 году, после последнего бунта его солдат в Гибралтаре, его отозвали в Англию, и он удалился в свое имение в Илинге, где жевал и пережевывал свои военные поражения в компании старой любовницы, француженки по имени Жюли де Монжене де Сен-Лоран.

В пику своему брату-регенту, он демонстрировал либеральные взгляды, посещал салоны вигов и богатейшего промышленника, увлекшегося идеями социализма, Роберта Оуэна. Правда, злые языки утверждали, что в Оуэне его интересовали не столько передовые идеи, сколько кошелек, в который герцог, настоящий мот, без конца запускал руку. Его долги были столь велики, что в августе 1816 года он был вынужден бежать от кредиторов в Брюссель.

Оставались еще три сына: герцог Суссекский, великий магистр франкмасонов, имевший двоих детей от леди Августы Мюррей, брак с которой так и не был признан. Герцог Камберлендский, худший из всех со своим черепом головореза, сплошь покрытым шрамами от ран, полученных на войне. И, наконец, герцог Кембриджский, ничем не примечательный и неженатый. Что касается дочерей, то все они, по велению отца, жили в строгом затворничестве. Трем из них все же удалось выйти замуж, но их дети умирали в младенчестве. София в 1800 году родила сына от старого конюшего своего отца, но никто никогда не видел этого бастарда, чье появление на свет переполнило чашу терпения Георга III и окончательно помutilо его рассудок.

Шарлотта, дочь регента, была любимицей нации. Заложница непрекращавшихся конфликтов между родителями, она выросла, воспитанная как мальчик и не слишком отягощенная моральными принципами. В семнадцать лет она превратилась в капризную,

очаровательную и вполне созревшую для замужества барышню. В 1813 году регент решил выдать ее замуж за наследного принца Оранского, дабы упрочить связи Англии с Голландией и укрепить свои позиции в Антверпене, который являлся плацдармом британской торговли в Европе. Белокурая принцесса, увидев жениха, которого ей прочил отец, пришла в ужас: «Он мне кажется таким уродом, что я порой ничего не могу с собой поделать от отвращения и отворачиваюсь от него, когда он со мной разговаривает. Я с радостью бы побыстрее вышла замуж, чтобы обрести свободу, но только не за принца Оранского...»

Но, подчинившись воле отца, она согласилась еще раз встретиться с этим неуравновешенным и эгоистичным человеком, который жил лишь ради азартных игр и женщин. В марте посол Голландии официально попросил ее руки. Но в июне все разрушилось: Шарлотта категорически отказалась жить по полгода за границей.

Тогда она обратила свое внимание на племянника прусского короля. Отец посадил ее под замок. И тут появился новый претендент на ее руку — Леопольд Саксен-Кобургский. Этот немецкий принц служил в русской армии и после Ватерлоо прибыл в Англию в свите российского государя. Он каждый день прогуливался верхом на лошади по парку, чтобы издали поприветствовать принцессу. Та благосклонно отнеслась к ухаживаниям Леопольда, но регент пришел в ярость, что какой-то младший отпрыск правящего дома крошечного Кобургского княжества осмеливается заглядывать на его дочь, и не собирался сменять гнев на милость. Но это не испугало молодого человека. Ему пришлось уехать из Англии на конгресс в Вену, и он переписывался с Шарлоттой при посредничестве Эдуарда, герцога Кентского, для которого не было большего удовольствия, чем возможность досадить брату. Конюший герцога служил влюбленным курьером.

Регент не смог побороть упрямства дочери и в феврале 1816 года пригласил Леопольда в свой Красный павильон в Брайтоне. У принца было прекрасное воспитание, и к тому времени он уже успел снискать благосклонность двора. И народа тоже. Спустя три месяца ко всеобщей радости молодые люди сочетались браком в Карлтон-хаусе.

Леопольду удалось таким образом обеспечить свое будущее, а своенравной принцессе — отстоять свою свободу. Поселились они в Мальборо-хаусе. Но самые счастливые дни провели в своем загородном имении Клермонт в двадцати километрах от Лондона. Этот очаровательный замок с колоннами в палладианском стиле и парк площадью в восемьдесят гектаров были куплены парламентом и преподнесены им в качестве

свадебного подарка от нации. Когда пышнотелая Шарлотта принималась хохотать во все горло или топтать ногами, серьезный Леопольд шептал ей на ушко: «Тихонько, тихонько», и она прозвала его «господин Тихонько». Но они были искренне привязаны друг к другу и любили петь дуэтом перед друзьями, например, перед герцогом и герцогиней Орлеанскими, которые жили по соседству с ними в Твикенгеме. «Мой хозяин самый лучший супруг, какого только можно найти на всех пяти континентах. Что касается его жены, то ее любовь к нему так велика, что сравнима лишь с величиной британского долга», — растроганно воскликнул как-то их личный врач Штокмар, приехавший в Англию вместе с Леопольдом из Кобурга.

Наследник! Вместе с ними о нем мечтала вся Англия! После двух выкидышей Шарлотта вновь была беременна. На этот раз роды ожидались в октябре. Октябрь наступил, дни шли за днями, а ребенок все не появлялся на свет. Молодой женщине регулярно делали кровопускания и ставили клизмы. Ей рекомендовали поменьше есть, но это не улучшало состояния ее здоровья. Она впала в депрессию и очень жалела о том, что рядом с ней не было ее матери: та жила в Италии в окружении богемы. Шарлотта написала ей умоляющее письмо, но оно осталось без ответа.

Лишь через две недели после назначенного срока родов у нее начались схватки. Вопреки обычаю того времени, Леопольд ни на миг не покидал жену. Продолжавшиеся двадцать часов схватки вместо того, чтобы стать чаще, вдруг наоборот пошли на убыль. Доктор Крофт, до ужаса боявшийся причинить какой-нибудь вред своей августейшей пациентке, отказывался применять акушерские щипцы и настаивал на том, чтобы все шло естественным путем. В девять часов вечера Шарлотта разрешилась наконец от бремени мертвым мальчиком. Смерть ребенка, наступившая перед самым его появлением на свет, ясно указывала на то, что произошла она по вине врача.

Переживая за мужа, несчастная принцесса нашла в себе силы и прошептала: «Надеюсь, что в следующий раз нам повезет больше». Ей было всего двадцать лет. Но ближе к полуночи ее начало лихорадить. Врач заставил ее выпить портвейна, надеясь, что это ее согреет. Штокмар не был уверен в том, что его английские коллеги выбрали для принцессы правильное лечение, но не осмелился им противоречить, наблюдая со стороны за этой чередой врачебных ошибок. Шарлотта, заметив его, пробормотала между двумя приступами икоты, называя его на английский лад: «Стокки, они напоили меня!» Это были ее последние слова. Через пять часов после родов она последовала за своим ребенком, умерев от разрыва матки.

Немецкий доктор побежал будить принца: тот встал на колени возле кровати жены и обливал слезами ее ледяные руки. Подняв глаза на Штокмара, не менее расстроенного, чем он сам, он воскликнул: «Обещайте мне, что вы никогда меня не оставите!» Регент на долгие месяцы заперся в своем павильоне в Брайтоне. Он переживал не только из-за смерти дочери, еще сильнее он переживал оттого, что теперь у него не было наследников. Он не присутствовал на похоронах принцессы, организованных с большой пышностью; прощание с ней началось еще с ночи, так делалось всегда, когда умирал кто-нибудь из королевской семьи, и это придавало церемонии особую трагичность. В карете, задрапированной черной тканью, Леопольд проследовал за останками супруги в церковь Святого Георгия в Виндзоре, где герцоги уже начали ссориться между собой, выясняя у кого больше прав на корону.

Народ же был безутешен. «Нация, обожавшая очаровательную принцессу Шарлотту, потеряла ее, такую счастливую, такую красивую, преисполненную самых радужных надежд, — писала отцу княгиня Ливен, жена российского посла. — Невозможно отыскать в истории народов и семей другого события, которое вызвало бы столько слез и горя, сколько это. На улицах можно наблюдать множество плачущих людей низших сословий, а церкви постоянно переполнены. Закрытые в течение двух недель лавки — факт еще более красноречивый, ведь речь идет о нации, большая часть населения которой живет торговлей. И, наконец, все, от первого до последнего, пребывают в такой тоске, которую невозможно описать».

Для Леопольда этот национальный траур обернулся выгодой: парламент оставил в его владении Клермонт и назначил годовое содержание в размере 50 тысяч фунтов стерлингов пожизненно. Страна же не знала, в чью сторону ей теперь поворачиваться. Как писал Шелли в своем знаменитом сонете, англичанам больше некого было любить:

*Король — слепой, безумный, враг свободы,
Увенчанный короной старый плут,
Ублюдки-принцы — все одной породы:
В чаду зловонном заживо гниют.
Пиявки — вот правители народа!
Впились в него и кровь его сосут,
Народ — в плену у голода, под гнетом Насилья сытых, дышащий
едва... ^[9]*

Парламент, голосовавший за назначение принцам рент и списание их долгов, и Англия, долгие годы содержавшая их всех, требовали у них наследника. На что герцоги, осаждаемые кредиторами, отвечали, что государство должно назначить им за это свою цену. «Если правительство настаивает на моей женитьбе, — писал герцог Кларенский своей матери, — пусть оно скажет, что может и собирается мне предложить в качестве содержания. Поскольку, если я не буду знать заранее их намерений в отношении денег, я не смогу сделать никакого предложения даже самой последней из принцесс. У меня десятеро детей, которые полностью, то есть абсолютно от меня зависят. Мой суммарный долг составляет 40 тысяч фунтов стерлингов, с которого я, естественно, выплачиваю проценты, и это не говоря о текущем долге, равном 15 тысячам фунтов стерлингов».

Подобный же сигнал поступил от герцога Кентского. В момент смерти Шарлотты он находился в Брюсселе без гроша в кармане. «Мое содержание в случае женитьбы (если я, конечно, женюсь) ради появления наследников, по моему разумению, должно быть таким же, какое получил после своей женитьбы герцог Йоркский. Речь тогда шла о женитьбе ради продолжения рода, и один лишь этот факт послужил основанием для назначения ему содержания в размере 25 тысяч фунтов стерлингов, не считая всех остальных доходов. Я соглашусь на эти условия несмотря на то, что с 1792 года деньги заметно обесценились. Что касается погашения моих долгов, то я не считаю этот вопрос первостепенным. Даже наоборот — это государство еще много чего должно мне».

Этот базарный торг возмутил парламент, отнюдь не склонный к растратничеству государственных средств. Особенно негодовала оппозиция. В результате столь бурных дебатов, что их пришлось проводить при закрытых дверях, герцогам пришлось удовольствоваться дотацией в 6 тысяч фунтов стерлингов в год. Да и эти деньги будут вычитаться из того содержания, что полагалось их отцу, безумному королю Георгу III. Национального героя Англии герцога Веллингтона такое решение порадовало: «Герцоги нанесли личные оскорбления двум третям английских джентльменов. Стоит ли удивляться, что палата общин захотела отомстить им? Ей представился удобный случай, и, черт побери, я думаю, у нее были все основания не упустить его!» Герцог Кларенский тут же открыл охоту на невест, но с полдюжины претенденток ответили отказом на предложение этого папаши десятерых детей. «Так, значит, он хочет стать королем, жениться и завести детей?! Бедняга! Да поможет ему Бог!» — воскликнул с издевкой его брат Эдуард, герцог Кентский. Сам же он остановил свой выбор на сестре Леопольда Виктуар Лейнинген,

тридцатидвухлетней вдове, болтливой и амбициозной, у которой уже было двое детей от первого брака: Чарльз и Феодора. Таким образом он рассчитывал обратить себе на пользу ту популярность, которую снискал у английского народа супруг покойной принцессы Шарлотты.

Леопольд не возражал против этого брака. Герцог Кентский был его любимым английским дядюшкой. Единственным, кто вызвался помочь ему, когда регент противился его женитьбе. Еще при жизни Шарлотты юная чета мечтала о том, чтобы женить их дядю Эдуарда на Виктуар Лейнинген.

Но Виктуар, регентша крохотного Аморбахского княжества, не торопилась вновь выходить замуж. В семнадцать лет она стала женой немолодого, но в то время довольно богатого князя Лейнингена, который через одиннадцать лет после свадьбы умрет совершенно разорившимся из-за беспорядочного образа жизни и последствий наполеоновского нашествия. После его смерти молодая амбициозная вдова навела порядок в пришедших в упадок владениях. Прекрасно осведомленная о финансовом положении герцога Кентского, она понимала, что после свадьбы лишится 5 тысяч фунтов стерлингов годового дохода, что приносил ей Аморбах. Кроме того, «воспитанная в скудости крошечного двора немецкого княжества с его заурядным протоколом», она боялась жизни при английском дворе, боялась карикатур в прессе, на которые Леопольд беспрестанно жаловался в своих письмах к семье: «Живя на континенте, вы даже не представляете себе, что такое жить в Англии, где все предается огласке, где главенствует партийный дух. Ни один аристократ или человек из приличного общества не может даже мизинцем пошевелить без того, чтобы это тут же не стало известно и раскритиковано в газетах».

После смерти Шарлотты герцог Кентский решил возобновить свою попытку сватовства. Его брат герцог Кларенский в конце концов нашел себе невесту в лице юной Аделаиды Саксен-Мейнингенской, которая согласилась примириться с наличием у него десяти детей. Но регент и его брат чувствовали себя далеко не лучшим образом, и Леопольд торопил сестру, настаивая на том, чтобы она приняла предложение Эдуарда, который отличался таким завидным здоровьем, что мог в одночасье стать королем Англии. Виктуар поддавалась увещаниям брата и ответила наконец своему будущему мужу: «Я отказываюсь от своей приятной независимости в надежде, что ваша дружба станет мне наградой за это». 29 мая 1818 года в Кобургском замке она стала женой герцога Кентского, которому был пятьдесят один год и которого она видела до этого всего один раз.

22 июня 1818 года Эдуард Кентский писал одному из своих женеvских друзей барону Вассеро: «Не буду от вас скрывать, что ради выполнения

этого долга перед отчизной и семьей мне пришлось расстаться с моей дорогой подругой, с которой мы были вместе почти двадцать восемь лет, и я не могу передать вам, какая это была для меня жертва. Но я надеюсь, что нет такой силы, которая смогла бы ослабить те чувства, что мы испытываем друг к другу... В герцогине я рассчитываю найти все те достоинства, которые обеспечили бы мне счастливое будущее в семейной жизни».

Чтобы не дать повода для оспаривания прав их наследников на престол, 13 июля 1818 года герцог Кентский и Виктуар Лейнинген вторично совершили свадебный обряд в Англии по законам англиканской церкви. Это была двойная свадьба, поскольку в этот день в замке Кью женился еще и герцог Кларенский. Безумный король не присутствовал на ней. Обеих невест вел к алтарю принц-регент. Имя Виктуар было изменено на Викторию, а молитвы переведены на немецкий язык. Служба под началом архиепископа Кентерберийского и епископа Лондонского длилась три четверти часа и закончилась роскошным банкетом.

«Что еще можно пожелать герцогу, — писала «Таймс», — на чью долю и без того выпало огромное счастье стать мужем женщины, которая ни в добропорядочности, ни в благородном происхождении не уступает своему замечательному, выдающемуся брату?» Женильба, увы, не решила финансовых проблем герцога. Новый экипаж, слуги, подарки, любовь герцогини к экстравагантным шляпкам со страусиными перьями, рента прежней любовнице — и от 3 тысяч фунтов стерлингов, что выдал ему в качестве аванса банкир Куттс, ничего не осталось. После медового месяца и нескольких недель, проведенных в Клермонте в гостях у Леопольда, герцог с новой супругой вернулся в Аморбах, где им, по крайней мере, не нужно было платить за жилье.

К середине 1818 года все братья регента за исключением одного лишь герцога Суссекского имели по законной супруге-немке. К ноябрю герцогини Кларенская, Кентская, Камберлендская и Кембриджская были беременны.

Герцог Кентский был вне себя от радости и настаивал на том, чтобы его ребенок родился «на английской земле». Разве не предсказывала ему цыганка, когда он служил в Гибралтаре, что он станет отцом великой королевы? Но как без гроша в кармане преодолеть шестьсот километров, что отделяют его от Лондона? Выведенный из себя бесконечными просьбами Эдуарда ссудить ему денег регент заявил, что не видит никакой необходимости в его возвращении в Англию. Герцогини Кларенская и Кембриджская спокойно дожидаются родов в Ганновере! Почему бы герцогине Кентской не последовать их примеру? Но в Лондоне друзья-виги

во главе с Оуэном и герцогом Девонширом собрали для Эдуарда требуемую для возвращения сумму.

28 марта 1819 года вдовствующая герцогиня Кобургская с тревогой провожала свою дорожную дочь, которая была на седьмом месяце беременности. К счастью, с Виктуар ехала знаменитая фрейлейн Шарлотта Гейндерейх, первая немка, получившая звание врача после защиты диссертации по акушерству. Приехав в Кобург, чтобы принять роды у герцогини Луизы, она попала на свадьбу Виктуар и Эдуарда. И сейчас герцог уговорил ее сопровождать их в Англию, дабы не повторилась ужасная драма, унесшая жизнь несчастной Шарлотты.

Джон Конрой, ирландский конюший герцога, тщательно спланировал путешествие и выехал вперед, чтобы забронировать комнаты в гостиницах на всем пути их следования. Герцог опасался, что роды могут начаться преждевременно. Для поездки он выбрал легкий и хорошо подрессоренный фаэтон, которым решил править сам, чтобы сэкономить на кучере. Супруга села рядом с ним. За фаэтоном тянулся «странный караван», состоявший из ландо герцогини, экипажа герцога и большой почтовой кареты, в которой герцогиня могла прилечь в случае дождя. Далее следовали три кабриолета, возок с серебром, еще один низкий фаэтон и, наконец, карета с личным врачом герцога, в обязанности которого входила забота о беременной герцогине. В путь также отправились любимая придворная дама герцогини престарелая баронесса Шпэт, малышка Феодора и ее гувернантка фрейлейн Лецен. Своего пятнадцатилетнего сына Чарльза Лейнингена герцогиня оставила в Аморбахе.

В день они в среднем проезжали по двадцать пять миль. Им повезло: весна была ранней и путешествовать было приятно. Конрой предусмотрел для герцогини несколько дней отдыха от переездов. 5 апреля караван остановился на ночевку в Кёльне. Спустя тринадцать дней, как и было запланировано, они прибыли в Кале. В порту покачивалась на волнах королевская яхта «Ройял соверен», весьма неохотно присланная им регентом. Герцог ликовал. Герцогиня прекрасно себя чувствовала, а Конрой удостоился похвалы за проявленный им талант интенданта. Новости следовали одна за другой. Хорошие новости. Герцогиня Кембриджская родила сына Георга. Но в очереди к трону Кембридж стоял позади Кента. А герцогиня Кларенская разродилась дочерью: та прожила на свете всего семь часов.

Но тут на море разыгралась буря. Пришлось нервничать и ждать до 24 апреля, пока она успокоится. Герцог, все время боявшийся, что судьба сыграет с ними злую шутку и ребенок появится на свет в тридцати

километрах от Англии, терял терпение. Плавание продлилось три часа. Герцогиню сильно укачало.

Но это уже было не важно. Лошади, впряженные в фаэтон и вновь подгоняемые герцогом, неслись в Кенсингтонский дворец, в котором Эдуард выпросил у брата несколько комнат. Обустроивались в спешке. Конрой крутился день и ночь, чтобы раздобыть для обстановки ковры и мебель. Наконец детская была готова. А к 22 мая и спальня герцогини.

Спустя два дня, после схваток, продлившихся шесть с половиной часов, она родила на свет хорошенькую девочку, светловолосую и розовую, словно «упитанная куропатка». Было четыре часа утра. Герцог, никогда не полагавшийся на случай, пригласил к себе во дворец герцога Веллингтона, архиепископа Кентерберийского, епископа Лондонского, герцога Суссекского и министра финансов, которым и предъявили царственное дитя. «Должен признаться, — писал герцог, — что я даже не думал о том, что было бы лучше, если бы родился мальчик, ибо всегда считал, что нет ничего мудрее и совершеннее воли Провидения». Кобургская бабушка, обрадованная хорошей новостью, расчувствовалась и изрекла: «Англия любит королев, а племянница покойной Шарлотты будет особенно любима ею».

Королева. Виктория ею пока не стала. Проблем же с самого начала было хоть отбавляй. Родители старательно выбирали ей имя: «Виктория, Георгиана, Александрина, Шарлотта, Августа». Георгиана и Александрина были выбраны как дань уважения регенту и русскому царю, поскольку оба согласились стать крестными отцами. Шарлоттой звали ее английскую бабушку, недавно умершую королеву. Августой — другую бабушку, саксен-кобургскую, крестную мать малышки. Список имен напечатали во всех газетах. Сентиментальная Англия только и говорила, что об этом счастливом рождении, которого все так ждали!

Регент с раздражением наблюдал за игрой брата в наследников короны. Накануне крестин он письменно запретил ставить свое имя до или после имени русского царя. Возражал он и против имени Шарлотта, которое живо напоминало ему об умершей дочери. Кроме того, он распорядился, чтобы на крестинах присутствовал только самый узкий круг лиц. Иностранных послов даже не поставили о них в известность. Пригласили лишь нескольких членов семьи, которые на следующий день в три часа пополудни собрались в Кенсингтонском дворце, где грустный Леопольд с большим трудом старался разделить радость своей сестры Виктоар.

Герцог Кентский по-прежнему не оставлял без внимания ни малейшей детали. Задрапированная темнокрасным бархатом золотая королевская

купель была перенесена из Тауэра в Кенсингтонский дворец и установлена в «Cupola room»^[10]. Церемонию крещения вели архиепископ Кентерберийский и епископ Лондонский. Началась она в три часа дня, еще до того как вопрос с выбором имени был окончательно решен. С ребенком на руках архиепископ ждал вердикта регента. Принц Уэльский иезуитски долго молчал, а потом бросил: «Александрина». Архиепископ посмотрел на отца. «Елизавета», — решился герцог Кентский. Но регент отрицательно качнул головой и бросил ледяной взгляд на свою невестку, растерянную, униженную, не умеющую справиться с рыданиями, от которых сотрясалась ее огромная шляпа в перьях, покрывавшая ее каштановые букли. «Пусть ее зовут, как мать! — буркнул он. — Но имя российского императора должно всегда стоять первым». Так что до девяти лет маленькую Викторину будут звать Александриной, это русское имя быстро превратится в Дрину.

Отец был без ума от дочери. Он хотел, чтобы вся Англия могла полюбоваться на нее, и всюду возил ее с собой. «Смотрите на нее, — говорил он, — придет день, когда она станет королевой Англии». В два месяца малышка присутствовала на военном параде. К ярости регента, который возопил, не в силах наблюдать, как все взоры обращаются к маленькой принцессе: «Что здесь делает эта новорожденная?!»

Герцогиня решила сама кормить дочь грудью, что было совершенно нетипичным для той эпохи, но позволяло сэкономить на кормилице. Маленькая Дрина также стала первой среди своих сверстников, кому сделали прививку от оспы. Что до фрейлейн Гейндерейх, то она к тому времени уже отбыла обратно в Кобург принимать роды у прелестной герцогини Луизы, которая в августе произведет на свет своего второго сына — Альберта, будущего принца-консорта.

Проведя лето в Клермонте у Леопольда, герцог Кентский в сопровождении верного Конроя отправился в Девон на поиски новой резиденции. Дом на морском побережье позволит ребенку расти на свежем воздухе, а родителям, что еще важнее, жить вдали от лондонской расточительности и одолевавших их кредиторов. Преподобный Фишер, бывший наставник герцога, а ныне епископ Солсберийский, посоветовал ему обосноваться на морском курорте в Сидмуте. Они остановили свой выбор на романтическом домике под названием «Коттедж Вулбрук», расположенном в сотне метров от моря, куда семья перебралась в декабре 1819 года.

На этот раз удача отвернулась от них. Зима в тот год выдалась очень суровая, а коттедж отапливался совсем плохо. Было ужасно холодно. Дрина постоянно кашляла, а ее отец сильно простудился во время очередной

поездки в кафедральный собор Солсбери. Герцог никогда не болел и отказался лежать в постели. Он предпочитал свежий воздух и заставлял себя совершать длительные прогулки, с которых возвращался промокшим и продрогшим. Простуда быстро переросла в воспаление легких. 10 января он согласился наконец лечь в постель.

Их сосед доктор Уилсон прописал ему пиявки, кровопускания и банки. Подобное лечение в свое время погубило принцессу Шарлотту, а теперь быстро разрушало могучий организм герцога. Воспаление легких прогрессировало и осложнялось. Он, который говорил о своих братьях: «Я переживу их всех. Корона перейдет мне и моим детям», с трудом мог проглотить несколько ложек бульона. Обеспокоенная тем, что муж все больше худел и слабел, герцогиня решила вызвать доктора Дундаса, считавшегося лучшим придворным врачом, но тот неотлучно находился при умирающем Георге III. Ей прислали доктора Матона, еще одного любителя кровопусканий. «Я не могу поверить, — писала герцогиня старому другу, — что такая кровопотеря может принести пользу больному». Когда герцогу объявили, что врач опять прописал ему кровопускания, он заплакал. И, видимо, не только от слабости, но еще и от осознания того, что подобное лечение не оставляет ему шансов выжить. «Английские врачи убивают вас, — скажет Виктории спустя много лет циничный лорд Мельбурн, — а французские просто не мешают вам умирать».

В четверг 20 января у герцога начался бред. Перепуганная герцогиня отправила письмо своему брату. Леопольд в это время был на охоте у герцога Крейвена, но 22-го числа он примчался в Сидмут вместе со Штокмаром. Немецкий врач пощупал пульс больного и с ужасом понял, что тот не переживет даже ближайшую ночь. Необходимо было сделать так, чтобы герцог подписал завещание. Каким-то чудом он пришел в сознание. Штокмар усадил его среди подушек, а Леопольд поднес ему только что составленный обоими немцами документ, согласно которому все заботы о принцессе возлагались на герцогиню. На следующее утро Эдуард скончался. Неделей позже не стало и Георга III. Маленькой Дрине исполнилось восемь месяцев, и у нее появились два первых зуба. Теперь она стояла третьей в очереди к трону. Но отец оставил ей лишь долги, а у матери не было денег даже на то, чтобы вернуться в Лондон.

Глава 3

Леопольд и Штокмар отговорили герцогиню от возвращения в Аморбах. Она должна была жить в Англии ради дочери, которая однажды может стать английской королевой. Принц взял на себя расходы по переезду сестры в Лондон и выделил ей 3 тысячи фунтов стерлингов прожиточного минимума из тех 50 тысяч годового содержания, что получал сам. Этим жестом весьма умеренной щедрости Леопольд как бы сделал вложение на будущее. Шарлотта обещала сделать его королем. Со смертью принцессы его притязания управлять Англией стали несбыточными. Но у него осталась надежда на то, что однажды он сможет добиться этого через маленькую принцессу, став ее учителем и наставником.

У своего тестя он выпросил для герцогини разрешение вновь поселиться в Кенсингтонском дворце. Регент, ставший королем Георгом IV, всей душой ненавидел зятя. Не любил он и герцогиню, которую считал суетливой, недалекой, такой же выскочкой, как и все остальные Кобурги, а главное — лишенной такта, которым всегда кичилась английская аристократия. В общем, она была такой же, как Леопольд, неисправимой немчурой.

Но народ не понял бы, если бы он отказал ей в праве жить в Кенсингтонском дворце. В этом буколическом замке, стоявшем на окраине Гайд-парка на берегу чудесного озера, уже нашли приют двое других детей Георга III — принцесса София и эксцентричный герцог Суссекский, который жил там вместе со своим чернокожим пажом, носившим красную с золотом ливрею, среди греческих, латинских и древнееврейских манускриптов огромной библиотеки. Облаченная в траур герцогиня поселилась в мрачных покоях первого этажа вместе с двумя своими дочерьми, которые на всю жизнь запомнят, как по вечерам им приходилось устраивать в своих спальнях охоту на тараканов, а иногда и на крыс.

Герцогиня обожала свою «Wilkenchen»: «Хвала Господу за то, что он подарил мне такое сокровище!» Малышка Дрина действительно была для матери настоящим сокровищем, на нее она возлагала все свои надежды. Решив с колыбели воспитывать дочь так, как подобает наследнице британского престола, она наняла ей английскую няньку, миссис Брок, и требовала, чтобы с ребенком говорили только по-английски.

Сама же герцогиня говорила по-английски с сильным немецким акцентом, который пытался исправить местный пастор, преподобный

Дэвис. Но если не считать тетушку Софию, то вокруг колыбели маленькой Дрины звучала исключительно немецкая речь, носителями которой были и Феодора, и баронесса Шпэт, и фрейлейн Лецен, а вскоре к ним присоединилась и тетушка Аделаида, возвратившаяся из Ганновера. Добрая и богобоязненная супруга герцога Кларенского каждый день навещала свою невестку, все еще носившую траур.

В компании всех этих женщин-иностранок Конрой, конюший покойного герцога Кентского, стал просто незаменимым человеком. «Любимый и преданный друг моего Эдуарда! Он не покинул его вдову и отдает все свои силы, занимаясь моими делами... Его энергия и способности удивительны... Не знаю, что бы я делала без него», — писала герцогиня своей немецкой подруге госпоже фон Тубеф. Честолюбивый ирландец был не лишен привлекательности. Виктуар Кентская не осталась к ней равнодушной. Он тоже делал ставку на будущее. Он присвоил себе нелепый титул «контролера» и рассчитывал на то, что привязанность к нему герцогини обеспечит ему место ее «личного секретаря» в случае ее регентства.

Герцогиня, ее брат Леопольд и новоявленный «контролер» порой просыпались от кошмарного видения: что появляется некий наследник, который хоронит их надежды, отнимая у Дрины шанс стать королевой. За год до этого тетка Аделаида родила дочь, которая — уф! — прожила всего лишь неделю. Но теперь она вновь была беременна. И 10 декабря 1820 года разродилась второй дочерью. В Кенсингтоне горестно вздохнули. «Эта новорожденная барышня сыграла с нами злую шутку», — сетовал Конрой.

А между тем и сам Георг IV, которому к тому времени было уже под шестьдесят, не терял надежды подарить королевству наследника. Правда, чтобы вновь вступить в брак, он должен был вначале развестись со своей первой женой Каролиной, долгое время жившей в Италии и скомпрометировавшей себя связью с неким авантюристом по фамилии Бергами.

Еще в 1806 году из письма австрийского императора Георгу стало известно о скандальном поведении его супруги, которая появилась на одном из маскарадов на Адриатическом побережье в полуобнаженном виде, изображая Венеру, что и подтвердило предпринятое им расследование. Став королем, он предложил ей отказаться от королевского титула, пообещав ренту в размере 50 тысяч фунтов стерлингов в обмен на обещание навсегда остаться за границей. Но в 1820 году Каролина вернулась в Англию и потребовала восстановления в своих правах. Король приказал не упоминать имени его супруги в англиканских молитвах.

Английские пасторы сочли, что распутный Георг IV не вправе диктовать, как им общаться с Богом. Народ встал на сторону матери покойной Шарлотты, обе они принадлежали к партии вигов и придерживались либеральных взглядов. Портреты Каролины появились в витринах магазинов. Ее карету встречали радостными криками, стоило ей лишь появиться на улицах Лондона, таким образом люди выражали свое недовольство королем — распутником и сторонником тори.

Король вынудил правительство вынести на рассмотрение палаты лордов «закон», разрешающий развод. Но дебаты превратились в копание в грязном белье. Вся эта грязь вызвала негодование лордов, а особенно — епископов. Оппозиция сравнивала Георга и Каролину с Нероном и Октавией. Большинство, проголосовавшее за развод, имело такой незначительный перевес, что правительство решило не передавать этот закон в палату общин, где он наверняка не прошел бы. Пресса, церковь и народ праздновали победу добродетели над погрязшей в грехе монархией. По всему королевству звонили в колокола.

Но Провидение встало на сторону короля. Он принял решение короноваться 19 июля 1821 года в одиночку. Разгневанная Каролина примчалась в Вестминстер, чтобы присутствовать на церемонии. Тяжелые ворота аббатства захлопнулись у нее перед носом. Ей не осталось ничего другого, как, рыдая, вернуться в свою карету, пробираясь сквозь равнодушную к ней толпу, чье настроение вдруг резко изменилось. Через десять дней Каролина скончалась от непроходимости кишечника. Злые языки утверждали, что ее просто-напросто отравили.

Получив таким образом свободу, Георг IV мог вновь жениться. Осенью он отправился в свое Ганноверское королевство, а в Германии, раздробленной на четыре десятка мелких королевств и княжеств, не было недостатка в принцессах-невестах. Но его любовница, властолюбивая маркиза Конингем, в которую он без памяти влюбился в 1820 году, была готова к любым баталиям, лишь бы удержать его при себе.

Пока суть да дело, умерла — еще раз уф! — маленькая дочка Кларенсов. Дрина восстановила свою очередь к трону. Но тетке Аделаиде не исполнилось и тридцати лет, так что опасность ее новой беременности никак не исключалась.

А кроме того, существовал риск несчастного случая, не говоря уж о похищении, отравлении или убийстве. Исчезновение потенциальной наследницы престола прекрасно бы устроило злого и реакционно настроенного герцога Камберлендского, который в очереди к трону стоял как раз за Дриной. Ходили слухи, что он убил одного из своих слуг!

Приказы герцогини носили категорический характер. Дрина ни на мгновение не должна оставаться одна. Даже слугам нельзя было доверять ребенка. Присматривать за девочкой мог только узкий круг доверенных немцев, миссис Брок и, естественно, Конрой.

Как только Дрина вышла из того возраста, когда ей следовало спать в одной комнате с нянькой, для нее установили маленькую белую кроватку в спальне ее матери. По вечерам фрейлейн Лецен читала ей перед сном сказки. Она не уходила от девочки до тех пор, пока герцогиня не появлялась в спальне, чтобы лечь спать. Утром Дрина пила свое молоко за столиком между двумя кроватями.

Феодора спала по другую сторону от материнской кровати. Девочки обожали друг друга. Дрина была такой хорошенькой со своими светлыми кудряшками и розовыми щечками. Если бы еще не эти ее приступы необузданного гнева. В такие моменты она топала ногами, каталась по полу и весь дворец содрогался от ужаса. Фрейлейн Лецен впервые в жизни видела такого своенравного и буйного ребенка. Своими голубыми глазами на выкате и ярким румянцем Виктория сильно напоминала деда, покойного безумного монарха. «Это же король Георг в юбке!» — восклицали люди, опасавшиеся, как бы и ее не поразила та же самая болезнь, что и ее деда.

Чтобы заставить девочку замолчать, мать ругала ее и грозила: их сосед герцог Суссекский сейчас как рассердится! А Дрина ужасно боялась этого своего дядюшку, обожавшего священные книги и часы и расхаживавшего по коридорам Кенсингтонского дворца в шапочке из черного бархата, смешных домашних туфлях и расшитом атласном халате сиреневого цвета. А еще она не любила епископов, пугавших ее своими париками и черными сутанами. Лишь старинному другу ее отца преподобному Фишеру, епископу Солсберийскому, удалось завоевать ее расположение. Навещая герцогиню, он опускался на колени на желтый ковер, на котором играла маленькая Дрина, и позволял ей потрогать свой орден Подвязки.

Она боялась даже герцога Йоркского из-за его огромного лысого черепа и манеры ходить, сильно откинувшись назад, так что казалось, что он вот-вот запрокинется. А между тем именно он организовал для нее кукольный спектакль и подарил ослика. Ее сажали на него верхом, и они вместе с

Феодорой и миссис Брок — ее дорогой Боппи, — которые шли по обеим сторонам от нее, отправлялись на прогулку в Гайд-парк, где каждый раз, когда попадавшие им навстречу господа приветствовали ее, приподнимая свои шляпы, Боппи шептала ей: «Кивните им, принцесса».

Иногда Дрина каталась по аллеям парка в коляске, запряженной двумя

пони с длинными хвостами. Она улыбалась встречным и кричала им: «Здравствуйте!» Похожая на ангелочка, она пользовалась всеобщей любовью, ее задаривали игрушками. Когда позволяла погода, она с матерью и Феодорой завтракала на одной из лужаек парка в тени боярышника и поливала клумбы. Лорд Альбермарль умилялся, глядя на эту хорошенькую малышку в соломенной шляпке и белом платице: «Забавно было наблюдать, как она усердно лила воду из своей леечки на цветы и себе на ноги». Это немецкое, почти деревенское воспитание привьет будущей королеве Англии любовь к незатейливым радостям, которую она пронесет через всю жизнь.

Герцогиня не только из соображений экономии старалась держаться подальше от королевского двора, ей не давала покоя навязчивая идея: во что бы то ни стало уберечь дочь от контактов с этим гнездом порока и разврата, каким был двор Георга IV. В своем павильоне «Ройял-лодж» в Виндзоре король жил сразу с двумя любовницами: старой, леди Гертфорд, и новой — леди Конингем, вместе с которой проживали ее муж, лорд-камергер королевского двора, и их дети. Чтобы развеяться, король приглашал к себе множество женщин, устраивал фейерверки, морские баталии и концерты при свете китайских фонариков. В Виндзоре, как и в Брайтоне, ужин и танцы заканчивались лишь под утро.

Дрине было четыре года, когда герцогиня привезла ее в Карлтон-хаус. В зале с потолком, расписанным под голубое небо в облаках, маленькая принцесса привела в умиление Георга IV, назвав его «дядюшка-король», как научила ее мать. Толстый Павлин стал еще толще, но все так же любил детей и сохранил игривость нрава, «однако безоглядно заигрывать с ним не стоило, — писал Шатобриан, бывший в ту пору послом в Англии. — Как-то один из гостей, приглашенных к его столу, поспорил с соседями, что попросит Георга IV дернуть за шнурок звонка и тот его послушается. Георг IV действительно дернул за шнурок и приказал явившемуся на зов дежурному: “Выставьте-ка этого господина за дверь!”»

В семь лет Виктория впервые попала в Виндзор по случаю дня рождения короля. Принцесса протянула ему букет цветов, и Георг IV вновь был поражен свежестью личика этой своей племянницы, которую он почти никогда не видел. «Дайте мне вашу маленькую лапку», — пророкотал он. Юная наследница престола взобралась к нему на колени, потом на огромный живот и поцеловала в дряблую нарумяненную щеку, свисающую из-под парика. Георг IV отблагодарил ее, подарив свой миниатюрный портрет в медальоне, украшенном бриллиантами, который леди Конингем, вся в сверкающих драгоценностях, приколотла на ленточке к платью Дрины,

преисполненной гордости за свою первую награду.

Несмотря на все старания матери уберечь юную принцессу от влияния двора, ей это не удалось: девочка пришла в восторг от той роскоши, с которой соприкоснулась, от изящных манер дядюшки-короля, мастерски разыгрывавшего спектакли, и от всех этих веселых праздников. Дочка леди Конингем взяла ее с собой на прогулку в парк, и они поехали туда в карете, запряженной четверкой серых пони, в парке был зверинец, в котором Дрина с восхищением наблюдала за газелями, канадскими оленями и сернами.

На следующий день, когда она прогуливалась вместе с матерью и Феодорой, рядом остановился большущий королевский фаэтон. Георг IV, лично правивший лошадьми, крикнул слугам: «Ну-ка, давайте ее сюда!» Лакеи в красных с синим ливреях подхватили девочку и усадили между королем и его сестрой, герцогиней Глостерской. И карета умчалась на полном ходу к радости Дрины и ужасу герцогини Кентской, как всегда боявшейся похищения.

Фаэтон остановился лишь на набережной Вирджиния-уотер, и восхищенная принцесса увидела прелестный домик, где король и его гости останавливались, приезжая сюда половить рыбу. Здесь же были две большие лодки: с одной можно было рыбачить, а на второй играл оркестр. Толпа зевак издали наблюдала за монаршими развлечениями. Вечером Георг IV взял девочку за руку и привел в музыкальный салон в «Ройял-лодж»: «Вот мой оркестр. Что ты хочешь, чтобы он сыграл для тебя?» Без малейших колебаний Дрина радостно воскликнула: «О, дядюшка-король, пусть он сыграет “Боже, храни короля”!»

После нескольких дней, проведенных среди королевской роскоши, мрачные покои Кенсингтонского замка казались печальными, излишне тихими, словно вымершими. К счастью, они часто выезжали в Клермонт. Старая Луиза Луи, немецкая горничная Шарлотты, перенесла всю свою любовь на маленькую принцессу, которую закармливала сладостями и осыпала ласками. Дядя Леопольд разговаривал с ней как со взрослой. Он брал ее с собой в мавзолей, который приказал выстроить для усопшей супруги, чтобы поклониться ее праху, а по дороге учил девочку различать полевые цветы. Несмотря на огромное богатство, принц оставался весьма прижимистым и самолично управлял своим обширным имением. В урожайные годы он заваливал лондонские рынки сельскохозяйственной продукцией, выращенной на его земле, чем приводил в ужас английскую аристократию.

Когда разыгрался скандал вокруг развода короля, Леопольд нанес визит королеве, чтобы выразить ей свое почтение, и с тех пор, если он

появлялся при дворе, Георг IV тут же поворачивался к нему спиной. Образование племянницы стало для него делом первостепенной важности к радости принцессы, которая в детстве обожала «слушать своего дорогого дядюшку Леопольда: о чем бы он ни рассказывал, казалось, будто читаешь поучительную книжку». Летом они все вместе снимали большую виллу на морском побережье в Рамсгейте.

Плескание Георга III на волнах в Веймуте в 1789 году породило моду на морские ванны. Георг IV со своим «павильоном» привлек аристократию в Брайтон. Праздники там были пышными, а морской климат рекомендовался врачами. В Рамсгейте Леопольд с сестрой и племянницей прогуливались меж купальных кабинок, запряженных лошадьми, и разглядывали смельчаков в купальных костюмах, доходивших им до самых лодыжек, которые отваживались войти в море.

Перебираясь из своей загородной резиденции в Лондон, дядя каждую среду вечером приезжал в Кенсингтонский дворец. Он садился за рояль, и они с сестрой дуэтом исполняли арии из любимых опер «Otello» и «Il Barbieri»^[11]. Герцогиня прекрасно музицировала и даже сочиняла вальсы и фокстроты для домашних праздников. Как-то Леопольд привез им модную игрушку — хитроумную машинку для производства золота: в нее закладывались эполеты или кисти от штор, расшитые золотом или серебром, и аппарат извлекал из них драгоценный металл, из которого можно было вновь изготовить украшения или тарелку для супа наподобие той, что Леопольд подарил своей племяннице. «Мой дорогой дядюшка, — писала она ему 25 ноября 1828 года, — поздравляю вас с днем рождения; я часто думаю о вас и надеюсь скоро с вами свидеться, потому что очень люблю вас.

Каждый день я ем суп из вашей чудесной тарелки. Жарко ли сейчас в Италии? У нас здесь такая хорошая погода, что я каждый день хожу гулять. Мама чувствует себя хорошо. Я тоже.

P. S. Я очень сердита на вас, дорогой мой дядюшка, потому что вы ни разу не написали мне после вашего отъезда, а уехали вы очень давно».

Чтобы казаться выше ростом, Леопольд носил башмаки на пробковой подошве высотой в несколько сантиметров. В своем растрепанном черном парике он мало походил на Дон Жуана. Между тем его бледность и романтически печальный взгляд приводили в трепет множество женских сердец. Во время одной из своих поездок в Пруссию он влюбился в актрису, которую увидел в театре Потсдама. Каролина Бауэр оказалась двоюродной сестрой Штокмара, получившего к тому времени титул барона и должность советника. Принц был так потрясен сходством Каролины с

«его бедной Шарлоттой», что пригласил ее к себе в Англию. Каролина Бауэр приехала вместе с матерью. Леопольд каждый день бывал у нее и в июле 1829 года после долгих колебаний наконец женился на ней. Он поселил свою новую супругу в Клермонте в отдельном домике. Их брак оказался недолгим, и Каролина уехала обратно в Германию, где собиралась продолжить свою актерскую карьеру. Герцогиня, естественно, никогда не распространялась при дочери о похождениях своего брата.

Наследница английского престола должна была воспитываться в обстановке безукоризненной нравственности. В 1825 году парламент проголосовал за выделение 6 тысяч фунтов стерлингов «на содержание и образование Ее Высочества принцессы Александрины Виктории Кентской». Герцогиня незамедлительно взялась за обучение дочери. Делом это оказалось непростым, поскольку девочка долгое время отказывалась учить даже алфавит, капризничала и порой топала ногами. Чтобы гасить эти «маленькие бури», которые устраивала принцесса, преподобному Дэвису приходилось превращать учебу в игру: он писал на листочках короткие слова и прятал их, а его царственная ученица должна была отыскивать их и составлять из них фразы, такой метод обучения он использовал в школах для бедняков. Но уроки чтения и письма все равно сопровождались криками, которые были слышны далеко за пределами класса. Кобургская grosmutter^[12], приехавшая в 1825 году вместе с Чарльзом Лейнингеном погостить в Клермонт, пришла в ужас от подобного поведения. Энергичная старая дама сделала внучке внушение. Строгий взгляд ее голубых глаз и прочитанная мораль возымели «самое благотворное действие».

Именно с этого времени девочкой стала заниматься фрейлейн Лецен. Будучи женщиной умной, добившейся больших успехов в воспитании Феодоры, она быстро поняла, что одной лишь строгостью справиться с приступами детского гнева не удастся. Она попробовала действовать лаской и преуспела там, где другие потерпели поражение. Да, девочка была вспыльчивой, но очень правдивой, и это особенно импонировало фрейлейн Лецен, дочери лютеранского пастора.

Не раз получавшая выговоры от педантичного Леопольда за несоблюдение королевского этикета принцесса, которую все чаще стали называть Викторией, прекрасно осознавала, какой ранг она занимала. Однажды в Кенсингтон приехала ее ровесница леди Джейн Эллис. Юная гостья подошла к кукольному диванчику белого цвета и потянулась к музыкальной шкатулке. «Не смей! — закричала вдруг принцесса. — Ты не должна прикасаться к этим игрушкам, они мои. И потом, я могу называть

тебя Джейн, но ты не должна звать меня Викторией». Конрой умело использовал благоприятные моменты, чтобы в конце званого обеда или ужина вывести девочку к гостям, которые приходили от нее в восхищение. «Мы ужинали у герцогини Кентской и видели юную принцессу, это самый очаровательный ребенок, какого мне когда-либо доводилось встречать. Девочка прелестна, она хорошо сложена и изящна, по-детски резва и шаловлива, самозабвенно играет в свои куклы, но при этом вежлива и хорошо воспитана; она принцесса до мозга костей», — записала 6 мая 1828 года в своем дневнике миссис Гарриет Арбатнот, большая приятельница Веллингтона.

Каждый год у принцессы появлялся новый учитель. Мать лично присутствовала на уроках французского языка, которые вел месье Грандино, на уроках чистописания мистера Стьюарда и у мадемуазель Бурден на уроках танцев, в которых Виктория преуспевала так же, как в музыке и живописи, которую ей преподавал академик Весталл. Кроме того, принцессу учили правильно ходить, подобающим образом вести себя за столом и пользоваться веером.

В 1829 году Виктория вновь появилась при дворе. Ей было всего десять лет, но король потребовал, чтобы она присутствовала на балу, который он давал в честь юной королевы Марии Португальской, нашедшей приют в Лондоне после бегства с родины. Девочки на пару танцевали кадрили. Это была чудесная передышка в той тоскливой жизни, что принцесса вела в Кенсингтоне. Вот уже два года как Феодора, ее дорогая Фиди, уехала из Лондона в Германию. Жирный Георг IV слишком благосклонно начал поглядывать на эту соблазнительную шестнадцатилетнюю барышню. Кроме того, герцогиня решила, что больше нечего тянуть с замужеством дочери, и выдала ее за принца Гогенлоэ-Лангенбургского. После отъезда сестры Виктория целые дни проводила в слезах. Спустя годы Феодора напишет ей: «Не страшно быть лишенной удовольствий юности, тяжело быть отрезанной от мира и не иметь ни одной радостной мысли в той унылости, каким было наше существование. Единственными светлыми моментами были для меня те, когда мы с тобой и Лецен выезжали в карете или выходили пешком на прогулку. Наконец я смогла говорить и вести себя свободно. Благодаря замужеству я убежала из этой тюрьмы, в которой тебе, моя дорогая сестренка, пришлось оставаться еще столько лет».

Весной 1830 года Георг IV находился при смерти, а состояние здоровья его брата, шестидесятипятилетнего герцога Кларенского, было не намного лучше. Интриган Конрой подталкивал герцогиню к тому, чтобы та

потребовала для себя титул «регентши» в случае освобождения трона. Но как склонить к этому парламент? Только заставив его официально признать ее заслуги в том, что ее дочь получила прекрасное воспитание и образование.

По ее просьбе в Кенсингтон прибыли епископы Лондонский и Линкольнский, дабы устроить Виктории экзамен. Оба прелата дали лестное заключение: «Принцесса продемонстрировала хорошие знания основных положений Священного Писания и истории, а также фундаментальных истин и заповедей христианской религии в той трактовке, какую дает английская церковь».

Епископ Лондонский счел, что настало время проинформировать принцессу о том, какая судьба может быть ей уготована. Фрейлейн Лецен подложила ей в учебник истории листок с ее генеалогическим древом. Виктория изучила его и с удивлением обнаружила, что в очереди претендентов на английский престол она занимает второе место. По воспоминаниям Лецен, в тот день принцесса записала в свой дневник: «Узнав правду, я долго плакала».

Спустя несколько недель, 26 июня 1830 года, Георг IV скончался. Отношения между обитателями Кенсингтонского замка и двором из непростых превратились в просто ужасные. Подстрекаемая Конроем герцогиня начала партизанскую войну против Вильгельма IV.

Новый король пожелал лично заняться воспитанием своей племянницы, как уже занимался воспитанием Георга Кембриджского, приехавшего в Лондон из Ганновера. Его супруга обожала Георга и Викторию. Набожная Аделаида без тени ревности относилась к своей невестке и писала ей следующее: «Обе мои дочери умерли, а ваша жива, и я люблю ее, как собственного ребенка». Когда Виктории исполнилось два года от роду, тетка прислала ей милое поздравительное письмо: «Сердечко мое, надеюсь, что ты хорошо себя чувствуешь и не забываешь свою тетушку Аделаиду, которая нежно любит тебя... Да благословит и да хранит тебя Бог, такова постоянная молитва твоей тетушки, которая искренне тебя любит. Аделаида».

Но герцогиня не хотела мириться с подобным положением дел. Виктория в первую очередь была ее дочерью и только потом племянницей короля. В ее глазах Вильгельм IV с его десятью бастардами был не тем человеком, который мог бы позаботиться о нравственности Виктории: «Если бы я не придерживалась такого мнения, то как бы смогла объяснить Виктории разницу между грехом и добродетелью?»

Между тем новый король вел себя более чем странно. После долгих

лет жизни в довольно стесненных обстоятельствах он никак не мог прийти в себя от счастья, взойдя на английский трон. «Бедняга! Я боюсь, как бы он не тронулся умом от радости, что стал королем, — писала княгиня Ливен. — Он меняет все, даже то, что вполне могло бы остаться без изменений; отказывается от французских слуг и поваров, хочет, чтобы все вокруг было только английское... Он приказал всем сбрить усы, бегаёт по улицам и болтает с прохожими, заходит в караульное помещение и демонстрирует дежурному офицеру свои пальцы, испачканные чернилами. Он называет ему количество писем, которые он подписал, и количество аудиенций, которые ему предстоит еще дать, он рассказывает ему о своей жене, королеве, и обещает привести ее в караульное помещение, чтобы познакомиться с ним. Каждый день он появляется на плацу, дабы лично командовать строевыми занятиями одного из батальонов, и хочет провести подобный смотр всем своим войскам».

На следующий день после похорон брата Вильгельм приехал в Виндзор в небольшой карете вместе с королевой и двумя из своих внебрачных дочерей. Он обожал появляться на публике и даже в церкви любил бывать прилюдно, что было нетипично для английских королей, строил из себя бывалого морского волка и постоянно напоминал всем, что восемнадцать лет прослужил на флоте, в память о чем носил морскую фуражку с золотой отделкой. Простой народ принял его, но аристократия задавалась вопросом, не передалась ли ему по наследству от безумного отца порфириновая болезнь. В салонах его звали не иначе как «Billy the Silly» — «дурачок Билли». Веллингтон, его премьер-министр, уверял, что в 1828 году на него даже пришлось надеть смирительную рубашку. Герой Ватерлоо был в полном унынии: «Мой господин действительно чересчур глуп; стоит ему завести за столом какую-нибудь беседу, как я тут же поворачиваюсь к нему тем ухом, которым я ничего не слышу, дабы избежать искушения встать и начать возражать ему».

Во Франции свергли Карла X. Он бежал в Англию. Вместо него на трон возвели Луи Филиппа Орлеанского. Вдохновленные этой бескровной Июльской революцией, поднялись, в свою очередь, Польша и Бельгия и потребовали независимости. Англия также стала ареной предреволюционных волнений. Сначала взбунтовались сельскохозяйственные рабочие, они ломали технику, грабили хозяев и просили пасторов поддержать их требование об увеличении зарплаты. Этот мятеж был быстро и безжалостно подавлен. Но главные волнения в обществе были вызваны спорами по поводу закона о выборах.

В Англии действовала самая несправедливая избирательная система в

Европе. Палата лордов, места в которой передавались по наследству, лишилась своего преимущественного положения перед палатой общин еще в конце XVIII века. Но палата общин, этот первый клуб английских джентльменов, избиралась отнюдь не демократическим путем. Каждое графство отправляло в Вестминстер двух депутатов, которых выбирали местные землевладельцы. Кроме того, существовал ряд городов, имевших привилегию выдвигать своих представителей, такие города называли «гнилыми», поскольку их список, довольно длинный, не менялся с XV века. Часть из них лежала в руинах, другие совсем обезлюдели, тогда как такие промышленные центры, как Бирмингем, Манчестер и Ливерпуль, которые с каждым днем разрастались, не имели в палате общин своих депутатов. Голосовали не мертвые души, а камни. Голосование проходило открыто и порой продолжалось больше месяца. Каждый избиратель поднимался на трибуну и под улюлюканье или одобрительные возгласы толпы объявлял, за кого отдает свой голос. После чего получал в награду кошелек, полный звонких монет. Так лорд Грей выложил 14 тысяч фунтов стерлингов за избрание одного из своих сыновей. Между тем предполагалось, что этот почтенный лорд, будучи лидером вигов, должен поддерживать идею реформы избирательной системы.

Но партия вигов не превратилась еще в ту многочисленную либерально-прогрессивную партию, какой она станет при Гладстоне. Тори и виги объединяли в своих рядах главным образом крупных землевладельцев, и их лидеры занимались в палате общин тем, что состязались в красноречии, не выходя за рамки вежливости. Тори были чуть больше склонны к авторитаризму, виги — к филантропии, но и те и другие как могли отреклись от демократии. В бурное время промышленной революции благородные лорды ограничивались защитой интересов англиканской церкви и протекционизма, создававшего благоприятные условия для их сельскохозяйственной деятельности.

В этом, 1830 году первая железнодорожная ветка связала заводы Бирмингема с ливерпульским портом, куда со всего мира свозили тюки хлопка. Ткацкие фабрики получали все больше заказов, их станки работали на полную мощность. Новый класс промышленников и коммерсантов требовал проведения экономических и налоговых реформ. Отныне он хотел иметь свое место в управлении государством.

Вильгельм IV, как и Веллингтон, — «звезда» партии тори, был противником реформы избирательной системы. Герцогиня же унаследовала либеральные взгляды своего покойного мужа, а посему в эти смутные времена ее дочь стала символом надежд, тех надежд, что возлагала на нее

наиболее прогрессивная часть партии вигов. Сторонники реформ, такие, как лорд Дарем, лорд Бругем и даже ярый ирландский националист О'Коннел, зачастили в Кенсингтонский дворец, где честолубивая герцогиня принимала их согласно королевскому протоколу, протягивая им руку для поцелуя, словно уже была регентшей.

Конрой полагал, что решительный разрыв с королем обеспечит ему безграничное влияние на наследницу престола. Его амбиции не знали предела, и, дабы удовлетворить их, он продолжал насаждать то, что Леопольд позже назовет «кенсингтонской системой». Он составил меморандум, определявший новый статус матери наследницы престола. В письме к Веллингтону герцогиня потребовала, чтобы за ней официально закрепили титул «регентши», который должен был оставаться за ней до совершеннолетия Виктории. Герцог не стал показывать это письмо королю, а герцогине ответил, что ее будут держать в курсе всех решений, касающихся ее персоны.

Именно Конрой подал герцогине идею поближе познакомить Викторию с ее будущими подданными. Призвав на помощь весь свой организаторский талант, он уже летом 1830 года начал готовить первую поездку принцессы в провинцию, сто пятьдесят лет спустя по тому же сценарию будут действовать специалисты по политическому маркетингу. Герцогиня с дочерью отправились на воды в Малверн. По дороге туда они сделали остановку в замке Мальборо в Бленхеме, затем в Стратфорде, Кенилворте, Уорике и Бирмингеме, где посетили несколько крупных предприятий. Во время этого путешествия в их честь были устроены официальные церемонии в Херефордском соборе, известном своей библиотекой, и на фарфоровом заводе в Вустере. На обратном пути Виктория побывала в Бадминтоне, Глостере и Стоунхендже. 28 октября в Бате принцесса торжественно открыла королевский парк «Виктория», расположившийся недалеко от римских терм, достопримечательности этого курортного города. Каждый день, читая газеты, король, у которого Конрой не стал спрашивать разрешения на эту поездку из опасения получить отказ, заходил от ярости.

Путешественников это нимало не волновало, кроме того, по возвращении в Лондон герцогиню и ее «контролера» ожидала хорошая новость. Демонстранты побили стекла в Апсли-хаусе — резиденции Веллингтона на окраине Гайд-парка. В начале ноября после двадцатилетнего правления партия тори уступила место коалиционному правительству. Лорд Грей, лидер партии вигов, сменил Веллингтона на посту премьер-министра. В клубах и на улицах сторонники и противники

реформы избирательной системы столь бурно выясняли отношения, атмосфера была столь взрывоопасной, что, опасаясь беспорядков, Вильгельм IV с несвойственной ему мудростью решил отложить торжества по случаю своей коронации.

Нетерпеливая герцогиня и ее контролер начали осаждать лорда Грея, требуя, чтобы тот поскорее вынес на обсуждение парламента закон о регентстве. Наконец «Regency Act»^[13] был парламентом утвержден. Регентша! План Конроя увенчался успехом! Вильгельм IV был вне себя. Герцогиня же залилась слезами и заявила, что для нее это первый счастливый день после смерти герцога.

Но время от времени по Лондону пробегал слух, что королева вновь беременна. Так что напряжение в Кенсингтонском дворце не спадало. То ли по глупости, то ли по природной немецкой прямолинейности герцогиня пыталась втянуть дочь в эту мелочную борьбу за власть. Виктории требовалось все ее хладнокровие, хладнокровие удивительное для двенадцатилетнего ребенка, чтобы выносить вспышки материнского гнева. Принцесса по-прежнему проводила ночи в спальне герцогини, которая ни на минуту не оставляла ее в покое. Девочке разрешалось ходить по лестнице только в сопровождении гувернантки, крепко державшей ее за руку. Она научилась молчать и скрывать свои чувства. Делала гербарии из растений, что присылала ей Феодора из своего замка в Лангенбурге. Разговаривала со своими куклами. Их у нее было сто тридцать две штуки, это были деревянные марионетки по двадцать сантиметров высотой, с помощью Лецен она наряжала их в костюмы, часто походившие на те, что носили герои театральных пьес или опер, на которых она бывала в компании матери.

Единственным человеком в этом мире, на которого Виктория могла опереться, была Лецен, ставшая к тому времени баронессой Лецен, чье здравомыслие очень ценил Вильгельм IV. Беззаветно преданная ганноверской династии, Лецен считала недостойными все маневры Конроя. Когда напряжение в доме возрастало до предела, Виктория ужинала наедине со своей гувернанткой. А у герцогини вошло в привычку писать дочери длинные поучающие письма.

Отрочество Виктории было отравлено этой мелочной партизанской войной, в которой она оказалась заложницей. Она ненавидела, когда Конрой позволял себе говорить дерзости о короле и его многочисленном незаконнорожденном потомстве. Ведь она так нежно любила своего дядю-короля и тетю Аделаиду! Королева дважды приглашала ее ко двору: на церемонию вручения ордена Подвязки, проходившую в Сент-Джеймском

дворце, и на пышные празднества, устроенные в феврале 1831 года Вильгельмом IV в честь своей молодой жены. Как писали во «Фрейзере мэгэзин», «подобного великолепия при дворе не видели со свадьбы принцессы Шарлотты». В платье из английского кружева Виктория старалась не упустить ни единой крупички этого роскошного действа. Король усадил принцессу слева от себя. Но из боязни огорчить мать Виктория даже не осмелилась улыбнуться ему, и Вильгельм IV посетовал на то, что она сидела с «каменным лицом».

Тем не менее следующим летом он порекомендовал парламенту увеличить содержание герцогине и ее дочери. Им назначили дополнительную ренту размером в 10 тысяч фунтов стерлингов, что позволило им нанять герцогиню Нортумберлендскую, которая стала обучать Викторию королевскому этикету.

Отныне ее день был строго расписан: с девяти тридцати до двенадцати тридцати — уроки, затем — получасовая перемена и обед, а с пятнадцати до восемнадцати часов — опять уроки. Принцесса обладала живым умом и прекрасной памятью, но терпеть не могла сложные рассуждения. Латыни она предпочитала математику или чтение наизусть стихов, чему отводилось два часа в неделю, а также искусство переписки — дело, которому она с увлечением будет предаваться всю свою жизнь. От матери она унаследовала любовь к музыке. У нее был неплохой слух, она превосходно рисовала, бегло говорила по-немецки и могла поддержать беседу по-французски. Балерина Тальони давала ей уроки танцев и поставила ту королевскую осанку, что позже будет вызывать восхищение у всех ее иностранных гостей. Любила она и верховую езду. Прогулки верхом на лошади давали ей прекрасную возможность хоть на время вырваться из душливой атмосферы «кенсингтонской системы».

Напряженность между двумя кланами не ослабевала. Как раз наоборот. Во время пребывания вместе с семейством Конроя в Норрис-Касл на острове Уайт герцогиня пользовалась королевской яхтой, и портсмутские канониры каждый раз, когда она выходила в море, приветствовали ее артиллерийским салютом. Король потребовал, чтобы эту пальбу немедленно прекратили. Упрямый ирландец уговаривал герцогиню не подчиняться королю. Тогда Вильгельму IV пришлось подписать указ, напоминавший, что двадцать один раз пушки могли бить только в честь правящего монарха.

В качестве ответной меры герцогиня решила, что отныне Виктория как можно реже будет появляться при дворе. Коронация Вильгельма IV должна была состояться в сентябре, и любые предлоги были хороши для того,

чтобы отказаться присутствовать на ней. Дескать, возвращение с острова Уайт требует слишком больших затрат. Да и место, отведенное Виктории в торжественной процессии, не соответствует ее рангу. Принцесса должна была идти за своими дядьями, а не непосредственно за королем. За день до церемонии герцогиня заявила, что «хрупкое здоровье» Виктории не позволяет ей участвовать в ней. Консервативная «Таймс» возмущалась: «Тот, кто не выражает должного уважения короне, не достоин чести заботиться об образовании и воспитании ребенка, которому однажды суждено будет надеть ее».

Но импульсивная герцогиня продолжала упорствовать. Не только ее дочь, но и сама она не присутствовала на коронации, состоявшейся 8 сентября 1831 года. Подобно Наполеону, король самолично возложил корону себе на голову. Пресса раскритиковала эту «полукоронацию», но скромность празднеств отчасти вернула монарху популярность, потерянную им в борьбе против реформы избирательной системы, той реформы, за которую вскоре скрепя сердце проголосуют высокородные лорды.

Лишенная праздников Виктория проливала горькие слезы: «Ничто не могло утешить меня, даже мои куклы». Отныне она жила почти взаперти. У нее не было ни друзей, ни братьев, ни сестер, с которыми она могла бы поиграть и позабавиться. Приехала погостить Феодора со своей маленькой дочкой Аделаидой, которой Виктория стала крестной матерью. Их отъезд явился новым поводом для обильных слез. Вместе с Лецен принцесса мастерила маленькие подарочки и отправляла их своей крестнице. Ее единственным другом был спаниель по кличке Дэш, которого Конрой преподнес в подарок герцогине. Виктория обожала этого «славного малыша Дэша», которого она наряжала в синие панталончики и красную курточку.

Добрый дядюшка Леопольд больше не навещал по средам «этих своих дам». В июле 1831 года он покинул Англию, найдя корону в другой стране. Вначале он лелеял надежду заполучить греческую корону, ибо Греция недавно вырвала независимость у Турции, но с огромным сожалением вынужден был отказаться от этой идеи под давлением Веллингтона, поскольку Англия не желала ссориться с султаном, ее традиционным союзником. Бельгийская корона стала ему подарком от Луи Филиппа. Французский король хотел было посадить на бельгийский трон своего сына герцога де Немура, но английский министр иностранных дел Пальмерстон, едва узнав об этом его намерении, немедленно отреагировал и вынудил французов согласиться на предложенную им кандидатуру Леопольда. В

качестве компенсации Леопольд попросил у Луи Филиппа руки его старшей дочери Луизы.

Обосновавшись в Брюсселе, Леопольд не забывал писать своей дорогой Виктории длинные письма, преисполненные добрых чувств: «Благодаря Провидению ты призвана занять исключительное положение: нужно, чтобы ты постаралась с честью выполнить свою миссию. Доброе сердце и благородная натура, на которые можно положиться, — вот те качества, которыми непременно должен обладать человек, чтобы занять это место». Он рекомендовал ей прочитать мемуары Сюлли^[14] и засыпал советами, основанными на его собственном опыте: «Подвергать себя самоанализу — что может быть важнее, и один из наилучших способов проделывать это заключается, к примеру, в том, чтобы каждый вечер перебирать в памяти все события дня и мотивы, побудившие тебя действовать так, а не иначе, и пытаться представить себе, какие мотивы могли двигать другими людьми... Главное — постараться разобраться в самой себе, судить себя искренне и беспристрастно. Достичь этого можно лишь постоянным, сознательным анализом, лишенным всякой предвзятости». Порой он подчеркивал отдельные слова или писал их заглавными буквами, чтобы таким образом формировать пока еще податливый характер своей ученицы.

Но письма не могут заменить присутствие человека, и неумный Конрой почувствовал себя наконец хозяином в Кенсингтоне. Баронесса Шпэт, выражавшая недовольство по поводу непомерных притязаний ирландца и его фамильярного обхождения с герцогиней, была отправлена назад в Германию. Деятельный контролер заменил ее одной из своих приятельниц, леди Флорой Гастингс. Он не решался нападать на Лецен, но все труднее выносил ту привязанность, что Виктория испытывала к баронессе, и то доверие, что выражал ей король. Леди Флора не упускала возможности высмеять манеры немецкой гувернантки, имевшей, в частности, привычку жевать семена тмина. Та же, в свою очередь, писала длинные письма своей сестре и жаловалась в них на враждебную атмосферу, окружавшую ее в Кенсингтонском дворце: стоило ей войти в комнату, как герцогиня и Конрой тут же замолкали или начинали шептаться что-то друг другу на ухо.

Поездки, которые так раздражали Вильгельма IV, возобновились. Та, что была предпринята летом 1832 года, продлилась почти три месяца. Накануне отъезда герцогиня вручила дочери тетрадь в кожаном переплете с тем, чтобы та каждый вечер записывала туда свои впечатления. Виктория сохранил эту привычку на всю свою жизнь. «Я проснулась в половине

седьмого утра и в семь часов встала», — записала она в первый день. На сей раз выбранный путешественниками, которых шутники окрестили «конройяльским кортежем», маршрут пролег через Уэльс и центральные графства. Розово-зеленая шекспировская «Meggu England»^[15] с ее деревушками, лужайками и увитыми цветами портиками вдруг ошетилилась заводскими трубами и затянулась дымовой завесой. Виктория впервые в жизни увидела доменную печь. А главное, открыла для себя губительные последствия промышленной революции: «Мужчины, женщины, дети, пейзаж вокруг и дома — все было черным». По вечерам местная знать устраивала в своих замках пышные приемы. Но английская деревня — это не только богатые землевладельцы. Два миллиона крестьян вместе со своими женами и детьми жили там в таких же ужасающих условиях, в каких жили в городах рабочие. «Жизнь диких племен в Америке во сто крат лучше, чем жизнь английских сельскохозяйственных рабочих, в особенности в том, что касается их невежества и забитости», — писала «Морнинг кроникл». Тиф, голод, паразиты, неграмотность царили в деревнях, где народ уже начинал роптать против своих хозяев, державших их в рабстве или выгонявших их из жалких домов, чтобы не платить налог на рабочую силу. Народные массы, жаждущие перемен, радостно приветствовали юную принцессу и ее мать. Поездка обернулась для них настоящим триумфом, и Конрой только и думал, что о ее продолжении. Следующим летом они двинулись на юг, а в 1834 году — в сторону Гастингса: «Шестеро моряков в грубых синих блузах, красных шапочках и больших белых фартуках под звуки фанфар поднесли нам увитую цветами корзину, полную рыбы». Все эти поездки, находившие живой отклик в прессе, приводили короля все в больший гнев.

В день своего шестнадцатилетия Виктория познала одно из редких мгновений счастья. Герцогиня устроила в ее честь праздник в Кенсингтонском дворце, куда были приглашены самые знаменитые певцы того времени: Рубини, Тамбурины, Лабланш, а главное — девятнадцатилетняя Гризи, которую принцесса просто обожала.

Спустя два месяца появилась новая причина для обострения отношений с королем — конфирмация Виктории. Герцогиня пожелала отказаться от услуг герцогини Нортумберлендской и заменить ее приятельницей Конроя леди Флорой Гастингс. Вильгельм велел передать ей, что будет обсуждать детали церемонии конфирмации только с герцогиней Нортумберлендской. Обитатели Кенсингтона заупрямились. Тогда король написал епископу Лондонскому и запретил проводить конфирмацию принцессы в королевской церкви. Герцогине пришлось

пойти на попятную, и 30 июля 1835 года церемония состоялась, как и планировалось, в церкви Сент-Джеймского дворца. Увидев Конроя рядом с матерью наследницы престола, возмущенный Вильгельм IV приказал ирландцу выйти вон. Проповедь епископа об обязанностях будущей королевы прозвучала столь устрашающе, что Виктория даже расплакалась: «Вернувшись домой, я долго не могла прийти в себя».

Оскорбление, нанесенное ему королем, подстегнуло сэра Джона к новой серии враждебных действий, у него появилась очередная идея: теперь он предлагал потребовать продления срока регентства еще на три года после совершеннолетия Виктории. Вернувшись в Кенсингтонский дворец, герцогиня написала дочери длинное письмо, завершавшееся следующими словами: «До тех пор, пока тебе не исполнится восемнадцати лет или двадцати одного года, ты будешь находиться под защитой своей любящей матери».

В августе с приготовлениями к очередной поездке на север начались новые испытания. Король, будучи не в состоянии отговорить от этой затеи герцогиню, написал Виктории письмо с просьбой отказаться от задуманного: «Надеюсь, что в этом году пресса не принесет мне сообщений о вашей новой поездке». Принцесса умоляла мать все аннулировать. Она была на пределе сил. У нее болели голова и спина. Накануне отъезда, после жуткой сцены, она получила от герцогини письмо, написанное под диктовку Конроя: «Очень важно, чтобы народ видел тебя, чтобы ты училась познавать свою страну и общаться со всеми слоями общества».

И на сей раз поездка имела большой успех. Получив прошение от представителей местных властей, Конрой, «словно премьер-министр королю», передавал герцогине подготовленный им ответ, и та зачитывала его с сильным немецким акцентом. Они оба были в восторге от того радостного приема, который им всюду оказывали, и от того воодушевления, что демонстрировали становившиеся с каждым годом все более многочисленными толпы народа, приходявшие посмотреть на свою будущую королеву. 27 сентября более трехсот гостей съехалось на бал, который открывала принцесса на пару с лордом Эксетером. Но сама Виктория была на грани морального истощения: «Длинное путешествие и огромные толпы народа, с которыми мы должны были встречаться, ужасно утомили меня. Мы ведь не можем путешествовать как простые смертные».

После этой триумфальной поездки герцогиня с дочерью отправились на отдых в Рамсгейт, вошедший в моду благодаря проложенной туда железнодорожной ветке. Там они встретились с Леопольдом, которого толпа принимала столь же восторженно. «Какое же это было счастье

броситься в объятия моего дорогого дядюшки, который всегда заменял мне отца...» — записала в своем дневнике Виктория. Это был его первый визит в Англию после восшествия на бельгийский трон. Они не виделись целых четыре года. Вместе с ним приехала и его новая супруга Луиза.

В ходе двух бесед с дядюшкой с глазу на глаз Виктория не смогла удержаться от жалоб на свою тяжелую жизнь, а также рассказала ему о претензиях Конроя и бесконечных ссорах с королем. Леопольд пришел в ужас от этих «возмутительных до предела, грязных интриг». Но его «крошка» Виктория держалась очень мужественно. Он пообещал писать ей каждую пятницу: «Он самый лучший и самый добрый советчик». Тетушка Луиза, которая была всего на семь лет старше Виктории, взяла ее за руку и попросила считать ее своей сестрой; весело смеясь, она заставила ее примерить привезенные из Парижа туалеты и сделать модную прическу с уложенными по бокам косами.

Но стоило дяде уехать, как нервы девочки-подростка не выдержали. Она серьезно заболела. Настолько серьезно, что в течение пяти недель не покидала своей спальни. У нее пучками выпадали волосы. Доктор Кларк снимал ей приступы мигрени с помощью опия. Помимо всего прочего она страдала от плохой циркуляции крови, и каждый день фрейлейн Лецен подолгу растирала ей ноги, чтобы согреть их.

Мать подозревала ее в симуляции, а Конрой заявлял, что ее болезнь не более чем обычное недомогание. Они вели себя по отношению к ней просто безжалостно и даже попытались воспользоваться ее беспомощностью, чтобы вырвать у нее письменное обещание назначить ирландца ее «личным секретарем» сразу, как только она взойдет на престол. Конрой принес ей бумагу и перо прямо в постель. Но принцесса, которую поддержала Лецен, отказалась что бы то ни было подписывать: «Я устояла, устояла несмотря на их настойчивость и свое плохое самочувствие».

Баронесса, день и ночь не отходившая от принцессы, уведомила о ее болезни Леопольда. Но король Бельгии не спешил приезжать в Англию. Он не знал, чью сторону принять — сестры или племянницы, а главное, не мог отрешиться от своей ненависти к Вильгельму IV, всегда относившемуся к нему с презрением и называвшему его не иначе как «трезвенником». Он долго выжидал, прежде чем отправить к принцессе своего верного Штокмара, чтобы тот осмотрел ее и поставил диагноз, а также на месте оценил обстановку. Немецкий барон увидел в Конрое «тщеславного, амбициозного, крайне обидчивого и гневливого» человека и сделал вывод, что принцесса без раздумий выскочит замуж за первого встречного, лишь

бы сбежать от этих бесконечных ссор, заложницей которых она была.

Из Рамсгейта Викторию перевезли в Клермонт для окончательной поправки здоровья, а в феврале она вернулась в Лондон. Прошло полгода, как она уехала из Кенсингтонского дворца. За это время она побледнела, похудела, не могла больше ездить верхом. Даже ходила теперь с трудом. Но матери с Конроем не удалось ее сломить, победа осталась на ее стороне. Она научилась говорить «нет» и не отпускала от себя Лецен. Отныне никто не сможет заставить ее подчиниться своей воле, даже ее министры.

Король не изменил доброго к ней отношения и не упускал случая, чтобы продемонстрировать ей свою любовь; он приглашал ее ко двору на различные церемонии, а герцогиня придумывала разные предлоги, чтобы не сопровождать туда дочь. На приеме в Сент-Джеймском дворце одетая в расшитое розами атласное платье, которое тетка Луиза прислала ей из Парижа, принцесса была так хороша, что юный лорд Элфинстон влюбился в нее и тут же набросал ее портрет. Виктория тоже не осталась к нему равнодушной и заявила, что «выйдет замуж только за лорда Элфинстона». Ее перепуганная мать потребовала, чтобы дерзкого юношу отправили на службу в Мадрас, на край света.

Герцогиня тут же организовала визит в Англию двух кузенов Виктории принцев Кобургов, сыновей своего брата Фердинанда и богатой венгерской принцессы Когари. Они приехали уже в следующем месяце. Старший затем отбыл в Португалию, где должен был жениться на юной королеве Марии, которую никогда до этого не видел, а младший через месяц вернулся к себе в Германию. Виктория опять загрустила. Отъезд братьев положил конец череде балов и веселых праздников, которые устраивались в их честь. «Они уехали, и уже никто не мог заменить мне их», — записала Виктория 2 апреля.

У короля вдруг тоже появился повод для недовольства Викторией. Он желал выдать ее замуж либо за своего двоюродного брата Георга Кембриджского, либо, что еще лучше, за наследника голландского престола, заклятого врага короля Бельгии. Принц Оранский со своими двумя сыновьями прибыл с визитом в Виндзор. Леопольд в Брюсселе не находил места от злости. Виктория успокоила дядю, принцы ей совершенно не понравились. «Они такие неуклюжие, глупые, запуганные, в них нет ни капли привлекательности. Так что никаких Оранских, дорогой дядюшка», — писала она своему наставнику.

У Леопольда уже был на примете свой кандидат в женихи для наследницы богатого английского королевства — его племянник Альберт, второй сын герцога Кобургского, который был на три месяца моложе

Виктории. Дядя давно мечтал об этом браке и прививал Альберту те же моральные принципы, на которых воспитывал Викторину. Альберт, рано потерявший мать, всю свою сыновью любовь перенес на дядюшку Леопольда, что роднило его с кузиной.

Визит в Англию герцога Эрнеста и двух его сыновей, Эрнеста-младшего и Альберта, был запланирован на середину мая. Но на этот раз король не выдержал: эти проклятые Кобурги никак не оставят его в покое! Он даже хотел запретить их судну заходить в английские порты, что послужило поводом для саркастических замечаний Леопольда. «Сей-час, когда в английских колониях отменили рабство, — писал он племяннице, — я не понимаю, почему тебя в Англии по прихоти королевского двора держат взаперти, словно маленькую белую рабыню, а ведь он тебя не покупал и, насколько мне известно, ты никогда ничего ему не стоила, король даже шестипенсовой монеты никогда на тебя не потратил».

18 мая Эрнест-младший и Альберт все же приехали в Англию и привезли с собой подарок — птенца попугая лори. Братья сразу же очаровали Викторину. Особенно Альберт: «Он такой же высокий, как Эрнест, но покрепче, и удивительно красивый...» Эрнест был брюнетом, а у Альберта были такие же, как у нее самой, большие голубые глаза и светло-каштановые волосы: «Невозможно было не поддаться очарованию его личности, столько в нем было доброты, нежности и ума». Оба брата имели склонность к музыке и живописи, «особенно Альберт». Виктория также отметила, что в церкви Альберт внимательно слушал проповедь. И, наконец, он произвел благоприятное впечатление на тетюшку Аделаиду, что очень порадовало Викторину.

Огорчило ее лишь то, что Альберт любил рано ложиться спать. Он так устал от бесконечных приемов, что на балу в Сент-Джеймсском дворце, устроенном королем по случаю дня рождения Виктории, едва не потерял сознание после первых же двух танцев. Следующий день ему пришлось провести в постели. «У нас тут кое-кто заболел», — писала его кузина дяде Леопольду.

Зато последняя неделя прошла просто чудесно: «Он обладает всеми достоинствами, о которых только можно мечтать, чтобы сделать меня совершенно счастливой. И мне остается лишь просить вас, дорогой мой дядюшка, позаботиться о его здоровье, поскольку теперь этот человек очень дорог мне». Отъезд двоюродных братьев вызвал у нее потоки горьких слез.

В середине лета опять начались ссоры с королем, избежать их никак не получилось. Вильгельм IV пригласил герцогиню на ужин в честь дня

рождения королевы, который должен был состояться 13 августа, и на свой собственный день рождения 20 августа. Герцогиня, находившаяся в это время в Клермонте, высокомерно ответила, что не сможет присутствовать на приеме в честь королевы. Ее собственный день рождения приходился на 15-е число, и она собиралась отметить его в компании брата Леопольда. Но не привезти дочь в Виндзорский дворец на день рождения короля она никак не могла.

В день их приезда Вильгельм IV был в Лондоне, где открылась внеочередная сессия парламента. Когда он уезжал из столицы, ему в голову пришла идея заглянуть в Кенсингтонский дворец. Он давно подозревал свою невестку в том, что, несмотря на его запрет, она заняла там королевские покои, состоявшие из семнадцати комнат. Своими собственными глазами он убедился в том, что его подозрения не были беспочвенными, и пришел в ярость: «Эта ужасная женщина опять нанесла мне удар!»

Вне себя от гнева он помчался в Виндзор со скоростью, на какую только была способна восьмерка его лошадей. В десять часов вечера он вошел в зал, где его ждали гости. Ни с кем не поздоровавшись, он направился прямо к Виктории, взял ее руки в свои и отеческим тоном, на какой только был способен, стал говорить, как он рад ее видеть и «как жалеет о том, что не может делать этого чаще».

Потом, повернувшись к герцогине, он тут же сменил выражение лица и тон. И напомнил невестке, что та позволила себе нарушить его волю. А он не намерен больше терпеть подобную дерзость.

На следующий день на обеде на сто персон, устроенном в честь короля, герцогиня сидела справа от него, а Виктория — напротив. В тот момент, когда гости предложили за него тост, Вильгельм IV вдруг встал и разразился злой обличительной речью в адрес герцогини: «Я молю Бога о том, чтобы он даровал мне еще девять месяцев жизни. И тогда, после моей смерти, не будет никакого регентства. И я испытаю огромное удовлетворение оттого, что оставлю королевскую власть на личное попечение этой юной барышни, а не передам ее в руки присутствующей здесь особы, окружившей себя одержимыми дьяволом советчиками и не способной самостоятельно и достойно действовать на том высоком уровне, на каковой ее могло бы вознести. Среди множества самых разных причин для недовольства больше всего меня расстраивало то, каким образом эта юная барышня была отлучена от моего двора». Королева покраснела как рак, Виктория расплакалась, а остальные присутствующие от удивления замерли и затаили дыхание. Когда король наконец сел на место, герцогиня

встала и потребовала свою карету. Добрейшей Аделаиде с трудом удалось успокоить ее, а затем и короля.

Здоровье Вильгельма IV все ухудшалось, но не так быстро, как хотелось бы «кенсингтонскому клану». С каждым днем, приближавшим Викторию к совершеннолетию, у герцогини и Конроя таяли надежды на регентство. Мать с дочерью по-прежнему спали в одной комнате и пели дуэтом перед гостями, но больше не разговаривали друг с другом. Принцесса чувствовала себя счастливой, лишь когда разучивала арии из итальянских опер со своим учителем музыки Лабланшем. Этот французский баритон, начинавший карьеру в миланском Ла Скала, был большим специалистом по Моцарту и Россини. А голос у его ученицы королевских кровей был чистым, хотя и слабоватым.

Герцогиня, завидовавшая дочери и совершенно терявшая голову при мысли, что может лишиться почестей, к которым успела привыкнуть, написала под диктовку Конроя новое письмо премьер-министру лорду Мельбурну. В нем она требовала, чтобы в случае смерти короля ее назначили регентшей до исполнения Виктории двадцати одного года. По ее словам, принцесса пока еще была совершенно не способна самостоятельно править страной.

В свою очередь, Вильгельм IV отправил в Кенсингтонский дворец своего лорда-камергера Конингема с посланием для Виктории, которое «дьявольская парочка» попыталась перехватить. Но лорд Конингем высокомерно заявил, что имеет приказ передать послание принцессе в собственные руки. Король даровал Виктории на личные нужды ренту в размере 10 тысяч фунтов стерлингов и право по своему усмотрению выбирать себе придворных дам. Конрой самолично написал ответ, отклоняющий эти подарки, и следующим же утром заставил принцессу подписать его. «Эти слова исходят не от Виктории!» — с горечью воскликнул король.

Но вот наступил знаменательный день. Впервые ее день рождения был объявлен национальным праздником. В Кенсингтоне над кустами цветущего боярышника реяло белое знамя, на котором золотыми буквами было выведено «Виктория». Весь день под окнами замка распевали серенады, а во дворе было тесно от карет. Именитые посетители явились, чтобы записать свои имена в гостевой книге дворца, и среди них было имя «милейшего Лабланша». Из крупнейших городов страны прибыли делегации либералов и радикалов, чтобы обратиться с поздравительными речами к будущей королеве и выразить ей свои надежды и пожелания. «Мы счастливы так же, как птички на ветках», — уверял ее некий мистер

Поттер, основатель Кобден-клуба. В ответ на поздравления уставшая и нервная герцогиня к крайнему смущению Виктории вдруг заговорила со своим сильным немецким акцентом «о тех важных задачах, которые она не успела выполнить в Германии, где ей пришлось оставить других своих детей». Но и на сей раз принцесса уступила ей пальму первенства: «Благодарю вас всех за вашу любезность. Моя мать прекрасно выразила то, что я сейчас чувствую».

Вечером в Сент-Джеймском дворце Вильгельм IV дал в ее честь большой бал. Улицы столицы были празднично украшены и ярко освещены. Толпа радостно приветствовала наследницу престола. «Я впервые была с плюмажем и шлейфом. Гостей собралось больше трех тысяч», — писала она Феодоре. Но сам король на балу не присутствовал. Ему был семьдесят один год, и он страдал от тяжелой болезни сердца, осложненной водянкой. Единственным его желанием было увидеть в последний раз закат солнца 18 июня, в годовщину битвы при Ватерлоо. И оно сбылось. Он уже не мог сидеть во главе стола на банкете в честь великой победы, но зарылся лицом в складки знамени, которое Веллингтон каждый год подносил своему государю в благодарность за подаренный ему за его подвиги замок.

16 июня Виктория писала Леопольду: «Со среды все мои занятия прекратились. Известия можно ожидать в самое ближайшее время». Портниха сшила ей траурное платье простого покроя с пышными рукавами и зауженной талией. В то время как ей расчесывали волосы, Лецен читала ей жизнеописание Вальтера Скотта. Бельгийский король засыпал ее советами: «Сегодня я расскажу тебе, что нужно будет сделать, когда король уйдет из жизни. Сразу после того, как ты получишь официальное сообщение об этом, ты поручишь лорду Мельбурну сохранить нынешнее правительство. Ты сделаешь это с присущей тебе прямоотой и доброжелательностью и добавишь несколько любезных слов. Совершенно очевидно, что нынешние министры — это как раз те люди, которые как никто другой будут служить тебе верой и правдой и, я очень надеюсь на это, как никто другой будут любить тебя. Для них, как и для всех либералов, ты единственная государыня, которая дарует им **шанс на существование** (выделенные слова были написаны по-французски). За исключением герцога Суссекского никто из королевской семьи не обладает тем, чего с полным на то основанием можно ждать от тебя, что же касается усаца, стоящего в очереди к трону непосредственно за тобой (я имею в виду герцога Камберлендского), то одного того ужаса, что он им внушает, вполне достаточно, чтобы они прониклись к тебе пылкой любовью.

Стесненные обстоятельства, в которых тебе пришлось жить, имеют положительную сторону, ибо приучили тебя к скромности и осмотрительности. В твоём положении ни первое, ни второе никогда не будет для тебя чрезмерным. Ты поступишь правильно, продемонстрировав верность протестантской церкви в том виде, в каком она существует в твоей стране; ты находишься там, где ты есть, поскольку ты протестантка... Никогда не упускай случая показать свою искреннюю любовь к церкви как таковой. И ещё раз повторяю тебе, что ты будешь действовать наилучшим образом, если сможешь оправдать надежды людей на будущее». И ещё: «Сохраняй хладнокровие и спокойствие; и не исключай возможности стать королевой гораздо раньше, чем ты думаешь».

19 июня состояние здоровья короля стало безнадежным.

Глава 4

Вильгельм IV испустил дух в третьем часу ночи. Лорд Конингем и архиепископ Кентерберийский отделились от толпы придворных и вместе с личным врачом короля поспешно покинули покои усопшего в Виндзорском дворце. Их карета, запряженная четверкой лошадей, которые всю дорогу неслись галопом, остановилась на заре перед Кенсингтонским замком.

Привратник разворчался и поначалу не хотел их впускать. Наконец он отпер ворота. Но им вновь пришлось ждать, пока проснутся обитатели дворца. Служанка побежала предупредить герцогиню, а та разбудила свою дочь. Виктория набросила на плечи пеньюар. И вот она появилась, впереди нее шла мать с зажженным факелом в руке, сзади — Лецен с флаконом нюхательной соли. С неприбранными волосами и в шлепанцах на босу ногу, она держалась спокойно и с достоинством.

Двери гостиной закрылись за ней. Едва лорд-камергер произнес слово «королева», Виктория тут же протянула ему руку для поцелуя, как предписывалось этикетом. Трое мужчин опустились перед ней на колени.

Выйдя из гостиной, девушка разрыдалась. Она горько сожалела о том, что накануне не поехала в Виндзорский дворец отдать последний долг королю: «Он всегда был так добр ко мне. Должно быть, он подумал, что я неблагодарное и бессердечное создание». Вместе с Лецен она поднялась в свою комнату и облачилась в траурное платье.

Барон Штокмар уже явился с последними наставлениями от бельгийского короля. Они вместе позавтракали, и он продиктовал ей те слова, которые она должна будет сказать премьер-министру, дабы выразить ему свое доверие. Его визит был назначен на девять часов утра.

Лорд Мельбурн, три года назад возглавивший правительство вигов, был почти не знаком с этой юной барышней, готовившейся взойти на престол. Виктория протянула ему руку для поцелуя и заявила о своем намерении сохранить за ним пост премьер-министра. Он коротко ввел ее в курс ее обязанностей и описал ожидавший ее церемониал. Он вслух зачитал ей речь, которую ей предстояло произнести днем. Ее ничто не удивляло. Она была хорошо подготовлена к своей королевской работе.

Она немедленно отправила письмо с соболезнованиями своей тетке Аделаиде, которая попросила у нее разрешения остаться в Виндзорском дворце до следующего после похорон утра. Виктория умоляла ее «думать только о своем здоровье и оставаться в Виндзоре столько, сколько

пожелает». Свое письмо она адресовала «Королеве Англии». Ей указали на то, что она пропустила слово «вдовствующая». «Знаю, — ответила Виктория, — но я не хочу быть первой, кто обратится к ней таким образом». Она уже отправила два коротеньких письмеца — Леопольду и Феодоре, — подписанных «Victoria R» — «Виктория К(оролева)».

В половине двенадцатого дня в Красной гостиной Кенсингтонского дворца она провела свой первый Тайный совет. Все самые важные особы королевства изъявили желание присутствовать на нем, чтобы стать свидетелями первых шагов новой государыни. «Всем было ужасно интересно, как столь юная, неопытная и плохо знающая свет особа пройдет через это испытание, и посему во дворце собралось множество представителей прессы, хотя приглашения из-за недостатка времени были разосланы далеко не всем», — писал хроникер королевского двора Чарльз Гревилл.

Молодой депутат парламента Бенджамин Дизраэли проводил лорда Линдхерста до дверей гостиной, но сам не был допущен на церемонию, которую описал в своем романе «Сибилла»: «Там собрались прелаты, генералы, самые выдающиеся люди королевства... люди, поседевшие от своих мыслей, славы или возраста... Приглушенно переговариваясь друг с другом, они пытались маскировать волнение, которое, как признался потом кое-кто из наиболее видных государственных деятелей, испытывали в тот момент... Тсс! Двери распахнулись, она появилась на пороге; установилась такая глубокая тишина, какая бывает в лесу в жаркий полдень. Вслед за ней вошли ее весьма импозантно выглядевшая мать и несколько придворных дам, но, едва поприветствовав присутствующих, они тут же удалились, а Виктория взошла на трон: маленькая девочка, впервые в жизни оказавшаяся одна на собрании взрослых мужчин».

Своим мелодичным голоском она зачитала заявление: «Я без колебаний полагаюсь на мудрость парламента и любовь моего народа... Моей постоянной заботой будет поддержка протестантской веры в том виде, в каком она закреплена законом». У присутствующих от волнения на глаза навернулись слезы, и у первого — у Мельбурна, который был покорен ее величественными манерами и скромным поведением. Своей молодостью она походила на принцессу Шарлотту. А каждый ее жест, лицо и голубые глаза навывкате заставляли вспомнить также ее деда, короля Георга III. Она грациозно сделала несколько шагов навстречу герцогу Суссекскому, с трудом передвигавшемуся, но не пожелавшему пропустить церемонию. В тот момент, когда оба ее дяди опустились перед ней на колени, чтобы произнести клятву верности, «она покраснела до корней волос».

Как только она вышла, по залу пробежал гул одобрения. Все были единодушны: белая ручка, к которой они только что прикладывались, оказалась «на редкость нежной». Престарелый герцог Веллингтон воскликнул: «Я и мечтать не смел, что юная девушка способна так хорошо справиться со своей ролью, как она это проделала!» А Пиль, новый лидер партии тори, спустя несколько дней заметил, выступая в парламенте: «Есть вещи, которым невозможно научить, и никакие уроки тут не помогут».

Герцогиня, взбудораженная последними событиями, попыталась вновь подмять под себя дочь, но на сей раз Виктория не пошла у нее на поводу: «Больше всего мне хочется, дорогая мама, чтобы в течение часа меня никто не беспокоил». Кроме того, она решила перенести свою кровать из спальни матери. Этой ночью она впервые в жизни будет спать «одна».

Она встретилась с архиепископом Кентерберийским, с официальным представителем правительства в палате общин лордом Расселом и со своим главным конюшим лордом Альбермарлем. Доктора Кларка она назначила своим личным врачом, а баронессе Лецен присвоила титул «дамы, приближенной к королеве»: «Моя любимая Лецен всегда будет находиться рядом со мной в качестве друга, но она не хочет занимать никакой официальной должности, и, думаю, она права». Лорд Мельбурн приехал еще раз днем, а потом еще и вечером, после ужина, который Виктория съела в одиночестве. В дневнике она сделала запись о том, как принимала своего премьер-министра: «Естественно одна, как впредь всегда рассчитываю принимать моих министров».

Самым срочным государственным делом стало решение судьбы Конроя. Контролер составил меморандум о том, что восемнадцать лет жизни отдал службе герцогу и герцогине Кентским, и тем же утром, не теряя ни минуты, передал его Штокмару. За свою службу он потребовал пенсию в размере 3 тысяч фунтов стерлингов в год, крест ордена Бани и звание пэра. Когда лорд Мельбурн читал эту бумагу, она ходуном ходила у него в руках: «Это переходит все границы! Видана ли подобная наглость!» Доверенный человек короля Леопольда взялся уладить это дело. В конце концов королева согласилась назначить пенсию в 3 тысячи фунтов стерлингов и присвоить титул баронета человеку, которого ненавидела всей душой, но в одном осталась непреклонной — она никогда больше не увидит Конроя, даже если тот останется на службе у ее матери.

Юная девушка, которую в течение долгих лет заставляли подчиняться чужой воле, но которая благодаря королю Бельгии получила прекрасное воспитание, с легкостью играла новую для нее роль. «Нечто удивительное эта девочка, которая в день своего восшествия на престол отринула все

старые мысли, все привычки, все детские привязанности; она свела на нет влияние своей матери и ее фаворита, позабыла юношескую робость и в одночасье повзрослела», — писала княгиня Ливен. Ее возвышение ознаменовало падение герцогини Кентской, низведенной до уровня «матери королевы», тогда как она требовала для себя титул «королевы-матери». Кроме того, Виктория запретила Конрою и леди Флоре Гастингс сопровождать герцогиню на церемонию своего провозглашения на царство, назначенную на 21 июня.

Ее появление в окне Сент-Джеймского дворца вызвало бурю восторгов толпы, разразившейся радостными криками. Лорд Мельбурн стоял рядом с ней. Заиграли трубы. Юная королева побледнела, глаза ее наполнились слезами. В последний раз герольды произнесли ее двойное имя Александрина Виктория. Ее величество повелела, чтобы отныне оно не появлялось ни на каких официальных документах.

17 июля Виктория отправилась в парламент, ее хрупкая фигурка почти потерялась в тяжелой золоченой карете. Ее сопровождали стражники в форме XVI века, вооруженные алебардами, и герольды, одетые в пестрые одежды. Она и в парламенте прекрасно справилась со своей задачей. Следуя за лордом Мельбурном, она вошла в палату пэров, где собрались парадно одетые лорды и депутаты палаты общин, спокойно проследовала к трону, отвечая улыбкой тем, кто молча приветствовал ее, и просто восхитительно прочла речь, составленную для нее ее премьер-министром: «Ее голос звучал так звонко, что все присутствующие могли отчетливо расслышать каждое слово».

Но эта церемония, проходившая под пристальными взглядами первых джентльменов королевства, стала для нее тем испытанием, которого она будет страшиться всю свою жизнь. Ее нервное напряжение было столь сильным, что она упала в обморок, когда с нее снимали тяжелую мантию красного бархата, подбитую горностаем. Возвращаясь в Букингемский дворец, она вновь улыбалась восторженно приветствовавшему ее народу, словно испытывая облегчение после достойно выполненного долга.

Тщедушный и напыщенный Штокмар не оставлял ее, продолжая забрасывать советами и предостережениями Леопольда. Но Виктория уже начала отдавать предпочтение обольстительному лорду Мельбурну. Еще в их первую встречу королева попала под действие чар этого высокообразованного пятидесятивосьмилетнего мужчины с седеющими висками и ласково-меланхоличным взглядом карих глаз, который всегда умел нравиться женщинам.

Вся жизнь лорда Мельбурна была сплошной чередой побед и

разочарований. Его жена, эксцентричная Каролина Понсонби, дочь графа Бессборо и племянница герцога Девоншира, была любовницей Байрона, свою связь с поэтом она описала в книге, послужившей причиной громкого скандала. Спустя два года, когда Байрон, устав от ее экзальтированности, бросил ее, лорд Мельбурн, сохранивший к жене нежные чувства, по-рыцарски простил ее. Он отказался развестись с ней вопреки настояниям всей родни, считавшей Каролину сумасшедшей. Она умерла у него на руках в 1828 году, оставив ему умственно отсталого сына, который скончался за несколько месяцев до того, как Виктория взошла на престол. С тех пор Мельбурн смотрел на мир без иллюзий, но и без озлобленности. Под его руководством юная королева открывала для себя власть и способы вершить ее, равно как и способы обходиться с таким великим действующим лицом истории, каковым является общественное мнение.

В отличие от фрейлейн Лецен, Штокмара и дядюшки Леопольда ее премьер-министр не был немцем. Он был англичанином и джентльменом до мозга костей. Его мать, обворожительная и очень умная женщина, была хозяйкой одного из самых блестящих салонов в Лондоне, где собирались сторонники партии вигов. Она была любовницей регента, частого гостя Мельбурн-хауса. Будучи сыном лорда Эгремонта, другого любовника его матери, Мельбурн был воспитан на великой традиции вигов, заложенной в XVIII веке, в эпоху правления германской династии ганноверцев, взошедших на престол в 1714 году, когда Уолпол^[16] забрал в свои руки реальную власть, оставив монарху, по-прежнему проводившему много времени в своем родном немецком королевстве, лишь развлечения. Став премьер-министром Вильгельма IV, правителя «до крайности тупого и упрямого», Мельбурн уже знал все тонкости английской политики, а главное — обладал искусством обходить в ней все ловушки.

Когда разгорелся скандал из-за его жены, он предпочел уединиться и углубился в чтение: читал все, что представляло мало-мальский интерес, особенно много книг он прочел по теологии. Он скупал все, что появлялось в печати. Не было ни одного древнегреческого или латинского классика, чьи сочинения остались бы без его комментариев. Он вполне мог бы стать философом, равным Монтеню, но смерть старшего брата, а затем и отца привела его в политику. Он делал вид, что не слишком увлечен подобного рода деятельностью, но при этом демонстрировал поразительную работоспособность.

Ложился спать и просыпался он поздно и порой совершал свой утренний туалет глубоко за полдень, а посему посетителей принимал либо в постели, либо во время бритья. Однажды, сидя у себя в кабинете, он

слушал каких-то очередных визитеров, рассеянно дую на перо. Но вскоре его собеседники смогли убедиться, что он прекрасно знает их дело, так как предыдущей ночью досконально изучил их досье.

Эксцентричный и снисходительный, циничный и оптимистичный, прямой и сдержанный, лорд Мельбурн был ко всему прочему еще и сентиментальным. Его до глубины души тронули отвага и неискушенность этой юной девушки, которую ее немецкие опекуны, по всей видимости, не ознакомили с историей династии, наследницей которой она стала. Он описал ей жизнь ее деда Георга III, поведал, с какой скоростью тот поглощал пищу, и рассказал множество анекдотов о ее беспутных дядях. Он копировал Вильгельма IV, который кричал: «Да я скорее дьявола пушу в свой дом, чем виг!» Ему всегда нравилось учить других. А Виктория обожала учиться у него: «Я с огромным удовольствием слушаю его. У него горы познаний и великолепная память. Он знает все обо всем и обо всех, знает, кто кем был и кто что сделал. Он превосходно все объясняет. Это приносит мне неизмеримую пользу».

Первым делом он постарался объяснить ей, какой должна быть королева Англии. Она имеет право награждать и наказывать. Она не может низлагать правительство или действовать наперекор парламенту. «Он самая большая моя опора как в политическом плане, так и в личном!» — писала она своему дядюшке Леопольду спустя пять дней после восшествия на престол, а тот, раздосадованный этим потоком похвал, советовал ей не пренебрегать все же советами Штокмара.

Но суровое выражение лица и тонкие ноги чересчур осторожного и при этом амбициозного немецкого медика никак не вдохновляли юную королеву. Вот лорд Мельбурн был хорош по всем статьям. Природа одарила его и красотой, и умом, и богатством. Уже четыре года он был у власти. И этот выдающийся человек стал ее «другом», более того — он считал ее очаровательной женщиной и относился к ней с тем безграничным терпением, какое когда-то проявлял к своей супруге. Виктория не помнила отца, а Мельбурн недавно потерял своего единственного сына. Между ними установились весьма двусмысленные отношения. «Ее чувства, — отмечал Гревилл, — были сексуального порядка, хотя сама она не осознавала этого». Большая платоническая любовь зарождалась между ними, но как забавно они смотрелись рядом! «Элегантный, утонченный джентльмен высокого роста с густыми бровями и умным взглядом. И королева — маленького росточка, светловолосая, грациозная, живая, в своем простом девичьем платье, с чуть приоткрытым ртом, не сводившая с него своих серьезных глаз навывкате, в которых читалось обожание».

Виктория росла, окруженная неусыпным вниманием, но ей не хватало нежности и понимания. Его поражала ее робость вкупе с повышенной нервной возбудимостью. Ее умение скрывать свои чувства, что он считал ненормальным для девушки ее возраста. Он использовал любую возможность похвалить ее, и всякий раз это приводило ее в восторг. Очень скоро дневник ее запестрел записями о лорде Мельбурне, ее герое, которого она теперь называла не иначе как лорд М: «Ни одному министру, ни одному другу я никогда не доверяла так, как этому замечательному лорду М».

Она рассказывала ему о том, как ее третировали мать с Конроем, и делилась своими сомнениями. Она считала себя невежественной и глупой: «Я часто думаю о том, что не создана для этой роли». — «Даже не думайте об этом», — сказал он. Она жаловалась на свою нетерпеливость: «Я позволяю себе, к моему большому сожалению, срывать гнев на слугах». Он ответил, что люди «холерического темперамента никогда не могут полностью владеть собой и время от времени, вопреки собственному желанию, взрываются». Ее рост едва доходил до полутора метров, и она сожалела, что уродилась такой маленькой: «Все растут, а я нет». — «Что касается меня, то я нахожу вас достаточно высокой», — уверял ее премьер-министр. Ей не нравились ее брови, они казались ей слишком тонкими, и она хотела сбрить их, чтобы, отрастая заново, они стали гуще. «Не советую вам этого делать», — сказал Мельбурн. Она унаследовала пухлые ручки герцогини с толстенькими пальчиками, которые прикрывала — даже большие пальцы — массивными перстнями, они всю жизнь будут мешать ей есть. «Так только хуже, потому что они сразу бросаются в глаза», — заметил он. Она встала на весы и увидела, что весит пятьдесят один килограмм. «Ешьте лишь тогда, когда вы голодны», — посоветовал он. «Но тогда я буду есть весь день напролет!» — жалобно воскликнула Виктория.

Они часами могли разговаривать друг с другом и потешаться над чем угодно. Она терпеть не могла оборки и шляпы с перьями, которые обожала ее мать. Он соглашался с ней и находил, что англичанки не умеют одеваться: «Их платья плохо сидят и совсем не идут им». Она призналась, что суеверна и что было время, когда она боялась разной ночной нечисти. На что он сказал, что ему доводилось видеть привидения. Она удивилась, что он не носит часов. Он расхохотался в ответ: «Обычно я спрашиваю время у своего слуги, и он отвечает мне так, как ему заблагорассудится». Он умел рассмешить ее и в беседах с ней высказывался так же свободно, как в своем клубе, что Викторию вовсе не смущало. Она смеялась даже тогда, когда он сказал ей о немцах: «Я высоко ценю их талант, но отнюдь не

красоту».

В своем дневнике она с укоризной отмечала, что на завтрак он проглотил три котлеты и целую куропатку. Но когда он рассказал ей, что, будучи учащимся Итона, носил длинные волосы, она записала: «Должно быть, он был очень красив!» Она сочувствовала его несчастливому супружеству: «Какой ужас, что жена чуть не погубила его жизнь, а ведь ей следовало бы гордиться тем, что она могла бы сделать счастливым такого человека». Она упрекала его в том, что он подвергал свою жизнь опасности, стоя во время грозы под деревом. А когда она однажды упала у него на глазах с лошади, он сильно побледнел и без конца переспрашивал ее: «Вы уверены, что с вами все в порядке?»

Она была бы совершенно счастлива, если бы не постоянное нытье герцогини. Выяснения отношений с этой истеричной женщиной, стремящейся вернуть себе прежнее положение и пристроить Конроя при дворе, вызывали у Виктории спазмы желудка. Она хотела как можно быстрее переехать из Кенсингтонского дворца. Но куда? Сент-Джеймский дворец казался ей слишком мрачным, Виндзорский находился слишком далеко. В конце концов она остановила свой выбор на Букингемском дворце, где до нее не жил ни один монарх. Этот дворец был куплен у герцога Букингема Георгом III, затем по приказу Георга IV был перестроен и расширен и стал называться «New Palace»^[17]. В большинство комнат там провели газовое освещение, но сами помещения были неудобны для жилья. Пришлось пробивать там новые двери и строить новые лестницы. Переезд был назначен на 13 июля, но строительные работы затягивались. Виктория не хотела ничего слушать и отправила собственноручно составленную записку, в которой объявляла, что собирается переехать, как и планировалось, 13 июля, это вызвало панику у рабочих, и им пришлось заканчивать ремонт в авральном режиме.

«Бедный старый Кенсингтон» оставил в ее душе столь тягостные воспоминания, что она не захочет появляться там в течение последующих тридцати лет. «Самым трудным для меня было сохранять хладнокровие, когда я начинала сердиться, а они никак не оставляли меня в покое», — призналась она Мельбурну. В Букингемском дворце она приказала пробить дверь между своей спальней и спальней фрейлейн Лецен, а матери отвела самые дальние покои. «У меня больше нет будущего, я теперь никто», — причитала герцогиня. Дочь с матерью по-прежнему завтракали за одним столом, но в течение дня гордая герцогиня должна была испрашивать разрешение у Виктории на встречу с ней и часто в ответ на свою просьбу слышала одну и ту же фразу: «Я занята». Потoki упреков удвоились.

«Виделась с матерью... какую сцену она мне устроила!.. Получила письмо от матери. Ох уж эти ее письма!» Герцогиня не могла даже выместить свою злобу на Мельбурне, поскольку премьер-министр вел себя с ней подчеркнуто вежливо и бесстрастно. «Одумайся, Виктория, ведь лорд Мельбурн не король», — злилась тираничная немка.

Когда королева призналась ему, что не любит мать, лидер вигов кивнул головой: «Мне еще не доводилось встречать подобных сумасбродок». В своем дневнике Виктория была вынуждена признать его правоту и добавила в заключение: «Как же мы оба смеялись!» Тем не менее премьер-министр не советовал ей враждовать с матерью: «Это будет плохо воспринято общественным мнением».

Взойдя на престол, Виктория из бедности сразу попала в роскошь. Она стала обладательницей самого крупного состояния в мире. Вскоре парламент проголосует за то, чтобы ее гражданский лист^[18] исчислялся суммой в 385 тысяч фунтов стерлингов, что было в сорок раз больше, чем у президента Соединенных Штатов, и эта цифра останется неизменной до конца ее жизни. Помимо этого в ее собственную казну поступали доходы от Корнуэльского и Ланкаширского герцогств. Первое, что она сделала, это погасила все долги своего отца: 50 тысяч фунтов стерлингов, на это ушел почти весь ее личный годовой доход. Она также решила продолжить выплату ренты внебрачным детям Вильгельма IV, но из экономии отказалась перекупить оркестр, который предложила ей тетка Аделаида.

В королевской резиденции от лорда-камергера до последнего истопника насчитывалось четыреста сорок пять человек обслуживающего персонала. Виктория любила видеть вокруг себя красивых женщин, а посему очень обрадовалась известию о том, что герцогиня Сазерленд согласилась заведовать ее гардеробом. В своем салоне в Стаффорд-хаусе герцогиня слыла защитницей общественных интересов и имела репутацию не только очаровательной, но и умной женщины. Мельбурн порекомендовал королеве и других фрейлин, умниц и сторонниц вигов, поскольку сама она была мало знакома с высшим обществом.

Свое первое лето после восшествия на престол она провела в Виндзоре. Это было чудесное лето. Рядом с ней находились дядюшка Леопольд со своей женой Луизой, а главное — лорд Мельбурн: «Это было самое приятное лето в моей жизни, я никогда не забуду первого лета моего царствования». Ее дни были подчинены тому же распорядку, что и в Лондоне. Утром она принимала министров, а днем совершала долгие прогулки верхом. Виктория не садилась на лошадь с тех пор, как два с лишним года назад в Рамсгейте перенесла тяжелую болезнь. И теперь «под

присмотром» дядюшки Леопольда она вновь училась скакать галопом по тридцать лье без остановки во главе небольшой кавалькады. На лошади она казалась не такой маленькой. В бархатной амазонке зеленого цвета и цилиндре с черной вуалькой, с ярким румянцем на щеках, она чувствовала себя почти красавицей. Через четыре месяца после восшествия на престол она записала в дневнике: «Все говорят, что я совершенно изменилась с тех пор, как взошла на трон».

В форме виндзорского гарнизона — синий мундир с красным воротником и красными обшлагами — она принимала парад своих войск: «Я приветствовала их, поднося руку к шляпе, как это делают офицеры, и все восхищались тем, как у меня это получалось... Впервые в жизни у меня было ощущение, что я мужчина и что мне самой предстоит сражаться во главе моих войск». И далее, отвечая Феодоре, спросившей, не кажется ли ей, что она живет, будто во сне: «Но видит Бог — в хорошем сне; и такой счастливой меня делает не окружающая меня роскошь и не то, что я стала королевой, а тот в высшей степени приятный образ жизни, который я сейчас веду, именно он дарит мне покой и счастье».

Премьер-министр значительно облегчал ей выполнение ее задачи, доступно объясняя, что за документы проходят через ее руки и что за письма ей нужно подписать. Что же касалось дипломатических депеш, то тут он уступал свои полномочия наставника министру иностранных дел лорду Пальмерстону, самому недоверчивому и авторитарному члену кабинета министров, который не позволял ей никакой инициативы. Письма в адрес какого-либо монарха непременно должны были заканчиваться несколькими словами, написанными рукой королевы. Так вот министр заранее писал их карандашом, а секретарю потом приходилось подтирать ластиком карандашный след.

Согласно Салическому закону^[19], восшествие Виктории на престол обернулось для Англии потерей Ганноверского королевства. Оно перешло по наследству к ее дяде — герцогу Камберлендскому. Но британское владычество простиралось до Индии, где всем заправляла частная Ост-Индская компания. Завершилось объединение Австралии, а также Канады, где французские колонисты часто поднимались против британской короны. С объявлением независимости Америки первая колониальная империя исчезла, и теперь надо было укреплять и защищать нынешнюю империю, вторую.

Новые завоевания приносили новые богатства. Негоцианты, арматоры, фабриканты приобщались к тому образу жизни, который раньше вели лишь благородные лорды. Нуворишей стали избирать в палату общин. Пиль,

сменивший Веллингтона на посту лидера партии тори, был сыном богатого фабриканта из Манчестера.

В палате общин виги лорда Мельбурна лишились большинства, и Виктория на пару со своей Лецен каждый день дрожала и даже плакала при мысли, что его могут свергнуть. Его правительство раскололось из-за неуправляемого поведения отдельных личностей, которыми премьер-министр уже и не пытался руководить. Лорд Дарем и лорд Бругем каждые три дня грозили отставкой, лорд Рассел выбалтывал в клубе все секреты кабинета министров, а лорд Пальмерстон втайне ото всех проводил во внешней политике империалистический курс. Правительство едва держалось, постоянно лавируя между левыми радикалами и могущественной консервативной оппозицией в палате лордов. Страна требовала реформирования избирательной системы, торговли зерном и отношений с Ирландией. Но премьер-министр проповедовал доктрину застоя. «Я люблю покой и стабильность», — не уставал повторять он, типичное дитя XVIII века, своим оппонентам, жаждущим перестройки аристократического общества, того общества, которое как нельзя лучше соответствовало его темпераменту.

Среди всех этих бурных дебатов, словесных дуэлей, излишне шумных заседаний кабинета министров и козней лорда Дарема, от которого Мельбурн пытался отделаться, отослав его в Канаду, но который вернулся оттуда уже через три недели, общение с юной королевой было для него настоящей отдушиной. Она с нетерпением ждала его и сердилась, когда он уходил: «Лорд Мельбурн ужинает у леди Холланд. А я хотела бы, чтобы он остался со мной». Она ненавидела обычай, предписывающий женщинам переходить из столовой в гостиную, в то время как мужчины, оставаясь за столом, потягивали порто или бренди. Она обязывала своих гостей-мужчин присоединяться к ней уже через пятнадцать минут. Мельбурн садился рядом с ней на диван, а она листала альбом с гравюрами о походах Наполеона, итальянских озерах или о Новой Зеландии. Премьер-министр отпускал шутки о людоедах, она смеялась взахлеб, приоткрывая десны, а герцогиня за карточным столом боролась со сном.

Они проводили вместе по шесть часов в день. После полудня непременно катались верхом. Во время ужина Мельбурн, как правило, сидел за столом слева от нее вне зависимости от того, кто еще был у нее в гостях. Иногда Виктория интересовалась, не в тягость ли ему уделять ей столько времени. «Конечно, нет!» — отвечал он со слезами на глазах. «Как же быстро бежит время, когда ты счастлив!» — писала она, все еще не оправившись от удивления, что наконец остались в прошлом годы,

проведенные в Кенсингтоне с его удушливой атмосферой, пустотой и скукой.

Она вставала в восемь утра и не имела ни одной свободной минуты: «Я получаю столько сообщений от своих министров, столько пишу им сама, под столькими бумагами должна поставить свою подпись, что постоянно завалена работой. Но эта работа доставляет мне огромную радость». Ей помогали два человека: Штокмар стал ее личным секретарем, а Лецен контролировала расходы и отвечала за королевскую переписку частного характера. Когда кто-нибудь из министров выходил от Виктории в одну дверь, в другую тут же входила Лецен. Эти немец и немка были беззаветно преданы ей, но ревновали ее друг к другу. Дядя Леопольд просил своего верного Штокмара еженедельно слать ему отчеты об английских делах, что вызывало возмущение Мельбурна: «Если у меня будет что сообщить королю Бельгии, я сам сделаю это».

Виктория продолжала брать уроки пения у Лабланша и организовала его первый концерт в Букингемском дворце спустя полтора месяца после своего переезда туда. По этому случаю при дворе был отменен траур по прежнему королю. Дирижировал оркестром маэстро Коста, и после Лабланша королева и ее гости слушали несравненную Тамбурины и Гризи — звезд оперной труппы театра «Ковент-Гарден». В январе Виктория с гордостью писала Феодоре: «У меня теперь есть собственный оркестр, который играет каждый вечер после ужина и играет превосходно. Он состоит исключительно из духовых инструментов». Театр она любила не меньше музыки. 26 января она была на постановке «Гамлета», главную роль в котором сыграл сын знаменитого Кина, и получила от его игры огромное удовольствие, хотя и призналась, что «столь непростого персонажа почти невозможно понять». 5 февраля в театре «Друри Лейн» она смотрела «Ричарда III» все с тем же Кином-младшим: «Я не могу описать, как замечательно он изображал этого жестокого Ричарда. Все остальные актеры играли отвратительно». По совету Мельбурна она посмотрела также «Короля Лира» и повергла в шок мать, взявшись за чтение своего первого романа — «Оливера Твиста». Когда она ехала на торжественный прием, устроенный лордом-мэром Лондона, мимо доходного дома, принадлежавшего банкиру Куттсу, Диккенс, стоявший у одного из его окон, поднял в ее честь бокал бордо.

Письма от дяди Леопольда приходили по-прежнему часто, но для Виктории они перестали быть истиной в первой инстанции. В марте 1838 года отношения дяди и племянницы подверглись серьезной проверке на прочность. Леопольд настаивал на том, чтобы Англия поддержала Бельгию

против Голландии, которая хотела отторгнуть у нее Люксембург, как это предусматривалось Лондонским договором, подписанным в 1831 году. Но в связи с тем, что Голландия была давней и привилегированной союзницей Англии, ответ племянницы оказался отнюдь не таким, на какой рассчитывал Леопольд. Не поскупившись для начала на слова любви к дядюшке, Виктория заверила его в том, что лорд Мельбурн и лорд Пальмерстон желают Бельгии «процветания и благополучия», чем и ограничилась. Дядюшка думал по-другому. Спустя несколько недель он отправил ей новое решительное послание: «Ты знаешь по опыту, что я никогда ничего не прошу... Но как я уже говорил, если мы сейчас не примем мер предосторожности, последствия этого инцидента могут оказаться очень серьезными, способными так или иначе сказаться на судьбах мира». И вновь лорд Мельбурн продиктовал Виктории ответ, который та щедро пересыпала словами типа «мой дорогой дядюшка» и «большой привет дорогой тетушке Луизе и вашим деткам». В следующем своем послании Леопольд долго рассуждал о климате Брайтона и, поскольку никогда не считал «нет» окончательным ответом, не собирался признавать себя побежденным... Виктория же решила поставить точку в этом их споре: «Я должна поблагодарить вас за последнее письмо, которое получила в воскресенье. Хотя вам, видимо, доставляет удовольствие наблюдать, как я начинаю метать молнии, решая политические проблемы, может быть, не стоило бы этим злоупотреблять во избежание большого пожара, тем более что по нашему с вами вопросу, к моему глубочайшему сожалению, договориться мы, как я понимаю, не сможем».

С весны 1838 года в Лондоне только и говорили, что о торжествах по случаю коронации, которую виги решили отметить со всей возможной пышностью. Парламент выделил 200 тысяч фунтов стерлингов на саму церемонию и все, что ей сопутствовало: украшение Вестминстерского аббатства и городских улиц, балы и оркестры, которые должны были играть по всей столице. Газеты писали о новой парадной короне юной королевы. Корона святого Эдуарда, которую обычно возлагали на головы английских монархов, оказалась слишком велика и тяжела для Виктории, а посему было решено украсить ее новую корону самыми лучшими драгоценными камнями из королевской сокровищницы: выбор пал на рубин «Черный принц», сапфир Стюартов и не имеющий себе равных сапфир, снятый с пальца Эдуарда Исповедника в XII веке при вскрытии его могилы в момент его канонизации.

Пресса писала также о предстоящих трех больших приемах при дворе, одном гала-концерте и трех балах. Новый Букингемский дворец с его пятью

просторными гостиными, галереей и огромной столовой оказался идеальным местом для приема многочисленных гостей. Виктория убедилась в этом в начале мая на первом балу своего царствования. Ужасно волнуясь, она вышла к гостям в десять часов вечера под звуки оркестра Иоганна Штрауса и не покинула бала до самой зари: «Я так давно не танцевала и была так счастлива делать это вновь». 25 мая она писала дяде Леопольду: «Я танцевала до четырех часов утра. Это был самый прекрасный день рождения в моей жизни. О, как он отличался от моего предыдущего дня рождения!» Между двумя кадрилими она обменялась с Мельбурном почти нежными записками. «Я видела королеву с ее премьер-министром. Когда он с ней, то кажется влюбленным, очарованным ею, самодовольным и значительным, он чувствует себя совершенно в своей тарелке, будто привык к тому, что рядом с ним всегда находится звезда. И еще он был очень веселым», — писала княгиня Ливен.

Большой бал по случаю коронации состоялся 19 июня. Гостей встречали в огромном индийском шатре, украшенном китайскими фонариками, под звуки военного оркестра. Сотни свечей в канделябрах освещали колонны из розового и голубого мрамора с золотыми инициалами Виктории наверху, ангелочков в нише за тронем и обтянутые темнокрасным бархатом кресла. Послы всех стран собрались здесь, чтобы выразить свое почтение молодой королеве. Путешествие в карете, запряженной лошадьми, или на парусном судне было слишком долгим и опасным, чтобы короли, императоры и султаны лично пускались в путь из-за каждой коронации.

Оркестр Иоганна Штрауса играл «Боже, храни королеву», когда, после того как часы пробили десять, появилась Виктория в сопровождении членов своей семьи. Чтобы присутствовать на этом торжестве, приехала Феодора, доставив сестре ни с чем не сравнимое удовольствие. Королева открыла бал кадрилию со своим двоюродным братом Георгом Кембриджским, а в следующем танце ее партнером был князь Шварценберг. Мелодии Штрауса сменяли одна другую под богато украшенными сводами шатра, а Виктория без усталости кружилась, меняя кавалеров: лорд Вард, герцог Бакли, австрийский князь Эстерхази, чьи венгерка из темного бархата, шпага и даже плащ были усыпаны бриллиантами и притягивали к себе все взоры. Иногда она устраивала себе передышку во время вальса, который по этикету могла танцевать только с принцем крови. Кресла для королевской семьи были установлены под двумя балдахинами.

К коронации королевы Вейппер, чей оркестр играл в малой бальной

зале, написал вальс «Бельгийский лев» и несколько кадрилией под общим названием «Королевский Ватерлоо». В час ночи подали ужин. Быстро перекусив, Виктория вновь вернулась к кадрилям, она не пропустила ни одной и танцевала до четырех утра. Последним был шотландский народный танец, юная королева виртуозно исполнила его и отправилась наконец спать.

Солнце уже вставало над Темзой, и на улице слышались удары молотков рабочих, сколачивавших трибуны для зрителей по всему маршруту торжественной процессии. Всю неделю устраивались не только приемы для знати, но и обеды для бедняков. Все особняки знати были в праздничной иллюминации, театры украшены фонариками, а с помощью газовых рожков Лондон превратился в единственный в мире город-свет. В Гайд-парке впервые устроили ярмарку с каруселями. Народ вовсю праздновал, когда в полночь 27 июня в честь коронации ударили в колокола. А в четыре часа утра Викторию разбудил орудийный салют.

Она уже не смогла заснуть и смотрела в окно, в которое хлестали дождь и ветер, а в десять утра вышла из Букингемского дворца под яркие лучи солнца. Экипажи послов были один экстравагантнее другого: зеленый с серебром у чрезвычайного представителя королевы Португалии; обитый пурпуром и желтым шелком, с восходящим солнцем и полумесяцем у посла турецкого султана. Но наибольшее впечатление производил экипаж маршала Сульта: карета кобальтового цвета с золотой и серебряной отделкой, когда-то принадлежавшая великому Конде^[20]. Вчерашнего противника Веллингтона^[21] встречали бурными аплодисментами, и он расчувствовался. «Какой замечательный народ эти англичане!» — воскликнул он.

Из своей парадной кареты королева робко приветствовала толпу и, «веселая, словно птичка», торжественно въехала в Вестминстерское аббатство, где ее ожидали в блеске бриллиантов пэры и их супруги: «Я не могу выразить словами ту гордость, что я испытываю от того, что являюсь королевой такой нации».

А между тем торжественная церемония стала длинной чередой недоразумений. Кому-то пришла в голову неудачная идея нарядить фрейлин королевы в платья с такими длинными шлейфами, что они постоянно путались в них и мешали Виктории двигаться вперед. Архиепископ Кентерберийский повсюду искал один из символов королевской власти — державу, тогда как один из епископов уже передал ее Виктории, и та с трудом держала ее в дрожащей руке, такой держава была

тяжелой. Затем он надел ей не на тот палец золотое кольцо с рубином, чуть не расплющив ей фалангу, и после церемонии ей пришлось долго держать палец в холодной воде, чтобы снять с него кольцо. Ей подали команду вставать, не дождавшись, когда закончится вознесение молитв. Она дважды тихо спрашивала, что последует далее, но епископ Дарем отвечал, что ничего об этом не знает.

Престарелый лорд Роулл, которому уже перевалило за восемьдесят, упал, когда карабкался по ступеням трона, чтобы выразить королеве свое почтение. И, наконец, корона, к которой лорды должны были прикоснуться прежде, чем приложиться к руке королевы, намяла Виктории голову, потому что все они слишком сильно цеплялись за нее. От этого у нее разыгралась мигрень.

Но когда затрубили трубы и оркестр заиграл гимн «Боже, храни королеву», она растрогалась и улыбнулась своей «горячо любимой» Лецен и своему премьер-министру, который стоял с церемониальной шпагой на боку: «Когда мой дорогой лорд Мельбурн опустил передо мной на колено, чтобы поцеловать мне руку, он крепко пожал ее, а я от всего сердца вернула ему его рукопожатие; потом он посмотрел на меня, и в глазах его стояли слезы, он казался сильно взволнованным и оставался таким до конца церемонии».

Едва переступив порог Букингемского дворца, она услышала лай своего любимого спаниеля Дэша. Она отложила скипетр и державу, которые до сих пор держала в руках, скинула парадную мантию и нежно прижала к себе своего песика. Легенда гласит, что она даже сама искупала его. За ужином лорд Мельбурн, сидевший слева от королевы, со слезами на глазах воскликнул в ответ на ее жалобу, что у нее от усталости дрожат ноги: «Я должен поздравить вас с тем, как превосходно вы держались сегодня. Вы вели себя просто безупречно!» В то время в английском высшем обществе не стеснялись проливать слезы. Они были признаком хорошего воспитания, культуры и тонкой артистической натуры.

Глава 5

После коронации королева еще в большей мере, чем прежде, ощутила себя королевой и была счастлива. Какой же это был контраст с тем положением, в котором оказались юные правительницы Испании и Португалии, познавшие, что такое гражданская война и революция! Ее же малейшие желания и даже капризы тут же исполнялись. Виктория была в центре всех взглядов, в центре всеобщего внимания. Ее народ любил ее. Ее встречали восторженными криками всякий раз, когда она появлялась на улице, чем не мог похвастаться ни Георг IV, который боялся передвигаться в карете по Лондону из страха, что его забросают камнями, ни даже Вильгельм IV: «Лорд М сказал мне, что люди ведут себя очень учтиво по отношению ко мне, тогда как с королем они были демонстративно грубы и, завидев его, тут же надевали на головы свои шляпы».

Она все с большим удовольствием выполняла свою «работу королевы» и считала, что ее премьер-министр мало бывает с ней, особенно по вечерам. Она не любила ужинать без него. Когда его не было рядом, беседа за столом не клеилась. Вернувшись однажды вечером из Букингемского дворца, лорд Гревилл так описал свой диалог с Викторией:

«Катались ли вы сегодня на лошади, лорд Гревилл?»

«Нет, мадам, не катался».

«Сегодня был такой прекрасный день!»

«Да, мадам, просто замечательный!»

«Правда, было чуть прохладно».

«Действительно, мадам, было немного прохладно».

«А ваша сестра, леди Френсис Эгертон, ездит верхом, не так ли?»

«Да, мадам, иногда ездит».

Повисло молчание.

«А вы, ваше величество, катались сегодня верхом на лошади?»

«Да, и довольно долго», — оживилась королева.

«У вас хорошая лошадь, ваше величество?»

«О, да, превосходная».

Она знала, что ей не хватает знаний, и ненавидела сидеть в «кружке» гостей, которым никогда не находила что сказать. Она гораздо уютнее чувствовала себя с Лецен и с людьми простого сословия, чем с лордами, министрами и писателями, рядом с которыми из-за недостатка культуры ощущала себя существом низшего порядка. Она никогда не выезжала за

пределы Англии, не бывала в Париже, не выходила в свет.

Она жаловалась на это лорду Мельбурну, а тот советовал ей лучше говорить какие-нибудь глупости, чем сидеть молча. День за днем он продолжал наставлять и учить ее. Он ей читал и разъяснял закон об отмене рабства, и она, ужасаясь, открывала для себя, какие жестокости творили торговцы рабами. У нее было безошибочное чутье. В своей пуританской Англии она умудрилась остаться свободной от религиозных предрассудков. Одним из первых, кого она возвела в рыцарское достоинство, стал еврей, избранный шерифом Лондона, с которым она в свое время познакомилась в Рамсгейте. В тот вечер она записала в своем дневнике: «Я в восторге, что первой делаю то, что считаю справедливым и достойным».

Ее мать взывала к небесам. Разобиженная герцогиня осыпала дочь упреками. И в театр, дескать, та ходит слишком часто, и ест слишком много, и вина за столом пьет сверх меры, а главное — упрямо не допускает ко двору Конроя: «Я сказала лорду М, что это просто ужасно в течение стольких лет постоянно находиться рядом с матерью... Несколько дней назад она заявила мне, что останется здесь со мной до тех пор, пока я не выйду замуж. Какая отвратительная альтернатива!»

Сейчас она меньше, чем когда-либо, думала о замужестве. Она намеревалась подождать с этим года три-четыре. И не раз повторяла это дядюшке Леопольду, который упорно сватал ей ее двоюродного брата Альберта. Как раз в это время Штокмар сопровождал принца в длительном путешествии, подходившем уже к концу, по Швейцарии и Италии, где они доехали до Неаполя, — это было своего рода последнее повторение пройденного перед его экзаменами в университет. Но Виктория не хотела больше иметь дело с этим «юнцом». Она уже не мыслила себя без остроумных замечаний Мельбурна, без его взгляда, обращенного в ее сторону, и без преисполненных любви записок, которые он присылал ей, когда не мог приехать к ней в Виндзор. Для короля Бельгии она придумывала массу отговорок. «Помимо всего прочего, — с раздражением заметила она однажды, — он пока еще не слишком хорошо владеет английским языком, и если собирается занять в Англии столь высокое положение, то ему следует избавиться от этого недостатка». Между тем она прекрасно знала, что вместе со Штокмаром к немецкому принцу был отправлен лейтенант Сеймур, дабы помочь ему в изучении английского языка.

Дядя начал сдавать свои позиции. Вернувшемуся из Италии Штокмару он писал: «Я имел долгую беседу с Альбертом. Со всей откровенностью я изложил ему возникшие проблемы. Я сказал ему, что свадьбу придется

отложить на несколько лет. На что он совершенно справедливо заметил: «Я готов согласиться на эту отсрочку, если получу какие-то гарантии, что наш план будет осуществлен. Но если после, скажем, трехлетнего ожидания я узнаю, что королева больше не желает этого брака, я окажусь в смешном положении и все мои планы на будущее будут поставлены под сомнение»». Одному из своих друзей Альберт писал: «Королева заявила моему бельгийскому дядюшке, что считает наш договор расторгнутым и что не собирается выходить замуж раньше чем через четыре года. Со своей стороны, я также собираюсь заявить о том, что считаю себя полностью свободным от каких-либо обязательств».

Ах, как бы Виктории хотелось так же любовно разрешить свой конфликт с герцогиней и Конроем! Но тут ей представился чудесный случай отомстить человеку, отравившему все ее детство, развенчав сомнительную нравственность этого «чудовища», которое она всегда подозревала в порочной связи с ее матерью.

Леди Флора Гастингс, фрейлина герцогини, уезжала на рождественские каникулы в Шотландию, в свое родовое имение. В Лондон она вернулась в почтовой карете в сопровождении одного лишь Конроя. Вернулась заметно пополнившейся. У нее начались проблемы с желудком, и она обратилась за помощью к доктору Кларку, а тот, даже не осмотрев пациентку, прописал ей двенадцать пилюль, в состав которых входили ревень и рвотный корень, а также камфорноопийную мазь. Леди Флоре было уже тридцать два года, она была не замужем, и две придворные дамы королевы, ненавидевшие спесивого ирландца, начали распускать на ее счет сплетни. Округлившийся живот леди Флоры дискредитировал нравственность королевского двора. Эта деталь не ускользнула от внимания баронессы Лецен, и она проинформировала об этом Викторию. 2 февраля 1839 года королева записала в своем дневнике: «У нас нет никаких сомнений, что, говоря без обиняков, она ждет ребенка. Доктор Кларк не может этого отрицать. Виновником всего этого является то самое Чудовище и тот Дьявол во плоти, чье имя я не хочу здесь упоминать, но это слово стоит первым во второй строке на этой странице».

Слово, о котором шла речь, на самом деле представляло собой следующие инициалы: «Д. К.».

Однако после многочисленных обследований врачи установили, что леди Флора девственница. На самом деле у нее оказался рак печени. Но распускавшиеся при королевском дворе сплетни опорочили имя, которое она носила. Ее брат, молодой и горячий лорд Гастингс, требовал удовлетворения за нанесенное оскорбление и хотел драться на дуэли с

лордом Мельбурном. Герцогиня Кентская воспользовалась этой историей, чтобы обвинить дочь в крайней жестокости по отношению к себе и к Конрою. Она прекратила пользоваться услугами доктора Кларка и перестала появляться за общим столом. То тут, то там стали раздаваться голоса, взывающие к старой гвардии и требующие восстановления справедливости; герцог Веллингтон, проявляя политическую мудрость, советовал замять эту историю и настаивал на том, чтобы мать с дочерью помирились.

23 февраля Виктория нанесла визит леди Флоре, расцеловала ее и предложила все забыть. Но было слишком поздно. Чтобы положить конец гнусным сплетням, дядя леди Флоры, проживавший в Брюсселе, передал в газету «Экзэминер» письмо своей племянницы, в котором та описала всю эту историю и в котором обвиняла баронессу Лецен в ненависти к герцогине Кентской. Пресса принялась раздувать скандал. Ссора между королевой и ее матерью стала достоянием гласности.

Отныне стали говорить о «двух» дворах, и газеты пестрели вопросами: кто же пустил эти сплетни? Две фрейлины Виктории из вигов? Но почему она не спешит избавиться от них? А доктор Кларк по-прежнему остается личным врачом королевы? Но почему она, подобно герцогине, не отказывается от услуг этого столь некомпетентного в своем деле человека? Баронессу-немку обвиняли в том, что она настраивает королеву против герцогини. В Брюсселе разговоры на эту тему были непременно блюдом в меню любого обеда. Сам король Леопольд ополчился против «Лецен, которая, — как он писал своей супруге, — установила ту же систему устранения неудобных, какую в свое время насаждал милейший сэр Джон Конрой». А Штокмар пустил в Вене слух, что из-за этой истории Виктория, похоже, тронулась умом, как когда-то ее дед.

В Лондоне мать Флоры Гастингс опубликовала в «Морнинг пост» свои письма к королеве, в которых требовала объяснений, и сухие ответы на них Мельбурна. Дело начало приобретать политическую окраску. В борьбе за стабильное большинство виги и тори развязали невиданную по жестокости кампанию взаимных оскорблений, что до предела накалило политическую обстановку. Оппозиция в лице тори, к коим принадлежали Гастингсы, обвиняла королеву в том, что та находится под влиянием своего двора, состоящего исключительно из вигов, и воспользовалась первым же предложением — им стало голосование по проекту закона о Ямайке, — чтобы попытаться уже в мае свергнуть правительство.

В 1835 году британский парламент отменил рабство чернокожих на всей территории своей империи, чего не сделали ни Франция, ни другие

колониальные державы. Владельцы плантаций сахарного тростника на Ямайке отказывались исполнять этот закон, поскольку из-за него их продукция теряла конкурентоспособность на мировом рынке. Чтобы заставить их подчиниться, правительство Мельбурна вслед за министром иностранных дел Пальмерстоном предлагало применить жесткие меры: ввести прямое управление Ямайкой из Лондона. Закон был принят с перевесом всего в пять голосов, и лорд Мельбурн по праву считал его слишком незначительным, чтобы и дальше спокойно проводить в жизнь свою политику.

Его письмо с просьбой об отставке, отправленное в Букингемский дворец 7 мая, вызвало потоки слез королевы, которую бросало в дрожь при мысли, что ей придется остаться в изоляции, бедной сироткой, неспособной справиться без своего Пигмалиона с навалившимися на нее проблемами, а главное — противостоять нападкам герцогини, Конроя, Гастингсов и тори. «Страх, горе и отчаяние, в которые все это повергло меня, гораздо легче представить, чем описать! Все-все мое счастье улетучилось! Счастливая, спокойная жизнь нарушена, мой добрый, мой любимый лорд Мельбурн уходит с поста премьер-министра», — записала она в своем дневнике.

После встречи с ним в тот же день она сделала еще одну запись: «**Я** думала, сердце мое разорвется; он стоял у окна, я схватила его руку, дорогую, любимую руку, заплакала и сжала ее двумя руками, я смотрела на него и твердила сквозь слезы: “Вы не покинете меня”. Я задержала его руку в своих, будучи не в состоянии отпустить ее, а он смотрел на меня с такой добротой и любовью и с трудом мог говорить, потому что ему мешали слезы. “Нет, конечно же нет,” — произнес он дрогнувшим голосом».

Чуть позже лорд Мельбурн вновь вернулся в королевский дворец, чтобы научить ее, как вести себя в создавшейся ситуации. Писаных правил на этот счет не существовало, но была традиция, которую необходимо было соблюдать. Он посоветовал ей предложить пост премьер-министра символичной фигуре партии тори — Веллингтону. Но тот ответил отказом. Он был стар и глух и, имея большое влияние в палате лордов, не пользовался авторитетом в палате общин. Он порекомендовал ей остановить выбор на лидере партии тори сэре Роберте Пиле.

Но Виктория уже решила про себя, что она за вигов и что никакой Пиль ей не нужен. Всхлипывая, она жаловалась Мельбурну на то, как ей тяжело, когда ей навязывают человека, которого она терпеть не может. «Да, это очень тяжело, но этого не избежать», — ответил лорд Мельбурн.

Ее первая встреча с Пилем была поистине ледяной. Лидер

консерваторов не обладал никакими достоинствами, которые могли бы помочь ему затмить блистательного Мельбурна. У него была атлетическая фигура, но ей не хватало изящества, так же как лицу не хватало выразительности. Глава партии тори был выходцем из того нового класса промышленной буржуазии, который нажил свои капиталы производством текстиля и его торговлей и пробился к власти благодаря реформе избирательной системы. Он был чужаком при дворе. Не знал, как вести себя в присутствии королевы, переминался с ноги на ногу и говорил с ней излишне политизированным языком. Ей не понравились «его манеры, о, как же они отличались, самым радикальным образом отличались от свободного, открытого, естественного, любезного и доброжелательного поведения лорда М!».

Увы, не бывать больше долгим беседам с ним с глазу на глаз. Обычай запрещал Виктории принимать бывшего премьер-министра в частном порядке. Отличаясь почти патологической импульсивностью, она не пожелала с этим мириться и тем же вечером пригласила лорда Мельбурна в Букингемский дворец.

Будучи настоящим джентльменом, он не смог принять ее приглашения. Он достаточно долго служил при короле — стороннике тори и скрупулезно соблюдал правила «честной игры», составлявшей саму суть британской общественной жизни. Он даже принялся защищать Пиля: «Вы должны помнить, что этот человек не привык общаться с королями, в отличие от меня он не воспитывался вместе с монархами и принцами». Удрученная, она отправила ему записку: «Королева желает одной вещи, которую считает вполне допустимой: завтра днем во время прогулки верхом она хотела бы встретиться с лордом М. Для нее это было бы большой поддержкой, и никто на свете не смог бы осудить ее за это».

Уже на первой встрече с королевой сэр Роберт поднял вопрос о том, что королевский двор состоит исключительно из вигов. Лорд Мельбурн подготовил к этому Викторию: она должна настаивать на том, что выбор ее ближайшего окружения является ее законным правом. Но если Пиль не согласится с этим и будет требовать, чтобы и среди придворных дам королевы сохранялось равновесие между тори и вигами, она должна будет подчиниться этому требованию, дабы избежать опасности «попасть в ту же ситуацию, что сложилась во Франции, где ни одна из партий не могла сформировать правительство и управлять страной».

Пиль, с которым она вновь увиделась на следующий день, потребовал, чтобы она рассталась с герцогиней Сазерленд и леди Норманди, женами его самых ярых оппонентов-вигов. Но Виктория терпеть не могла

перемены и желала сохранить неизменным круг своих друзей. Став жертвой нападок Гастингсов, она была убеждена, что фрейлина-тори типа леди Флоры будет лишь шпионить за ней и нарушать ее спокойствие. Кроме того, она больше не желала «иметь над собой регентов, словно ребенок». Она достаточно настрадалась от постоянной опеки в Кенсингтоне.

Компромисс был невозможен. Не питая никаких иллюзий относительно того будущего, что ожидало правительство, которое ему никак не удавалось сформировать, Пиль отказался от этой затеи. Виктория тут же отправила записку лорду Мельбурну: «Будьте наготове, поскольку вы можете вскоре понадобиться мне». Тем же вечером он собрал у себя в Мельбурн-хаусе всех своих министров, которые съехались к нему из оперы и из гостей. Он зачитал им письмо королевы, выдержанное в елизаветинском стиле: «Сейчас они хотят лишить меня моих придворных дам, а потом, как я полагаю, доберутся до моих костюмерш и горничных. Они надеются, что со мной можно обращаться как с ребенком, но я покажу им, что я королева Англии». После трехчасовых дебатов министры решили не покидать «такую королеву и такую женщину», которая столь решительно встала на защиту партии вигов. Мельбурн заявил в палате общин: «**Я** возвращаюсь на свой пост по одной-единственной и крайне важной причине: я не могу покинуть мою королеву в трудный для нее момент, когда ее одолевает тоска, а главное — когда ей выдвигают недостойное ее положения требование, выполнив которое, она поставила бы свою власть в зависимость от любых капризов политических партий».

На следующий день королева принимала русского царевича Александра. Будущий царь Александр II страшно возмущался, узнав, какое унижение ее заставили пережить. Царевич был необычайно привлекательным, высоким и стройным молодым человеком, слывшим одним из лучших танцоров в Европе. На балу, устроенном в его честь в Букингемском дворце, Виктория просто светилась от счастья. Окруженная друзьями, она вновь встретилась со своим премьер-министром, «еще более красивым, чем обычно», на фоне кислых мин Веллингтона и Пила. Она дала свой первый бой на политическом фронте и выиграла его.

Больше двух недель Виктория устраивала для русского гостя приемы, скачки, концерты и водила его в театр, где их неизменно встречали бурными аплодисментами. Когда они ехали в карете по улицам столицы, толпа громко скандировала: «Да здравствует королева! Браво!» В Лондоне страсти накалились до предела. Тори кипели от возмущения и кричали о заговоре. Бенджамин Дизраэли написал открытое письмо в «Таймс»: «К

несчастьем, мадам, самой тягостной обязанностью британского правительства является возложенная на него обязанность негласно присматривать за окружением государыни. Совершенно очевидно, что нельзя попустительствовать некоторым вещам при дворе, иначе это может привести к нежелательным последствиям или каким-либо осложнениям на правительственном уровне. Широкой публике, которая не знает, что королевский характер с самого детства формируется в условиях постоянной необходимости контролировать себя, трудно представить, что королева может держать в секрете от своего ближайшего окружения, вхожего в ее будуар, вопросы государственной важности». Виги обвиняли своих противников в имперских замашках, желании разлучить королеву с ее друзьями и попытках нарушить ее душевный покой.

24 мая она праздновала свой день рождения. Ей исполнилось двадцать лет: «Я чувствую себя так необычно, мне хорошо, и я знаю, что двум людям обязана большим, чем могла бы дать им сама, это моя любимая Лецен и мой любимый, великолепный лорд Мельбурн». Но вечером она не замечала никого, кроме русского царевича с его сильными руками. На этом балу она впервые танцевала мазурку: «Великий князь так замечательно танцует этот танец, что мне приходилось очень стараться, чтобы не отстать от него, кружась по кругу, меня словно затягивало в водоворот, как в вальсе, и это было очень приятно». Танцуя народный немецкий танец, в котором пары, пролезая под носовым платком, должны были близко склонить головы друг к другу, высокорослый кавалер зацепился волосами за диадему своей монаршей партнерши: «Никогда еще я не проводила так приятно время, нам всем было ужасно весело. Я легла в постель без четверти три, но не могла заснуть до пяти часов». Праздник закончился 29 мая: «Мне было грустно, потому что уезжал этот милый юноша, в которого, как мне кажется, я немножко влюбилась (шучу)». Александр не стал говорить Виктории, что уже был тайно обручен со скромной и набожной немецкой принцессой Марией Гессенской.

На следующий день она заметила лорду Мельбурну: «Молодая особа, как я, должна время от времени общаться с молодыми людьми». На что премьер-министр ответил ей, как обычно, со слезами на глазах: «Нет ничего более естественного». Больше всего она любила танцевать быстрые кадрили. В такие моменты она забывала даже о своем лорде М. Считалось, что Виктория танцует лучше всех в королевстве. И она гордилась этим.

30 мая герцог Суссекский устроил в Кенсингтоне большой праздник в честь Виктории. В саду натянули шатер из муслина. В центре установленного там огромного стола возвышался массивный серебряный

подсвечник — подарок франкмасонов герцогу, который в течение двадцати пяти лет был их великим магистром. Пламя свечей отражалось в тарелках, которые тоже были из серебра. На этом празднике на фоне сельского пейзажа, знакомого Виктории с детства, все разговоры вращались вокруг ссоры королевы с ее матерью. Спикер палаты общин пытался убедить Мельбурна, что Лецен — это «притаившаяся в траве змея», а королева — «бессердечный ребенок».

А через несколько дней Конрой объявил о своем решении уехать в Рим, что вызвало всеобщее облегчение. Это Веллингтон, выступавший в роли третейского судьи как в крупных делах государственной важности, так и в мелких склоках при дворе, уговорил злого гения герцогини покинуть Англию.

Но дело Флоры Гастингс на том не закончилось. Англию продолжал будоражить этот скандал. Придворная дама герцогини чувствовала себя все хуже. Королева и ее премьер-министр опасались фатального исхода, способного придать трагедии новый импульс: «Как вы верно заметили, мадам, смерть этой женщины может поставить нас в весьма затруднительное положение». В конце июня королева нанесла новый визит леди Флоре и попыталась оправдать недоразумение, ставшее причиной скандала: «Она была похожа на труп, но живот ее выпирал так, словно она ждала ребенка». Спустя неделю Виктория записала с непривычной для нее лаконичностью: «Бедняжка почил с миром».

Общественное мнение, священнослужители и газетчики вновь всколыхнулись и бросились на защиту безвременно ушедшей из жизни жертвы дворцовых сплетен. Образ «Ее Грациозного Величества» резко померк. Добропорядочное пуританское общество обвиняло ее во флиртности, в излишнем увлечении тряпками, балами и маскарадами.

Тори, все еще не оправившиеся после провала Пиля, прозвали ее «Party Queen» — королевой лишь одной партии вигов! Ее провожали свистом во время ее прогулок верхом в компании премьер-министра. На скачках в Аскоте какой-то сторонник консерваторов выкрикнул ей прямо в лицо: «Миссис Мельбурн!»

При этом главным виновником разыгравшейся драмы был не премьер-министр, а доктор Кларк, и Виктория совершала грубую ошибку, упорствуя в своем нежелании расставаться с поставившим неверный диагноз медиком. Но ведь именно он лечил ее вместе с фрейлейн Лецен в Рамсгейте в 1836 году, когда ей было так плохо, а Конрой с герцогиней без всякой жалости третировали ее. Главное же — Виктория не любила кому бы то ни было уступать. Отказавшись пойти на компромисс с Пилем, она совершила

свою первую в жизни политическую ошибку, которую признает много лет спустя: «Я была слишком молода». Уже второй раз в этом, 1839 году ее чисто ганноверское упрямство давало о себе знать. Ее истинная натура раскрылась во всей красе. Оказалось, что юная королева, такая живая и грациозная, подвержена неконтролируемым вспышкам гнева, а также умеет показать свою власть. Последние события не заставили ее образумиться: «Я призналась лорду М, что чувствую, как мой характер все больше и больше портится».

Сам же премьер-министр ужасно устал. Он страдал от подагры, к вечеру едва держался на ногах и засыпал буквально на ходу. Виктория порой упрекала его, что во время ужина он начинал храпеть в присутствии других гостей, «что выглядело очень неловко». В палате общин он никак не мог справиться с решением возникших политических проблем, на которые он, по своей привычке, просто пытался закрыть глаза.

Закон об избирательном праве от 1832 года не устраивал народ. В стране начали появляться первые профсоюзы. Опубликованная в 1838 году «Народная хартия» требовала всеобщего избирательного права для мужчин, равенства избирательных округов и, главное, установления зарплаты парламентариям, что открыло бы рабочим дорогу в палату общин. 4 февраля 1839 года чартисты созвали в Лондоне съезд, на который съехалось пятьдесят народных представителей.

Социально-политическая обстановка в стране резко обострилась. Четыре неурожайных года подряд привели к тому, что на селе начался голод. Репортер «Морнинг кроникл» так описывал ужасающие сцены нищеты, которые он наблюдал в западных и южных графствах: «**Я** посетил два дома, принадлежащих церковной общине, в каждом из них было по две комнаты, в которых жило по семье. Семейство, обитавшее в первой комнате, состояло из мужа, жены и пятерых детей, во второй комнате проживала семья из десяти человек. В этой последней комнате стояло всего две кровати: одну занимали отец с матерью и двое малышей, а на второй валиком спали остальные шестеро детей. Казалось, что находиться в этом помещении и не задохнуться просто невозможно. Эти сельские труженики начинают осознавать, что тоже имеют право на достойную жизнь, но не смогут добиться ее, пока земля будет оставаться в руках горстки богачей». Журналист задавался вопросом: «Как высоко поднимется эта волна социализма, успех которого кажется тем более очевидным, что он свободно и неотвратимо завоевывает умы людей, не знающих другой школы кроме нищеты?»

В течение всей весны волнения вспыхивали то тут, то там. В том числе

и в Бирмингеме. В Шотландии стал выходить новый еженедельник под названием «Chartist Circular»^[22]. Рабочие бастовали против невыносимых условий труда и требовали упразднения работных домов, где под предлогом борьбы с безработицей бедняков заставляли бесплатно работать на «адских» машинах, установленных в огромных ангарах, забывая даже кормить их. Успех «Оливера Твиста» был не случайным: в романе достоверно передавались революционные настроения низов британского общества.

Но ни высокородные лорды, ни королевский двор, ни сама королева, естественно, даже не подозревали, в каких жутких условиях прозябали подданные Ее Величества. Викторию привели в ужас картины, описанные Диккенсом. Лорд Мельбурн даже не собирался читать это. Мало кто пытался высказывать свое возмущение. В правительстве произошел окончательный раскол. Выступления рабочих топили в крови. Но волнения продолжались до самого лета. В августе лидер чартистов О'Коннор был арестован и приговорен к полутора годам тюрьмы. Еще несколько активистов этого движения составили компанию вора и убийцам, сосланным на каторгу в Австралию.

Там их ждала еще более страшная доля. Один отважный епископ, монсеньор Аллаторн, возвысил свой голос в защиту осужденных, он рассказал об их страданиях, о том, как они боятся ссылки на остров Норфолк. Один каторжник, вернувшийся из этого ада, заявил: «Я могу заверить лорда Стэнли, пообещавшего несколько лет назад сделать ссылку страшнее смерти, что он выполнил и перевыполнил свое дьявольское, изуверское обещание. Несчастные осужденные почли бы за великую милость, если бы их повесили в Англии. Это спасло бы их от тех жестокостей и бесчеловечного обращения, что ждали их в ссылке».

Для королевы, как и для всей страны, это лето оказалось непохожим на предыдущее. Виктория осунулась. Она стала раздражительной, потеряла интерес к политическим проблемам, возникавшим каждый новый день, к меморандумам и проектам законов, представляемым ей на рассмотрение. Она поделилась этим с лордом М и услышала в ответ: «Это совершенно нормально, вы молоденькая девушка, а ведете жизнь государственного мужа». Все, в том числе и Мельбурн, думали о том, как бы выдать ее замуж, тогда как сама она желала и дальше наслаждаться своей свободой: «Почему я должна выходить замуж именно сейчас? Почему нельзя подождать с этим еще года три-четыре?» К этому она добавляла: «Я так привыкла делать то, что мне хочется, что девять шансов из десяти, что я не смогу ужиться ни с одним мужчиной».

Особенно ее раздражало то, что за нее уже сделали выбор, даже не спросив ее мнения, и вели с ней разговоры об одном лишь Альберте. Альберте, которого с самого рождения прочила Виктории в мужа ее кобургская бабка. Альберте, которому кормилица сказала, когда ему было три года, что он непременно женится на королеве. Альберте, которого воспитывали в строгом почтении к церкви, готовя к брачному союзу с его двоюродной сестрой. Альберте, который никогда не знал ни одной другой женщины. Даже не заглядывался ни на одну из них. Альберте, который предпочитал общество ученых мужей. Альберте, о котором дядюшка Леопольд прожужжал ей все уши. Альберте, который должен был осенью приехать в Англию и визита которого она ждала «с отвращением».

Да, во время их первой встречи три года назад он ей даже понравился. Но с тех пор она стала королевой Англии. Столько значительных событий произошло в ее жизни, столько важных решений было принято исключительно ее волей. И если политика вызывала у нее скуку, то беспокойная жизнь, которую она теперь вела, очень ей нравилась: она любила свои «утренние выходы», во время которых лорды преклоняли перед ней колена, чтобы приложиться к ее ручке, и «drawing-rooms»^[23], во время которых юные барышни взволнованно прохаживались в ожидании того, что их представят королеве; любила театры, где ее всегда встречали аплодисментами, и балы, где она всегда блистала. К тому же она прекрасно помнила, что ее двоюродный брат не проявлял никакого интереса к светским развлечениям, страдал желудком, не любил ночи без сна, английскую еду, язык Шекспира и лондонский туман.

Юный немецкий принц рос в деревне, в романтическом замке Розенау — летней резиденции герцогов Кобургских. Его отрочество прошло за сбором гербариев, игрой на органе, катанием на коньках и наблюдением за звездами. Он любил слушать журчание ручья и рев оленей по осени. Его родное герцогство с большим замком в самом его центре, с театром, со средневековыми улочками и непритязательным протоколом сильно походило на Пумперникель, который выведет Теккерей в своей «Ярмарке тщеславия». Это опереточное королевство насчитывало никак не более ста пятидесяти тысяч жителей, тогда как население одного Лондона составляло два миллиона человек. Вернувшись из Италии, Альберт поступил в Боннский университет и изучал там историю и право, а Виктория в это время принимала министров, читала дипломатические депеши и открывала сессии парламента самой могущественной державы в мире.

В 1835 году, накануне своей конфирмации, Альберт продемонстрировал свой высокий культурный уровень восхищенным

жителям Кобурга, собравшимся в зале Гигантов герцогского замка. Но не слишком ли образованным он был и, говоря откровенно, не слишком ли занудливым? Кстати, Виктория не пригласила его на свою коронацию, но получила от него в высшей степени вежливое послание, которое он подписал: «Your Majesty's most obedient and faithful servant, Albert»^[24].

Что касается лорда Мельбурна, то он был не в восторге от этого немецкого кандидата в мужья королевы: «В брак с двоюродным братом вообще лучше бы не вступать, к тому же эти Кобурги не слишком популярны за границей. Русские их терпеть не могут». Он сетовал, что при дворе и так уж слишком много говорят по-немецки. А кроме того, существовало столько других принцев, мечтавших жениться на государыне самого богатого королевства в мире!

Датский король послал на ее коронацию своего старшего сына. Но идиллии у них не получилось. Был среди гостей и герцог де Немур, снаряженный в Англию его сестрой Луизой, страстно желавшей женить его на Виктории. Но той сын Луи Филиппа совсем не понравился. Ей нравился лорд Паджет, который носил на груди ее портрет, и она иногда провожала краешком глаза этого красивого офицера, когда он проходил мимо нее в своем голубом мундире. Но брак с одним из ее подданных мог иметь «много отрицательных моментов», в этом королева была согласна со своим премьер-министром. Известная сплетница княгиня Ливен не преминула, правда, заметить, что единственным мужчиной, за которого королева хотела бы выйти замуж, был лорд Мельбурн.

Общаясь с дядюшкой, Виктория настаивала «на том, что она не брала на себя никаких обязательств» в отношении Альберта. Она даже просила бельгийского короля отменить визит в Англию двух ее двоюродных братьев. Тонкий дипломат, Леопольд послал к ней целую толпу Кобургов, чтобы она ощутила дух семьи: за сыновьями Фердинанда приехал еще один его племянник — Александр Менсдорф. И тут чуть не разыгралась трагедия. Виктория призналась, что не осталась равнодушной к роскошной шевелюре этого немецкого принца двадцати шести лет от роду. В день расставания после «Боже, храни королеву» и пушечных залпов она расцеловала своих кузенов и особенно нежно — Александра: «Мы были так близки духом, так дружны, так счастливы».

Леопольд, присоединившийся к семейному сборищу в Англии, был весьма раздосадован. Виктория не должна ошибиться кузеном! От Альберта же 1 октября пришло письмо, что они с братом не смогут выехать раньше 6-го числа. Она была шокирована этим: «Я нахожу, что они не слишком-то торопятся сюда».

Но вот наконец 10 октября в половине восьмого она стояла наверху центральной лестницы Виндзорского дворца и встречала их карету. Два кобургских юноши превратились в мужчин: «С волнением я вновь смотрела на Альберта. Он очень хорош собой».

Этим все было сказано. Всего нескольких часов хватило, чтобы все ее возражения отпали: «Альберт очень мил и необыкновенно красив, у него изумительные голубые глаза, прелестный нос, красивые губы, изящные усы и маленькие бакенбарды. У него хорошая фигура, широкие плечи и тонкая талия. Он покорило мое сердце».

Спустя три дня она объявила Мельбурну, что сделала свой выбор. Но хотела подождать еще год, прежде чем выходить замуж. Премьер-министр ответил, что это слишком долгий срок: «Мы встали, я схватила лорда М за руку и сказала ему, что всегда чувствовала его доброту и отеческую поддержку. Я была так счастлива...»

Оставалось лишь поставить в известность Альберта. Утром 15 октября, провожая его на псовую охоту, она попросила его зайти к ней по возвращении: «Я назначила Альберту встречу на половину первого. Он вошел в будуар, я была там одна, прошло несколько минут, и я сказала ему, что думаю, что он должен знать, зачем я пригласила его сюда, и что я была бы очень рада, если бы он захотел дать свое согласие на то, чего я желаю всей душой (стать его женой). Мы несколько раз поцеловались. Он был так нежен, так ласков». Облегченно вздохнув после невыносимо долгого ожидания, Альберт мог теперь поиграть с ней в робкого влюбленного. Женитьба на Виктории открывала перед ним радужные перспективы. Молодой принц признался, что даже не рассчитывал на то, что она так быстро решится на их брак, и горячо добавил по-немецки: «В моей любви нет никакого расчета!» Ей очень хотелось верить ему: «О, думать, что я любима таким ангелом, как Альберт, слишком большое блаженство, чтобы я могла описать его во всех подробностях! Он совершенство, само совершенство во всем, в красоте, во всем!»

Увлечшись им так сильно, сохраняла ли она объективность? Ведь его большие голубые глаза, изящные усики и чеканный профиль никак не соответствовали английским канонам мужской красоты: «У него, бесспорно, были правильные черты лица, но при этом само лицо оставалось безвольным и бесцветным. И вообще этот юноша более всего походил на второразрядного оперного тенора».

В действительности его рост едва достигал метра семидесяти, но рядом с Викторией он выглядел настоящим гигантом. Она садилась за его письменный стол и исправляла его орфографические ошибки, подчищая их

специальным ножичком. Он прикладывал промокательную бумагу к подписанным ею страницам. Она взяла его с собой на смотр своих войск в Гайд-парке, и он заботливо набросил ей на плечи меховую накидку. Он подарил ей прядь своих волос, она ему — кольцо. Они жили словно во сне, словно в волшебной сказке, и феей была она сама. Как только у них появлялась возможность, они встречались в голубом будуаре. И целовались там, сидя на диванчике. А когда он уходил, она подбегала к нему, «чтобы получить последний поцелуй». Он клялся ей, что никогда не любил ни одну другую женщину. Она с умилением отмечала, что он ни на кого кроме нее не смотрит. При этом она прекрасно знала, поскольку тонко чувствовала красоту, что сама она отнюдь не красавица. Она объявила: «Я самая счастливая женщина в мире».

Каждый из них, в эйфории, написал по письму Штокмару, а Виктория сообщила радостную новость еще и Леопольду, который в тот момент находился на лечении в Висбадене. Дядя заверил ее, что всегда желал ей только счастья: «В твоём положении ты не сможешь существовать без счастливого и уютного домашнего очага. У Альберта будет трудная роль, но все будет зависеть от твоего доброго отношения к нему. Если ты будешь любить его и будешь нежна с ним, он вынесет все тяготы...» Она попросила дядю сохранить эту новость в секрете. Она уже сообщила ее Лецен, но мать ее пока оставалась в неведении. Дядя сожалел, что не может разделить радость с сестрой, но признавал: «Всем известно, что она не умеет держать язык за зубами и вполне способна, узнав этот секрет, обойтись с ним не так, как нам хотелось бы».

В течение целого месяца двоюродные брат с сестрой наслаждались своей свободой, тем более что Эрнест был прикован к постели из-за сифилиса, который стыдливо называли «желтухой». Братья были совершенно не похожи друг на друга. Эрнест был вылитый отец. В свое время герцог женился на юной Луизе Саксен-Гота-Альтенбургской из-за ее приданого: он получил за ней Готское герцогство. После рождения двух сыновей красавица-герцогиня, уставшая от постоянных измен мужа, влюбилась в какого-то офицера. Герцог изгнал ее из Кобурга, изгнал ночью, опасаясь, что народ взбунтуется и встанет на защиту его супруги. Пятилетний Альберт с тех пор никогда больше не видел мать. Она умерла в Париже. Ей было всего тридцать лет. В его памяти сохранился ее идеализированный образ.

Виктория объясняла Мельбурну, что, твердо решив вступить в брак по любви, она никогда не смогла бы выйти замуж за мужчину, уже любившего до нее другую женщину. Премьер-министр писал лорду Расселу: «Мне

кажется, что лучшего и придумать невозможно. Молодой человек очень мил... что до его характера, то мы в любом случае вынуждены идти на риск...»

Свадьбу назначили на 10 февраля. Герцогиню в конце концов поставили об этом в известность. Она расплакалась от радости и на другой же день заявила, что после свадьбы рассчитывает поселиться вместе с молодыми. «Мы оба единодушно решили, что никогда не допустим этого», — писала Виктория. 24 ноября Альберт вернулся в Германию, разлука их была мучительной: «Как же я люблю его! С какой силой, с каким пылом, с какой страстью! Я плакала. Тосковала. Писала свой дневник. Гуляла. И плакала. Плакала». Из Кале ее возлюбленный прислал ей подбодрившее ее письмо: «Мое сердце полно тобой. Я никогда и помыслить не мог, даже в мечтах, что обрету на этом свете такую любовь. Я замираю от счастья, думая о тебе, представляя тебя рядом со мной — твоя рука в моей».

Но проблемы не заставили себя ждать. Дядюшка Леопольд подлил масла в огонь, присоветовав Альберту потребовать себе титул пэра. Став пэром, принц получил бы право заседать в палате лордов. «Англичане очень ревниво относятся к любому иностранному вмешательству в управление их страной, и кое-кто уже высказывал в ряде газет... надежду, что ты не будешь вступать в их дела», — писала Виктория

Альберту. И дяде Леопольду: «У нас с правительством единое мнение, и у нас нет ни малейших сомнений в том, что Альберта не следует производить в пэры». Раздосадованный осторожностью племянницы, бельгийский король писал своей жене: «Мать, дядя, все и во всем подозрительны ей. Теперь, значит, не осталось ни одного родного ей человека, которого она не опасалась бы, и именно это наша маленькая дурочка называет “своей независимостью и своим опытом”. Альберт со временем сможет исправить это. Мои добрые советы всегда будут к его услугам, а к этой напыщенной девчонке, ничего из себя не представляющей и мало что знающей, я не испытываю ничего, кроме глубочайшего презрения».

Альберт тоже не замедлил убедиться в авторитарности своей невесты, которая в Лондоне вместе со своим премьер-министром сама решала все вопросы, даже те, что касались его лично. Себе в услужение Альберт потребовал джентльменов «самого высокого ранга, или очень богатых, или очень умных, или тех, кто оказал Англии неоценимые услуги». К нему определили лейтенанта Сеймура, который сопровождал его в поездке по Италии. А в личные секретари назначили Энсона, служившего до того у Мельбурна. Альберт заметил, что рассчитывает сам подбирать себе

окружение: «Пойми меня, дорогая Виктория, я покидаю свой дом и все, что меня с ним связывает, а также друзей детства. Кроме тебя у меня не будет никого, кому я мог бы довериться». 8 декабря, отвечая ему, королева слегка повысила тон: «Что касается твоих пожеланий насчет твоего окружения, то должна сказать тебе совершенно откровенно, что так дело не пойдет». В следующем письме Альберт выразил недовольство тем, что его доверенным лицом должен был стать виг. Новый ответ Виктории от 23 декабря был еще суше: «Я не согласна с тобой». Спустя три дня Альберт сдался. Штокмар предупредил его о ганноверской вспыльчивости королевы. 27 декабря Виктория захлебывалась от радости в письме дядюшке Леопольду: «Мы только что договорились о самом главном». У бельгийского короля она переняла манеру подчеркивать наиболее важные слова или писать их заглавными буквами, а также употреблять его любимое выражение: «I am in rage»^[25].

Были и другие разногласия, омрачавшие приготовления к свадьбе. Альберт хотел, чтобы их «медовый месяц» в Виндзоре продлился хотя бы неделю. Виктория категорически возражала: «Ты забываешь, драгоценная любовь моя, что я королева, а государственные дела не могут стоять на месте

из-за каких-то там “да” или “нет”. Пока идет парламентская сессия, я не могу себе позволить надолго отлучаться из Лондона». С типичным кобургским ханжеством Альберт требовал, чтобы в их свадебном кортеже находились лишь те юные барышни, чьи матери имели незапятнанную репутацию. На что Виктория отвечала: «Мы должны проявлять снисходительность к другим людям. Если бы мы росли и воспитывались не в столь высоконравственном окружении, то тоже могли бы свернуть с пути праведного».

Его чопорность вызывала у нее раздражение. А ведь она прилагала массу усилий, чтобы и ее страна, и ведущие политические деятели, которые не имели ни малейшего желания заполучить нового немецкого принца, приняли его. В шестой раз она отправлялась в парламент в полном парадном облачении и писала ему: «Я боюсь этого так же, как в первый раз». Королева желала, чтобы Альберт, согласно своему положению, занял в королевстве второе после нее место. Она даже хотела, чтобы ему присвоили титул «короля-консорта». Это вызвало возмущение герцога Камберлендского, ставшего ганноверским королем: он не желал, чтобы какое-то «картонное высочество» имело перед ним преимущество. Веллингтон горячился в палате лордов: «Если родится наследный принц, то он должен получить преимущественное право на престол перед своим

отцом». В конце концов было решено, что Альберт будет именоваться просто «его королевское высочество». Ему даже не дали титула «принца-консорта», он получит его лишь через пятнадцать лет после долгих препирательств.

Обсуждение гражданского листа принца также превратилось в базарную склоку. Лорд Рассел запросил на его содержание 50 тысяч фунтов стерлингов в год. Тори сочли эту сумму просто неприличной в момент, когда страна переживала одно социальное потрясение за другим. Против предложения правительства было подано сто четыре голоса, и в результате содержание Альберта урезали до 30 тысяч. «Я могу лишь кричать: “Стыд! Стыд!”» — возмущался в Брюсселе Леопольд. Из Кобурга племянник написал ему, что он «в шоке и бешенстве от подобного неуважения... и очень рассержен». На сей раз Виктория тоже не выдержала и пообещала не забыть консерваторам этого оскорбления: «Пока я жива, я не прощу этого мерзким приспешникам дьявола во главе с Пилем! Да, сколько бы я ни прожила, я никогда не забуду нанесенной мне обиды».

Она больше не хотела, чтобы ее свадьба состоялась в королевской церкви, а предпочла бы, чтобы все произошло в малом зале Сент-Джеймского дворца, что позволило бы избежать присутствия нежелательных лиц. Но лорд Мельбурн не поддержал ее. Она категорически отказывалась приглашать Веллингтона на свадебный обед. Но и тут ей пришлось уступить доводам премьер-министра, дабы не разжигать скандала.

Альберт уже был в пути. Вместе с отцом, братом и лакеем-швейцарцем Картом он покинул Кобург под залпы салюта, звуки вальса и рыдания своих бабушек. Его сердце разрывалось на части, и он поклялся всегда оставаться «достойным немцем и достойным гражданином Кобурга и Готы». Погода стояла холодная, дороги, леса и горы его любимой Тюрингии были покрыты толстым слоем снега. Три из восьми карет его кортежа были присланы ему королевой. Лорд Торрингтон и полковник Грей сопровождали его. В Кобурге принцу вручили знаки ордена Подвязки. В Брюсселе прибывший туда из Лондона портной сделал Альберту последнюю примерку мундира фельдмаршала английской королевской армии, который ему предстояло надеть в день свадьбы. В Кале принца ждал пароход. Плавание прошло ужасно. Но в Дувре Альберта ждала восторженная толпа: «Отвратительно себя чувствовавшему принцу стоило невероятных усилий встать с постели, чтобы поприветствовать собравшихся». Лорд Кардиган во главе своих драгун в черной униформе торжественно препроводил будущего молодожена в Лондон.

А у Виктории поднялась температура, ее знобило. Сэр Джеймс Кларк объявил, что у нее краснуха. Но и на сей раз его диагноз оказался ошибочным. Ее просто мучил страх и, наверное, сожаления. Она признавала, что заканчиваются два самых счастливых года ее жизни. Отныне ей придется подчиняться воле мужчины, которого она едва знала. Накануне свадьбы архиепископ Кентерберийский поинтересовался у нее, считает ли она необходимым, чтобы во время свадебной церемонии Альберт принес ей клятву верности, как своей государыне. Она ответила, что желает выйти замуж как обычная женщина, а не как королева.

Двести кружевниц из маленького городка Хонитона в течение многих дней плели ее фату. Виктория самолично нарисовала эскизы платьев для подружек невесты, которые следовало расшить белыми розами, а также предусмотрела для каждой из девушек брошку в виде орла, который был символом Германии. Глазки у птицы сделали бриллиантовыми, клюв рубиновым, а когти жемчужными. Всем иностранным послам должны были вручить по миниатюрной копии свадебного торта и по золотой шкатулке с изображением новобрачных на ее крышке.

8 февраля ближе к вечеру Альберт прибыл в Букингемский дворец. Присланная в Англию заранее любимая борзая принца по кличке Эос встречала хозяина радостным лаем. Виктория поцеловала жениха и, взяв его за руку, провела в голубой будуар: «Увидев его любимое, такое любимое лицо, я сразу же успокоилась».

Принц, уже изменивший свое имя Альбрехт на английский манер и ставший Альбертом, подписал документы о своей натурализации. И оборвал все нити, связывавшие его с родиной. Отныне он стал подданным английской королевы.

Утром 10 февраля шел проливной дождь, и она писала ему: «Возлюбленный мой, как ты себя сегодня чувствуешь и хорошо ли спал? Я прекрасно отдохнула и вполне бодра. Ну и погода! Я все же надеюсь, что дождь кончится. Дай мне знать, мой дорогой и горячо любимый жених, когда ты будешь готов. Навеки твоя, К. Виктория». Две последние ночи этот не очень родовитый немецкий принц спал отвратительно. Он увидел в газетах карикатуры на себя и почувствовал себя всеми презируемым и окруженным врагами. В письме своей кобургской «гросмуттер» он писал: «Через два дня я буду женат. Да поможет мне Бог!»

Глава 6

Альберт первым появился в дверях Букингемского дворца в мундире английского фельдмаршала, который состоял из бежевых кашемировых панталон и красного кителя, через плечо у него была голубая лента, а на груди — бриллиантовый крест ордена Подвязки, его золотые эполеты по случаю свадьбы были украшены бантами из белого атласа. По бокам от него шли его отец и брат, оба в зеленых мундирах кобургской армии. Заиграли трубы, и принц, бледный и сосредоточенный, принял почести, какие обычно оказывают государям.

Голову Виктории вместо короны венчал простой веночек из флёрдоранжей. Сопровождаемая придворной дамой, отвечавшей за ее туалеты, она вместе со своей матерью села в карету, и та тронулась сквозь радостную толпу, многочисленную несмотря на дождь, к королевской церкви Сент-Джеймского дворца, расположенной по другую сторону парка. Голубая лента ордена Подвязки ярко выделялась на ее расшитом атласном платье, эскизы и выкройка которого были сожжены, дабы не допустить его копирования.

Это была первая королевская свадьба за последние сто лет, которую праздновали всенародно. Англичане еще не забыли свадьбу наследной принцессы Шарлотты с Леопольдом. Казалось, у них на глазах возрождалась давняя любовная история, ее героем по-прежнему был Саксен-Кобургский принц, но на сей раз его звали Альбертом. Пушки в Гайд-парке и в Тауэре грохнули в тот самый момент, когда принц надел на палец Виктории обручальное кольцо. Было час дня пополудни.

Виктория поцеловала тетушку Аделаиду, которая нежно прижала ее к своему пурпурному платью, подбитому горностаем. А матери просто пожала руку, и залитое слезами лицо последней скривилось от этого нового оскорбления. Лорд Мельбурн вновь был в своем черном мундире личного советника королевы. Как и в день ее коронации, он был при церемониальной шпаге. Предметом его особой гордости являлся роскошный бархатный плащ. Накануне он, смеясь, сказал Виктории: «Надеюсь, что все будут смотреть только на мой новый плащ!»

Свадебный торт весил сто пятьдесят килограммов. Чтобы его поднять, понадобилось четыре человека. На его вершине фигура, символизировавшая британскую нацию, благословляла новобрачных в античных одеждах. У ног Альберта сидела собака — символ верности, а

рядом с королевой — пара голубков, олицетворявших вечную любовь. По бокам торт был украшен букетиками цветов и купидонами, о которых «Таймс» писала: «Мы смогли убедиться в том, что ни один из купидонов не был похож на лорда Пальмерстона!» Министр иностранных дел, прозванный за свои подвиги на любовном фронте «Купидоном», недавно женился на сестре лорда Мельбурна.

Банкет продолжался до четырех часов утра. Как и всякая новобрачная, королева сменила свое расшитое флёрдоранжами платье на другое — тоже белое, подбитое лебяжьим пухом. А на голову надела бархатную шапочку, украшенную перьями марабу.

Она удостоила лорда Мельбурна короткой беседы. «Лучшего и желать нельзя было», — с улыбкой проговорил премьер-министр, имея в виду всенародную радость. На Лондон спускались сумерки, повсюду включали иллюминацию. Этим вечером все театры бесплатно открывали двери публике. Крайне взволнованная Виктория заметила, что у ее премьер-министра очень усталый вид. Трехлетний период душевной дружбы королевы с убежденным сединой политиком закончился.

Новобрачные отбыли в Виндзор в простеньком экипаже — «старой дорожной карете, сопровождаемой форейторами без ливрей и немногочисленным эскортом», — писал лорд Гревилл. Виктория не выпускала руки своего возлюбленного Альберта из своей, от криков толпы и четырехчасового путешествия по тряской дороге у нее началась мигрень. В Виндзоре их лошадям вновь преградила дорогу праздничная толпа с зажженными факелами.

Но вот наконец они остались одни. Усталые и напряженные. Королева приказала подать им ужин прямо в их покои. Альберт сел за фортепьяно. Она прилегла на софу. «Он сжал меня в объятиях, и мы слились в бесконечном поцелуе...»

С первых же мгновений эта пара, столь мало подходившая друг другу по характеру и темпераменту, оказалась спаянной сильнейшим физическим влечением. «Ночью мы почти не сомкнули глаз, — признавалась она в своем дневнике, не жалея восклицательных знаков. — Когда я увидела рядом с собой это ангельское лицо, меня обуяли такие чувства, что просто невозможно их передать! Он был так красив в своей ночной рубашке с открытым воротом». На следующий день она добавила: «Мой любимый Альберт сам натянул мне чулки, а я смотрела, как он бреется: какое же я получила удовольствие...» Она не удержалась и отправила Мельбурну записку, желая поделиться с ним радостью, переполнявшей ее после этой «чудесной, бурной ночи». Она даже не предполагала, что кто-то «сможет

так любить ее».

На следующий день у них к обеду было восемь человек гостей, а вечером Виктория давала большой бал. Она забыла о своей мигрени и с завидной энергией танцевала вальсы, галопы и кадрили. Было уже совсем поздно, когда она поднялась в супружескую спальню, где нашла Альберта, спящего на кушетке, «красивого, такого красивого».

Через три дня, как и было решено ею, молодожены вернулись в Лондон. Праздник закончился, и для принца не нашлось другой роли, кроме роли очаровательного статиста. Он был умнее и образованнее Виктории, но именно она отдавала все приказы, и тон на приемах задавала тоже она. Альберт не принимал участия в аудиенциях, которые королева давала своим министрам. У него не было доступа к красному «ящику» для депеш. Виктория продолжала встречаться с глазу на глаз с Мельбурном, и тот четыре дня в неделю ужинал в королевском дворце.

Лецен со своими буклями и в своих платьях с пышными оборками по-прежнему оставалась при королеве. Она спала в комнате, смежной со спальней молодоженов, и Альберт прозвал ее «дворцовым драконом». Ярая сторонница вигов, она «зубами и когтями» защищала их, любила посплетничать с придворными дамами и обвиняла Альберта в покровительстве тори. Она советовала королеве не посвящать мужа в государственные секреты, обсуждаемые на Тайном совете. Принц писал своему боннскому другу Вильгельму фон Левенштейну: «Я полностью удовлетворен своей супружеской жизнью и совершенно счастлив... но я не могу должным образом соответствовать своему высокому положению, ибо являюсь лишь мужем, но не хозяином».

Альберту было всего двадцать лет, и его самолюбие было сильно уязвлено. Он жестоко страдал от оскорбительного отношения к нему парламента и спустя четырнадцать лет признается в письме к Штокмару: «Когда я только приехал в эту страну, Пиль урезал мое содержание, Веллингтон отказал в высоком ранге, королевская семья видела во мне чужеземного самозванца, а правительство держало в стороне от всех дел». Среди этих чужих ему лиц было лишь два «родных» — лакея Карта и борзой по кличке Эос, с которыми он только и мог поделиться своей горечью. Менее циничный, чем Леопольд, он был глубоко возмущен образом жизни лордов и попранием ими тех моральных принципов, что привила ему его кобургская бабка. Дабы хоть как-то утешиться, он сочинял музыку, пел, играл на фортепьяно, а еще на органе, который считал самым благородным из музыкальных инструментов. Мендельсон, частый гость в королевском дворце, писал своей матери: «Принц по памяти исполнил

хорал, не забывая при этом про педали. Его игра была столь изящна и точна, что можно было подумать, будто за инструментом сидит профессионал». Свой талант к музыке он унаследовал от готского деда, дружившего с Вебером. А еще он прекрасно рисовал, будь то выполненные в карандаше орлиные головы или портрет его предка Фридриха Мудрого, который он написал, взяв за образец картину Кранаха. Он перечитывал Шиллера, черпая там сюжеты для своих живописных работ, героем которых был Валленштейн, и проникаясь философией великого немецкого поэта, считавшего, что лишь красота и душевная чистота способны изменить мир. Литература и искусство помогали ему забыть ущемления достоинства его королевского высочества.

По вечерам он с Сеймуром подолгу сидел за шахматной доской. «Принцу, — отмечал Мельбурн, — видимо, до жути надоели эти монотонные ежедневные партии. Ему хотелось бы приглашать ко двору деятелей науки и литературы, разнообразить круг общения, вести интересные беседы». Но Виктория не собиралась звать к себе «этих людей». Она не чувствовала себя в состоянии поддержать беседу с ученым или писателем, а держаться в стороне от общего разговора считала недостойным королевы Англии. Раздосадованный Альберт обвинял Лецен в том, что она плохо заботилась об образовании своей подопечной!

Письма из Брюсселя никогда ранее не были столь частыми. Леопольду тоже не нравилось «пагубное влияние белой дамы» на королеву. Он сердился: «Для поведения нашей девочки характерны поступки и побуждения, часто противоречащие друг другу. Она уже пострадала из-за этого, и я весьма обеспокоен на ее счет». Дядя, владевший пятью языками и прекрасно разбиравшийся в политике, считал достойным сожаления упорное нежелание Виктории делить свои обязанности с Альбертом. Он пытался выступить адвокатом своего племянника: «Принц мог бы оказать королеве неоценимые услуги как в деловом плане, так и во всем остальном. Он мог бы стать для нее ходячей энциклопедией, мог бы информировать ее обо всем, что ей неведомо из-за недостатка знаний и образования».

Более дальновидный Штокмар призывал их к терпению: «Принц напрасно торопит события, желая получить все и сразу, а это очень опасно. Как бы не получилось так, что при рассмотрении какого-либо вопроса он не сможет дать достаточно зрелого и ясного суждения». Но Леопольд пытался давить на Викторию: «Я знаю, что тебе рассказывали, будто Шарлотта сама всем заправляла в нашем доме и будто ей нравилось демонстрировать, что именно она является хозяйкой. На самом деле все было совсем не так. Ей, наоборот, доставляло удовольствие подчеркивать

мое превосходство и выказывать мне уважение и покорность даже в такие моменты, когда я этого вовсе не требовал. Она специально подчеркивала такое отношение, чтобы со всей определенностью дать понять, что видит во мне хозяина и господина...»

Но Шарлотта не была королевой. А у Виктории в течение последних трех лет был лишь один хозяин и господин: ее собственное «Я». Ее пылкая и упрямая натура была не склонна к уступкам. Она по-прежнему обожала своего премьер-министра и не собиралась подчиняться своему горячо любимому мужу нигде, кроме личных покоев. Все это приводило к тому, что между супругами разыгрывались самые тривиальные семейные сцены.

Брат Альберта Эрнест был свидетелем их ссор и с удовольствием рассказывал о них другим. Именно от него стало известно об одной такой истории, превратившейся в легенду:

«Однажды разобиженный принц заперся в своей комнате. Рассерженная подобным поведением королева постучала ему в дверь.

“Кто там?” — раздраженно спросил принц.

“Королева Англии”.

В ответ — молчание, затем — новый стук в дверь.

“Кто там?” — повторил свой вопрос принц.

“Королева Англии”.

После продолжительной паузы и молчания с той стороны двери стук возобновился, но уже более робко.

“Кто там?”

На этот раз ответ был другим:

“Это твоя жена, Альберт”.

Принц не стал медлить. Он тут же открыл дверь, и молодожены бросились в объятия друг друга».

Но нельзя было винить во всем одну лишь Викторию. Альберт, ревновавший ее к Мельбурну и Лецен, порой упрекал ее даже за то, что она слишком часто пишет Феодоре. Он все еще плохо говорил по-английски. Одевался по немецкой моде, из-за чего становился объектом насмешек лордов, с которыми выезжал на охоту. Вечером он мог уснуть прямо посреди концерта. Гизо, французский посол в Лондоне, вернувшись как-то из Букингемского дворца, поведал такую историю: «Этим вечером у королевы был концерт... Ей самой он был куда интереснее, чем основной массе гостей. Принц Альберт вообще заснул. Она взглянула на него с улыбкой, граничащей с негодованием. Толкнула его локтем. Он встрепенулся и, не совсем отойдя ото сна, принялся невпопад аплодировать. Затем, не успев закончить хлопать, вновь заснул, а королева

вновь принялась его расталкивать».

Неожиданное, но вполне предсказуемое событие вдруг круто изменило будущее принца. Не прошло и двух месяцев после свадьбы, как Виктория обнаружила, что беременна: «Я сразу же “попалась” и была крайне раздосадована этим». Ей хотелось и дальше упиваться своей королевской властью и одновременно наслаждаться супружеским счастьем. «Днем и ночью я молила Бога о милости подарить мне еще хотя бы пол года свободы. Но мои мольбы не были услышаны, и вот я теперь такая несчастная. У меня в голове не укладывается, как можно желать этого, особенно в самом начале семейной жизни», — писала она своей кобургской бабушке.

У нее было железное здоровье, и первые месяцы беременности не доставляли ей никаких неприятностей. Она по-прежнему обожала оперу и театр. 24 марта в лондонском Ко-вент-Гарден она аплодировала Чарльзу Кемблу в «Чуде». Она не испытывала ни усталости, ни сонливости, ни тошноты. Но никак не могла подобрать достаточно сильных слов, жалуясь дядюшке Леопольду: «Это действительно просто чудовищно... Это настолько отвратительно, что, если после всех мучений, что мне приходится терпеть, у меня родится гадкая девчонка, я не исключаю, что возьму и утоплю ее. Я хочу только мальчика». Позже она напишет своей старшей дочери: «Боль, страдания, лишения и муки, которые нужно преодолевать, удовольствия, от которых нужно отказываться, бесконечные предосторожности, которые нужно предпринимать: это и есть голгофа замужней женщины, которую тебе предстоит пройти. Поверь мне, я все это с лихвой испытала на себе. И чувствовала себя настоящим инвалидом».

Для Альберта же, наоборот, это было радостным событием, сулившим ему перемены к лучшему. Он скоро станет отцом наследника престола, и этот статус узаконит наконец его существование и откроет дорогу к государственной деятельности. Его избрали президентом Общества борьбы с рабством, и он — не без трудностей, правда — произнес свою первую официальную речь. В ней было не больше двадцати строк. Вначале он с помощью Штокмара написал ее по-немецки, а затем дал Энсону перевести ее на английский. Потом он учил ее наизусть, с выражением повторяя перед Викторией, что «торговля рабами легла черным пятном на совесть цивилизованной Европы». Слушатели наградили его аплодисментами.

Не прошло и трех недель, как другое событие еще больше укрепило его популярность. 18 июня в шесть часов вечера королевская чета выезжала из Букингемского дворца, когда какой-то мужчина направил на их экипаж пистолет. «Выстрел прозвучал так громко, что мы оба чуть не оглохли, —

писал Альберт брату. — Виктория, смотревшая в эту минуту в другую сторону, ничего не могла понять. Моей первой мыслью было, что в ее нынешнем положении испуг может повредить ей. Я обнял ее и спросил, как она себя чувствует, но она в ответ только смеялась... Вдруг этот человек сделал шаг в нашу сторону, прицелился и вновь выстрелил. Судя по отверстию, которое пуля проделала в садовой ограде, она пролетела как раз над нашими головами».

Толпа бросилась на убийцу с криками: «Смерть ему! Смерть ему!» Нападавшего, восемнадцатилетнего официанта какой-то забегаловки, признают виновным в содеянном, но при этом — невменяемым. Альберт был уверен, что это покушение — дело рук короля Ганновера, который хотел таким образом устранить королеву и ее будущего наследника. Пресса хвалила принца за смелость. Пары выстрелов оказалось достаточно, чтобы Виктория вновь обрела популярность, которой лишилась после смерти леди Флоры Гастингс.

В конце августа принцу исполнился двадцать один год. За месяц до его дня рождения парламент преподнес ему подарок, о каком можно было только мечтать. «В палату общин был вынесен на рассмотрение закон необычайной важности, принятый, несмотря на многочисленные интриги, практически без обсуждения. Этот закон касается регентства. Если королева умрет до того, как наследник престола достигнет восемнадцати лет, то в этом случае регентом стану я, один я, без участия какого-либо совета. Ты должен понимать важность этого изменения, ибо оно означает придание мне нового, исключительно высокого статуса в государстве», — писал он брату.

По опыту Мельбурн знал, что королева гораздо больше рискует умереть при родах, чем в результате покушения. И посему принц получил то, чего, несмотря на все интриги, не смогла добиться для себя герцогиня Кентская. Леопольд в Брюсселе был вне себя от счастья. Да и Виктория в конце концов порадовалась, что согласилась на этот шаг, хотя Ле-цен пыталась отговорить ее, настаивая на необходимости сохранения власти в одних руках. Все детство Викторию преследовали трагические рассказы о смерти в Клермонте ее кузины Шарлотты. Если вдруг и ей суждено умереть, произведя на свет наследника, Альберт будет в состоянии править страной, получив всю полноту королевской власти. Принцу предстояло сопровождать Викторию на открытие внеочередной сессии парламента: «К досаде Лецен и главного конюшего я поеду в карете Виктории в парламент, где буду сидеть рядом с ней на специально установленном для меня троне».

Возвышение Альберта совпало с закатом вигов. Четыре неурожайных

года подряд и повышение цен на продукты питания вызвали по всей стране бунты и активизацию профсоюзов. Призванная успокоить народ речь, написанная Мельбурном и вяло прочитанная королевой, бывшей на шестом месяце беременности, была встречена потоком резкой критики со стороны консервативной прессы. Здоровье премьер-министра ухудшалось с каждым днем. Заседания его правительства представляли собой театр военных действий, которые бесконечно вели между собой министр внутренних дел лорд Рассел и министр иностранных дел несговорчивый Пальмерстон. Для «старика Пэма» Франция всегда была злейшим врагом. Интересы двух держав постоянно сталкивались то в одном, то в другом регионе мира.

На сей раз война грозила Ближнему Востоку. В Константинополе только что умер турецкий султан. Вице-король Египта Мухаммед-Али с благословения Франции решил воспользоваться этим, чтобы захватить власть в Каире и прибрать к рукам Сирию. Но Турция была давней и доброй союзницей Великобритании. Ослабление турецкой империи означало, что она не сможет больше обеспечивать англичанам безопасность их пути в Индию. «Владычица Индии не может позволить Франции контролировать прямо или косвенно дорогу к ее индийским доминионам!» — горячился Пальмерстон.

Виктория писала Леопольду: «Я думаю, что наш ребенок помимо обычного имени должен также носить турецкое и египетское, ибо мы только и делаем, что занимаемся этим конфликтом». Пацифист Альберт слал наивные записки Мельбурну и Пальмерстону, настоятельно рекомендуя им не доводить дело до войны. Оба министра любезно подтверждали их получение, но поступали по своему усмотрению.

Франция неожиданно узнала, что Англия, Россия, Австрия и Пруссия подписали в Лондоне конвенцию о поддержке Константинополя против паши. Ситуация еще больше накалилась после бомбардировки Бейрута 5 октября британским флотом, взятия крепости Сен-Жан д'Акр и изгнания египтян из Сирии.

Мир таким образом оказался в двух шагах от войны. В Париже к ней уже активно готовились. Парламенты обеих стран спешили утвердить военные бюджеты. Леопольд писал Виктории: «Не могу скрывать от тебя, что последствия рискуют оказаться очень серьезными, притом что правительство Тьера, поддержанное партией движения^[26], так же, если не более легкомысленно, относится к тому, что может произойти, как и твой министр иностранных дел. Оно движимо идеями о славе и гордости, унаследованными от времен республики и империи».

Но Луи Филипп опасался, что новая война приведет к социальным

потрясениям и подорвет экономику Франции.

20 октября Тьер ушел в отставку. Гизо, в тот момент французский посол в Лондоне, был отозван в Париж и заменил Тьера, имея твердое намерение сделать все возможное для сохранения мира. Подписанный Англией, Австрией, Россией, Пруссией и Францией договор о проливах разрешил ближневосточную проблему. Отныне проход через Дарданеллы и Босфор любых военных кораблей иностранных государств был запрещен. За Мухаммедом-Али признали титул вице-короля Египта, который он мог передавать по наследству, но Сирию ему не оставили, а обязали вернуть ее турецкому султану. Будучи ярым англофилом, Гизо поддерживал самые добрые отношения с английским правительством. И уже урегулировал с Пальмерстоном вопрос о возвращении праха Наполеона с острова Святой Елены. Королевская чета вздохнула с облегчением.

21 ноября 1841 года, на три недели раньше предполагаемого срока, Виктория разрешилась от бремени. Роды длились двенадцать часов. К счастью, их принимал не сэр Джеймс Кларк, а доктор Локок, которому ассистировала миссис Лилли. Врач предложил королеве принять болеутоляющее средство. Она решительно отказалась: «Я могу столь же мужественно перенести боль, как и любая другая женщина». Альберт сидел у нее в изголовье, тогда как министры и священнослужители толпились в соседней комнате. Роды прошли благополучно и были не очень болезненными: «Последние схватки, обычно считающиеся самыми мучительными, показались мне вполне сносными».

«Ах, мадам, у вас родилась дочь!» — воскликнул акушер.

«Что же, в следующий раз будет принц», — ответила королева.

Принцесса получила имя Виктория. В раннем детстве ее звали Пусси. Потом она станет Вики. В отличие от своей матери Виктория не кормила дочь грудью. Она терпеть не могла женщин, превращающихся в «дойных коров». Еще меньше ей нравились младенцы, которые, по ее мнению, были такими же «гадкими», как лягушки. До того как оборудовали детскую, малышку поселили в одной из гостиных, где установили мраморную ванночку с золотой отделкой и роскошную колыбель.

Две недели королева провела в постели. Дважды в день ей приносили Пусси. Указания Штокмара принцу были предельно строгими: «Сон, покой, отдых и никаких посетителей — это именно то, что сейчас нужно королеве. Вряд ли вы сможете переусердствовать в этом плане. Вам следует стать настоящим цербером. Но и самому вам не стоит находиться слишком близко к королеве, хотя бы пока, поскольку ваше присутствие и ваши разговоры могут заставить ее нервничать». Но Альберт был совершенно

счастлив. И впервые ослушался излишне сурового врача. Он постоянно находился рядом с Викторией. Читал ей книги и на руках переносил с постели на софу. Королева была растрогана подобным поведением мужа: «Он заботится обо мне так, как заботятся только матери. Невозможно было бы найти более нежную, более опытную и более предупредительную сиделку». Вечером Альберт ненадолго оставлял ее лишь для того, чтобы поужинать в компании герцогини. Он обожал свою тетку Виктуар. Она была единственным человеком при дворе, с кем он мог поболтать по-немецки, вспомнить родную Тюрингию и разные семейные истории. Они играли в четыре руки на фортепьяно, сочиняли музыку и пели дуэтом.

Виктория так быстро поправлялась, что они решили провести Рождество в Виндзоре. По традиции, существовавшей в его родном Кобурге, принц украсил свечками установленные на маленьких столиках елки, под которые для всех были положены подарки. На елках развесили сладости, обвязав их разноцветными лентами, а всем друзьям отправили красочные поздравительные открытки. Рождественские праздники в королевской семье с первого же года превратились в событие национального масштаба благодаря новинке — толстым иллюстрированным журналам, которые подробно информировали об этом событии своих читателей.

Вернувшись в Букингемский дворец, Альберт засучив рукава принялся наводить порядок в принадлежавших королеве замках и в ее финансах. За месяц до этого миссис Лилли услышала, как среди ночи открылась дверь в гардеробной королевы. Она крикнула: «Кто там?» — и дверь резко захлопнулась. Миссис Лилли позвала лакея. На крик прибежала Лецен. Она единственная набралась смелости заглянуть под кушетку. И обнаружила там тщедушного юношу по фамилии Джонс. Тот рассказал, что слышал, как плачет Пусси, и признался, что сидел на троне. Этого Джонса уже ловили в королевских покоях в 1838 году, когда он был еще совсем мальчишкой.

Альберт обнаружил не только то, что любые проходимцы могли беспрепятственно проникнуть во дворец, но и то, что там процветала полнейшая бесхозяйственность, что было гораздо серьезнее. Свечи в гостиных меняли каждый вечер вне зависимости от того, зажигали их перед тем или нет. Лакеи присваивали их и перепродавали. На кухнях царил разруха, там преспокойно бегали крысы. Продукты постоянно разворовывались. Еду на королевский стол подавали холодной. Придворные каждый вечер ужинали во дворце за счет королевы, даже если не несли в этот день службу. Доктор Кларк всегда прибегал к услугам

одного-единственного поставщика лекарственных препаратов, проживавшего в Шотландии. Королевскими каретами пользовался кто угодно, подделывая при их заказе подписи придворных дам. Штаты прислуги были непомерно раздуты: в Виндзорском дворце насчитывалось сорок горничных, столько же в Букингемском, что не мешало гостям подолгу и без всякой помощи плутать по коридорам дворца в поисках своих комнат. Лецен не желала что-либо менять. Принц с помощью Штокмара попытался сам навести порядок.

В пространном меморандуме барон описал невообразимую путаницу в распределении должностных обязанностей при дворе. Три чиновника высшего ранга делили между собой управление королевским хозяйством. Лорд-камергер контролировал жилые помещения, лорд-интендант — кухни и лорд-конюший — конюшни. При каждой смене правительства они тоже, естественно, менялись в зависимости от своей партийной принадлежности к вигам или тори. Кроме того, их обязанности определены были весьма туманно. В Букингемском дворце лорд-интендант должен был обеспечивать доставку дров и их закладку в камины, но давал команду разжигать их лорд-камергер. Из-за несогласованности их действий во дворце вечно стоял холод, а зимой температура в гостиных опускалась до двенадцати градусов. И если окна во дворце все время были грязными, так это из-за того, что за их чистоту изнутри отвечал лорд-камергер, а снаружи — Управление лесных угодий. Если, например, на кухне разбивалось оконное стекло, процедура его замены была следующей: составлялось требование, которое подписывал старший по кухням, заверял курирующий кухни контролер и визировал метрдотель, затем этот документ поступал на рассмотрение в кабинет лорда-камергера, и лишь после принятия им положительного решения Управление лесных угодий могло приступить к замене стекла... Альберт решил учредить централизованное управление королевским домом. Чем вызвал еще большее недовольство двора и еще большую неприязнь к себе со стороны Лецен.

Но теперь он получил в свое распоряжение ключ от «ящика для депеш» — символ прерогатив королевской власти. На литургии в англиканской церкви его имя стали произносить вслед за именем королевы. В тот день, когда на свет появилась Пусси, он даже заменил Викторию на заседании Тайного совета.

Мало-помалу принц перестраивал их повседневную жизнь, приводя ее в соответствие с привычным для него режимом. Виктория, сова по натуре, обычно все утро проводила в постели, а он заставил ее вставать в восемь часов. В девять им подавали плотный завтрак, хотя раньше Виктория

съедала в это время какие-нибудь сладости, чем и ограничивалась. После короткой прогулки оба они брались за свою обширную переписку. Затем до двух часов занимались живописью или графикой. После ленча Виктория принимала своих министров, и Альберт все чаще присутствовал при этом. Ближе к вечеру они вместе выезжали покататься в своей коляске, запряженной двумя лошадками, которой правил сам принц и которую уже начали называть «викторианской». Затем наступало время званых ужинов, концертов, походов в театр и балов. В королевском оркестре Альберт заменил духовые инструменты на струнные, они больше соответствовали его чувствительной натуре.

Он лично занимался выбором нарядов для своей супруги: «Стоя у стены и скрестив на груди руки, он придирчиво рассматривал каждый элемент ее туалета, и если что-то ему не нравилось, строил недовольную гримасу». Королеву это приводило в полный восторг: «У него такой прекрасный вкус, а мне его как раз не хватает». Еще принц замечательно катался на коньках. В феврале, когда ударили морозы, он решил продемонстрировать свое мастерство на замерзшем пруду в дворцовом парке. Но лед под ним треснул, и он окунулся в холодную воду. «Чтобы выйти на берег, мне пришлось немного проплыть», — писал он своей готской grosmutter. Виктория проявила удивительное присутствие духа. В то время как ее придворная дама лишь причитала, королева протянула руку своему любимому супругу, дрожавшему от холода, и помогла ему выбраться из воды. Принц не сможет избавиться от насморка до самых крестин Пусси, назначенных на 10 февраля — день годовщины их свадьбы. «Это мой самый любимый праздник», — призналась Виктория бельгийскому королю во время церемонии крещения, состоявшейся в Букингемском дворце, где также присутствовал и герцог Веллингтон.

А королева опять была беременна. Им с мужем было всего по двадцати одному году, и они вели активную сексуальную жизнь. В Соединенных Штатах уже появились первые презервативы из латекса, но в Англии церковь запрещала применение противозачаточных средств. Кроме того, врачи имели весьма приблизительное представление о процессе овуляции у женщин. Дабы избежать нежелательной беременности, они советовали воздерживаться от сексуальных контактов сразу после менструации, но рекомендовали их в середине цикла. Матери никогда не обсуждали эту тему с дочерьми. Это было таким же табу, как и все остальное, что касалось человеческого тела.

В семьях бедняков женщины рожали детей одного за другим до тех пор, пока сами не умирали при родах. Без молока, медикаментов и дров для

отопления жилья многие дети погибали в раннем возрасте и детская смертность достигла ужасающих показателей. Но это не мешало росту населения. За десять лет численность жителей Англии увеличилась с четырнадцати до шестнадцати миллионов. Суровой зимой 1841 года людям не хватало хлеба. Возрастало недовольство высокими пошлинами на ввозимое в страну зерно. Виги проиграли частичные выборы в четырех избирательных округах. 18 мая их правительство потерпело поражение при голосовании по проекту закона о снижении таможенных ставок на сахар.

Это был первый эпизод в великом идеологическом споре вигов, сторонников свободного торгового обмена, и тори, проповедующих протекционизм. Пальмерстон, выступая в палате общин, произнес пророческие слова: «Рискну предсказать, что, несмотря на сопротивление, которое сегодня вечером оказали нам наши оппоненты по вопросу о свободе торговли... придя к власти, они вынуждены будут предлагать те же самые меры».

Виктория с Альбертом в этот момент были в Оксфорде, где принца удостоили звания почетного доктора. Вечером в театре Шелдона королеве оказали восторженный прием, а ее министров студенты-тори освистали и подняли на смех. Но на скачках в Аскоте их, напротив, приветствовали криками: «Мельбурн навсегда!»

Именно к этому времени относится первое путешествие Виктории на поезде, которое она совершила вместе с Альбертом. Железная дорога была великой английской авантюрой. Целые состояния вкладывались в частные компании, занимавшиеся строительством все новых и новых железнодорожных веток. Лондон лихорадочно спекулировал на акциях. А между тем аварии на железных дорогах были частым явлением, и нужно было обладать завидной смелостью, чтобы путешествовать этим опасным видом транспорта.

Передвижениями ее величества по суше ведал лорд-конюший. Но ни он сам, ни подведомственные ему кучера не умели водить паровозы. Чтобы решить эту проблему, процветающая «Грейт Вестерн Рейлуэй Компани» построила для Ее Величества специальный поезд. В каждом его вагоне было установлено по восемь мягких кресел, обитых светлосерым бархатом, а личный вагон королевы обставили как гостиную. Ходил этот поезд по одному-единственному маршруту: между Виндзором и Паддингтонским вокзалом в Лондоне. «Вам, которая так любит быструю езду, поезд очень понравится», — предсказывал королеве Мельбурн. Состав двигался со скоростью тридцать пять километров в час, скоростью, которую Альберт, согласно дошедшей до нас легенде, считал чрезмерной для беременной

королевы. «Попрошу вас в следующий раз ехать не так быстро, сэр», — якобы бросил он, поджав губы, машинисту, спускаясь с подножки вагона. А Виктория, как и предполагалось, была в полном восторге. Вместо трех с половиной часов в карете, запряженной лошадьми, на поезде они проделали этот путь всего за тридцать минут. Плюс ко всему в вагоне, в отличие от коляски, Виктория не страдала ни от жары, ни от пыли, ни от навязчивой толпы. Она открыла для себя удобство и необременительность путешествий по железной дороге, страстной приверженкой которых останется до конца жизни.

Увы! 4 июня правительство вигов пало, не добрав всего одного голоса. «Какая досада!» — воскликнула королева. Более чем когда-либо расположенная к ним, она устроила объезд замков вигов: побывала в Пэшенджере у Куперов, в Уоберне у Бедфордов. И целый день провела в Брокете у Мельбурна, где долго гуляла по саду под руку со своим премьер-министром, который устроил в честь своей государыни торжественный ужин в бальной зале. Его сестра, прекрасная леди Пальмерстон, выступала в роли хозяйки. Эти визиты страшно раздражали Альберта. Коллекции картин Рубенса и Тициана, обтянутые драгоценным шелком стены гостиных, раритетные книги, вереницы лакеев в ливреях — все эти богатства напоминали ему о том, что сам он был всего лишь младшим отпрыском бедной династии Кобургов. И английские лорды не упускали случая подчеркнуть это.

Среди всех этих охотников с румянцем во всю щеку, любивших крепкое словцо, женщин, вкусную еду и обильную выпивку, излишне чувствительный немецкий принц оставался чужаком. Он был равнодушен к азартным играм, скачкам и разного рода пари. Быстро уставал. Страдал отсутствием аппетита. Кичился тем, что был примерным лютеранином. Псовой охоте предпочитал занятия музыкой, которые считал «возвышенными и облагораживающими». Разговоры за столом, крутившиеся исключительно вокруг предстоящих выборов, и вся эта закулисная борьба также вызывали у Альберта раздражение. «Избирательная кампания опустошает кошельки, сеет раздоры в семьях, деморализует низшие сословия и развращает многих членов высшего общества, забывших, что такое добродетель», — писал он своей теще.

Лишь на одном он смог настоять: чтобы Лецен не сопровождала их в этой поездке. Впервые с пятилетнего возраста Виктория отправилась куда-то без своей гувернантки. Принц пришел в негодование, узнав, что баронесса выдала вигам из королевской казны 15 тысяч фунтов стерлингов на их избирательную кампанию. Мельбурн с присущим ему философским

отношением к жизни попытался успокоить Альберта, напомнив, что Георг III тратил на своих любимых тори гораздо больше.

Когда королевская чета вернулась в Лондон, палата общин была распущена. Виги потерпели поражение. В отличие от Виктории Альберт считал, что государям следует сохранять строгий нейтралитет, преимущества которого ему подробно разъяснил Штокмар.

В мае эти два немца при посредничестве Энсона вступили в контакт с Пилем. Они проинформировали об этом своем шаге Мельбурна. Секретные переговоры были предприняты ради того, чтобы достичь согласия по жизненно важному вопросу о придворных дамах королевы, из-за которого двумя годами ранее так сильно пострадал престиж монархии.

Беременная и тяжело переносившая эту свою вторую беременность, наступившую слишком быстро после рождения Вики, Виктория, помимо всего прочего сильно угнетенная перспективой лишиться советов своего дорогого Мельбурна, отказалась открывать очередную сессию парламента. Крайне недовольная результатами выборов, «она боялась прилюдно подвергнуться унижению». Через Энсона Альберт обратился к Мельбурну с просьбой, чтобы тот повлиял на королеву, побудив ее больше прислушиваться к мнению мужа.

28 августа во время аудиенции премьер-министр подал королеве прошение об отставке и признался ей: «В течение четырех лет мы ежедневно виделись с вами, и каждый новый день был для меня прекраснее предыдущего». Виктория писала ему: «То, что чувствует королева, расставаясь с ее дорогим и великодушным другом лордом Мельбурном, проще вообразить, чем описать». Она подарила ему флакон одеколона и несколько гравюр, которые он будет беречь, как «сокровище».

Днем позже королева приняла Пиля. «Встреча прошла нормально, она длилась всего двадцать минут», — сделала она скупую запись в своем дневнике. Мельбурн через лорда Гревилла передал своему преемнику следующие рекомендации: «Королева лишена претенциозности, она знает, что есть множество вещей, трудных для ее понимания. И любит, чтобы ей объясняли их, не вдаваясь в подробности, доступно и кратко. Она не любит продолжительных аудиенций. Я никогда не задерживался у нее подолгу». Энсону он также дал совет: «Пусть Пиль не раздражает Ее Величество своими напыщенными речами о церкви. Больше всего она не любит то, что называет “воскресной тягомотиной”». И, наконец, он предостерег нового премьер-министра от принятия каких-либо решений с Альбертом за спиной королевы.

Королевская чета отбыла на отдых в Клермонт. Именно там произошла

передача власти старого кабинета министров новому. Печати и «ящички для депеш» были сложены на ее столе. Этим грустным сентябрьским днем королева, пребывавшая на седьмом месяце беременности, смотрела, как под вековыми дубами Клермонта разъезжаются кареты. С окончанием эры Мельбурна переворачивалась последняя страница XVIII века с его фривольностями, пороками и изысканным вкусом. Виктория вернулась в дом, опираясь на руку Альберта и едва сдерживая слезы.

Уже на следующий день она не выдержала и написала своему любимому Мельбурну, который не заставил ее долго ждать ответа. В своих практически ежедневных письмах королеве он продолжал просвещать ее по самым разным вопросам: о назначениях послов, истории того или иного закона или роли нового генерал-губернатора Канады. Более чем когда-либо она доверяла его уму, его разъяснениям, его мнению, что выводило из себя Альберта, а еще больше — мнительного Штокмара.

Виктория пригласила своего бывшего премьер-министра на ужин в Виндзорский дворец. Мельбурн написал принцу, дабы получить его согласие. Вместо ответа он получил через Энсона меморандум, составленный бароном Штокмаром. Альберт никак себя не проявил. Мельбурн ознакомился с меморандумом барона. Тому не нравился эпистолярный диалог бывшего премьер-министра с королевой, «нелояльный» по отношению к Пилю, а главное — ему не нравилось то, что глава вигов считал возможным критиковать правительство в палате общин. Лежа на диване, Мельбурн кипел от негодования: «Проклятие! Это выше человеческих сил! И это вместо того, чтобы просто дать ответ...» Альберт, со своей стороны, просил Мельбурна не оставлять на виду письма королевы, в которых та критикует Пиля.

А новый премьер-министр обладал всеми теми качествами, которые были симпатичны принцу. Это был в высшей степени добродетельный человек, ригорист и пуританин. Объединяло его с принцем и то, что оба они были застенчивы, верны своим принципам и сдержанны в проявлениях чувств. А главное — оба были неутомимыми тружениками. Пиль по семнадцать часов в сутки просиживал над своими бумагами. Он лично контролировал работу всех министерств. Присутствовал на всех заседаниях палаты общин. Каждый вечер он отправлял Альберту отчет о дебатах в парламенте и дискуссиях в правительстве.

Трудная беременность Виктории близилась к завершению. В шесть часов утра 9 ноября королева почувствовала первые схватки. Ее акушер доктор Локок уже две недели безотлучно находился в Букингемском дворце. Три других врача немедленно прибыли ему на помощь.

Примчались герцогиня Кентская, жившая теперь в Кларенс-хаусе, Пиль, Веллингтон и другие видные государственные деятели. Правда, королева уже трижды объявляла, что вот-вот родит, и кое-кто, в том числе и архиепископ Кентерберийский, устав ездить туда-сюда из-за ложной тревоги, на сей раз не стал спешить и в результате опоздал. Крепкий крупный мальчик уже появился на свет и сразу был предъявлен — голышом — собравшимся, дабы они поставили свои подписи под актом о его рождении.

Ребенка называли Альбертом в честь отца и Эдуардом в честь деда, герцога Кентского. Мельбурн заметил, что Альберт — старинное саксонское имя, которое в Англии совсем не употребительно, тогда как имя Эдуард, напротив, очень популярно. Но королева желала лишь одного: «Чтобы он во всем походил на своего дорогого, ангелоподобного папочку». Во избежание путаницы наследника стали звать Берти.

Крестины состоялись в королевской церкви Виндзорского дворца. Как и в случае с Пусси, голову наследного принца окропили водой из Иордана. Почти все гости были немцами. По совету Штокмара, Альберт пригласил в крестные отцы ребенка короля Пруссии. Они оба с благосклонностью относились к возможности объединения Германии под эгидой Берлина.

Виктория стала первой правящей государыней Англии, подарившей стране наследника мужского пола, и это событие вызвало во дворце радость, сумятицу и полнейший беспорядок. Из дворца эта радость распространилась по всей стране. «Таймс» с гордостью писала, что Виктория — «образцовая королева».

Но она совершенно не походила на тех образцовых жен, которых восхваляли с высоты своих кафедр ревностные методистские пасторы, последователи Уэсли: терпеливых, покорных и нетребовательных. Приступы безудержного гнева случались у Виктории совершенно непредсказуемо, она бушевала так, что дрожали стены королевских покоев, обитые красным узорчатым шелком. Альберт с трудом выносил эти истерики и не уставал повторять жене: «Ты должна уметь держать себя в руках». Лорду Кларендону он признался, что должен следить за «психическим состоянием жены, как за молоком, закипающим на плите». А Штокмару писал: «Она такая вспыльчивая и горячая... она впадает в бешенство и осыпает меня упреками. Она обвиняет меня в недостатке доверия к ней, в амбициозности, в необоснованной ревности и т. д. Мне остается выбирать лишь одно из двух: либо молчать и ретироваться, но в этом случае я буду уподобляться маленькому ребенку, которого отругала мать и который пристыженно убежал; либо на грубость отвечать

грубостью, но тогда это будет перерастать в жуткие сцены, а я ненавижу подобные вещи, и мне ужасно тяжело видеть Викторию в таком состоянии». Виктория сама признавала, что у нее невозможный характер: «Я еще до замужества знала, что из-за него у меня будут проблемы».

Лишенная во время беременности многих прежних радостей, она продолжала переписку с Мельбурном, который слал ей письма, шуточные и преисполненные нежности: «Когда в субботу вечером лорд Мельбурн ехал через парк на ужин к своей сестре, он смог ясно разглядеть кабинет Вашего Величества, различить картины, предметы мебели и т. д., так свечи там были зажжены, а шторы не задернуты. Ваше Величество готовились отправиться в Оперу». Штокмар навел бывшего премьер-министра на Саус-стрит и потребовал, чтобы этот почти ежедневный обмен письмами «естественно» прекратился после родов королевы. Но из своего убежища в Брокете старый царедворец продолжал посылать молодой королеве букеты цветов и почитал своим долгом, помимо выражения ей нежных чувств, делиться с ней своим опытом бывшего политика. Кстати сказать, и барон Штокмар, и даже Альберт вскоре сами начнут обращаться к нему за советами.

Еще чаще, чем Мельбурн, причиной размолвок королевской четы становилась баронесса Лецен. Пилю, Штокмару и Энсону Альберт с негодованием расписывал ту роль, какую играла при дворе «эта интриганка — тупая, взбалмошная, одержимая жаждой власти и считающая себя чем-то вроде полубога». И как только он не обзывал ее! В письмах к брату называл «ведьмой». Когда она заболела желтухой, нарек ее «желтой дамой». Баронесса, обожавшая посплетничать, строила козни против Альберта на пару с лордом Паджетом, которого называла своим «сыном». Ярость принца достигла апогея, когда он узнал, что лорд Паджет, который в свое время был влюблен в королеву, во всеуслышание заявил: «Иностранцы — это низшая раса, а немцы — вообще отбросы общества». Принц жаловался на корыстолюбие и беспутство этих Паджетов. Он воспользовался тем, что Лецен лежала с желтухой, и убедил королеву удалить от себя эту одиозную семейку. Для двора это стало громом среди ясного неба, но Альберт, несмотря ни на что, был полон решимости очистить дворец от процветавшей там безнравственности и покончить с финансовыми злоупотреблениями.

Виктория считала, что мнительный Альберт преувеличивает роль ее дорогой Лецен: «Мое единственное желание — видеть, как она мирно доживает свой век рядом со мной, и пользоваться ее услугами при составлении некоторых писем и во время моего туалета, тут она для меня

просто незаменима...» В течение тринадцати лет вся жизнь баронессы была посвящена исключительно Виктории. Она защищала ее от козней Конроя, и никто при дворе не мог поставить под сомнение ту пользу, которую она приносила.

Январь 1842 года Виктория с Альбертом проводили в Клермонте, где королева восстанавливала силы после рождения Берти. «Все считают, что я смогу вновь обрести аппетит и хорошее самочувствие, лишь уехав за город», — писала она дяде Леопольду. Но Штокмар срочно вызвал их в Букингемский дворец к их дочери, чье самочувствие резко ухудшилось. И тут разыгралась драма, каких им еще не доводилось переживать.

Уже несколько месяцев Пусси теряла в весе. Доктор Кларк посадил ее на ослиное молоко, но такое питание, видимо, не пошло ребенку на пользу. У Альберта, безумно любившего свою дочь, было множество замечаний по поводу ухода за его ребенком. Он считал, например, что в детской стояла адская жара: каждый раз, когда он заходил туда поцеловать Пусси, он заставлял ее няньку за болтовней с Лецен у раскаленного камина. А еще он подозревал, что Кларк получает с поставщиков комиссионные за каждое прописанное им лекарство. Голоса срывались на крик. Двери громко хлопали. Виктория, всегда принимавшая сторону Лецен и Кларка, жаловалась, что он хочет запретить ей видеться с детьми. Отчаявшийся что-либо изменить принц нацарапал жене записку: «Доктор Кларк неправильно лечил малютку и отравил ее хлористой ртутью, а ты, ты моришь ее голодом. Я больше не желаю в это вмешиваться. Забирай свою дочь и делай с ней что хочешь, но если она умрет, ее смерть будет на твоей совести».

Штокмар заявил, что ситуация в детской доставляет ему куда больше беспокойства, чем положение дел во всем королевстве. По мнению барона, лишь отъезд Лецен мог восстановить мир во дворце. Оставалось только убедить в этом Викторию.

Альберт полгода ждал своего часа, постепенно переделывая все на свой лад. Он изменил порядки в детской и отдал ее на попечение леди Литтлтон, одной из придворных дам королевы, которая недавно потеряла мужа и которую принц считал достаточно серьезной женщиной, чтобы доверить ей ребенка. Пусси наконец поправилась. И Виктория, казалось, начала выходить из своей депрессии. В середине лета принц осторожно сообщил ей, что пятидесятивосьмилетняя баронесса согласилась выйти на пенсию и вернуться в Ганновер к своей сестре. И королева на сей раз смирилась «ради нашего блага и ее».

Рано утром 28 сентября баронесса уехала из Лондона, не

попрощавшись с Викторией: это был последний жест любви и преданности — она не хотела, чтобы ее королева проливала слезы. Лецен получила хорошую пенсию, но ее сестра не успела пожить вместе с ней в достатке, так как умерла через три месяца после ее приезда. Баронесса осталась одна в домике, оклеенном портретами Виктории, и тешила свое тщеславие воспоминаниями о славных днях. Она ненавидела заниматься вышиванием в компании других дам, но всегда держала наготове коробку сигар, дабы заманивать к себе гостей, которых неизменно потчевала сплетнями об английском королевском дворе. Королева поначалу писала ей раз в неделю, потом раз в месяц, потом раз в год.

Альберту оставалось лишь помирить Викторию с герцогиней Кентской. Он был единственным при дворе, кто замечал ее достоинства: ее преданность семье и умение веселиться так, как это делали в его родном Кобурге, когда пиво лилось рекой, а все вокруг плясали кадрили и мазурки. Потребовалось несколько недель, чтобы дело было сделано. Герцогиня, бывшая на редкость суровой матерью, оказалась нежнейшей бабушкой. Кларенс-хаус находился в десяти минутах ходьбы от Букингемского дворца. А Фрогмор-лодж, ее загородная резиденция, располагалась в парке Виндзорского замка. Каждый день она навещала своих внуков, которые обожали ее.

Принц мог продемонстрировать Англии и всему миру образцовую семью, каких еще не было у английских монархов: дружную, крепкую, счастливую, честно исполняющую свой долг перед Богом и страной.

Victoria

Двухлетняя Вики с матерью Викторией Саксен - Кобургской.

Отец Виктории Эдуард, герцог Кентский.

Виктория в четыре года. Художник С Леннинг.

В семь лет Вики уже наряжалась как взрослая барышня

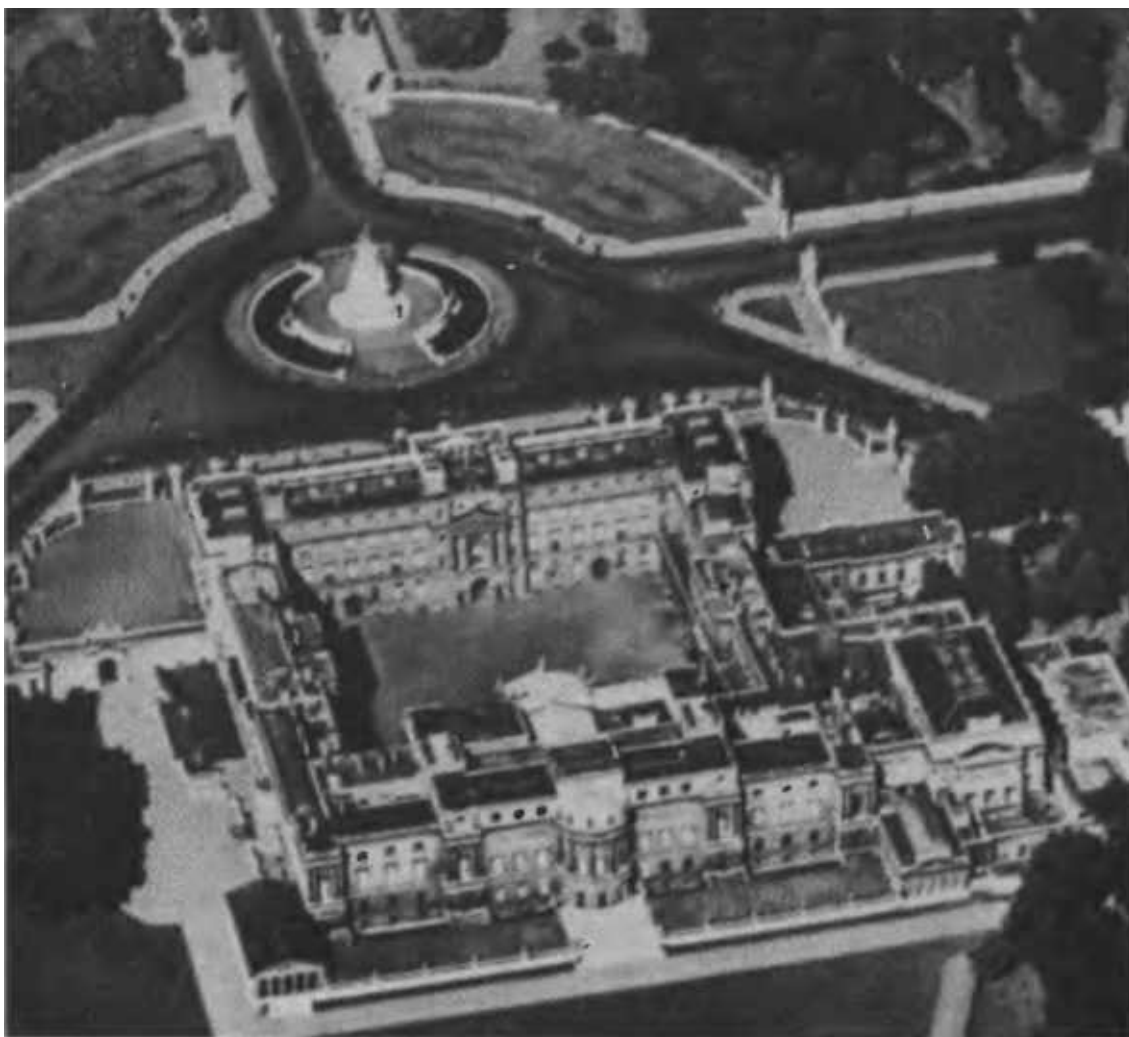
Виктория в 24 года. Художник *Ф. Винтерхальтер*.

Вместе с короной Виктории досталась обязанность принимать парады в гвардейском мундире.

Королева Виктория в 1838 году. Художник *Т. Сьюли*.

Букингемский дворец — резиденция британских монархов.

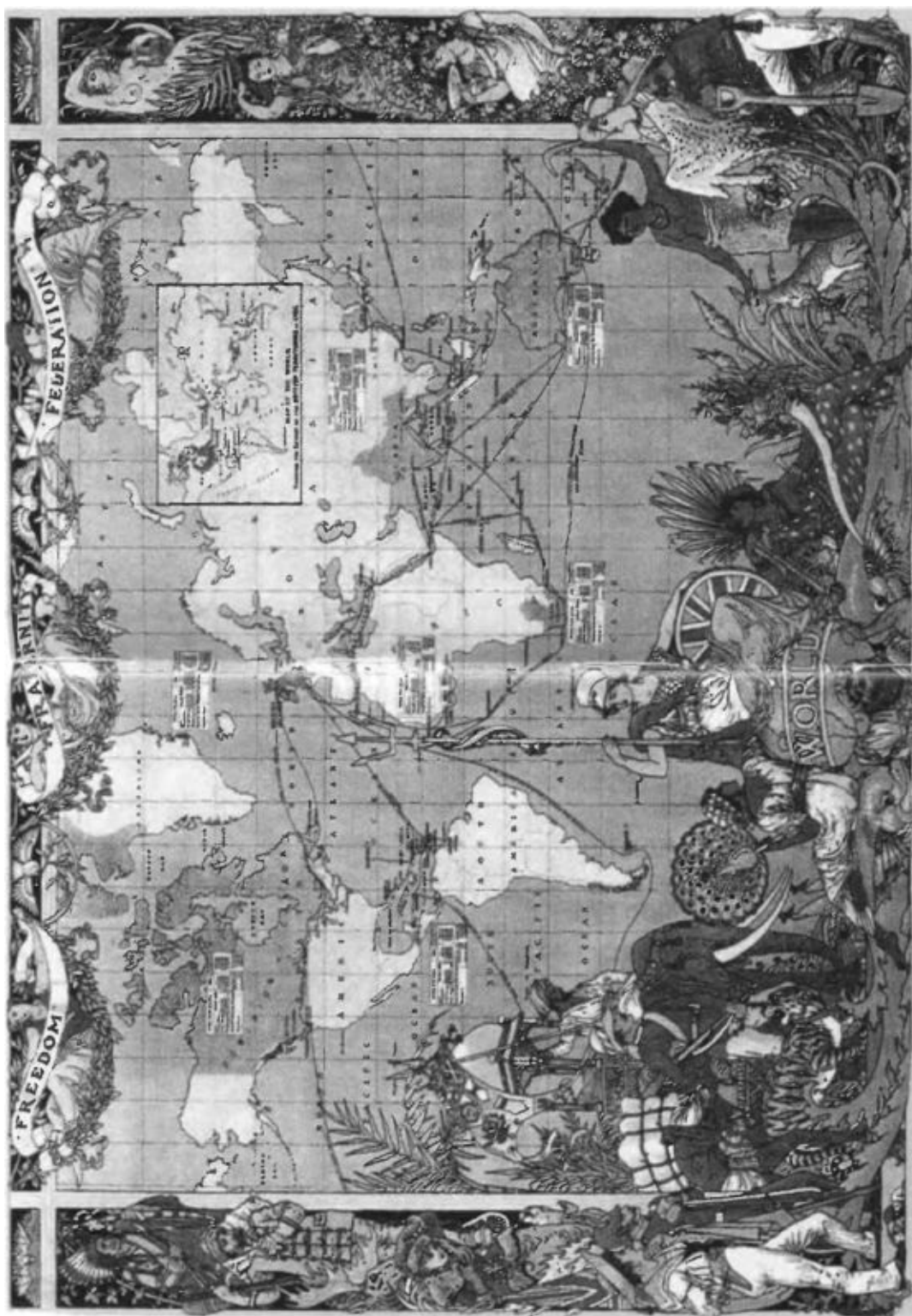
Лидеры тори — Роберт Пиль (слева) и герцог Веллингтон (справа)

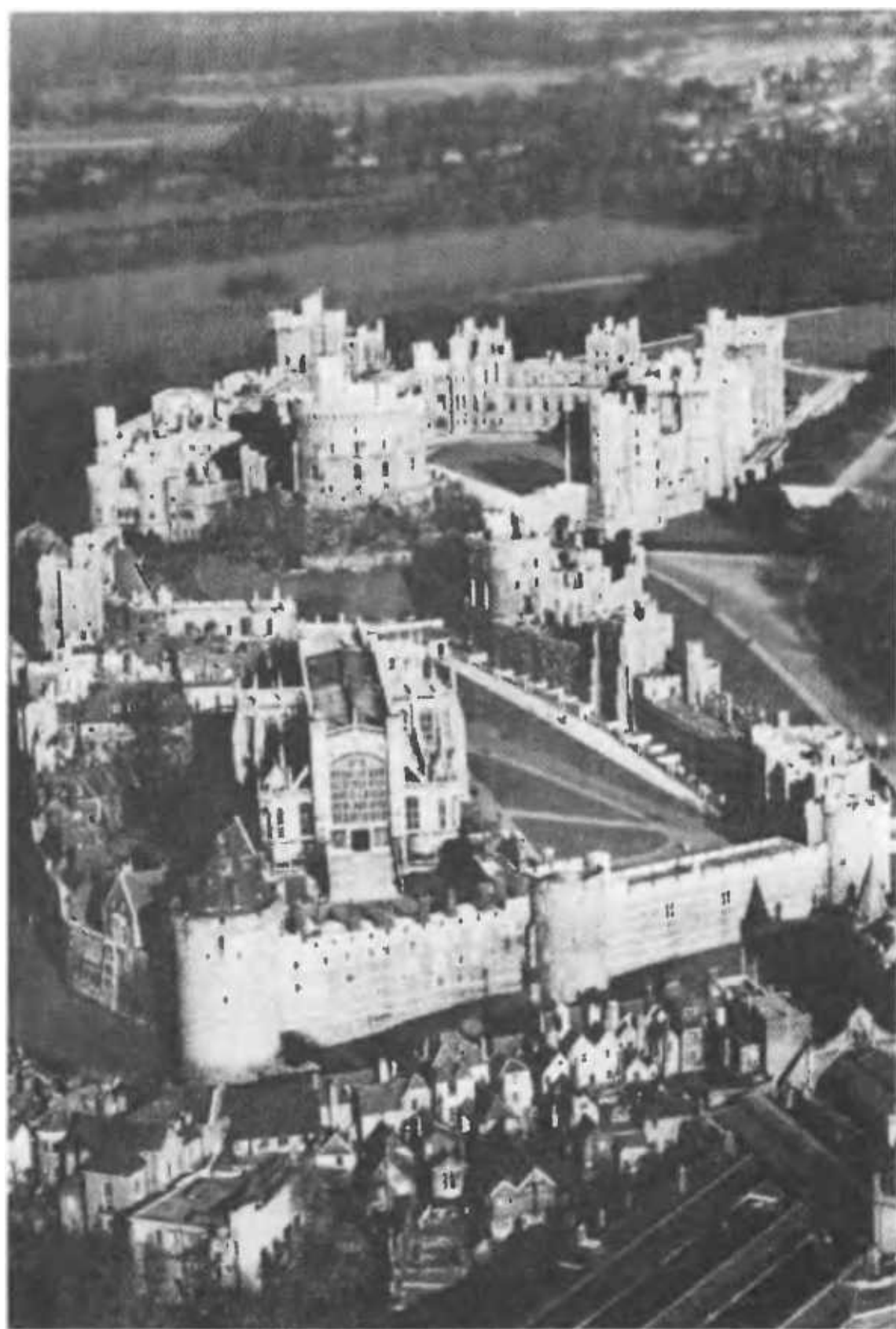
Бельгийский король Леопольд I — дядя Виктории и ее старший друг.

Любимый премьер-министр королевы Уильям Лэм, лорд Мельбурн.

Карта Британской империи времен Виктории.

Виндзорский замок, где Виктория встретила принца Альберта.

Бракосочетание Виктории и Альберта в 1840 году. Художник Дж. Хеллер.

Молодая семья после охоты. Слева — первенец королевской семьи, малышка Виктория. Художник *Ф. Винтерхальтер*.

Рождество в Виндзоре. Виктория и Альберт принесли в Англию немецкий обычай наряжать рождественскую ёлку.

Королевская семья в 1847 году. Художник Ф. Винтерхальтер.

Карикатура на принца Альберта, возглавившего подготовку к Всемирной выставке в Лондоне.

Виктория и ее супруг на открытии Всемирной выставки в 1851 году.

Виктория и Альберт в 1856 году.

Королева и принц-консорт в гостях у французского короля
Луи Филиппа.

Мальчик-горец. Рисунок Виктории, сделанный в Шотландии.

Королевская семья в имении Осборн. *Рисунок Виктории.*

Виктория с супругом в 1860 году. Последние месяцы вместе.

Глава 7

Принц свято верил, что лишь такая образцовая королевская семья способна спасти монархию в эпоху социальных потрясений. Его амбиции базировались на наставлениях очень серьезно относящегося к жизни бельгийского короля, а философия — на наставлениях не менее сурового Штокмара. Направляемая этими тремя немцами Англия стремительно вступала в эру, ошибочно названную викторианской, хотя на самом деле это была эра правления Альберта.

Пиль полностью разделял их идеи. И чем больше принц узнавал Пиля, тем больше восхищался им. То, что их связывало, было не просто симпатией. Их отношения были сродни тем, что установились между королевой и Мельбурном. По утрам они вместе охотились в Виндзоре на зайцев и фазанов. Вечерами беседовали о сельском хозяйстве, фламандской живописи или немецкой литературе, большим любителем которой был Пиль.

Принц преподнес премьер-министру экземпляр «Песни о Нибелунгах», сделав на книге дарственную надпись. А премьер-министр назначил принца председателем Художественной комиссии, где заседали министры и архитекторы, на которых была возложена ответственность за реконструкцию здания парламента, сгоревшего в 1834 году. Коллеги принца по комиссии были поражены его манерой все делить на категории. Но при этом вынуждены были признать обоснованность многих его замечаний. Как и Пиль, принц был одержим работой.

А Пиль, как и принц, защищал устои добропорядочной семьи. Пятидесятилетный премьер-министр был наследником одного из крупнейших состояний текстильных магнатов. Его дед разбогател на выпуске хлопчатобумажной ткани, новый способ набивки которой сам и изобрел. На его фабриках осуществлялся полный производственный цикл: прядение, окраска и тканье. Когда Пилю исполнился двадцать один год — а именно столько было сейчас Альберту — его отец, прочивший сыну большое будущее, «двинул» его в депутаты. Пиль с радостью готов был помочь принцу занять то место в политической жизни государства, к которому тот так стремился.

Именно благодаря Пилю Альберт был допущен к участию в заседаниях Тайного совета. Совершенно естественно, что принц проникся к премьер-министру сыновними чувствами. Он видел в нем отца, но такого, о

каком всегда мечтал. Не имеющего любовниц и долгов, не кланчащего у него денег, поскольку Альберт ужасно устал от постоянных просьб герцога Кобургского, которому вечно не хватало той пенсии, что платила ему британская корона в качестве семейной поддержки.

Оба они были предельно экономными. Не делали бесполезных трат, не увлекались предметами роскоши. Самым неотложным делом считали наведение порядка в финансах королевства подобно тому, как Альберт методично, изо дня в день, наводил порядок в финансах королевского двора. Мельбурн оставил им в наследство огромный дефицит бюджета. Его экономические познания были столь неглубоки, что причиной всех финансовых трудностей Англии он считал выпуск почтовой марки по единой цене в один пенни. Хотя это было достижением, важность которого нельзя было оспорить. С 1840 года все подданные Ее Величества могли обмениваться корреспонденцией без использования собственных курьеров. Виктория стала первым человеком в мире, чей портрет был напечатан на почтовой марке. Популярность ее от этого заметно возросла. Будущий Наполеон III, живший в то время в изгнании в Лондоне, был столь поражен этим фактом, что, придя к власти, думал лишь об одном: как бы поскорее выпустить марку со своим изображением, чтобы все его подданные знали его в лицо.

Была в том виновата марка или нет, но в 1842 году государственный долг Англии достиг рекордной цифры. Дефицит составил пятую часть от бюджета страны. Спад в экономике оказался таким, какого Англия не знала со времен Ватерлоо. 11 марта Пиль внес в палату общин проект закона о введении прямого трехпроцентного налога на все доходы, превышающие 150 фунтов стерлингов в год: «Я предпочитаю непопулярные меры неоправданным расходам».

В ходе дискуссии по этому законопроекту лорд Бругем, представлявший радикальное крыло парламента, потребовал, чтобы никто, даже самая верхушка общества, не был освобожден от этого налога. Чтобы облегчить голосование по этому вопросу, Пиль обратился к королевской чете с просьбой согласиться на эту меру. Виктория писала дяде Леопольду: «Он хотел знать, может ли тем же вечером сообщить эту новость в палате общин, чтобы представить это актом доброй воли с моей стороны, а не вынужденным действием. Я сразу же дала свое согласие. Но для Альберта это будет тяжелым бременем, ведь ему придется уплатить 900 фунтов стерлингов».

Однако 900 фунтов стерлингов были не слишком высокой ценой за то, чтобы этот закон приняли подавляющим большинством голосов. В

результате Пиль вошел в историю как отец подоходного налога. Введя этот прямой налог, взамен он снизил косвенные налоги на марки, кофе и импортируемое сырье, а также отменил все пошлины на вывоз готовой продукции. «Мы должны руководствоваться такими принципами, как честность и умеренность», — любил повторять премьер-министр.

Столь же придирчиво Альберт наводил порядок во дворце, где слуги перестали бесплатно пользоваться туалетным мылом и должны были теперь выбирать, что им пить — чай или какао. В Виндзорском парке построили образцовую ферму с молочным заводиком при ней. Корнуэльское герцогство, которым управлял принц, но которое принадлежало его сыну, начало приносить доходы.

От этой чрезмерной экономии пострадал гардероб Виктории. Королева не любила осложнять себе жизнь: «Пусть ко мне больше не пристают с этими платьями!» Ее кутюрье в бессилии опустил руки. Туалеты, которые ей заказывали в Париже, не представляли теперь собой ничего особенного. Принц считал, что дорогие платья — признак фривольного поведения, их пристало носить женщинам, не знающим, что такое добродетель, но никак не королеве Англии. Бороться с роскошью и бесцельной тратой денег, быть примером простоты — это, как любил повторять своему ученику Штокмар, лучший способ обезопасить себя от революционных выступлений.

Несколько месяцев назад в Ньюпорте бунтовщики попытались провозгласить республику, но и на сей раз их мятеж был жестоко подавлен. В последние же недели чартисты вновь активизировались. Вышедший из тюрьмы О'Коннор разъезжал по всей стране, и его выступления собирали все больше и больше народу. В прессе только и писали, что об этом «льве свободы».

Профсоюзы шахтеров и рабочих текстильной промышленности решили поддержать чартистов. 2 мая 1842 года их делегаты передали в палату общин новую петицию, под которой было собрано более трех миллионов подписей. К требованию о введении всеобщего избирательного права для мужчин там прибавились жалобы рабочих на все ухудшавшиеся условия жизни. Из-за спада производства на многих предприятиях им урезали зарплату. Но заседающие в палате общин джентльмены остались равнодушными к проблемам рабочих. Подавляющим большинством голосов они отклонили их петицию.

А между тем Пиль был весьма озабочен тем, чтобы текстильная промышленность вновь начала набирать обороты, и убедил королеву и принца оказать ему в этом деле содействие. Было объявлено, что на прием по случаю крестин Берти дамы должны явиться в платьях, украшенных

английским кружевом, и в кашемировых шaliaх местного производства. Было решено устроить во дворце большой костюмированный бал, чтобы дать работу жителям Спиталфилдса, одного из беднейших кварталов в восточной части Лондона. Две тысячи гостей должны были нарядиться в костюмы эпохи Плантагенетов. Накануне бала Виктория писала Леопольду: «Для подготовки всего этого надо было столько шелка, шитья, корон и еще бог весть чего, что мне, всегда ненавидевшей заниматься своими туалетами, очень быстро все это порядком надоело».

На один лишь вечер Альберт присвоил себе титул короля Англии. Он нарядился Эдуардом III, который учредил орден Подвязки и победил французов в битве при Креси^[27]. Что дало повод для сарказма парижским газетам, советовавшим Луи Филиппу тоже устроить бал и явиться на него в костюме Вильгельма Завоевателя. «Это никак не улучшит наши отношения с французами!» — в ярости воскликнул министр иностранных дел. А Виктория предстала в образе королевы Филиппы, спасшей от расправы жителей Кале^[28]. В Лондоне, где был выставлен на всеобщее обозрение ее костюм с золотым плащом и малиновой бархатной юбкой, чартисты пришли в негодование. В своей петиции они уже критиковали цивильный лист Альберта. А теперь возмущались тем, что на украшение маскарадного костюма королевы пошло драгоценных камней на сумму в 60 тысяч фунтов стерлингов. Кое-кто из приглашенных на бал брал драгоценности напрокат, отдавая за это по 150 фунтов стерлингов. Подобное расточительство, демонстрируемое в тот момент, когда бедняки умирали от голода, было шокирующим. Раздосадованная королева писала дядюшке Леопольду: «Добрые намерения приводят порой к самым что ни на есть плачевным результатам».

Не этот ли неудавшийся маскарад спровоцировал новую волну покушений? В воскресенье 29 мая Виктория и Альберт возвращались в открытой коляске с богослужения, когда Альберт увидел какого-то «хулигана», наставившего на них пистолет. Но лошади бежали вперед, и никто больше ничего не заметил, лишь вечером один из фореиторов признался, что тоже видел в парке человека, целившегося в королевский экипаж. Он даже услышал, как тот воскликнул: «Какой же я дурак, что не выстрелил!»

Альберт рассказал эту историю Пилу, и они разработали тайный план, целью которого было спровоцировать злоумышленника на новое покушение, чтобы попытаться захватить его на месте преступления. На следующий день Виктория и Альберт должны были выехать из дворца без

обычной свиты из придворных дам, чтобы не подвергать их ни малейшему риску. Полицейским в штатском предписывалось занять позиции за деревьями парка на всем пути следования королевской четы. Два верховых должны были сопровождать их коляску, держась к ней как можно ближе. Никого при дворе не посвятили в этот план. Леди Портман даже обиделась, что королева не взяла ее как обычно с собой на прогулку.

Вчерашний стрелок со своим пистолетом был там, на том самом месте, где двумя годами ранее королевская чета пережила самое первое покушение. «Можешь представить, как не по себе нам было», — писал Альберт брату. Злоумышленник был немедленно арестован и препровожден в министерство внутренних дел. Им оказался столяр-краснодеревщик по имени Джон Фрэнсис, сын рабочего сцены из театра «Ковент-Гарден». «Он показался мне довольно симпатичным, ему около двадцати лет, и он никакой не псих, а скорее, наоборот, большой хитрец. Мне было совсем не страшно. Слава Богу, мой ангел не пострадал!» — писала Виктория дяде Леопольду. Фрэнсиса приговорили к смертной казни, но 1 июля ее заменили пожизненной каторгой в связи с тем, что следствию не удалось доказать, что его оружие было заряжено.

Спустя два дня произошло новое покушение и опять в тот момент, когда королева с супругом возвращались во дворец из церкви. Покушавшемуся удалось убежать. Его поймали только вечером. Пистолет его был заряжен бумагой, табаком и небольшим количеством пороха. Пиль немедленно прибыл во дворец и разрыдался прямо на глазах у королевы, живой и невредимой. Принц был категоричен, объясняя эти покушения «распространением демократических и республиканских идей и разнузданностью прессы».

Эти события никак не повлияли на действия чартистов. Их выступления захлестнули Галифакс, текстильную столицу Йоркшира, где зарплаты рабочих были снижены на двадцать процентов. Правительство направило туда войска. Солдатам пришлось вступать в переговоры с забастовщиками, чтобы освободить себе проезд и получить возможность вывезти арестованных зачинщиков беспорядков. Правительство, встревоженное сложившейся в стране ситуацией, отменило свои каникулы и, несмотря на жуткую жару, осталось в Лондоне.

Стачечное движение пошло на убыль лишь в конце августа 1842 года, когда О'Коннор через свою газету «Northern star»^[29] дал команду прекратить забастовки, чтобы рабочие могли «подкормиться». Благодаря принятым Пилем мерам, способствующим увеличению экспорта, промышленное производство в стране начало оживать и часть хозяев

прекратила снижать зарплаты рабочим на своих предприятиях. Чартистская угроза, так напугавшая правительство и королевский двор, казалось, отступила.

29 августа Виктория и Альберт отбыли в Шотландию. Королева давно хотела увидеть это королевство, присоединенное к британской короне сто пятьдесят лет назад. Опасаясь волнений, все еще не затихающих на севере Англии, Пиль согласился на эту поездку при условии, что королевская чета отправится в путешествие по морю. Оставив детей дома, королева и принц поднялись в Вулидже на борт яхты «Ройял Джордж». «Какое счастье оказаться единственными пассажирами на корабле!» — воскликнула Виктория.

Капитаном этого корабля был внебрачный сын Вильгельма IV — неунывающий Адольф Фицкларенс. Королева ужинала вместе с офицерами и даже учила их современным танцам. К сожалению, Северное море постоянно штормило, так что плавание нельзя было назвать приятным. Именно на этой старой яхте, в то время носившей название «Ройял Соверен», герцог и герцогиня Кентские пересекли в 1819 году Ла-Манш, спеша прибыть в Англию до рождения их дочери. Тяжелое и неповоротливое парусное судно с трудом справлялось с разгулявшимися волнами. На помощь яхте выслали два парохода, и те взяли ее на буксир. Альберт, который никогда не любил море, и Виктория, бывшая на первом месяце новой беременности, плохо переносили качку, усугублявшуюся тем, что буксирующие яхту пароходы двигались несинхронно: «Как это утомительно и неприятно! Мы целый день провели на палубе, лежа в креслах: вечером волнение на море усилилось, и я почувствовала себя совсем плохо». Следующая ночь была не лучше, но королева уже могла разглядеть шотландский берег — «прекрасный, но мрачный, скалистый, дикий и голый, совсем не похожий на наше побережье». К Эдинбургу они подошли с большим опозданием, когда уже стояла глубокая ночь. Это вынудило королевскую чету, и без того измученную морской болезнью, провести и эту ночь на борту корабля.

В восемь часов утра королева потребовала, чтобы их высадили на берег. Поднялась жуткая паника. Члены комитета по приему высоких гостей, напрасно прождавшие их накануне, не смогли вовремя прибыть в порт. Мэр Эдинбурга с ключами от города появился там уже после того, как ее величество сошла на берег, так что ему пришлось догонять ее кортеж и пристраиваться к нему в хвост на дороге к замку Далкейт, где Викторию и Альберта ждал в гости герцог Бакли.

Шотландцы не были избалованы королевскими визитами. Один лишь

Георг IV посетил в свое время Эдинбург. Мэр Перта засыпал королевскую протокольную службу вопросами. С какой стороны должна сидеть в карете королева? «С правой». Где должны ехать кареты сопровождающих королеву официальных лиц — спереди или сзади кареты ее величества? «Сзади». Какое колено следует преклонять перед королевой? «Правое». Следует ли преклонять колена, вручая королеве ключи от города? «Да, это желательно». Эдинбургские газеты опубликовали следующее официальное сообщение: «Королева будет принимать леди и джентльменов, желающих засвидетельствовать свое почтение Ее Величеству, в пятницу 2 сентября в замке Холируд. Дамам шлейфы и перья не обязательны. Джентльменам быть в парадной форме».

Опасаясь покушений, королеву возили по Эдинбургу со скоростью, на какую только были способны лошади. Но это не помешало Виктории с трепетом прикоснуться к старинной книге, в которой она оставила свою подпись под росчерками пера Якова I и Карла I, а также постоять перед замком, откуда бежала «несчастливая королева Мария», и под окном, из которого выбросили труп Якова II^[30]. В замке Стерлинг она с восторгом узнала, что тамошний дворецкий когда-то служил под началом ее отца.

Поросшие вереском холмы, тихие воды озер и звуки шотландских волынок напомнили ей оперу Доницетти «Лючия ди Ламмермур», написанную по мотивам романа Вальтера Скотта, ее любимого писателя, с которым она познакомилась в девять лет и которого перечитывала, плывя сюда на корабле.

Один из богатейших людей Шотландии лорд Бредалбейн устроил королеве сказочную встречу перед своим замком Теймут, сложенным из серого гранита: «Это было непередаваемое зрелище. Горцы в национальных одеждах выстроились перед домом, во главе их стоял сам лорд Бредалбейн в окружении музыкантов с волынками в руках. Ружейный салют, восторженные крики толпы, живописные костюмы, красота окружающего пейзажа с поросшими лесом горами на заднем плане — все это было потрясающей декорацией для разворачивающегося перед нами незабываемого действия. Мы словно перенеслись в Средние века, наверное, именно так какой-нибудь крупный феодал принимал у себя свою государыню. Все было обставлено с королевской пышностью. После ужина в прилегающих к замку садах включили иллюминацию и на земле загорелась надпись, выложенная фонариками: “Добро пожаловать, Виктория и Альберт”». На следующий день королева поднялась на двадцать пять километров вверх по реке на легком гребном судне. Матросы, сидевшие на веслах, пели ей кельтские песни. На берегу ее ждал

роскошный пикник. Продолжилось путешествие в карете по розово-коричневой песчаной равнине в лучах заходящего солнца.

Королеву очаровали местные красавицы с развевающимися на ветру волосами, которые они не прятали под головные уборы. Здесь, на просторах Шотландии, она и сама вдруг почувствовала себя свободнее. В деревнях никто не узнавал в ней королеву. Какая-то женщина налила ей молока и протянула кусок хлеба, другая подарила букетик цветов. Никогда еще она не соприкасалась так близко с людьми из народа. Их простота понравилась ей. В своем дневнике она зарисовала хижину, «очень низкие, закопченные и пропахшие торфом, которым топили очаг», и крестьянку, «моющую в речке картошку, подоткнув подол платья выше колен». На завтрак она ела кашу из овсяных хлопьев и копченую пикшу. Принц разделял ее восторги. Город Перт напомнил ему Базель, а леса Бирнама — его любимую Тюрингию, он был потрясен удивительным сходством шотландцев и немцев.

«Королева покидает Шотландию с чувством глубокого сожаления, что ее визит заканчивается так быстро», — сказала Виктория в день своего отъезда. В обратный путь они отправились на пароходе, поскольку даже речи не могло быть о том, чтобы они вновь поднялись на борт яхты «Ройял Джордж». В 1838 году между Англией и США уже начал курсировать первый пароход. И королевская чета решила построить для себя новую яхту — на паровом ходу и со всеми удобствами.

Любопытное совпадение: в тот самый момент, когда Виктория на Северном море страдала от морской болезни, у берегов Китая экипаж «Корнуоллиса» в полном составе пил за здоровье королевы. Двадцать один пушечный выстрел был произведен в честь победы в опиумной войне. Англичане и китайцы только что подписали в Нанкине договор, позволяющий Великобритании вновь заниматься в Китае контрабандой наркотиков. Больше всех этому радовался лорд Пальмерстон, главный виновник этой постыдной и несправедливой войны.

Конфликт этот начался в марте 1839 года, когда представитель китайского императора в Кантоне мандарин Линь Цзэсюй направил «иностранным варварам» ультиматум, согласно которому они должны были сдать ему весь имеющийся у них опиум, за нарушение же ультиматума им грозил разрыв торговых отношений с Китаем. Мандарин собирался даже казнить «одного-двух» нарушителей. С 1830 года по китайским законам курение и продажа опиума были запрещены и карались смертной казнью.

Это совершенно не мешало проникновению на китайский рынок опиума из Индии. Монополия в этой торговле принадлежала Ост-Индской

компании. В обмен на опиум из Китая вывозили чай и шелк. Этот доходный промысел Веллингтон считал совершенно необходимым для процветания Британской империи. Кстати, в Англии употребление наркотиков было разрешено. На прилавках всех бакалейных лавок королевства стояли бутылки с лауданумом^[31]. Этот препарат коричневого цвета, изготавливаемый на основе опиума, имел самое широкое применение. Беднякам он заменял алкоголь, поскольку стоил гораздо дешевле. Матери давали его младенцам в качестве снотворного, чтобы те спали, пока они были на работе. Богачи, в том числе и королева, использовали его как лекарство. А люди творческих профессий, к которым принадлежали Вальтер Скотт и Диккенс, с его помощью погружались в грезы.

Самым крупным торговцем опиумом был английский подданный и большой друг Пальмерстона Уильям Джардин. Он потребовал от министра иностранных дел, чтобы в ответ на китайский ультиматум Англия немедленно начала военные действия. Джардина не устраивали действия представителя британской короны в Китае капитана Эллиота, предпринимавшего там губительные для его промысла шаги.

Эллиот не одобрял торговлю опиумом, которая позорила Англию и грозила поставить под удар «легальную» торговлю. Он пообещал возместить убытки всем английским торговцам, согласившимся сдать китайцам весь опиум, привезенный ими в трюмах своих шхун. Линь Цзэсюй собрал пятнадцать тысяч тюков опиума. С большой помпой он отрядил пятьсот солдат и пятьдесят офицеров на выполнение особого задания: они должны были утопить весь этот опиум, смешав его предварительно с известью. В течение трех недель китайцы приводили его приказ в исполнение. Это были горячие денечки с непрерывными церемониями, которые мандарин устраивал, чтобы испросить прощение у богов за то, что они оскверняют воды Южно-Китайского моря. Будучи уверенным, что английская королева пребывает в неведении, что ее подданные травят китайский народ, он направил ей послание, в котором умолял остановить контрабанду наркотиков, но послание это так никогда и не дошло до адресата.

Впрочем, Виктория не нуждалась в этом письме, чтобы узнать о махинациях с опиумом в Китае. В 1832 году парламент долго дискутировал по этому вопросу и пришел к тому же выводу, что и Веллингтон, заключающемуся в следующем: «Желательно сохранить этот столь важный источник доходов». А королева не имела привычки идти вразрез с интересами своей страны.

Через два месяца после уничтожения опиума Пальмерстон отправил к

Кантону в бухту Коулун хорошо вооруженный английский флот, которому китайцам нечего было противопоставить. Эллиот, тут же изменивший свою позицию, приказал начать обстрел Кантона. Контрабанда опиума возобновилась и стала приносить еще большие барыши, чем прежде. Цена на опиум после операции по его уничтожению резко подскочила. Китайским торговцам в самое короткое время было поставлено восемь тысяч тюков наркотиков.

Следовало ли, как пообещал Эллиот, возместить убытки тем английским коммерсантам, чей товар был отправлен на дно морское неподкупным Линь Цзэсюем, или нет? Их потери составили 2 миллиона фунтов стерлингов. В апреле 1840 года в парламенте начались дебаты по этому поводу.

Духовенство в Англии поднялось против употребления наркотиков, и пасторы на проповедях призывали своих прихожан подписываться под составленными ими петициями. Им вторили и некоторые парламентарии. Двадцатидвухлетний депутат Уильям Гладстон громко возмущался: «Я могу утверждать, что подобной войны, столь несправедливой по своим причинам, столь расчетливо раздуваемой и покрывающей нашу страну таким позором, не было ни в прошлом, ни в настоящем... И пусть китайцев множество раз и при разных обстоятельствах заслуженно обвиняли в абсурдном фразерстве, чрезмерной гордыне и прочих крайностях, в данном случае, на мой взгляд, справедливость на их стороне. И в то время как они, варвары и нецивилизованные язычники, защищают ее, мы, просвещенные и цивилизованные христиане, попираем одновременно и справедливость, и религию».

Это были смелые, но бесполезные речи. Пальмерстон уже послал экспедиционный корпус к берегам Китая, чтобы заставить китайского императора самого возместить британским торговцам их потери. Англичане обстреляли остров Чжоушань вблизи Шанхая: «Китайцы вместо защиты выставили на берегу полотнища с изображением чудовищ, крылатых драконов и причудливо раскрашенных грифонов. А brave английчане, вместо того чтобы прийти в благодушное настроение от такой легкой победы, грабили и опустошали беззащитный город словно крепость, павшую лишь после ожесточенного сопротивления. Эти герои-победители развлекались тем, что убивали детей». Затем английские и индийские войска взяли город Динхай. Британский флот двигался вдоль китайского берега и неумолимо приближался к широте Пекина.

Эллиот опять вступил с Линь Цзэсюем в переговоры, которые ни к чему не привели. Война вспыхнула с новой силой. Весной 1841 года

Кантон был захвачен англичанами. Они грабили город, разоряли храмы, оскверняли кладбища и насиловали женщин. Выкуп, предложенный Китаем, оказался слишком маленьким, чтобы возместить ущерб всем пострадавшим английским коммерсантам, и многие из них, доведенные до банкротства, покончили жизнь самоубийством. Спустя месяц приступом был взят Шанхай, он также был разграблен и осквернен. Эта битва стала последней перед подписанием Нанкинского договора, положившего конец первой опиумной войне.

Естественно, о наркотиках стыдливо умолчали в этом договоре, по которому британским контрабандистам причиталась огромная компенсация, а также предоставлялась полная свобода торговли в Китае. Плюс ко всему Англии отошел Гонконг. Министр по делам колоний лорд Стэнли писал королеве: «Трудно переоценить моральное значение этих побед не только в Азии, но и во всей Европе... В Китае кровопролитию положило конец подписание договора, который устанавливает здесь такую власть Вашего Величества, какой доселе не имела ни одна иностранная держава, власть эта нисколько не меньше власти самой китайской империи, которая обязалась выплатить английским коммерсантам компенсацию за прошлое, обеспечить безопасность в будущем и предоставить им полную свободу торговли на территории Китая в таких масштабах, что сейчас просто невозможно оценить ее размах в будущем».

Праздничный фейерверк озарил лондонские парки и Тауэр. Поставки индийского опиума в Китай вскоре выросли с трех тысяч тонн до пяти с половиной. Китайцы умоляли англичан уничтожить плантации садового мака в Индии. Но Поттинджер, сменивший Эллиота, лицемерно заявил, что это было бы злоупотреблением властью со стороны британского правительства. И шхуны вновь засновали туда-сюда со своим смертоносным грузом.

«Мы посетили “The Queen”^[32], это великолепный корабль. Я считаю, что его мощные деревянные борта символизируют наше величие, и горжусь тем, что ни одна другая держава не имеет такого флота, как наш», — писала Виктория дяде Леопольду в марте 1842 года. Ее дядя Вильгельм IV, долгие годы отдавший морю, говорил: «Все моряки почтут за счастье сражаться за свою юную королеву». Британский флот одерживал победы не только у берегов Китая, но и в Новой Зеландии, Канаде, Африке и Новой Гвинее... Лишь горы Афганистана остановили победное продвижение английских войск. Жестокое поражение англичан под Кабулом, потерявших там двадцать тысяч своих солдат, нарушило все их планы закрепиться в Средней Азии и, главное, создать буферную зону между Россией и их

индийскими владениями.

Индия с ее плантациями чая, кофе и мака, с ее рубинами и алмазами, ценной древесиной и шелком по праву считалась «жемчужиной» британской короны. С незапамятных времен экспорт был основной статьей дохода индийской экономики. Индия поставляла на мировой рынок свои природные богатства, а иностранцы платили ей золотом и драгоценными камнями. С течением времени во дворцах и сундуках индийских правителей скопились сказочные сокровища.

В начале XIX века Артур Уэлсли, брат Веллингтона, завершил колонизацию Индии, отдав ее на откуп Ост-Индской компании. Он призвал туда будущего героя Ватерлоо, который прославился, одержав там свои первые победы. С тех пор территориальные владения Ост-Индской компании концентрировались вокруг трех городов: Калькутты, Бомбея и Мадраса. Рядом с ними продолжали существовать сотни маленьких и больших независимых княжеств. Их правители назывались магараджами. Они сохраняли свою автономию и суверенитет. Вместо того чтобы аннексировать их земли, англичане сочли более выгодным для себя подписывать с ними договоры об установлении дипломатических отношений, как это делал до них Дюплекс, пока его по глупости не отозвали во Францию.

Ост-Индская компания имела монополию на вывоз соли, табака, семян арековой пальмы^[33], тканей. С появлением пароходов расстояния сократились. Оборотистые предприниматели сколачивали в Индии громадные состояния и строили там роскошные виллы в колониальном стиле с мириадами слуг и всеми мыслимыми и немыслимыми удобствами: креслами-качалками, кроватями под балдахинами, вентиляторами, аккуратно подстриженными лужайками, цветниками из роз и индийской гвоздики...

Англичане охотились там на тигров, сидя на спинах слонов, играли в белых костюмах в крикет и придумали поло. Они строили школы и по воскресеньям учтиво приветствовали друг друга на выходе из протестантской церкви. В 1830 году лейтенант Лич, проходивший службу в инженерных войсках в Бомбее, издал первую грамматику Пенджаба, а спустя пять лет миссионеры раздали сикхам пятнадцать тысяч экземпляров Нагорной проповеди.

Они привозили в Лондон роскошные ювелирные изделия и черных слуг, превращенных ими в рабов. За сумасшедшие траты этих нуворишей, вкладывающих целые состояния в развитие железных дорог и промышленности, стали называть «набобами». Именно они заложили

основы экономической мощи Британской империи.

Чтобы лучше контролировать Ост-Индскую компанию, английское правительство стало постепенно прибирать ее к своим рукам. Ее «управляющий», отныне назначаемый правительством, проводил политику аннексии индийских земель и экспроприации ценностей к вящей выгоде английского королевства и ее величества. Видя эти сказочные богатства, ежегодно поступающие в ее казну, Виктория, которую имамы и магараджи задарили изумрудами и кашемировыми шальями, как-то не удержалась и воскликнула: «Индия должна принадлежать только мне!»

А Персия находилась под опекой русского царя. В 1840 году и эмир Афганистана решил, в свою очередь, заключить союз с Россией. Неприятная перспектива для англичан! Отныне они оказывались лицом к лицу с русскими. Лорд Окленд решил организовать карательную экспедицию в Кабул, дабы свергнуть неугодного англичанам тамошнего правителя и посадить на трон более сговорчивого. Но эта операция обернулась для англичан крахом. Впервые за время правления Виктории они отступили в Индии.

Расположенное в Бенгальском заливе государство Синд любезно позволило английским войскам проследовать через свою территорию и горько поплатилось за это. Чарльз Нэпьер разогнал местных эмиров и захватил их земли. Нисколько не заблуждаясь насчет нравственной оценки этого последнего завоевания, он отправил в Лондон телеграмму, в которой написал: «Рессаві», что означало: «Я согрешил».

Но королеву все это нимало не заботило. Наконец-то она отправлялась на континент! Это Луиза, жена бельгийского короля, уговорила ее нанести визит своему отцу Луи Филиппу. Луиза была любимой дочерью французского короля. Она очень переживала из-за того, что европейские правящие дома с пренебрежением относились к ее отцу. Король Пруссии отказался ехать в Англию на крестины Берти через Париж. Возвращался он через Бельгию, где встретился и побеседовал с Леопольдом. Что касалось австрийского и русского императоров, то они упорно продолжали считать Луи Филиппа узурпатором. «Царь будет сильно разгневан, но мне ничего не остается, как пойти на это!» — воскликнула Виктория, поддержанная Альбертом. Французскую королевскую семью связывали с Саксен-Кобургами тройные узы. После свадьбы Луизы и Леопольда Клементина, вторая дочь Луи Филиппа, вышла замуж за Августа, сына Фердинанда. А герцог де Немур женился на дочери Фердинанда Виктоар.

Еще в июне королева посвятила в свои планы Пиля и лорда Абердина и получила их одобрение: эта поездка сгладит разногласия, возникшие

между Францией и Англией из-за событий на Востоке. Стороны договорились о родственном визите, который королева нанесет Луи Филиппу в замок д'Э, его владение в Нормандии. Министры посоветовали Виктории не объявлять о своей поездке до закрытия парламентской сессии из опасений, что оппозиция вигов во главе с Пальмерстоном станет возражать против нее.

В Париже иностранные послы, узнав о приезде Виктории во Францию, не могли скрыть своей досады. «Так, значит, она приезжает, эта девочка-королева! Да это просто детский каприз! Король никогда бы не пошел на это!» — воскликнул австрийский посол граф Аппоний. Кое-кто даже заключал пари, что в последний момент англичане передумают.

Сам же Луи Филипп пребывал «на седьмом небе» от радости. Впервые после встречи Генриха VIII и Франциска I на «Поле золотой парчи» британский монарх наносил визит французскому^[34], и Луи-Филипп готовился оказать самый радушный прием своей царственной гостье. Рядом с его замком была выстроена деревушка из нескольких бревенчатых домиков с минаретами, которые король называл «smala»^[35], так как они напоминали те шатры, в которых его четвертый сын герцог Омаль захватил недавно в Алжире многочисленное семейство Абд аль-Кадира. Пушки в Нормандию доставили из Дома инвалидов в Париже, столовое серебро и другую посуду также привезли из столицы, а кровать для королевы — из Англии. В парке музыканты репетировали «Боже, храни королеву» и «Саксонский марш» принца Альберта.

Посетит ли королева Париж? Виктории очень бы этого хотелось. Но она обещала не удаляться от побережья, дабы не вынуждать парламент назначать регентский совет. Должен ли французский король встретить английскую королеву прямо на море? Он собирался именно так и поступить. Но его дочь Луиза умоляла его отказаться от этой затеи, и Гизо поддержал бельгийскую королеву: «Заход судов в Трепор очень не прост, это осуществимо лишь в течение нескольких часов в день. Король рискует оказаться в открытом море с королевой Викторией, не имея возможности пристать к берегу. Два монарха, оказавшиеся за пределами своих государств и не способные, ни тот ни другая, вернуться на родину, могут стать всеобщим посмешищем».

В сопровождении своего министра Луи Филипп обошел весь замок. Королеву решили поселить на первом этаже. Окна ее спальни выходили на розарий. «Ковры там были сняты. Король спросил, не считаю ли я, что их следует положить на место. Я ответил, что нет. Сейчас тепло, а паркет

здесь очень красивый, настолько красивый, что ни один английский паркет с ним не сравнится». Рядом располагался будуар принца, обитый темнокрасным бархатом. Еще один будуар предназначался для королевы: «Король с неимоверной дотошностью вникал во все мелочи, требуя, чтобы у королевы были все необходимые удобства. Вчера он пришел в ярость от того, что замки секретера плохо блестели. Они будут блестеть как следует».

Наконец в субботу, 2 сентября, все было готово к приему гостей. И вот королевская яхта появилась в виду Шербура. Этот пароход водоизмещением в несколько тысяч тонн 23 апреля был освящен и получил название «Виктория и Альберт». Капитаном королевской яхты по-прежнему оставался Адольф Фицкларенс. Экипаж судна насчитывал две сотни моряков.

Королевская чета заканчивала одеваться, когда к их яхте пришвартовался «Плутон» с принцем де Жуанвилем на борту. За завтраком сын Луи Филиппа рассказывал Виктории и Альберту о том, что они видели на французском берегу, вдоль которого плыли. Море было таким же голубым, как и небо, и королева любовалась красными островерхими крышами домов Трепора: «Нам открылась маленькая бухта, зажатая меж скал, со старой, очень живописной церквушкой на берегу, не похожей ни на что из того, что можно увидеть в Англии».

Пушечные залпы раздались в тот самый момент, когда лодка французского короля двинулась им навстречу: «Добрейший король стоял в лодке, сгорая от нетерпения выпрыгнуть из нее, и его с трудом удерживали от того, чтобы он не проделал этого раньше, чем лодка подойдет к нам достаточно близко. Едва это произошло, он быстро, насколько это было возможно, взобрался по трапу и сжал меня в своих объятиях». Ей было двадцать четыре года, ему шестьдесят девять лет, лицо его напоминало по форме грушу, на макушке у него красовался парик, а на щеках пышные бакенбарды. Он не отличался изысканными манерами, но вел себя очень сердечно.

Королева Мария-Амелия с дочками и невестками ждала их на пристани. Они поздоровались по-французски и расцеловались, после чего выпили по бокалу вина в раскинутом тут же шатре. Оркестр играл «Боже, храни королеву» и «Парижанку». Толпа аплодировала. Правда, без особого энтузиазма, как отметил Гизо: «В этом краю не слишком жалуют англичан. Ведь это морское побережье Нормандии. За время всех этих войн между нашими странами Трепор два или три раза сжигали, а уж сколько раз подвергали разграблению и не сосчитать. Но оказалось, что нет ничего легче, чем вызвать у нас чувство, которое обычно нам не свойственно.

Кругом все только и делали, что повторяли: “Королева Англии приехала с визитом вежливости к нашему королю. Нам тоже нужно быть вежливыми с ней”. Эта мысль овладела людьми и затмила все остальное: воспоминания, чувства, политические пристрастия. Они кричали и будут и дальше кричать: “Да здравствует королева!” — и от чистого сердца будут встречать аплодисментами гимн “Боже, храни королеву”. Их даже особо и упрашивать не пришлось».

Луи Филипп приказал подать старинную карету, скорее огромный шарабан, изукрашенный позолотой, который тянула за собой восьмерка лошадей: «Когда мы выезжали из ворот, лишь половина лошадей слушалась кучера, остальные отказывались это делать и нас мотало из стороны в сторону. “Я просто в отчаянии”, — повторял, сокрушаясь, король». Виктории, которая была вне себя от счастья, что оказалась во Франции, чудилось, будто все это происходит с ней во сне. Ничто не ускользало от ее внимания. Ни чудесные сады, ни белые шали женщин, ни их фартуки. Ни толстый кусок хлеба, который во время ужина положили возле ее тарелки и с которым она не знала, что делать, ни обслуживание за столом — «великолепное, но совсем не похожее на то, к которому мы привыкли у себя дома». Король и королева сами резали ветчину и мясо, чем повергли в шок придворных дам Виктории. Но не ее саму, она была просто в восторге от этой теплой семейной атмосферы, что царила при французском дворе: «Королева постоянно заботилась о том, чтобы всех усадить и сделать так, чтобы все чувствовали себя комфортно».

Вечер прошел за разговорами, за рассматриванием гравюр и за игрой в карты: «Я чувствовала себя у них словно у себя дома, так, будто была членом их семьи». Даже принц Альберт был покорен ими, и это он, никогда не жаловавший французов: «Когда их много, я их ненавижу, а по отдельности они меня забавляют».

Назавтра было воскресенье, а воскресенье у англичан день отдыха. С утра королева присутствовала на англиканской церковной службе, организованной для нее прямо в ее в покоях, а после полудня впервые в жизни посетила католическую церковь: «Прелесть». Последующие дни они чудесно проводили, гуляя у моря, совершая поездки в Трепор и устраивая пикники в лесу. Накрытые столы и королевские кресла стояли там прямо на траве. Но больше всего королеве понравилось кататься всей компанией в старинном шарабане по ухабистым сельским дорогам. Как-то они заехали во фруктовый сад, и она остановилась под персиковым деревом, увешанным спелыми плодами. Король сорвал ей персик, и она вонзила в него свои прекрасные зубки раньше, чем он успел предложить ей нож,

который вынул из кармана, проговорив при этом: «Тот, кому как мне приходилось бедствовать и жить всего на 40 су в день, всегда носит в своем кармане нож. Я мог бы уже давно позабыть эту привычку, но не хочу. Кто знает, что ждет нас в будущем». После персиков настала очередь груш и орехов.

Ужин подавали в семь часов, на английский манер. Виктория выходила к столу в красном креповом платье, а французский король и принцы надевали фраки из уважения к Альберту, предпочитавшему цивильное платье военной форме. Кроме того, зная любовь английских гостей к музыке, дважды после ужина для них устраивали концерты. Причем на второй вечер всех присутствующих очень позабавило соло на рожке.

Офицеры «Плутона» организовали на корабле банкет для своих британских соперников. И королева очень надеялась, что после этих совместных возлияний «ненависти к коварным англичанам поубавится». А король, долгое время проживший в Англии в изгнании, уверял, что у самого у него «любовь к англичанам в крови». Он доказал это, преподнеся Виктории в дар два великолепных гобелена: «Охота на Калидонского вепря» и «Смерть Мелеагра»^[36]. В свое время они были заказаны Наполеоном для Мальмезона, и на их изготовление потребовалось тридцать лет, отныне они будут украшать дубовую столовую Виндзорского дворца.

Королева громко смеялась над буффонадами комика Арналя, нарядившегося дьяволом с огромной деревянной саблей. Она хохотала, сидя за столом с принцем де Жуанвилем, Монпансье и Луи Филиппом. А принц Альберт в это время наблюдал за маневрами. Он посещал казармы, инспектировал солдатские спальни и даже пробовал хлеб и суп, который ели солдаты. И был удостоен ордена Почетного легиона высшей степени. А в среду была такая хорошая погода, что он вместе с герцогом Омалем отправился в Трепор купаться.

Гизо обсудил с лордом Абердином ситуацию на Таити, в Греции, в России и на Востоке в целом. Министры с большим уважением относились друг к другу. Гизо был протестантом. Абердин, блестящий интеллектual, в свое время преподавал в Парижском университете, где специально для него, а ему тогда было всего двадцать пять лет, была создана кафедра современной истории. Свою младшую дочь он назвал Франс. Они во всем или почти во всем сходились во мнениях. «Есть два вопроса, по которым наша страна не собирается менять свою позицию, и здесь у меня связаны руки, как бы я к этому ни относился: это касается работорговли и пропаганды протестантизма», — признавался Гизо. Эти переговоры он

продолжил с Викторией: «Вчера она приняла меня. Первым ко мне вышел принц Альберт. Королева одевалась на прогулку. Беседа и с тем и с другой была в высшей степени благопристойной и ничего не значащей, королева очень милостиво разговаривала со мной, я бы даже сказал — ласково. Она много говорила о королевской семье, которая конечно же ей очень понравилась и с которой ей было очень интересно. Я сказал ей, что только что получил письмо от Дюшателя, выражавшего сожаление, что она не приедет в Париж, где ей был бы обеспечен великолепный, блестящий прием. Услышав это, она покраснела от удовольствия. Мне это понравилось. Единственными словами, имевшими какое-то значение, были: “Надеюсь, что моя поездка сослужит добрую службу”».

Прошло пять дней, погода по-прежнему стояла превосходная. Но перед замком уже чеканили шаг полки на прощальном параде в честь высоких гостей. Альберт раздал слугам тысячу фунтов стерлингов в качестве чаевых. На большой лодке короля, обеих королев и всех принцесс доставили на королевскую яхту. Принцы следовали за ними на ялике. Обе эскадры были празднично расцвечены флагами. Под залпы пушек оба семейства расцеловались и пообещали друг другу вот так же встречаться каждый год. Принц де Жуанвиль на своем «Плутоне» проводил «Викторию и Альберта» до Брайтона.

Виктория встретилась со своими детьми в Китайском павильоне. Она провела там с ними четыре дня. А 12 сентября отбыла в Остенде. Несмотря на волнение на море, королева прекрасно себя чувствовала: «Она от души смеялась, когда у принца Альберта, затем у лорда Ливерпуля и наконец у лорда Абердина началась жестокая морская болезнь, и они, почувствовав очередной приступ тошноты, поспешно убегали к себе». В конце лета 1843 года расцветшая Виктория словно подхватила вирус странствий.

Поездка по Бельгии продлилась шесть дней, в течение которых счастливая и довольная королева посетила Брюгге, Гент, Брюссель и Антверпен, переезжая из города в город в коляске бок о бок с Леопольдом. Ее вышедшие из моды туалеты послужили поводом для пересудов. «Во время своего пребывания в Генте она выглядела просто ужасающе, ее шляпки скорее подошли бы семидесятилетней старухе, а из-под платья из кисеи у нее выглядывала нижняя юбка розового цвета», — сокрушалась, сгорая от стыда, леди Каннинг. Но бельгийцам Виктория понравилась. В течение нескольких дней она вносила разнообразие в жизнь двора короля Леопольда, обычно такую же тоскливую, как в каком-нибудь монастыре. В Брюсселе в толпе, собравшейся на улице Руаяль, оказалась Шарлотта Бронте, преподававшая в это время в пансионе Гегера. Острый взгляд

создательницы «Джен Эйр» остановился на Виктории и проводил ее, когда она проезжала мимо в коляске, запряженной шестеркой лошадей, в окружении эскорта солдат: «Она смеялась и оживленно разговаривала. Маленькая, крепенькая, живая, очень скромно одетая, она не производила впечатление человека, относящегося к себе излишне серьезно».

21 сентября в Вулидже яхта Виктории причалила к берегу. Но у королевы не было намерения предаваться отдыху. Осень прошла в разъездах по собственной стране. В октябре она все с тем же энтузиазмом знакомилась с Кембриджем. В Тринити-колледже студенты бросали на землю свои тоги, «чтобы, по примеру сэра Уолтера Рейли, вымостить для нас дорогу». На следующий день Альберт был удостоен звания доктора гражданского права. Вместе они посетили местный музей, и Виктория внимательно слушала мужа, который с ученым видом прочел ей лекцию по палеонтологии.

В ноябре она опробовала свой новый вагон, обитый нежно-голубым атласом, в котором отправилась с визитом к Пилю в его имение в Дрейтоне. Из десяти ее премьер-министров лишь Мельбурн, Дизраэли, Солсбери и Пиль удостоятся чести принимать у себя в гостях свою государыню. Замок Пили больше понравился Виктории изнутри — она оценила его удобства в виде ванных комнат и ватерклозетов, — чем с фасада, который она назвала преисполненным «мрачной элегантности». Разногласия королевы с тори, омрачившие начало ее царствования, исчезли. Теперь она могла рассчитывать на их лояльность. Главное же, она была благодарна Пилю за то, что тот разглядел столько достоинств у ее любимого супруга. «Для нее существует лишь ее муж. Консерваторы быстро подчинили его своему влиянию, а через него стали оказывать влияние и на нее», — уверял Гревилл.

Но это отнюдь не помешало ей вновь увидеться в декабре с ее любимым Мельбурном в Четсворте у ярых сторонников вигов Девонширов. Герцог лично встретил их на вокзале и усадил в свою карету, запряженную шестеркой лошадей, на которой они отправились через поля в его имение, за первой каретой следовала еще одна, запряженная четверкой лошадей. Восемь всадников эскортировали монарших гостей до великолепного белого замка с монументальной лестницей, окруженного потрясающим парком. Герцог фанатично собирал тропические растения. Он без малейших колебаний мог снаряжать экспедицию за экспедицией за каким-нибудь редким экземпляром южноамериканской кувшинки или гигантской лилии. Его старший садовник Джозеф Пакстон построил уникальную оранжерею: «Это сооружение — одно из самых фантастических и

необычных, оно целиком из стекла и имеет восемьдесят четыре метра в длину и сорок семь в ширину». По центральной аллее оранжереи можно было проехать в карете, запряженной лошадью, а внутренняя галерея позволяла любоваться на редкие растения сверху. Каждый год со всей Англии сюда съезжалось более шестидесяти тысяч посетителей, чтобы увидеть эти диковинки природы. Оранжерея произвела на Альберта такое же сильное впечатление, как и на других гостей: Веллингтона, супругов Бедфордов, Бакли и Норманди.

Между ужином и танцами герцог Девоншир рассказал гостям историю жизни своего садовника Пакстона. Это была одна из тех историй, что обожал принц. Будучи седьмым ребенком в семье небогатого фермера, Пакстон еще подростком начал работать садовником. В двадцать лет он уже был членом «Общества садоводов Чизика», где его впервые и увидел герцог. Потрясенный глубокими познаниями молодого человека в области садоводства, герцог предложил ему место у себя в Четсворте. В первый же день Пакстон явился на работу в четыре часа утра. Он обошел весь парк до прихода остальных садовников, которых тут же приставил к делу. А сам пошел завтракать с экономкой имения и ее племянницей, в которую влюбился с первого же взгляда. Через год они поженились. Пакстон вложил деньги, полученные в качестве приданого за супругой, в железные дороги и сколотил на этом хорошее состояние. Кроме того, он получает приглашения со всей Англии и даже из Шотландии в качестве специалиста по планировке парков. Для Виктории он придумал феерическое вечернее представление с иллюминацией садов и каскадов. Установленные повсюду свечи испускали свет, переливающийся всеми цветами радуги. Пораженный этим чудом Веллингтон специально поднялся на следующее утро ни свет ни заря, чтобы посмотреть, из какого вещества были сделаны эти свечи, но Пакстон и его помощники работали всю ночь, они убрали все фонарики и даже заменили обгоревшую траву. Герцог заявил, что был бы счастлив иметь под своим началом такого генерала, как Пакстон.

Королевская чета погостила три дня в Четсворте и отправилась в Бельвуар к герцогу Ратленду, который устроил для принца охоту на лису. Альберт оказался там в числе тех немногих охотников, кто до последнего преследовал зверя, не отставая от своры собак. «Поскольку англичане очень ценят мужскую силу и ловкость в состязаниях на свежем воздухе, это должно будет значительно возвысить его в глазах окружающих», — писал с иронией Гревилл.

Виктория была рада этому. «Можно с трудом выносить нелепость местных обычаев, но мужество и выносливость Альберта произвели здесь

настоящую сенсацию, об этом везде все только и говорили. Сделай он какое-нибудь великое открытие, люди не оценили бы это столь же высоко, как его поведение на охоте! Это скорее отвратительно, но имеет и положительную сторону — раз и навсегда положен конец сплетням, будто Альберт плохой наездник», — с гордостью писала она дядюшке Леопольду.

Даже речи больше не было ни об упреках, ни о ссорах, ни о семейных сценах. Отныне она жила одной жизнью «с самым лучшим из мужей, ныне существующих или когда-либо существовавших на этом свете. И я сомневаюсь, что есть другая такая женщина, которая любит и уважает своего мужа так же, как я люблю и уважаю моего дорогого Ангела!» Любил ли и он ее так же сильно? Она стала его судьбой. Владея ее сердцем, чопорный немецкий принц менее чем за три года де-факто занял в ее королевстве место принца-консорта, в котором де-юре парламент все еще отказывал ему!

Глава 8

1844 год начался с траура. В январе в возрасте пятидесяти девяти лет скончался отец Альберта, и его смерть повергла молодых супругов в состояние крайней подавленности. Распутная жизнь герцога Эрнеста стала причиной его разрыва с первой женой, из-за чего принц рос практически сиротой. Герцог выпросил у Виктории солидную пенсию. Он прислал им оскорбительное письмо, в котором ругал за то, что они не назвали своего первого сына его именем. И все же они горько оплакивали его смерть. «Мы сидели втроем — я, бедная матушка и Виктория — и плакали, а вокруг нас стояло множество людей, холодных и бесчувственных, как камни», — жаловался Альберт Штокмару. У Кобургов было принято устраивать мелодраматические сцены по случаю кончины родственников, и Виктория с легкостью подчинилась этому обычаю.

Слугам было приказано надеть черные ливреи. Двор также должен был носить траур. На почтовой бумаге королевы появилась черная кайма. «Мы остались одни на свете, и мысль эта невыносима... Наши бедные дети не понимают, почему мы плачем, и спрашивают, как так получается, что мы все время ходим в черной одежде», — писал принц своему старшему брату. Эрнест наконец остепенился, женившись на Александрине Баденской. В июне новобрачные гостили в Виндзоре, и Альберт не упускал случая подчеркнуть брату преимущества семейной жизни: «Виктория скорбит вместе со мной и тобой. Это большое утешение для меня, и твоя милая Александрина тоже проливает слезы вместе с тобой. Давай же позаботимся об этих дорогих нам существах; давай любить и беречь их, ибо именно в них заключается наше счастье... Виктория посылает тебе булавку для галстука с прядью волос нашего дорогого отца». Атмосфера скорби окутала королевский дворец, где с появлением Альберта с каждым днем все больше и больше насаждалась пугающая напыщенность.

Спустя два месяца принц отбыл в Кобург, чтобы решить проблемы отцовского наследства. Виктория еще ни разу не расставалась с Альбертом, даже на одну ночь. Она с ужасом думала об этой разлуке. Не позволит ли дядя Леопольд своей супруге, ее дорогой тетушке Луизе, приехать в Англию составить ей компанию? «Если мне придется остаться совершенно одной, боюсь, я этого не вынесу. Возможно, я веду себя не слишком разумно, но вы только подумайте, во что может превратиться для меня эта разлука с моим Единственным и Несравненным, пусть даже она продлится

всего две недели».

Единственным утешением для нее были письма ее «дорогого Ангела». Еще не успев сесть в Дувре на корабль, он уже писал ей: «Любимая моя, я здесь уже целый час, и мне жаль этого потерянного времени, ведь я мог бы провести его с тобой... Бедная моя девочка! Наверное, сейчас, когда я пишу тебе, ты собираешься идти завтракать и обнаружишь за столом пустое место, то место, которое вчера занимал я. Надеюсь, что в твоём сердце мое место не опустеет... Теперь тебе осталось на полдня меньше ждать меня; когда ты получишь это письмо, будет уже на целый день меньше. Пройдет всего тринадцать дней, и я вновь окажусь в твоих объятиях. Твой верный и нежный Альберт».

Из Остенде пришло следующее письмо: «Я не могу лечь в постель, не написав тебе несколько слов. Сейчас почти одиннадцать часов. Я засыпаю на ходу и должен проститься с тобой. Я молюсь о тебе». И новое ободряющее письмо из Кёльна: «Погода стоит прекрасная, и около семи часов я буду переправляться через Рейн. С каждым шагом я все больше удаляюсь от тебя, и эта мысль совсем меня не радует». Из Готы, куда принц заехал обнять свою бабушку, он писал: «И печальные, и радостные воспоминания рождают в моей душе какую-то особенную грусть... До свидания, дорогая моя, пусть мысль о моем скором возвращении поддерживает тебя, а я сделаю все возможное, чтобы приблизить его. Да пребывает с тобою и нашими детками Божье благословение. Я вкладываю в письмо медвежье ушко и аютины глазки, которые сорвал в Райнхардсбрунне. Детям я купил в подарок игрушки, а тебе фарфоровые картинки». Когда они наконец встретились, он написал в дневнике всего два слова: «Огромная радость».

Больше они никогда не расстанутся. Постоянное присутствие Альберта стало для Виктории насущной необходимостью. После отъезда Лецен он забрал в свои руки все, что касалось их личной жизни, и занимался этим со всей серьезностью. Он ничего не упускал из виду и даже заботился о том, чтобы королева сполна прочувствовала радость материнства: «Альберт привел ко мне мою дорогую малышку Пусси в прелестном шерстяном платьице, белом с голубой отделкой, подаренном моей мамой, и в очаровательном чепчике, он посадил ее на мою постель, а сам сел рядом. Она была такой послушной, такой умненькой. И в тот момент, когда мой драгоценный, мой несравненный Альберт был рядом со мной, а наша славная девочка сидела между нами, я чувствовала себя преисполненной счастья и благодарности к Богу».

Еще два года назад Виктория уверяла всех: «Я, как лорд Мельбурн,

могу жить только в Лондоне». Теперь же она, как Альберт, чувствовала себя счастливой лишь в Виндзоре. Она, любившая раньше танцевать до самой зари, вставала чуть свет. Вместе они совершали утреннюю прогулку по парку. Альберт показывал ей листья разных деревьев и рассказывал о повадках пчел. Изменилась даже ее жизненная философия: «То счастье, что я испытывала тогда, не могло длиться долго. Каким бы добрым ни был лорд М, как бы хорошо он ко мне ни относился, я получала удовольствие лишь от светской жизни, черпая ее лежащие на поверхности радости, которые и называла счастьем. Благодарение Богу, все у меня теперь по-другому, и я знаю, что такое истинное счастье».

Это были слова Альберта, его мысли, его убеждения. Его вера в семью. В детстве принц жестоко страдал из-за того, что рос без матери. Причину всех своих несчастий он определил очень давно, еще тогда, когда слушал первые проповеди в розовой церкви Кобурга: сводилась эта причина к одному ужасному слову «распущенность», которое включало в себя и разгульную жизнь, и супружескую неверность, и азартные игры, и вечные долги.

День за днем он все глубже загонял жизнерадостную и необузданную натуру жены под панцирь строгих принципов германо-лютеранского происхождения. И здесь тоже не обошлось без Штокмара. Немецкий медик с самого начала видел в приступах бешенства королевы отголосок безумия ее ганноверских предков, то, что он называл «дурной наследственностью». Именно он постоянно напоминал Альберту о симптомах этого недуга и настаивал на том, чтобы принц ни на минуту не выпускал королеву из-под своего влияния, засыпал ее указаниями, письменными наставлениями и советами, дабы держать под контролем ее поведение. Они вместе следили за ее успехами. «Я очень доволен Викторией, за все это время она устроила мне всего две сцены. И в целом, она с каждым днем доверяет мне все больше», — писал Альберт барону уже в сентябре 1840 года.

Они надели на нее настоящую смирительную рубашку, сотканную из запретов. Отныне не было никаких шуток, никаких легкомысленных канканов. И не было больше рядом Лецен — поставщицы дворцовых сплетен. Помимо семейных новостей, детей, оплакивания умерших родственников и самочувствия герцогини других тем для разговоров у нее не было. И королева начала уподобляться своей «дорогой маменьке», чьи достоинства Альберт не уставал превозносить. Даже с веселой и остроумной герцогиней Сазерленд, заведовавшей ее гардеробом, она больше не болтала как прежде. А вечерние занимательные беседы на диванчике с лордом Мельбурном Альберт пытался заменить игрой в карты.

В первые годы ее царствования Виктории доставляло удовольствие осознавать, что именно она была в центре всех самых блестящих приемов. Ни одна богатая наследница, ни один красавец-офицер не могли войти в высшее общество, не будучи представленными ко двору и не приложившись к ручке королевы. Каждую неделю до трех тысяч человек непрерывной чередой проходили перед ней. Но Альберт, чувствовавший себя лишним в компании этих пустых и праздных людей, настаивал на том, чтобы в Букингемский дворец имели доступ лишь мужчины и женщины с безупречной репутацией. Приемы там стали устраиваться все реже и реже.

Ужины при дворе проходили теперь в такой «ледяной» атмосфере, что придворные дамы и джентльмены «при исполнении» стали расценивать свое присутствие на них как тяжкую повинность. Принц придумал для этих ужинов некий ритуал. Сам он являлся к столу первым. Королева всегда немного опаздывала и появлялась через пятнадцать минут после него. Два лакея распахивали перед ней двери, сгибаясь в низком поклоне. За столом Альберт оживлялся лишь во время визита кого-нибудь из его кобургских родственников. С Пилем он обсуждал успехи своего образцового молочного заводика. Со Штокмаром — достоинства конституции Бельгии, текст которой барон собственноручно написал для Леопольда.

Вместе они старательно оттесняли Викторию от решения политических проблем, целиком замыкая ее на материнских обязанностях. Беременности королевы, следовавшие одна за другой, были им на руку. «Я сказал королеве, что рад видеть ее такой счастливой, и выразил надежду, что она все больше и больше будет искать и находить истинное счастье исключительно в своей семейной жизни», — делился Штокмар спустя некоторое время после крестин Берти. С тех пор в семье появилась еще одна дочь — Алиса, она родилась в апреле 1843 года. И Виктория вновь была беременна.

Она с умилением наблюдала за Альбертом, когда тот, посадив на каждое колено по ребенку, играл на органе или мастерил какую-нибудь штурковину для первоапрельского розыгрыша. Она без всяких стенаний переносила свою четвертую беременность и по-прежнему была полна сил и энергии. «Складывается впечатление, что эта удивительная женщина просто семижильная!» — воскликнула как-то леди Литтлтон, гувернантка королевских детей.

После возвращения Альберта из Кобурга траур при дворе практически сразу же был снят, поскольку Виктория пожелала увидеть представление труппы Барнума с участием «генерала-карлика» по прозвищу Том-с-Пальчик. Эта суперзвезда американского цирка как раз находилась на

гастролях в Лондоне. В один из вечеров Барнум вывесил на дверях Египетского зала огромный плакат: «Сегодня наш цирк закрыт в связи с тем, что генерал Том-с-Пальчик по приказу Ее Величества отбыл в Букингемский дворец».

Виктория приняла артистов в галерее Ватерлоо. Генерал поклонился и поприветствовал присутствующих, пропищав своим тоненьким голоском: «Добрый вечер, дамы-господа», что заставило благородную публику покатиться со смеху. «Пародия на Наполеона вызвала всеобщее веселье, за ней последовал показ греческих статуй, а затем генерал исполнил матросский танец и спел множество своих коронных песенок» — можно было прочитать на следующий день в «Court Circular»^[37] — рубрике, ежедневно публикуемой в «Таймс». Уход спиной вперед, как это предписывалось протоколом, дался крошечному Тому-с-Пальчик не очень легко. «Нам нужно было пройти достаточно большое расстояние вдоль всей галереи, и каждый раз, когда генерал замечал, что сбился с шага, он бегом возвращался на несколько метров, чтобы вновь начать пятиться», — вспоминал Барнум. Придя в возбуждение от шума и смеха, собачонка королевы бросилась вдруг к «генералу-карлику» и принялась трепать его за штаны, а он пытался отогнать ее своей тросточкой, и это еще больше позабавило публику.

Том-с-Пальчик был приглашен во дворец второй раз, чтобы дать представление в желтом салоне для королевских детей. «Наследный принц выше меня, сам же я ощущаю себя таким же высоким, как любой другой человек», — остроумно и очень кстати заявил он, что очень понравилось королеве. Ее так забавляли грубоватые шутки этого маленького человечка, что она пригласила его во дворец еще и в третий раз. И преподнесла ему в подарок золотой футляр для карандашей. А Барнум получил три кошелька, которые должны были компенсировать его потери из-за отмены представлений в Египетском зале. Он рассыпался в благодарностях. Три приглашения в Букингемский дворец сделали американца любимцем лондонской публики.

Между тем череда балов, праздников и государственных визитов не прерывалась. Пышные празднества, устраивавшиеся английским королевским двором, не имели себе равных, и Альберт упивался ролью хозяина дома. Визиты именитых гостей сопровождалась военными парадами и протокольными мероприятиями, которые продумывались Викторией до мелочей.

Самым неприятным для супругов оказался визит короля Ганновера, прибывшего на крестины маленькой Алисы, чьим крестным он стал.

Жуткий дядюшка устроил скандал, едва подъехав в фиакре к месту церемонии «как раз вовремя, чтобы оказаться среди опоздавших», — писала Виктория Леопольду. К завтраку он выходил именно в тот момент, когда королева вставала из-за стола. А на свадьбе своей племянницы Августы Кембриджской, состоявшейся через неделю после крестин Алисы, герцог чуть не подрался с Альбертом.

Король Ганновера всей душой презирал этого младшего отпрыска династии Кобургов, которого по-прежнему называл не иначе как «Картонное высочество». Когда свадебная процессия двинулась к дверям церкви, он попытался оттеснить принца от Виктории, чтобы самому встать рядом с ней, но Альберту удалось одним движением локтя отбросить его на три шага назад. Та же сцена повторилась и в самой церкви, когда пришло время свидетелям расписываться в регистрационной книге. Королева быстро обогнула стол и протянула Альберту перо, которое пытался выхватить у нее из руки король Ганновера.

А еще дядюшка потребовал, чтобы ему возвратили принадлежавшие принцессе Шарлотте фамильные драгоценности. Именно ганноверцы привезли их в Лондон, когда вззошли на английский трон. Но у Виктории не было никакого желания расставаться с этими сокровищами. «Она вся увешана моими бриллиантами», — без усталости твердил противный старик на всех приемах.

А вот милейший король Саксонии был, напротив, идеальным гостем. Сосед Кобургов и давний друг семьи, он разъезжал по всему королевству, самостоятельно решая, в каких замках благородных лордов ему останавливаться и какие посещать заводы, с которых он возвращался в полном восторге. В один день с ним в Англию прибыл русский царь в своей меховой шубе и шапке. Сорокавосемилетний Николай I вззошел на престол в 1825 году, унаследовав его после своего брата. При росте в сто восемьдесят пять сантиметров ему пришлось согнуться пополам, чтобы поцеловать королеву, пребывающую на седьмом месяце беременности. «Это весьма импозантный мужчина и до сих пор еще очень красивый. У него великолепный профиль, благородные и изящные манеры. Он очень учтив, и его учтивость почти нагоняет робость из-за избытка комплиментов и других знаков внимания. Но выражение его глаз от этого не становится менее грозным, никогда прежде я не видела ничего подобного. Мне, как, впрочем, и Альберту, он показался не слишком счастливым человеком, которому тяжело и неприятно нести груз его положения и безграничной власти. Он редко улыбается и даже когда делает это, вид у него не становится счастливее». Во время своего первого визита в Лондон, когда он

был еще совсем молодым человеком, Николай вызвал там сенсацию тем, что привез с собой свой кожаный тюфяк, набитый соломой, который стелил на походную кровать: «Он не показался мне ни слишком умным, ни слишком эрудированным. Его образованию явно уделялось недостаточно внимания».

Прошлогодний родственный визит королевы к Луи Филиппу в его нормандский замок взволновал царя, собиравшегося воспользоваться ослаблением Османской империи, чтобы вывести наконец свой флот в Средиземное море. Его орлиные очи под седыми бровями без всякого удовольствия наблюдали за тем, как Англия завязывает дружеские отношения с Францией, которую он ненавидел. Он знал, что министры Луи Филиппа с вожделием поглядывают на Египет и Сирию. «Он интересуется лишь политикой и военными вопросами. И с презрением относится к искусству и другим удовольствиям, скрашивающим нашу жизнь», — с сожалением отмечала Виктория.

Герцог Веллингтон в русской военной форме устроил в честь российского государя военный парад. А Виктория повезла-таки его в Оперу и к строящемуся зданию нового парламента. «Это мечта, воплощенная в камне!» — воскликнул царь. Но и в политическом плане парламент для него был сродни мечте, ибо, по его утверждению, единственной формой правления, приемлемой для его империи, был деспотизм. Он не забыл еще восстания декабристов. 14 декабря 1825 года он приказал открыть огонь из пушек по мятежным полкам. Но с тех пор число бунтовщиков только множилось^[38]. Николай I обвинял своих приближенных в том, что они скрывают от него правду и плохо проводят в жизнь его политику.

А еще этот самодержец, нагонявший на всех ужас, признавался, что когда он без военной формы, то у него появляется ощущение, «будто с него содрали кожу». Во фраке он чувствовал себя «скованным». И королева распорядилась, чтобы на двух прощальных приемах в его честь все мужчины были в военной форме.

Галерея Ватерлоо вся искрилась от золотой посуды и бриллиантовых диадем дам. Вернувшиеся из Австралии или Индии офицеры развлекали присутствующих фантастическими историями. Лакеи в напудренных париках сновали туда-сюда вдоль стен, увешанных портретами великих людей, оркестр играл «Боже, храни королеву», а вся Европа только и мечтала теперь о том, чтобы удостоиться приема в Букингемском дворце.

Эти приемы ни пенни не стоили английской государственной казне. И Пиль видел в том прямую заслугу королевской четы, о чем и заявлял во всеуслышание: «Благодаря мудрой привычке соблюдать экономию Ее

Величество оказалась готовой к подобным расходам и смогла давать такие приемы иностранным правителям, что они потрясли своей роскошью мир, но нимало не обременили национальную казну».

В конце августа, спустя всего три недели после рождения Альфреда, приехал прусский принц. В октябре с ответным визитом к королеве прибыл Луи Филипп, и случилось это в тот самый момент, когда на безоблачном небосклоне отношений между двумя странами появилась небольшая тучка: на Таити произошел конфликт между французскими властями и сотрудником английского консульства. Французский король приехал в Англию в сопровождении герцога де Монпансье и Гизо — друга Абердина. Два министра иностранных дел быстро уладили недоразумение, несмотря на взбудораженное общественное мнение своих стран.

Королева Мария-Амелия, не выносившая переездов, не поехала с Луи Филиппом. Но его визит был подготовлен двумя письмами, которые прислала Виктории из Брюсселя его дочь королева Луиза: «Мой отец из тех людей, кому очень легко угодить... Суматошная жизнь приучила его ко всему... Есть только одна вещь, которая дается ему с большим трудом, — вставать рано утром. Он сказал, что, конечно, попытается спускаться к завтраку вместе со всеми, но ты должна настоять, чтобы он не делал этого... Не говори ему, что это я рассказала тебе о его слабости, а просто уладь эту проблему с Монпансье, пусть он относит отцу в комнату куриный бульон... Моя мать надавала отцу тысячу советов, но он по натуре так неосмотрителен, так мало привычен принимать меры предосторожности и беречься, что нужно постоянно приглядывать за ним, чтобы он не простудился или не причинил себе какой-нибудь другой вред... Что особенно мучает мою мать, так это страх, что, оказавшись на свободе и без присмотра, он станет строить из себя юношу и может переусердствовать в этом... И еще моя мать умоляет тебя не позволять ему, по возможности, садиться верхом на лошадь».

Король с дороги выглядел уставшим, но растроганным встречей: «Его рука дрожала, когда он ступил на землю, без шляпы, с растрепанными седыми волосами. У него было выразительное лицо, гораздо более красивое, чем на его портретах, и он по-родственному и очень сердечно расцеловал королеву». Придворные спешили взглянуть на «этого забавного короля». За ужином Луи Филипп рассказывал о своей полной приключений жизни, о сражениях с французскими республиканцами, против которых он бился бок о бок с двоюродным дедом Альберта Фридрихом-Иосифом Саксен-Кобургским, и своем посещении Канады, где он повстречался с отцом Виктории. Вновь ему довелось увидеться с герцогом Кентским уже в

Англии во время своего пребывания там с 1800 по 1807 год, а затем в 1815 году в период Ста дней. Он жил тогда в Туикнеме, по соседству с Шарлоттой и Леопольдом.

Виктория могла без усталости слушать его: «Это потрясающий человек. Он говорит, что французы не желают войны, но любят пощелкать кнутом наподобие возницы, который даже не представляет себе, какую боль может причинять его кнут. Еще он говорит, что французы не понимают, как можно быть негоциантами вроде англичан и как можно постоянно проявлять должную добросовестность, которая и обеспечивает Англии такую стабильность».

Луи Филипп подарил Виктории копию того изукрашенного позолотой шарабана, в котором ей так нравилось кататься всей семьей во время ее визита в Нормандию. А она вручила ему орден Подвязки на устроенной по этому случаю грандиозной церемонии, уравнив его таким образом с другими государями. Именно здесь впервые были официально произнесены слова «сердечное согласие»^[39]. «Франция не может пойти войной на Англию — владычицу морей, сравнимую с Тритоном, и величайшую державу мира», — заявил Луи Филипп. Он высоко оценил ум и другие достоинства Альберта: «Принц для меня — это король». Растроганной королеве захотелось больше узнать о давней противнице своей родины, и она написала на ломаном французском языке дядюшке Леопольду: «Смогу ли я прочитать “Трех мушкетеров” Дюма и “Артура” Эжена Сю?»

Королевская чета оказала Луи Филиппу величайшую честь — лично проводила его в Портсмут на своем поезде. И вновь король не поскупился на похвалы, превознося комфортабельность королевского вагона с его очаровательными занавесочками с кистями и мягкими креслами. По сравнению с французскими, английские железные дороги были много лучше оснащены и позволяли поездам развивать скорость до восьмидесяти километров в час. Но из соображений безопасности протокол запрещал королевскому составу двигаться быстрее шестидесяти километров в час.

В Портсмуте их встретили холодные порывы ветра. Разыгравшаяся буря не позволила королю подняться на борт «Гомера», его фрегата с паровым двигателем, который ждал его на рейде. Тогда Луи Филипп принял решение в одиночку добраться на поезде до Дувра, откуда было проще отплыть во Францию. А Виктория и Альберт остались и приняли приглашение офицеров «Гомера» на устроенный в их честь обед, после которого с интересом осмотрели корабль. Затем они отправились на остров Уайт.

После смерти отца Альберт начал подыскивать «укромный» уголок, где они смогли бы жить только своей семьей, вырвавшись из тисков протокола и спрятавшись от нескромных взглядов. Виндзорский дворец, один из самых больших замков в мире, казался им мало пригодным для нормальной человеческой жизни. Клермонт был прелестным местечком, но не принадлежал им. «Павильон» в Брайтоне «с привидениями, которые лучше бы забыть», и красным музыкальным салоном слишком живо напоминал о свободных нравах царствования Георга IV. Кроме того, этот модный курорт стал стремительно застраиваться. «Лишь из одного окна моей гостиной виден маленький кусочек моря», — сетовала королева. Что же до прогулок вдоль берега моря, то они стали откровенно неприятными: «Мальчишки-разносчики сбегались со всего города и заглядывали мне под шляпку, словно в жерло фанфары военного оркестра на параде».

Благодаря строгой экономии, которой королевская чета придерживалась в своих расходах, Виктория с Альбертом стали обладателями огромного состояния. Остров Уайт обоим пришелся по душе. В детстве Виктория два лета отдыхала здесь в Норрис Касл и сохранила самые теплые воспоминания о залитых солнцем лужайках и чудесном виде, открывающемся на Те-Солент, узкий морской пролив, отделяющий остров от Англии.

Пилу стало известно, что леди Блэчфорд собирается расстаться со своим очаровательным имением Осборн, находящимся как раз по соседству с Норрис Касл. Назначенная ею цена была вполне разумной. Благодаря железнодорожному сообщению добраться туда из Лондона можно было всего за несколько часов. И в марте 1845 года Виктория и Альберт объявили о своей готовности купить это имение. Кроме того, они собирались приобрести и прилегающие к нему земли. «Наши владения будут огромными. И все это перейдет в нашу личную собственность, к этому не будут иметь никакого касательства ни Управление лесных угодий, ни остальные министерства, постоянно осложняющие нам жизнь в Лондоне и являющиеся причиной разных неприятностей», — радостно делилась Виктория с бельгийским королем в одном из своих писем.

Но дом там был слишком мал для все увеличивающегося королевского семейства. И принц решил возвести на его месте замок, планы которого он рисовал вместе с архитектором-самоучкой Томасом Куббитом. Выбор принца шокировал профессиональных архитекторов, хотя Куббит, большой друг Альберта, уже успел прославиться, застроив недавно лондонский квартал Белгрейвия своими изящными, похожими друг на друга особняками с белыми колоннами. Секретарь принца Джордж Энсон жил в

одном из таких домов Куббита и был очень доволен.

Как и в замке Пиля, в Осборне были предусмотрены ваннные комнаты и ватерклозеты. Отдельные покои были выделены герцогине Кентской, а целое крыло отведено придворным дамам. Королевскую спальню обили узорчатой тканью и обставили мебелью красного дерева. Одну из стен целиком закрывал огромный шкаф. А за задней дверью скрывалось то, что королева стыдливо называла своим «уголком». Свою первую ночь в новом замке они провели 15 сентября 1846 года. Детские комнаты располагались там над покоем родителей. Гувернантка детей леди Литтлтон на следующий день сделала такую запись: «Никто не страдал от запаха краски и не подхватил насморка, после ужина мы пили за здоровье королевы, а принц для нас пел». Перед тем как войти в новый дом, одна из фрейлин по обычаю кинула на счастье башмачок. А Альберт, дабы освятить это семейное гнездышко, прочел две строфы из Лютера.

Всюду здесь Альберт невольно находил сходство с другими, более известными местами. Парк, полого спускающийся к частному пляжу, и вид на Те-Солент, усеянный белыми парусами, напоминал ему Неаполитанский залив, на берегу которого он побывал вместе со Штокмаром как раз накануне свадьбы. Он задумал построить башенку и террасу в итальянском стиле с широкими лестницами и бассейнами, украшенную статуями флорентийских львов, копии которых были заказаны на одном английском заводе. А ставший советником принца по художественной части профессор Людвиг Грюнер, с которым они познакомились в Риме, сделал для него эскизы декоративных бассейнов наподобие тех, что были во дворце Медичи.

Итальянские художники не приезжали в Англию. Альберт обошелся без них, оформив интерьеры замка на свой вкус. Орнамент из позолоченных гипсовых ракушек украсили длинные галереи. Над дверными проемами переплелись буквы «V» и «A». Для малой гостиной королевы, в которой она давала аудиенции, принц заказал в Германии огромную люстру в розово-зеленых тонах, увитую искусственными вьюнками, своим рисунком она напоминала ему обои в его комнате в родном Розенау. В нишах, выкрашенных в голубой цвет ордена Подвязки, были установлены бюсты дядюшек Виктории. В память о бале-маскараде здесь же стояли статуи самого Альберта в образе Эдуарда III и Виктории в образе королевы Филиппы. Еще одна статуя представляла принца в виде римского воина.

С террасы замка Альберт наблюдал за маневрами королевского флота. Виктория тут же нежилась на солнышке в шезлонге. Он насвистывал,

подражая пению соловья. Позже королева признается: «С тех пор как только я слышу соловья, то сразу же вспоминаю о своем горячо любимом муже».

Детям была предоставлена в Осборне полная свобода, и они бегали по окрестным лесам, как когда-то Альберт и его брат бегали со своим воспитателем в Розенау. Они собирали землянику и ежевику. Рвали гиацинты и нарциссы, из которых делали букеты для своей мамочки. Принц учил их плавать и запускать бумажных змеев. У каждого из детей было нежное домашнее прозвище: старшая дочь Вики, очень смышленная девочка, была любимицей отца. Бerti слегка заикался, и сестра дразнила его за это. Алису за ее пухлость прозвали Фатимой. Младший, Альфред, стал Аффи.

Доктор Кларк приехал сюда проверить чистоту воздуха и остался ею вполне доволен. Солнце и мягкий климат Осборна должны были пойти на пользу всей семье: здоровью детей, нервам Виктории и желудку Альберта. В Букингемском дворце принц постоянно жаловался на зловонную канализацию, из-за которой воздух во дворце был тяжелым и вызывал у него сонливость. Каждая новая беременность сопровождалась у королевы хронической депрессией, которая в столице обострялась. «Дождливым воскресным днем Лондон с его туманом, закрытыми лавками и почти безлюдными улицами похож на благопристойное кладбище огромных размеров», — писал Тэн.

Виктория любила оптимистические проповеди и никогда не предавалась традиционному воскресному отдыху. Всю свою жизнь она будет по воскресеньям совершать путешествия, идя наперекор церковным канонам. Она хотела, чтобы ее дети в этот день отдыхали от учебы и развлекались. История Ирландии, которую она изучала с Лецен, и те жестокости, которым английские пуритане подвергали там католиков, подвигли ее к терпимости: «Я краснею за ту религию, что мы исповедуем, когда вижу, как она несправедлива и до какой степени лишена милосердия».

В последнее время эта многострадальная Ирландия вновь начала поднимать голову и сплачиваться вокруг своего католического лидера Даниела О'Коннела. «Это человек высокого роста, крепкого сложения и ничем не примечательной наружности. У него некрасивое лицо, все изборожденное морщинами, красное и прыщеватое, костюм на нем под стать ему самому. Он носит парик и широкополую шляпу. Но стоит ему возвысить свой голос в защиту народа или заговорить о своей вере в Бога, как он преображается, становится притягательным и величественным,

приводит в трепет угнетателей, его слова проникают в душу, вызывая одновременно слезы, гнев, энтузиазм и мятежность», — писала Флора Тристан. Эта писательница, придерживавшаяся социалистических взглядов, добавляла: «Если бы королева Виктория смогла опереться на такую мощную силу, если бы, невзирая на религиозные различия, связала братскими узами пролетариев трех королевств: Англии, Ирландии и Шотландии, она бы за несколько лет завершила то, чего Людовик XI не смог сделать за все свое царствование, и ее освобожденный народ восславил бы ее».

Но основная масса англичан, шедших за своими пасторами, считала папизм своим исконным врагом. Британская нация формировалась на фоне постоянных религиозных войн. В конце XVII века в английский язык вошли слова «тори» и «виги»: первое происходило от презрительного прозвища ирландских католиков, второе — шотландских пресвитериан. Католиков испокон веку не принимали в Оксфордский и Кембриджский университеты^[40]. Они получили право голоса лишь в 1829 году, когда на историческом заседании парламента был принят «Emancipation Bill»^[41], что тогдашний премьер-министр Веллингтон назвал «революцией».

О'Коннел был первым ирландцем, избранным в палату общин. Он отказался произносить традиционную клятву депутатов, согласно которой они брали на себя обязательство защищать англиканскую церковь. В своих речах он отказывал англичанам, происходившим от саксов, «этих неотесанных дикарей», в праве что-либо диктовать ирландцам с их высокоразвитой кельтской культурой. Своим зычным голосом этот блистательный трибун требовал для Ирландии независимого парламента, дабы обеспечить католикам равноправное политическое представительство в высшем органе власти. В шестьдесят девять лет он выступал в Дублине под открытым небом на митингах, собиравших до трехсот тысяч человек, выступал на глазах английской полиции, бросая вызов правительству: «Ну же, хватайте меня, если посмеете, и тащите в суд!»

На 8 октября 1843 года был назначен грандиозный митинг. Накануне Пиль запретил его проведение. О'Коннел пошел навстречу толпе, чтобы убедить людей разойтись. Он не хотел, чтобы пролилась ирландская кровь. Спустя неделю его вызвали в суд по обвинению в организации заговора против верховной власти королевы и 30 мая 1844 года присудили год тюрьмы. В день его заключения под стражу он обратился ко всем ирландцам с призывом сохранять спокойствие: «Таким образом и я и весь мир узнаем, любите ли вы меня». Его сторонники выстаивали огромные

очереди, чтобы навестить его в камере. Тюремщики из предосторожности запускали их туда по одному.

Королева решила посетить Ирландию с официальным визитом как раз тем самым летом 1844 года, но премьер-министр отговорил ее от этого шага из опасения спровоцировать там волнения. Зато он дал добро на ее поездку в Кобург. Изобретение электрического телеграфа отныне позволяло английской государыне отбывать из страны без назначения на время ее отсутствия регентского совета. В поездке ее сопровождали два министра — лорды Абердин и Ливерпуль — и всего полдюжины фрейлин. Альберту очень хотелось, чтобы этот первый визит Виктории в Тюрингию, страну их предков, носил семейный и даже сентиментальный характер.

Прусский король встретил их на границе, и уже здесь Виктория не могла скрыть своего удивления: «Слышать, как простой народ говорит по-немецки, и видеть немецких солдат — до чего же все это кажется мне странным!» Лес разноцветных флагов и знамен, средневековые крепостные стены, украшенные гербами на щитах, дома с высокими крышами из темной черепицы и дремучие чащобы, сквозь которые вез их поезд, погружали ее в совершенно иной мир.

В Брюле их кортеж завернул в великолепный замок Августенбург. Там их ждал брат короля и его будущий преемник, ибо Фридрих Вильгельм IV не имел детей. У Вильгельма Прусского была душа воина, но его супруга, умная и образованная Августа, унаследовала либеральные взгляды своего деда герцога Саксен-Веймарского. Во время торжественного банкета государь встал и прокричал своим пронзительным голосом: «Господа, наполните свои бокалы! Есть одно слово, которое значит для англичан так же много, как и для немцев. Оно разносилось среди высот Ватерлоо тридцать лет назад, вырываясь из груди англичан и немцев после долгих и жестоких боев, во славу победы наших братских армий. Оно слышится сейчас на берегах нашего прекрасного Рейна, где царит благословенный мир — священный плод той великой битвы. И слово это — победа! Виктория!» Растроганная королева расцеловала короля в обе щеки. Альберт обронил несколько слезинок, больше ни минуты не сомневаясь в том, что Пруссия воплотит в жизнь заветную мечту Штокмара — объединение Германии.

На следующий день отмечалась очередная годовщина со дня рождения Бетховена, и вся компания отправилась на поезде в соседний город Бонн на открытие памятника композитору. Английской королевской чете приготовили места на балконе. «К сожалению, в тот момент, когда со статуи сняли покрывало, мы увидели ее только со спины», — сетовала

Виктория. Альберт показал ей элегантное здание студенческого общежития, где он жил вместе с братом во время учебы, оно находилось поблизости от того величественного замка, который в 1818 году прусский государь передал под Боннский университет. Именно здесь, на берегу несущего мимо них свои воды Рейна, он подружился с переводчиком Шекспира Шлегелем, а главное — с поэтом-франкофобом Арндтом. В университете — колыбели немецкого патриотизма — культивировалась ненависть к Франции.

С их визитом совпали концерты Берлиоза, Листа и шведской оперной дивы Дженни Линд, и они почтили их своим присутствием. Во время одного из его сольных концертов Лист, которому мешала болтовня монарших гостей, принялся, словно глухой, колотить по клавишам, а когда это не помогло, прервал игру, не закончив произведения. Переждав, он заиграл вновь, но тишина в зале так и не установилась. И тогда он, вне себя от ярости, совсем прекратил играть. А на заключительном концерте он дирижировал хором и оркестром, которые исполняли его кантату, специально написанную по случаю приезда английской королевы. Фридрих Вильгельм Прусский и Виктория вошли в зал буквально на последней ноте. И Листу пришлось все начать сначала.

Но обида великого музыканта мало трогала Викторию, озабоченную тем, что прусский король оказывает недостаточное уважение ее Альберту. На всех официальных церемониях принцу отводили место позади австрийского эрцгерцога. Это испортило Виктории все удовольствие от визита, и она даже перестала улыбаться прусскому государю, за что получила упрек от Альберта, поскольку огромные толпы народа восторженно приветствовали их, когда они плыли на корабле вниз по течению Рейна. По прибытии в Майнц Виктории представили знаменитую Шарлотту Хайндерайх — акушерку, которая помогла ей появиться на свет. Шарлотта вышла замуж и теперь звалась фрау Зибольд.

Последнюю часть пути до Кобурга они проделали в карете. И 18 августа увидели наконец крепость, где когда-то останавливался Лютер. Леопольд и королева Луиза ехали в коляске с открытым верхом, а брат Альберта гарцевал рядом с Викторией, въезжавшей в средневековые ворота города по коридору, образованному юными горожанками в бело-зеленых платьях, символизировавших цвета Кобурга. «С трудом справляясь со своим волнением», Виктория открывала для себя «это древнее и дорогое ей место», рассматривала богато украшенные фасады зданий на центральной площади, маленький театр оперетты и низенькие домики, тесно жавшиеся к стенам замка, в котором она впервые повстречалась с «мутер Марией»,

вдовой отца Альберта. «На лестнице теснились многочисленные двоюродные братья и сестры», поскольку на этот семейный сбор съехалось более шестидесяти человек, и все они ждали их прибытия, столпившись вокруг герцогини Кентской и Феодоры.

Королева поклонилась праху герцога в мавзолее, навестила готскую гробницу и посетила замок Рейнхардсбрунн с его богатейшей коллекцией охотничьих трофеев, собранной отцом Альберта. В этом замке даже мебель была украшена оленьими рогами. Следующим утром тысяча двести юных жителей Кобурга пришли под окна королевы, чтобы исполнить ей «Боже, храни королеву». Вместе с детьми она посетила ярмарку, устроенную специально для них, с ее палатками, оркестрами и крестьянами в национальных костюмах. Здесь она попробовала коронное блюдо местной кухни — сосиски: «Я ела их, запивая великолепным кобургским пивом». Но самой большой радостью стало для нее знакомство с крошечным замком Розенау, расположенным в пятнадцати километрах от кобургской столицы, с его стенами, оклеенными обоями с рисунком из стилизованных листьев, с гостинными, славящимися своим прекрасным паркетом, и с учебным классом, который Альберт делил со своим братом.

Это чудесное путешествие завершилось большой охотой на оленей и кабанов. Но то, что у немцев называлось охотой, на деле оказалось настоящей бойней, которую английская пресса расценила как проявление дурного вкуса пруссаков. Охотники стреляли по животным, запертым в двух загонах. Королева наблюдала за этой странной охотой с высоты установленной специально для этой цели платформы и была шокирована видом животных, издыхающих в лужах собственной крови: «Я не могу сказать, что подобный вид спорта в моем вкусе, мне кажется, что это вообще не имеет никакого отношения к настоящему спорту!»

Этот инцидент в течение нескольких недель не сходил со страниц английских газет и служил пищей для разговоров во всех клубах. Но как ни усердствовали благородные лорды и денди, критикуя немецкого принца и высмеивая его куцую идеологию, буржуазия начала примеривать на себя его суровый морализм. Ей импонировали и этот брак по любви, и прекрасно воспитанные дети, и размеренная и хорошо налаженная жизнь королевской семьи. Мини-Осборны начали как грибы расти по всей стране и даже добрались до Вашингтона.

Не только буржуазия, но и средний класс увидел свой идеал в этой благородной простоте, которую восхваляли в своих проповедях миссионеры-методисты. Воцарение на английском престоле Виктории совпало с новым ростом религиозности, которая словно разбушевавшаяся

река вовлекала в свой водоворот все больше людей. Не только высшие деловые круги, недавно разбогатевшие промышленники, преподаватели, адвокаты и представители колониальной администрации, но и лавочники, банковские клерки и железнодорожные служащие восприняли принципы Альберта как свои.

Расточительству и распутству они предпочли экономию и добродетельность, превозносимые высокоморальным Штокмаром. Жизнь в труде была уделом мужчины, жертвенность — уделом женщины. Нужно было рано вставать, вместо вина пить пиво. А еще лучше воду. Не играть в карты. Чтить святое воскресенье: утром в этот день все домочадцы, включая слуг, должны были собираться в гостиной для чтения религиозных текстов, как это делали Виктория и Альберт, посещавшие воскресную службу в новой церкви Букингемского дворца вместе со всей своей прислугой. Они сидели на одних скамьях с рабочими. Причисляли себя не к социальному классу, а к общей пастве. Теперь в любой гостинице на прикроватной тумбочке обязательно лежала Библия. Ее можно было полистать даже на вокзале, где ее выложили на специальный пюпитр, приковав к нему цепью.

Аскетизм проявлялся и в одежде: мужчинам полагалось носить черный сюртук с воротником-стойкой без всяких жабо и кружев. Женщинам — темное строгое платье, никаких кринолинов, никаких декольте. Образованная и любознательная англичанка, типичная представительница XVIII века, хозяйка политического салона и устроительница праздников в лондонский сезон, жизнерадостная и красивая женщина, менявшая одного за другим любовников, рожавшая внебрачных детей и обожавшая прогулки верхом по парку, уступила место «perfect lady»^[42], чьей основной задачей было нарожать много детей, дабы те служили Британской империи, защищая ее целостность и крепя уважение к ней.

Верная жена, ангел-хранитель домашнего очага и безупречная мать — эта новая женщина была копией Виктории, такой же зажатой в тиски. Она теперь не должна была рано выходить замуж. Не должна была демонстрировать свою сексуальность, интересоваться политикой и увлекаться охотой — это были мужские игры, из которых господствующая мораль «грубо» вычеркнула ее. Она превратилась в «статуэтку из саксонского фарфора», хрупкую вещицу, которую следовало любить и беречь, как советовал Альберт своему брату Эрнесту. Из развлечений ей оставили чаепития у жены викария в кругу таких же женщин. Обсуждение последних новостей из жизни ее собственной семьи или семей других прихожанок заполняло все ее существование. Похороны и траур были

единственными событиями, достойными внимания. О бедняках они говорили мало. Бедность была почти синонимом безнравственности. Еще меньше говорили о проститутках. И хотя в Лондоне их развелось столько, что каждый год печатался справочник с их именами, адресами и перечислением их особых талантов, существование их просто игнорировалось. Даже делался вид, что их просто не существует! Для проповедников-методистов в жестких воротничках и с густыми бровями французские актрисы, по которым до сих пор сходили с ума аристократы, были посланцами дьявола!

Подобно сестрам Бронте бедные девушки зарабатывали на жизнь, нанимаясь гувернантками в обеспеченные семьи или учительницами в школы. Школы стали открываться по всей стране. Одна строже и суровее другой. С нетоплеными спальнями и отвратительным питанием. Во главу угла ставилась забота о душе. «Чувство долга» воцарилось как в господских гостиных, так и в людских. В 1841 году на шестнадцать миллионов жителей Англии приходилось более одного миллиона слуг.

Все только и думали о том, как бы не «оскандалиться», этого нельзя было допустить ни при каких обстоятельствах. Кошку перестали называть кошкой. Слова «ноги» и «живот» были вычеркнуты из обихода. Женщину нельзя было назвать беременной, говорили, что она «ждет прибавления семейства». Еженедельник «The Economist» отказался печатать проект закона об общественной гигиене под тем предлогом, что в нем содержалось слишком много «неприличных» слов.

«Gothic Revival» — возрождение готики, поддержанное искусствоведам Раскином, после Вестминстерского аббатства начало распространяться на церкви, жилые дома, лавки и вокзалы. Строительство нового парламента, сгоревшего в 1834 году, близилось наконец к завершению, его здание со стрельчатыми окнами и массивными дверями темного дерева казалось сотканным из каменного кружева. Будучи председателем художественной комиссии, Альберт задал тон этой эстетической революции. Готика была тем стилем, на котором он вырос в своем родном Розенау. Она стала любимым стилем Виктории и отличительной чертой ее эпохи наряду с религиозным и промышленным бумом.

Материальное благополучие считалось Божьим благословением, вознаграждением. Идеалом было богатство, которого можно было добиться не только честным трудом и накоплением сбережений, но и при помощи спекуляций, коих протестантская мораль не осуждала. В 1845 году Англия познала первый в истории капитализма кризис.

Пиль вывел к управлению государством новый политический класс. Его представители не сквернословили, как Мельбурн или Веллингтон. В палате общин старые парламентарии сетовали, что не могут теперь позволить себе рассказать фривольный анекдот своим молодым коллегам. А пуританин Гладстон в одной из своих речей просто из кожи вон лез, доказывая, что Елена Прекрасная никогда не изменяла мужу.

Глава 9

19 января 1846 года королева открывала самую знаменательную за все ее царствование парламентскую сессию. Альберт при полном параде вышагивал в нескольких шагах позади супруги, стараясь не наступить на ее стелющийся по полу тяжелый пурпурный плащ, подбитый горностаем. Лицо его было суровым. Все его мысли занимал вопрос выживания монархии. Через несколько дней Англия должна была отказаться от протекционизма в пользу свободы торговли. Принц надеялся, что эта реформа позволит британской короне избежать кровавых мятежей, сотрясавших Европу и сметавших монархии^[43].

Первая промышленная революция в истории человечества произошла именно в Англии. Она началась в текстильной отрасли с изобретения в 1764 году одним ланкаширским ткачом «Жеппу» — прядильной машины периодического действия. Вместо одного веретена, как на обычной прялке, на ней их было шестнадцать или даже восемнадцать, и обслуживал их всего один человек. Спустя несколько лет некий пастор придумал ткацкий станок. А в конце XVIII века, после создания паровой машины Уатта, производительность труда в текстильной промышленности выросла вдвое.

Первые ткацкие фабрики главным образом строились в Ланкашире. Ткачи-кустари, работавшие в деревнях вместе с женами, стали покидать свои дома и устраиваться на эти предприятия. Они бросали не только дома, но и свои земельные наделы, которые их кормили. Богатые землевладельцы скупали эти освободившиеся земли и обрабатывали их новыми интенсивными методами.

Рядом с утопающими в зелени имениями и прекрасными замками рождался «иной мир» с его жутким пейзажем — в черных тонах, отталкивающего вида, самый воздух которого, казалось, был напоен смертью. В сером дыму фабричных труб, среди мусорных куч наспех строились жалкие лачуги. Вслед за текстильной отраслью индустриализация началась в угольной, стали-и чугунолитейной отраслях. Это была вторая промышленная революция.

В Бирмингеме домны росли одна за другой, на шахтах трудились тысячи рабочих. Отныне все, что раньше строилось из дерева и камня, стало строиться из железа: мосты, каркасы зданий, корабли, станки и, естественно, железные дороги, развивавшиеся в бешеном темпе. Всего за несколько лет было проложено десять тысяч километров рельсов. Люди и

грузы — хлопок, шелк, шерсть, уголь, изделия из стали и фарфора — теперь гораздо быстрее попадали с фабрик в доки. Города разрастались, затягивая все больше рабочих, как правило, из беднейших слоев населения в свои мрачные трущобы, где нечем было дышать. Половина англичан скучилась в этих клоаках. Население Ливерпуля за пятьдесят лет увеличилось с сорока пяти до трехсот сорока тысяч жителей. Он прославился наличием несметного множества питейных заведений и самым высоким уровнем преступности.

Ткачи жили там бок о бок с мелкими фермерами, не выдержавшими конкуренции с крупными землевладельцами. А еще ирландцы, гонимые неурожаем, тысячами высаживались на английский берег в надежде найти работу. Стайки оборванных детишек бродили, трясясь от холода, по вонючим докам. Девушки торговали собой, поджидая на мостах клиентов.

Некоторые семьи проживали в комнатах, в которых спали прямо на кучах золы, и мертвые лежали там порой попеременно с живыми. Кто-то находил приют в ночлежках среди тесноты, грязищи и стойкого запаха пота. Но самым страшным изобретением стала «спальня на веревке», люди в ней спали, сидя на скамейке и держась за веревку, чтобы не упасть. Англию — мировую фабрику и торговую лавку — захлестывала нищета.

Множились доклады парламентских комиссий об ужасных условиях жизни рабочих. Из доклада о состоянии здоровья населения в городах: «Из двухсот сорока тысяч жителей Манчестера пятнадцать тысяч живут в подвалах. В Ливерпуле двадцать процентов населения живет под землей». Из доклада о санитарных условиях жизни трудящихся: «Один тиф за год унес больше человеческих жизней, чем англичане и их союзники потеряли в битве при Ватерлоо». Из доклада комиссии, изучавшей условия жизни в рабочих кварталах больших городов: «Люди там моются два раза в жизни: при рождении и смерти». Добросовестный Альберт внимательно читал все эти доклады и делился своим беспокойством с Викторией. Еще будучи десятилетним мальчиком, он уже говорил о «печали, которую испытывал, когда видел, что миром правят столь безнравственно». Страшный доклад о положении на шахтах поверг принца в полное уныние. Из этого доклада следовало, что за год там умерло тысяча четыреста человек. В 1842 году был принят первый закон о шахтах, одобренный королевой. Он запрещал работать там женщинам, девочкам и мальчикам моложе десяти лет. Это были первые, слабые зачатки трудового законодательства.

В 1843 году «Морнинг кроникл» опубликовала большую подборку материалов о положении бедных слоев населения, что вызвало настоящий шок в стране. Одна двенадцатилетняя девочка рассказывала: «Я таскаю под

землей вагонетки, мой путь туда и обратно составляет восемьсот метров. Я таскаю их по одиннадцать часов в день на цепи, обвязанной вокруг моего пояса. Раны на голове я получила при разгрузке вагонеток. Мужчины в нашей бригаде работают голыми, у них лишь каскетки на головах. Иногда, когда я оборачиваюсь недостаточно быстро, они бьют меня». А еще эта газета консервативного толка написала о существовании «клубов смерти» — фирм, где можно было застраховать свою жизнь и жизнь своих детей. Оказалось, что многие бедняки сами убивали своих детей, чтобы получить за них страховку.

Спустя некоторое время лорд Эшли предложил принять закон, устанавливающий рабочий день на фабриках и заводах для детей моложе четырнадцати лет продолжительностью не более шести с половиной часов, а для женщин и молодежи до восемнадцати лет — не более десяти часов. Но его проект был отклонен по требованию Пия. Премьер-министра беспокоило, что сокращение рабочего дня приведет к снижению производительности труда и конкурентоспособности английских товаров, особенно в текстильной промышленности, в которой было занято четыреста пятьдесят тысяч человек и в которой нажило состояние его семейство.

Эта беспрецедентная в истории человечества революция поражала воображение интеллигенции и революционеров с континента, толпами съезжавшихся в Англию, посещавших ее промышленные центры и описывавших все увиденное в своих трудах. Одним из них был Фридрих Энгельс.

В 1843 году этот молодой немецкий буржуа высадился в Манчестере и поселился у своего дяди, владельца бумагопрядильной фабрики. В течение двух лет он изучал положение на шахтах, опрашивал врачей, анализировал отчеты инспектировавших заводы чиновников, посещал погрязшие в антисанитарии рабочие кварталы, обследовал различные категории трудящихся: трикотажников, металлургов, красильщиков, стригальщиков бархата... Его описания куч тряпья, заменяющих постели, женщин, сцеживающих молоко прямо у станка, и больных рабочих были ужасающими: «Точильщики, как правило, начинают работать по своей специальности в четырнадцать лет и, имея хорошее здоровье, редко когда жалуются на разного рода недомогания до двадцати лет. Именно в этом возрасте появляются первые симптомы профессионального заболевания. При малейшем усилии эти рабочие задыхаются, цвет лица у них приобретает землисто-желтый оттенок, в глазах поселяется постоянная тревога, голос становится грубым и хриплым. Кровохарканье,

невозможность находиться в лежащем положении, избыточная потливость по ночам, диареи, колики, ненормальная худоба, сопровождаемая всеми симптомами, присущими туберкулезу, — все это заканчивается смертью».

По мнению Энгельса, промышленная революция имела для Англии то же значение, что революция 1789 года для Франции или революция в философии для Германии. «Между Англией 1760 года и Англией 1844-го существует, по меньшей мере, та же пропасть, что разделяет королевскую Францию при Старом режиме и Францию после Июльской революции», — писал он. Впервые немецкий социалист употребил такие слова, как «промышленная революция», «прибыль», «пролетарий», и сделал первые наброски теории классовой борьбы: «Трудящийся де-юре и де-факто является рабом имущего класса, класса буржуазии. Он до такой степени является рабом, что продается как товар, и цена на него понижается и повышается так же, как цена на товар». Его книга «Положение рабочего класса в Англии», в которой он обосновал принципы коммунизма, в 1845 году была напечатана в Лейпциге, но в Великобритании она появится в продаже лишь после смерти ее автора. Ни Виктория, ни Альберт, вероятно, никогда даже не слышали об Энгельсе. Равно как не будут они проинформированы и о существовании некоего Карла Маркса, когда тот поселится в Лондоне.

Фабрики и заводы в Англии множились, а экономическая теория только-только зарождалась. Никто там даже не думал о том, что повышение заработной платы ведет к увеличению покупательной способности населения и стимулирует рост производительности труда. Поборник ортодоксальной точки зрения Джон Стюарт Милл защищал следующую доктрину формирования «фонда заработной платы»: у рабочих зарплата не должна была превышать минимального прожиточного минимума. Никогда еще в истории Англии уровень зарплаты не опускался так низко. Мужчина, работавший по пятнадцать-шестнадцать часов в день по найму в сельском хозяйстве или на промышленном предприятии, получал примерно 8 шиллингов в неделю. Коврига хлеба весом в четыре фунта стоила семь с половиной шиллингов. Невозможно было прокормить семью, не заставляя работать жену и детей. Выходными днями были лишь воскресенье и Рождество.

Провидец Адам Смит напрасно возмущался в конце XVIII века, восклицая: «Варварство — это снижение зарплаты, снижение до такой степени, что в мире, в конце концов, ничего больше не останется кроме как по одну сторону груды денег, а по другую — груды мертвых тел!» Его пророчества не были услышаны. Министры считали, что прибыль является

движущей силой экономики. Лишь она способствовала накоплению капитала и позволяла строить все новые и новые заводы. И не важно было, что рабочие умирали от голода! Именно пример Англии вдохновлял Гизо, когда он советовал французам: «Обогащайтесь!»

Но не случится ли так, что доведенные до полной нищеты рабочие массы всколыхнутся и сметут монархию? «Морнинг кроникл» завершила свою публикацию предостережением: «Перед лицом столь глубокой нужды возникают самые серьезные опасения за судьбу правящих классов. Повсюду народ испытывает к своим хозяевам лишь ненависть, злобу и гнев». С 1789 года угроза революции держала в постоянном страхе аристократию. Теперь же угроза экономического кризиса держала в таком же страхе правительство.

Все условия для социального взрыва были налицо. Лето 1845 года выдалось холодным и дождливым, из-за неурожая резко поднялись цены на хлеб. Одна коврига вместо семи с половиной шиллингов стала стоить одиннадцать с половиной. К этой беде добавилась еще и другая: завезенная из Америки в Ирландию болезнь поразила картофель, основной продукт питания бедняков. Половина урожая погибла. «Голодный народ не вразумить словами», — писал Альберт брату.

Принц заинтересовался деятельностью Общества борьбы за улучшение условий жизни рабочего класса. Эту организацию создал лорд Шефтсбери, сторонник тори, которому было присуще то, что позже назовут «общественным сознанием». Мужчины часто общались и оба придерживались одного мнения, что Англия должна изменить свою политику и перейти к свободе торговли. Тогда цены на хлеб упадут и бедняки больше не будут умирать от голода. Только свобода торговли убережет страну от народных волнений, которые уже начали вспыхивать в крупных городах и готовы были распространиться на всю остальную территорию королевства.

Уже в течение шести лет созданная в Манчестере лига требовала отмены протекционистского хлебного закона. Ее вдохновитель, некто Ричард Кобден, когда-то начинал свою карьеру коммивояжером, а затем, в двадцать лет, основал собственное предприятие, занимавшееся торговлей хлопком. Объездив всю Америку и страны Средиземноморья, он вернулся в Англию и был избран в муниципальный совет Манчестера, а потом — в 1841 году — в палату общин, где быстро проявил себя как один из самых блестящих ораторов. Он без всякого стеснения называл английских аристократов-землевладельцев «грабителями». Для популяризации своих революционных идей о хлеботорговле он создал газету «The League»^[44],

выходившую тиражом в двадцать тысяч экземпляров. Он рассылал своих миссионеров по фермам, где их подчас, по приказу местных хозяев-лордов, встречали вилами в бок. Но многочисленные толпы народа стекались на митинги, которые он организовывал в Манчестере, Ливерпуле и даже Лондоне, и не где-нибудь, а в королевском театре «Ковент-Гарден». Объявленный им сбор пожертвований по подписке всего за несколько часов принес сумму в 60 тысяч фунтов стерлингов.

Его либеральные тезисы подверглись критике со стороны Общества в защиту протекционизма, которое призывало своих членов оказывать давление на избранных ими в парламент депутатов, дабы те голосовали против отмены пресловутых «Cot Laws»^[45]. Пресса бушевала, благородные лорды кипели от возмущения, защищая протекционизм и свои интересы. Никогда еще дебаты в парламенте не проходили столь бурно.

Сидя этим январским днем 1846 года на своей скамье в палате общин, Ричард Кобден не спускал глаз с королевы. Как и все уважаемые депутаты парламента он знал, что ре-тающее слово будет произнесено в ее тронной речи, написанной премьер-министром. Он слышал, как Виктория выражает беспокойство по поводу «значительного роста смертности среди беднейших слоев населения». А когда она своим звонким голосом договаривала последние слова речи, которую держала в руках, депутат от «Лиги» уже понял, что добился-таки наконец своей цели. Пиль, главный поборник протекционизма и лидер партии тори, переметнулся в другой лагерь. Это стало настоящей сенсацией, почти революцией.

Долгое время премьер-министр не мог побороть сомнений. Он даже подал королеве прошение об отставке. Но потом передумал. Угроза голода в Ирландии в конце концов убедила его в необходимости отменить «Хлебные законы». Но он понимал, что при голосовании нового закона не сможет рассчитывать ни на лордов-консерваторов, ни на Дизраэли, за которым стояли все молодые тори.

22 января Пиль произнес самую смелую речь за всю свою политическую карьеру. Не будучи пламенным и острым на язык оратором, каких любили в палате общин, он выступил в своей обычной манере: последовательно, разумно, решительно. Он даже не потрудился объяснить, почему так резко изменил свои взгляды. Сразу же приступил к сути, заявив: «Если мы решим ограничиться лишь временной приостановкой действия “Хлебных законов”, то должны избавиться от всяких иллюзий. Ввести их вновь будет уже невозможно. Так что здравый смысл диктует нам отменить их сразу и навсегда». Альберт с энтузиазмом поддержал его, а Виктория написала ему: «Королева должна поздравить сэра Роберта Пиля с такой

прекрасной речью, что он произнес вчера вечером, мы ознакомились с ней самым внимательным образом и считаем, что по существу ее поистине нечего возразить».

27 января во время парламентских дебатов принц занял место на галерке, отведенной для публики, чтобы своим присутствием оказать поддержку премьер-министру. Лидер оппозиции лорд Бентинк возмущался по этому поводу: «Премьер-министр специально пригласил сюда принца, дабы тот поддержал его, придал ему весу и, в конечном итоге, продемонстрировал, что и Ее Величество тоже одобряет те меры, которые большинство земельной аристократии Англии, Шотландии и Ирландии считает глубоко несправедливыми, если не сказать разорительными для нее». Виктория пришла в ярость от подобной критики, прозвучавшей из уст «господ, которые только и делают, что днем охотятся, а вечером пьют бордо или порто и которые никогда не занимались изучением этих вопросов и ничего по ним не читали». Но отныне принц никогда больше не появится в палате общин, что не мешало ему день за днем следить за ходом дебатов. Науськанная благородными лордами, с которыми многие из них к тому же состояли в родстве, группа депутатов-тори числом около сотни публично высказалась против позиции Пилля и отказалась поддержать идею свободной торговли.

Во время второго чтения закона, перед тем как сесть на свое место, премьер-министр воскликнул: «Расставаясь со своим постом, я смогу утешиться тем, что не захотел сохранить его, поставив интересы одной партии над интересами государства!» И свершилось чудо! Его проект прошел благодаря голосам оппозиции.

Но собственную партию Пиллю не удалось убедить в своей правоте. 15 мая Дизраэли произнес гневную речь против этого премьер-министра, который «живет лишь чужими идеями и рассуждениями. Всю свою жизнь он присваивал то, что принадлежало другим. Словно сейфы взламывал он чужие умы. Ни один государственный деятель не совершил в политике больше краж, чем он, да еще такого масштаба».

Оказавшись в меньшинстве при голосовании закона об Ирландии, где страшный голод вызвал очередную волну мятежей, премьер-министр подал королеве прошение об отставке, и она так же сожалела о его уходе, как когда-то сожалела об уходе Мельбурна. Теперь он был наделен, в ее глазах, всеми возможными добродетелями. Она писала ему о «своей глубочайшей тревоге, возникающей при мысли о том, что ей придется обходиться без его услуг, которых так будет не хватать не только государству, но и ей самой, а также принцу».

Она ненавидела его преемника-вига лорда Рассела, сына герцога Бедфорда, которого называла «уродцем». Он считал, что все знает. Был страшным педантом. Но больше всего королевскую чету пугало то, что портфель министра иностранных дел из рук «милейшего» лорда Абердина переходил в руки «ужасного» лорда Пальмерстона.

До замужества Виктория любила прогулки верхом, когда она гарцевала на своей лошади между лордом Мельбурном и лордом Пальмерстоном. Но ни придирчивый Штокмар, ни Альберт не одобряли методов министра иностранных дел, который, защищая интересы Англии, не боялся ни беспорядков, ни кризисов, ни угрозы войны.

А англичане обожали лорда Пальмерстона. Никто другой не нес британское знамя так высоко, как он. Сейчас ему было шестьдесят два года, а начинал он свою карьеру в славные времена Ватерлоо, когда был назначен военным министром. Из консерватора он превратился в вига, но его идеи о главенствующей роли Англии никогда не претерпевали изменений. Взбалмошный и не знающий, что такое усталость, он, в отличие от Альберта, обладал всеми теми достоинствами, что так ценились британской аристократией. Он любил псовую охоту, голубые рединготы и красивых женщин. У него была репутация Дон Жуана, свои позиции в свете этот «Купидон» упрочил благодаря женитьбе на сестре лорда Мельбурна, состоявшейся 11 декабря 1839 года. Леди Пальмерстон была хозяйкой одного из модных виговских салонов, и, возвращаясь вечером домой из своего министерства, Пальмерстон мог упражняться там в красноречии. «Англия, — любил повторять он при каждом удобном случае, — достаточно сильна, чтобы не бояться никаких последствий», что вызывало улыбки на лицах гостей. Ибо они прекрасно знали, что политика «горячего Пэма» всегда была чревата последствиями.

Ярый поборник либерализма, министр был свято убежден в том, что конституционная монархия в той форме, в какой она существовала в Англии — элегантной и лояльной, — должна была стать образцом для всех цивилизованных народов. Едва заняв свой пост министра иностранных дел, он сделал безапелляционное заявление, в котором обвинил греческого премьер-министра Колетти в том, что тот правит своей страной путем «коррупции, беззакония, разбазаривания государственных средств, антиконституционных действий и тирании». Его высокомерие выводило из себя иностранцев. Париж клеймил позором этого «ужасного милорда Пальмерстона». А немцы сложили о нем песенку, из которой следовало, что если у дьявола есть сын, то это не кто иной, как лорд Пальмерстон.

Но английский министр иностранных дел не обращал на это никакого

внимания. Равно как и на просьбы Альберта представлять королеве на согласование все подготовленные им депеши. Принц требовал даже, чтобы «красный ящик» доставляли во дворец заблаговременно, чтобы королева имела возможность при необходимости вносить в депеши свои коррективы. Но у Пальмерстона всегда были наготове удобные отговорки, чтобы не показывать им эти послания, которые он, словно зажигательные бомбы, метал на международную арену. «Это было слишком срочно!» «В министерстве было слишком много дел!» — оправдывался он постфактум перед разъяренной королевской четой. Недовольство Альберта нимало не трогало его. Да как этот мальчишка из-за Рейна, не имеющий ничего общего с джентльменами, мог претендовать на управление королевством? Что до Виктории, то ведь он сам научил ее всему, что она знает о дипломатии. И именно он надоумил ее перед поездкой в Германию полистать Готский альманах, дабы не путаться в именах и титулах всех ее монарших собеседников.

На обратном пути из Кобурга Виктория и Альберт вновь остановились в принадлежащем Луи Филиппу замке д'Э, где провели один день. Между объятиями и поцелуями они, как и при каждой встрече, заговорили о кандидате в мужья для юной королевы Изабеллы Испанской. Французский король давно вынашивал мысль соединить брачными узами своего сына, герцога де Монпансье, с этой шестнадцатилетней наследницей престола, про которую говорили, что она обладает необузданным темпераментом. Но англичане никогда не согласились бы на подобный альянс. Дядюшка Леопольд хотел бы видеть на испанском престоле еще одного Кобурга. Но, по мнению Луи Филиппа, такой брак мог бы нарушить равновесие сил в Европе. Они в очередной раз договорились, что королева Изабелла не достанется ни Кобургскому дому, ни Орлеанскому. Герцог де Монпансье, если хочет, может жениться на младшей сестре Изабеллы, инфанте Фернанде, но только после того, как королева произведет на свет наследника. Соглашение было достигнуто в присутствии двух министров: Гизо и лорда Абердина.

Вновь обосновавшись в министерстве иностранных дел, Пальмерстон в одной из депеш своему послу в Испании опять заговорил о саксен-кобургском кандидате в женихи королевы и резко раскритиковал тиранию и некомпетентность испанской монархии. Письмо попало в руки Гизо. Обрадованный Луи Филипп счел себя свободным от всех обязательств и отправил в Испанию депешу королеве-матери. Он умолял ее оградить себя от враждебно настроенных англичан, выдав Изабеллу замуж за ее двоюродного брата герцога Кадисского, а Фернанду — за герцога де

Монпансье. Юной испанской королеве не нравился этот ее кузен. Поговаривали, что тот импотент. Так что хитрый французский король уже видел испанскую корону на голове своего внука. Спустя всего несколько недель в один день сыграли обе свадьбы.

Виктория пришла в ярость, и больше всего ее возмутило то, что Луи Филипп даже не потрудился поставить ее в известность о предстоящем бракосочетании. Не он, а его супруга сообщила Виктории эту новость, причем так, словно речь шла о рядовом домашнем событии, «которое должно еще больше укрепить наше семейное счастье, а это первостепенная вещь на свете, которую вы, мадам, так умеете ценить». Она ответила весьма едко, напомнив о взятых обеими сторонами в замке д'Э обязательствах и подчеркнув, что сама она всегда вела себя «искренне». Французский король, дабы оправдаться, отправил длинное письмо своей дочери Луизе. Но Альберт никогда не простит ему этого предательства. «Испанский брак обернулся тем, чем и предполагалось. Король находится под влиянием какой-то странной монашенки, оплачиваемой Парижем. У королевы множество любовников, и муж держит ее взаперти в своем замке. Луи Филиппу предстоит за все это ответить перед Богом», — писал он своему брату. «Таймс» запустила целую серию статей о «французском вероломстве». Пальмерстон виртуозно разрушил едва установившееся «добросердечное согласие» между двумя странами.

Принц привил жене культ семьи. Для королевской четы инициативы Пальмерстона были приемлемы лишь в том случае, если они одновременно удовлетворяли интересам англичан и кобургцев. Спровоцированное в апреле 1847 года их министром «португальское дело» окажется еще менее удачным, чем испанское.

В Лисабоне лига «конституционалистов» начала требовать расширения свобод и возврата к более либеральной конституции 1822 года. Опасаясь революции, королева Мария обратилась за помощью к Испании. Во время предыдущих, неприятных для нее событий на родине юная королева нашла приют в Лондоне. С той поры Португалия находилась под своего рода протекторатом Англии, и Пальмерстон считал подобное ее сближение с испанским абсолютизмом совершенно недопустимым. Министр направил английский флот курсировать в виду Лисабона, дабы оказать поддержку мятежникам и их требованиям.

Тут-то и разразился семейный скандал, больше похожий на трагикомедию. В десять лет Мария Португальская вместе с Викторией танцевала в Виндзорском дворце. Ее супруг, Фердинанд Саксен-Кобургский, приходился Виктории двоюродным братом. Португальская

чета выразила недоумение по поводу такой «агрессивности» по отношению к ним со стороны англичан. Виктории пришлось жалко оправдываться, ссылаясь на то, что ее даже не поставили в известность о происходящих событиях. Пальмерстон единолично принимал все решения и даже напечатал в «Морнинг кроникл» ряд статей под своим именем, чтобы разъяснить свою позицию.

Королева сочла себя оскорбленной. Она написала ему: «Прошу вас принять надлежащие меры во избежание повторения подобной практики». Ригорист Альберт был еще более резок. Свое негодование он излил в письме министру, но тот сухо ответил принцу: «Я вряд ли смогу разделить вашу точку зрения».

Не сходились они во взглядах и на проблему объединения Германии. Прусский король прислал Виктории письмо, в котором обратился к ней с просьбой поддержать его «крестовый поход» на других немецких государей. Пальмерстон тут же направил ноту протеста послу Пруссии: королева Англии не может вступать в переписку с иностранными монархами, если те не являются ее ближайшими родственниками. Сидя в соседних кабинетах, Виктория и Альберт писали письма: ее ответ прусскому королю был коротким и туманным, в его страстных письмах звучала надежда увидеть Фридриха Вильгельма Прусского во главе единого немецкого государства.

1848 год стал для европейских монархий годом неисчислимых бед. В феврале начались волнения в Париже. Народ требовал проведения реформы избирательной системы. Гизо был противником перемен. 21 февраля он запретил большой сбор республиканцев на Елисейских Полях и поднял по тревоге шестьдесят тысяч человек. Демонстрация протеста дошла до площади Звезды и была рассеяна. Полиция с трудом поддерживала порядок, бойцы Национальной гвардии переходили на сторону манифестантов. Париж превратился в поле битвы. 24 февраля Луи Филипп отрекся от престола и с помощью английского консула бежал в Англию под именем мистера Смита. «Война у самого нашего порога. Гизо в тюрьме, республика провозглашена... Короля с королевой все еще носит где-то по волнам, если только не выбросило на какой-нибудь чужой берег: у нас нет никаких вестей от них», — сокрушался Альберт в письме к брату.

Беглому королю позволили поселиться в Клермонте, принадлежащем его зятю Леопольду. Вся его семья присоединилась к нему. Виктория довольно сурово высказалась в их адрес: «Если бы они не спаслись бегством, то наверняка все бы погибли... Но у меня такое впечатление, что бежали они слишком уж быстро».

Из Франции волнения распространились на всю Европу. В Баварии Людвиг I был вынужден отречься от престола после того, как его заставили расстаться с его любовницей Лолой Монтес. В Вене толпа захватила дворец Меттерниха.

Князю, переодетому слугой, удалось бежать, и он нашел приют в Лондоне. Габсбурги укрылись в Инсбруке. Император отрекся от власти в пользу своего племянника, юного Франца Иосифа.

18 марта королева родила своего шестого ребенка — дочь, которую называли Луизой, это произошло как раз в тот момент, когда вслед за Гамбургом, Бременом и Франкфуртом баррикадами ошестинился Берлин. «Хотя это опять девочка, — делился принц со Штокмаром, — мои радость и благодарность безмерны, поскольку я очень тревожился за Викторию, которой пришлось перенести столько психологических травм в эти последние дни». В Германии барон представлял Кобург во Франкфуртском парламенте^[46] и более чем когда-либо ратовал за то, чтобы Пруссия возглавила Германский союз. Сам же Вильгельм Прусский прибыл в Букингемский дворец, где его ждал взволнованный Альберт. Его дети были вынуждены покинуть свои спальни. А Виктория отныне заканчивала все свои молитвы просьбой к Богу помочь им «достойно встретить любую ситуацию, в которой они могут оказаться, будь то возвышение или падение».

В обстановке всеобщей паники Пальмерстон проявил себя еще большим либералом, чем когда-либо. Воспользовавшись бегством Габсбургов, Италия поднялась против австрийской оккупации. Влюбленный в Венецию министр одобрил идею обретения независимости Апеннинским полуостровом. «Я не стану сожалеть по поводу изгнания австрийцев из Италии, — писал он королю Леопольду. — Итальянцы ненавидели их власть, которая держалась исключительно благодаря денежным вливаниям и бряцанию оружием». Он решил заявить австрийцам протест по поводу жестокой расправы, учиненной их солдатами над жителями Кастельнуово. Королева, со страхом ожидавшая новостей о судьбе австрийского императора, потребовала, чтобы Пальмерстон уничтожил свою депешу. Тот не подчинился. Королева вспыхнула и «не стала скрывать от него, что английская политика в Италии вызывает у нее чувство стыда». Чтобы оправдаться, Пальмерстон написал ей письмо на двенадцати страницах. Но гнева Альберта и Виктории этим не умерил. Изо дня в день королева требовала у лорда Рассела голову одиозного министра: «Так не может больше продолжаться, он ведет себя, словно непослушный ребенок». А принц дотошно собирал на него досье.

Неисправимый Пальмерстон послал новую депешу своему послу в Испании, поручив ему передать королеве Изабелле совет сменить правительство, если она хочет избежать народных волнений. Ответ не заставил себя ждать. 22 мая английского посла выслали из Испании.

Не придав этому никакого значения, Пальмерстон сохранил тот же командный тон и в отношениях с Португалией. «Доведите до сведения королевы и португальского правительства, что если из-за своей политики они окажутся в трудном положении, то пусть не рассчитывают ни на какую поддержку Англии, ни на какую!» — писал он своему послу. Виктория резко осудила его действия, которые сочла «оскорбительными для лорда Джона Рассела, правительства, государства и для нее лично». На сей раз премьер-министр принял сторону королевской четы и заявил, что послы Англии за рубежом должны избегать каких-либо контактов с политическими партиями, выступающими против власти своих монархов: «Подобное поведение должно рассматриваться как недружественное и несправедливое по отношению к иностранному государю, а также как недальновидное и наносящее ущерб нашим интересам». Пальмерстон согласился переписать депешу, но задержал ее отправку на целых две недели. В очередной раз Альберт был вне себя от негодования.

А в Лондоне вновь подняли голову чартисты. Они требовали мест в палате общин для представителей рабочего класса. Фридрих Энгельс уезжал из Манчестера в полной уверенности, что там вот-вот вспыхнет революция, которая из Англии перекинется на Европу, сметет буржуазию, установит бесклассовое общество и уничтожит частную собственность. «Союз коммунистов» пока еще не вышел из подполья. Энгельс и Маркс только что закончили работу над его «Манифестом». Между тем этот текст уже начал ходить по рукам. В марте Карл Маркс переехал в Париж, где вместе с женой Дженни, тремя детьми и их нянькой поселился в маленькой гостинице на улице Грамон. Там же в ту пору проживал и Герцен, приехавший из России. С надеждой следили они за революционными выступлениями в Германии и все учащавшимися демонстрациями чартистов в Лондоне.

6 марта многочисленная толпа собралась на Трафальгарской площади. На следующий день в Глазго вышли на улицы безработные, скандировавшие: «Хлеб или революция!» Войска открыли по ним огонь. Были убитые. Тогда чартисты объявили о массовой демонстрации 10 апреля, назначив сбор в южной части Лондона. Оттуда колонна демонстрантов двинется к парламенту, чтобы передать депутатам свою петицию.

И в правительстве, и в Букингемском дворце нарастало беспокойство. Альберт объявил Виктории, едва пришедшей в себя после рождения дочери, что министры советуют королевской семье в целях безопасности уехать из Лондона и укрыться в Осборне. Если толпа ворвется во дворец, они будут вынуждены спасаться бегством. Они не должны позволить бунтовщикам захватить себя, как это случилось с другими монархами. Виктория плакала, опасалась за новорожденную, но согласилась на все при условии, что Альберт постоянно будет находиться рядом с ней. Она боялась, что ее сыновей может постичь судьба ее двоюродных брата и сестры Саксен-Кобургских, состоящих в браке с детьми Луи Филиппа.

6 апреля демонстрация чартистов была объявлена незаконной и преступной, по городу расклеили плакаты, в категорической форме рекомендовавшие жителям не только не принимать в ней участия, но даже не появляться в месте ее проведения. 7 апреля правительство передало в парламент Закон об обеспечении общественной безопасности. Престарелому герцогу Веллингтону было поручено организовать защиту правопорядка в столице. На помощь полиции мобилизовали сто семьдесят тысяч добровольцев. Среди них был и Луи Наполеон Бонапарт, будущий Наполеон III. 8 апреля, под дождем, королевская семья покинула Лондон. Все еще неважно чувствовавшая себя королева путешествовала лежа. Войска сосредоточились у мостов, ведущих в Вестминстер.

Сколько же демонстрантов, развернувших транспаранты и знамена, собралось 10 апреля в районе Кеннингтон Коммон? Пятнадцать тысяч, утверждал лорд Рассел. Пятьсот тысяч, утверждал их лидер О'Коннор, который, не боясь преувеличений, заявлял также, что под его петицией было собрано пять миллионов семьсот шесть тысяч подписей. На самом же деле манифестантов оказалось двадцать три тысячи, и к двум часам дня их колонна была рассеяна без особого сопротивления с их стороны.

Обошлось без порубленных деревьев, вывороченных фонарных столбов, баррикад, выстрелов и ожесточенных схваток, как в Париже. Под проливным дождем силам полиции удалось раздробить колонну чартистов, пропуская их через мосты группами по десять — пятнадцать человек. О'Коннора арестовали и препроводили в министерство внутренних дел, где довели до его сведения, что организованная им демонстрация объявлена незаконной. Бледный и дрожащий, он заверил власти, что он и его сподвижники не собираются нарушать законность, и согласился на то, чтобы полиция вызвала три фиакра для него и его ближайших помощников. Туда же погрузили их петицию. Этот маленький кортеж, окруженный плотным кольцом полицейских, проследовал к зданию парламента, где

О'Коннор робко предъявил свои требования. «Вот то, чем я могу объяснить себе английскую свободу. У этих людей кровь сильно разбавлена водой. Вот почему им можно позволять устраивать сборища, выкрикивать и печатать все, что им хочется. Это не теплокровные, а холоднокровные приматы, кровь у которых циркулирует крайне медленно», — писал Тэн, которому вторил Мериме: «Я еще допускаю, что можно стать социалистом, вкушая роскошные обеды на серебряной посуде и наблюдая, как рядом кто-то выигрывает по четырнадцать тысяч фунтов стерлингов на скачках в Эпсоме. Но чтобы здесь вспыхнула революция, это маловероятно. Раболепие здешних бедняков несовместимо с нашими демократическими идеями. И каждый день мы видим тому новые примеры. Интересно вот что: а не счастливее ли они других?»

13 апреля на заседании парламента было объявлено, что под петицией чартистов собрано всего 1 975 496 подписей, причем многие из них сфальсифицированы. 1 мая — новое потрясение. О'Коннор заявил о своем уходе с поста лидера движения. В тот же день «Национальная чартистская лига» распалась, став жертвой собственной нерешительности. Великая паника закончилась фиаско. «Наша революция должна была бы стать образцом для других цивилизованных государств», — писала с облегчением Виктория.

20 апреля принц пригласил в Осборн лорда Эшли, известного своими прогрессивными взглядами, и тот убедил его посетить трущобы Стрэнда перед тем, как взять слово на предстоящем расширенном заседании Общества борьбы за улучшение условий жизни трудящихся. Лорд Рассел предостерегал его от этого шага. Но принц сделал так, как собирался. Его речь, которую ему помогала составлять королева, была очень тепло встречена слушателями, в ней он заявил: «Если социализм означает заботу о самых обездоленных, то я — за социализм!»

5 сентября Виктория торжественно открывала новый парламент, чей готический фасад отражался в водах Темзы. Собравшийся народ радостно приветствовал ее. На церемонии присутствовали сыновья Луи Филиппа герцог де Немур и принц де Жуанвиль. С болезненной ностальгией смотрели они на эту «модель» гражданского мира, которую яростно защищал Пальмерстон и которую Франция оказалась неспособна перенять: конституционную монархию.

Через несколько мгновений зазвучал звонкий голос Виктории, зачитывающей свою речь: «Наши государственные институты подверглись проверке на прочность и выстояли. Я позаботилась о том, чтобы сохранить народу, за который я в ответе, те конституционные свободы, которые он по

праву так ценит. Мой народ, со своей стороны, в полной мере ощутил преимущества порядка и безопасности и не оставил зачинщикам погромов и беспорядков ни малейшего шанса на успех их черных замыслов».

Глава 10

Спустя три дня королевская семья впервые отправилась в Шотландию по железной дороге. Железнодорожную линию уже довели до Перта, где королева покинула свой поезд крайне довольная удобством подобного вида передвижения. После круговерти событий последних месяцев Бальморал показался им тихой гаванью: «Слева стояли необыкновенной красоты горы, охватывающие кольцом озеро На-Гар, а справа, со стороны Баллатера, виднелись прекрасные холмы, поросшие лесом, которые напомнили нам Тюрингию. Воздух здесь напоен покоем и свежестью. Лучшего и пожелать нельзя было, чтобы заставить нас позабыть об остальном мире с его печалью и потрясениями».

Они слышали о Бальморале годом ранее, когда гостили в имении лорда Аберкорна. До его шотландского замка они добрались на пароходе и тут же влюбились в эту полную романтизма жизнь на природе. Один журналист, увидевший их в Инвирери, написал в своей статье: «Принц выглядел абсолютно довольным человеком, довольным всем миром и самим собой». В письме к своей теще, герцогине Кентской, Альберт процитировал эти слова, добавив свой комментарий: «Должен признаться, что этот журналист не ошибся».

И если бы не дождь, их отдых был бы просто идеальным. Сэр Джеймс Кларк, навестивший их по-соседски, был удивлен, что у них там такая плохая погода. В пятидесяти километрах от места, где они находились, его сын Джон восстанавливался после болезни в гостях у сэра Роберта Гордона, брата лорда Абердина. И каждый день в Бальморале он подолгу принимал в саду солнечные ванны.

В октябре 1847 года сэр Роберт Гордон неожиданно скончался. Альберт объявил, что покупает его имение, выставленное на торги, даже ни разу не побывав в нем. Замок с его огромной верандой выглядел просто прелестно. Но комнаты в нем оказались очень тесными. «Вечерами, когда в гостиной играли в бильярд, королеве и герцогине приходилось без конца вставать, чтобы пропускать игроков», — сетовал лорд Малмсбери.

Но в Шотландии королевская чета находила еще больше покоя и отдохновения, чем в Осборне. В этих шотландских горах Виктория и Альберт могли наконец побыть просто мужем и женой, не опасаясь ничьих нескромных взглядов. Они были там счастливы. По утрам принц охотился на оленей или куропаток. После обеда они вместе катались в карете или на

пони по окрестным холмам, поросшим вереском. А по вечерам в своей столовой учились танцевать национальные танцы шотландских горцев под звуки местного оркестра, по традиции состоявшего из скрипки, волынки и флейты. Как только музыка умолкала, танцоры шли опрокинуть стаканчик виски, чтобы затем вновь пуститься в пляс с еще большим жаром, и это безумно нравилось Виктории. «Они здесь живут без всякой помпезности, живут не как представители благородного сословия, а как простые маленькие люди, в своих маленьких комнатках, в маленьком домике. Здесь нет никаких солдат, и вся охрана государыни и ее королевской семьи сведена до одного полицейского, который регулярно совершает обход территории имения, чтобы выдворить оттуда посторонних или нежелательных гостей», — писал Гревилл.

Иногда они на целый день уезжали на пикник. Один или два гилли^[47] вели под уздцы лошадей королевы и детей, чтобы те не сползли по камням с горы. Когда они спешили, Виктория принималась рисовать дикий и романтический местный пейзаж. Альберт здесь совершенно менялся: «Он производит впечатление человека, чувствующего себя абсолютно в своей тарелке, он весел и много шутит, отбросив свою обычную суровость и не заботясь о том, чтобы все время достойно выглядеть».

Королева водила дочерей в гости к соседкам, живущим рядом с ними в своих бедных хижинах. Они приносили женщинам в подарок какую-нибудь юбку или отрез на платье и беседовали с ними о жизни. В детстве Виктория очень страдала оттого, что ее воспитывали как маленькую принцессу, постоянно подчеркивая ее королевское положение. Она, как и Альберт, считала, что воспитание должно быть «простым и домашним, насколько это возможно». Они были очень близки со своими старшими детьми и хотели быть для них образцовыми родителями. Впрочем, еще Штокмар объяснял им, что это совершенно необходимо, если они хотят сохранить корону.

В 1842 году немецкий барон составил пространный меморандум об ошибках, допущенных королями ганноверской династии: «Георг III неправильно понимал свой отцовский долг. Безнравственность его сыновей была вопиющей, и единственное, чем можно ее объяснить, так это неспособностью их наставников привить им в юности основы морали и приобщить их к истинным ценностям. Поведение принцев сильно подорвало авторитет монархии в этой стране и ослабило верноподданнические чувства английского народа к тем, кого на протяжении веков он привык почитать. То, что Георга IV за все его дебоши не скинули с престола, говорит о силе английской конституции, терпении и

мудрости английского народа». После рождения Берти Мельбурн предостерегал королеву: «Не возлагайте слишком больших надежд на воспитание. Оно многое может, но никогда не в состоянии дать столько, сколько от него ждут. Можно привнести что-либо в характер или в чем-то обуздать его, но целиком изменить его удастся крайне редко». Бывший премьер-министр считал положение наследного принца далеко не завидным. По молодости Георг IV постоянно что-то замышлял против своего отца. Престарелый лорд Ливерпуль рассказывал, что однажды, выслушав доклад о кознях своего старшего сына, Георг III заявил: «Я не желаю больше ничего о нем слышать», что покорило королевскую чету.

В отличие от Георга III Альберт был неподражаемым воспитателем. Он обожал Вики, которая уже в три года говорила и по-французски, и по-немецки. Он ходил вместе с детьми ловить бабочек. Учил их рисованию, музыке, приобщал к немецкой поэзии. Любил играть с ними в прятки или чехарду. Он следил за развитием новорожденных, часто заходил в их детскую и обсуждал с Викторией методы их воспитания. В 1848 году после рождения их шестого ребенка, дочери Луизы, они составили подробный план воспитания детей, включающий в себя четыре этапа.

На первом этапе малышей вверяли заботам леди Литтлтон. По мере их взросления их начинали обучать иностранным языкам: мисс Хилдьярд должна была говорить с ними по-английски, мадам Роланд де Санж — по-французски, а фрейлейн Грюнер — по-немецки. В четыре года начиналось религиозное воспитание.

Второй — двухгодичный — этап посвящался «формированию характера» и «начальному образованию», куда входило обучение чтению, письму и счету. Затем, примерно в семь лет, наступала очередь «наставничества», с этой целью нанимался специальный учитель для преподавания истории, географии, латыни, естествознания... На последнем этапе, в возрасте двенадцати лет, дети приобщались к общественной жизни.

Маленький Берти, естественно, был объектом повышенного внимания. В своем очередном меморандуме Штокмар особо подчеркивал, что революции 1848 года показали, какое важное значение имеет правильное воспитание наследника престола, и рекомендовал еще тщательнее заниматься этим. Как и все молодые родители, Виктория и Альберт были преисполнены надежд и не были застрахованы от заблуждений. Принц считал, что будущий король должен быть избавлен от всякого женского влияния. Виктория разделяла мнение мужа: «Самое позднее в шесть лет он должен быть полностью вверен заботам своего наставника. Я желаю, чтобы он рос на глазах у своего отца и под его руководством и годам к

шестнадцати-семнадцати стал для него настоящим другом».

В апреле 1849 года Берти, которому исполнилось семь лет, передали в руки наставника — бывшего преподавателя Итона. Преподобный Берч в течение тридцати лет занимался тем, что «дрессировал» маленьких мальчиков, и принц рассчитывал на то, что тот с такой же строгостью будет воспитывать и обучать и его сына. Берти звезд с неба не хватал и страдал комплексами, тут постаралась его старшая сестра. Кроме того, он заикался.

Королева настаивала только на одном: воскресенье должно было оставаться днем отдыха и развлечений. Преподобный Берч с возмущением жаловался Штокмару, что он не в состоянии понять, как можно в святое воскресенье кататься верхом на лошади или играть в карты. Но Виктория в этом вопросе была непреклонна: «Воскресенье всегда было выходным днем, и ребенок в этот день должен играть со своими друзьями или братьями и сестрами, заниматься живописью или предаваться другим забавам».

Первое занятие преподобного Берча с Берти прошло из рук вон плохо, это была настоящая катастрофа. Ученик отказывался думать, а когда наставник повысил голос и заговорил с ним строже, то впал в ярость, а потом без сил рухнул на свои учебники. Он категорически отказывался делать то, что требовало от него хоть какого-то усилия. «Поведение принца Уэльского начинает пугать меня. Я долго размышлял, но так и не смог придумать новых способов заинтересовать его, мне кажется, что я исчерпал все свои возможности», — писал преподобный Берч Альберту через несколько недель после своего появления в Букингемском дворце.

Принц перепугался, решив, что у его сына задержка в развитии. Он дважды приглашал френолога, который по строению черепа Берти пытался определить умственные и физические способности мальчика. Этот специалист посоветовал избегать в общении с наследником применения силы: «Повышение голоса или излишняя строгость ранят самолюбие ребенка и будят в нем враждебность, толкающую его к сопротивлению, тогда как ласковые, нежные, добрые слова, сопровождаемые доброжелательным взглядом, вызовут у него ответные добрые чувства, и он выполнит требования учителя».

Преподобный Берч смягчил тон и вроде бы сумел завоевать расположение юного принца, который стал на занятиях более внимательным. Комментарии учителя по поводу его ученика стали вполне обнадеживающими: «Меня смущает его медлительность в освоении письма и орфографии, но при этом не следует забывать, что в Англии найдется не так уж много мальчиков, которые столь же хорошо, как его высочество,

знают французский и немецкий языки и разбираются в таком количестве самых разных вещей. Я не сомневаюсь, что он справится и с правописанием, и с орфографией, на это лишь нужны время, старание и терпение». Но Альберт, более требовательный к своему сыну, чем его преподаватель, решил не продлевать контракта с преподобным Берчем. «Это очень огорчило принца Уэльского, который, узнав, что они скоро расстанутся, без конца оказывал своему учителю трогательные знаки внимания. Он очень отзывчивый и добрый мальчик; его записочки и подарки, которые мистер Берч находил у себя под подушкой, были в высшей степени умилительны», — сокрушалась леди Каннинг.

Эlegantный Фредерик Гиббс, новый наставник Берти, получил приказ в точности докладывать обо всех недостатках своего ученика. Штокмар настоятельно советовал запретить ребенку читать приключенческие и другие романы, даже если их автором был Вальтер Скотт. Он предупредил Гиббса, что принц Уэльский — точная копия своей матери, что его приступы гнева ужасны, а страсть к удовольствиям достойна сожаления, «Сделать все, что возможно» — такова была задача, которую он поставил перед наставником принца.

А Берти очень сожалел об уходе Берча и возненавидел Гиббса. Но суровый Альберт не обращал на это внимания. Он сделал еще более строгим режим воспитания сына, запретив ему общаться с друзьями, которые отвлекали его от занятий, вовлекая в свои игры. Подобно королеве, Берти слишком любил жизнь. А для его отца это отнюдь не являлось достоинством.

В целом же принц Альберт имел вполне передовые идеи для своего времени. В Боннском университете был прекрасный кабинет минералогии, и принц увлекся там этой наукой. В Шотландии он устраивал геологические экспедиции. А для Осборна выписал из Швейцарии домик-шалаш, похожий на тот, что Феодора построила для своих дочерей в Лангенбурге. В гостиной на втором этаже там было отведено место под гербарии, коллекции камней, бабочек и других насекомых. На первом этаже в кухне, облицованной бело-голубой кафельной плиткой, на почетном месте возвышалась огромная черная плита с медными ручками, принцессы пекли в ней пирожки и угощали ими живших по соседству стариков, которых они навещали вместе с королевой. Самой большой рукодельницей была Луиза. У нее прекрасно получалось круглое печенье, которое она вырезала из теста с помощью крышки от чайника «за неимением ничего более подходящего». Вики предпочитала заниматься выращиванием цветов и овощей. У каждого ребенка были своя грядка и свой собственный

сельскохозяйственный инвентарь. Садовники учили их сеять, сажать, полоть. Альберт покупал по рыночным ценам выращенные ими овощи и фрукты, и принцессы в своем шале использовали их для приготовления разных блюд, а королева с принцем заходили туда время от времени, чтобы отведать то, что наготовили их дочери, и оценить их кулинарные успехи.

Мальчики постоянно пропадали в крошечном форте с водяным рвом вокруг него и с медной пушкой, которая умела стрелять по-настоящему. Еще они осваивали профессию каменщиков. За каждый час работы принц платил им зарплату. В отличие от Берти, который ничем не интересовался, Аффи был постоянно чем-то занят: то строил модель корабля, то мастерил придуманную им самим заводную игрушку. Он обожал географию и мог часами мечтать перед двумя огромными картами мира в кабинете Штокмара. Его комната с барометром и корабельными часами походила на матросский кубрик.

Вторая половина дня отводилась под прогулки. Родители брали на природу свои мольберты, а дети занимались с учителем живописи, художником и скульптором Эдвардом Корбоулдом, под руководством которого учились рисовать свое швейцарское шале, лодки на Те-Соленте и полет птиц в лучах заходящего солнца. В этом тоже Луизе не было равных.

Для каждого времени года был свой, раз и навсегда установленный распорядок. На летние каникулы они уезжали в Осборн, где целыми днями пропадали на пляже. Альберт с детьми плавал, а королева плескалась в своей купальне. Свою первую морскую ванну Виктория приняла 30 июля 1847 года в зашторенной кабинке, одетая в сильно закрытый купальник: «Меня сопровождала на пляж моя горничная. Я вошла в купальную кабинку, разделась и стала купаться в море (впервые в жизни), мне помогала очень милая женщина, специально приставленная ко мне на время купания. Все это мне страшно нравилось до тех пор, пока я не окунулась в воду с головой и не испугалась, что сейчас захлебнусь». Она любила это прохладное море и терпеть не могла курорты с их термальными источниками. Рождество они встречали в Виндзоре: днем катались на санках, а вечерами собирались у камина. Альберт учил детей кататься на коньках по замерзшему пруду. Иногда, тепло укутавшись, они выезжали всей семьей на прогулку в санях, запряженных серыми пони, которых погоняли грумы в красных ливреях. Принц брал у кучера вожжи и под звуки бубенцов катал супругу с детьми по занесенным снегом дорожкам, и им казалось, будто они попали в настоящую сказку. В сочельник все собирались в личной гостиной Виктории. Гасили верхний свет и зажигали свечи на елках, установленных на столиках, на которых лежали подарки.

Пели немецкие песни, а на следующий день устраивали маскарад. Дети участвовали в постановке небольших домашних спектаклей: как-то это была пьеса Джеймса Томсона «The Seasons»^[48], в другой раз — «Rothkarpchen», немецкая версия «Красной Шапочки». Театральные представления проходили в большой галерее Виндзорского замка. В декабре 1848 года сюда приезжал Кин-младший, чтобы выступить перед королевским семейством.

В своем дневнике Виктория описывала каждый спектакль, каждый поход в цирк или зоопарк, каждый праздник. Свои комментарии по поводу маскарадов она сопровождала рисунками: Вики в костюме принцессы из «Тысячи и одной ночи», Аффи в национальном шотландском костюме, чепчик самой младшей из дочерей... Когда на свет появлялся очередной малыш, Виктория, едва отойдя от родов, в тот же день принимала у себя в спальне все свое семейство. В день рождения каждого из королевских детей обязательно производили выстрел из пушки. А день рождения самой королевы отмечался как национальный праздник. В день ее двадцативосьмилетия четверо ее старших детей прочитали ей стихи на немецком языке и преподнесли четыре букета цветов, составленных из лилий, роз, сирени и дубовых листьев.

Осенью они бывали в Бальморале, где их ждали охота и пикники. Девочки и мальчики носили там килты, которые передавали друг другу по наследству вне зависимости от пола. Принц тоже надел килт и был немало удивлен, что шотландцы носят его прямо на голое тело. Виктория никогда не была так сильно влюблена в своего мужа, как во время их пребывания в Шотландии, и нигде не чувствовала себя такой счастливой, как в компании гилли: «Они никогда не бывают вульгарными, никогда не допускают бестактностей, они очень умны и хорошо воспитаны». Вместе с ними Виктория ела блюда местной кухни и, если вдруг они попадали под проливной дождь, сушила шерстяные чулки мужа у печки, топившейся торфом.

Иногда они отправлялись на рыбалку, выезжая ранним утром и возвращаясь лишь тогда, когда над озером всходила луна. Принц садился на весла большой лодки, а кто-нибудь из гилли играл им на волынке. Лендсир сопровождал их в этих поездках и запечатлел на своих картинах множество восхитительных моментов. Он рисовал королеву, когда та выпрыгивала из лодки, королеву на пони, королеву, встречающую Альберта с охоты... «Никакая другая королева не знала того счастья, какое познала я в этой жизни! Это будет весьма поучительно!» — воскликнула она, с волнением разглядывая эти романтические полотна.

Едва вернувшись в Лондон, Виктория сразу же «одурела» от происходящего вокруг, она охотно употребляла это слово, дабы передать то состояние нервозности, в котором постоянно пребывала в Букингемском дворце, и свою ностальгию по Шотландии, поскольку вновь начались проблемы с Пальмерстоном. В Бальморале королева заявила лорду Расселу, что не сможет чувствовать себя спокойной до тех пор, пока этот министр-«предатель» будет оставаться на своем посту.

2 августа 1849 года она совершила свою первую поездку в Ирландию. Шатер, разбитый на набережной для ее встречи, обошелся в 500 фунтов стерлингов. Пресса возмущалась по этому поводу, заметив, что гораздо полезнее было бы показать королеве нищих, умирающих от голода в своих лачугах с дырявыми крышами. Но Виктория ограничилась тем, что проехала через Корк в открытом ландо сквозь густую толпу людей, толкающих друг друга, чтобы поближе пробиться к ней. Она лишь пожалала плечами, когда в Дублине ей сообщили, что заговорщики поклялись убить ее. Толпа, сквозь которую она проехала в сопровождении лорда Кларендона, казалось, была покорена «простотой ее манер». Это не ирландский народ плел против нее интриги, а ее собственный министр иностранных дел. Она только что узнала, что Пальмерстон, даже не проинформировав ее об этом, поставлял Гарибальди оружие, чтобы помочь ему освободить Сицилию. Прощаясь со своими верными ирландскими подданными, она махала им с яхты кружевным платочком и, направляясь обратно в Лондон, была полна решимости избавиться от Пальмерстона, этого поборника вредных революционных идей, которому принц придумал прозвище «Pilgerstein»^[49].

Новый инцидент в Греции стал для них настоящим испытанием. В Афинах греческие власти арестовали некоего коммерсанта по имени дон Пасифико, он был португальским евреем, принявшим британское подданство. Чтобы освободить его, Пальмерстон принял решение отправить английский флот к греческим берегам. Оппозиция и королевский двор обвинили министра в том, что он собирается поставить мир на грань войны ради спасения какого-то сомнительного еврейского дельца.

Но Англия не могла допустить неуважения к своему флагу, своим интересам и своим подданным. Ничто так не распаляло Пальмерстона, как нападки на него в палате общин. Возможность продемонстрировать свой ораторский талант и стремление обратить аудиторию в свою веру заставляли его кровь приливать к щекам. Он говорил в течение пяти часов, «даже не выпив стакана воды», как заметила Виктория, и в какой-то момент воскликнул: «Каждое проявление недовольства совсем не обязательно

ведет к войне! Как и все другие народы, Англия любит мир. Но именно осознание нашей силы толкает нас на защиту дела справедливости и чести. Как древний римлянин, который чувствовал себя в полной безопасности, ибо мог сказать: “Civis Romanus sum”^[50], так и британский подданный, где бы он ни находился, должен иметь внутреннюю уверенность в том, что внимательный взгляд и сильная рука Англии всегда защитят его от несправедливости и ала».

Палата общин устроила ему настоящую овацию и отменила санкции, принятые против него палатой лордов. Восторженные почитатели заказали его портрет, чтобы подарить его леди Пальмерстон. Непревзойденного оратора чествовали в «Reform club»^[51], одном из самых крупных виговских клубов в Лондоне, где был дан роскошный ужин из девяти перемен и восьмидесяти одного блюда. Пэм, как всегда, не смог обойтись без блестящей импровизации: «Главная идея, которая направляет внешнюю политику правительства Ее Величества, заключается в защите интересов Англии. И в сфере этих интересов благополучие не только нашей страны, но и всех других стран. Стоит ли повторять, что первейшая задача всех, кто служит в Форин офис^[52], заключается в том, чтобы защищать честь, достоинство и права британского флага? А следовательно, в их обязанности входит защита соотечественников, в какой бы стране те ни находились! Господа, мы нация путешественников, исследователей и коммерсантов. Наши корабли бороздят все океаны. Наши сограждане высаживаются на любых берегах, диких и обжитых, дабы заботиться о здоровье и благополучии местных жителей, развивать там науку или торговлю, а главное — дабы зажечь в районах, пребывающих во тьме, свет нашей христианской веры».

Эту речь напечатали в газетах. Вся Англия рукоплескала ей. Виктория и Альберт впали в отчаяние: если Рассел сохранит Пальмерстона на его посту, то вскоре у них не останется в Европе ни единого друга. Если же премьер-министр пожертвует им, Пальмерстон станет главным героем в парламенте и кумиром нации. Он сможет даже претендовать на пост премьер-министра! Ужасный порочный круг.

Альберту пришла в голову мысль, как разорвать этот порочный круг: он решил предать огласке одну «отвратительную» историю. Разве десять лет назад не Пальмерстон пытался воспользоваться расположением к себе одной из придворных дам королевы и ворвался в ее спальню в Виндзорском замке? Да, женщина сумела постоять за себя, но каким образом «насильник» смог стать премьер-министром ее величества? Лорд

Рассел глубокомысленно покачал головой. На счету у Пальмерстона за его долгую карьеру Дон Жуана наверняка было немало побед на любовном фронте, но это никогда не мешало ему превосходно защищать интересы Великобритании. Пуританин Гладстон позже скажет: «Все премьер-министры королевы грешили по части адюльтера. Кроме одного». Этим исключением не были — что совершенно точно — ни Рассел, ни Пальмерстон.

И вновь Штокмар придумал выход. Он составил длинный меморандум, в котором заклеил и поведение, и политику Пальмерстона. Для немецкого барона все виги были «республиканцами, вззирающими на королевский трон, словно волк на ягненка».

Одобренный Альбертом и прилежно переписанный Викторией этот меморандум 12 июля был передан премьер-министру. «Королева требует от своего министра иностранных дел: чтобы он ясно излагал то, что он предлагает в каждом конкретном случае, чтобы королева могла точно знать, на что она дает свое королевское согласие. И если королевское согласие было дано на какую-то меру, то она уже не может быть самовольно изменена или искажена министром. Королева будет рассматривать подобную практику как недостаточную лояльность по отношению к Короне и будет по справедливости карать за это, воспользовавшись данным ей конституционным правом, вплоть до отставки такого министра».

Единственная проблема заключалась в следующем: королева Англии не имела права отзывать министров. Штокмар неверно толковал английскую конституцию. Тем не менее лорд Рассел передал меморандум Пальмерстону, который попросил у Альберта аудиенцию: «Он был очень взволнован, был почти на грани отчаяния, в глазах его стояли слезы, его вид даже растрогал меня». Пальмерстон при необходимости умел быть прекрасным актером. Он уверял, что очень сожалеет о том, что в его действиях усмотрели недостаток «уважения к королеве». Но не прошло и двух недель, как он вернулся к своей обычной практике.

Австрийский генерал Гайнау — «гиена», спасшая династию Габсбургов, приказав стрелять в народ, — прибыл в Англию с частным визитом. Он выразил желание посетить какой-нибудь английский паб. Пальмерстон не стал отговаривать его от этого похода, прекрасно зная, что рабочие могут освистать австрийского «мясника». Одновременно он составил депешу, в которой подчеркивалось, что генерал Гайнау «нарушил все приличия, приехав в Англию с кровью на руках». Королева в очередной раз была вне себя от гнева. Но что было делать? Пресса и общественное мнение по-прежнему были на стороне Пальмерстона.

Несколько месяцев спустя в Англию для чтения цикла лекций был приглашен венгерский революционер Кошут. Пальмерстон выразил желание встретиться с ним. Виктория написала Расселу и потребовала, чтобы в честь Кошута не устраивалось никаких официальных мероприятий. Рассел запретил Пальмерстону принимать венгра даже в частном порядке. Ответ министра прозвучал с оскорбительной резкостью: «Не нужно диктовать мне, кого я могу, а кого не могу принимать у себя дома». Рассел собрал кабинет министров, который поддержал премьера и королеву. Пальмерстон рассыпался в щедрых обещаниях. Но Виктория уверяла Рассела, что у нее есть все основания полагать, что Пальмерстон, «несмотря ни на что», пригласит к себе Кошута.

Мысли Альберта были заняты не только внешней политикой. Каждое утро он поднимался еще засветло, зажигал лампу под зеленым шелковым абажуром и погружался в свои проекты. Будучи президентом Королевской художественной комиссии, в июле 1849 года он выдвинул идею проведения Всемирной выставки, которая должна была стать настоящим праздником труда и прогресса, способным примирить все социальные слои английского общества. Он хотел представить там все последние достижения в области науки и техники и новые направления в искусстве, чтобы «иметь полное представление о современном развитии человечества и дать отправную точку для последующих усилий всех наций». Пиль с энтузиазмом поддержал этот проект. Промышленная буржуазия также сочла эту идею интересной. «Какая же гордость переполняет меня, когда я думаю о том, что все это создал великий ум моего любимого Альберта», — писала Виктория.

Туманным январским утром 1850 года принц отправился на первое заседание Организационного комитета по проведению выставки. В нем участвовали Пиль, Рассел, Дерби, Гладстон, Кобден, предприниматель Каббит, хранитель архива Генри Коул... В стране объявили благотворительный сбор средств на осуществление этого проекта. Королева пожертвовала на него тысячу фунтов стерлингов, принц — пятьсот. На банкете, устроенном 21 марта в Мэншен-хаусе для привлечения новых пожертвований, Альберт вновь с воодушевлением говорил о научно-техническом прогрессе и его достижениях, которые приведут к «объединению человечества». Герцог Веллингтон проявил исключительную щедрость, но другие лорды и представители промышленной буржуазии ограничились весьма скромными взносами, так что собранной суммы было явно недостаточно для того, чтобы претворить в жизнь идею принца. Он начал проявлять беспокойство. Ведь еще нужно

было каким-то образом привлечь и другие страны к участию во Всемирной выставке, которую злопыхатели уже называли не иначе как «большим базаром, призванным восславить английскую гениальность». «Нелегко будет убедить европейский континент поддержать эту идею», — вздыхал Альберт.

Он думал выставить все эти чудеса науки и техники в Сомерсет-хаусе. Но его здание оказалось слишком маленьким. Может быть, устроить выставку на открытом воздухе? Например, в Гайд-парке. Но обитатели Кенсингтона возмутились при мысли, что их могут лишиться вида на Серпентайн и что в парке срубят вековые вязы. Другим не понравилось, что могут закрыть аллею для верховых прогулок. «Таймс» возражала против превращения легких столицы в «бивуак для бродяг». Альберт был на грани отчаяния. «Если нас выставят вон из парка, вся наша работа пойдет насмарку. От всего этого впору сойти с ума», — писал он 28 июня 1850 года.

Спустя два дня Пиль получил тяжелую травму при падении его лошади во время прогулки в парке. Лошадь поскользнулась, упала и подмяла под себя седока. Сэр Джеймс Кларк не усмотрел в этом повода для особого беспокойства. По словам личного врача королевы, у Пили был всего лишь перелом шейного позвонка. Но через двое суток состояние больного резко ухудшилось, не оставив надежды на выздоровление. Королева за ужином почти ни к чему не притронулась и отказалась от поездки в Оперу. В полночь пришла записка с сообщением, что сэр Роберт скончался. Принц потерял своего советчика, доверенное лицо, самую надежную опору. Виктория заливалась слезами и взывала к Небу: «Господи, Ты лучше нас знаешь, что нам нужно, и да исполнится воля Твоя, но для меня остается загадкой, почему именно сейчас, в эти трудные времена, когда он нужен нам, как никто другой, Ты забрал его у нас?!»

А между тем Небо не совсем отвернулось от Альберта. Отца свободной торговли, благодаря которому были снижены цены на хлеб, оплакивала вся страна, как богатые, так и бедные. Национальный траур длился много дней. Памятуя о том, какое значение покойный экс-премьер-министр придавал проекту Альберта, палата общин с большим перевесом голосов утвердила местом проведения предстоящей Всемирной выставки Гайд-парк. Принц смог написать Штокмару: «Должен с сожалением признаться, что я вновь страдаю от бессонницы и переутомления, но все дела, которыми я сейчас занимаюсь, близятся к триумфальному завершению. “Таймс” была вынуждена пересмотреть свою позицию по парку...»

Двести сорок пять архитекторов разных национальностей приняли участие в конкурсе на лучший проект здания выставки. И тут возникла новая проблема: самым интересным оказался вариант француза Гектора Горо. Он предложил построить просторный павильон из стали и стекла. Но как доверить французскому архитектору проект выставки, целью которой было укрепить чувство национальной гордости и распространить на весь мир идею превосходства англичан?

И тогда принц вспомнил о гигантской оранжерее для тропических растений, возведенной в Четсворте у герцога Девоншира гениальным Пакстоном. На сей раз Пакстон набросал план еще более грандиозного сооружения, способного собираться и разбираться в рекордно короткие сроки.

6 июля 1850 года, за пять дней до принятия оргкомитетом окончательного решения, в «Иллюстрейтед Лондон ньюс» были опубликованы эскизы Пакстона. Легкая конструкция с округлой аркой центрального нефа прекрасно вписывалась в пейзаж парка и не требовала вырубки старых вязов, она накрывала их собой и превращала в элемент интерьера. Публика тут же с восторгом отдала предпочтение этому проекту. Гектор Горо за участие в конкурсе был награжден почетной медалью, но именно Пакстону было поручено возведение гигантского стеклянного павильона, который с легкой руки газеты «Панч» стали называть «Crystal Palace»^[53].

Спустя два месяца на месте будущей выставки выросла первая колонна. На стройке трудилось более двух тысяч рабочих. Неслыханный прогресс: с заводов Бирмингема поездом доставлялись на стройплощадку уже готовые стеклянные блоки. Зеваки специально делали крюк, чтобы пройти через Гайд-парк и посмотреть, как продвигаются там работы. Ничего подобного никогда еще не строилось. Изящная конструкция имела размеры 616 на 136 метров. Она была в четыре раза длиннее и в два раза шире собора Святого Павла. Королева часто сопровождала принца на стройку.

Альберт разделил все экспонаты, которые предполагалось показать на выставке, на четыре основные категории: сырье, механизмы и другие изобретения, промышленные товары и, наконец, предметы изобразительного искусства, в том числе — скульптурные работы. Стенды участникам выставки предоставлялись бесплатно, но они должны были сами обеспечить доставку, работу и содержание своих экспонатов: «В течение всего дня мой любимый только и делал, что решал вопрос за вопросом, проблему за проблемой, и делал это с огромным

самообладанием, не выказывая ни малейшей недоброжелательности».

Между тем каких только жутких катастроф не предрекали в связи с выставкой! Высоченная конструкция не выдержит-де сильных порывов ветра. А если и устоит под ними, то взлетит на воздух от бомб революционеров всех мастей, нашедших приют в Лондоне, уж они-то не упустят такой случай. Чтобы избежать любых попыток покушения, торжественное открытие выставки, по слухам, хотели провести при закрытых дверях. Но «Таймс» возмущалась по этому поводу: «Там, где соберутся главным образом англичане, королеве Англии ничто не может угрожать!» Король Ганновера кричал, что появляться на этой «жалкой выставке» слишком рискованно. Дойдя до маразма, он утверждал, что «министры не позволят королеве и тому, кто придумал эту глупость, то есть принцу Альберту, оставаться в Лондоне во время проведения выставки».

Альберт писал своей кобургской grosmutтер: «Я скорее мертв, чем жив, так устаю. Противники выставки делают все, что только могут, чтобы заставить пожилых дам впасть в панику, а меня, меня свести с ума. Послушать их, так иностранцы непременно совершат здесь революцию, нас с Викторией убьют и провозгласят в Англии красную республику. Либо же подобное столпотворение приведет к эпидемии чумы, которая уж точно добьет тех, кому посчастливится спастись от бесчисленных полчищ блох и паразитов всех мастей. И я должен нести за все это ответственность и принять все необходимые меры предосторожности».

Накануне официального открытия выставки Виктория посетила ее в частном порядке: «Мы пробыли там два с половиной часа, и я вернулась к себе совершенно измученная и ошалевшая от всех этих чудес». Чтобы еще сильнее подчеркнуть величественность Хрустального дворца, оформитель Оуэн Джонс выкрасил его стальной каркас, а также стойки стендов в голубой цвет, оттенив его оранжево-красными полосками. Из четырнадцати тысяч участников выставки половина была англичанами или выходцами из британских колоний. Им отвели всю западную часть павильона. Сорок зарубежных стран разделили между собой вторую половину экспозиции. Телеграф Бейкуэлла соседствовал здесь с пушкой, отлитой на заводах Круппа, северский фарфор — с агрегатом для производства сахара из сахарного тростника... Альберт был автором девиза, которым открывался каталог выставки: «Земля со всем, что на ней находится, принадлежит Господу».

В назначенный день семь тысяч человек бурно приветствовали королевский кортеж, состоящий из девяти парадных карет. Многие люди съехались сюда из дальних краев и провели ночь прямо под открытым

небом, чтобы ничего не пропустить из церемонии официального открытия выставки. «Я никогда не видела Гайд-парк таким, куда ни кинь взгляд, всюду море людей!» — воскликнула королева, одетая в розовое с серебром платье. По этому торжественному случаю она надела знаменитый «Кохинор», подаренный ей в прошлом году Ост-Индской компанией. Самый крупный бриллиант в мире, украшавший когда-то трон Великих Моголов в Дели, весил сто восемьдесят шесть каратов.

Трубы зазвучали в тот момент, когда Виктория переступила порог выставочного павильона, уставленного пальмами, цветами и статуями и уже заполненного гостями, толпившимися на всех галереях. Она испытала такую же эйфорию, что и в день своей коронации. Но на сей раз она была не одна. Альберт в фельдмаршальском мундире шел рядом с ней, держа за руку их старшую дочь Вики, а сама она вела Берти, одетого в шотландский килт: «Когда мы вышли в центр зала, где рядом с великолепным хрустальным фонтаном были установлены эстрада и трон, нам открылось феерическое зрелище — масштабное, грандиозное, захватывающее». Оркестр из нескольких сотен инструментов и многоголосый хор грянули «Боже, храни королеву».

За королевским семейством следовали Вильгельм и Августа Пруссие со своими детьми, а затем шли члены правительства и организационного комитета выставки. Герцог Веллингтон, недавно отметивший свое восьмидесятилетие, прибыл верхом на лошади и был встречен оглушительной овацией. «Это был величайший день в нашей истории. Самое прекрасное, самое величественное и самое трогательное зрелище из тех, что нам когда-либо приходилось видеть, и триумф моего любимого Альберта», — писала Виктория бельгийскому королю.

В этот день королевская чета впервые вышла на новый балкон Букингемского дворца. И вновь толпа разразилась восторженными криками, выражая свою радость и свою гордость. Королева ликовала: «Имя Альберта останется в веках, а злонамеренные и абсурдные слухи о разного рода опасностях, распускаемые некоторыми людьми, считающими себя ультрамодными и ультраосторожными, заглохли сами собой».

На выставке не произойдет ни одного неприятного инцидента. Французская газета «Журналь де Деба» сочтет этот факт весьма странным: «Удивительный народ эти англичане! Они всегда спокойны. Бывает, торопятся, но не сверх меры. Они сдержанны даже в проявлении восторгов! Поскольку они не любят, когда ими руководят другие, то руководят собой сами, а если кто-то нарушает общественный порядок, то первый же встречный придет на помощь полицейскому... В том же порядке,

в каком эта толпа образовалась, она потом и растаяла!»

9 июля королевская чета отправилась на бал, который давал лорд-мэр Лондона. По дороге туда и обратно вновь собиралась толпа, чтобы устроить ей очередную овацию. «Миллион народу ждал нас на улице до трех часов утра и встретил бурными проявлениями восторга», — писал Альберт Штокмару. На сей раз Виктория не спешила покидать Лондон. Каждый или почти каждый день она отправлялась в эту гигантскую оранжерею, сверкавшую под лучами летнего солнца. Там она повстречала герцога Веллингтона, которого толпа приветствовала не менее радостно, чем ее саму, а также некую Мэри Коллинак, восьмидесятипятилетнюю женщину, проделавшую пешком четыреста пятьдесят километров ради того, чтобы своими глазами увидеть огромный молот, столь послушный в работе, что при желании им можно было ковать броню линкора и бить яйца; ротационную машину, печатающую по пять тысяч экземпляров «Иллюстрейтед Лондон» в час; кровать, которая не только будит спящего на ней человека, но и отправляет его в ванну с горячей водой; пресс, чеканящий по пятьдесят миллионов медалей в неделю... Последнее чудо особенно поразило королеву.

До закрытия выставки 15 октября ее посетило шесть миллионов человек: «Такое скопление народа никогда ранее не наблюдалось ни в одном другом уголке земного шара». Впервые в общественном здании были оборудованы туалеты и установлена паровая машина для изготовления мороженого, которое тут же предлагалось всем желающим. Посетителям выставки было запрещено распивать спиртные напитки, но они могли попробовать новый лимонад с хиной, придуманный неким мистером Швеппсом, и знаменитые «gellies» — красное и зеленое фруктовое желе, которое принесет славу британскому кулинарному искусству. У Карла Маркса не нашлось времени посетить Всемирную выставку. С женой, кормилицей и пятью детьми он жил в крошечной двухкомнатной квартирке без водопровода на Дин-стрит. Дети без конца болели, денег в семье не было, а Маркс все дни напролет проводил в Британском музее, где работал над своим великим произведением «Капитал».

В эти последние месяцы всеобщей эйфории Великобритания еще раз продемонстрировала, что в промышленной области ей нет равных, но самым главным результатом Всемирной выставки стало то, что она породила, как того и желал Альберт, чувство гармонии и надежды. Социальные разногласия померкли перед радужным будущим страны и ее процветанием, которые сулило молодому поколению внедрение в жизнь

всех этих новинок науки и техники. Это был огромный успех, за который сполна воздалось Альберту. Полученную от выставки немалую прибыль он решил пустить на приобретение земельных участков в Южном Кенсингтоне как раз напротив Хрустального дворца, где со временем будут построены Музей Виктории и Альберта, Королевский Альберт-холл, здание Королевского географического общества, Музей естественной истории, Королевский музыкальный колледж, Императорский институт и Императорский научно-технический колледж. А перенесенный в южный пригород Лондона Хрустальный дворец превратится в выставочный и концертный зал, там будут проходить репетиции и выступления духовых оркестров и церковных хоров.

Год спустя народ и королевскую семью сплотит новое общее чувство — на сей раз горе, постигшее Англию в связи со смертью Веллингтона. Виктория узнала эту печальную новость в Бальморале из письма лорда Дерби, который сообщил ей, что герой Ватерлоо тихо отошел в мир иной

14 сентября 1852 года, сидя в своем любимом кресле в фамильном замке Уолмер рядом с Дувром: «Мы не можем представить себе страну без герцога, нашего бессмертного героя. У британской короны никогда не было и, боюсь, никогда не будет более верного, преданного и лояльного подданного, более надежной опоры. Для нас эта потеря невосполнима, ибо его готовность оказать нам помощь, когда мы нуждались в совете или поддержке в самых трудных ситуациях, не знала себе равных».

Тяжбы по поводу титула Альберта, в которых Веллингтон принимал самое активное участие, уже давно забылись. 1 мая 1850 года Виктория родила своего третьего сына, седьмого ребенка в семье, и его крестным отцом стал герцог. В честь Веллингтона мальчика назвали Артуром. Герцог предложил принцу стать его преемником и готов был передать ему свой чин генералиссимуса. Но Альберт, который чувствовал себя кем угодно, но только не военным, от этого великодушного предложения отказался.

Исключительная честь — королева сразу же объявила при дворе траур по Веллингтону. А его похороны состоялись через два месяца. Процессия с гробом проследовала до Челси, где его установили на гигантский постамент. Всем желающим позволили проститься с телом покойного, в последний день толпа собралась такая, что в образовавшейся давке погибли три человека.

Альберт ехал во главе траурной процессии в карете, задрапированной черной тканью. Виктория наблюдала за кортежем с балкона Букингемского дворца. Вся Англия собралась здесь, за этими гигантскими похоронными

дрогами из бронзы, которые тянула дюжина черных лошадей, запряженных по трое в ряд. Следом шли войска, отдавая герцогу последние почести, тут же собрался весь цвет британской аристократии, все эти джентльмены, узнававшие себя в ушедшем в мир иной герое.

Как истинный англичанин герцог был лишен воображения и не доверял абстрактным теориям. Но была у него и масса достоинств: упорство, самообладание, прагматизм, вера в будущее и «good fortune»^[54] Англии. Барону Штокмару, который упрекал Веллингтона в недостаточной гибкости, Альберт однажды заметил: «Возможно, вы правы, но это является лишним подтверждением того, что человеку, дабы вершить великие дела, надо иметь своего рода шоры на глазах».

На ступенях собора Святого Павла траурный кортеж ожидали высшее духовенство и представители дипломатического корпуса. В первом ряду стоял французский посол Валевский, внебрачный сын Наполеона. Он до последнего момента не знал, следует ли ему приходить сюда, но русский посол Бруннов развеял его сомнения: «Дорогой мой, если бы эта церемония была посвящена воскрешению несчастного герцога, я бы понял ваши терзания. Но поскольку речь идет о его погребении, то я не понимаю, почему вы так переживаете».

Триста тысяч задрапированных черной тканью мест для зрителей было возведено по всему маршруту следования траурной процессии. Огромная толпа численностью в полтора миллиона человек теснилась на тротуарах. При первых залпах артиллерийского салюта в честь усопшего прекратились все разговоры, мужчины обнажили головы. Моросил дождь, и в эту непогоду словно прощались друг с другом два века.

Глава 11

По коридорам Букингемского и Виндзорского дворцов Альберт не ходил, а бегал, вечно куда-то торопясь. Руки его были заняты бесчисленными меморандумами, которые он ежедневно составлял для разных министров, для архиепископа Кентерберийского, для преподавателей Кембриджского университета, канцлером которого он был избран, для Общества борьбы за улучшение условий жизни рабочего класса, которое он возглавлял, для хранителя Национальной галереи, а главное — для Гиббса, наставника Берти.

От Гиббса он тоже требовал ежедневных и самых подробных отчетов об успехах юного наследника престола. Но если умница Вики постоянно радовала отца своими достижениями, то о Берти этого никак нельзя было сказать: он не интересовался ничем кроме военной формы. Выговоры и замечания, на которые не скупился принц, не приносили желаемого результата.

Берти почему-то был уверен, что королевой должна стать его, столь одаренная от природы, старшая сестра. Гиббсу было поручено сообщить его ученику, что наследником престола является именно он. Юный принц поделился своим недоумением по этому поводу с матерью: «12 февраля 1852 года: гуляла с Берти... Шагая рядом со мной, он поверял мне то одну, то другую вещь, занимавшую его мысли... Он сказал мне, что всегда думал, что это Вики наследует после меня трон, но что теперь он знает, что кроме него самого еще Аффи, Артур и “другой брат, если он у нас появится”, будут иметь преимущество перед Вики. Я объяснила ему правила наследования престола... Он воспринял все это совершенно естественно».

Штокмар порекомендовал Гиббсу уделять больше внимания занятиям со вторым королевским сыном, Альфредом, если у него ничего не получается с первым. Но Аффи мечтал лишь о том, чтобы бороздить моря и океаны. Немецкого барона неотступно преследовала мысль, которую он считал бесспорной: что над королевой и ее сыновьями довлеет проклятие ганноверской династии. В их жилах текла дурная кровь сумасшедшего деда и распутных дядьев Виктории. Система воспитания и обучения двух принцев, разработанная Альбертом под руководством барона, была столь жесткой, что преподаватель немецкого языка в какой-то момент был вынужден довести до сведения Альберта, что его сыновья находятся на грани изнурения.

Но «работа есть работа», — только и делал, что повторял Альберт и бежал, как всегда, то на закладку первого камня в фундамент новой больницы, то на доклад о разведении скота на заседании Королевского сельскохозяйственного общества, то на встречу с хранителем архива Генри Коулом, с которым они составляли каталог всех коллекций, принадлежавших британской короне. Он приказал достать из подвалов картины и скульптуры, а из ящиков рисунки и гравюры и развешивал их по галереям разных дворцов, соблюдая строгую иерархию, методику которой сам и разработал. Он чертил планы замка, который собирался построить в Бальморале для своего многочисленного семейства, выбирал расцветку тартана^[55] для себя и для Виктории. Размышлял о том, как рассадить свое семейство, чтобы позировать художнику Винтерхальтеру. А еще он приказал снять слепки с рук и ног своих детей и разложил их по порядку на специальной кушетке, обтянутой красной тканью. Даже в Осборне он не знал отдыха. Он занимался там сооружением канализации, а в остальное время почти не выходил из своего кабинета, где разбирал депеши и отвечал на письма под ласковым взглядом одной из мадонн Рафаэля. «Я всегда видел своего отца за работой», — скажет позже Артур.

Такая активность подорвала его и без того слабое здоровье. Официальные приемы, следовавшие один за другим в период закрытия Всемирной выставки, истощили его силы. Он все еще оставался привлекательным мужчиной, но в свои тридцать три года уже начал сутулиться и лысеть. Он по-прежнему не любил поздно ложиться спать. Его мучили ревматические боли в плече, а главное — боли в желудке. Но в семь часов утра как зимой, так и летом он уже был на ногах и садился за свой письменный стол с лампой под зеленым абажуром, которую усовершенствовал с помощью некоего хитроумного механизма, чтобы она ярче светила.

Виктория вставала лишь спустя час после мужа. Ее «дорогой ангел» будил ее словами: «Es ist Zeit, steh' auf!» — что значило: «Пора, вставай!» После завтрака она находила на своем письменном столе целую кипу писем, которые он положил ей на подпись, поскольку теперь решал все он. Он лишь просил исправить в них ошибки в его английском. Он стал обязательным связующим звеном между королевой и правительством. Он внимательно изучал все доклады, к которым Виктория не проявляла никакого интереса. У него до сих пор не было титула принца-консорта. Но он был главой семьи. И на деле был королем. И все это знали.

Слабость без конца сменявших друг друга правительств занимала мысли принца в то самое время, когда во Франции произошла реставрация

монархии. «Мой горячо любимый дядюшка, я пишу вам, чтобы узнать, что вы думаете о чудесных событиях в Париже, как же все это напоминает роман или театральную пьесу», — восторженно писала Виктория 4 декабря 1851 года, на следующий день после государственного переворота во Франции. Не теряя ни минуты, Пальмерстон отправил депешу своему послу, чтобы выразить поддержку новому императору. На сей раз Альберт дал волю своему гневу и добился отставки министра. Принц не доверял этому Наполеону, который мог ввергнуть Европу в новую войну. Маленькие немецкие княжества достаточно пострадали от жестокостей его дядюшки. Неужто история вновь повторится на глазах у бессильной что-либо изменить Англии? Лорд Рассел, согласившийся наконец расстаться с Пальмерстоном, уступил свое место лорду Дерби. А этот светский лев думал лишь об одном: о том, что его лошади должны победить на дерби в Эпсоме. Он раздавал титулы и привилегии «разным денди и бездельникам в городе и на ипподроме», в то время как министр финансов Дизраэли продолжал (Альберт был в этом уверен) свой крестовый поход против свободной торговли. Помимо всех остальных забот, что одолевали его, принц вынужден был убеждать премьер-министра, который был старше его на двадцать лет, в необходимости насаждения в стране строгой морали, ведь лишь одна она была способна спасти монархию. Но вот уже и лорд Дерби потерпел поражение в палате общин, и его сменил лорд Абердин.

Благородные манеры и непринужденная речь лорда Абердина производили на всех приятное впечатление и внушали доверие королевской чете, тем более что этот «дорогой» лорд Абердин сослал непотопляемого и воинственного Пальмерстона в министерство внутренних дел. Они дали ему свое благословение на это, поскольку из России потянуло порохом. Царь Николай I больше не скрывал своих намерений воспользоваться ослаблением Османской империи. Защита «святых мест», дабы сохранить их за православной церковью, послужила предлогом для крестового похода славян.

Наполеон III имел те же притязания и приказал заменить православных греческих монахов, охранявших Гроб Господень, католическими священниками. Поддержанный другими католическими монархиями, Испанией и, главное, Австрией, желавшей, как и царь, получить контроль над придунайскими провинциями, он мечтал разрушить Священный союз, державший Францию в изоляции с 1815 года. Николай I, уверенный в том, что Англия никогда не поддержит своего извечного врага, объявил мобилизацию.

В феврале 1853 года русский морской министр князь Меншиков прибыл в Константинополь и категорически потребовал передать охрану Гроба Господня православной церкви. 23 марта французская эскадра вышла в море из Тулона. Несмотря на желание поддержать своего давнего союзника, каким был турецкий султан, англичане не спешили ввязываться в конфликт. Принц Альберт был за мир. Лорд Абердин тоже был за мир. Но на переговоры в Константинополь послали лорда Стратфорда де Редклиффа. Этот дипломат был большим другом Пальмерстона и вынашивал идею войны с Россией. Он не мог простить русскому царю, что в 1832 году тот не захотел принять его в Санкт-Петербурге в качестве английского посла, и всячески старался сорвать переговоры.

7 апреля Виктория родила в Лондоне своего восьмого ребенка — сына Леопольда. Доктор Сноу из Эдинбурга, друг доктора Кларка, дал ей хлороформ, смочив им носовой платок и положив ей его на лицо. Она одной из первых испытала на себе этот вид анестезии, открытый шесть лет назад шотландским врачом Симпсоном. Королева оценила его «успокаивающее, болеутоляющее и приятное действие». Но после родов у Виктории вновь началась депрессия, причем на сей раз более тяжелая, чем обычно. Периоды прострации чередовались у нее с приступами гнева, которые могли длиться час, а могли — целый день. Принц очень страдал от этого. Однажды Виктория фурией носилась за ним из комнаты в комнату из-за того лишь, что ей не понравилось, как он составил классификацию гравюр! И вновь, как когда-то, Альберт заперся в своем кабинете и написал ей меморандум, который по-отечески начал с обращения: «Дорогое дитя». Он упрекал ее в том, что она слишком часто без всякой причины изливала на него свою ярость. И поставил диагноз: избыточное «количество энергии» в ее организме.

Маленький Лео с рождения был слабее своих старших братьев. «Он капризный и совсем не красивый мальчик, а для матери это самая обидная вещь на свете», — сокрушалась Виктория. С первых шагов ребенка все обратили внимание на то, что он постоянно набивает себе синяки и страдает от этого больше, чем следовало бы. Оказалось, что бедняжка Лео болен гемофилией, болезнью крови, передающейся по наследству только женщинами и только детям мужского пола. Откуда могла взяться эта болезнь? «В нашем роду ее не было», — заявила королева. Порфирия, другая болезнь крови, которой страдал Георг III, не имела ничего общего с гемофилией. Целые поколения генетиков бились над этим вопросом. Некоторые из них придумывали весьма экстравагантные версии, но никто так и не смог дать удовлетворительного объяснения. Две дочери Виктории,

Алиса и Беатриса, передадут эту болезнь своим потомкам и заразят ею отпрысков монархов России, Испании, Румынии и Пруссии.

Королева мало интересовалась Лео и много — войной. К концу лета русские войска захватили Молдавию и Валахию. Виктория возмущенно писала царю по-французски: «Не буду скрывать от Вашего Величества, какое тягостное впечатление произвела на меня оккупация этих княжеств». Турция в ответ на эти действия 4 октября объявила России войну. Встревоженный Альберт писал Штокмару: «Если можете, приезжайте немедленно. Ваши советы и ваша поддержка нам крайне необходимы!» В начале ноября русский флот разбил турок при Синопе, это была настоящая бойня, в которой было истреблено четыре тысячи человек^[56], а в живых осталось лишь четыреста.

4 января 1854 года французские и английские корабли появились в Черном море. Лорд Пальмерстон поднял свой бокал: «Я хочу произнести новый тост... новый со времен Крестовых походов. Я пью за объединенные военно-морские силы Франции и Англии». Пальмерстон был согласен с лордом Стратфордом де Редклиффом в том, что врагом Англии является именно Россия. Воинственный настрой министра был с восторгом подхвачен общественным мнением. Память о тех жестокостях, что творили царские войска в Венгрии, куда прибыли в 1848 году на помощь Австрии^[57], породила у англичан сильные антирусские настроения. Да и сама Виктория была не прочь преподать хороший урок Николаю I. Она сетовала, что этот конфликт возник из-за «эгоизма и амбиций одного-единственного человека». Но правительство никак не могло прийти к общему мнению.

Абердин, поддержанный Альбертом, по-прежнему больше склонялся к переговорам: «Конечно, было бы очень приятно унизить царя, но лорд Абердин считает, что за это удовольствие пришлось бы слишком дорого заплатить, поставив под угрозу благосостояние собственной страны и ввергнув Европу в беспорядки, нищету и кровь».

Именно этот момент выбрал Пальмерстон, чтобы с громким скандалом подать в отставку с поста министра внутренних дел. Война на Ближнем Востоке не имела к этому никакого отношения. Камнем преткновения оказался проект социальной реформы, с которым он был не согласен. Но англичане, которым надоела нерешительность правительства в вопросе о войне, набросились с упреками на Альберта за то, что он несколько месяцев назад потребовал отставки Пальмерстона с поста министра иностранных дел. Против «принца-премьера», как язвительно назвала его

«Рейнолдс уикли», развернулась небывалая по своей ожесточенности кампания. Его обвиняли в узурпации власти королевы, в переписке с иностранными королевскими дворами без ведома правительства, а главное — в действиях, идущих вразрез с интересами Англии. Разве он не был немцем? А за ним разве не стоял этот вечный Штокмар, такой же немец как и он сам, проводивший в жизнь политику Берлина и Санкт-Петербурга? Королева Пруссии разве не приходилась сестрой русскому царю? А значит, Альберт, этот «агент номер один австро-бельгийско-кобургско-орлеанской клики», точно был шпионом. Клевету распространяли и дополняли разными подробностями дешевые газетенки типа «Морнинг гералд» и «Стандард», которые ничтоже сумняшеся объявили, что принц арестован за государственную измену и будет заточен в Тауэр. Народ поверил этому, и многочисленная толпа собралась поглазеть на то, как этого «предателя королевских кровей» повезут в тюрьму в сопровождении королевы, которая якобы «заявила о своем намерении последовать за мужем». 23 декабря Альберт писал Штокмару: «Политическая обстановка близка к состоянию безумия». С обратной почтой барон отправил ему меморандум из шести частей, восьми глав и четырнадцати абзацев, в котором проанализировал причины роста непопулярности короны. Свою роль в этом, бесспорно, сыграл радушный прием, оказанный представителям орлеанской династии, но на первое место Штокмар поставил действия обеих английских партий: партии тори, которая после проведения реформы избирательной системы превратилась в «сборище деградировавших элементов», и партии вигов, этих «чистейшей воды республиканцев». Не принимая во внимание английскую политическую традицию и ту борьбу, что на протяжении целого столетия вел парламент страны за ограничение королевской власти, дотошный немецкий исследователь монархий уверял королеву, что это она является «постоянным премьер-министром» своей страны, а посему имеет преимущества перед «временным главой правительства».

Выпады в их адрес глубоко ранили королевскую чету. Уязвленная Виктория писала Абердину: «Королева должна признаться, что она не ожидала, что часть ее подданных таким вот образом отблагодарит принца за его тяжкий, неустанный труд». 4 января она обратилась к премьер-министру с просьбой присвоить Альберту титул принца-консорта: «Если народ воспротивится этому, королева готова сложить с себя свои нелегкие обязанности, со всеми трудностями которых она мирилась, лишь черпая силы в своей счастливой личной жизни, и отречься от престола».

Пальмерстон отозвал свое прошение об отставке, а ярость столь непостоянного в своих пристрастиях народа угасла так же неожиданно, как

и вспыхнула. После возобновления работы парламента 31 января обе его палаты, осознававшие всю нелепость выдвинутых против принца обвинений, подтвердили, что нисколько не сомневаются в его преданности британской короне. «Положение моего любимого учителя и господина раз и навсегда упрочилось, а заслуги его были по достоинству оценены всеми партиями. Когда мы ехали в палату лордов, нас провожала огромная толпа», — писала королева незаменимому Штокмару.

28 марта 1854 года, на день позже Франции, Великобритания объявила войну России. В течение двух месяцев Альберт забрасывал Генеральный штаб своими записками: герцог Веллингтон оставил армию в плачевном состоянии, она отстала от современных требований, ее вооружение и командование не менялись со времен Ватерлоо. Армия по-прежнему состояла из воинских подразделений, которые находились в собственности лордов и формировались солдатами удачи, умевшими опустошать бутылки с пивом гораздо лучше, чем владеть оружием. «Это все что угодно, но только не армия!» — восклицал принц, который между двумя меморандумами успел обследовать казармы. Наконец войска начали грузиться на корабли. Виктория обожала военные парады и специально поднялась рано утром, чтобы посмотреть, как уходит последний батальон ее гвардейцев: «Прекрасное и волнующее зрелище». А через несколько дней в Осборне она получила прощальный привет от отбывающего на войну флота: «Человек, стоящий на вершине мачты линейного корабля “Герцог Веллингтон”, проплывавшего мимо нас, подавал нам сигналы, размахивая обеими руками».

Подобно королеве вся Англия чуть ли не со сладострастием следила за ходом военных действий. «Война у нас неправдоподобно популярна», — писала Виктория дядюшке Леопольду. 3 сентября Альберт встретился с Наполеоном III в Булони, где присутствовал на смотре французских войск. Виктория придавала такое большое значение поездке мужа, что даже отправила в отель «Брайтон», снятый принцем на полтора месяца, целую команду рисовальщиков, чтобы те запечатлели его внешнее и внутреннее убранство. Отель был обставлен заново, этим занимался хранитель движимого имущества британской короны, он со всей ответственностью подошел к выполнению своей задачи и не забыл даже про такие детали, как фаянсовые ночные горшки и биде в корпусе из красного дерева, а также наборы голландских волчков, чтобы коротать вечера за игрой в них.

Наполеон III со слишком большой для его приземистой фигуры головой и мрачным взглядом был отнюдь не красавцем, но ни женщины, ни даже мужчины не могли устоять перед шармом этого сына прекрасной

Гортензии и внука сердцеедки Жозефины. Принц, который вырос в Германии, побывавшей под пятой армии Наполеона I, все время держался с ним настороже. Французский император был жизнелюбом и жуиром. Но для Альберта он в первую очередь был узурпатором. Единственной чертой, объединявшей их, был едва заметный немецкий акцент, который у императора остался от детства, проведенного на Констанцком озере. В остальном же трудно было представить себе более непохожих друг на друга людей. Но Наполеон III, решительно настроенный завоевать симпатии принца, внимательно слушал его рассуждения. После отъезда Альберта он написал Виктории письмо, заставившее ее растаять от счастья. Он писал в нем о «совершенном во всех отношениях принце» и «человеке, обладающем исключительными достоинствами и глубочайшими познаниями». Королева раз двадцать перечитывала эти строки. Ведь в Англии ее горячо любимого мужа постоянно поливали грязью! Ну почему один лишь француз способен оценить его по заслугам?! На всю жизнь она останется верным другом Наполеону III, его супруге Евгении и их сыну.

20 сентября принесло победу на реке Альме, где отличились своей отвагой французские зуавы и Георг Кембриджский^[58]. Русские контратаковали союзников под Балаклавой^[59], но те выиграли сражение при Инкермане. Севастополь с его медными куполами и Малаховым курганом, возведенным купечеством в самом начале войны для защиты города, казалось, был уже на расстоянии пушечного выстрела. Королева, воодушевленная подвигами своего двоюродного брата, писала Августе Прусской: «Вы должны понять, как я жалею о том, что не родилась мужчиной и не могу лично принять участие в этой войне. Мое сердце обливается кровью за всех павших, но я считаю, что смерть на поле брани самая прекрасная из смертей». Когда в ноябре из-за проблем с транспортом никак не удавалось выполнить требование лорда Раглана, героя Ватерлоо, потерявшего в том сражении руку^[60], прислать ему подкрепление, она предложила использовать свою королевскую яхту. Но компания «Кунард» предоставила в распоряжение военного командования свой торговый флот.

Альберт оставался единственным человеком в британском королевстве, пытавшимся сохранить объективность по отношению к русским, Виктория же считала это совершенно неуместным: «Русские такие жестокие и дикие». Она отслеживала и с горячностью перечисляла свидетельства их варварства: «Русские не похоронили своих убитых, бросили своих раненых, это позор. Многие их раненые стреляли в наших солдат и офицеров, пытавшихся оказать им помощь».

Широкая общественность никогда бы не узнала о бездумном приказе лорда Кардигана, бросившего в мясорубку шестьсот кавалеристов самого элегантного полка королевской гвардии и спокойно отправившегося после этого спать на свою яхту, а также о неумелых действиях военного министерства и штаба английских войск в Крыму, если бы не репортажи первого в истории военного корреспондента У. Г. Рассела, которые печатала «Таймс». В своих статьях журналист писал о героизме французских солдат, закаленных в алжирских кампаниях, о фронтовом братстве зуавов, ирландских и шотландских стрелков, но также о нерешительности командиров и плачевном состоянии английских госпиталей, сильно проигрывавших по сравнению с французскими, где всем руководили католические монахи. Возмущенная такой дерзостью корреспондента королевская чета хотела привлечь его к суду или, по крайней мере, запретить ему публиковать в самой популярной газете страны материалы, порочащие их нацию.

Англичане разбили свой полевой госпиталь в солдатских казармах в Скутари, пригороде Константинополя. Он представлял собой шесть километров кроватей, тесно придвинутых одна к другой, без вентиляции, без элементарных санитарно-гигиенических условий и света, если не считать нескольких свечек, вставленных в бутылки.

4 ноября из Великобритании в Скутари отправилась некая Флоренс Найтингейл, ангел во плоти или, скорее, фанатичка. Этой молодой женщине из богатой семьи удастся сделать то, чего не смогли сделать целые поколения мужчин: министров, лордов и генералов. Она отказалась от балов и замужества ради того, чтобы выполнить свое предназначение, став медицинской сестрой. Стань она посудомойкой, это не было бы столь скандальным. Ведь от британских медсестер и санитарок того времени чаще пахло алкоголем, чем камфарой. И в массе своей это были толстые тетки, неопрятные и грубые. А Фло Найтингейл этого просто не выносила. С шести лет она делала своим куклам операции, а позже использовала каждую поездку на континент с матерью и сестрой, чтобы вывести секреты какой-нибудь хорошей больницы и познать искусство спасения человеческих жизней.

Этой осенью 1854 года она была полностью готова к выполнению своей миссии. Ей исполнился тридцать один год. К счастью, новый военный министр Сидни Герберт, с которым она была дружна, не меньше ее самой радовался ее приезду в Скутари, где свирепствовали эпидемии. Первое, что обнаружила Фло Найтингейл со своей маленькой санитарной командой, это горы нечистот, окружавшие госпиталь и распространявшие

жуткую вонь.

Несмотря на холеру, потери союзных войск были еще невелики: две тысячи шестьсот англичан и тысяча французов против пятнадцати тысяч у русских. Но 14 ноября сильнейшая буря посрывала палатки в лагере союзников и пустила ко дну двадцать один английский корабль, груженный провиантом и оружием. Начались перебои с продуктами: не хватало овощей, соленого сала и хлеба, не было даже дров, чтобы приготовить еду. Лорды Раглан и Кардиган носили связанные специально для них куртки из толстой шерсти, застегивая их на все пуговицы, а простые солдаты дрожали от холода в летнем обмундировании. Порой у них так смерзались усы, что они не могли даже рот открыть. Спасаясь от этой новой эпидемии под названием «русская зима» с ее снежными бурями и ледяным месивом под ногами, они тысячами стекались в Скутари, больные холерой, дизентерией и цингой. За три месяца этой ужасной зимней осады Севастополя в Крыму умерло около девяти тысяч англичан.

Перед отъездом из Англии Фло Найтингейл организовала сбор пожертвований среди своих лондонских друзей и набрала довольно внушительную сумму. Несмотря на враждебное отношение к ней главного врача госпиталя в Скутари, она с упрямой настойчивостью взялась за переоборудование больничных палат и кухонь, наладила снабжение госпиталя продуктами, закупила столовые приборы и организовала регулярное горячее питание пациентов. Она приказала оборудовать в казарме санузлы и ваннные комнаты, и отныне каждый больной должен был каждую неделю принимать ванну. Она реквизировала в пользу госпиталя дом какого-то турка, поставила там баки для кипячения белья, набрала в качестве прачек солдатских жен, и проблема чистого белья была решена. Она заставляла проветривать палаты и прожаривать на солнце постели больных. Ничто не ускользало от ее бдительного ока, и когда экономка, военные врачи или ее собственные санитарки заявляли: «Это невозможно сделать», она отвечала, не повышая голоса: «Но сделать это нужно». Когда она спала? Ее персонал не знал этого. Между двумя или тремя обходами, которые она совершала каждую ночь, она писала книгу о Боге и вела обширную переписку с военным министерством, щедрыми благотворителями, родственниками и друзьями пациентов.

Она прекрасно знала, что хорошее моральное состояние больного является залогом его быстрого выздоровления. Так, с помощью шутки она отвлекала лежащих на операционном столе и одним лишь своим присутствием спасала тех, чье состояние казалось безнадежным. Она открыла читальный зал и устраивала там лекции. И свершилось чудо:

количество смертей с сорока двух на сотню сократилось до двадцати двух на тысячу.

Мужчины прекращали сквернословить и «целовали ее тень, когда она проходила мимо». А она пользовалась их расположением, чтобы стать их банкиром и не дать им пропить все их жалованье. Виктория, вязавшая вместе с дочерьми и фрейлинами шарфы и перчатки для солдат, высоко оценила ее заслуги и даже позавидовала тому, что она приносит такую пользу: «Я хочу, чтобы мисс Найтингейл и ее помощницы довели до наших несчастных героических раненых и больных, что никто не принимает такого горячего участия в их судьбе, не разделяет их страданий, не восхищается их мужеством и их благородством так, как их королева. День и ночь она думает о своих любимых воинах. И принц тоже». Это письмо читали вслух во всех палатах госпиталя, и слушатели были тронуты до слез.

Но сотворенного ею чуда в Скутари было мало этой святой женщине с ее золотым сердцем и неиссякаемой энергией, и она отправилась в инспекционную поездку по другим английским госпиталям в Крыму: «Путешествие оказалось крайне тяжелым и проходило в жутких бытовых условиях. Целые дни напролет ей приходилось трястись в седле или багажном фургоне по каменистому и пустынному плато. Порой по несколько часов она шла под снегом, падающим тяжелыми хлопьями, и лишь глубокой ночью добиралась до своего барака, проделав множество километров пешком по опасным оврагам... Она подхватила лихорадку и в какой-то момент сама оказалась на грани жизни и смерти. Но все равно продолжала работать. Даже если она не могла подняться с кровати, то могла писать и писала до тех пор, пока рассудок не отказывался слушаться ее... Когда по прошествии нескольких недель она достаточно окрепла, чтобы вынести путешествие, ее попытались уговорить вернуться в Англию, но она наотрез отказалась. Она вернется домой, заявила Фло, только после того, как последний солдат покинет Скутари».

Севастополь все не сдавался. Осажденные в городе моряки, солдаты, рабочие, горожане, в том числе и выпущенные из тюрем преступники, объединившись под командованием адмирала Корнилова^[61] и получив благословение своих священников, днем и ночью держали оборону. По всему внешнему периметру города были возведены защитные сооружения: Карантинный, Центральный и Южный бастионы, Большой и Малый реданы, позиции Казарменной и Верхней батарей, Малахов курган, который постоянно укреплялся... Осада затягивалась. В Лондоне лорда Рассела, неспособного вести победоносную войну, в конце концов

заменяли на Пальмерстона.

Помимо Скутари Крымская война совершила еще одно чудо — примирение королевской четы со стариком «Пэмом»: «Мы с Альбертом пришли к мнению, что из всех премьер-министров лорд Пальмерстон доставляет нам меньше всего неприятностей. Ему опасно было доверять министерство иностранных дел, но сейчас, когда оно находится под руководством опытного, рассудительного и объективного человека (лорда Кларендона), а он (лорд Пальмерстон) отвечает за все сразу, дела пошли совсем по-другому».

Став премьер-министром, Пальмерстон тоже вдруг обнаружил, что и у принца есть масса достоинств. По просьбе Виктории он приглашал Альберта на заседания кабинета министров, посвященные ведению военных операций. Положение на фронте казалось таким безнадежным, что Наполеон III решил лично отправиться в Крым. Но разве можно было позволить французскому императору присвоить себе их общую победу?! «Мы этого не переживем!» — воскликнула королева. Альберта же беспокоило еще и то, что Наполеон может сложить там голову, угодив под обстрел: «Император был душой партии войны, и если с ним вдруг случится несчастье, мы вероятнее всего окажемся перед необходимостью в одиночку продолжать войну, в которую нас втянули». Пальмерстон посоветовал Виктории пригласить французского императора к себе в Виндзор, чтобы убедить его отказаться от этого нового предприятия в чисто наполеоновском духе.

16 апреля 1855 года «Прекрасная Гортензия» причалила в Дувре в таком густом тумане, что с трудом можно было разглядеть красную ковровую дорожку, по которой Альберт шел навстречу гостям, его золотые эполеты подрагивали в такт его шагам. Британская корона с неожиданной роскошью принимала племянника и преемника своего смертельного врага.

В Лондоне оркестр встречал его слащавым романсом «Отправляясь в Сирию», написанным королевой Гортензией. К концу визита император, который будет слушать его по десять раз на дню, при его звуках начнет испытывать тошноту.

Но в день приезда Наполеон III был в полном восторге. Императорский кортеж ехал по городу, украшенному в его честь флагами, в котором еще семь лет назад он жил в качестве изгнанника. С радостной улыбкой он показал Евгении свой дом на Кинг-стрит. Он любил Англию, где нашел приют, когда его изгнали с родины, и где он встретил свою великую любовь — мисс Говард, одну из самых богатых дам полусвета, которая последовала за ним в Париж, продав свои замки и драгоценности,

чтобы профинансировать устроенный им государственный переворот. Толпа столь восторженно приветствовала их на протяжении всего пути следования, что королевский поезд добрался в Виндзор лишь к концу дня, хотя прицеплен он был к новому локомотиву, получившему название «Альма».

Королева, ужасно волнуясь, ждала их у подножия парадной лестницы дворца. Накануне вместе с принцем и своими семью детьми она с восхищением осматривала четырнадцать великолепных лошадей, присланных императором, и была приятно удивлена, узнав, что старшим конюхом при них состоит англичанин, а один из грумов — немец. Этим утром она в последний раз осмотрела огромную кровать, на которой несколько лет назад почивал их нынешний противник — русский царь Николай I. Ее покрыли зеленым атласным покрывалом с вышитыми на нем инициалами императорской четы и наполеоновским орлом, занавесили новым фиолетовым пологом и увенчали плюмажем. Виктория никак не могла поверить в происходящее: «Я не могу передать, какое неопишуемое волнение охватило меня, мне казалось, что все это происходит в чудесном сне. Вот я подошла к императору, он поцеловал мне руку, а я расцеловала его в обе щеки. Потом я поцеловала грациозную, милую и, по всей видимости, сильно нервничавшую императрицу. Мы представили им принцев и детей. Вики делала глубокие реверансы, вращая круглыми от испуга глазами. Император обнял Берти, и мы стали подниматься вверх по лестнице. Поддерживая меня под руку, он говорил мне о том, как счастлив быть здесь, видеть меня, любоваться Виндзором».

Какой сюрприз! Оказалось, что Наполеон III вовсе не чудовище, которого она так боялась, а в Евгении нет ничего от той «роковой женщины», какую рисовал ей в своих посланиях английский посол во Франции лорд Коули. Она была очаровательной женщиной, простой в обращении и весьма изобретательной. Из-за тумана французский корабль «Буревестник», который должен был доставить ее многочисленный багаж, не смог пристать к берегу. Из-за этого она лишилась и своего парикмахера. Сидя в пеньюаре в отведенных ей покоях, она едва сдерживала слезы, и Наполеон посоветовал ей не спускаться к ужину, сославшись на то, что она очень устала в дороге. Но одна из ее придворных дам предложила ей свое серое в розочку платье с кринолином, отделанное черным кружевом. А в своей комнате Евгения обнаружила вазу с букетом хризантем. Она срезала у цветов головки и украсила ими и свое платье, и волнистые рыжие волосы. Виктория, в канареечно-желтом платье и самых крупных своих бриллиантах, пришла в восхищение от этого французского изыска и

взяла на вооружение понравившийся ей прием: впредь она не раз будет усыпать свои туалеты красными цветами, что будет выглядеть скорее безвкусно, чем привлекательно.

Во время ужина император своим чарующим голосом говорил ей о том восхищении, что он испытал восемнадцать лет назад, наблюдая за «юной особой», которая впервые в своей жизни открывала парламентскую сессию. А еще он заплатил когда-то 40 фунтов стерлингов за билет в театр, чтобы увидеть ее там. А в 1848 году во время чартистских волнений он пошел в добровольные помощники полиции для оказания отпора манифестантам. У него были ласковая улыбка и лихо топорщившиеся усы. Она просто млела, когда он смотрел на нее своим томным взглядом так, словно хотел, чтобы она пала в его объятия: «В нем есть какое-то очарование, какие-то меланхоличность и притягательность, которые привлекают вас, какие бы предубеждения вы ни имели против него... Мне ужасно нравится его лицо». Как, видимо, нравился и сам Наполеон, который наверняка с удвоенным рвением каждое утро завивал и напмаживал свои усы.

Каждый новый день был сплошной чередой чудесных открытий: «Он прекрасно ездит верхом... Он замечательно танцует». А Альберт был очарован живой и непосредственной Евгенией, чьи точеные плечи, которыми восхищалась вся Европа, словно выныривали из пены белоснежного кружева. «Я счастлива видеть его столь восхищенным. Он столь редко бывает таким с женщинами», — отмечала Виктория без малейших признаков ревности. После торжественного ужина в галерее Ватерлоо, дипломатично переименованной на время в Художественную галерею, обе пары с жаром состязались в кадрилях и вальсах.

Французский монарх и его супруга привезли множество подарков детям королевы. Императрица с удовольствием играла с ними, брала их на руки, целовала. Император, смеясь, заявил королеве, что он ревнует свою супругу к Артуру, который покорило ее сердце. Наедине Евгения пожаловалась Виктории, что недавно у нее случился выкидыш. Та посоветовала ей проконсультироваться с известным лондонским гинекологом.

Наполеон III побывал на образцовой ферме Альберта и с таким интересом слушал пояснения принца, что тот, развеселившись, шутливо воскликнул по поводу этого пребывания в Виндзоре одного из Бонапартов: «Мне следовало бы присмотреть за склепом в церкви Святого Георгия, дабы Георг III не перевернулся в своем гробу!»

А внука этого заклятого врага Наполеона I никогда и ни с кем из

своих официальных гостей не чувствовала себя столь комфортно: «В императоре столь мало от французов, сколь это вообще возможно. У него в характере гораздо больше от немцев». Во время военного парада на голубом небе ярко светило весеннее солнце. Евгения села в большой фаэтон вместе с Викторией и ее детьми: Вики, Берти и Артуром. Наполеон гарцевал рядом на своем роскошном рыжем жеребце, В промежутке меж двух очередей барабанной дроби он подъехал к королеве, чтобы похвалить выправку ее гвардейцев. Виктория, дрожавшая при мысли о возможном покушении, беспокойно следила уголком глаза за толпой, плотной и возбужденной.

Наполеон III обладал «таким тактом, таким достоинством, был так щедр на знаки внимания, никогда не говорил и не делал ничего такого, что могло бы быть мне неприятным», что во время одного концерта королева рискнула-таки спросить у него, действительно ли в 1853 году у него было намерение завоевать Англию. «Бог мой, как можно было поверить в это!» — воскликнул император. Она ответила, что ее королевство живет в постоянном страхе из-за возможной высадки французов на их берег. И принялась уговаривать его отказаться от идеи отправиться в Крым, но Наполеон ничего не стал ей обещать. Он был уверен, что мощного штурма при умелом командовании было бы достаточно, чтобы прорвать оборону Севастополя.

Как и Луи Филипп десять лет назад, он был удостоен ордена Подвязки. Когда он вошел в тронный зал между Альбертом и герцогом Кембриджским, то смотрелся не слишком авантажно в своих панталонах и шелковых чулках. Принц обвязал голубой лентой ляжку императора, который поставил ногу на специальную подушечку, чтобы королева смогла затянуть на ленте узел. «Как обычно, она сделала это несколько неловко, дабы показать, как мало знакома с этим мужским украшением», — язвительно заметил лорд Кларендон. Счастливый Наполеон III прошептал Виктории: «Это еще одна ниточка, связавшая нас. Я дал клятву верности Вашему Величеству и буду свято исполнять ее». Таков был реванш, взятый бывшим узником форта Ам, который бежал оттуда и во время своего последнего пребывания в Лондоне хотя и был обласкан высшим обществом и пользовался благосклонным отношением к себе правительства, но ни разу не был допущен ко двору. «Наконец-то я стал джентльменом!» — воскликнул он, выходя из дверей тронного зала.

Следующую ночь они провели в Букингемском дворце. После роскошного обеда, устроенного лордом-мэром Лондона, вечера в Опере, где давали «Фиделио»^[62] и в последний раз исполнили «Отправляясь в

Сирию», наступило время прощаться. «Отъезд сопровождался долгими объятиями и потоками слез. Когда дверца кареты наконец захлопнулась, и, казалось, что все закончилось, император вдруг сам распахнул вновь дверцу, соскочил на землю, прижал Викторину к своей груди и расцеловал ее в обе щеки, едва сдерживая слезы», — писал Дизраэли. Праздник закончился. Двор опять погрузился в привычную атмосферу гнетущей тоски. В Виндзорском дворце больше не слышали смеха придворных дам, которые переодевались, не закрывая дверей своих комнат и перекликаясь друг с другом. Принц был вынужден признать, что двор Наполеона, состоящий из всех этих Неев, Мюратов и других генералов и «нуворишей» Первой империи, был «в полном порядке», правда, он не преминул заметить, что «все эти джентльмены не отличались благородством ни происхождения, ни манер, ни воспитания».

Виктория нашла этот визит похожим на сон — «блестящий, замечательный, приятный сон». Все прошло без единой фальшивой ноты. «Он вполне может быть сыном настоящего короля»^[63], — заключила королева, окончательно околдованная Наполеоном III. Накануне своего отъезда император представил ей барона Османна, и префект департамента Сены поинтересовался у королевы, может ли он надеяться на ее ответный визит в Париж. Перед самым отправлением императрица, вся в слезах, воскликнула, садясь в карету: «Обещайте, что вы приедете к нам, это хоть как-то скрасит наше расставание!» Виктория уже давно мечтала об этом. В свете все только и говорили, что о прелестях парижской жизни. И вот у нее появился прекрасный повод отправиться туда: «Пока Наполеон остается ее другом, Франция будет другом Англии».

Война еще не закончилась. А между тем их злейший враг Николай I неожиданно умер от воспаления легких. В Лондоне, перед тем как поднять занавес, директора театров зачитывали публике депешу с сообщением о смерти «врага рода человеческого». Зрители аплодировали, требовали «Боже, храни королеву» и пели вместе с актерами. Сын русского царя милейший Александр II, лихо отплясывавший когда-то с королевой мазурку, не был расположен к дальнейшему ведению военных действий. Но на смертном одре его отец яростно вскричал: «Тебе все продолжать!» — и надежды на переговоры развеялись, чему способствовала и непреклонность Вены.

А благородные лорды устраивали бесконечные инспекционные поездки в район военных действий, исправно докладывали о плачевных результатах, но не могли переломить ход событий. Все больше и больше англичан выражало недовольство ведением военных операций и

беспорядком в британской армии. Альберт писал меморандум за меморандумом.

Принц не смог настоять на создании иностранного батальона, но у него появилась идея учредить новую награду — «Victoria Cross»^[64]. В сиреневом платье, зеленой шали и белой головной накидке Виктория впервые раздавала ее солдатам, вереницей двигавшимся перед ней на костылях и в инвалидных колясках: «Многие солдаты улыбались, но кое-кто едва осмеливался поднять на меня глаза... Все они жали мне руку. Это было впервые в истории, когда простые солдаты пожимали руку своему монарху... Я горжусь, горжусь этим рукопожатием, связавшим простого солдата, прославившегося своей отвагой, с его королевой». Некоторые из награжденных отказывались отдавать свою медаль, чтобы на ней выгравировали их имя и дату ее вручения. Они предпочитали сохранить ее в таком вот виде, со следами прикосновения королевы. Война сделала Викторию как никогда популярной: «Кажется, что все поверили в меня. Кроме меня самой».

В июне королевская чета открыла для себя композитора, чья музыка была словно навеяна грохотом орудий. Изгнанный из Баварии из-за ссоры с королем и освистанный затем в Париже Вагнер, как многие другие революционеры, нашел приют в Лондоне. Королева с принцем побывали на одном из его концертов и первыми зааплодировали сразу после увертюры «Тангейзера», подав пример всем остальным. В антракте композитор зашел в их ложу, чтобы выразить им свое почтение. Несмотря на опубликованный им недавно антисемитский памфлет, направленный против их с Альбертом любимых композиторов Мендельсона и Мейербаха, королева предложила ему переработать некоторые из его произведений, в частности оперу «Лоэнгрин», для постановки их в театре «Ковент-Гарден», где до сих пор традиционно

ставились лишь итальянские оперы. Делалось это для того, чтобы артисты этого королевского театра, по большей части немцы по национальности, могли петь на его сцене на своем родном языке. После этой встречи Вагнер признался своей первой жене Минне, что королевская чета была с ним «любезной и приветливой», но что Виктория оказалась «очень маленького роста и далеко не красавицей со своим безобразно красным носом».

Наполеон с присущей ему галантностью прислал ей приглашение на Всемирную выставку в Париже. Альберт и Виктория решили взять с собой лишь двоих старших детей, Вики и Берти. «Стайка “bambinos”»^[65]

смотрелась бы смешно и дала бы повод для шуток в адрес английского королевского семейства», — объяснял в своей записке шеф британской дипломатии лорд Кларендон, которому была прекрасно известна галльская бесцеремонность.

16 августа французские войска обратили в бегство шестьдесят тысяч русских солдат, прибывших на помощь защитникам Севастополя^[66]. Спустя два дня Наполеон III, не менее гордый, чем его дядя после Аустерлица, встречал в Булони яхту «Виктория и Альберт». Погода стояла по-летнему теплая, и такой же теплой была их встреча после разлуки: император и королева расцеловали друг друга в обе щеки. Все это происходило в День святой Елены, но никто не усмотрел в этом никакого лукавства. Виктория привезла императору подборку сделанных в Крыму фотографий, это были первые в истории военные снимки. Их автор, Роджер Фэнтон, стал создателем Лондонского фотографического общества, получив на то благословение королевы и принца.

Уже в сумерках королевский поезд прибыл на Восточный вокзал, ярко освещенный и украшенный, словно театр, гигантскими портьерами красного бархата с золотой бахромой. Желая поразить своих гостей, Наполеон устроил настоящий спектакль прямо на улицах перекопанной столицы, которую перестраивали по проекту барона Османна. На новых бульварах, увешанных знаменами, флагами и бумажными флажками, были установлены статуи, олицетворявшие Цивилизацию, Индустрию, Согласие и Справедливость, позолоченные орлы чередовались там с помпезными арками из искусственного мрамора, увитыми гирляндами.

Ярко-зеленая лакированная коляска с красным верхом пересекала площадь Согласия, поднялась по Елисейским Полям, проехала под Триумфальной аркой и направилась к Булонскому лесу. Факелы, приветственные крики толпы, шестьдесят тысяч солдат республиканской гвардии, расставленных на всем пути следования королевы, потрясли ее. «Восторгов было столько, что даже Наполеону I вряд ли оказывали такой прием, когда он возвращался из своих походов», — писала она дяде Леопольду.

В таком же экстазе бегала она по своим апартаментам в Сен-Клу, которые когда-то занимала Мария Антуанетта. Стены там были перекрашены в белый и золотой тона, а спальня Виктории обставлена так же, как в Букингемском дворце. Декораторы недрогнувшей рукой отпилили ножки у письменного столика, предназначенного для королевы, чтобы он был ей по росту. Евгения, приехавшая посмотреть, как идет подготовка к приему гостей, разрыдалась при виде такого ущерба. Но зато Виктория

чувствовала себя так, словно была у себя дома. Ей не хватало лишь ее комнатной собачки. Но спустя три дня, вернувшись в свои покои, она услышала ее тявканье. Император, настоящий волшебник, отправил за ней в Англию своего человека.

Под руку с Наполеоном III Виктория осматривала экспонаты Всемирной выставки, обедала в большом Трианоне и инкогнито совершала прогулки в коляске, спрятав лицо под новой парижской шляпкой. Евгения, которая наконец забеременела, старалась не переутомляться и почти никуда не выходила. Желудок Альберта плохо переносил изысканную французскую кухню, но королева, несмотря на сильную жару, не зная усталости, не хотела ничего упустить из этого спектакля. «Я никогда не видел, чтобы у королевской особы было столько энергии», — вздыхал в Лувре лорд Кларендон, потный и уставший бегать за ней из зала в зал. Вечером она посетила Комическую оперу, где давали «приличную комедию без всяких двусмысленностей, на которую можно было повести детей», как она и просила лорда Кларендона. Они попали на спектакль «Гайде, или Секрет», совместное творение двух приятелей, Обера и Скриба, постоянных авторов театра Комической оперы. Кровь на сцене лилась рекой, а декорации второго акта, в виде парусника, бороздящего воды Венеции, вот уже семь лет привлекали толпы зрителей.

В Опере королева аплодировала божественной Розати, танцевавшей в балете, поставленном знаменитым Мариусом Петипа, который в тридцать семь лет и сам был занят в своем спектакле^[67]. Ненасытная Виктория хотела также посмотреть какую-нибудь легкомысленную пьеску из тех, что ставили театры на парижских бульварах. В Сен-Клу пригласили труппу «Гимназии» показать гостям гвоздь сезона под названием «Юноша из хорошей семьи». В дворцовом парке стояли в карауле гвардейцы Второй империи. В свободное от визитов и аплодисментов время королева рисовала в своем дневнике их униформу, любовь к которой Бerti унаследовал именно от нее.

На балу в городской ратуше дамы в кринолинах и кавалеры во фраках поднимались и спускались по величественной мраморной лестнице, которую барон Османн заказал Балтару в честь ее визита. А во время бала в Тюильри дворец освещался таким количеством факелов и свечей, что Виктории показалось, что он вот-вот вспыхнет. Она забыла о своих мигренях, которые постоянно мучили ее в Лондоне летом. 23-го числа она писала дядюшке Леопольду: «Я счастлива, восхищена и очарована, и мне кажется, что я никогда не видела ничего прекраснее и веселее Парижа».

На следующий день она вместе с Альбертом должна была

присутствовать на смотре курсантов Военной школы в Сен-Сире, и Наполеон приготовил ей новый сюрприз. Королева увидела, что французские кивера украшены краснобелыми султанами, такими же, какие носили офицеры ее королевской гвардии. Курсанты Сен-Сира уже окрестили свой новый головной убор «казуаром» по аналогии с той удивительной птицей, которую недавно завезли в Ботанический сад. Растроганная подобной «галантностью», Виктория выразила желание поклониться могиле великого Наполеона.

В декабре 1840 года Луи Филипп приказал перевезти останки императора в Париж. Поскольку строительство усыпальницы в Доме Инвалидов еще не было завершено, гроб с его прахом, накрытый бархатным покрывалом фиолетового цвета, расшитым золотыми пчелками, был выставлен в боковом приделе церкви вместе со шляпой Наполеона, в которой он был при Эйлау, его шпагой, которая была с ним под Аустерлицем, и орденом Почетного легиона. «Я стояла там, перед гробом нашего злейшего врага, опираясь на руку его племянника Наполеона III, я, внука короля, который так ненавидел его. И этот племянник стал самым верным моим союзником». Королевская семья застыла в молчании под увлажнившимися взглядами наполеоновских солдат Первой империи, державших в руках факелы. Виктория опустила руку на плечо Берти: «Преклони колено перед останками великого Наполеона».

И тут разразилась гроза. Вспышки молний пробежали по поднятым с факелами рукам и усам старых солдат, а раскаты грома, устрашающе отзывавшиеся под сводами церкви, сливались со звуками органа, исполнявшего «Боже, храни королеву». Берти весь дрожал. «Можно было подумать, что эта дань уважения нашему великому противнику уничтожила бывшее соперничество и что небо скрепило новую дружбу, связавшую отныне две великие нации! Да благословит ее Господь на долгие годы!» — записала Виктория тем же вечером.

С той поры Франция навек вошла в ее сердце. А вскоре настанет очередь Берти проникнуться безумной страстью к Парижу. В один из дней Наполеон «похитил» его, чтобы прокатить в своей коляске по улице Риволи. Они вместе прохаживались по террасам Тюильрийского дворца. Опьяненный этой свободой и этим весельем, которые были недоступны ему в Лондоне, юный принц пожирал глазами императора, попыхивавшего сигарой, тот был таким «бонвиваном», совершенно не похожим на его отца: «У вас очень красивая страна. Жаль, что я не ваш сын». А Вики не сводила глаз с императрицы, которую находила очаровательнейшей из женщин. В последний день она, вторя Берти, воскликнула: «О, как бы мы

хотели остаться здесь!» — «Это никак невозможно, — нежно увещевала их Евгения, — вашим родителям будет очень не хватать вас». — «Не хватать нас! Да у них есть еще шестеро детей».

Под палящими лучами почти тропического солнца они с большой помпой проехали через Париж до вокзала. В Булони сорок тысяч солдат маршировали вдоль берега моря. «Мы объехали их ряды. Целый лес штыков на фоне спокойного синего моря в алых лучах заходящего солнца производил грандиозное впечатление. Они умеют ходить строем, эти французские солдаты, они идут не такими тесными рядами, как наши, но прекрасно держат ногу». Последний ужин в гостинице «Императорский павильон» на набережной Булони был грустным. «Ах, как бы мне хотелось стоять в самой гуще толпы и кричать: “Да здравствует император!”» — вздохнула Вики. Королевская лодка доставила английскую государыню на ее яхту как раз в тот момент, когда в небе погас последний фейерверк. Оставшийся на берегу Наполеон прокричал ей:

«До свидания, сударыня, до скорой встречи!»

«Я очень надеюсь на это!» — по-французски прокричала в ответ королева, старательно выговаривая слова.

«Устроенный для нас великолепный праздник в Версале я просто не в состоянии описать! Это было что-то невообразимое!» — записала она в свой дневник, едва успели поднять якорь. Во время этого последнего бала дворец Людовика XIV словно вновь перенесся в эпоху «короля-солнца»: сотни фонариков освещали Зеркальную галерею, каскады и рощицы — творение Ле Нотра^[68]. В десять часов вечера небо над Швейцарским бассейном озарилось огнями салюта. Последний залп выбросил сноп ослепительных искр, которые выстроились в виде башни Виндзорского дворца. Пока Альберт в черном мундире королевских стрелков танцевал с воздушной Евгенией, Виктория в белом платье, расшитом серебром, с лентой ордена Подвязки через плечо и «Кохинором» в волосах беседовала с прусским послом, красавцем-мужчиной, которому, впрочем, никогда не удастся соблазнить ее — Бисмарком.

«В императора я по-настоящему влюбилась. Он непостижимым образом умеет покорять всех, кто к нему приближается», — написала она Штокмару. Что вызвало раздражение не только у немецкого барона, но и у Альберта. На протяжении всей поездки принц скептически слушал разговоры о великих замыслах Наполеона III и с опаской взирал на назойливую демонстрацию могущества Французской империи. Штокмар и Альберт мечтали не о «сердечном согласии» с Францией, а о союзе с Пруссией. С сильной и либеральной Пруссией, которая сумела бы

объединить под своим крылом реакционные немецкие княжества, явила бы им пример демократии, построив образцовое государство с конституционной формой правления в противовес деспотизму и милитаризму Наполеона III.

В одном из своих писем к Виктории принцесса Августа Прусская с беспокойством поинтересовалась: «Правда ли, что английским офицерам было приказано стереть название “Ватерлоо” с их наград?» Королева немедленно отписала ответ: «Конечно, нет. Это название на месте. И останется там. Но мы очень надеемся, что вскоре сможем добавить к нему название “Севастополь”».

Глава 12

Все время визита королевской семьи во Францию в Крыму не прекращались бомбардировки, и в начале сентября оборона Севастополя была наконец сломлена. Королева узнала эту новость через два дня после приезда в Бальморал. Зуавы Мак-Магона отличились при взятии Малахова кургана, по сигналу горна они начали приступ и ловко вскарабкались по насыпи до башни, которую с ходу захватили, тогда как англичанам оказались не по зубам укрепления Большого редана, и их войска вынуждены были отступить. «Каковы ваши дальнейшие действия?» — с этим вопросом генерал Симпсон отправил гонца к Мак-Магону. «Я здесь, и здесь остаюсь», — ответил тот. «Таймс» в который уже раз писала о беспомощности английского командования. «Все это ужасно неприятно», — переживала Виктория. Тем более что английские потери были весьма ощутимыми.

В Париже праздновали победу с большим размахом, Наполеон III прекрасно умел это делать. В Англии этот день объявили нерабочим. Десять тысяч залпов салюта взорвали лондонское небо и пролились на землю золотым дождем под аплодисменты толпы. В Бальморале на вершине горы Крэг Гоуан Альберт лично разжег огромный костер, дрова для которого были заготовлены еще год назад и наконец дождались своего часа. Принц приказал разбудить детей и пригласил все окрестное население потанцевать, попеть и выпить виски. Он был чуть ли не единственным человеком в Англии, выступавшим за подписание мирного договора. Его позиция была столь же крепка, сколь крепка была оборона Севастополя. За время Крымской войны он написал целых пятьдесят томов по восточному вопросу.

Виктория же предпочла бы продолжить войну, дабы Англия смогла бы преподать хороший урок России. «Нельзя не признать, что новая военная кампания могла бы послужить реабилитации оружия Вашего Величества и позволила бы Англии навязать России свои условия мира», — писал лорд Кларендон. Пальмерстон всецело разделял его точку зрения и скрепя сердце согласился на мирные переговоры. Наполеон III заявил, что, несмотря на стремление французов к миру, готов продолжить войну, но при одном-единственном условии: это будет революционная война против Австрии и России, имеющая целью освобождение Польши. Английское правительство такой вариант не устраивал. И 30 марта 1856 года в Париже

пером орла из Ботанического сада был подписан мирный договор. Эта первая победа загладила позор 1815 года и пробудила у императора аппетит к ратной славе.

С достоинством перенесшая свое поражение Виктория поздравила его, но в письмах главным образом интересовалась состоянием здоровья новорожденного наследника императора и родами бедняжки Евгении, «по слухам, прошедшими очень тяжело». К тому же в этот момент собственные семейные дела отвлекли мысли королевы от войны.

Пока Париж ликовал, королевские дворы Лондона и Берлина размышляли над тем, когда будет уместнее официально объявить о помолвке Вики и наследника прусского престола. Это был первый из тех великих брачных союзов, что сделают Викторию бабушкой всей Европы. Идея этого брака исходила от Альберта, но подсказал ее принцу, естественно, Штокмар. Придет день, когда Фриц взойдет на прусский престол. Женившись на Вики, он ближе познакомится с достоинствами британской конституционной монархии. Принц с бароном Штокмаром уже видели Германию единым протестантским государством, сплотившимся вокруг Пруссии, либеральным и открытым для прогрессивных перемен. В союзе с Англией Германия вырвет Европу из лап русского варварства и французской фривольности.

Четырнадцать лет назад дальновидный принц пригласил прусского короля на крестины Берти и попросил его стать крестным отцом ребенка. По этому случаю обе королевские четы проехали в карете через Лондон на открытие парламентской сессии. С тех пор они поддерживали тесную связь и регулярно обменивались визитами. В 1851 году Вильгельм и Августа Пруссие были почетными гостями Всемирной выставки в Лондоне, и их сын, юный Фриц, сопровождал Вики во время осмотра технических диковинок. Ей было тогда десять лет, а ему — двадцать.

Фриц приехал в Бальморал в сентябре 1855 года, спустя несколько дней после падения Севастополя. Он был милейшим молодым человеком с ласковым взглядом голубых глаз и пшеничными усами. В первый же день он подстрелил на охоте оленя. Но королева журила его за то, что он никак не мог разобраться в правилах самой простой карточной игры — в очко.

Сооружение нового замка в Бальморале продвигалось не без проблем, нарушая все планы принца. Башня была возведена лишь наполовину, а кухонные плиты все еще стояли в старом доме. Из-за активной эмиграции шотландцев на золотые прииски в Австралию с трудом удалось набрать на стройку две тысячи рабочих. Множество раз они объявляли забастовки, требуя повышения заработной платы, «что теперь чуть ли не в моду вошло

по всей стране», — писал Альберт Штокмару. Деревянные бараки, в которых жили рабочие, сгорели, и Виктории пришлось строить их заново за свой счет. Принц пожелал лично сделать эскизы аллей и лужаек и выбрать сорта растений для сада и розария, чтобы они были в цвету и в сентябре, который королевская семья проводила в Бальморале. Он обожал заниматься садоводством, считая его одним из видов «творческой деятельности».

Возведенный из местного серого песчаника замок между тем не был похож на традиционные шотландские постройки. Его бальный зал был выдержан в готическом баварском стиле, и местные жители прозвали его «schloss^[69] Альберта». Шторы и ковры в нем были из тартана зелено-желто-голубой расцветки, диваны обиты ситцем, спальня королевы оклеена голубыми обоями в лилиях, а в коридорах развешано множество оленьих голов. В нише вестибюля была установлена статуя самого Альберта в килте в натуральную величину. После своего первого посещения этого замка лорд Роузбери, который станет премьер-министром королевы в последние годы ее жизни, воскликнул: «Я считал, что в мире нет ничего уродливее Осборна, но только до того дня, пока не увидел Бальморал!» Виктория же полностью полагалась на вкус своего «горячо любимого ангела». Англия будет в буквальном смысле слова обезображена этой архитектурной мешаниной из готики и народных традиций, почерпнутых из немецкого фольклора и преданий о рыцарях Круглого стола.

Через шесть дней после своего приезда Фриц, заканчивая завтрак, решил заговорить с королевой и принцем о деле, которое привело его к ним. На несколько мгновений он словно потерял дар речи, ни один звук не мог сорваться с его губ, но затем он взял себя в руки и завел разговор о «бесконечно дорогом его сердцу предмете и своем желании стать с ними одной семьей». Королева так разволновалась, что вместо ответа смогла лишь пожать его руку. Но Вики было всего четырнадцать лет, и родители не собирались немедленно выдавать ее замуж. Было решено, что Фриц официально попросит ее руки на Пасху, после ее конфирмации.

Альберт поспешил отправить Штокмару победную реляцию: «Интересующее вас событие вступило в решающую фазу сразу после завтрака». Он поставил об этом в известность и министра иностранных дел лорда Кларендона: «Считаю необходимым сообщить вам по секрету, что принц Фридрих Вильгельм попросил у нас руки Ее Высочества и сделал это с согласия своих родителей и прусского короля. Мы, со своей стороны, ответили согласием на его просьбу, но выдвинули условие, что наша дочь ничего не должна знать об этом до своей конфирмации... Королева уполномочила меня сообщить вам, что вы можете передать эту новость

лорду Пальмерстону, но, учитывая нынешние обстоятельства, просим вас сделать это в абсолютной тайне от остальных. Что касается неизбежных разговоров в свете, то от нас тут ничего не зависит». Этой ночью Виктория почти не сомкнула глаз, с беспокойством думая о чувствах своей дочери. Но уже на следующий день она писала дяде Леопольду: «Что нас радует, так это то, что он действительно без ума от Вики». Новость удалось удержать в секрете едва ли неделю. 25 сентября королева разрешила Фрицу подарить будущей невесте браслет: «Мы также сказали ему, что следует поговорить с Вики и что именно он должен это сделать».

Растроганная этой зарождающейся любовью королева дала молодым людям возможность поговорить с глазу на глаз. 29-го числа королевская семья отправилась на прогулку верхом на пони на гору Крэг-на-Бан. Фриц и Вики ехали в хвосте маленькой кавалькады. Молодой человек протянул Вики веточку белого вереска, традиционно считавшегося у шотландцев символом счастья. «Когда мы слезли с наших пони, — рассказывала потом королева, — принц подмигнул мне, дав понять, что поговорил с Вики».

По возвращении в замок родители пригласили дочь в свои покои: «Любит ли она Фрица так же, как он ее?»

«О, да!..»

Виктория успокоилась. Это будет не только политический союз, это будет еще и брак по любви. «Таймс», настроенная менее радужно, сообщила эту новость, назвав прусское семейство «захудалой немецкой династией», находящейся под «царской» пятой, имея в виду русского царя, и выразила опасение, что в один прекрасный день принцесса может оказаться «в ситуации, когда ее верность мужу вынудит ее предать свою родину».

Пруссаков тоже не слишком радовал этот союз с «жеребцами-производителями Европы», как пренебрежительно именовал Кобургов Бисмарк. А Наполеон III вообще почувствовал себя оскорбленным и преданным после таких сердечных и таких разорительных встреч в Виндзоре и Париже. В январе 1856 года королеву вдруг начали мучить угрызения совести: «Мне перестала нравиться идея отправить нашу девочку в Берлин, ведь он, как ни крути, остается логовом нашего врага».

Она пришла в негодование, узнав, что двор ее дочери будет состоять лишь из пруссаков. А требование короля, чтобы свадьба состоялась в Берлине?! Она просто дар речи потеряла от возмущения, узнав об этом. И тут же отправила гневное письмо своему послу в Берлине: «Неужто мы слишком далеко зашли, предложив кронпринцу Пруссии прибыть в Англию для вступления в брак с принцессой из королевского дома

Великобритании? Да это просто абсурд, если не сказать больше... Каковы бы ни были привычки прусских принцев, они не каждый день женятся на старшей дочери английской королевы. Считаю этот инцидент исчерпанным».

Альберт всегда почитал своим священным долгом подготовить дочь к ее будущей роли. Но теперь он ежедневно уединялся с ней с пяти до шести часов вечера в своем кабинете. Он заставлял ее читать наводящие на нее ужас меморандумы Штокмара. Вики всегда была не по годам развитым и прилежным ребенком. Если Бerti, Affi и Луиза своим жизнелюбием пошли в мать, то эта любимая папина дочка унаследовала у него его серьезность. Вики увлекалась политикой, интересовалась искусством и наукой и с полной ответственностью готовила себя к исполнению тех обязанностей, которые ждали ее в Пруссии. Альберт провел ее инкогнито на заседание палаты общин, где она с восторгом наблюдала за яростным словесным поединком Гладстона и Дизраэли, это был один из тех поединков, отчеты о которых ежедневно печатались в газетах и которыми зачитывалась вся Англия во главе с Викторией.

В марте 1856 года в присутствии королевского двора, министров и крестного Вики, короля Леопольда, состоялась ее конфирмация. Под белой вуалью и в платье из блестящего шелка она была похожа на маленькую невесту. В мае ее начали вывозить в свет. Один из балов в ее честь состоялся в новом зале Букингемского дворца, планы которого собственноручно чертил Альберт. Никогда еще лондонский сезон не был таким блистательным. Виктория танцевала на приеме в турецком посольстве. А в галерее Ватерлоо Виндзорского дворца она лихо отплясывала под аккомпанемент волюнок шотландский «geel»^[70].

За четыре месяца до этого она отметила шестнадцатую годовщину своей свадьбы. Она по-прежнему обожала балы и как в первый день любила своего мужа. Но с трудом мирилась с тем, что он столько времени уделяет Вики. Принц решил, что их старшая дочь должна как можно чаще проводить с ними конец дня: «Мы ужинали вместе с Вики. Обычно она уходит от нас в десять часов вечера. Так что мне теперь редко выпадает счастье побыть наедине с моим горячо любимым Альбертом». Всепоглощающая отцовская любовь, которую принц испытывал к своей старшей дочери, омрачала его отношения с женой.

В сентябре королева обнаружила, что опять беременна, и это послужило причиной ее новой депрессии. Она чувствовала себя униженной этой девятой по счету беременностью, обезобразившей ее фигуру. В ноябре умер ее сводный брат Чарльз Лейнинген, и его смерть погрузила всю семью

в печаль, а Викторию ввергла в пучину отчаяния. У нее появилась навязчивая идея, что она не перенесет предстоящих родов. Любой пустяк раздражал ее: присутствие вечно поучающего всех Штокмара и даже этого несчастного Фрица, который настаивал на том, чтобы ему было позволено час в день проводить тет-а-тет с Вики. И Виктории приходилось сидеть этот час в смежной с ними комнате при открытой двери. «Какая трата времени!» — возмущалась она. Находясь на грани нервного срыва, она ополчилась на свое потомство. И писала матери Фрица: «Дети никак не могут заменить жене мужа».

Штокмар и доктор Кларк не уставали повторять, что больше опасаются «за психическое, чем за физическое здоровье Ее Величества». Принц советовал супруге меньше концентрироваться на своих болячках и больше внимания уделять детям, особенно Вики, «от которой ты с радостью готова избавиться». Он при детях делал ей замечания, а она упрекала его в том, что тем самым он подрывает ее родительский авторитет. Семейные сцены разыгрывались все чаще и становились все более бурными. Альберт по своей привычке составил меморандум, в котором в пронумерованных параграфах перечислил все последние сцены и, подвергнув их анализу, сделал заключение: «Мои любовь и сострадание к тебе безграничны и неизбывны».

14 апреля королева, чьи мучения облегчили с помощью хлороформа, произвела на свет принцессу Беатрису. Роды были тяжелыми и продолжались четырнадцать часов: «Я была сполна вознаграждена и забыла все, что мне пришлось вытерпеть, когда услышала, как мой дорогой Альберт говорит: “Какой красивый ребенок и к тому же девочка!”» При ее родах, кстати, присутствовал доктор Вегнер, врач, обслуживавший королевский двор Пруссии, его пациенткой вскоре должна была стать Вики, поэтому Виктория пригласила его в Англию, «чтобы он посмотрел, как подобные вещи происходят у них».

Фриц и Вики стали крестными новорожденной. Находившийся с визитом в Лондоне Максимилиан, брат австрийского императора, также был среди приглашенных на крестины. Он только что был помолвлен с Шарлоттой, дочерью дядюшки Леопольда. Альберту пришлось по душе добрый нрав эрцгерцога и его либеральные взгляды. За завтраком королева усадила Фрица и Максимилиана с двух сторон от себя: «Надеюсь, что это счастливое предзнаменование на будущее, коли по такому случаю Англия оказалась между Австрией и Пруссией».

Имея девятых наследников, британская корона была как никогда сильной. В парламенте без особых проблем прошло голосование по

вопросу о приданом Вики и цивильных листах других детей. Правда, выделенные им суммы были вполтину меньше, чем рассчитывала королева: «Это были сущие крохи по сравнению с тем, во что обходились нации дочери Георга III». Один из депутатов выступил против выплаты Вики ежегодного содержания, поскольку она уезжает из Англии. Но другой встал на защиту интересов королевы, которая понесла крупные расходы, в частности, в связи с визитом во Францию, «а эта поездка, — утверждал он, — была предпринята отнюдь не ради ее собственного удовольствия».

Помимо всего прочего Виктория потребовала у Пальмерстона, чтобы ее супругу присвоили наконец титул «принц-консорт», которого он ждал уже более семнадцати лет. Она пригрозила, что откажется открывать очередную парламентскую сессию, если ее требование не будет удовлетворено. Как писал Альберт своему брату, «в один прекрасный день недоброжелатели вполне могут поставить вопрос о праве Бerti на более высокий статус, чем у его собственного отца». Но лорд-канцлер ответил королеве, что повестка дня палаты общин настолько перегружена, что было бы опасно наспех проводить голосование по такому спорному вопросу.

25 июня 1857 года возмущенная до глубины души Виктория решила самолично присвоить супругу приличествующий его положению титул, закрепив этот акт королевской грамотой. А столь перегруженный работой парламент, словно по иронии судьбы, вот уже несколько недель обсуждал закон о разводах. Отныне покинутая мужем женщина благородного происхождения могла через суд потребовать возвращения ей приданого, а женщина из рабочей среды — возвращения своего заработка, который она, будучи замужем, должна была целиком отдавать супругу. Закон предусматривал создание «трибунала по бракоразводным делам» для рассмотрения спорных вопросов. Альберт настоял на том, чтобы Виктория направила лорду-канцлеру возмущенное послание: «Почему не принято никаких мер, дабы прекратить огласку, которую получили процессы, проходящие в бракоразводном трибунале? Их становится все больше, отчеты о них занимают целые полосы газет, причем печатаются такие скабрёзные подробности, которые совсем не следует знать молодым людям. Любой из этих ужасных французских романов, которые серьезные родители никогда не позволят читать своим детям, менее отвратителен, чем то, что наши газеты ежедневно поставляют нам к завтраку!»

В июле Альберт представлял Викторию на бракосочетании Шарлотты и Максимилиана в Брюсселе. Впервые он шествовал впереди австрийских эрцгерцогов и к своему глубокому удовлетворению обнаружил, что отведенное ему место было непосредственно за бельгийским королем. В

Осборне королева угощала слуг вином, а моряков грогом, предлагая всем выпить за новобрачных. Она жаловалась дяде Леопольду на отсутствие своего ангела: «Дети ничто для меня, когда его нет рядом. Можно подумать, что с его отъездом жизнь ушла из нашего дома».

Старик Пэм недавно отметил юбилей своей парламентской деятельности. Вот уже пятьдесят лет, как он заседает в палате общин. Он был глух, наполовину слеп, его вставная челюсть клацала во рту, но по случаю юбилея он произнес одну из своих самых блестящих и длинных речей, за что удостоился похвалы Виктории. Она вручила ему орден Подвязки и пригласила к себе в Бальморал. Пэм отказался от приглашения, но сделал это так, что королеве даже не пришло в голову обидеться. Пребывая на пике своей популярности, этот престарелый денди по-прежнему обожал зеленые панталоны и ярко-синие сюртуки.

Развязавший первую опиумную войну и доведший ее до победы Пальмерстон умел лучше, чем кто бы то ни было, защищать флаг и честь британской нации. Поэтому, когда в сентябре 1856 года китайцы арестовали английское судно «Эрроу» и произвели его досмотр, премьер-министр чуть не задохнулся от возмущения: «Он говорит, что это очень серьезное дело, и хочет отправить туда пять тысяч человек». Придя в ужас от губительных последствий распространения наркотиков, некий комиссар Е объявил, что «иностранные дьяволы» должны покинуть Китай. Он назначил награду за поимку каждого «красноволосого», будь тот живым или мертвым. Посланный для акции возмездия английский экспедиционный корпус подверг обстрелу, а затем занял Кантон, разрушив все береговые укрепления. На этот раз Англия посадила в Пекине своего министра, а в других городах — своих консулов. К своему великому стыду Китай согласился на все условия «варваров». Опиум вновь рекой потек в подпольные курильни, трубки раскуривали прямо под носом у полиции, китайцы теряли здоровье, а в палате общин лишь один пацифист Кобден выражал свое возмущение по этому поводу. До этого он в течение семи лет безрезультатно призывал к всеобщему разоружению в Европе.

Но Англии было сейчас не до этого, ее внимание было приковано к колониям: к Австралии с ее золотыми приисками, а главное — к Индии. В это самое время бывший генерал-губернатор Канады лорд Элджин как раз находился на пути в Гонконг, куда недавно получил новое назначение. В Сингапуре он узнал, что в Бенгалии подняли мятеж индийские наемники-сипаи, и решил вместе со своими людьми направиться в Калькутту, где уже давно назревала смута.

Индийские войска все труднее и труднее сносили высокомерие старых

военных чинов Ост-Индской компании, которые, осуществляя модернизацию этой азиатской страны, не считались с обычаями и религиозными верованиями местных жителей. Неудачи англичан в Крыму подорвали веру в их превосходство. Поползли слухи, будто астрологи предсказали, что в 1857 году наступит конец английскому владычеству в Индии. Кое-кто из лишившихся своих владений магарадж начал сознательно разжигать страсти. Остальное довершили русские шпионы^[71].

В Индию прибыла новая партия ружей. Поводом для разжигания страстей стали покрытые животным жиром патроны, которые солдатам при стрельбе нужно было скусывать. Смутьяны уверяли индуистов, что патроны покрыты говяжьим жиром, а мусульман — что свиным. Восемьдесят пять бенгальских конников из касты браминов отказались притрагиваться к этим новым патронам, за что были отправлены в тюрьму. На следующий день мирутский гарнизон, самый крупный в Индии, поднял мятеж. Сорок тысяч сипаев заняли Дели и провозгласили императором престарелого потомка Великих Моголов. На всем северо-западе Индии толпы разъяренных крестьян осаждали владения англичан, убивали всех европейцев, попадавших им под руку, и захватывали оружейные склады.

В Лакнау англичан взяли в окружение и не выпускали из города. В Рахилкханде мусульмане призывали народ к священной войне. В Канпуре четыреста англичан, не вынеся лишений, сдались на милость победителей, заручившись обещанием, что им будет сохранена жизнь. Но обещание тут же было нарушено: весь гарнизон перебили, две сотни женщин и детей порубили саблями или зарезали ножами, после чего их тела сбросили в колодцы. «Трудно представить себе, чтобы подобные жестокости, которым подверглись эти несчастные женщины и дети, творились в наше время, заставляя стынуть в жилах кровь! Нет ни одной семьи, где бы не скорбели по этому поводу и не ужасались бы. Поскольку каждый англичанин всегда мечтал отправить своего сына в Индию!» — писала Виктория дядюшке Леопольду.

Повстанцы хозяйничали в Барейли, Джханси, Гвалиоре. В Бомбее они взяли в осаду «штаб-квартиру» колониальной администрации. В метрополии беспокойство усиливалось еще из-за того, что страшные новости из мятежной колонии приходили лишь с пароходом с двухнедельным опозданием. Дебаты в палате общин достигли небывалого накала. Дизраэли, лидер оппозиции тори, считал, что происходящее в Индии — это не просто мятеж, а «национальная революция». Он резко критиковал политику Ост-Индской компании, бичевал коррумпированных чиновников, не способных удерживать на должной высоте престиж

английской армии и английского государства. Не ждет ли Англию, потерявшую шестьдесят лет назад Америку, скорое отделение от британской короны еще и Индии?

Сколько тревог и печалей свалилось на Викторию, и это в тот момент, когда Наполеон III начал сближение с русским царем!^[72] Пальмерстон посоветовал королеве пригласить французскую императорскую семью на несколько дней в свою резиденцию в Осборне, чтобы в семейной обстановке поговорить начистоту: «Принц сможет сказать многое из того, чего нам говорить не пристало». Королева не возражала: «Императора с императрицей принимать было гораздо проще, чем кого бы то ни было».

Французские полицейские в рубашках и белых галстуках обеспечивали безопасность императорской семьи, патрулируя изрезанный холмами парк на острове Уайт. «Могли бы, по крайней мере, надеть сюртуки», — ворчал старик Пэм. Поскольку министры тоже были там, между прогулками с детьми в коляске, запряженной лошадьми, и посещением швейцарского шале, хозяева обсуждали с гостями итоги Крымской войны. По Парижскому договору Молдавия и Валахия вошли в состав Османской империи в качестве независимых княжеств. Наполеон III предлагал объединить их в единое государство — будущую Румынию, чего желали сами эти княжества. Результаты проведенных там выборов были подтасованы турками, не желавшими терять власть над этими территориями. Альберт упрекнул императора в том, что тот играет на руку русскому царю: «Русские хотят лишь одного — превратить Оттоманскую империю в государство, состоящее, подобно Германии, из множества раздробленных княжеств, которые им легко будет контролировать». Император, мечтавший об объединении Италии, желал пересмотра соглашений, подписанных в 1815 году, и созыва нового Венского конгресса для передела границ в Европе: Альберт на это ответил, что каждый захочет урвать себе кусок, а посему удовлетворить всех будет очень сложно...

В конце концов они договорились, что Англия поддержит Францию в организации новых выборов в придунай-ских княжествах, но император должен будет отказаться от идеи назначить туда одного общего государя. «Каждому из нас пришлось проглотить свою горькую пилюлю, и поделом», — с улыбкой сказал Наполеон королеве, поглаживая свои усы. Но Викторию уже нельзя было так легко обольстить. После ее чудесной поездки в Париж утекло много воды, и император успел за это время угодить в сети, расставленные графиней Кастильони: это прелестное создание было специально подослано к Наполеону Кавуром^[73], чтобы

обратить его в свою веру. Альберт не переставал твердить, что они ни в коем случае не могут довериться очередному Бонапарту!

Новости из Азии по-прежнему были малоутешительными. 22 августа королева и принц узнали, что Генри Лоуренс, один из комиссаров Ост-Индской компании, погиб под обстрелом в своей осажденной повстанцами резиденции в Лакнау. Альберт утверждал, что войска компании рассеяны и не способны защитить власть английской короны в Индии. Под его диктовку Виктория написала: «Сейчас не время экономить на военном бюджете». Тремя днями позднее она предостерегала Пальмерстона: «Вопиющее бездействие правительства может обернуться для него чудовищной виной перед страной». В Индию были срочно направлены войска. Чтобы выиграть время, премьер-министр добился от Франции согласия пропустить британских солдат через ее территорию до Марселя, где они погрузились на корабли.

Индийские князьки упустили прекрасный шанс для объединения своих сил. Помимо всего прочего повстанцам не хватало опытных командиров. 14 сентября 1858 года англичане отбили Дели, а императора-могола выслали в Бирму.

Англичане сполна отомстили за тот ужас, что им пришлось пережить в эти последние недели. Они расстреляли или разорвали на части, привязав к жерлам пушек, две тысячи человек, а около четырехсот повесили; подобное «усмирение» мятежников растянется на полтора года. Карл Маркс в качестве лондонского корреспондента «Нью-Йорк дейли трибьюн» возмущенно писал по этому поводу: «Войска европейцев стали злыми гениями» того, что он назвал «первой аграрной революцией в истории человечества».

Ост-Индская компания отжила свое. Все ее права и полномочия были переданы государственным органам власти Великобритании. Число подданных ее величества в один миг увеличилось на сто миллионов человек. Отныне от имени английской королевы в Индии правил вице-король. Как всегда, под руководством Альберта Виктория следила за подготовкой текста своего обращения к новым подданным, она забраковала первый его вариант, предложенный лордом Стэнли, и попросила лорда Дерби, «чтобы он сам написал его своим превосходным стилем, памятуя о том, что обращаться к более чем стомиллионному народу Востока будет не государь, а государыня».

Окончательный текст оказался почти революционным: «Согласно королевской воле и королевскому желанию, никто не будет страдать за свои убеждения, каковы бы они ни были, и не будет преследоваться за свою веру

или отправление религиозных обрядов... В равной степени мы изъявляем свою волю, чтобы, насколько это возможно, наши подданные, к какому бы классу они ни принадлежали и каких бы убеждений ни придерживались, имели полный и свободный доступ к любым должностям, которые им позволяет занимать их компетентность и квалификация».

Вице-королем Индии не без участия королевской четы был назначен лорд Каннинг, известный своим лояльным отношением к туземцам. Получивший в Лондоне прозвище «милосердный Каннинг», он писал в своем пространном письме королеве: «Одной из огромных трудностей, что нам нужно преодолеть, — лорд Каннинг сожалеет, что ему приходится говорить об этом Вашему Величеству, — является жгучая ненависть, которой большинство англичан воспылали к индусам... Многие здесь, и среди них те, кто по долгу службы должны бы подавать остальным пример достойного поведения, одержимы слепой и жестокой жаждой мести». В ответ Виктория делилась с ним своим «огромным удовлетворением и гордостью, которые она испытывает при мысли о том, что ей принадлежит эта обширная империя, ставшая самой крупной жемчужиной в ее короне, которую она желает видеть счастливой и мирной».

Королева с принцем радели не только о благе своих подданных, но и о счастье своей старшей дочери. 21 ноября 1857 года Виктория пустила слезу: «В последний раз мы отмечаем день рождения нашей бедной девочки, нашей дорогой Вики в счастливом семейном кругу. Это так грустно». Альберт тревожился едва ли не больше ее: «Уходящий год был таким тревожным, и мы рады, что он наконец заканчивается. А новый начинается разлукой с любимой дочерью, чей отъезд мне будет чрезвычайно трудно пережить. Но мне не следует этого показывать, я должен радоваться вместе с ней ее счастью».

Приданое было достойным принцессы королевских кровей, уезжавшей в чужую заснеженную страну: «Несметное количество пар зимней обуви и два сундука теплых вещей». Привезенная Евгенией мода на кринолины завоевала Лондон. Виктория с дочерью подчинились ей, хотя королева и находила ее «недостаточно элегантной, дорогостоящей, неудобной и, помимо всего прочего, опасной». На Вики чуть было не вспыхнуло платье, когда она подошла слишком близко к камину. Пасторы с амвона ополчились на неприлично тесные корсеты. А также на облегающие «pantaloon»^[74], введенные в моду Бруммеlem, которые излишне подчеркивали мужские достоинства их обладателей, кроме того, церковь не одобряла пристрастия мужчин к румянам и пудре.

Свадьбу Вики назначили на 25 января 1858 года. Виктория лично

составила список гостей. На празднества были приглашены представители семнадцати царствующих немецких фамилий. «Найти для всех комнаты — настоящий подвиг. Если мне удастся это сделать, я смогу претендовать на звание профессионального фокусника», — приговаривал Альберт, бегая туда-сюда по дворцовым коридорам. На несколько недель Букингемский дворец превратился в огромную гостиницу, перед входом которой то и дело останавливались украшенные гербами кареты, а по лестницам поднимались самые титулованные особы Европы, чьи имена значились в Готском альманахе, за ними следовали их слуги, согнувшиеся под тяжестью чемоданов и шкатулок с драгоценностями. Мужчин принц водил на охоту. Для дам организовали экскурсии по Лондону. Вечером во всех гостиных играли оркестры, там танцевала молодежь, а желающие составить партию в вист собирались вокруг ломберного столика, за которым главенствовала герцогиня Кентская. За обеденный стол каждый раз садилось не менее восьмидесяти человек. Гогенцоллернов легко можно было узнать по их необъятным животам, красным физиономиям и закрученным кверху усам. Их грубоватые шутки по поводу волынщиков, одетых в традиционные килты, английских пудингов и английской щепетильности в вопросах этикета сильно раздражали Викторию, но тем не менее ей весьма льстила роль хозяйки, принимающей столь блестящее общество. А бедняга Альберт был «на последнем издыхании».

Тысяча человек набилась в зал во время большого бала, которым завершалась неделя предсвадебных торжеств. В тот вечер блеск диадем, бриллиантовых эгреток, рубиновых гарнитуров, шитых золотом или затканых серебром платьев — блеск, отраженный множеством зеркал и усиленный множеством канделябров, был столь ярким, что кое-кто даже жаловался на резь в глазах. Роскошные подарки были сложены на многочисленных столах. Виктория одарила дочь бриллиантами, опалами и изумрудами. Фриц преподнес невесте великолепное кольцо из жемчужин, каждая из которых была размером с лесной орех. «Я никогда не видела такого крупного жемчуга!» — воскликнула королева. Вики ног под собой не чуяла от радости. Она подарила матери брошь с прядью своих волос и прошептала: «Я надеюсь, что не посрамлю чести быть вашей дочерью».

В последний раз Вики делила спальню со своей сестрой Алисой. Вечером родители проводили ее туда, и принц дал ей свое отцовское благословение: «Она была сильно взволнована. Я крепко обняла ее, после чего в порыве неопишуемой нежности она приникла к отцу».

Вернувшись в свои покои, королева разрыдалась: «Как же все это похоже на заклятие несчастного агнца». На следующий день она словно во

второй раз пережила свою собственную свадьбу, но при этом «нервничала гораздо сильнее». На ней было бледно-розовое платье, расшитое серебром, а на герцогине Кентской — платье из фиолетового бархата, отороченное горностаем.

Недавно изобрели дагеротип, и Вики в белом муаровом платье, отделанном кружевом, сфотографировалась, стоя между родителями. Правда, Виктория так волновалась, что не могла не шевелиться, и фотография получилась слегка смазанной.

В свадебном кортеже оказалось около тридцати карет. В первую сели дядя Леопольд и Альберт с двумя старшими сыновьями, к изумлению прусских князьков, одетыми в килты. На принцессах были розовые платья и венки из полевых цветов. Новобрачная сидела напротив матери. Подружки невесты держали в руках букеты из роз и белого вереска, приносящего счастье. Каждой из них Фриц подарил по золотому браслету.

Бледный и взволнованный, он уже ждал их перед алтарем Сент-Джеймской церкви. Вики опустилась на колени рядом со своим женихом и взяла его за руку на том самом месте, где восемнадцать лет назад точно так же стояла рядом с Альбертом сама Виктория, «преисполненная гордости, нежности и огромной любви».

Молодожены вышли из королевской церкви под звуки «Свадебного марша» Мендельсона, впервые исполненного по этому случаю. Их появление было встречено артиллерийским салютом, звуками фанфар и восторженными криками. «Я была так растрогана, испытывала такую радость и такое облегчение, что готова была расцеловать весь свет!» — воскликнула королева. В карете, когда они возвращались во дворец, она попросила свою подругу Августу, мать новобрачного, обращаться к ней на «ты».

После свадебного обеда Фриц и Вики, провожаемые ликующей толпой, отправились на поезде в Виндзор. Там на вокзале молодоженов тоже встречала восторженная толпа, а учащиеся Итона впряглись в их карету вместо лошадей и сами потащили ее.

Уединение их было очень коротким. Спустя всего два дня к ним присоединился весь двор. Королева вручила Фрицу орден Подвязки, а принц — меморандум о преимуществах либерализма. Вечером накануне отъезда дочери Альберт в последний раз уединился с ней в своем кабинете: «Вот и пришел конец празднествам, но это не значит, что твоему медовому месяцу тоже пришел конец. Я желаю тебе навсегда сохранить в своем сердце все те новые чувства, что ты только что познала».

На следующий день в Букингемском дворце состоялось прощание.

Королева, вся в слезах, в последний раз поцеловала Вики перед тем, как ее маленькая фигурка, затянута в белый бархат, скрылась в полумраке огромной дорожной кареты. Несколько снежинок село на дворцовую решетку: «Ужасный день. Я чувствовала себя совершенно больной, мое сердце сжималось при мысли, что наша дорогая девочка уезжает от нас так надолго».

Альберт, Берти и Альфред проводили молодоженов до Грейвсенда в устье Темзы, где их ждала королевская яхта «Виктория и Альберт». Отец и дочь крепко обнялись в последний раз. А уже на следующий день он получил от нее первое письмо:

«Мой горячо любимый папочка! Я думала, что мое сердце разорвется, когда вы закрыли за мной дверь каюты. Жестокий миг, о котором я даже не осмеливалась думать все эти последние два с половиной года, наступил. Он оказался еще более мучительным, чем я представляла себе... Ваш портрет всю ночь стоял у меня в изголовье, и мне приятно было осознавать, что у меня осталось хотя бы это. Мне столько хотелось вам сказать вчера, но у меня было слишком тяжело на сердце. Мне хотелось бы поблагодарить вас за все, что вы сделали для меня, за всю вашу доброту... Это вам, мой дорогой папочка, я обязана больше всех на свете. Я никогда не забуду тех советов, что мне посчастливилось получить от вас множество раз, я буду хранить в своем сердце ваши слова, словно сокровище; с Божьей помощью они всегда будут направлять меня в моей жизни... До свидания, дорогой папочка. Я должна поставить точку. Ваша любящая и глубоко почитающая вас дочь».

Альберт столь же сильно переживал разлуку, как и его дочь. Еще не успев получить ее письма, он уже сам писал ей: «Вчера у меня сжалось сердце, когда ты, уткнувшись лицом мне в грудь, дала волю слезам. Я не из тех, кто демонстрирует свои чувства, так что тебе трудно представить, до какой степени ты всегда была дорога мне и какую пустоту оставляешь в моем сердце. Даже не столько в сердце, ибо там, естественно, всегда будет твое место, а в повседневной жизни, где твое отсутствие постоянно напоминает о себе».

Но принц не мог позволить себе роскошь позабыть обо всех делах и предаваться лишь отцовской печали. За десять дней до бракосочетания Вики Наполеон III по дороге в Оперу едва не пал жертвой покушения. От взрывов трех бомб, брошенных в его карету, десять человек погибли и более ста пятидесяти получили ранения. Эрнест, брат Альберта, оказавшийся в момент покушения в Париже, рассказывал за свадебным столом ужасающие подробности этого происшествия: лошади, перед тем

как упасть, рванули вперед, и император с императрицей уцелели просто чудом.

Покушавшийся, некий граф Орсини, был ярым сторонником объединения Италии. Он уже отсидел свое в тюрьмах Меттерниха, а также побывал на папских галерах. Бежав из тюрьмы в Мантуе, он нашел убежище в Лондоне. В молодости Наполеон сочувствовал карбонариям, но с возрастом становился все большим консерватором. Орсини боролся за восстановление во Франции республики, которая, по его разумению, создала бы более благоприятные условия для объединения Италии.

Под именем Олсопп он через Бельгию прибыл в Париж. А бомбы, изготовленные в Бирмингеме, провез через все границы в разобранном виде.

Через три дня после покушения Наполеон писал Виктории: «Взбуждаемые последними событиями французы всюду видят соучастников этого преступления, и мне с большим трудом удалось отговориться от принятия чрезвычайных мер, к которым они вынуждали меня. Это происшествие не сможет выбить меня из привычной колеи». Но гнев своих подданных он остудить не мог.

Его министр иностранных дел Валуевский направил в Лондон ноту, выдержанную в суровом тоне: «Неужто тот, кто возвел убийство в доктрину, имеет право на убежище? Неужто убийцы могут рассчитывать на гостеприимство? Неужто английское законодательство должно способствовать достижению их целей и покрывать их махинации?» Пальмерстон оставил это послание без ответа. А своего посла в Париже уведомил: «Британский парламент никогда не примет закона о высылке беженцев. С тем же успехом ему можно было бы предложить проголосовать за аннексию Англии Францией». При этом он поручил разработать проект закона, согласно которому подготовка заговора против иностранного монарха на английской территории будет караться не просто как правонарушение, а как уголовное преступление. Парламент принял этот закон в первом чтении. Но в Париже полковые командиры забрасывали императора посланиями, в которых заверяли его в своей преданности, а Англию называли «грязным логовом», заслуживающим того, чтобы его стерли с лица земли. Их высказывания появились во французской газете «Монитор», а затем стали достоянием английской прессы. Уязвленные депутаты британского парламента отказались рассматривать закон во втором чтении и обвинили правительство в «отсутствии гордости». Сразу же растеряв былую популярность, Пальмерстон ушел в отставку. Его сменил лорд Дерби.

Чтобы его «сердечное согласие» с Англией погибло? Чтобы все его усилия покорить Викторию пошли насмарку? Наполеон не мог этого допустить! Он приказал Валуевскому немедленно отписать в Лондон: «Мое послание от 20 января не имело другой цели кроме как уведомить вас о том состоянии вещей, которое мы считаем прискорбным. Поскольку наш дружеский шаг был истолкован превратно, мы воздерживаемся от дальнейшей дискуссии, которая может нанести ущерб добрым отношениям между нашими двумя нациями, и полагаемся на лояльность английского народа».

Альберту было мало читать все депеши, поступающие в Англию из Европы или колоний, и снабжать их своими замечаниями. Он еще возглавлял огромное количество различных обществ, число которых множилось с каждым днем. Не женись он на Виктории, то наверняка стал бы преподавателем какого-нибудь университета. Взяв под свою опеку Кембридж, он принялся вводить там преподавание новых дисциплин: химии, физики, ботаники, геологии, права, философии, современной истории, медицины... Он устраивал конференции, на которые приглашал выдающихся людей своего времени вроде путешественника и миссионера Ливингстона. Он внес изменения в программу «public schools»^[75], которая слишком часто сводилась к игре в футбол и крикет и дракам. Будучи ответственным за использование средств, собранных после смерти Веллингтона, он открыл в Сандхерсте школу для сыновей офицеров, погибших на полях сражений, и тщательно следил за тем, чтобы учащиеся имели постоянный доступ к школьной библиотеке, в которой были широко представлены книги по истории и морали.

Кроме того, принц патронировал школы, принадлежащие организации «Ragged School Union»^[76], созданной по инициативе лорда Шефтсбери. Тысячи детишек из неимущих семей учились там читать и писать, в то время как их матери учились там шить. Из детей, которые не могли не работать, формировали бригады чистильщиков обуви. И специально для мелких денежных вкладов был создан «Пенни-банк».

А Альберт уже мечтал о пабах, куда, как в Германии, простой люд мог пойти в воскресенье всей семьей, чтобы отдохнуть и развлечься. Его благочестивые порывы и голос, в котором от обуревавшего его волнения начинали звучать немецкие интонации, вызывали раздражение лордов и иронию прессы. Но принц первым принимался за благие дела, подавая пример другим. Так, в Виндзоре он организовал для крестьян курсы по обучению грамоте и сам регулярно проверял тетради учащихся. А в

Осборне построил для местных жителей образцовые коттеджи с проведенной в них канализацией и хотел, чтобы такие жилища стали возводиться по всей стране.

Лето началось с невыносимой жары. В Лондоне стоял такой смрад, что можно было задохнуться, и палата общин была вынуждена прервать парламентскую сессию. Виктория и Альберт прибыли в Дептфорд на торжественную церемонию по случаю спуска на воду нового морского чудовища, получившего название «Левиафан». Этот пассажирский лайнер водоизмещением в тридцать три тысячи тонн, оснащенный по последнему слову современной ему техники, так и не смог сойти с верфи, несмотря на все потуги: «Нам пришлось спешно ретироваться, надышавшись зловонными испарениями Темзы. Домой я вернулась совершенно больной». Весь последний месяц Виктория страдала от невралгии тройничного нерва, обострившейся из-за сильной жары.

Под нажимом своих министров она приняла приглашение Наполеона III, и королевская яхта взяла курс на Шербур, где император должен был торжественно открыть новую железнодорожную ветку, новый порт и памятник Наполеону I. «Мы не будем принимать участия в этих торжествах во славу французской армии и флота, враждебных Англии. Мы уедем до их начала. Это будет всего лишь частный визит», — писал принц брату. Флотилия английских парусников следовала эскортом за королевской яхтой, а Альберт в это время дочитывал Виктории вслух роман «Джен Эйр», который сама она никак не могла осилить до конца.

Английский министр финансов Дизраэли представлял на торжествах правительство Великобритании и ждал королевскую чету на берегу в компании главнокомандующего английской армией герцога Кембриджского, адмирала Лайонса и тридцати депутатов парламента. На торжественном обеде поднимались дружеские тосты за «добросердечное французо-английское согласие». Но французский флот никогда еще не был столь могущественным, а новые доки являли собой впечатляющее зрелище. Вместе с императорской четой королева и принц обошли их и с замиранием сердца осмотрели все эти корабли, ощерившиеся пушками, чьи жерла были направлены в сторону английского берега. У Альберта сложилось впечатление, что император готовится к нападению на Англию. По возвращении в Осборн Виктория под диктовку мужа написала правительству полное упреков послание: «Впервые за всю историю Великобритания может сдать свои главенствующие позиции на море!»

Вечером они восстанавливали душевное равновесие, предаваясь домашним радостям: семья праздновала день рождения Альфреда: «В

двадцать минут шестого мы прибыли в наш милый Осборн... Вечер был теплым и тихим. Наш дорогой Аффи ждал нас на пристани, а все остальные дети (даже самая младшая) стояли у дверей. Декель (любимая наша собачка) и наш обожаемый пес Бой тоже радостно нас приветствовали. Мы пошли смотреть подарки Аффи, сложенные на столике. Все они имели отношение к мореплаванию. У Альберта после его речи разболелась голова. Я посидела с ним часок на лужайке, а потом пошла с детьми в их швейцарское шале, украшенное в честь дня рождения флагами... За ужином я сидела между Альбертом и Аффи. Потом привели двух младших принцев (Артура и Леопольда). Заиграл оркестр, и после ужина мы с тремя мальчиками, тремя девочками и еще кое с кем танцевали на террасе веселый народный танец... Я никак не могла поверить, что еще в полдень была в Шербуре на борту нашей яхты в компании императора и императрицы».

В конце месяца они впервые отправились в Берлин. Еще в апреле им стало известно, что Вики беременна. Это была «ужасная новость!» для Виктории, которая желала для дочери, чтобы та хотя бы первый год супружества спокойно предавалась его радостям. Королева забрасывала молодую новобрачную ежедневными посланиями и требовала, чтобы Вики рисовала ей эскизы своих новых платьев и прислала план своих апартаментов. Она возмущалась тем, что в королевском дворце в Потсдаме отсутствовали элементарные удобства, а в жилых помещениях стоял холод. Бисмарк называл Вики не иначе как «англичанкой», а кроме того, рослые пруссаки считали ее коротышкой. Виктория не скрывала своего негодования: ее дочь была выше ее ростом, а «я отнюдь не карлик!».

После того как Вики забеременела, материнские советы посыпались с удвоенной силой. Она должна больше ходить, протирать шею уксусом, три раза в день открывать в своих покоях окна, рядом с каждым из них повесить термометр и потребовать, чтобы во дворце оборудовали ваннные комнаты и ватерклозеты. Все станут подражать ей, что «пойдет на пользу всей Германии».

Мать по-прежнему не разделяла радости дочери по поводу ее беременности: «По твоим словам, ты горда тем, что вскоре сможешь дать жизнь еще одной бессмертной душе, это очень красиво звучит, дорогая моя, но должна тебе признаться, что я другого мнения. Я считаю, что в такие моменты, когда животное начало берет в нас верх, мы скорее уподобляемся коровам или собакам, что отнюдь не красит нас».

Штокмар пожаловался Альберту, и тот выговорил Виктории за то, что она донимает Вики своими ужасными письмами: «Папа считает, что я

слишком часто тебе пишу, и сердито отругал меня за это». Между тем и сам Альберт часто писал дочери и, ревниво относясь к своей любимице, хотел бы всегда оставаться для нее самым близким человеком.

Поездка на поезде была «омерзительной». Пересекая эту «абсолютно плоскую и унылую местность», они задыхались от пыли, а главное, страдали от жары, и королеве казалось, будто «ее голова вот-вот расколется». А вид Ганновера совершенно расстроил нервы Виктории. Несколько месяцев назад ей пришлось вернуть «этому ничтожному королевству» часть своих самых лучших драгоценностей, которые отспорили у нее наследники ее ужасного дядюшки Эрнеста.

Но на вокзале в Берлине их ждала Вики, стоявшая на платформе с букетом белых цветов в руках. Она поднялась в их вагон и долго обнимала и целовала родителей, так что все неприятности сразу отступили: «Это была наша ПРЕЖНЯЯ Вики».

С эскортом солдат и под звуки фанфар их кавалькада направилась к недавно отстроенному миниатюрному Бабельсбергскому замку, который предоставил в распоряжение молодых отец Фрица. Виктория пришла в восторг от столовой и бальной залы в готическом — ее любимом — стиле. «Этот дворец просто прелесть», — записала она по-французски.

Гораздо меньше ей понравился замок Сан-Суси, он показался ей мрачным и холодным: «Единственное его достоинство заключается в том, что в нем жил Фридрих Великий». Встреча с любимой дочерью смягчила горечь утраты, постигшей Альберта в связи со смертью Карла, его верного камердинера-швейцарца, прослужившего ему двадцать девять лет. Когда побледневший принц, держа в руках телеграмму, сообщил Виктории эту новость, она горько расплакалась: «Это была единственная ниточка, связывавшая моего любимого супруга с его детством».

Все вместе они посетили Берлин, проехали по его широким проспектам и побывали на парадах, где демонстрировалась мощь «прусской военной машины», и все это на такой жаре, что «впору было падать в обморок». Приемы этого «застегнутого на все пуговицы» двора, представители местного дворянства, все как на подбор гигантского роста и все в военных мундирах, а также этикет, которому недоставало изящества, совершенно не понравились Виктории. А дядя Фрица, престарелый король, казался выжившим из ума.

26 августа их ждал сюрприз: из Кобурга на день рождения Альберта приехали его брат Эрнест и Штокмар. Утром Виктория вручила мужу письма с поздравлениями, которые их дети втайне от него написали своему дорогому папочке перед его отъездом из Осборна. На столике для подарков

она разместила портрет малышки Беатрисы работы Хорсли, подборку фотографий Готы и ее окрестностей и пресс-папье из бальморальского гранита, украшенное оленьими зубами. Вики подарила ему небольшое написанное маслом полотно работы Хартманна и садовое кресло для Бальморала...

Расставание было невыносимо грустным. Охваченный тревогой Альберт боялся, что никогда больше не увидит дочь. Вики было всего семнадцать лет, а врачи предрекали ей трудные роды. В прошлом году в Клермонте, через несколько дней после рождения своего ребенка, умерла Виктория Немурская. Трагическая смерть принцессы Шарлотты проклятием висела над королевским семейством, держа его в постоянном страхе.

Осенний сезон в Бальморале не смог излечить Альберта от меланхолии. Он начал заметно набирать в весе и терять волосы. Принц только что отпраздновал свое тридцатидевятилетие, но выглядел шестидесятилетним стариком. Боясь простудиться, он надевал по утрам парик и тайком от жены разжигал камин. «Мама будет в ярости, когда проснется и увидит это», — писал он Вики. Преследуемый неотвязными мыслями о смерти, он погружался в чтение философских и религиозных книг, которые в письмах рекомендовал дочери. А она, будучи в Берлине, упала, зацепившись ногой за стул. Она не посмела поделиться своим несчастьем с матерью, но доверилась отцу, и тот мучился тревогой за нее. Вики с трудом доживала свою беременность еще и потому, что была страшно одинокой в чужой ей Пруссии. Лишь тетка Феодора поддерживала и подбадривала ее. Виктория послала к дочери свою личную акушерку, миссис Инносент, чтобы Вики почувствовала себя увереннее. Кроме того, она торопила с отъездом в Берлин доктора Кларка и его коллегу-гинеколога доктора Мартина.

Первые схватки Вики почувствовала утром 26 января. Весь день она терпела чудовищные боли. К утру следующего дня ребенок, неправильно лежащий в чреве матери, все еще не появился на свет. Немецкие врачи не удосужились вовремя вызвать доктора Мартина. Когда же он прибыл, коллеги заявили ему, что мать и ребенок находятся при смерти. Английский гинеколог немедленно дал роженице хлороформ. Ребенок наконец вышел наружу, но не подавал никаких признаков жизни. Понадобился почти час, чтобы оживить его. Но левая рука будущего кайзера Вильгельма II, которую резко вывернули, так навсегда и останется малоподвижной и атрофированной. Впавшая в кому Вики в течение многих дней находилась между жизнью и смертью. Никогда больше не доверится она немецким

врачам.

Альберт и Виктория не смогли прибыть на крестины внука. Они прислали вместо себя лорда Раглана. «Я дорого бы заплатила за то, чтобы оказаться в свите лорда Раглана», — признавалась королева. Но королевская чета была вынуждена остаться в Лондоне из-за парламентской сессии, проходившей очень непросто из-за вернувшегося Пальмерстона, еще более несговорчивого, чем когда бы то ни было. Наполеон готовился вступить в Италию во главе своих войск. Альберт, и без того заваленный работой, вбил себе в голову, что военной школе в Сандхерсте нужны новые казармы по образцу тех, что он видел в Версале. Его никогда не бывало дома. Виктория начала мечтать о жизни без короны. Она писала Вики: «Я устала от политики и всех этих европейских историй. Может статься, что в скором времени ты узнаешь, что твоя мать уехала жить в Австралию вместе со своими детьми».

Глава 13

В день своего семнадцатилетия Берти получил чин полковника, орден Подвязки и письмо от родителей, заклинявших его начать наконец серьезно относиться к своей роли наследника британской короны: «Жизнь состоит из обязанностей, и только тот, кто выполняет их с должной ответственностью, аккуратно в срок и с хорошим настроением, предстает в глазах окружающих истинным христианином, истинным солдатом и истинным джентльменом». Читая это письмо, Берти не смог сдержать слез.

В 1854 году он сопровождал своих родителей в парламент, когда там решался вопрос об объявлении войны России. После победы под Севастополем присутствовал на бесчисленных парадах, церемониях и вручениях медалей отличившимся в боях солдатам. Виктория передала ему по наследству свою любовь к военной форме. По черному, красному или синему цвету мундира или даже по одной пуговице он мог сразу сказать, в каком полку носят такую форму. Он признался отцу, что хочет сделать военную карьеру, как Фриц в Германии.

Претворяя в жизнь свой грандиозный план по реформированию армии, Альберт создал военный лагерь в Олдершоте. Берти изъявил желание отправиться в тамошнюю часть.

Но его отец считал, что казарма не то место, где будущий король сможет подготовиться к своей миссии. Он не одобрял выбор Фрица и намеревался дать своему старшему сыну такое же образование, какое сам получил когда-то под руководством Штокмара, включавшее в себя углубленное изучение права, истории и других наук, а также чтение серьезных книг и путешествия с познавательными целями.

В 1857 году Берти с Гиббсом и четырьмя студентами Итона, среди которых был сын Гладстона, отправился на экскурсию в Шотландию, на озера. Наставник должен был следить за тем, чтобы наследник ежедневно делал в своем дневнике точные и подробные записи о том, как провел день. Но Берти, вдоволь нарезвившись со своими товарищами, засыпал, не написав ни строчки. А однажды вечером они даже «ходили к девочкам». Гладстон не осмелился рассказать об этом Альберту.

Принц был удручен тем, что его сын так небрежно вел дневник, но решил не опускать руки. Он отправил Берти изучать немецкую литературу в Кенигсвинтер, расположенный недалеко от Бонна. Юноша по-прежнему терпеть не мог Гиббса. И в этом вопросе принц не собирался уступать

сыну. Наставник поехал с Берти. Они вместе посетили Австрию, где престарелый Меттерних нашел, что у наследника «грустный и смущенный вид». Затем отправились в Шамони, где совершили в Альпах восхождение на большой ледник в сопровождении Альберта Смита, автора книги «Восхождение на Монблан», которую высоко оценил Альберт, обожавший альпийский юмор.

Берти прекрасно ладил с Альфредом. Братьям было хорошо вместе. Любознательный от природы Аффи тайком научился играть на скрипке, чтобы сделать сюрприз родителям, и всюду ходил в сопровождении своры собак, которых учил разным фокусам, заставлявшим королеву смеяться до слез. Альберт надеялся, что достоинства второго сына передадутся и первому. Но, увы, по утверждению преподавателей, происходило обратное. Общаясь с Берти, Аффи набрался дурных привычек у наследника престола, слишком много внимания уделявшего расцветке своих костюмов. Отец решил разлучить братьев.

В Уайт-лодже принца Уэльского держали в стороне от светских развлечений двора и лондонских сезонов. Отныне он получал ежемесячное содержание и на эти деньги должен был сам одеваться. Королева предупредила его: «Мы надеемся, что ты никогда не будешь носить ничего экстравагантного или вульгарного». При этом она жаловалась Вики: «Он ничем не интересуется, кроме своей одежды. Господи, что же будет, если следующей зимой я вдруг умру!»

Родители мечтали о том, чтобы Берти повзрослел, но не позволяли ему жить так, как жили его сверстники, с которыми ограничивали его общение. Альберт вручил каждому из его адъютантов секретный меморандум, содержащий строгие предписания: «Принц Уэльский не должен сидеть, развалившись в кресле, не должен держать руки в карманах, а на все знаки почтения должен отвечать тепло и сердечно... Его ранг и его положение обязывают его быть первым джентльменом страны».

Теперь Гиббса сменил при нем милейший полковник Брюс. В программе образования Берти по-прежнему значились путешествия. Он отправился в Берлин навестить свою сестру Вики. «Не следует обращаться с ним, как с принцем, и нужно читать ему вслух книги на немецком языке», — советовала королева.

В Риме каждое утро он должен был перед завтраком выучивать наизусть заданный текст, а затем час заниматься итальянским языком и час французским. Вечером он ужинал в компании знаменитых деятелей культуры, и они рассказывали ему о тех картинах и скульптурах, которые он должен был посмотреть днем. Отец требовал, чтобы он непременно вел

археологический дневник. Но, к сожалению, Берти мало интересовался древними развалинами: «Вы видите перед собой два каких-то несчастных камня, а вас уверяют, что это храм».

В связи с тем, что войска Наполеона III вошли в Италию и началась война с Австрией, наследнику британского престола пришлось прервать свою поездку. Его срочно отправили на родину шлюпом «Скердж», возвращавшимся в Англию из Александрии. Сделав остановку в Португалии, чтобы поприветствовать своего юного кузена Педро V, недавно взошедшего на трон, он высадился на английский берег, к удивлению матери, «tres embelli»^[77], как она записала по-французски в своем дневнике. Он немного похудел. И выглядел совсем взрослым.

Но в интеллектуальном плане он, увы, совсем не вырос. В дневнике сына Альберт нашел лишь несколько банальных фраз, позаимствованных из путеводителей. Карнавал произвел на него гораздо большее впечатление, чем Сикстинская капелла. Ему импонировал бесшабашный нрав итальянцев. По его мнению, перенесись бои конфетти с Пьяцца де Корсо на Риджент-стрит, они были бы не такими веселыми.

Принц пребывал в глубокой печали. Его сын, не имевший никакого желания ни творить добро, ни самосовершенствоваться, был совершенно не похож на настоящего джентльмена: серьезного, эрудированного, радеющего о счастье своих будущих подданных. Каждый новый день приносил новые разочарования. Но Альберт не намеревался отступать от программы Штокмара. Берти отправился в Эдинбург, чтобы пройти обучение на летних курсах при университете. По возвращении оттуда он поступил в Оксфорд. Но не в колледж, а в закрытое учебное заведение, «дабы быть вдали от соблазнов светской жизни и иметь возможность целиком посвятить себя учебе». Единственным дозволенным ему развлечением была псовая охота, в которой вскоре ему почти не будет равных. Сатирический еженедельник «Панч» задавался вопросом, стоит ли так забивать мозги наследнику престола, и обвинял Альберта в чрезмерном педагогическом рвении.

Канада, выполнившая свой союзнический долг в Крымской войне, заслужила в качестве награды королевский визит, и Пальмерстон советовал королеве поехать туда. Но Виктория слишком ценила в путешествиях комфорт, чтобы рискнуть отправиться в колонию, где пока еще не было железных дорог: так, может быть, Берти заменит ее? В последнюю минуту в программу визита включили и США. «Пусть канадцы покажут этим американским республиканцам, что можно жить в счастье и мире и под сенью монархии», — изрек Альберт, никогда не упускавший случая

наставить ближнего.

Принц проводил сына до Плимута. Молодой человек рассеянно слушал его последние наставления, поднимаясь на борт судна. Как и его мать, он страстно любил путешествия и эту страсть пронес через всю жизнь.

В Оттаве он заложил первый камень в фундамент местного парламента. Открыл железнодорожный мост через реку Святого Лаврентия. Он охотился, любовался Ниагарским водопадом, сплавлялся на плоту через пороги и не пропустил ни одного из двадцати двух танцев на балу, устроенном в его честь мэром Квебека. В этой стране первопроходцев все было внове для него и все вызывало восхищение. Постоянно улыбающийся и чрезвычайно милый, этот нерадивый ученик Штокмара с блеском выполнил возложенную на него миссию, к которой его не мог подготовить ни один университет.

В первом же своем отчете Брюс сообщил королевской чете, что Берти справляется со своими обязанностями «очаровательнейшим образом». При этом наставник тщательно избегал упоминаний о том, что его подопечный во время танцев нашептывает дамам на ушко комплименты, а компанию какой-нибудь красотики предпочитает любым официальным церемониям.

В США он посетил Детройт, Чикаго, Сент-Луис, Цинциннати, Питсбург и Балтимор. В Вашингтоне его принимал президент Бьюкенен, который привез его на Маунт-Вернон^[78], где Берти посадил каштан на могиле Вашингтона. Этот жест тронул всю Америку. Простота и веселый нрав принца Уэльского покорили сердца американцев. А молодой человек был, в свою очередь, покорен красотой и очарованием племянницы президента.

В Нью-Йорке его встречала восторженная толпа. Чуть ли не миллион взволнованных мужчин и женщин махали флажками и приветствовали его радостными криками: это был первый визит члена английской королевской фамилии в Америку после Войны за независимость. Берти устроили такую овацию, какой никто не ожидал, и он — первый. Таким образом дало знать о себе его обаяние. И проявилась еще одна общая с матерью черта — он, как и она, до конца жизни будет оставаться любимцем толпы.

На грандиозном балу в Национальной Академии музыки перед ним прошли чередой самые элегантные женщины и самые богатые мужчины. «Америка с гордостью думала, что вся Британская империя не смогла бы продемонстрировать столько красоты и изящества туалетов», — писала «Нью-Йорк ивнинг пост». При отъезде Берти настоял на том, чтобы самому оплатить счет за гостиницу на Пятой авеню, отчего его популярность еще

больше возросла. Один рабочий крикнул ему: «Возвращайтесь сюда через четыре года, сэр, и мы выдвинем вас своим кандидатом в президенты!» В своем последнем отчете Брюс не скупился на похвалы: «Принц Уэльский вел себя таким образом, что смог извлечь из поездки всю возможную пользу и вызвал к своей персоне немалый интерес и симпатию. Наше предприятие было в некотором роде рискованным. Его характер и воспитание прошли суровое испытание. И повсюду он оставил о себе самое лестное впечатление».

Королева тут же направила победные реляции Вики: «Он везде пользовался огромной популярностью. И заслужил наивысших похвал, на которые мы не поскупимся, как когда-то не скупились на упреки в его адрес». Но Альберт и теперь не мог без них обойтись. Он саркастически называл Берти «наш герой» и не преминул напомнить ему, что оации Нового Света в первую очередь предназначались королеве Великобритании, а потом уже ее сыну.

Проштудировав от корки до корки все американские газеты, принц наткнулся в «Нью-Йорк тайме» на три строчки, вызвавшие у него отвращение: речь там шла о некой молодой женщине, которая танцевала с Берти и «почти неприлично» флиртowała с ним. Опять эта ганноверская кровь! Может быть, действительно нужно побыстрее женить Берти, пока он не вляпался в какую-нибудь скверную историю? Этого же мнения придерживались и Штокмар с дядюшкой Леопольдом.

Еще год назад бельгийский король, всегда загодя думающий о свадьбе, составил у себя в Брюсселе список из семи принцесс, исповедующих протестантскую веру. Кое с кем из них Берти уже успел познакомиться в Берлине. Но принцесса Мейнингенская, равно как и дочь принца Альбрехта Прусского, ему совсем не понравилась. Что до голландской принцессы, то та была просто уродиной. Самой красивой из кандидаток была датская принцесса Александра. И в этом принц вынужден был согласиться с сыном. Правда, здесь была одна заковыка: Германский союз имел к Дании территориальные претензии, предметом которых являлись герцогства Шлезвиг и Гольштейн. А Альберт прежде всего был немцем.

Вики в это же время подыскивала среди прусских принцев жениха для своей младшей сестры, «доброй и славной Алисы». Алисе исполнилось шестнадцать лет, но родители еще ни разу не брали ее с собой на континент и лишь два года назад допустили к королевскому столу. Она была ласковой и красивой девушкой с довольно независимым характером. В Виндзоре она любила затеряться в толпе прихожан местной церкви. В Шотландии частенько посещала инкогнито соседские коттеджи и очень радовалась,

когда оставалась неузнанной. Она преклонялась перед Флоренс Найтингейл, которую ее мать принимала в Бальморале, где вручила ей награду. Принцесса мечтала посвятить свою жизнь лечению больных, как и ее героиня.

Министр иностранных дел Англии лорд Кларендон предложил в качестве кандидата в женихи для Алисы принца Вильгельма, будущего голландского короля. У Альберта не нашлось против него никаких возражений. Голландия была либеральным государством, и юный принц, в отличие от Берти, прислушивался к его советам. Алиса была не прочь стать голландской королевой, но сам Вильгельм был совсем не в ее вкусе. У принца Оранского были такие желтые зубы, что его прозвали за это «Лимоном». А Виктория считала, что он слишком увлекается парижскими актрисами, посему и поддержала дочь.

В июне 1860 года, по просьбе матери. Вики отправила в Англию на аскотскую неделю двух принцев Гессенских, Людвиг и Генриха. Старший брат очень понравился Алисе, а еще больше — Альберту: Людвиг был протестантом и к тому же девственником. Виктория нашла его милым, умным и веселым. Кроме того, Гессен-Дармштадское великое княжество было совсем маленьким, там проживало всего 836 тысяч 230 человек: «Поскольку у него не так много обязанностей дома, мы сможем часто видеть их у себя в гостях». Королева страшно волновалась и, по привычке, очень боялась перегнуть палку и испортить дочери будущее. Альберт прислал жене записку: «Дорогая моя девочка... Я конечно же сделаю все возможное, чтобы успокоить тебя». Но после подписания Наполеоном мира с австрийским императором и аннексии Францией Савойи и Ниццы у принца появилось слишком много других забот кроме устройства судьбы Алисы. Он по-прежнему все так же активно занимался реформированием армии. К его крайнему неудовольствию Гладстон, в то время министр финансов, пригрозил уйти в отставку, если военные расходы будут и дальше расти. Подобные пацифистские, почти радикальные идеи обрекали монархии на гибель и сильно пугали Альберта.

При этом его мучили постоянные боли в желудке, которые не давали ему спать по ночам. Он мало ел и с трудом переваривал пищу. У него болели зубы, и он все время жаловался на туман, а также дым и копоть, которые выбрасывали в воздух трубы заводов, пароходов и паровозов. Он постоянно находился в угнетенном состоянии и жаловался Штокмару: «Я смертельно устал от работы, от разных препон и огорчений».

В Берлине Вики родила второго ребенка — дочь Шарлотту. Страшно переживавшие за нее родители и на сей раз не смогли быть рядом с ней.

Под бдительным оком английских медиков роды прошли благополучно, и вскоре принц писал дочери: «Надеюсь, что ты ведешь себя спокойно. Помни, что как бы хорошо ты себя ни чувствовала, твоему организму нужно восстановить прежнюю форму, а нервной системе прийти в норму, чтобы вернуться к обыденной жизни. Твоему мозгу, сердцу и всему телу нужны отдых, хорошее и регулярное питание и нормальное пищеварение. Только это поможет восстановить физические силы. Малышка, должно быть, очаровательна. Новорожденные девочки всегда более красивы, чем мальчики. Советую ей последовать примеру ее тетушки Беатрисы. У этой юной леди больше ни одной минуты нет для себя самой. “Я не могу сейчас ничем заниматься, у меня нет времени, — говорит она, — я должна написать письмо своей племяннице”».

Королевское семейство. В центре — Альберт и Виктория.
Вверху, слева направо — Альфред, Виктория, Леопольд, Эдуард,
Артур. Внизу, слева направо — Элен, Беатриса, Луиза. Алиса.

Виктория во вдовьем наряде с любимым псом Шарпом.

Королева и ее верный шотландский лакей Джон Браун.

Замок Балморал — резиденция Виктории в Шотландии.

Генри Джон Темпл, лорд Пальмерстон

Уильям Юарт Гладстон

Бенджамин Дизраэли, лорд Биконсфилд.

Роберт Артур Гаскойн-Сесил, лорд Солсбери.

Эдуард, принц Уэльский, старший сын Виктории, в обличье светского повесы.

Вожди новозеландских племен маори в гостях у королевы.

Первая в мире марка — «черный пенни» тоже украшена профилем Виктории.

Королева в 1884 году.

«Бабушка Европы» со своим обширным семейством. К концу XIX века близкие и дальние родственники Виктории правили в шестнадцати странах Европы.

Четыре поколения британской династии. Виктория, ее сын
Эдуард VII, внук Георг V и правнук Эдуард VIII. 1899 г.

Бабушка и внуки — Артур и Маргарет Коннотские. 1886 г.

Королева и ее секретарь-индиец Абдул Карим Мунши

На прогулке в Ницце. 1898 г.

Три Виктории — королева и ее внучки, дочери принца Уэльского и герцога Шлезвиг-Гольштейна. 1895 г.

Виктория и Эдуард с родственниками - русским царем Николаем II, его супругой Александрой Федоровной и их дочерью Ольгой. 1896 г.

Последняя поездка королевы на Французскую Ривьеру. /897 г.

К бриллиантовому юбилею Виктории перед Букингемским дворцом был открыт её монумент 1897г.

Похороны Виктории 2 февраля 1901 года.

Надгробие в Виндзорском замке изображает королеву молодой и прекрасной.

Виктория в полном королевском убранстве. Фото 1887 г.

После Осборна они отправились в Бальморал. Один лишь бодрящий воздух Шотландии был способен выгнать из Альберта миазмы Лондона и большой политики. Здесь, среди горных склонов и озер, зарослей бархатистого вереска цвета граната и нехоженных троп он вновь обретал рядом с Викторией вкус счастья. Принц чувствовал себя в Шотландии настолько хорошо, что это передавалось и королеве: любая прогулка на лодке на закате солнца и любая живописная хижина, попавшаяся им на пути, вдохновляли ее на создание акварелей, дышащих эмоциями. Как же ей нравились шотландцы! Особенно самые смиренные из ее подданных, те самые гилли, которые «никогда не создавали ей проблем, всегда были веселы и счастливы, всегда готовы идти, бежать, делать все, что их попросят!». Так, во время одного из восхождений на Олд Корри Муи два года назад всем им пришлось идти по высокой мокрой траве, и Альберт придумал, как уберечь от этого Викторию — ее нужно усадить на плед, концы которого перекинут через плечо двое мужчин: «Браун и Дункан, двое самых сильных и сообразительных гилли, сразу поняли, как лучше это сделать: я села на плед и положила руки им на плечи, и они без всякого усилия понесли меня».

В этом году личный секретарь принца генерал Грей организовал для королевской четы двухдневную поездку инкогнито в Глен Феши. Лишь сам генерал и леди Черчилль, молодая фрейлина королевы, участвовали в качестве сопровождающих лиц в этой экспедиции. С ними были еще Грант и Браун, специально отобранные Альбертом. Дорогой, весело смеясь, королева и принц решили назваться «леди и лордом Черчилль», генерал стал доктором Греем, а леди Черчилль — мисс Спенсер. Вечером они остановились на ночлег на обычной почтовой станции и потешались над оплошностями Джона Брауна, который в забывчивости несколько раз назвал Викторию «Ваше Величество».

Принц особо выделял этого «Джонни Брауна» за его преданность и прямоту. Благодаря своим длинным ногам и пружинистой походке он стал лучшим охотником на оленей среди бальморальских гилли. Не зная усталости Браун легко подхватил на руки и понес едва не скатившуюся со склона горы Крэг Норди леди Джейн Черчилль. Виктория так описывала эту сцену своей дочери: «Когда она стала благодарить его, он сказал в ответ: “Ваша милость гораздо легче, чем Ее Величество”, что ужасно рассмешило нас. Я спросила: “Значит, вы считаете, что я стала слишком

толстой?» — «Да, я так считаю», — ответил он без обиняков. И тогда я решила взвеситься, поскольку раньше всегда считала себя довольно легкой».

Браун появился в Бальморальском замке в шестнадцать лет, начав работать там в качестве помощника конюха. Его отец когда-то был директором школы, но потом стал мелким фермером и жил по соседству. Джон был вторым из его девяти сыновей. Трое из них умерли, один эмигрировал в Австралию, другой — в Новую Зеландию, а самый младший, Арчи, был приставлен к бедняжке Лео. Браун обычно вел под уздцы пони королевы. Он знал истории всех семей в округе. С его помощью Виктория и Альберт могли беседовать с местными пастухами, крестьянками и горцами, которых они встречали во время прогулок. Альберт начал изучать гэльский язык, а гилли выучил несколько слов по-немецки, поскольку вдали от посторонних глаз и ушей королевская чета говорила между собой на этом языке не меньше, чем на английском.

После Бальморала Алиса впервые собиралась поехать вместе с родителями в Кобург, где к ним должны были присоединиться Вики и Фриц. Неподалеку оттуда, в Дармштадте, она встретится с Людвигом, своим будущим женихом. У Альберта опять начались боли в желудке и разыгрался ревматизм. Он был в таком подавленном состоянии, что они чуть было не отменили в последнюю минуту свою поездку на континент. Но вместе с ним поехал доктор Бейли, которому принц полностью доверял. Этот компетентный медик сменил старика Кларка, в семьдесят три года ушедшего наконец на пенсию.

На вокзале во Франкфурте им вручили телеграмму, уведомлявшую их о смерти вдовствующей герцогини Кобургской — «мутер Марии» — второй жены отца Альберта. Она умерла от рожистого воспаления кожи, заболевания, весьма распространенного в то время. Когда они прибыли в Кобург, замок был погружен в траур. Вики в траурном одеянии с нетерпением ожидала родителей, чтобы представить им наконец их первого внука, Вильгельма, который вышел им навстречу за руку с няней-англичанкой, «одетый в белую рубашечку с черными бантиками». Виктория не переживала насчет его бледной, безжизненной ручки. Доктор Кларк уверил ее, что уж он-то непременно вылечит ребенка.

Они навестили состарившегося Штокмара, который окончательно осел в Кобурге, а на следующий день совершили прогулку в Розенау. Виктория села в первую карету с Эрнестом и Фрицем. Альберт с Вики поехали во второй. Принц приказал кучеру остановиться, немного не доехав до замка, и, взяв дочь за руку, повел ее потаенной тропкой, по которой бегал еще

ребенком. С самого рождения Вики он мечтал об этом мгновении. Нахлынувшие на него чувства заставили его остановиться. Если бы дочь не поддерживала его под руку, он, наверное, упал бы. Осевшим голосом он принялся описывать одну за другой комнаты в замке его детства, показывая на их окна.

В Калленберге, гордо именуемом крепостью и являющемся второй резиденцией правящей династии Кобурга, Альберт и Эрнест утром отправились на охоту. Виктория с Вики на террасе писали акварели. Пологие окрестные холмы являли им весь спектр оттенков зелени. После обеда Альберт решил в одиночку вернуться в Кобург. На закрывшемся перед ними железнодорожном переезде лошади неожиданно понесли, но принц просто чудом успел на ходу выпрыгнуть из кареты. Его кучер попал под поезд и получил тяжелое увечье. Королева нашла мужа лежащим в постели после тяжелейшего нервного потрясения, в ссадинах и синяках, с примочками на носу, губах и подбородке. Вечером принц шутил по поводу своих травм, но наедине с Вики признался, что был момент, когда он решил, что пробил его последний час. Его уже давно преследовали мысли о скорой смерти, не дававшие ему покоя ни днем ни ночью.

Штокмар навел принца и выразил беспокойство по поводу того, что тот слишком много работает, подвергая свой хрупкий организм явным перегрузкам. Королева в память о чудесном спасении мужа решила учредить фонд с капиталом в тысячу фунтов стерлингов, проценты с которого каждый год будут распределяться между юными жителями Кобурга из малообеспеченных семей, заслужившими поощрение, чтобы юноши могли купить себе инструменты для работы по выбранной ими профессии, а девушки составить приданое.

В последний день Альберт вместе с братом вновь приехал в Розенау. Сельский пейзаж его любимой Тюрингии вызвал у него такую ностальгию, что он был растроган до слез. Эрнест увидел, как брат спрятал лицо в носовой платок, бормоча при этом: «Я уверен, что вижу все это последний раз в жизни».

Поездка через немецкие княжества сопровождалась обычными в таких случаях официальными приемами. Вики поехала вместе с родителями и впервые увидела Рейн и Мозель. Они попали под проливной дождь, и королева простудила горло. Альберт, по своей обычной привычке, пытался скрыть свои постоянные головные боли и боли в животе. Когда они прибыли на поезде в Бельгию, дядюшка Леопольд, увидев их, прослезился, так плохо они оба выглядели.

В Виндзорском дворце, этой «старой мрачной тюрьме», Викторину

ждала ее «крошка Беатриса». Увы, Аффи, такого веселого и жизнерадостного мальчика, там не было. Королева писала Вики: «Мне обещали, что он будет с нами, но он вновь ушел в море... Папа ничего не хочет слышать об этом! Уверяю тебя, лучше совсем не иметь детей, чем видеть, как они столь быстро покидают нас! Это разбивает сердце!»

В Лондоне с частным визитом находилась Евгения, она приехала сюда, чтобы прийти в себя после очередной супружеской измены Наполеона III. Она остановилась в гостинице «Кларидж», что Виктория сочла несколько экстравагантным. Императрица решила посетить Шотландию. Английские газеты, газеты страны, которая уже почти целиком захватила Австралию и считалась самой большой колониальной державой в истории человечества, не могли простить Франции ее скромных завоеваний. Они язвительно писали: «Почему бы ей (Евгении) не поехать на отдых в Ниццу или Савойю с их более мягким климатом?»

Зима в Лондоне стояла на редкость суровая. К холоду и влажности добавилась новая эпидемия холеры. Альберт заразился ею и провел в постели почти десять дней. «На меня напала настоящая английская холера, хотя я не имел ни малейшего желания знакомиться с этой дамочкой и надеюсь, что впредь мне не доведется больше с ней встречаться», — писал он Вики.

На Рождество все семейство собралось в Виндзоре. Приехал Берти. И Альфред. А также их бабушка, герцогиня Кентская. И Людвиг Гессенский, который месяц назад был официально помолвлен с Алисой. Окна дворца сверкали от покрывавшего их инея, все гостиные были украшены традиционными елками, причем часть из них подвесили к потолку, и когда на них зажигали свечи, они заменяли собой люстры. Остальные стояли на столиках. Каждый член семьи приготовил и получил сам по тринадцать подарков. В отчете, помещенном в «Таймс», лорд Торрингтон описывал, как вскрывались пакеты с подарками: «Можно было подумать, что ты находишься на базаре, благородные лорды, джентльмены, королева и принцы хохотали и перекликались друг с другом. Все позабыли об этикете, и кое-кто даже поворачивался к Ее Величеству спиной». Каждый получил по большому нюрнбергскому имбирному прянику. Альберт почувствовал себя лучше. Он много шутил. Качал крошку Беатрису на качелях, сделанных из свернутой скатерти. Катался на коньках по замерзшему пруду, толкая перед собой стул с сидящей на нем Викторией. Торрингтон, подписавшийся под статьей «наш специальный корреспондент в Виндзорском дворце», не поленился заглянуть там и на кухню, где готовились говядина, гуси и другая птица: «Это было внушительное

зрелище — на огне жарились по меньшей мере полсотни индеек». В центре стола стояло огромное блюдо с паштетом из дичи, на который пошло не менее ста вальдшнепов, этот деликатес присылал по праздникам к королевскому столу генерал-губернатор Ирландии.

Как и каждый год, 1 января королева написала в своем дневнике, что постарается никогда больше не сердиться на своего дорогого ангела: «Я обещаю исправиться». Но им не удавалось избегать семейных ссор, причем чем дальше, тем чаще и яростнее они становились. Виктория осыпала Альберта упреками за то, что он уделяет ей мало внимания, имеет нездоровую тягу к работе, а потом жалуется на разного рода недомогания.

Спустя несколько недель, по случаю двадцать первой годовщины своей свадьбы, она корила себя за «глупую и преувеличенную сентиментальность и раздражительность». Принц писал Штокмару: «Завтра мы празднуем очередную годовщину нашей свадьбы. В нашей жизни было немало бурь, но наша любовь всегда оставалась с нами, юная и неувядающая, как в первый день. И, благодарение Богу, я могу с уверенностью утверждать, что этот союз пошел на пользу человечеству. Как гласит четвертая глава Библии (в трактовке Лютера), мы познали не только радости, но и много горестей и мучений».

Когда Вики сообщила им, что глубокой ночью присутствовала при кончине короля Пруссии, королева воскликнула: «Сочувствую тебе, моя бедная девочка, ведь сама я еще никогда в жизни не видела смерти!» Увы, над зубчатыми стенами Виндзорского дворца уже закружили и закаркали вороны, предвестники грядущих несчастий.

Скоропостижно скончался интендант герцогини Кентской, и Альберт добавил к своим и без того непростым обязанностям управление делами своей тещи. Убегая от холодной и серой лондонской зимы, королевская чета отправилась в Осборн, где к ним должен был присоединиться доктор Бейли. Когда 29 января он прибыл на Уимблдонский вокзал, его поезд, в клубах белого дыма, уже тронулся с места. Доктор побежал. Он, личный врач королевы, не мог опоздать к своим монаршим пациентам! Начальник вокзала приказал остановить поезд. Бейли сел в первый вагон. И надо же было такому случиться, что состав сошел с рельсов и несчастного доктора зажало между полков. «Единственной жертвой крушения оказался наш бесценный Бейли», — оплакивала его смерть королева. Для Альберта это стало «неизмеримой потерей». Никто другой не умел облегчить его невралгические боли, доставлявшие ему столько страданий.

Через три недели доктор Кларк представил королеве и принцу доктора Дженнера, которому совсем недавно удалось выделить микробы брюшного

и сыпного тифа. У Альберта вновь начали болеть зубы, во рту у него назрел нарыв. Он едва мог есть, за ужином выпивал лишь чашку бульона, плохо спал и, как всегда, работал до изнеможения, вызывая неудовольствие Виктории, которая писала Вики: «Надеюсь, что сегодня он почувствует себя лучше. Но наш дорогой папа не верит, что ему может стать лучше и что он вообще может поправиться. У него постоянно такой несчастный вид, что все начинают думать о самом худшем. Я же, наоборот, стараюсь не подавать виду, когда мне плохо, и все думают, что я никогда не болею. Он же такой чувствительный и такой ранимый, что может разболеться из-за любого пустяка».

Что до герцогини Кентской, то у нее уже давно обнаружили на руке злокачественную опухоль, которая мешала ей играть на фортепьяно и даже читать. Кларк решил ее удалить. Операция состоялась 9 марта. По мнению этого самодовольного эскулапа, прошла она просто великолепно... Но

15 марта состояние больной резко ухудшилось, Кларк послал известие об этом в королевский дворец. Когда Виктория и Альберт прибыли во Фрогмор, герцогиня их не узнала. Королева всю ночь просидела возле матери. Держа ее руку в своей, она слышала, как пропел петух, потом залаяли собаки, слышала, как отбивают время старинные часы ее отца в черепаховой оправе. Когда они пробили половину девятого утра, слабое дыхание герцогини прервалось навсегда: «Я разрыдалась и покрыла ее руку поцелуями. Альберт поднял меня и увел в соседнюю комнату. Он тоже заплакал, что случилось с ним крайне редко».

Принц поручил жену заботам Алисы. «Поддержи маму», — сказал он ей. В свои семнадцать лет умница Алиса стала надежной опорой для родителей. В сердце Альберта она не могла заменить Вики, но была услужливой, энергичной, умеющей успокоить. Лучше других она понимала, какую горечь испытывает ее отец, когда его излишне благочестивые речи воспринимались с едким сарказмом. Она выслушивала его и разделяла его возмущение по поводу карикатур в газетах и человеческой глупости. Она умела отвлечь его от мучительных болей в желудке. Принц, как мог, оттягивал дату свадьбы своей любимой сиделки к огромному разочарованию ее жениха.

При дворе был объявлен траур. Виктория погрузилась в жесточайшую депрессию. Потеря ее была тем более велика, что последние два года она очень сблизилась с матерью, с которой проводила много времени. С кем теперь она сможет поговорить о тревожившем ее сходстве Бerti с его дядюшками-королями или о гемофилии бедного Лео? Ее сводная сестра Феодора давно не приезжала к ней. И никто больше — ни принц, ни дети

— не могли разделить с ней ее воспоминания. Она осталась несчастной сиротой и прятала свое горе под черной траурной вуалью.

Супруги уехали в Осборн. В течение трех недель Виктория не показывалась за общим столом, предпочитая есть в одиночестве в своей комнате. Альберт делился своим беспокойством со Штокмаром, которого тоже волновало душевное состояние королевы: «Вы поймете, как мне было непросто утешить и поддержать ее, не подпуская к ней близко всех остальных, но стараясь при этом не упустить возможности, которую даруют нам подобные моменты, для сплочения семьи».

В XIX, таком морализированном, веке каждый траур свято чтился, для этого существовал длинный и строгий ритуал, каждая кончина воспринималась как проявление божественной воли, грозной и неотвратимой. В 1851 году художник Миллее взбудоражил общественное мнение, представив на его суд своего излишне реалистичного «Христа в родительском доме». Как и он, его ученики противопоставляли себя Рафаэлю и не желали приукрашивать грустную реальность смерти. Представители этой новой художественной школы «прерафаэлитов» изображали полупрозрачных, агонизирующих юных дев и оплакивающих их родственников. Теннисон потратил пятнадцать лет на то, чтобы завершить свою поэму «In Memoriam», которой наравне со всеми своими подданными зачитывались и королева с принцем. Крайне озабоченный соблюдением этикета Альберт никогда не пропускал траурных мероприятий, в которых было много показного. Еще при жизни герцогиня высказывала пожелание быть похороненной рядом с герцогом Кобургским в ее родной Тюрингии. Но принц объяснил ей, что это совершенно невозможно, и она дала согласие на возведение мавзолея во Фрогморе. Поскольку его строительство еще не было завершено, катафалк с ее телом был установлен в Виндзорской церкви, украшенной траурными полотнищами с серебряными кистями.

Виктория каждый день ходила туда и возвращалась обратно в крайне подавленном состоянии. «Ты права, я не хочу чувствовать себя лучше. Я страшно устала и совершенно измучилась, у меня постоянно болит голова, я не выношу ни малейшего шума. Слезы приносят мне большое облегчение, и хотя я больше не рыдала так, как рыдала в ночь на среду, плачу я каждый день, и эти слезы излечивают мои сердечные и душевные раны», — писала она Вики 10 апреля. Она плакала, разбирая вместе с Альбертом шкафы своей матери, плакала, найдя ее локон и рисунок склепа, где был захоронен ее отец, плакала, читая нежные строки, написанные герцогиней после смерти ее мужа. Она вспоминала свое детство в

Кенсингтонском дворце и винила Конроя и Лецен в том, что из-за них она отдалилась от своей дорогой мамочки. Это Альберт помирил их! С той поры герцогиня превратилась в самую лучшую бабушку на свете, что постоянно подчеркивал принц, заботившийся о поддержании культа семьи, свято чтимого в Кобурге. Виктория оставалась безутешной. «Ее Величество настолько погрузилась в свою печаль, что отказывается выходить из нее», — сокрушался лорд Кларендон, любивший изысканные выражения.

И вот уже по клубам, а вскоре и по всему Лондону поползли слухи: у Виктории не просто депрессия, она тронулась рассудком. Тревожные вести дошли до зарубежных королевских дворов. Перепуганная Вики написала об этом отцу: «Здесь рассказывают, что к маме съехались все европейские врачи». Альберт забеспокоился, что это может нанести урон престижу британской короны. И принялся слать письмо за письмом. «Виктория чувствует себя вполне нормально, и я не могу понять, откуда берутся эти ужасные, эти мерзкие слухи о ее душевном расстройстве. Люди и здесь, и на континенте только и делают, что говорят об этом. Меня все эти слухи очень беспокоят, поскольку я представляю себе их возможные последствия. Что до нее самой, то она об этой скандальной истории ничего не знает», — писал он 18 июня Эрнесту.

Смерть герцогини, проблемы наследства, письма с соболезнованиями — все это дополнительным грузом легло на плечи Альберта, и без того обремененного бесчисленными обязанностями. Он опять стал мучиться бессонницей, у него вновь разыгрался ревматизм. В июне на торжественном открытии Королевской сельскохозяйственной выставки он был так бледен, что на него было страшно смотреть.

Леопольд примчался из Брюсселя со вторым своим сыном, чтобы попытаться помочь принцу вывести королеву из состояния депрессивной истерии. В июне его сменили Вики с Фрицем. Потом Максимилиан и Шарлотта Австрийские, мать Людвига принцесса Гессенская, герцог д'Оперто и король Швеции. И всем им Виктория без усталости рассказывала

о своей невосполнимой утрате. 17 августа гроб с телом герцогини был перевезен в мавзолей, свод которого был «так легкий, высок и чист, что среди обуревавших вас там чувств не было чувства страха, горечи и печали, а лишь покой и умиротворение».

Жизнь наконец стала брать свое. Тема женитьбы Берти вышла на первый план и потеснила мрачные мысли. Вики все время расхваливала очаровательную принцессу Александру, и Альберт в конце концов дал свое согласие на брачный союз с Данией. С начала лета принц Уэльский проходил военную подготовку в военном лагере под Дублином, и Альберт,

несмотря на свою крайнюю усталость, решил навестить его там вместе с Викторией, Алисой, Ленхен и Аффи, только что вернувшимся с Антильских островов. В Ирландии они смогут побывать на ее знаменитых озерах и своими глазами увидеть, насколько успешно продвигается Берти к тому, чтобы стать настоящим джентльменом.

Альберт составил специальный меморандум с жестко расписанной программой для наследного принца: ему предписывалось жить в военном лагере и дважды в неделю давать обед для высших офицеров части. Каждые две недели он должен был получать очередное воинское звание. Берти прекрасно справлялся со своими светскими обязанностями. Увидев его в строю, королева радостно воскликнула: «А он не такой уж и маленький!» Но, увы, по словам Брюса, даже речи не могло быть о том, чтобы назначить принца Уэльского командиром батальона: у него был слишком тихий голос, чтобы подавать команды во время маневров.

26-го числа они отпраздновали день рождения Альберта. «В этом году все было не так, как всегда. Никаких увеселений... я по-прежнему пребывала в печали», — писала Виктория перед отъездом в их шотландский рай. А там вновь произошло чудо. Чудесный горный воздух развеял все печали, усталость, боль. Их гилли ждали их, все такие же сильные, жизнерадостные, готовые выполнить малейшее их желание.

Как и в прошлом году, генерал Грей организовал для них экскурсию инкогнито. Алиса и Людвиг поехали вместе с ними. Королева прекрасно провела ночь в «малюсенькой» комнатке «Темперанс-отеля», где никто так и не узнал ее, А утром, чтобы почистить ее «юбку и сапожки», не было никого, кроме Брауна. Днем они с Алисой зашли в местную лавочку, торговавшую женской одеждой. В Бальморал они вернулись умиротворенные красотой убранных полей и дышащих покоем озер.

Спустя две недели они отправились на новую экскурсию. Грей дал следующие инструкции герцогине Атольской, через чьи владения они должны были проследовать: «1) этот визит Ее Величества не следует воспринимать как обычный визит королевы; 2) необходимо сохранить ее инкогнито; 3) не устраивать для нее никакого обеда или ужина, а просто предложить ей чашку чая, а еще лучше (Ее Величество вряд ли сама решится попросить это) стаканчик подогретого виски». На сей раз шел дождь, дорога была узкой и скользкой, но горы и равнины вокруг восхищали их своей первозданной прелестью. Крестьяне с порога своих жалких лачуг провожали удивленными взглядами этих странных путешественников. Грант и Браун уклончиво отвечали на их расспросы. Вечером они остановились на ночлег в деревенской гостинице в

Феттеркерне, где им подали на ужин лишь двух жалких цыплят, не предложив «ни картофеля, ни пудинга, ни fun^[79]». К счастью, на следующий день, когда они добрались до перевала Килликранки, небо прояснилось и солнце осветило поросшие вереском склоны гор и разбежавшиеся по ним березы в золотом осеннем уборе: «Это была самая чудесная поездка из всех, что мне когда-либо доводилось совершать... Ничто не смогло бы встряхнуть меня лучше после постигшего меня страшного горя!»

16 октября Альберт повез Викторину на прогулку в компании Алисы, Ленхен и Людвига. Они устроили пикник на вершине горы Локан под ясным, безоблачным небом. Браун расстелил на траве пледы, раскрыл кофр из ивовых прутьев. Достал оттуда серебряные стаканчики, столовые приборы и серебряную же фляжку с виски. Альберт кутался в свой твидовый плащ, на голове его была охотничья шапка. Людвиг обозревал в бинокль окрестности. Виктория с дочерьми взяли с собой свои коробки с акварельными красками. Они и сами приражались к подобным походам и приражали к ним все королевство: такие рафинированные пикники быстро вошли в моду, а каждая вилка или миска из походного кофра были копиями королевских. Из Великобритании эта мода перекинулась на Европу и Америку. Перед тем как тронуться в обратный путь, принц закопал в землю бутылку из-под сельтерской воды с вложенной в нее запиской, свидетельствующей о совершенном ими восхождении.

Браун, как всегда предупредительный и надежный, помогал им преодолевать подъемы и спуски. 21 октября в письме к дядюшке Леопольду Виктория набросала весьма лестный портрет своего любимого гилли, без которого уже не могла обходиться: «Каждое утро в двенадцать или в половине первого я выхожу из дома, один из горцев приносит нам в закинутой за спину корзине наш ленч, а накрывает его нам удивительный слуга-шотландец, моя правая рука, который делает для меня абсолютно все. Он одновременно и мой лакей, и мой конюший, и мой паж, и, я бы даже сказала, моя горничная, поскольку на его попечении мои пальто, шали и т. д. Именно он всегда ведет под уздцы моего пони и заботится обо мне во время прогулок. Мне кажется, что у меня никогда не было более услужливого, верного и предупредительного слуги. Так грустно расставаться с ним».

На следующий день, перед тем как покинуть Бальморал, Альберт вручил Виктории «похвальную грамоту за достигнутые успехи». Все слуги выстроились, чтобы попрощаться с ними. Браун со своим непередаваемым гэльским акцентом проговорил: «Я надеюсь, что вы все вернетесь сюда на

следующий год в добром здравии и что никто из вашей семьи не умрет».

Но печальные события не заставили себя ждать. Едва вернувшись в Виндзор, они узнали о кончине юного Фердинанда Португальского. Спустя несколько дней за ним последовал и его старший брат, король Педро, также умерший от тифа. Ему было всего двадцать четыре года, и его смерть просто наповал сразила Альберта, любившего, как сына, этого своего кузена, разделявшего его либеральные взгляды.

Ах, если бы только Берти походил на него! Увы, наследный принц был милым и легкомысленным молодым человеком на манер французских аристократов, которые были настолько поглощены своими развлечениями, что никогда не замечали приближение революции. Из Оксфорда он перебрался в Кембридж, но запас его знаний пополнился мало. Недавно ему исполнилось двадцать лет. Политике он предпочитал сигары, театр и общество красивых девушек.

12 ноября Альберт получил от благочестивого Штокмара письмо, изобличавшее безнравственное поведение Берти в Ирландии. Оказывается, приятели принца, уже имевшие любовниц, переживали, что тот спит один. В последний вечер они подложили ему в постель хорошенькую актрису Нелли Клифден. Берти провел с ней ночь, а затем даже якобы привозил ее в Виндзор, где оставлял ночевать. По слухам, эта Нелли Клифден уже представлялась всем будущей принцессой Уэльской! После этой последней фразы кровь едва не остановилась в жилах у Альберта, в течение двадцати лет насаждавшего в королевстве «безупречную» нравственность. Ведь Берти без пяти минут был помолвлен! Как после всего этого смотреть в глаза датчанам?

Втайне от Виктории Альберт приказал провести расследование. Лорду Торрингтону, главному «соглядатаю» Виндзорского дворца, ничего не оставалось, кроме как подтвердить разоблачения немецкого барона: «Все уже давно в курсе».

Альберт в пространным письме к сыну живописал чудовищные последствия его легкомысленного поведения: «С тяжелым сердцем я пишу тебе по такому поводу, который поверг меня в самую глубокую печаль из тех, что мне когда-либо приходилось испытывать в жизни. Я обращаюсь к моему сыну, на которого мы в течение двадцати лет возлагали надежду, что он станет Принцем с большой буквы и гордостью великой, могущественной и богобоязненной нации, к моему сыну, который погряз в грехе и распутстве... Если ты станешь отрицать свою связь с этой девицей, она сможет привлечь тебя к суду и тебе придется явиться для дачи показаний, а она станет вываливать на публике, уже заранее исходящей

слюной, омерзительные подробности ваших отношений, и тебя будет допрашивать жадный до разных сальностей судья, а бесстыдная толпа начнет освистывать тебя и поднимет тебя на смех! О, какая ужасная перспектива! У этой девицы есть оружие, которым она в любой момент может воспользоваться и навсегда разбить сердце твоих несчастных родителей!!!»

Каждая строчка была пронизана страданием. После того как он получил письмо Штокмара, принц не смыкал больше глаз: «Я чувствую себя отвратительно, у меня все отнимается от боли».

22 ноября небо было затянуто серыми тучами, дождь лил как из ведра. Тем не менее Альберт отправился с визитом в Сандхерст, чтобы осмотреть новые корпуса военного колледжа. Вернулся он промокшим до самых костей, его трясло как в лихорадке.

В воскресенье, 24-го числа, он стоически отправился вместе с королевой во Фрогмор, чтобы вознести молитву в усыпальнице герцогини Кентской.

В понедельник 25-го, по-прежнему больной, он поехал в Кембридж. Берти прислал ему трогательное покаянное письмо, но принц хотел объясниться с ним начистоту с глазу на глаз. Отец с сыном долго гуляли по улице. Встречные узнавали их и раскланивались. Принц был почти наголову выше сына и все время наклонялся к нему. Они пришли к согласию: свадьба должна состояться как можно быстрее, чтобы Берти мог «обуздать свои дурные наклонности».

Альберт сказал сыну, что мама не посвящена в эту историю. Но Виктория все знала. Держа в руках письмо Штокмара, принц с перекошенным лицом вошел в ее комнату. Королева уже давно привыкла, что он постоянно страдает то от душевной, то от физической боли, и перестала воспринимать трагически его вечные причитания.

На следующий день она написала дяде Леопольду, что Альберт стал излишне «раздражительным и придирчивым». Ему надо почаще бывать на свежем воздухе, это пошло бы ему на пользу.

Она была чересчур эксцентричной и эгоцентричной особой, слишком женщиной и не слишком политиком, чтобы понять ту страсть к реформам, что снала ее любимого супруга. Ну чего им не хватало для счастья? Но разве мог быть счастлив Альберт с его мечтами о торжестве благочестия и набожности, порядка и мира, если надежд на их осуществление у него уже не осталось?

Он был болен, охвачен тревогой, подавлен, был одинок в этой стране бурных страстей, экстравагантной моды и слишком грубых удовольствий

для его ранимой души и хрупкого тела. Наедине с самим собой он переживал холодность светского общества, нападки прессы и тот сарказм, что англичане изливали на него, чужеродного принца, пытавшегося навязать им свою страсть к абсолюту. Он был так одинок, поскольку никто не способен был оценить тех усилий, что он прилагал в течение двадцати лет, дабы превратить это королевство в землю, достойную Божьего благословения!

Глава 14

В Америке шла война. Английский почтовый пароход «Трент» только что вышел с Антильских островов и взял курс на Англию. На его борту находилось двое южан, вырвавшихся из блокады, установленной северными штатами. Джеймс Мейсон был отправлен к англичанам, а Джон Слайдел к французам с тем, чтобы попросить у них подмогу и оружие. Корабль береговой охраны северян остановил «Трент», произвел его досмотр и арестовал двух пассажиров. Их документы едва удалось спасти, их спрятала под платьем миссис Слайдел.

Английская пресса, возмущенная оскорбительным отношением к своему флагу, начала настраивать своих соотечественников против янки. Текстильная промышленность Англии работала на хлопке из Луизианы, и британцы, естественно, были на стороне южан, закрывая глаза на то, что на их плантациях до сих пор использовался труд рабов.

Пальмерстон уже направил в Канаду восьмитысячный контингент английских войск. А лорд Рассел, министр иностранных дел, составил ноту протеста: если эmissары Юга не будут немедленно освобождены, Англия отзовет своего посла из Вашингтона, что будет означать объявление войны. Министр финансов Гладстон уверял королеву, что вся страна на стороне правительства и готова сражаться с янки.

А газеты северян, находившиеся в руках ирландских иммигрантов, развязали яростную антибританскую кампанию. «Если Англия объявит нам войну, она обречет себя на голодную смерть. Мы ее лучшие клиенты. Мы поставляем ей зерно и покупаем ее товары. При первом же пушечном залпе мы прекратим все торговые отношения с этой заносчивой Британией. Ни одно зернышко, ни один сантиметр ткани не пересечет океан», — заявляла «Бостон пост».

Виктория называла северян «головорезами». Но Альберт не был согласен ни с ней, ни с правительством, ни тем более с прессой, которую всегда винил в том, что она манипулирует общественным мнением. В воскресенье 1 декабря, встав после бессонной ночи и почувствовав еще более сильный озноб, чем обычно, он закутался в теплый халат с бархатным воротником и в последний раз зажег свою настольную лампу под зеленым абажуром.

Он был настолько слаб, что с трудом держал перо. Он искал слова, способные спасти мир, и нашел-таки выход, благодаря которому янки

сохраняли свое лицо. Британское правительство должно выразить надежду, «что капитан американского сторожевого корабля действовал не по приказу властей или, в крайнем случае, что он неправильно его понял». Альберт показал Виктории исправления, которые он, ценой нечеловеческих усилий, внес в послание Рассела. Даже Пальмерстон присоединился к его мнению. Депешу вручили лорду Лайонсу, адмиралу королевского флота. В самый разгар зимы кораблю требовалось по меньшей мере десять дней, чтобы пересечь Атлантику.

Альберт оделся и, дрожа от холода, быстро прошел через ледяную террасу Виндзорского дворца, направляясь в церковь на воскресную службу. Ни днем, ни вечером он не смог проглотить ни единого куса: «Даже чашка бульона и кусок обычного хлеба вызывали у меня рвоту». Он посидел немного в гостиной и послушал, как Алиса играла на фортепьяно, а затем отправился в постель. Ни Кларк, ни Дженнер не сочли нужным дать ему какое-нибудь лекарство.

Чтобы не тревожить Викторию, он лег на диван, стоявший в ногах их большой королевской кровати. Всю ночь он проворочался и так и не смог уснуть. Виктория вставала напоить его и, тоже лежа без сна, слушала в ночи, как часы отбивали очередной час. Утром он с трудом дошел до своей спальни, где рассчитывал отдохнуть. Королева последовала за ним с флаконом нюхательной соли, его простыни она опрыскала одеколоном. У принца поднялась температура, он то и дело повторял, что чувствует себя умирающим. Но доктор Кларк считал, что лишние волнения не нужны ни королеве, ни самому принцу: «Наш добрейший Кларк успокоил меня, сказав, что у нас нет повода для беспокойства ни сейчас, ни в будущем. Он считает, что температура скоро спадет, и уверяет, что Альберт вот-вот почувствует себя лучше».

Понедельник, 2 декабря: Альберт настоял на том, чтобы к нему допустили его старинного приятеля и соратника генерала Сеймура и лорда Метьюэна, которые представляли его на похоронах короля Португалии Педро. Он выслушал рассказ о последних мгновениях жизни своего любимого двоюродного брата. «Если температура у меня и дальше будет подниматься, я тоже умру, как Педро», — вздохнул он.

Виктория легла спать у себя в гардеробной, оставив широкую супружескую кровать в распоряжении мужа. Но и эта ночь не принесла ему облегчения. Со свечой в руках Альберт бродил из комнаты в комнату не в силах уснуть.

Вторник, 3 декабря: в шесть часов утра королева «в страхе» вызвала доктора Дженнера. Врач заставил принца выпить лауданум, от которого тот

заснул часа на полтора, что принесло ему «желанное облегчение».

По собственной инициативе Фиппс, личный секретарь принца, ежедневно отправлял бюллетень о состоянии его здоровья премьер-министру. Пальмерстон настоятельно советовал королеве пригласить к принцу какого-нибудь известного специалиста-медика. Но Виктория, вслед за Кларком, придерживалась мнения, что присутствие посторонних врачей может отрицательно сказаться на моральном состоянии Альберта. А самое главное — слухи о болезни принца ни в коем случае не должны были стать достоянием прессы! Слово «тиф» не должно было даже произноситься: «Принц переохладился и в последние дни температурил, от чего плохо спал, но Ее Величество уже наблюдала ранее Его Королевское Высочество в подобном состоянии и надеется, что через несколько дней у него все пройдет. Помимо сэра Джеймса Кларка, королева всегда может посоветоваться с доктором Дженнером, одним из самых компетентных медиков, так что Ее Величество не хотела бы давать ненужных и безосновательных поводов для беспокойства, приглашая врачей со стороны».

Отправив это послание Пальмерстону, она удалилась в свою комнату и сделала запись в дневнике о том, что погружается «в пучину отчаяния».

Альберт, обессиленный из-за продолжительного голодания, начал терять сознание и заговариваться. Алиса ни на минуту не оставляла его. В свои восемнадцать лет она была самой нежной и предупредительной сиделкой и вызывала восхищение всего двора: «С первого же дня она поняла, что спокойствие ее родителей в ее руках... Он не мог говорить королеве о своих страданиях, поскольку та не вынесла бы этого, она предпочитала закрывать глаза на надвигающуюся опасность. Ее дочь решила вести себя по-другому и ни разу не изменила себе, она не позволяла своему голосу дрожать, а слезам литься из глаз. Она сидела рядом с ним, слушала все, что он говорил, пела ему псалмы, а когда у нее истощались силы, она спокойно выходила за дверь, после чего стремглав убегала в свою комнату. Но возвращалась она все с тем же невозмутимым лицом, бледным, но без малейших следов рыданий, которые только что сотрясали ее». Она писала своему жениху: «Бедная мама... не имеет ни малейшего представления о том, как нужно за ним ухаживать, но очень хочет помочь ему...»

4 декабря, Виндзорский дворец. Виктория — королю Леопольду в Брюссель: «У меня было столько забот с моим бедным Альбертом. Его ревматизм перерос в грипп, который свалил его с ног и отнял у него последние силы. С понедельника он не выходит из своей комнаты, у него

плохой аппетит и плохой сон, что ужасно неприятно. Вы же знаете, как плохо он переносит любое свое нездоровье! Но сегодня ему уже лучше, и я надеюсь, что дня через два-три он вновь встанет на ноги. Это все очень досадно, ведь еще совсем недавно он вполне прилично себя чувствовал, пока не подхватил этот насморк, к которому добавилась масса других неприятностей...»

6 декабря, Виндзорский дворец. Виктория — королю Леопольду: «Я счастлива сообщить вам, что мой любимый Альберт чувствует себя гораздо лучше. Он неплохо спал и вчера вечером смог немного поесть».

Измученный болями принц тихо проговорил: «Ах, если бы только Штокмар был рядом...» Один лишь доктор Бейли умел избавить его от той боли, что причиняли ему его воспаленные десны. Другим придворным врачам он не доверял. Когда один из них заявил: «Через несколько дней Вашему Высочеству станет лучше», он ответил: «Нет, я не смогу поправиться. Но у меня это не вызывает удивления. И страха тоже. Я думаю, что готов к этому».

7 декабря: доктор Кларк уехал к своей тяжелобольной жене. Утром, услышав, как за окном поют птицы, принц решил, что проснулся в своем дорогом Розенау, замке своего детства. Дженнер, подозревавший, что за болезнь у его пациента, обнаружил у него сыпь внизу живота, и это стало лишним подтверждением того, что он поставил правильный диагноз. Воспользовавшись отсутствием Кларка, он постарался по возможности аккуратно сообщить королеве, что принц страдает от «желудочной лихорадки», это выражение употреблялось для обозначения тифа. Причина недуга крылась в тех чрезмерных перегрузках, которым регулярно подвергал себя принц. Учитывая состояние крайнего переутомления больного, его выздоровление грозило затянуться на долгие недели, но особо беспокоиться не следовало, поскольку это было обычным явлением в подобных случаях.

Впервые во дворце отказались от приема гостей.

8 декабря: Альберт не присутствовал на службе в дворцовой церкви. Но изъявил желание послушать церковную музыку у себя в спальне. В соседней комнате установили фортепьяно, и Алиса сыграла ему лютеранский гимн «Мой бог — моя крепость», а также его любимые немецкие мелодии. Он попросил, чтобы его кушетку придвинули к окну. Розовый солнечный свет этого зимнего утра подействовал на него умиротворяюще. Алиса укрыла его одеялом. Он открыл глаза, на губах его появилась улыбка. «Вы спали?» — спросила она. «Нет, но моя душа парила, счастливая, и я не хотел шевелиться, чтобы не мешать ей».

Вечером принц вновь поменял постель и перебрался в Голубую комнату, где в свое время умерли Георг IV и Вильгельм IV. Медики, наблюдая такую активность принца в этот день, сочли, что в течении болезни наступили «позитивные и долгожданные» изменения. Но все же решили проконсультироваться с двумя своими коллегами: докторами Холландом и Ватсоном. Последний был настроен весьма пессимистически.

Когда Виктория зашла к Альберту поцеловать его на ночь, он взял ее за руку и назвал «Gutes Weibchen» — «милый женушкой».

9 декабря, Виндзорский дворец. Виктория — королю Леопольду: «Прилагаю вам бюллетень, составленный Кларком, вы будете довольны, прочитав его. Наш дорогой больной чувствует себя лучше. Все это очень тягостно, и нет нужды говорить вам, какое это для меня испытание. И вот теперь каждый новый день приближает нас к концу этой изнурительной болезни, той самой, которой я тоже переболела в детстве в Рамсгейте, правда, у меня она проходила еще тяжелее, поскольку за мной никто не ухаживал».

10 декабря: принц настолько слаб, что даже не стал одеваться. Пальмерстон вновь предпринял попытку убедить королеву в необходимости проконсультироваться с другими врачами: «Это дело величайшей государственной важности, и любые личные мотивы или самолюбие должны отступить перед интересами государства».

11 декабря, Виндзорский дворец. Виктория — королю Леопольду: «Могу вам сообщить, что ночь прошла спокойно. Никакого ухудшения, а по-прежнему обнадеживающие признаки».

В восемь часов утра она была у постели Альберта и присела у него в изголовье, а он нежно склонил голову на ее плечо и вздохнул: «Мне так хорошо рядом с тобой, дорогая моя девочка». Королева помогла ему подняться, чтобы перейти на кушетку на колесиках, которую она повезла в соседнюю комнату, чтобы дать возможность слугам убраться в его спальне. У двери он попросил остановиться перед его любимой картиной — мадонной Рафаэля, написанной на фарфоре, «которая почти полдня бывает единственной моей компанией».

Чуть позднее он поинтересовался самочувствием Вики, которая вновь была беременна. Он спросил у Алисы, написала ли та сестре. «Да, я сообщила ей, что вы больны». — «Ты допустила ошибку, тебе следовало сообщить ей, что я при смерти. Да, я умираю». Он с трудом произнес еще несколько слов. Алиса наклонилась к нему, но так и не смогла разобрать, что он сказал.

12 декабря, Виндзорский дворец. Виктория — королю Леопольду: «Я

вновь могу сообщить вам утешительные новости

о состоянии здоровья нашего обожаемого больного. Он не выглядит обессиленным и эту ночь тоже провел вполне спокойно. Он демонстрирует хороший аппетит и удивительную энергию. Я постоянно захожу к нему в спальню, чтобы провести его, но после тех четырех жутких ночей на прошлой неделе, когда врачи диагностировали у него желудочную лихорадку, я не остаюсь у него на ночь. Я вряд ли могла бы помочь ему этим, да и поводов для особого беспокойства нет. Дважды в день я выхожу на свежий воздух и по часу гуляю. Мы переживаем тяжелые дни. У меня не хватает слов, чтобы выразить, насколько доктор Дженнер умный, предупредительный и преданный человек. Можно сказать, что он самый крупный специалист в Европе по лихорадке... Наш милейший старенький Кларк тоже проводит у нас все дни».

А между тем у принца вновь начала повышаться температура. Ему стало трудно дышать. Он начал бредить. Фиппс немедленно поставил об этом в известность Пальмерстона, который ответил ему следующее: «Ваше сообщение явилось для меня громом среди ясного неба. Нам остается лишь уповать на то, что Провидение отведет от нас это неизмеримое горе».

Пятница, 13 декабря. В восемь часов утра Виктория нашла Альберта в почти бесчувственном состоянии, с широко раскрытыми глазами. Он еле дышал. Дженнер констатировал, что появились тревожные симптомы отека бронхов. Королева бросилась к себе в комнату. «Я молилась и рыдала до иступления. О, как только я не сошла тогда с ума!» — напишет она позже.

Впервые она вышла к столу, не переодевшись. Она была не в состоянии проглотить хотя бы кусок. Когда в девять часов вечера она пришла к принцу пожелать ему спокойной ночи, врачи не подпустили ее к его кровати.

Алиса решила предупредить Берти, который находился в Кембридже. Чтобы не напугать его, она не стала сообщать ему всей правды. Нимало не обеспокоенный Берти весело поужинал в компании своих приятелей и прибыл в Виндзорский дворец лишь утром следующего дня.

14 декабря: «Я никогда не забуду, как красив был мой любимый, вытянувшийся вот так на кровати, с лицом, освещенным встающим солнцем. Его необычно блестящие глаза словно всматривались в невидимые мне предметы и не замечали меня».

Вокруг него стояли догоревшие до основания свечи, а врачи, не отходившие от него всю ночь, выглядели совершенно растерянными.

Утром Алиса, Берти, Ленхен, Луиза и Артур по очереди вошли в спальню отца, чтобы, едва сдерживая дрожь, поцеловать его руку, а он уже

не узнавал их. Он потребовал к себе Фиппса, который явился, чтобы в свою очередь приложиться к руке принца. Его секретарь генерал Грей и главный конюший Томас Биддалф также были допущены для прощания и оба не смогли сдержать рыданий.

Виктория сидела в изголовье у Альберта. Доктор Ватсон сделал ей знак дать умирающему глоток коньяка. Она отрицательно качнула головой. У нее слишком сильно тряслись руки.

В безумной надежде сбить принцу высокую температуру медики решили погрузить его в ванну и попросили Викторию покинуть его комнату. Она вернулась чуть позже: «Я наклонилась к нему и сказала: “Es ist kleinstes Fräulein”^[80], на что он слегка кивнул головой. Я спросила, не хочет ли он подарить мне “ein Kuss”^[81], и он пошевелил губами. Казалось, что он пребывал в полусне и выглядел очень спокойным. Я быстро вышла из комнаты и тут же рухнула на пол от отчаяния. Меня попытались утешить, но от этого мне стало только хуже. Затем за мной пришла Алиса. Я взяла его левую руку, она уже похолодела. Он еле дышал, я опустилась рядом с ним на колени. По другую сторону кровати стояла на коленях Алиса, а в ногах — Берти и Ленхен. Фиппс, Брюс и настоятель Виндзорской церкви преклонили колена напротив меня. Он сделал два или три глубоких спокойных вдоха, его рука по-прежнему оставалась в моей, и все, все было кончено. Я поднялась, поцеловала его любимый, божественный лоб и закричала от переполнявшей меня боли: “О, любовь моя, о, мой дорогой!” Я упала на колени в безмолвном отчаянии, совершенно потерянная, неспособная произнести хоть одно слово, пролить хоть одну слезинку».

В полночь туманное безмолвие Лондона было нарушено похоронным звоном, это бил колокол в соборе Святого Павла. Вслед за ним зазвонили колокола по всему королевству, оповещая подданных Виктории, что Англия только что лишилась своего «короля».

Глава 15

«Неужели я все еще жива, и это после всего того, что я видела? Я, каждый день просившая Бога позволить нам умереть в один день и не дать мне пережить его! Я, верившая, лежа в его крепких и нежных объятиях в благословенные часы ночи, когда весь мир будто принадлежал лишь нам двоим, что ничто и никогда не сможет разлучить нас!» — изливала королева свое горе в письме Вики через четыре дня после кончины принца.

В воскресенье, поддерживаемая дочерьми, она дважды возвращалась в Голубую комнату, где находила своего Альберта, «прекрасного, словно мраморная статуя», среди моря цветов. Чтобы не забыть его лишь в таком виде, отмеченном печатью святости, она решила не входить к нему в третий раз. Но приказала сфотографировать комнату, в которой он скончался, чтобы навсегда сохранить в ней все в том неизменном виде, в каком это было при нем.

Она казалась спокойной, вернее, слегка отрешенной. Она еще не осознала, а скорее, отказывалась принимать случившееся. Все вокруг были готовы к тому, что она может сорваться. Алиса спала в ее комнате, а Дженнер заставил принять на ночь лауданум, благодаря которому она забылась тяжелым сном. Утром ей в кровать принесли Беатрису, «Бэ-би Би», одетую во все черное. Вечером она заснула, прижав к себе рубашку Альберта.

Как и королева, страна пребывала в недоумении. «Новость о серьезной болезни принца-консорта взволновала и удивила в субботу всю Англию. До этого читателям “Court Circular” сообщалось лишь о том, что у Его Королевского Высочества легкое недомогание», — писала «Таймс», вышедшая с черной траурной рамкой, хотя еще накануне, за несколько часов до смерти Альберта, она печатала на своих страницах последние, обнадеживающие бюллетени о состоянии здоровья принца, подписанные придворными врачами. «Лишь услышав похоронный звон, англичане поняли, что новость оказалась достоверной... Первым чувством, охватившим их всех, был страх, что у королевы не хватит сил перенести горе, выпавшее на ее долю по воле Провидения».

Люди были настолько обеспокоены, что Букингемский дворец незамедлительно обнародовал бюллетень, сообщающий, что «королева мужественно переносит постигшее ее несчастье и общее состояние ее здоровья не вызывает опасений».

Доктор Дженнер подписал акт о смерти принца-консорта: «Брюшной тиф, продолжительность болезни — двадцать один день». Но «Ланцет» и другие медицинские издания тут же поставили под сомнение этот диагноз. Если это действительно был тиф, то каким образом никто из членов королевской семьи или придворных не заразился? Было выдвинуто предположение о том, что принц был болен раком кишечника или желудка, что лучше объясняло депрессивное состояние его высочества и непрерывные боли, не дававшие ему покоя все последние годы. «Я даже не предполагала, что все это настолько серьезно!» — вздыхала Виктория, несмотря ни на что продолжавшая доверять своим личным врачам. Она соглашалась с Кларком, видевшим причину смерти Альберта в переутомлении, переохлаждении, а главное — в переживаниях, вызванных выкрутасами Берти. 17 декабря лорд Кларендон написал: «Страшно подумать, что жизнь такого человека, возможно, была принесена в жертву безумной ревности, которую сэр Джеймс Кларк испытывал ко всем своим коллегам».

Из Брюсселя дядюшка Леопольд, «потрясенный печальным известием настолько, что сам слег в постель», увещевал племянницу: «Незыблемое чувство долга поможет тебе справиться с твоим горем... Я советую тебе сразу, как только это станет возможным, уехать из Виндзора в Осборн».

19 декабря королева, одетая во все черное, морем отбыла в Осборн, перед отъездом она отрезала по пряди волос у себя и своих дочерей, чтобы их длинные шелковистые локоны вложили в руку ее горячо любимого супруга. По традиции женщины не должны были присутствовать на похоронах. Берти посадил мать и сестер на королевскую яхту. В Виндзоре он руководил траурными мероприятиями с исключительным достоинством, ему помогали его брат принц Артур, Фриц и герцог Саксен-Кобургский. Похороны прошли без какой-либо помпы, как того желал сам Альберт, в присутствии всех видных политических деятелей королевства. «Прощаясь с принцем Альбертом, мы прощались с нашим Государем. Этот немецкий принц в течение двадцати одного года правил Англией с такой мудростью и энергией, каких не проявил до него ни один из наших королей», — писал Дизраэли. Многие не смогли удержаться от слез, когда немецкий хор запел кантик^[82] «Я не останусь в могиле».

Перед тем как покинуть Виндзор, Виктория выбрала место для мавзолея, в котором будет покоемся Альберт. Его построят во Фрогморе, неподалеку от склепа ее матери. Там будет возведена восьмиугольная капелла по проекту друга принца-консорта Людвига Грюнера, который взял за образец итальянские церкви XIII века, а расписана она будет в стиле

Рафаэля, столь любимого Альбертом.

Нисколько не сомневаясь в том, что она скоро последует за мужем, Виктория привела в порядок все свои бумаги.

«Нет у меня больше счастья в жизни! Весь мир ничего больше для меня не значит... Оказаться разлученными в разгар весны нашей жизни, увидеть порушенным наш семейный очаг, такой чистый, счастливый и мирный, который только и давал мне силы выполнять столь ненавистные мне обязанности», — писала она из Осборна дяде Леопольду.

Еще больше, чем боль потери, ее угнетала мысль, что она не сможет достойно продолжить ту колоссальную работу, которую столь образцово выполнял принц. Дотошный Альберт интересовался абсолютно всем. В 1859 году, например, он пригласил в Бальморал ученых, и они едва уместились в двух омнибусах, которыми их доставили туда. Как она могла продолжить его дело, если ни в чем не разбиралась! Кстати сказать, муж постоянно напоминал ей об этом. Именно Альберт по утрам одобрял выбор ее платья и шляпки. Именно Альберт диктовал ей все ее речи и письма, которые ей следовало написать. Именно Альберт объяснял ей, какую позу она должна принять перед художником или скульптором, дабы ее изображение дошло до потомков во всем своем величии, восславляя монархию. 21 декабря Мериме поделился с матерью императрицы Евгении дошедшим до него слухом: «В Англии, видимо, опасаются, как бы королева, отличающаяся “повышенной возбудимостью”, как это дипломатично и тактично называют здесь, не потеряла над собой контроль и не наделала бы глупостей. Ведь раньше ее сдерживал принц Альберт, известный своим здравым смыслом. Теперь же нет никого, кто мог бы заменить его».

Виктории казалось, что она вот-вот сойдет с ума. Она потребовала, чтобы Военно-морское артиллерийское училище в Портсмуте прекратило стрельбу из своих пушек, поскольку это было слишком тяжелым испытанием для ее бедных ушей. Она была так погружена в свой траур, что в иные дни даже не могла разговаривать. Целыми часами сидела она в полной прострации в своем кабинете и с бесконечной тоской смотрела застывшим взглядом на проплывавшие за окном тяжелые тучи, даже не видя их. Ветер гнул к земле последние молодые деревца, посаженные Альбертом. Она не могла отмечать Рождество, без ее «обожяемого ангела» этот праздник терял для нее всякий смысл. Даже забавные словечки Беатрисы, которой скоро должно было исполниться четыре года, больше не вызывали у нее улыбки, поскольку рядом не было их «дорогого папы», чтобы восторгаться этим вместе с ней.

Память ее хранила все жесты, все слова принца. Она постоянно возвращалась к ним, дабы исполнять свои обязанности с достойным похвалы усердием. «Его желания, его планы, его мнение по всем вопросам отныне будут для меня законом. Никакая сила в мире не сможет заставить меня отказаться от того, что он решил или пожелал!» — писала она 24 декабря дяде Леопольду, который сообщил ей о своем приезде, он собирался вновь направлять ее в жизни, как делал это, когда она была ребенком.

Но она уже не была той юной и наивной королевой, какой была до замужества, она была матерью девятерых детей, а еще и бабушкой. И это для них она должна была защищать интересы короны, это для них она станет бдительной хранительницей династии. Верной воле Альберта, который тщательно спланировал будущее каждого из своих детей.

Она черпала в своей очерствевшей душе энергию, необходимую для того, чтобы подписывать все эти бесчисленные документы, меморандумы и указы, которые дважды в день складывали ей на стол. Разве принц не любил повторять, что «любое человеческое существо, включая и его жену, способно сделать безгранично много при условии, что приложит к этому усилие»? Депеши поступали от генерал-губернаторов Мальты, Гибралтара, Цейлона, Гонконга, Новой Зеландии, Тасмании, Антильских и Бермудских островов... Ей понадобилось несколько месяцев, чтобы расшифровать и понять созданную Альбертом методику классификации, ведения и хранения различных досье. Ежедневно она писала от пятнадцати до двадцати писем. Иногда по три раза перечитывала она очередной меморандум, чтобы как следует понять его смысл и вникнуть в контекст. Отныне генерал Грей стал исполнять обязанности ее личного секретаря. Кроме того, при ней всегда находились герцогиня Сазерленд и заботливая и внимательная Алиса.

Придворные дамы отвечали на множество писем с соболезнованиями, которые мешками приносили лакеи в черных ливреях. Один старенький пастор писал королеве: «Вы должны помнить, что отныне вашим мужем будет сам Иисус Христос». В своем дневнике Виктория возмущенно записала: «На мой взгляд, это самая настоящая глупость».

О, нет! Альберт не умер! Она ждала его в любой час дня и ночи, и звук чьих бы то ни было шагов за дверью рождал у нее надежду, что это он войдет сейчас к ней. Он не покинул ее. Он просто переместился в другой мир: «Его чистота была слишком велика, а устремления слишком возвышенны для этого бренного мира, преисполненного низости. И лишь теперь его великой душе воздается то, что она заслужила». Она постоянно

носила в кармане часы, золотую цепочку или носовой платок Альберта. 1 января она перебрала сделанные ею портретные зарисовки принца и выбрала ту, на которой он был изображен в килте, решив заказать с нее статую.

В Осборн, любимую резиденцию, созданную стараниями ее дорогого супруга и продуманную им до мельчайших деталей, съехались все члены их семьи, которые ходили по дому на цыпочках и разговаривали шепотом. По паркету, словно в молчаливом танце, скользили дамы в черных траурных платьях. Виктория заставляла себя дважды в день выходить на свежий воздух, но ей было трудно гулять пешком, поэтому она передвигалась в своей «pony-chair»^[83]. Она больше не садилась за фортепьяно и даже не могла слушать музыку.

Она отказывалась принимать посетителей, кроме самых близких друзей принца из тех, с кем он обычно ходил на охоту. Она встречала их «в кабинете моего дорогого Альберта, в котором все оставалось в том же виде, что и при нем». У генерала Сеймура она спросила, не считает ли он, что причиной неожиданной смерти принца могла стать эта ужасная история с Берти, на чем настаивал доктор Кларк. Но старый приятель Альберта был категоричен: «Никак нет, сударыня!»

29 января приехал Пальмерстон, одетый в светло-серые панталоны и рубашку с голубыми пуговицами, но «очень встревоженный». Поздравляя ее с Новым годом, он пожелал ей не пренебрегать своим здоровьем, «ибо хорошее самочувствие Ее Величества важно не только для ее детей, но и для всех ее подданных, которые без этого не мыслят своего счастья». Они обсудили вопрос о будущем наследного принца, который в эти трудные дни вел себя как истинный джентльмен. Своему престарелому премьер-министру она призналась, что считает сына «милым и серьезным» молодым человеком. Они сошлись во мнении, что его следует как можно быстрее женить. Она сокрушалась в письме к Вики, что принц Уэльский слишком похож на нее «и в мужском варианте это оказалось еще хуже». Дабы избежать ссор с сыном и упреков в его адрес, Пальмерстон посоветовал ей отправить Берти в длительное путешествие. Виктория в знак согласия кивнула головой и сцепила под грудью, на своем монашеском платье, пухлые ручки с унижанными перстнями пальцами.

Ее голубые, слегка навывкате глаза постоянно были мокрыми от слез, а у упрямого рта залегла горькая складка. Она отказывалась скрывать свою бледность под пудрой и румянами. Приехавшая навестить ее Вики была потрясена. «На нашу дорогую мамочку трудно смотреть без слез. Она такая молодая и красивая в своем белом чепце и вдовьей вуали. Она теперь

всегда спит, накрывшись папиным пальто и положив рядом с собой на кровати его красный домашний халат и несколько других его носильных вещей. Бедная мама навсегда обречена ложиться одной в постель и вставать одной. Она любила бедного папу так, словно они только вчера поженились. Она так хотела родить еще одного ребенка. Мы все сейчас чувствуем себя неприкаянными, словно стадо, оказавшееся без пастуха», — писала она Фрицу.

10 февраля королева отметила бы с Альбертом двадцать вторую годовщину их свадьбы. Этот благословенный день, наравне с днем рождения принца-консорта и днем его смерти, стал священной датой, которую следовало провести в молитвах. Поэт Теннисон, живший по соседству, прислал Виктории экземпляр своих «Idylls»^[84], посвященных памяти «Альберта Доброго». Но не расставалась она с другой его поэмой — «In Memoriam»^[85]. Она читала и перечитывала ее:

*И осталась я в одиночестве, почти потеряв надежду,
Жизнь, мысли — это не тот багаж,
Что нужен был безутешной вдове в ее скитаниях по печальной
земле,
Где все, что попадалось мне на глаза, все напоминало о нем.*

17 февраля она писала лорду Дерби: «Выразить словами скорбь королевы и ее глубочайшее отчаяние почти невозможно: кажется, что любое чувство тонет в этой безбрежной тоске. Она видит, как на деревьях набухают почки, как удлиняются дни, как распускаются первоцветы, но сама продолжает жить в декабре».

Она, которой вечно было жарко, теперь постоянно дрожала от холода в своих черных одеждах, она похудела и жаловалась на мигрени и полный упадок сил.

Она вернулась в Виндзорский дворец, где ее ждало тяжелое испытание: это были бесчисленные напоминания об Альберте, от которых никуда было не деться. В прихожей на круглом столике на одной ножке лежали его перчатки и охотничья шляпа, лежали так, будто он только что положил их туда. Она запретила их трогать. Все, что в той или иной степени имело отношение к принцу, переходило в разряд мемориального. Так, один мемориальный камень был установлен на том месте, где Альберт подстрелил своего первого оленя, другой — где он сделал свой последний выстрел. Голубую комнату превратили в музей, стены там перекрасили, на

кровать положили короны.

Каждое утро горничная приносила туда свежие цветы. А Ричард, лакей принца, каждый день выкладывал на диван костюм хозяина, его жилет, его носки, рядом ставил его обувь. В туалетной комнате всегда был наготове кувшин с горячей водой, словно принц пойдет сейчас бриться. Каждый вечер Ричард готовил на завтра свежую рубашку, менял манишку и манжеты. За несколько недель до смерти хозяина он собирался уйти на пенсию. «Прошу вас, оставайтесь, мистер Ричард, мне недолго осталось жить», — попросил его принц.

Фотограф запечатлел Альберта на смертном одре. Одну из этих фотографий Виктория приказала размножить и повесить на спинку каждой из их супружеских кроватей в Виндзоре, Осборне и Бальморале, справа, как раз над тем местом, на котором ее супруг по ночам лежал рядом с ней. Уильяму Тиду она заказала бюст принца-консорта, первый из поставленной затем на поток серии, которая принесет скульптору целое состояние. Один из этих бюстов всегда будет находиться рядом с королевой, где бы она ни была, и каждый раз, когда ее будут фотографировать, он тоже будет в кадре, чтобы напомнить миру, что Альберт продолжает царствовать.

Вся Англия скорбела вместе с королевой и вместе с ней создавала культ этого немецкого принца, которого при жизни упрекала в излишнем пуританстве. Двор носил по нему траур, кареты задрапировали черной тканью, ливреи лакеев и конская упряжь были черными. На почтовой бумаге Виктории появилась черная траурная рамка, причем была она такой широкой, что на странице едва оставалось место, чтобы написать несколько слов.

На Оксфорд-стрит несколько лавок специализировались на продаже черных страусовых перьев для женских шляпок, траурных нарукавных повязок из крепа, фиолетовых попон и черных плюмажей для лошадей. Страну словно придавило свинцовой тяжестью. Никогда еще пасторы с высоты своих кафедр так рьяно не обличали беззаботные радости и легкомысленный флирт, которым предавалась Франция в правление Наполеона III, устраивая бесконечные балы и весело кружась в вальсе под музыку Оффенбаха. Никогда еще англичане не одевались так строго, застегиваясь на все пуговицы до самого подбородка, а поэты и писатели не воспевали так часто смерть.

«Блэквуд мэгэзин» опубликовал на своих страницах стихи, которые следовало петь на музыку «Боже, храни королеву»:

Господи, встав на колени,

*Три безутешных королевства^[86] зывают к тебе:
Боже, спаси королеву,
Всемиловитый Боже,
Облегчи ее ношу и поддержи ее
В глубочайшей, всеобъемлющей ее скорби.
Боже, спаси королеву.*

Вскоре школьники будут учить, что «никогда в истории нашего государства смерть принца королевской крови не вызывала такой глубокой и такой единодушной скорби».

В мае Виктория приехала в Бальморал, где всё, еще больше, чем где бы то ни было, напоминало ей о принце. Она бродила там по дому из комнаты в комнату буквально в состоянии агонии, Алиса и Аффи поддерживали ее под руки. При виде каждой оленьей головы на стене словно нож вонзался ей в сердце. Она ласково гладила рукой пальто Альберта, его шляпы и килты, и потоки слез изливались у нее из глаз. Ее друга герцога Аргайла, прибывшего в Бальморал по делам правительства, мажордом сразу же по приезде предупредил, что королева весь день непрерывно плакала. Когда его допустили к ней, она лишь слабо кивнула ему головой, будучи не в состоянии произнести хоть слово.

Ее верные гилли переживали не меньше нее: и Грант, и особенно Браун. Этот тридцатишестилетний холостяк с всклокоченной бородой легко проливал слезы. В прошлом году, когда королева сказала ему, что принц никогда не сокрушается, если ему не везет на охоте, он уверял ее: «Любой в ваших владениях подтвердит, что он самый ловкий охотник, ему нет здесь равных». Почти с материнской нежностью усаживал он Викторину в ее «ропу-chair» и заботливо подтыкал со всех сторон одеяло, чтобы она не замерзла во время прогулки. Один из первых своих визитов королева нанесла пожилой соседке, похоронившей этой зимой мужа. «Мы плакали с ней на пару, она и я, — рассказывала старуха. — Потом я взяла себя в руки и попросила у нее прощения за то, что позволила себе плакать перед ней. А она ответила: “Что вы, это такое облегчение поплакать с кем-то, кто испытывает то же, что и ты. Вы видели, что к вашему мужу подбирается смерть, я же ничего не увидела. Все произошло так неожиданно”».

Берти вернулся из поездки в Египет «заметно изменившимся в лучшую сторону». Он привез в подарок «малышам» живописные восточные одежды. К сожалению, его наставник, милейший генерал Брюс, вскоре умер от какой-то инфекции, которую он подхватил во время

путешествия. Вопрос о женитьбе наследника британского престола вновь стоял на повестке дня, причем как никогда остро. Но не изменила ли своего мнения о Берти принцесса Александра, узнав о его интрижке с Нелли Клифден? Вики должна была довести до сведения матери принцессы, что «некие мерзавцы завлекли нашего бедного, невинного мальчика в осиное гнездо, что повергло в отчаяние его дорогого отца и меня... но что мы оба простили ему эту его единственную досадную ошибку... и что я не сомневаюсь в том, что он будет хорошим мужем... Я рассчитываю на его жену и надеюсь, что она станет для него спасением».

Сколько работы, сколько разных домашних проблем сразу навалилось на Викторию! Она не смогла бы пережить еще одной смены правительства! В июне в Виндзорском дворце королева беседовала с лордом Кларендоном о нападках оппозиции на действующий кабинет министров и несколько раз хваталась за голову: «О, мой бедный рассудок! О, мой бедный рассудок!» Она попросила лорда Кларендона сообщить лорду Дерби, лидеру тори, возглавлявшему оппозицию, что политический кризис может довести королеву до безумия. Ее послание было услышано. Пальмерстон остался премьер-министром. После долгих препирательств она согласилась присутствовать на первом заседании Тайного совета, но пожелала сидеть в соседней комнате при открытой двери. Она не отказывалась исполнять свои обязанности, но, демонстрируя гордость и робость одновременно, не желала выставлять напоказ свое горе. Мысль, что ее будут разглядывать, вызывала у нее отвращение.

Она настаивала на том, чтобы свадьба Алисы состоялась 1 июля, как это планировал Альберт. Но в Осборне и в самом узком кругу. Каждый удар молотка в столовой, где устанавливали алтарь, болью отзывался у нее в сердце. Убор невесты был черного цвета, а свадебный обряд лютерански строгим. Накануне вечером в своей спальне Виктория вручила дочери Библию, точно такую же, какую сама получила от матери перед «блаженным» днем собственного бракосочетания.

Мужчины были в траурных костюмах, женщины в лиловых платьях. Королева под вдовьей вуалью появилась в столовой в сопровождении сыновей и изобразила на лице слабую улыбку, когда туда вошла ее дочь под руку со своим дядей Эрнестом Саксен-Кобургским, который вел ее к венцу. Но тут ей пришлось сесть, поскольку на нее нахлынули воспоминания об Альберте и у нее подкосились ноги. Алтарь стоял под большим полотном Винтерхальтера, изображавшим королевское семейство, с которого принц с поднятым вверх пальцем словно благословлял молодых.

Обедала Виктория лишь с маленькой Беатрисой и новобрачными.

Наблюдать радость молодых, сидевших, переплетя руки, было для нее настоящим страданием. На следующий день она писала Вики: «Грустная свадьба Алисы (скорее похороны, чем свадьба) закончилась. Свершилось, она теперь замужняя женщина! Да благословит ее Господь! Но сегодня утром словно кинжал вонзился в мое сердце, когда она заявила мне, что чувствует себя гордой и счастливой оттого, что стала супругой Людвига».

В течение лета Виктория несколько раз тайно приезжала в Букингемский дворец и бродила там по гостиным, покоем и бесконечным коридорам. Альберту не нравился воздух в этом замке, и она заявила, что больше никогда не сможет там жить. Отныне ее жизнь будет делиться между Виндзором, Осборном и Бальморалом и протекать по раз и навсегда заведенному распорядку, который не будет нарушаться даже ради поездок на континент.

В ожидании завершения строительства мавзолея Виндзорскую церковь переименовали в «Albert Memorial Chapel»^[87]. Стены ее изнутри были заново облицованы мрамором, купол горел медью, а пять бронзовых ангелов склонились над саркофагом с телом принца. У Виктории были и другие проекты, но Пальмерстон предупредил ее, что все эти расходы будут покрываться из ее личных средств.

26 августа она отмечала в Бальморале день рождения своего любимого супруга. Она приказала установить в его честь обелиск и отправилась на его открытие в своей «ropu-chair». Берти шел рядом с ней. Ленхен и Луиза ехали верхом на лошадях. За ними двигалась легкая повозка, которой правил Браун; сквозь вересковые заросли они направлялись к вершине горы Крэг Гоуан, на которой в 1852 году Альберт сложил пирамиду. «Я подумал, что вам будет приятно побывать здесь, — сказал Грант. — Он не хотел бы, чтобы это был день траура». Вздыхнув, Виктория согласилась с ним: «Эти простые и добрые люди так прямодушны и честны».

1 сентября она вошла на борт своей яхты вместе с пятью младшими детьми: Ленхен, Артуром, Луизой, Леопольдом и Беатрисой — и отправилась в паломничество по святым для их семейства местам, где когда-то жил принц. Их сопровождала маленькая свита всего из шести человек, среди которых были генерал Грей и доктор Дженнер.

В Лакене король Леопольд организовал ей встречу с ее будущей невесткой. «Мне необходимо увидеться с малышкой до ее новой встречи с Б., чтобы я могла решить, пока еще не поздно, устраивает ли она меня», — писала Виктория Вики. Первое впечатление было хорошим. В черном платье, с длинными каштановыми локонами, обрамляющими ее прелестное лицо с высоким лбом и падающими ей на плечи, юная Александра,

принцесса Датская, держалась просто и с достоинством: «Она такое очарование... Я передала ей веточку белого вереска, которую Берти сорвал в Бальморале, и выразила надежду, что она принесет ей счастье». Она писала Вики, что теперь «прекрасный образ Александры словно реет перед моим взором, затуманенным слезами, рядом с образом твоего дорогого папочки», но при этом не удержалась и заявила родителям девушки: «Надеюсь, что коли ваша прелестная дочь примет предложение нашего сына, то сделает это без всякого принуждения, а по велению сердца».

Феодора проводила ее до Готы, куда они ехали на специальном поезде, а там ее встретил Эрнест Саксен-Кобургский. Берти присоединился к своим братьям и сестрам через несколько дней — после того, как сделал официальное предложение датской принцессе. Королева слушала рассказ сына, ослепленного красотой Александры: «Она сразу же сказала “да”. Но я умолял ее не торопиться с ответом и подумать. А она сказала мне, что уже давно подумала. Я спросил, нравлюсь ли ей. Она ответила “да”. Тогда я поцеловал ей руку, а она обняла меня». Леопольд с умилением наблюдал за тем, как они прогуливались рука об руку: «Берти хорошо справился с этим делом. Он не захотел устраивать официальную церемонию в доме, а поговорил с принцессой, пригласив ее на прогулку в парк. Ему повезло, поскольку стояла солнечная погода. Берти прелестный юноша, и его невеста, судя по всему, очень ему нравится». И добавил: «Этот брак — воистину брак по любви».

В воскресенье, перед тем как отправиться на прогулку по окрестным лесам, семейство почти в полном составе посетило церковную службу. Королева все еще чувствовала себя недостаточно хорошо и могла совершать прогулки лишь в привезенной с собой «ropey-chair» под бдительным оком Брауна. Этой могучий гилли не жалел сил, не зная отдыха ни днем ни ночью, дабы уберечь свою государыню от малейшего переутомления и предугадать любое ее желание. Ее дорогая Лецен приехала к ней из Ганновера, и они, заливаясь слезами, вспоминали на пару первые визиты Альберта в Лондон, его исключительную красоту, изящные жесты и уже тогда слабый желудок.

Из Берлина приехали Вики и Фриц и привезли очень плохие новости. Прусский король, не найдя общего языка с парламентом, решил отречься от престола в их пользу. Но потом вдруг передумал. Под нажимом армии и мелкопоместного прусского дворянства он призвал из Парижа на родину Бисмарка, чтобы назначить его своим премьер-министром и одновременно министром иностранных дел. Находившийся в этот момент на водах в Баньер-де-Люшон прусский посол во Франции получил от военно-

морского министра генерала Рона зашифрованную телеграмму: «Груша созрела», что означало: «Возвращайтесь, вас ждет пост министра-президента». Отец Фрица между тем прибыл инкогнито к Виктории, чтобы поделиться с ней своими проблемами.

Престарелый лорд Рассел, занимавший пост министра иностранных дел, сопровождал королеву в ее поездке на континент. Но 19 сентября, после поражения конфедератов на Потомаке, в войне Севера и Юга произошел перелом. Лорд Грэнвилл сменил лорда Рассела на посту министра ее величества.

А Фриц срочно отбыл в Берлин, где 30 сентября Бисмарк выступил в парламенте со своей программой, которая отличалась неприкрытой воинственностью: «Не речами и не законами следует решать наиважнейшие вопросы современности, как это ошибочно делали в 1848 и 1849 годах, а железом и кровью». Альберт явно не одобрил бы этих слов! Вики терпеть не могла Бисмарка, и он платил ей той же монетой. Однако ее советник, сын Штокмара, советовал ей не вмешиваться в мужские дела.

3 октября Виктория отправилась в Кобург. Ее старшая дочь выехала туда ранним утром, чтобы встретить мать на месте. При появлении кареты королевы гвардейцы взяли на караул, оркестр грянул туш, забили барабаны, затрубили фанфары. «Что за шум! Бедная моя голова! Только бы весь этот грохот поскорее прекратился!» — простонала Виктория, находившаяся во власти воспоминаний. Сидевший позади королевы Браун выпрыгнул из кареты и подбежал к офицеру. «Nix Boom Boom»^[88], — проговорил он самым решительным тоном. И музыка тут же стихла.

Встреча со Штокмаром была очень трогательной. «Как бы я хотел вновь увидеть моего принца живым», — то и дело повторял старый барон, окончательно отошедший от дел и удалившийся на покой в свой родной Кобург. Виктория рассказала ему, что дала поручение королевскому архивариусу сэру Артуру Хелпсу собрать все речи, произнесенные когда-либо Альбертом и написанные им под руководством немецкого барона. А генерал Грей писал ту часть биографии принца, которая охватывала его жизнь до женитьбы. Чтобы помочь ему в этом, Виктория передала Ленхен все письма Альберта, и та должна была перевести их с немецкого языка на английский.

«Королева чувствует себя настолько хорошо, насколько это вообще возможно в подобные моменты сильнейших переживаний, что она испытывает на родине своего горячо любимого принца. Она ежедневно бывает на людях», — сообщала «Таймс». Тетки и кузены королевы толклись в гостиных замка. Виктория отказалась присутствовать на свадьбе

сына Феодоры, но поклонилась праху своей тетушки, супруги принца Фердинанда Саксен-Кобургского. Артур часто уходил побродить по горам. Бедный Леопольд где-то поранился. Ему было всего девять лет, и его гемофилия держала всех в постоянном напряжении, заставляя опасаться самого худшего. Перепуганная королева на два дня отложила свой отъезд. Затем непогода вынудила ее задержаться в Брюсселе дольше, чем она рассчитывала. Так что в Осборн она вернулась лишь 28 октября после двухмесячного отсутствия на родине.

5 октября к британскому берегу причалила датская яхта, на борту которой находились принцесса Александра и сопровождавший ее отец. Виктория пригласила будущую невестку провести с ней несколько дней до приезда Берти: «Я хочу, чтобы она научилась видеть нас собственными глазами, а не через очки Б». Принцесса терпеливо выслушивала рассказы будущей свекрови о ее прошлом и о ее дорогом супруге. По-девичьи секретничала с диковатой Ленхен, после смерти отца интересовавшейся лишь лошадьми. Но больше всего она общалась с Аффи, единственным членом семьи, которого смерть отца застала вне дома, он был тогда в море. Аффи рассказал ей, что не-смог даже поплакать там, поскольку ему негде было спрятаться на корабле от посторонних глаз. В отличие от Берти, Аффи был очень привязан к отцу.

Присутствие этой юной восемнадцатилетней датчанки, которую в семье называли Алике, скрасило траур королевы, окончательно покоренной этим «сокровищем, дарованным им небом». Но пруссаки смотрели на все это без особой радости. Они опасались, что отныне в их конфликте с датчанами из-за герцогств Шлезвиг и Гольштейн Англия примет сторону их противников.

А Греция искала себе короля. В этой связи было названо имя Аффи. Но Виктории эта идея пришлась не по вкусу. Юному принцу было всего девятнадцать лет, а Берти мог не сегодня-завтра умереть от тифа. Ведь в Португалии «смерть за три месяца унесла сразу троих принцев». Кроме того, Альберт хотел, чтобы Аффи унаследовал после бездетного Эрнеста престол Кобурга. «Я бы хотела, чтобы немецкое начало свято почиталось и культивировалось в нашем семействе», — писала королева Вики. Но король Леопольд придерживался другого мнения. Он всегда сожалел о том, что ему не достался греческий престол: «Если бы в 1830 году герцог Веллингтон и Абердин не провалили этот проект, я бы непременно уехал туда. Но что тогда стало бы с тобой, моя дорогая девочка? Твой счастливый брак не был бы заключен». Он и сегодня хотел, чтобы греческая корона досталась их семье: «Самой лучшей кандидатурой для этого является

Эрнест, который мог бы передать свои полномочия Альфреду... Ему хватило бы ума превратить Грецию в Балканскую Швейцарию».

От всех этих дискуссий у Виктории вновь голова пошла кругом. А тут еще с Мальты, где встал на стоянку корабль Аффи, до них дошли тревожные слухи. «Загуляв» на берегу со своими приятелями-моряками, он познакомился с ка-кой-то девицей. Оставшись без отца и без его наставлений, не покатится ли Аффи вслед за Берти по наклонной плоскости? Какое это было бы огорчение для Альберта! Что бы он предпринял? И как ей на это реагировать? Она чувствовала себя совсем без сил и почти на грани безумия. Дядюшка Леопольд успокаивал ее: «Ты ошибаешься на свой счет: твои речи всегда предельно ясны и логичны, они в точности соответствуют тому, что сказал бы наш дорогой Альберт».

14 декабря было тем «ужасным днем», который ей надо было как-то пережить, это была годовщина смерти Альберта. Молебен для членов семьи организовали в «святой» для них Голубой комнате, заваленной цветами и залитой солнечным светом, в чем Виктория усмотрела знак свыше, свидетельствующий о нынешнем счастье Альберта и о его бессмертной славе: «Это успокоило меня, и я сказала преподобному Стэнли, что у меня такое впечатление, будто мы празднуем день его рождения, и услышала в ответ: это его рождение в другом мире».

И все же она сильно страдала морально и физически. Она не могла взять в толк, как Вики осмелилась в этот траурный день отправиться в путешествие и провести его в пути где-то между Триестом и Венецией: «Я так и не получила от тебя письма, датированного 14-м числом, священным и горьким для нас днем; до меня дошли слухи, что ты провела этот день в поезде, а вечером в Вене была на приеме у императора!!! Даже сегодня я не могу в это поверить. Я думала, что ты предпочтешь остановиться в самой глуши на каком-нибудь постоялом дворе и будешь молить Бога, чтобы он поддержал твою бедную мать с ее разбитым сердцем, а не поступишь так, как ты поступила. Я ничего не буду говорить сейчас о том впечатлении, что ты произвела на меня и на всех собравшихся здесь, и не буду рассказывать, как торжественно, трогательно и поучительно мы провели этот день, равно как не буду рассказывать тебе о той тоске, что поселилась в моем разбитом сердце». На каждое письмо, показавшееся ей излишне веселым, она отвечала упреками. Не было на свете более несчастного существа, чем королева Англии. А посему и никто другой не имел права быть счастливым. Ни ее придворные, ни ее народ, ни даже ее дети, которым она постоянно и навязчиво демонстрировала свое безутешное горе.

17 декабря епископ Оксфордский освятил новый мавзолей.

Мраморные полы, бронзовые ангелы, фрески и двадцатиметровый купол обошлись в 200 тысяч фунтов стерлингов, что вызвало возмущение прессы, ведь на эти деньги можно было построить новые дома всем беднякам, живущим в окрестностях Виндзорского замка. Королева всю ночь не сомкнула глаз. На следующее утро Берти, Артур и даже бедняжка Лео помогали секретарям и конюшим принца перевозить гроб с его телом. Виктория в сопровождении Алисы и маленькой Беатрисы пришла днем в мавзолей, чтобы преклонить колена перед могилой супруга, скрытой под надгробной плитой из абердинского гранита с памятником в виде двух лежащих на ней фигур из белого мрамора работы барона Марочетти. Одна из этих фигур была ее собственной. А под этой плитой отныне было готово место и для нее. Она будет лежать там рядом со своим любимым мужем, повернув к нему лицо, и одна эта мысль согревала ее. Двадцать пять лет спустя она признается Вики, что множество раз думала тогда о том, чтобы свести счеты с жизнью. Подобно обожаемой ею маркизе де Севинье^[89] она каждый день писала пространные письма своей дочери. Она щедро пересыпала их упреками и горькими и гневными тирадами, так и рвавшимися у нее из души.

8 января дядя Леопольд увещевал ее: «Ты должна попытаться не слишком жалеть себя». Да, но как это сделать? Со всеми этими депешами, груды которых вырастали у нее на столе, и с ее министрами, которые вечно приставали к ней с просьбами открыть очередную парламентскую сессию, а она всегда ненавидела эту церемонию и сейчас ненавидит ее как никогда раньше. Она не собиралась выставлять напоказ свое горе. И вынудила Дженнера подписать бюллетень, согласно которому состояние ее здоровья оставляло желать лучшего.

Бельгийский король почти ежедневно возвращался к вопросу о Греции: «Главная, цель настоящего момента заключается в том, чтобы им стал твой ближайший по крови родственник (я имею в виду того, кто получит корону). Если ты не отнесешься к этому делу с должным вниманием, положение сильно осложнится и твоя семья ничего не получит». Но Виктория знала, что делает. В результате греческий трон достался одному из датских принцев, брату Алике.

Свадьба Берти грозила стать для Виктории новым испытанием. Присутствовать на этом празднике жизни, наблюдать молодых, сияющих от счастья, — какой кошмар для нее! Она отказалась участвовать в свадебном застолье и даже упрекнула Вики в том, что та так явно разделяет счастье Берти: «Я ужасно страшусь этого, и мне непонятно, как ты можешь так радоваться тому, что будешь присутствовать на этой свадьбе, ведь для тебя,

кого так нежно любил твой папа, она должна была бы стать безумно грустным событием! Дорогая моя девочка, твой восторг по этому поводу кажется мне совершенно непостижимым! Ты только представь себе Виндзорский дворец полным самых разных людей, среди которых не будет обоих твоих родителей! Женильба наследника престола без его отца и матери. Мы с такой радостью ждали этого дня, но теперь он кажется мне хуже похорон. Сможешь ли ты веселиться, когда на каждом шагу нам будет не хватать нашего благословенного ангела-хранителя, этого сдержанного, необыкновенного человека, который всех нас направлял?»

Список приглашенных был столь краток, что «Панч» предложил поместить в «Таймс» следующее сообщение об этой скромной свадьбе, состоявшейся в глухой беркширской деревушке, единственной достопримечательностью которой являлся старинный замок, в котором не было даже элементарных удобств: «10-го числа сего месяца в Виндзоре Альберт Эдуард Английский, кавалер ордена Подвязки, и Александра Датская были обвенчаны преподобным Лонгли при участии преподобного Томсона. Фотографии отсутствуют».

4 марта королева вместе с Вики и Фрицем посетила мастерские скульпторов Марочетти, Тида и Нобля, которым она заказала новые статуи Альберта, а Берти в это время отправился в Грейвсенд встречать свою невесту и ее родителей. Каждый город, каждая деревенька на их пути были украшены триумфальными арками. Ведь и Англия, и Дания были морскими державами, а кроме того, за долгие годы это был первый принц Уэльский, чьей свадьбы англичане наконец дождались! Пресса умилялась по поводу очаровательной датской принцессы, словно сошедшей со страниц сказок Андерсена. Сказочник, кстати сказать, был другом ее родителей. Газеты писали, что в своем белом замке в Бернсдорфе она вела скромную жизнь без всяких церемоний, сама вязала чулки из белой шерсти и, когда в доме бывали гости, сама вставала из-за стола, чтобы по просьбе матери принести им, к примеру, масла.

Дождь, ливший всю ночь, намочил флаги и остальное праздничное убранство улиц, но не затушил энтузиазма англичан, которые к прибытию яхты датских гостей сплели новые цветочные гирлянды. «Никогда еще Лондон не выглядел так нарядно», — писала «Таймс». Но королева говорила со своим премьер-министром лишь о той радости и той гордости, что испытал бы «ее великий и благородный супруг, если бы смог сопровождать сегодня сына, который повезет свою очаровательную невесту в Виндзор по улицам, запруженным народом... Он смотрит сейчас на нас с небес, свободный от забот... которые повергают в трепет королеву,

лишенную его помощи и поддержки, отчаявшуюся и такую одинокую как в радости, так и в горе... Королева желала бы, чтобы лорд Пальмерстон воспользовался этой возможностью и проинформировал общественность о тех чувствах, что она испытывает по поводу этих торжеств, но пусть он не забудет добавить, что люди сильно заблуждаются, если думают, что мою рану можно излечить благодаря женитьбе нашего сына!».

8 марта свадебный кортеж въехал в Виндзор под перезвон колоколов. Впервые после смерти Альберта королева торжественно сошла вниз по парадной лестнице дворца и встретила свою будущую невестку, «прекрасную, как роза», в фиолетовом жакете, отороченном мехом, и серой юбке. Вечером она, одинокая и печальная, поднялась в свою спальню: «Какой ужас испытывать все это, принимать в доме чужих людей, при том, что его, моего любимого, здесь нет». Накануне свадьбы она привела Бerti и Алике в мавзолей Альберта и, соединив их руки над его могилой, прошептала: «Он дает вам свое отцовское благословение».

10 марта она решила, что будет наблюдать за свадебной церемонией из ложи Екатерины Арагонской. Послы, кавалеры ордена Подвязки во главе с Пальмерстоном и известные государственные деятели уже заняли свои места в церкви Святого Георгия, когда Виктория появилась в королевской ложе слева от алтаря. Это было ее первое появление на публике. Тишина установилась такая, что пролети по залу муха, ее жужжание было бы услышано. Ее зять Эрнест Саксен-Кобургский принялся объяснять ей порядок церемонии, и поразительное сходство герцога с принцем-консортом привело в оцепенение всех присутствующих, инстинктивно поднявших в этот момент глаза на свою государыню. Черная вуаль Виктории ниспадала на ее шелковое платье с белой оторочкой, на которое она приколотла брошь с миниатюрным портретом Альберта. Единственным ярким пятном в ее одеянии была голубая лента ордена Подвязки. «Она выглядела вполне здоровой, но несколько похудевшей и постаревшей, а на лице ее явно читались следы постигшего ее великого горя и тяжких забот», — писала «Таймс». Дизраэли, который чуть дольше, чем позволяли приличия, рассматривал ее в монокль, удрученно опустил глаза.

Ее детей провезли в карете по Виндзору. Поездка восхитила Беатрису, «sweet baby»^[90], которая восторженно воскликнула: «Я никогда не думала, что в лавках могут продаваться корсеты!» Маленькая принцесса, как и ее сестры Ленхен и Луиза, была одета в белое с сиреневым платье. Беременная Алиса была в фиолетовом. Вики с «выражением бесконечной любви и почитания» во взгляде склонилась перед матерью в глубоком реверансе. Она держала за руку своего сына Вильгельма Прусского,

который уже тогда просто из кожи вон лез, чтобы обратить на себя внимание. По дороге он выбросил из окна кареты муфту одной из своих теток. А во время службы занимался тем, что выковыривал из своего перстенька вставку из горного хрусталя, а затем укусил за ногу своего юного дядюшку Артура, одетого в килт, когда тот сделал ему замечание.

Когда блистательная Дженни Линд запела церковный гимн, сочиненный Альбертом, Берти посмотрел на мать, которая подняла к небу полные слез глаза. Церемония прошла с такой пышностью, с какой могла поспорить лишь сопровождавшая ее неразбериха. Пальмерстону пришлось возвращаться в Лондон поездом в вагоне третьего класса, впрочем, как и леди Вестминстер, на которой были диадема и бриллиантовое кольцо стоимостью в 500 тысяч фунтов стерлингов.

Виктория одной из первых покинула королевскую церковь, чтобы встретить молодых по их прибытии во дворец.

Вместе с Берти и Алике она позировала для официальных фотографий, устремив грустный взгляд на бюст Альберта, а потом обедала в компании одной лишь Беатрисы. К вечеру она отправилась вместе с Луизой в мавзолей мужа и вернулась из этого «дорогого ей места» успокоившейся и умиротворенной. Но на следующий день она опять расстроилась, наблюдая за тем, как удаляется карета молодоженов, провожаемая восторженными криками. Она стояла у окна, безутешная и разбитая, не имея рядом никого, кто мог бы удовлетворить «ее огромную потребность в любви и нежности, в то время как две ее дочери имели каждая по любящему супругу, а Берти увозил в Осборн нежную и чистую новобрачную, сокровище, которое ему посчастливилось завоевать». В своем вечном черном платье королева превратилась в виндзорскую вдову. Все, что ей осталось теперь, так это нежно гладить слепок с руки Альберта, который не покидал ее ночного столика. Никогда еще она не чувствовала себя столь сиротливо.

Глава 16

От Парижа до Мадрида, от Вены до Санкт-Петербурга расползались слухи, что Виктория отказывается верить в смерть мужа, что она, как и ее дед, потеряла рассудок. Когда принц Александр Гессенский ехал в Лондон на свадьбу Берти, его сестра, русская царица, взяла с него слово, что он непременно напишет ей, «в своем ли уме королева», после того как увидит ее собственными глазами. И он написал ей, что никогда еще не встречал более здравомыслящего человека.

Значит, она просто ломала комедию? «С рассвета и до заката только работа, работа, работа: письма, которые надо писать, вопросы, на которые надо отвечать, и т. д. Все это ужасно изнурительно, и если бы у королевы вечером не было бы хотя бы относительного отдыха, ее уже давно не было бы в живых. Ее ум постоянно перенапрягается», — жаловалась королева. Ритм жизни правительства отныне зависел от ее мигрени и невралгии. Как и во времена Георга III, у возвращавшегося из Виндзорского дворца министра коллеги первым делом интересовались состоянием здоровья королевы. Ее личные врачи, допустившие столько ошибок при лечении Альберта, ловили каждый ее взгляд. Ее щеки часто горели нездоровым румянцем, что было одним из симптомов порфирии, и доктор Дженнер вслед за Штокмаром и Кларком начал опасаться, что она унаследовала болезнь своего деда.

По приказу Виктории услужливый доктор составлял лживые бюллетени о состоянии ее здоровья, что выводило из себя генерала Грея. Сам же он получил выговор от королевы за то, что осмелился написать ее дяде Леопольду, что, по его мнению, она прекрасно себя чувствует. Она решила сама взяться за перо, чтобы опровергнуть оптимистические высказывания своего личного секретаря: не было ни одного дня, когда бы она не страдала от жесточайшей головной боли. Бельгийский король, уставший от ее бесконечных жалоб, ответил ей: «Я очень, очень огорчен, что ты опять плохо себя чувствуешь». Приехавшая навестить ее Феодора быстро засобиравшись обратно, будучи не в состоянии выносить непрекращающиеся стенания своей сводной сестры: «У меня не хватает моральных сил слышать и видеть тебя столь неизменно несчастной».

Однажды Виктория по секрету сказала своей приятельнице Августе Прусской, что «работа» королевы больше не интересует ее. В другой раз она заявила дочери, что собирается навсегда удалиться в Розенау. Она

охотно обсуждала вопрос о своем скором отречении от престола. Но стоило Пальмерстону и Расселу посоветовать ей чаще привлекать Берти к решению государственных проблем, как она категорически воспротивилась этому. Несколько месяцев назад лорд Грэнвилл, когда-то ближайший сподвижник Альберта, осмелился пригласить принца Уэльского председательствовать на заседании литературного общества. Уязвленная Виктория заметила по этому поводу, что Берти слишком молод и неопытен для такого рода деятельности: «Ни в коем случае не стоит поручать ему председательствовать на собраниях научных или литературных обществ, в работе которых принимал столь заметное участие его великий и горячо любимый отец». И она ни за что не хотела менять свою позицию. В свои двадцать два года Берти, увы, слишком многое унаследовавший от своих ганноверских предков, казался ей недостойным памяти Альберта Доброго: «Боюсь, что Алике не суждено стать тем, кем она могла бы стать рядом с умным, рассудительным и образованным мужем, если бы судьба соединила ее с таким человеком, а не с нашим безвольным и ужасно легкомысленным мальчиком. Ах, что же станет с нашей бедной страной, если я вдруг умру? Если Берти взойдет на престол, я предвижу одни лишь несчастья!»

И, в довершение всех бед, если и Берти вдруг умрет, то на его брата Аффи, лишившегося добрых советов своего отца, также нельзя будет положиться! После скандальной истории на Мальте теперь он увлекся леди Констанцией, женой герцога Вестминстера, которая была старше его на двенадцать лет! И что особенно возмущало Викторию, так это то, что Констанция была дочерью ее подруги герцогини Сазерленд. Королева хотела во что бы то ни стало женить Аффи. Но тот, возмужавший и огрубевший в морских походах, заявил, что все те принцессы-протестантки, которых ему представляли, ему не понравились. Единственной, для кого он сделал бы исключение, была его двоюродная сестра Фредерика Ганноверская. Но тут уже воспротивилась Виктория, поскольку отец его избранницы был слепым: «Хватит нам уже трех поколений браков между двоюродными братьями и сестрами и передающейся из поколения в поколение слепоты». Альберт всегда умел слушать своих детей. У нее же их бесконечные проблемы вызывали лишь раздражение.

Не успели разъехаться последние гости, прибывшие на свадьбу Берти, как там же, в Виндзорском дворце, собралась рожать Алиса. Герцогство Гессенское славилось своими композиторами и скрипачами, но врачи там были никудышные. Королева попросила дочь надеть на счастье свою ночную сорочку, ту самую сорочку, которой было уже двадцать пять лет и

которую сама она надевала каждый раз, когда рожала своего очередного ребенка.

Впервые она присутствовала при чужих родах и не смогла удержаться от колкого замечания в адрес Людвига за то, что тот вверг жену в столь неприятное положение. Она оставалась рядом с Алисой всю ночь, а утром безапелляционно заявила, что появление человека на свет ничем не лучше, чем его смерть! Новорожденная девочка была названа в честь бабки Викторией. А та сразу же написала Вики с упреком: а ты почему не поступила так же? Хотя старшая дочь уже объясняла ей, что вынуждена была подчиниться традициям прусского двора.

Горе обострило монарший эгоизм Виктории. Ей бы очень хотелось, чтобы Алиса, такая заботливая и предупредительная сиделка, посвятила ей всю свою жизнь. Но та, став молодой женщиной, полюбила приемы и веселые вечеринки, которых была лишена в юности из-за смерти отца. Подобно Феодоре она не собиралась хоронить себя в этом мрачном доме, превращенном матерью в музей ее отца.

Виктория жаловалась дядюшке Леопольду: «Мне нужно, чтобы рядом со мной постоянно находилась одна из моих замужних дочерей, дабы мне не приходилось обращаться за помощью к посторонним людям или же изо дня в день обходиться своими силами. Это слишком жестоко. У меня есть намерение (и Ленхен согласна со мной) подыскать для нее через год или два (поскольку до девятнадцати лет, а то и до двадцати одного года, я не собираюсь выдавать ее замуж) молодого и рассудительного принца, который, пока я жива, согласится жить в моем доме. Ленхен так полезна мне, а ее характер так хорошо соответствует нашему образу жизни, что я не смогу обойтись без нее, я просто погибну от отчаяния, ведь Алиса, которая могла бы приехать пожить со мной, не собирается этого делать. Единственные мои условия будущему зятю: небольшое состояние, достаточное для того, чтобы вести независимую жизнь после моей смерти, здравомыслие и приверженность моральным ценностям».

В качестве кандидата на роль жениха Ленхен рассматривался Кристиан Шлезвиг-Гольштейнский. Из Берлина Вики набросала его портрет. Ему было тридцать девять лет, он был лысым и не имел ни копейки за душой, но Ленхен, добрая девочка, была готова удовольствоваться и этим. В свои девятнадцать лет она еще ни разу не была на балу и цеплялась как за спасательный круг за этот брак в надежде избавиться от тирании материнской депрессии. Кроме того, она не отличалась особой красотой: как и все ее сестры, она унаследовала от Виктории необъятную грудь. А из-за того, что она часто ездила верхом на

лошадях и выполняла физическую работу на конюшне, в ее фигуре появилась излишняя кряжистость. Ей определенно не доставало шарма. Впрочем, Кристиан тоже не мог похвастаться избытком последнего, но он умел держать себя в обществе, был хорошим охотником и интересным собеседником. Оставалось лишь подыскать ему резиденцию не слишком далеко от Виктории, чтобы молодожены всегда были у нее под рукой и при необходимости могли скрасить ее меланхолию.

Принцу Уэльскому, чтобы остепениться, нужен был наследник. Виктория внимательно присматривалась к животу Алике, но пока не замечала никаких изменений. Старик Пэм прислал королеве записку с просьбой навести порядок в финансовых делах принца Уэльского, который определенно не обладал ни одним из бесценных достоинств своего дорогого отца и жил слишком уж на широкую ногу в своем Мальборо-хаусе. Она часто выговаривала за это сыну, как когда-то Альберт. 16 июня 1863 года лорд Стэнли сочувственно писал: «В Лондоне много говорят о той возмутительной манере, в которой королева поучает принца и принцессу Уэльских по самым незначительным бытовым вопросам. Они имеют право ходить в гости только в те дома, на посещение которых она дала им свое разрешение, и приглашать к себе гостей, только получив ее согласие на это. После двух или трех прогулок по парку верхом на лошади принцессе было приказано прекратить их. Каждый день королева получает самый подробный отчет обо всем, что происходит в Мальборо-хаусе».

Как только установилась хорошая погода, королева уехала в Осборн, где к ней присоединилась королева Пруссии. Красавица Августа была весьма темпераментной особой и когда-то поддерживала дружеские отношения с Гёте. Она любила музыку и литературу, и ее энергия словно изгоняла запах тлена и смерти, царивший в доме.

Сидя на террасе, женщины беседовали о своих внуках, теперь их уже было трое, говорили о будущем, о Бисмарке и о прусском короле с его манией по три раза за утро менять военный мундир. Оба они отличались воинственностью натуры, им было ближе по духу русское самодержавие, нежели либеральные взгляды Альберта. Герцог Саксен-Веймарский, дед Августы, был единственным из немецких принцев, не считая герцога Саксен-Кобургского, кто после ухода наполеоновских войск дал согласие на принятие конституции. Пруссия решилась на этот шаг только после народных волнений 1848 года. Вместе с Вики и Фрицем прусская королева отстаивала в Берлине английские свободы, тогда как Бисмарк подталкивал короля к тому, чтобы тот правил без всякого парламента и заткнул рот прессе. Вики возмущалась по этому поводу в письме к матери от 8 июня:

«Фриц написал королю, чтобы предупредить его о тех последствиях, которые может повлечь за собой тенденциозное толкование конституции по вопросу о свободе прессы. Король обращается с ней так, как ему заблагорассудится, а Фрицу он ответил гневной отповедью. Тогда Фриц направил свой протест Бисмарку, потребовав от него немедленного ответа, а Бисмарк не ответил».

В тот же самый день в Данциге Фриц произнес смелую речь, в которой позволил себе критику в адрес правительства: «Король отреагировал на это сердитым посланием, в котором обозвал Фрица мальчишкой, потребовал, чтобы тот публично отрекся от своих слов, обвинил его в непослушании и т. д. и добавил, что, если сын позволит себе еще хоть одно подобное слово, он немедленно отзовет его и освободит от всех обязанностей. Фриц не ложился накануне до часу ночи, составляя ответ, который сегодня утром доставил в Берлин капитан Луккадон: у него разбито сердце, писал он, оттого, что он причинил столько неприятностей своему отцу, но он не считает возможным для себя отказаться от своих слов, произнесенных в Данциге. Он все время надеялся на то, что правительство короля не станет вынуждать его выступать против отца. Но коли дело дошло до этого, он решительно настроен защищать свою позицию. Он понимает, что в подобных обстоятельствах ему будет трудно сохранить свои гражданские и военные должности, и слагает с себя свои обязанности к ногам Его Величества. Поскольку его присутствие, без сомнения, будет тягостным для короля, он попросил его назначить ему или предоставить возможность самому выбрать место ссылки, куда бы он мог удалиться, дабы не вмешиваться больше в политику».

Спустя две недели ситуация еще больше обострилась: «Мы окружены шпионами, которые следят за малейшими нашими делами и жестами и которым поручено поставить нам шах и мат... Если нам придется покинуть Германию, то я не могу передать вам, до какой степени мы будем рады приехать к вам, в вашу чудесную, мирную и счастливую страну... Постскриптум: Король не принял отставку Фрица и посоветовал нам продолжить нашу поездку по стране, но запретил Фрицу открывать рот на публике». Бисмарк, опасаясь, как бы наследник престола не приобрел ореол мученика, отныне старался сглаживать противоречия между отцом и сыном.

Собрав остатки своих сил, Виктория с Ленхен, Аффи, Леопольдом и Беатрисой отправилась в Германию, в новое паломничество по святым для нее местам. Она сделала остановку в Лакене у дядюшки Леопольда. Путешествие на поезде до Кобурга в невыносимую жару совершенно

вымотало ее. На этот раз она остановилась в Розенау. Она прониклась симпатией к этому романтическому замку, в котором родился Альберт. В этом крохотном тюрингском Трианоне с его оранжереей, голубятней, сторожевой башней и фонтаном она словно переносилась в совершенно иной мир, находя отдохновение от своей монаршей доли. «Если бы я не была тем, кем являюсь, то непременно поселилась бы здесь», — вздыхала она, сидя на солнышке на террасе на каменной скамейке.

Прямо перед ней на фоне лесов, лугов и речушек выделялась коричневая узорчатая крыша. Там, за этими древними селениями с их фахверковыми^[91] домиками, во Франкфурте, австрийский император встречался с четырьмя десятками принцев, чьи земли входили в Германский союз. Бисмарк запретил прусскому королю и Фрицу участвовать в этой встрече, и это очень беспокоило Викторию. Но с кем она могла посоветоваться? Старик Штокмар в июле умер. Ей пришлось удовольствоваться посещением его вдовы, с которой они вместе всплакнули, вспомнив о том, как Альберт и его учитель мечтали о сильной Германии под эгидой либеральной Пруссии.

Между тем во время этой поездки ей довелось услышать множество самых разных мнений. Алиса и Людвиг часто приезжали к ней из Дармштадта. 20 августа ее навестили Вики с Фрицем, а 2 сентября на день заглянул к ней прусский король, возвращавшийся поездом из Баден-Бадена, где он лечился на водах. А спустя два дня в бело-золотом Зале гигантов Кобургского замка королева вместе с Ленхен обедала в компании австрийского императора.

Виктория не чувствовала себя в состоянии ответить на приглашения всех принцев, принимавших участие во франкфуртской встрече. На обратном пути она на день остановилась у Алисы, а ночью, когда жара спала, двинулась дальше. В Малине к ней присоединился бельгийский король. Он сел в ее поезд и продолжил путешествие вместе с ней, слушая рассказы об ее многочисленных встречах.

В Виндзоре она задержалась всего на два дня для участия в заседании Тайного совета. А затем сразу же отбыла в своем роскошном вагоне в Шотландию, поскольку в Бальморале ожидался очередной семейный сбор: туда должны были приехать Вики, Алиса, Людвиг и их дети. А Берти поселился в трех километрах от них в симпатичном замке с башенками в Аберджелди. И, о счастье, Алике была беременна!

Каждый день мать с дочерьми отправлялась в одно из «любимых» мест принца. Их непременно сопровождал Браун. Однажды одна из впряженных в карету лошадей вдруг упала, и шотландец, в два прыжка

оказавшийся у кареты, подпер ее собственной спиной, чтобы она не завалилась набок. 7 октября королева возвращалась с очередной экскурсии вместе с Алисой и Ленхен. Подвыпивший возница потерял колею, и коляска, в которой они ехали, начала сползать с горы, она держалась на дороге лишь двумя колесами: «Мы закричали: “Что происходит?!” В ответ — тишина, показавшаяся нам целой вечностью, а затем раздался голос Алисы: “По-моему, мы сейчас перевернемся!”» Браун уже выскочил из седла и со страхом смотрел на карету и лежавших на боку лошадей. В отчаянии он закричал: «Я подумал, что вы все уже мертвы!» Первой он вытащил королеву, у которой оказался подбитым глаз и сильно болел большой палец. Она даже подумала, что он сломан, но это был просто вывих, палец вправят, но он навсегда утратит гибкость.

Отважному гилли пришлось разорвать на принцессах платья, чтобы вытащить их из ловушки. Потом он перерезал подпруги, и лошади смогли наконец подняться на ноги. Наполнив красным вином три стаканчика, он поднес их пережившим аварию монаршим путешественницам, чтобы те подкрепили свои силы, а затем, смочив вином платок, протер им лицо государыне. Когда через полчаса кучер привел им трех пони, Браун, повредивший колено и слегка прихрамывавший, взял под уздцы лошадок королевы и Алисы и привел их в Бальморал, где его встречали, как настоящего героя. Виктория с горечью воскликнула: «Какой ужас, что я не могу рассказать моему дорогому Альберту о том, что с нами произошло!» На что услышала в ответ от Алисы: «Он и так все знает и все видит, ведь именно он и спас нас».

13 октября королева впервые после долгого перерыва официально появилась на публике. Она согласилась присутствовать на открытии памятника Альберту в Абердине: «Я выехала из дома, вся дрожа, а когда прибыла на место, рядом не оказалось никого, кто мог бы направить меня и подсказать, как прежде, что я должна делать». Местных жителей попросили не трубить в фанфары, не украшать цветами дома и даже воздержаться от приветственных криков. Погода стояла отвратительная. Королева пообедала без приглашенных, только с дочерьми, словно отгородившись ото всех стеной дождя, а затянувшие небо черные тучи, казалось, присоединились к их трауру. По своему теперешнему обыкновению Виктория не смогла удержаться от восклицания, вырвавшегося из глубины ее души: «Как говорил ваш бедный папа, погоду надо принимать такой, какова она есть, ибо изменить ее все равно невозможно!» За завтраком она не могла притронуться к своей яичнице без грустного вздоха: «Твой дорогой папочка так любил ее!» — а

остановившись на берегу озера, не преминула заметить: «Как же мой дорогой ангел был счастлив здесь!»

Два года она запрещала окружающим мешать ей предаваться своему горю. Во Фрогморе она устраивала пикники под сенью деревьев, окружавших мавзоль Альберта, и была крайне возмущена, когда в ноябре одна из ее придворных дам, Августа Брюс, «совершенно легкомысленным образом» объявила ей о том, что собирается покинуть ее в связи с тем, что выходит замуж за настоятеля Виндзорской церкви преподобного Стэнли: «Это стало для меня самым большим огорчением и самым большим испытанием со времени постигшего меня несчастья».

В Вест-Энде владельцы магазинов модного платья и дамского белья сетовали, что из-за столь мрачной обстановки при дворе у них совсем не идет торговля. Париж, весь в кринолинах и пышных оборках, притягивал к себе европейскую аристократию, устремлявшуюся туда на маскарады, в театры и в кабаре — посмотреть на французский канкан. «Таймс» писала, что «упорство, с которым кое-кто занимается возведением посмертных памятников вместо того, чтобы заботиться о развитии прогресса, столь дорогого сердцу принца Альберта, вызывает отвращение даже у самых снисходительных англичан». В палате общин депутат Айртон с возмущением говорил о монархии, которая так дорого обходится казне и от которой больше нет никакой пользы.

Но без Альберта, который больше не мог сидеть рядом с ней во главе стола и направлять беседу, Виктория упорно отказывалась принимать у себя иностранных правителей, а тем более селить их в Букингемском дворце. Так, шведскому королю пришлось остановиться в своем посольстве. Король и королева Дании поселились в одной из лондонских гостиниц, а итальянский принц Умберто — в Виндзоре в местной гостинице под названием «Белый олень». Даже Вики и Фрица не пускали больше в Букингемский дворец из-за их многочисленной «свиты болтливых немцев», и они находили приют в посольстве Пруссии. Это нежелание королевы селить у себя иностранных монархов с их бесчисленными свитами позволит семейству Кларидж нажать огромное состояние, ибо оно первым сориентировалось в обстановке и начало открывать гостиницы класса «люкс».

Кроме того, Виктория все еще была не в состоянии принимать участие в официальных мероприятиях. Устремленные на королеву взгляды действовали на нее парализующе, обостряли чувство одиночества, делали ее отчаяние еще невыносимее. В декабре 1863 года Пальмерстон получил из Виндзора от доктора Дженнера следующий меморандум: «Принимая во

внимание состояние здоровья Ее Величества, нежелательно, чтобы она официально появлялась на публике». Какой-то шутник повесил на ограду Букингемского дворца такое объявление: «Помещение сдается внаем или продается ввиду того, что дела его последнего владельца пришли в полный упадок». 1 апреля, подхватив эту шутку, «Таймс» писала: «Верноподданные Ее Величества с радостью воспримут весть о том, что их государыня готова прервать свое затянувшееся затворничество».

Виктория лично взяла на себя труд ответить на это: «Существует ошибочное мнение, которое, видимо, получило широкое распространение и даже попало на страницы газет, что королева собирается вновь занять место, которое принадлежало ей до случившегося с ней огромного несчастья, и что она снова будет появляться на приемах и балах во дворце и на концертах. Считаю необходимым опровергнуть эти слухи... В глубине души королева понимает желание своих подданных видеть ее, но существуют обязанности более высокие, нежели обычное представительство, и груз этих обязанностей королева отныне должна нести одна, без посторонней помощи... а он с каждым днем становится все тяжелее, добавляя ей работы и забот. Королева не в силах сделать большего». Решив, что это очередной розыгрыш, главный редактор «Таймс» поместил это письмо под рубрикой «Court Circular» («Придворные новости») без подписи Виктории.

На сей раз тревогу забил дядюшка Леопольд. Отказываясь участвовать в общественной жизни, его племянница подвергала опасности само существование монархии в ее стране. И это при том, что наследников у нее было более чем достаточно, кипятился он. 10 января 1864 года Алике преждевременно разродилась своим первенцем — сыном Альбертом-Виктором, которого сразу же стали называть Эдди. «Англичане любят тех, кого постоянно видят», — твердил Виктории бельгийский король. Крестины новорожденного принца были прекрасным поводом для возвращения королевы в Лондон.

В семьдесят четыре года бельгийский король чувствовал себя совершенно больным и уставшим от жизни человеком, но считал своим долгом наставить Викторию на путь истинный. 4 марта он прибыл в Виндзор.

Крестины Эдди состоялись 10 марта в церкви Букингемского дворца со всеми королевскими почестями. Королева, естественно, была в своей черной головной накидке из крепа а-ля Мария Стюарт, но к своему обычному наряду она добавила бриллиантовое кольцо и брошь, украшенную крупными сапфиром и бриллиантом, в которую был вправлен

миниатюрный портрет принца-консорта. На ее черном шелковом платье, расшитом гагатом, яркой полосой выделялась голубая лента ордена Подвязки. Принцесса Уэльская была в белом. Виктория подарила маленькому Эдди отлитую из серебра статую его покойного дедушки в натуральную величину и не осталась на банкет, устроенный по этому случаю в Мальборо-хаусе, но не уехала из Лондона, и газеты поспешили объявить эту радостную новость.

Целый месяц дядюшка Леопольд провел с племянницей, стараясь убедить ее прервать свое затворничество. 4 апреля в компании бельгийского короля и членов королевской семьи она почтила своим присутствием лекцию натуралиста Ричарда Оуэна, которого называли «английским Кювье^[92]». А вечером пригласила на ужин епископа Вустерширского.

Через пять дней она наконец устроила в Букингемском дворце большой прием для иностранных послов. В три часа дня королева появилась в Белой гостиной в сопровождении дядюшки Леопольда, Артура, Ленхен и Луизы. Двор по-прежнему носил траур: дамам предписывалось быть в длинных платьях без шлейфов, мужчинам — во фраках с повязкой из черного крепа на левой руке. Принцессы были в белом. Виктория надела то же платье, в котором была на крестинах Эдди, на ней были то же бриллиантовое кольцо и тот же миниатюрный портрет ее покойного супруга.

В Букингемском дворце, как нигде в другом месте, на нее нахлынули воспоминания об ее утраченном счастье. «Мне пришлось сделать огромное усилие над собой, чтобы все это вынести», — писала она Вики. Она взяла в руки перо в гардеробной Альберта: «Я не смогу постоянно находиться рядом с этой, затихшей навсегда, комнатой, откуда он выходил таким красивым, что нельзя было оторвать от него глаз, чтобы сопровождать меня на приемы».

Все эти светские мероприятия требовали от нее таких усилий, что у нее начались сильнейшие головные боли. Ей даже пришлось отменить традиционный *drawing-room*^[93], который всегда был гвоздем лондонского сезона и должен был состояться на следующей неделе.

Но 15 апреля она вновь села верхом на лошадь. А накануне позволила детям пойти в театр. Вместе с Леопольдом она приняла у себя приглашенную на ужин герцогиню Веллингтон. Так что бельгийский король мог спокойно возвращаться в Брюссель, его миссия была выполнена.

21 апреля королева уехала в Осборн, но вскоре вернулась, чтобы 11 мая исполнить роль хозяйки на *drawing-room*, отмененном ею ранее. Сотни людей прошли перед ней, гордых тем, что им оказана честь быть представленными королеве. Берти стоял рядом с ней. На сей раз вместо бриллиантового кольца на шее Виктории красовались жемчужные бусы в четыре ряда. Семнадцатилетней Луизе и девятнадцатилетней Ленхен впервые за три с лишним года было позволено надеть розовые платья.

Вечером Виктория вернулась в Виндзор, отказавшись остаться на концерт, на котором исполнялись произведения ее любимых композиторов: Глюка, Гуно, Моцарта, Вагнера, Россини и Верди. Берти главенствовал на званом вечере вместо матери. Гости были очарованы этим двадцатидвухлетним наследником престола, который исполнял свою роль с большим изяществом и уже с большим мастерством.

По примеру двоюродного дедушки Георга IV, Берти в своем Мальборо-хаусе окружил себя свитой из джентльменов-кутил, чью страсть к азартным играм, актрисам и шампанскому полностью разделял. Он вновь начал давать обеды, выходить в театр и оперу. Высший свет радостно принимал его и всюду встречал аплодисментами. Вторя неисправимому Пальмерстону, он как героя приветствовал Гарибальди. Эта его инициатива увеличила его популярность, но при этом вызвала гнев его матери. Какой бы нагоняй получил он от Альберта!

Виктория теперь всегда принимала посетителей в кабинете принца. Каждый день она ходила в мавзолей, а затем в Голубую комнату, чтобы вновь и вновь проникаться духом Альберта, его идеалами, его высокими принципами. Палата общин только что проголосовала за выделение кредита в размере 50 тысяч фунтов стерлингов на возведение в Лондоне мемориала Альберта. Гигантская золотая статуя принца в окружении ангелочков будет установлена на вершине пирамиды в Гайд-парке, на том самом месте, где в 1851 году был возведен Хрустальный дворец для Всемирной выставки.

В Виндзоре Теодор Мартин почти под ее диктовку писал многотомную монументальную биографию принца. Но вместо того чтобы способствовать росту популярности принца, эта посмертная «альбертолизация», которую королева навязывала нации, начала наносить ущерб его памяти. Диккенс писал своему другу, художнику Джону Личу: «Если ты вдруг где-нибудь найдешь глухую пещеру, где отшельник мог бы спрятаться от прославления памяти принца Альберта и выражения глубокого к нему почтения, дай мне, пожалуйста, знать. У нас в Англии не осталось мест, где можно было бы укрыться от всего этого». Газеты помещали карикатуры на эту вдовушку в

черном, ставшую еще большей пуританкой, чем ее непопулярный в народе Альберт.

А Берти и Алике, наоборот, набирали популярность. Принц Уэльский обожал быть в центре внимания. Принцесса была очень мила и одевалась с большим вкусом. Она была изящной и стройной, с длинной шеей, красоту которой подчеркивали каскады бриллиантов и модные шляпы. Взгляд ее голубых глаз и нежная улыбка воспринимались в этой неисправимо сентиментальной Англии словно лучи солнца. Дядюшка Леопольд все время ставил эту молодую чету в пример Виктории, чтобы вызвать ее ревность и заставить выйти из собственноручно воздвигнутого ею узилища: принц и принцесса Уэльские «постоянно бывают на публике по самым разным поводам, которые только можно вообразить, и целиком завладели умами людей».

С началом войны за Шлезвиг-Гольштейн Берти и Алике превратились в символ борьбы за правое дело датчан, которым горячо сочувствовала вся Англия за исключением Виктории.

Новый король Дании, отец Алике, потребовал отдать под его опеку эти два герцогства, на территории которых располагались города Любек и Кьель — предмет вождения Бисмарка. Был еще и третий претендент на эти земли — немецкий принц Фриц Гольштейнский, герцог Августенбургский, зять Феодоры и любимчик Альберта. Сами же эти герцогства, имевшие общее управление и общую конституцию с 1831 года, требовали права на самоопределение. Было совершенно невозможно разобраться, какая из сторон имеет больше прав на эти территории, поскольку тексты существующих договоров толковались крайне противоречиво, а датские и немецкие корни давно переплелись так, что разделить их было немыслимо. «В Англии было всего три человека, способных разобраться в вопросе о Шлезвиг-Гольштейне: принц-консорт, который уже умер, один чиновник из министерства иностранных дел, который сошел с ума, и я, который все позабыл», — любил повторять Пальмерстон.

У Дании не было никаких шансов дать отпор пруссакам и австрийцам, чьи армии в феврале^[94] вторглись на спорные территории Шлезвиг-Гольштейна. Алике лила по ночам слезы, думая о своем бедном папочке. Но английское правительство по своему обыкновению не собиралось ввязываться в войну на континенте. Лорд Рассел ограничивался отправкой нот, призывающих противоборствующие стороны к мирному завершению конфликта.

Берти уверял, что, если бы еще в первые дни войны англичане

отправили свой флот на Балтику, этого было бы достаточно, чтобы тут же прекратить кровопролитие. Его возмущала пассивность правительства перед надменностью и бесцеремонностью Бисмарка: «Эта ужасная война навсегда останется пятном в истории Пруссии, и я считаю, что наше правительство допустило ошибку, решив не вмешиваться в конфликт. Что до вечных нот лорда Рассела, то на континенте они нужны всем как прошлогодний снег, и министры, которым они были адресованы, видимо, используют их для раскуривания своих сигар».

А Вики возмущалась по поводу притязаний Дании и «абсурдных, несправедливых и грубых» нападок английской прессы. 13 апреля она писала матери: «Вопросы, которыми задаются на наш счет в Англии и Вене, инспирируются разными истеричными личностями. Непрерывное вмешательство Англии в дела других народов ныне воспринимается за границу как нечто настолько забавное, что даже перестало вызывать у нас здесь раздражение. Но какое же это тяжкое испытание для английского сердца видеть, до какой степени скомпрометировано достоинство его страны и как низко пал ее авторитет!»

Поражение Дании было столь сокрушительным, что английское правительство перепугалось. В середине апреля Пальмерстон и Рассел срочно созвали в Лондоне мирную конференцию. Вики писала матери: «Король никогда не упускает возможности повторить, что он очень благодарен вам за предпринятые вами попытки сохранить мир. Он убежден, что если бы не вы, все пошло бы совсем по-другому... Должна признаться, что меня беспокоит одна вещь: это вражда между нашими двумя странами... Сейчас, когда моего дорогого папочки нет в живых, я пребываю в постоянном страхе, что связывавшие их узы ослабнут, а однажды и вовсе порвутся».

Чтобы сохранить мир в королевской семье, Виктория, по совету дяди Леопольда, запретила вести у себя в доме любые разговоры о Шлезвиг-Гольштейне: «Мой ангел хотел, чтобы его дети всегда были веселы и счастливы». Королева, которая в память об Альберте слепо поддерживала Пруссию, между тем начала отдавать себе отчет в том, что «бедный папочка» никак не мог предвидеть, какой оборот примут эти «ужасные события». В июле она еще наивно надеялась, что Бисмарк, одержавший победу, проявит великодушие. «Восстановите мир, отдайте эти герцогства милейшему Фрицу Гольштейнскому, и покончим с этим», — увещевала она Вики.

Но в октябре на новой мирной конференции, собравшейся в Вене, Германский союз заявил об аннексии двух спорных герцогств, которые

Бисмарк уже видел в составе Пруссии. Английское общественное мнение было возмущено до такой степени, что даже палата лордов позволила себе выпады в адрес королевы.

Все эти семейные дразги и критика со всех сторон задели ее самолюбие. И в самый разгар бушевавшей на европейском континенте бури Виктория вдруг вновь обрела веру в свои силы. «Я рада, что эти заботы и неприятности не выпали на долю нашего дорогого папочки, ибо он мог бы сделать еще меньше моего», — писала она Вики.

И, наконец, покорность судьбе, «с чем мне было так трудно смириться вначале», притупила ее отчаяние. В июне в своей коляске с траурной драпировкой она проехала через Лондон, направляясь на открытие выставки по садоводству, и всюду ее встречала ликующая толпа, хотя «мое несчастное лицо и черное платье красноречиво говорили о моем состоянии». При этом она была явно польщена, что приветствовали ее еще более бурно, чем Берти и Алике. «Принц и принцесса Уэльские выглядели разочарованными... Еще бы, ведь ради них никто не останавливался и не бежал к ним так, как всегда делали ради меня и как с удвоенным энтузиазмом делали это сегодня», — гордо сообщила она дядюшке Леопольду.

В декабре, получив ее согласие на это, Фиппс и Дженнер решили привезти в Осборн Брауна. Ее врач хотел, чтобы она возобновила прогулки верхом, но Виктория чувствовала себя уверенно в седле только тогда, когда ее кобылу Флору вел под уздцы ее гилли.

4 февраля 1865 года королева продиктовала меморандум, закреплявший обязанности шотландца: «Я решила, что Браун теперь постоянно будет находиться при мне и будет оказывать мне и другие услуги, кроме как водить моего пони, поскольку я во всем могу на него положиться». Отныне горец получил титул «личного слуги королевы» и не подчинялся обычной иерархии прислуги. Его жалованье составляло 120 фунтов стерлингов. «Все теперь просто замечательно. Он так спокоен, так умен, у него такая хорошая память... Кроме того, он так предан, так привязан ко мне, так ловок... Это так удобно — постоянно иметь в доме человека, чье существование подчинено лишь одной цели — служить мне, и одному Богу известно, до какой степени я нуждаюсь в том, чтобы кто-то так заботился обо мне», — писала она Вики. Спустя неделю она вновь превозносила его достоинства, особо подчеркивая его благоразумие: «В этом доме, где всегда было столько народу и столько пустой болтовни, но не было человека, который мог бы управлять всем этим, его присутствие просто неоценимо».

Сославшись на «издерганные нервы» и «ужасную усталость», она между тем и в этом году тоже отказалась открывать очередную парламентскую сессию. «Таймс» выразила сожаление по этому поводу: «Жизнь имеет такие же права, что и смерть. А что может быть важнее прав великой нации и первой столицы Европы?.. Все почести, какие только можно было воздать принцу-консорту в знак любви и благодарности, ему были возданы... А теперь пришло время подумать королеве и о ее подданных... Процветание монархии, равно как и процветание народа, окажется невозможным, если на английском престоле будет и дальше восседать затворница, ибо это наносит ущерб авторитету, которым должна пользоваться государыня».

Но Виктория пока не осмеливалась наслаждаться жизнью без Альберта, не осмеливалась радоваться даже самым простым вещам. Весной она писала Вики с острова Уайт: «Каждый день я совершаю прогулку верхом на лошади среди буйной зелени, пения птиц и всей этой прелести... но все это не доставляет мне радости, поскольку его нет больше на этой земле, чтобы радоваться вместе со мной». Она согласилась дать прием для представителей дипломатического корпуса, а потом жаловалась Августе: «Это было так тоскливо, что нагоняло на меня сон». Она раз и навсегда установила даты своего отъезда из Виндзора: с конца декабря по конец января, а затем с середины июля по конец августа она станет навещать в Осборн, а в сентябре будет уезжать на два месяца в Бальморал. Во время своих переездов она будет раскладывать в поезде пасьянсы, как ее дорогой покойный супруг, обожавший это занятие.

В Америке после четырех лет кровопролитной войны южные штаты запросили мира. Через десять дней в Вашингтоне выстрелом из пистолета в висок был убит Авраам Линкольн, это произошло в театре, где он сидел в президентской ложе рядом со своей супругой. Лорд Рассел попросил королеву, чтобы она лично написала письмо с соболезнованиями вдове американского президента: «Это будет прекрасным поводом завоевать симпатии Соединенных Штатов». На почтовой бумаге с черной траурной рамкой королевское перо начертало слова сочувствия: «Никто лучше меня не смог бы понять ваши страдания». Она опасалась, как бы эта молодая и горячая Америка не развязала еще одну войну, ставкой в которой стала бы Канада: «Наилучшим решением было бы сделать ее независимым королевством с английским принцем во главе... Мой дорогой Альберт часто думал о том, что колониями должны управлять наши сыновья, но мне никогда не нравилась эта идея. И вот сейчас, перед лицом неизбежного, я чувствую, что, возможно, мне придется решиться на это. Но Альфред

совершенно неподходящая кандидатура. Может быть, Артур будет другим».

В июне Алике раньше срока родила своего второго сына, которого окрестили Георгом. Принц и принцесса Уэльские вновь вызвали недовольство Виктории, которая нашла это имя чересчур ганноверским. 26 августа, в день рождения Альберта, в окружении восьми из своих девяти детей она была в Кобурге, где состоялось торжественное открытие статуи Альберта из позолоченной бронзы высотой более трех метров работы Уильяма Тида, которую установили в центре рыночной площади. На этой церемонии отсутствовал лишь Альфред, он, как всегда, был в плавании. Колокольный звон сливался с барабанным боем и пушечной канонадой. Из окон своих фахверковых домиков выглядывали принарядившиеся местные жители, они степенно наблюдали за проезжавшим мимо кортежем из четырех карет, принадлежавших королевскому семейству Англии и двигавшихся в окружении фореиторов в парадных ливреях Аскота — красных с золотом: «Я хотела, чтобы память моего горячо любимого мужа была почтена в полной мере, насколько это вообще возможно».

А спустя полтора месяца умер Пальмерстон, умер за своим рабочим столом в Брокете, имении, которое завещал ему его шурин лорд Мельбурн. Ужасный *Pilgerstein* доставил массу страданий Альберту, но Виктория изменила свое отношение к нему во время болезни принца. «Странно думать, что этого человека, такого сильного, такого решительного, с такими ненасытными амбициями, больше нет с нами», — написала она в качестве краткого надгробного слова. А еще через месяц настал черед дядюшки Леопольда. Алиса, утешая мать, изрекла: «Теперь ты стала главой всей нашей семьи».

Глава 17

Но в свои сорок шесть лет Виктория в первую очередь была вдовой, а потом уже королевой. Ни депеши, ни меморандумы, ни декреты, которые скапливались на ее письменном столе, ни появление на свет ее внуков, ни даже та борьба, что она вела против своих министров посредством сфабрикованных ее врачами бюллетеней, не могли вырвать ее из депрессии. Черное платье с трудом камуфлировало ее отяжелевшую фигуру зрелой матроны. Она смотрела на мир затуманенным слезами взглядом, который никто не осмеливался выдерживать. Порой у нее совсем не было сил, чтобы жить, но при этом с лихвой хватало энергии, чтобы требовать исполнения своих малейших капризов. Все боялись ее.

А саму ее страшило надвигавшееся одиночество. Она упорно пыталась удержать рядом с собой своих дочерей. Одна, хотя бы одна из них должна была навсегда остаться при ней, в ее тени, чтобы угождать ей, развлекать ее и поддерживать в ее безграничном горе. Такова была ее воля. «Как и мусульмане, я считаю, что долг перед родителями превышает всего остального», — напишет она Вики.

Во время своего пребывания в Кобурге она познакомилась с женихом Ленхен. Беседа с ним вселила в нее надежду. Кристиан выглядел безумно влюбленным, а главное, был счастлив перебраться в Англию. Будучи братом Фрица Гольштейнского, несчастного претендента на трон захваченных Пруссией герцогств, Кристиан лишился собственной резиденции, нашел временный приют в Силезии и не рассчитывал на то, что Бисмарк даст ему какую-нибудь должность в армии. Официальное сообщение об их помолвке было сделано в Шотландии. Молодым нашли жилище — Фрогмор-хаус, бывшую резиденцию герцогини Кентской. Ленхен будет жить в двух шагах от матери. Итак, она застраховалась от одиночества, но не от непомерных расходов!

Виктория сложила оружие и покорилась необходимости появиться на публике, чтобы открыть очередную парламентскую сессию. На эту жертву она пошла исключительно из меркантильных соображений. А как иначе она могла заставить парламент проголосовать за выделение приданого Ленхен?

22 января 1866 года королева писала своему новому премьер-министру лорду Расселу: «Королева должна признаться, что с огромной горечью отметила недостаток великодушия у тех, кто требует ее присутствия на

открытии парламентской сессии. Она прекрасно понимает желание публики видеть ее и не имеет ни малейшего намерения прятаться; но чтобы это желание было настолько рьяным, настолько жестоким, чтобы оно доходило до того, чтобы жадно наслаждаться лицезрением несчастной вдовы с разбитым сердцем и истрепанными нервами, которую насильно вытянули ОДНУ, ПРИ ПОЛНОМ ПАРАДЕ и при этом в глубоком трауре, вытянули словно какое-то диковинное существо в то самое место, где она обычно появлялась в сопровождении супруга, чтобы беззастенчиво разглядывать ее, вот этого она никак не может понять и не желает этого даже своему смертельному врагу».

6 февраля она приехала из Виндзора в Лондон и была так взвинчена и напряжена, что едва притронулась к обеду, который ей подали в Букингемском дворце. Она отказалась от парадного экипажа и села в обычную карету, в которой, несмотря на ледяной ветер, приказала опустить окна, чтобы толпа могла видеть ее. Ее неизменная вдовья головная накидка была спереди отделана бриллиантами, а поверх нее она надела маленькую корону, украшенную бриллиантами и сапфирами. Приветственные крики, которые она теперь должна была принимать одна, без Альберта, вызвали у нее слезы. Сидевшие напротив нее Ленхен и Луиза сильно волновались и не спускали с нее глаз: «Они оказали мне огромную помощь и поддержку. Они прекрасно понимали, что я испытывала».

Огромный готический зал Вестминстера, в котором собрались члены обеих палат парламента, походил на выставку всех видов военной формы. Народу туда набилось столько, что даже на балконах не было свободных мест. Абсолютная тишина установилась в зале сразу же, как только Виктория заняла свое место на троне с наброшенной на него парадной королевской мантией, которую она отказалась надеть. На нее было устремлено столько взглядов, что она чуть было не лишилась чувств. Прочесть тронную речь, как она читала ее в восемнадцать лет своим чудесным мелодичным голосом, сегодня было выше ее сил. Вместо нее это проделал лорд-канцлер. А она сидела неподвижно, устремив глаза в одну точку, словно разворачивающееся вокруг нее действие совсем ее не касалось. На самом же деле она просто боялась шевельнуться, чтобы не упасть в обморок.

Найдется множество людей, которые осудят ее отстраненность. Но депутат-радикал Джон Брайт на одном из митингов выразит свое недоумение по поводу подобных обвинений: «Не в моих правилах выступать в защиту венценосных особ. Но я позволю себе заметить следующее: будь она правительницей огромного королевства или простой

работницей, супруга, способная глубоко скорбеть по тому, кто составлял смысл ее существования, непременно найдет душевные силы и на вас, простых смертных». Удивленная неожиданной поддержкой со стороны республиканца, Виктория послала ему письмо со словами благодарности.

Посетила она и военный лагерь в Олдершоте, где ей всё настолько напоминало об Альберте, что она поклялась себе никогда больше не появляться там. В Букингемском дворце она дала два приема, во время которых «должна была узнать сотни лиц». После пяти лет вдовства эти появления на людях были для нее «ужасающими». Она писала Августе Прусской: «Более чем когда-либо я хотела бы вести уединенную жизнь, заботясь о неимущих и страждущих». В приюте Виндзора она выражала сочувствие пожилым супругам, оказавшимся разлученными друг с другом: «Это такое тяжкое испытание для них!»

Ее очень пугала перспектива новой войны, которая могла бы расколоть ее семейство. Пруссия, более плотно населенная, чем Австрия, нуждалась в расширении своего жизненного пространства. Тщетно взывала Виктория к отцу Фрица, предлагая ему созвать новую мирную конференцию, Бисмарк, отставки которого она требовала и которого называла не иначе как «скверным человеком», более чем когда-либо жаждал стали и крови: «Из-за этой войны, которую он единолично задумал и навязал своей стране, вся Пруссия возненавидела его. Против Бисмарка поднялись либералы во имя своих принципов, рабочие во имя всеобщего братства, священнослужители во имя морали, прусская королева, потому что просто боялась, наследник престола — Фриц, — потому что он был за мир, и сам король, потому что ему было семьдесят лет». Некий молодой человек дважды выстрелил в канцлера на центральной берлинской улице Унтер-ден-Линден. Но пули лишь слегка чиркнули по боку величественного тевтонского рыцаря, у которого осталось достаточно сил, чтобы обезоружить своего незадачливого убийцу до того, как тот успел выстрелить в третий раз. Вся Европа сожалела о том, что покушение не удалось. А Австрия, по словам русского царя, «смирилась с тем, что придется воевать».

Фриц встал во главе второй прусской армии. Людвиг командовал гессенцами, сражавшимися в противоположном лагере. Два зятя Виктории оказались друг против друга с оружием в руках! Ничто не могло бы стать для Альберта большим огорчением, и Виктории казалось, что ее сердце разрывается на части.

По обе стороны фронта Вики и Алиса демонстрировали свои таланты в качестве сестер милосердия и, используя опыт Флоренс Найтингейл, занимались реорганизацией госпиталей. Беременная Алиса отправила

двоих старших детей в Англию и рассчитывала сразу после родов отправиться к мужу на фронт.

В вихре этих событий Вики потеряла заболевшего менингитом своего второго сына, Зигмунда, своего любимчика, которому не исполнилось еще и двух лет, именно в нем она находила утешение от жестоких разочарований, причиной которых были трое ее старших детей, вечно дерзивших матери. Зиги был очень похож на Альберта и был первым из ее детей, кого она сама кормила грудью. «Мой любимый мальчик, посланный мне так ненадолго, моя гордость, моя радость, моя надежда, ушел из жизни... В течение двух дней я не проронила ни слезинки. На его похоронах я была единственной, чьи глаза оставались сухими. Я не могла плакать. А мой бедный Фриц был далеко, был там, где так легко погибнуть!» — писала она матери, которая не преминула заметить ей, что потеря одного ребенка — это ничто по сравнению с потерей мужа. Фриц метался, не зная, ехать ли ему на похороны сына, как приказывал ему отец, но в конце концов так и не смог бросить в опасности свою армию численностью в сто двадцать тысяч человек.

А Англия, как всегда, сохраняла нейтралитет. Ее правительство было поглощено разработкой нового избирательного закона. Последняя реформа в этой области проводилась в 1832 году, и широкое народное движение, возглавляемое Джоном Брайтом, требовало расширения избирательных прав для рабочего класса. Виктория не возражала против этого, но боялась беспорядков. Премьер-министр Рассел предлагал дать статус избирателя всем мужчинам, способным платить за жилье 7 фунтов стерлингов и выше. Оппозиция тори во главе с Дизраэли отвергла эту безумную идею, способную, по их мнению, свергнуть страну в пучину демагогии. Правительство пало. Несносного Рассела сменил престарелый лорд Дерби, страдающий от подагры и интересующийся лишь своими лошадьми. Дизраэли, лидер партии тори и человек, обремененный самыми большими в Англии долгами, вновь занял пост министра финансов. «Но я же ничего не смыслю в этих делах!» — воскликнул он. Дерби подбодрил его: «Ничего, в вашем министерстве будет достаточно людей, которые все сосчитают за вас».

5 июля в Виндзоре новое правительство принимало присягу на верность королеве. Виктория позволила Берти и Аффи присутствовать на церемонии передачи государственных печатей. Днем в местной церкви состоялось венчание Ленхен. Без всякой помпы. Берти вел невесту к алтарю вместе с матерью, которая на сей раз даже осталась на свадебный обед. Самый умный ребенок в семье — тринадцатилетний Леопольд,

страдающий гемофилией, — произнес речь и поднял свой бокал за здоровье новобрачных, которых уже ждала у подъезда карета, вскоре она тронется в путь, а вслед ей, по традиции, полетят башмаки и горсти риса. Ленхен была первой из дочерей Виктории, отправлявшейся в свадебное путешествие на континент: в Париж, Интерлакен, Женеву... Чтобы немного утешиться, королева взяла с собой Беатрису и отправилась в мавзолей Альберта, где они пили чай под сенью его колонн. Поужинала она с двумя младшими детьми и герцогиней Роксбро, которая затем почтила ей перед сном, «до того как оставить меня наедине с моими печальными мыслями».

3 июля, после молниеносной войны, продлившейся всего шесть недель, австрийские войска были окончательно разгромлены под чешским городом Садова. В Дармштадте Алиса вздрагивала при каждом пушечном выстреле и взывала к матери с просьбой о помощи: «Ваши подданные ежегодно организуют сбор средств в пользу госпиталей. Могу ли я просить вас, чтобы на этот раз часть из них была передана нам? Через доктора Дженнера мы уже заказали в Англии корпию и другие перевязочные материалы. Не могли бы вы помочь нам с этим? Мы сами шьем здесь рубашки и уже сшили четыре дюжины. Людвиг множество раз ходил в бой на лошади, которую вы ему подарили. Она хорошо переносит стрельбу, но не любит, когда рядом рвутся снаряды».

Алиса родила третью дочь, которую они с мужем называли Иреной, в греческой мифологии это имя означало мир. Фриц, одержав множество побед на поле боя, героем вернулся в Берлин во главе прусских войск, и Вики писала матери: «Уверяю вас, что пруссаки со своим умом, своей чувствительностью, своим хорошим воспитанием принадлежат к высшей расе... Что же касается милейших австрийцев, то от их жестокости волосы начинают шевелиться на голове». Но когда она поинтересовалась, что может преподнести Ленхен в качестве свадебного подарка, Луиза ответила ей: «Голову Бисмарка на блюде».

Канцлер привел в исполнение первую часть своего плана: объединение северогерманских земель. Пруссия аннексировала Шлезвиг-Гольштейн, Ганновер и Гессен. Русский царь Александр II, зять великого герцога Гессенского, вступился за своего родственника, потребовав, чтобы за ним сохранились его монарший титул и часть принадлежавших ему территорий. Алиса писала: «Мы потеряли окраинные земли и весь Гессен-Гомбург, всего шестьдесят четыре тысячи душ. Кроме того, мы должны уплатить три миллиона, и это после того, как в течение шести недель обеспечивали постой прусской армии, что обходилось нам по 25 тысяч флоринов в день. Половина нашей армии оказалась под прусским командованием. На

железных дорогах царит полнейший беспорядок. Почта и телеграф вскоре станут прусскими. Пруссак посягают на наши художественные ценности, наши старинные картины, книги и рукописи». Прусские юнкера вели себя как самые настоящие солдафоны, они пытались даже захватить личный винный погреб герцога, но узнавший об этом Бисмарк расхохотался и приказал им убраться оттуда.

Воспитанная на принципах своего отца Алиса, несмотря ни на что, благосклонно относилась к идее объединения Германии: «Как ни крути, а наше положение, равно как и положение других мелкопоместных государей, должно будет измениться, и всем, особенно самым старым, будет очень тяжело смириться с этим. Даже мой дорогой Людвиг, такой рассудительный и здравомыслящий, говорит, что ему мучительно лишаться тех прав, которые веками имели его предки и на которых он был воспитан». В Лондоне кузены Кембриджские уговаривали Викторию отдать во владение ганноверскому королю, изгнанному со своего трона, Клермонт, бывшее имение дядюшки Леопольда, где теперь проживали дети Луи Филиппа. Королева взялась за перо и повторила королю Вильгельму I пожелание, которое Альберт написал в альбом автографов Фрица в первый визит молодого человека в Лондон: «Пусть Пруссия растворится в великой Германии, а не Германия станет прусской». Напрасный труд. Бисмарк не устал твердить своему государю: «Мы пруссаки и пруссаками останемся».

А тут случилась еще одна напасть: вот уже три дня в Гайд-парке митинговал народ. Разгневанная толпа требовала этой пресловутой реформы избирательной системы, которая до сих пор так и не была проведена. В день бракосочетания Ленхен демонстранты выломали решетки ограды в той части парка, что граничила с Букингемским дворцом, и оккупировали его лужайки, министр внутренних дел, со слезами на глазах, был вынужден пустить в ход войска, чтобы остановить народ.

Но всего этого было недостаточно, чтобы заставить королеву изменить раз и навсегда установленный график ее передвижений. Вот уже несколько недель специальный поезд стоял наготове, расписание его движения было выверено, начальники вокзалов пребывали в состоянии боевой готовности, а горничные паковали вещи королевы. Виктория не собиралась отменять свой завтрашний отъезд в Бальморал.

В палате общин Дизраэли предложил предоставлять право голоса по домам, «вне зависимости от величины арендной платы, но с учетом срока аренды». С дьявольской ловкостью он выбил почву из-под ног у оппозиции вигов, которые как раз на это и делали ставку. Дебаты по этому пункту едва

не переросли в настоящую потасовку между Дизраэли и Гладстоном. Этот последний — колосс с лицом пророка, обрамленным седыми всклокоченными бакенбардами, — вышел из себя и с такой яростью стал колотить кулаком по столу, стоящему в самом центре палаты общин, что с него разлетелись все его бумаги. «Какое счастье, что в зале стоит такой широкий и крепкий стол, который разделяет нас», — произнес тихонько Дизраэли своим голосом восточного сказочника. Но не только стол, а абсолютно всё разделяло этих двух дьяволов во плоти, которые в течение пятнадцати лет будут противостоять друг другу на политической арене, ведя самую фантастическую дуэль в истории английского парламента.

Смуглолицый, в завитках черных напомаженных волос, которые он прилизывал на висках, Дизраэли внешне напоминал вертящегося дервиша. Его семья была родом из Испании. Как и многие другие евреи, они бежали отсюда от преследований инквизиции. Его отец, историк и собиратель книг, и мать, наполовину итальянка, наполовину еврейка, были вынуждены принять протестантскую веру, чтобы обрести в Англии подобающий социальный статус. Своего сына они окрестили, но это не спасло маленького Бенджамина от прозвища «грязный еврей», которым награждали его в частных английских школах. Так ведь он и звался «Дизраэли», что раньше писалось «д'Израэли», то есть «из Израиля». Благородные лорды тоже не могли признать за своего этого модного писателя, умело вплетавшего в любовную канву своих романов резкую критику социальных устоев их общества. Политика была для лидера тори своеобразной поэтической формой, которая будоражила его воображение и служила источником вдохновения.

Такому необыкновенно ловкому царедворцу, каким был Дизраэли, потребовалось совсем немного времени, чтобы завоевать благосклонность Виктории, очень помогло ему в этом полное лиризма письмо, которое он направил ей после смерти Альберта: «Мужественная красота сочеталась в нем с божественной простотой, а рыцарский дух с блестящим умом». Королева читала эти строки, заливаясь слезами, и в знак признательности подарила Дизраэли переплетенный в белую кожу сборник речей Альберта.

Сам же принц чувствовал себя ближе к Гладстону, чем к экзотичному Дизраэли, которого считал узурпатором и которого обвинял в нежелании признавать пользу свободной торговли. Но в то время как Гладстон отказался рассматривать вопрос о выделении средств на строительство Королевского Альберт-холла, Дизраэли первым же делом поставил его на голосование, и 20 мая взволнованная и преисполненная благодарности Виктория заложила первый камень в фундамент его здания на опушке

Гайд-парка как раз напротив мемориала Альберта. Оркестр исполнил написанную Альбертом кантату под названием «Обращение к гармонии», а королева напомнила присутствующим, что участок земли, на котором началось это строительство, был куплен на средства, полученные в качестве прибыли от проведения Всемирной выставки.

Королева не могла не восхищаться теми посланиями, что получала от своего министра финансов. 26 февраля: «Парламент бурлит и возмущается, но министр финансов убежден, что на королеве это никак не отразится». 29 февраля: «Министр финансов считает, что вопрос о реформе избирательной системы в этом году будет урегулирован, он уверен в том, что в мае все обойдется без кризиса и что пребывание Вашего Величества в своей шотландской резиденции не будет нарушено». Когда Дизраэли придет в Бальморал, королева напишет Вики: «Ни один министр после сэра Р. Пиля (за исключением нашего несчастного, дорогого лорда Абердина) не проявлял ни такого интереса к моим личным делам, ни такого уважения и внимания ко мне самой».

К остроумным отчетам о дебатах в парламенте, которые очень забавляли Викторию, министр финансов добавлял лондонские сплетни и слухи, обсуждавшиеся в клубах. Все, кроме тех, что начали ходить о скандальной близости королевы с ее слугой.

Вот уже два года ее шотландец ни на секунду не покидал ее. Осенью 1865 года в имении герцогини Атольской Джон Браун занимал спальню, смежную со спальней королевы, в предоставленном в ее распоряжение коттедже Данкелд. «Я хочу, чтобы Браун жил в одном доме со мной», — написала она своей близкой приятельнице и шотландской соседке.

Именно Браун приносил ей вечером стакан воды в постель, а утром после завтрака получал у нее все распоряжения. И это Браун повязывал ей черный фартук, чтобы она не испачкала чернилами шелковое платье, когда садилась за свой письменный стол. Это он раскрывал над ней зонтик при первых каплях дождя. Он во время путешествий разыскивал ее потерявшийся багаж. Он во время прогулок по окрестностям Бальморала бежал в ближайшую хижину за кипятком, чтобы заварить чай, если костер не хотел разгораться. Во время выездов в карете с траурной драпировкой он сидел позади Виктории, скрестив руки на груди, мрачный и словно бы отрешенный от мира. Но из-под густых рыжих бровей зоркий взгляд горца прочесывал горизонт, чтобы тут же разогнать любые облака, способные нарушить спокойствие королевы: «Какое утешение постоянно иметь рядом с собой Брауна».

Кое-кто уверял, что Браун обладает способностями медиума. Якобы

благодаря ему Виктория могла продолжать свое общение с пребывающим на том свете Альбертом, ожидая воссоединения с ним, чего она желала больше всего на свете. Во второй половине XIX века вся Европа, включая Англию, была помешана на спиритизме. На лондонских сценах выступали все самые знаменитые медиумы мира. Королева и сама еще при жизни принца с ним и детьми развлекалась в Осборне столоверчением. А теперь продолжала это занятие с Брауном и герцогиней Роксбро, поскольку ей хотелось пребывать в постоянном контакте с душой ее любимого покойного супруга.

Но главное, опираясь на плечо своего могучего ангела-хранителя в килте, она чувствовала себя защищенной, понятой и любимой в своем горе. Каждый день шотландец сопровождал ее в мавзолей Альберта и вместе с ней плакал над его могилой. После обеда они вдвоем отправлялись на прогулку. Браун вел под уздцы пони королевы, а когда ее величество останавливалась, чтобы отдохнуть, он на руках переносил ее из седла на землю. Ее, не терпевшую, чтобы кто-то до нее дотрагивался, он носил на руках и закалывал булавкой ей шаль, ворча на нее, если она начинала вертеться. А порой он даже выговаривал ей за то, что она безвкусно одевается: «Что это вы сегодня надели на себя такое?»

В чай он добавлял ей хорошую порцию виски, она называла это грогом и до конца своих дней предпочитала всем другим напиткам. Она не только не упрекала его за неумеренную страсть к алкоголю даже тогда, когда он бывал мертвецки пьян, что впрочем нередко случалось и при жизни Альберта, но и сама разделяла ее. Винокуренный заводик, расположенный по соседству с Бальморальским замком, производил виски исключительно для королевы. В то время в британском высшем обществе было модно смешивать красное вино с шампанским. И гости королевы, в частности Гладстон, с удивлением взирали на то, как Ее Величество пьет бордо с виски, ведь настоящие джентльмены считали виски «пойлом дикарей». А еще Виктория заказывала во Франции вино «Мариани», этот ликер, содержащий опий, вскоре будет запрещен для широкой продажи.

Все гости Виктории поражались метаморфозе, произошедшей с ее фигурой. «Королева прекрасно себя чувствует, но она стала просто необъятной!» — заявил в своем клубе министр иностранных дел лорд Стэнли. Браун не стеснялся повторять ей, что нужно хоть немного заниматься физическими упражнениями: «Принц часто говорил вам об этом!» Ни одна другая фраза не действовала на королеву так, как эта. Гэльский акцент Брауна, его фамильярность и даже грубоватость, с которой шотландец обращался к ее величеству, поражали благородных лордов. «Что

за скотина этот Браун!» — возмущался в Бальморале лорд Коули. Но прямота ее шотландского слуги импонировала Виктории, которая считала ее признаком бесстрашия и искренности.

Отныне все приказы слугам королева передавала только через Брауна, чьи авторитарные замашки вызывали возмущение в недрах дворца. Шотландец всегда был в курсе всех событий, читал государыне газеты и пересказывал ей сплетни не только о ее придворных, но даже о членах ее семьи. Он прекрасно знал, что «забавляет» Викторию, и без тени смущения настраивал ее против ее же собственных детей. Так, однажды утром он сообщил ей, что прием, устроенный накануне Берти, не пользовался успехом, чем весьма порадовал королеву, с негодованием относившуюся к непристойным, на ее взгляд, развлечениям, которым предавались в Мальборо-хаусе.

С Брауном она вновь почувствовала вкус к жизни. И порой даже стала улыбаться на публике. Правда, это тревожило ее, и она поделилась своей тревогой со своим духовником, настоятелем Виндзорской церкви преподобным Уэлсли: не грех ли это — найти «утешение, привязавшись после Альберта к другому мужчине»? Замешкавшись на какое-то мгновение, слуга Господа ответил, что всякому горю отводится свое время, а потом жизнь вновь вступает в свои права.

В Шотландии, как нигде в другом месте, Браун чувствовал себя хозяином. Он держал себя исключительно дерзко с принцем Уэльским, и тот в конце концов стал все реже и реже появляться в Бальморале, поскольку его охотничьи

планы все время шли вразрез с планами Брауна, чью сторону обычно принимала королева. А когда между одним из офицеров-кавалеристов из свиты принца Артура, лейтенантом Стерлингом, и Арчи, младшим братом Брауна, произошла стычка, королева приказала наказать офицера, отстранив его от должности. Она поручила бальморальскому пастору, преподобному Робертсону, составить генеалогическое дерево Браунов, а также приказала издать книгу «Highlanders of Scotland»^[95], в которой пыталась доказать, что отец Джона Брауна был потомком одного из приближенных Карла II. В 1866 году «Панч» напечатал такую пародию на «Court Circular»: «В Бальморале мистер Джон Браун совершил прогулку в горы. На обед он ел *haggis* (бараний рубец с пряностями). Вечером слушал концерт волынщиков. Удалился спать довольно рано».

Добровольное заточение Виктории способствовало распространению за границей разных слухов, они выпархивали из окон королевских дворцов, залетали в редакционные кабинеты и приземлялись в секретариате ее

величества. В ноябре 1866 года Генри Понсонби писал своему брату Артуру: «Мы с удивлением узнали здесь, что наш посол в Берне выразил протест швейцарским властям по поводу порочащей королеву статьи, которая появилась в “Газет де Лозанн”, это было довольно опрометчиво с его стороны, поскольку из-за его демарша дело получило огласку». На самом деле Понсонби принял за чистую монету обыкновенную сплетню. Швейцарцы не печатали никаких статей о том, что королева тайно сочеталась браком с Брауном и даже ждет от него ребенка. А посему не было и никаких демаршей со стороны британского дипломата.

Но двор находился в постоянном страхе, что газеты запестрят скандальными заголовками, а дети Виктории были уязвлены тем, что их мать выставляет напоказ свои близкие отношения со слугой. Алиса возмущалась, что Виктория постоянно ставит им в пример Брауна за то, что тот не боится прямо высказывать ей свое мнение, а сама при этом не выносит никаких возражений со стороны детей. Браун, Браун, Браун... Мужик с конюшни, занявший место их отца! К раздражению, вызванному невозможностью общаться с матерью без ее нахального мажордома, примешивался стыд за то, что она так афишировала свою привязанность к слуге.

Отважная Алиса, поддержанная Аффи, решила призвать Викторию к выполнению ею своих королевских обязанностей, вырвав ее из уединения, тщательно оберегаемого вездесущим шотландцем. Та пришла в ярость от этой попытки семейного заговора и пожаловалась на него Вики. Но старшая дочь, как и ее сестра, была обеспокоена той опасностью, что нависла над монархией из-за чудовищной беспечности королевы. Эгоизм матери возмущал ее. Она множество раз просила ее удалить от себя Брауна.

Но это был каприз государыни, которая, сидя с утра до вечера за своим письменным столом с пером в руке, утверждала, что ее жизнь — это «долина слез» и что было бы несправедливо требовать от нее, чтобы она лишила себя тепла и привязанности своего гилли. В 1867 году она возвела его в сан «шотландского слуги королевы», что означало, что теперь он стал наполовину слугой, наполовину секретарем.

Когда она разбирала свой ящик с депешами, Браун всегда теперь стоял у ее стола. Он высказывал ей свое мнение по любому поводу, не дожидаясь вопросов с ее стороны, и она прислушивалась к нему. Шотландец с презрением относился к ирландцам, которых называл не иначе как «папистами», и к «damned»^[96] иностранцам, которых обзывал разными обидными словами. Ходили даже слухи, будто бы он заставил умолкнуть неиссякаемого Гладстона, перебив его замечанием: «Вы уже достаточно тут

наговорили». Понсонби, один из самых близких ко двору людей, рассказывал случай с мэром Портсмута, который приехал в Осборн узнать, не соизволит ли королева принять участие в смотре полка волонтеров. В ожидании ответа он присел рядом с Понсонби, чтобы перекинуться с ним парой слов. Вдруг дверь в комнату королевы резко распахнулась и появилась красная физиономия Брауна, который грубо бросил посетителю, выговаривая слова со своим акцентом гэльского крестьянина: «Королева сказала: “Канэшно нэт”». «Морнинг пост» писала, что «гилли Браун занял при королеве то же место, что мамелюк Рустам занимал при Наполеоне». Позднее его станут сравнивать с Распутиным.

В феврале Виктория, которая вновь согласилась открыть парламентскую сессию, чтобы поддержать правительство, следуя в Вестминстер, наблюдала на лицах встречаемых людей явную враждебность. Причиной их недовольства была не только суровая зима, эпидемия холеры и безработица. Народ, требовавший от нее проведения реформы избирательной системы, начал задаваться вопросом, а нужна ли ему вообще эта невидимая и оскандалившаяся монархия.

6 мая в Королевской академии художеств была выставлена картина Лендсира, на которой сидящая верхом на лошади королева была изображена рядом со своим гилли. Посетители валом повалили на выставку, а газеты называли эту демонстрацию «опрометчивостью, ошибкой и безвкусицей». Виктория не обращала на это никакого внимания. Она считала полотно очень удачным. Вот если бы какая-нибудь герцогиня позволила себе афишировать свою близость со слугой подобным образом, то она первой бы осудила ее. Джентльмены в клубах придумали новое слово «Balmorallity»^[97] для обозначения этой щекотливой ситуации, которая усугублялась покровом таинственности и удаленностью шотландского убежища королевы.

В июне Виктория должна была присутствовать на параде в Гайд-парке. Лорд Дерби предостерегал генерала Грея: «Присутствие Брауна в карете королевы может спровоцировать народ на то, что он станет не только освистывать его — что не самое страшное! — но и швырять в него камни». Он предложил посоветовать шотландцу сказать больным и остаться дома. На что Грей ответил: «Это может вызвать у королевы обычный для нее нервный срыв из тех, что заканчиваются полной протрацией». И был совершенно прав.

Викторию возмущали эти «злые сплетни высшего света, раздосадованного тем, что он никак не может заставить королеву покинуть ее убежище... и муссирующего эту ужасную ложь о бедном и добром

Брауне, которую печатают шотландские газеты, чтобы угодить недоброжелателям, вынашивающим черные планы». В день, на который был назначен парад, произошло трагическое событие: генерал Хуарес^[98] казнил в Мексике императора Максимилиана^[99], и правительство воспользовалось этим предлогом, чтобы отменить массовое мероприятие в Гайд-парке.

«Королева не потерпит, чтобы ей диктовали, как ей себя вести», — писала Виктория своему конюшему лорду Фицрою. Точно так же она упрямо отказывалась, несмотря на настояния своих министров, пригласить в Англию русского царя Александра II, которого с блеском принимал в Париже Наполеон III по случаю Всемирной выставки. Никто и ничто не могли ее заставить изменить принятое решение.

По приказу королевы доктор Дженнер направил лорду Дерби коммюнике, которое было зачитано на заседании Совета министров: «Любое волнение вызывает у Ее Величества нарушение функции желчного пузыря, провоцирующее рвоту, и мы опасаемся, как бы эти проблемы не сказались на работе мозга». Так что царю пришлось удовольствоваться орденом Подвязки, который она послала ему.

После долгих споров она согласилась на три дня отложить свой отъезд в Осборн, чтобы оказать прием важному для Англии союзнику — турецкому султану, «но без его гарема». Экзотический правитель развеял ее меланхолию. С юмором описывала она Вики визит этого «восточного брата с дивными глазами» и радовалась, что по случаю его приезда в Виндзоре вновь выставили на стол парадный золотой сервиз. «Впервые за эти шесть грустных лет» во дворце играл оркестр. Во время морского парада в Спитхед-султан, страдавший морской болезнью, не выходил из своей каюты. А Виктория, прекрасно переносившая качку, лишь посмеивалась над ним.

В Осборне неугомонная Луиза решила спеть и уговорила мать подыграть ей на фортепьяно, и «я даже сама попыталась тоже что-то спеть». Со своим неподражаемым чувством юмора лорд Кларендон заметил, что «Ее Величество прекрасно умеет уклоняться от того, что ей не нравится, и соглашается делать то, что доставляет ей удовольствие».

В салонах на все лады злословили по поводу ее нежелания исполнять свои официальные обязанности и ее жалких попыток оправдать такое поведение. В начале ее царствования Викторию называли «миссис Мельбурн». Теперь она стала «миссис Браун». Подобные оскорбления вызывали у нее возмущение. Ах, как презирала она это «добропорядочное

общество», праздное и не приносящее никакой пользы, которое высмеивали в своих произведениях все романисты от Теккерея до Диккенса. Это «добропорядочное общество», о котором Мельбурн еще на заре ее правления говорил: «Здесь едва ли найдется хотя бы одна леди, чье поведение можно было бы назвать безупречным. Что до мужчин... то с ними дела обстоят еще хуже!» И эта аристократия, такая богатая, такая снобистская и такая распутная, все эти пэры, заседающие в палате лордов, словно какие-то царьки, не приняли ее добродетельного Альберта, заставив его так страдать! Она никогда не простит им этого. И в каком же таком качестве они хотели бы сегодня давать ей уроки добродетели и отваги?

Викторию корбило, что бедняки часто несли наказание за провинности в десятки раз менее серьезные, чем те, что совершали представители благородного сословия, оставаясь при этом безнаказанными. Напрасно в своих письмах она просила Бerti «подавать хороший пример и не оказывать покровительства никому из этих одиозных персонажей!».

Мэри Понсонби признается позже, что Виктория и Альберт были куда ближе к простым людям, чем к собственным придворным. Королева требовала от всех своих внуков, как прежде от своих девяти детей, чтобы они за руку здоровались со слугами. В своем Бальморальском замке она устраивала ежегодный бал гилли, который обычно заканчивался всеобщей попойкой. Ужин там подавали через два часа после начала праздника, и к этому времени многие слуги уже едва держались на ногах. То тут, то там слышался звон разбитой посуды, часть блюд с трудом добиралась до стола, а сомелье^[100] лили вино мимо стаканов. Виктория делала вид, что ничего не замечает.

В этом, 1868 году она опубликовала «Страницы из дневника о нашей жизни в горах Шотландии», иллюстрированных ее собственными рисунками, это был тот самый дневник, который она вела во время своих экспедиций по краю, где они были так счастливы. Книга изобиловала смешными рассказами о бальморальской прислуге, о ее достоинствах и недостатках, в том числе и о пристрастии к виски, над которым королева слегка подтрунивала. Общество борьбы за трезвость, своего рода архипуританская секта, выразила свое возмущение по этому поводу и потребовала убрать из книги все упоминания об употреблении спиртного. Королева категорически отказалась это сделать. Она наоборот собиралась показать всем, что английская государыня разделяет и любит простую жизнь своих подданных, принадлежащих к самым низам общества.

Силой и бодростью своего духа скромные шотландцы выгодно отличались от знати, думающей лишь о развлечениях. И первым среди них,

естественно, был Джон Браун, несравненный и благородный гилли, которого приблизил к себе еще Альберт. Она уподобилась писателю Томасу Хьюзу, который в своей книге «Том Браун» на четырех страницах восхвалял всех безвестных Браунов, составивших славу Великобритании. Она пошла даже дальше, противопоставляя «Джон-Браунизм» «Джон-Булизму»^[101], доброту первых — высокомерию вторых.

Пятьдесят тысяч экземпляров «Страниц» разошлись в две недели, желающие приобрести книгу буквально рвали ее друг у друга из рук. В США количество проданных экземпляров было в два раза больше. Успех ее книги, наивность которой вызывала улыбку у аристократов и возмущение у ее детей, укрепил Викторину в собственной правоте.

В конце февраля 1868 года лорд Дерби, с трудом передвигавший ноги, ушел в отставку. Дизраэли был приглашен в Осборн и получил предложение занять освободившееся место главы правительства. Леди Пальмерстон и салоны вигов кипели от возмущения: «Идея назначить премьер-министром еврея вызывает у нас невыразимое отвращение». А королеве эта идея пришлась по вкусу. В отличие от Альберта у нее не было ни религиозных, ни расовых предрассудков: «Он поэт, романтик и рыцарь. Когда он преклонил колено, чтобы поцеловать мне руку, которую нежно взял в свои, он произнес: со всей силой моей верности и преданности». Популярный писатель, он осыпал королеву литературными гиперболами и вел себя с ней, как с коллегой по творческому цеху. «Мы, писатели», — бросал он ей, сопровождая эти слова своей восточной улыбкой. Но у него практически не было времени на то, чтобы предаваться сладостному заигрыванию с государыней. Гладстон внес на рассмотрение парламента проект закона об автономии англиканской церкви в Ирландии.

Увы, лидер вигов был совершенно не похож на обаятельного Дизраэли. Он мнил себя посланником Бога, подвергал себя самобичеванию за греховные мысли, а к политике постоянно примешивал религию. Одной из идей тщеславного Гладстона было наставить на путь истинный проститутток, наводнивших Лондон. Каждый вечер, выйдя из здания парламента, он направлялся в пользующиеся дурной славой городские кварталы и читал бесконечные нравоучения несчастным полуголым женщинам. Порой демон одолевал его, и этот колосс поддавался искушению плоти. Но, последовав за женщиной в ее каморку, он вдвойне начинал мучиться угрызениями совести. Маленький крестик, нарисованный в его дневнике, означал, что он испытал искушение, кнут — что поддался этому искушению, а затем в наказание подвергал себя более жестокому, чем обычно, самобичеванию.

Виктория терпеть не могла это лицемерное пуританство. Ее возмущало, что Гладстон пытается «разжечь старые сектантские распри». У лидера вигов была амбициозная цель положить конец неравенству в Ирландии между англиканской церковью, которая объединяла меньшую часть местного населения, но пользовалась поддержкой центральной власти, и католической церковью, которая имела многочисленную паству, но не признавалась английской короной и отвергалась ею как папистская.

В начале мая правительство Дизраэли оказалось в меньшинстве при голосовании по этому ирландскому вопросу. Вместо того чтобы самому уйти в отставку, премьер-министр распустил палату общин, как глава правительства он имел право назначить досрочные выборы. И состояться они должны были в ноябре, после парламентских каникул.

А королева проводила свои «весенние каникулы» в Бальморале, она использовала эти последние недели, чтобы сполна насладиться общением с Дизраэли. Она послала своему премьер-министру в подарок примулы и получила от него в ответ письмо с благодарностью, которое он продиктовал своей жене Мэри-Энн, та была старше него на двенадцать лет, и он женился на ней, богатой вдовушке, из-за ее денег. У Мэри-Энн был красивый дом рядом с Гайд-парком, она, не моргнув глазом, гасила все долги своего «героя» и до трех часов ночи ждала его возвращения из клуба или парламента. А когда обессиленный премьер-министр появлялся наконец дома, его ждали ярко освещенные комнаты, разожженный камин в гостиной и графинчик хереса на серебряном подносе. «Господин Дизраэли страстно любит цветы. А полученные им примулы показались ему вдвойне ярче и благоуханнее благодаря той благословенной руке, что осыпала его дождем всех этих весенних сокровищ», — написала Мэри-Энн королеве, которая тут же узнала цветистый стиль своего премьер-министра, чья супруга скорее славилась глупой болтовней.

В июле в Англии установилась невыносимая жара. За лето она унесла более двадцати тысяч жизней. Виктория проинформировала Дизраэли, что собирается отправиться в длительное путешествие. Она уже три года готовилась к поездке в Швейцарию, в горы с их покрытыми вечными снегами вершинами, которые ей восторженно описывал еще Альберт и которые она давно мечтала увидеть собственными глазами. Сейчас там находился ее сын, принц Артур, со своим гувернером майором Элфинстоном. Еще в июне в одном из своих писем Вики интересовалась у матери, верен ли слух о ее предстоящей поездке. Та ответила: «Доктор Дженнер порекомендовал мне ее. Я сказала об этом лишь двум или трем людям. Я не собираюсь никого принимать, чтобы не переутомиться и не

расстроить себе нервы, как это было во время моего пребывания в Розенау».

В официальном коммюнике об этой поездке подчеркивался ее сугубо частный характер. Британский консул в Женеве прислал министру иностранных дел лорду Стэнли письмо с просьбой выделить ему дополнительные средства на приобретение нового парадного мундира. Министр ответил отказом, сочтя этот расход бесполезным: «В новом мундире нет никакой необходимости, поскольку Ее Величество все равно вас не примет».

В начале августа, все в такую же жуткую жару, Виктория погрузилась на корабль, чтобы отплыть на континент вместе с тремя младшими детьми: Луизой, Леопольдом и Беатрисой. С собой она взяла лишь двух придворных дам. Но ее свита, сокращенная до предела, все равно насчитывала сорок человек, среди которых были ее личный секретарь, костюмеры, врач, Браун, а также брат Брауна Арчи, приставленный к Леопольду. Кроме них в свиту входили еще трое шотландских горцев. Три кареты были отправлены на континент заблаговременно, как и дюжина лошадей, две из которых — Флора и Султан — были любимыми лошадьми ее величества. Королева путешествовала инкогнито под именем «графини Кентской», выдумщица Луиза пришла от этого в восторг и всем представлялась «Луизой Кентской».

В Шербуре ее ждал личный поезд Наполеона III, который за ночь доставил Викторию в Париж, где она остановилась в своем посольстве в приготовленной для нее комнате: «У меня разыгралась сильнейшая диарея». Императора в столице не было, он находился на водах в Пломбьере, где пытался избавиться от камней в почках и мочевом пузыре. Во второй половине дня его супруга Евгения заглянула в английское посольство с кратким официальным визитом, чтобы поприветствовать Викторию. Согласно дипломатическому протоколу королева должна была нанести императрице ответный визит, прибыв к ней в Елисейский дворец, который находился по соседству с ее посольством. Путь до дворца занял бы не более двух минут, но Виктория плохо переносила жару и приказала везти себя прямо на вокзал, а по дороге из своей кареты посмотрела на новый Париж барона Османна, где «больше не было дыма. Но, увы, на месте живописных старых улочек выросли новые кварталы!». На следующий день французские газеты подняли шум, что их императрице нанесено оскорбление. Лорд Стэнли, прибывший в Париж обычным поездом, получил от Дизраэли указание никак не реагировать на эти выпады.

В Люцерне Элфинстон снял пансион «Уоллис», построенный двумя годами ранее английским художником-лито-графом Робертом Уоллисом, женившимся на швейцарке, которая превратила дом в гостиницу. Это была просторная вилла, стоящая на берегу Фирвальдштетского озера с его зеленой водой, и оттуда открывался самый замечательный вид во всей округе на снежные шапки гор.

В первый же день Виктория отправилась на экскурсию к овеянному романтикой озеру Ренглох, а назавтра каталась по нему на новом парходике при стечении огромной толпы любопытных. Инкогнито ей сохранить не удалось. «Наплыв иностранцев за последние две недели вырос до такой степени, что все гостиницы и пансионы оказались переполненными. Но мы ожидаем еще большего притока туристов, главным образом сыновей и дочерей Альбиона, поскольку они привыкли всюду следовать за своей высокочтимой государыней, словно цыплята за курицей», — писала «Газет де Лозанн». На конюшне их пансиона, которую Виктория пожелала осмотреть, один из конюхов приветствовал ее низким поклоном и словами: «Добрый день, госпожа королева!» — чем сильно насмешил ее. В Энгельберге она посетила местный монастырь: «Впервые в истории католические монахи принимали у себя британского монарха». А Виктория впервые в жизни побывала на мессе.

Сидевший рядом с кучером Браун защищал королеву от назойливого любопытства прохожих. Своим килтом, размашистыми жестами и грубыми окриками он сразу же привлекал к себе всеобщее внимание. «ДБ ведет себя здесь так же по-хозяйски, как и в Виндзорском дворце. Если чего-то не хватает, он настойчиво требует этого и обязательно получает», — отмечал Понсонби.

Несмотря на постоянную заботу своего гилли, королева и здесь страдала от жары и фена, сухого и резкого ветра сродни мистралю. «Твоя бедная старая мамочка чувствует себя далеко не лучшим образом. Я совсем пала духом, у меня подавленное настроение, и я думаю, что самое лучшее для моего здоровья — сидеть дома, и предпочтительнее всего — в Шотландии», — писала она Вики. В воскресенье она даже заплатила 2 тысячи швейцарских франков, чтобы удалить из пансиона любителей боулинга, которые досаждали ей своими криками. Английские газеты рекомендовали своим читателям не нарушать отдых ее величества: «Они должны вести себя так, словно не знают, кто она такая. Верноподданному англичанину запрещаются любые слова, жесты или взгляды, позволяющие допустить, что они предназначены оказавшейся в людном месте королеве, подобное поведение будет расцениваться как невоспитанность». Прячась от

нескромных взглядов, Виктория пила свой чай на уединенных лужайках. Она ставила там свой мольберт и на пару с Луизой, самой талантливой художницей в их семье, писала акварели. Мать и дочь состязались в изображении одних и тех же пейзажей.

Обследовав за две недели Люцерн и его окрестности с его крепостными стенами, башнями и другими достопримечательностями, Виктория отправилась на экскурсию в высокогорные Альпы. Сидя на спине своего пони, она поднималась все выше в горы: преодолела перевал Сен-Готард и добралась до перевала Фурка, где остановилась на три дня и три ночи в маленьком горном приюте, обставленном более чем скромно, что привело ее в полный восторг. Ей предложили пересечь Ронский ледник в портшезе, но она предпочла идти пешком, опираясь одной рукой о палку, а другой — о «крепкое плечо Брауна». Ночью шел снег, было холодно, и она чувствовала себя просто великолепно.

По возвращении в Люцерн она, в восхищении от первой экскурсии, попросила организовать ей еще два восхождения — на величественную гору Риги и на Пилат, зубчатые вершины которого отражались в спокойных водах озера.

Первой фрейлине королевы, импозантной леди Эли, было поручено регулярно посылать Дизраэли отчеты о времяпрепровождении ее величества. Премьер-министр и посол Англии в Париже лорд Лайонс обменивались бесконечными депешами, пытаясь найти способ замять дипломатический инцидент с Францией. Они поручили леди Эли убедить Викторию в необходимости нанести императрице Евгении ответный визит на обратном пути через Париж. Виктория согласилась при условии, что ей придется ехать не в Фонтенбло, а всего лишь в Елисейский дворец.

За четыре дня до отъезда леди Эли отправила лорду Стэнли паническое сообщение: Виктория собирается встретиться со своей подругой Августой, королевой Пруссии, которая должна приехать в Люцерн с частным визитом. В тот момент, когда французская и немецкая армии готовы были двинуться друг на друга, такая встреча представлялась крайне несвоевременной. В результате всё закончится десятиминутным свиданием двух королей на люцернском вокзале.

В Париже Викторию ждала записка от Евгении, которая извинялась за свое отсутствие. Воспользовавшись случаем, королева решила посетить вместе с детьми замок Сен-Клу, в котором тринадцать лет назад она останавливалась вместе с Альбертом и о котором сохранила волшебные воспоминания. Но ставни в доме были закрыты, сады пусты, и она уехала оттуда, охваченная ностальгией.

В пятницу, прибыв в Портсмут, она нашла там письмо Дизраэли, изобилующее комплиментами, в котором премьер-министр просил ее об аудиенции в воскресенье. А в понедельник королева уже была на пути в Бальморал. В Англии полным ходом шла избирательная кампания. Но Виктория, едва вернувшись из Швейцарии, уже опять мечтала о новых путешествиях инкогнито вдали от официальных церемоний, политических кризисов и нескромных взглядов.

Глава 18

«Глассалт Шил» — так назывался серый охотничий домик на берегу дикого озера Муик. Это было первое жилище, появившееся у нее после того, как она овдовела, жилище, которое не было создано воображением Альберта, и в этом уединенном уголке Шотландии она отныне будет чувствовать себя совершенно счастливой.

Добраться туда можно было по кружной дороге через ланды^[102]. Или более коротким путем — по горам верхом на пони. Лужайка, раскинувшаяся под ее окнами, полого спускалась к самому озеру, где у берега всегда была привязана лодка. На закате этот пейзаж окрашивался в огненные тона, таким его особенно любила Виктория и не раз запечатлевала в своих акварелях.

Ничто не действовало так умиротворяюще на ее «бедные нервы», как нарушаемая лишь шумом водопада тишина, густые заросли вереска и даже туман, окутывающий окрестные ланды. Опираясь на предупредительно подставленную руку Брауна, она гуляла вдоль озера, а вечером, сидя у камина с тарелкой бисквитов и стаканчиком виски, вдали от журналистов и требований этикета, довлеющего над ней в Виндзоре, она забывала наконец о бремени королевской власти.

Пройдет шестьдесят лет, и молодой английский писатель Д. Г. Лоуренс, только что вернувшийся из США, находясь под впечатлением от рассказов об этом уединении и отрешенности королевы от суетного мира, напишет свой знаменитый роман «Любовник леди Чаттерлей». Летом 1926 года он подружился с Эдит Ситуэлл, будущим биографом Виктории; ее отец был частым гостем в Виндзорском дворце, именно он и стал прототипом отца леди Чаттерлей.

Торжественное открытие охотничьего домика «Глассалт Шил» состоялось в октябре 1868 года. Вместе с королевой на этом мероприятии присутствовали лишь Джейн Черчилль, Луиза и Артур, как раз вернувшийся из Женевы. «Без двадцати десять мы вошли в маленькую столовую, из которой была вынесена мебель. Там собрались все слуги, включая конюхов и полицейского. Всего нас было девятнадцать человек. Все (кроме меня) пять раз станцевали *reel*, очень быстрый и веселый танец. После первого танца всем подали *toddy-whisky* (горячий грог), и Браун уговорил меня выпить стаканчик, дабы разжечь в груди огонь радости. Затем Грант произнес небольшую речь, которая заканчивалась пожеланием

долгих лет жизни нашей доброй королеве. Потом Росс поднял тост в традиционном стиле шотландских горцев, и все выпили за мое здоровье. Этот прелестный маленький праздник закончился в четверть двенадцатого. Но мужчины продолжили петь свои песни в помещении для охраны», — записала в своей комнате Виктория. В таком же маленьком домике неподалеку отсюда, в местечке под названием Альтнагиутасак, вместе с Альбертом они провели множество незабываемых, поистине идиллических минут, она никогда не решится побывать там вновь, чтобы не бередить себе душу.

В Лондоне ее странное поведение по-прежнему оставалось главной темой всех разговоров. В октябре такой серьезный журнал, как «Тинслейз мэгэзин», напечатал на своих страницах рассказ одного заезжего американца: «Спустя некоторое время после моего приезда в Англию я ужинал в компании нескольких джентльменов, разговоры за столом крутились исключительно вокруг некой миссис Браун. Сосед по столу любезно объяснил мне, что так англичане называют свою королеву... Говорили, что королева совсем выжила из ума, а Джон Браун состоит при ней в качестве брата милосердия... Говорили, что он ее медиум. Словом, я услышал массу историй, одна абсурднее другой, но все они исходили от людей, занимающих высокое положение в обществе и наделенных большой властью». В палате общин и в прессе звучали одни и те же вопросы, и депутаты, и журналисты были возмущены. Очень респектабельная «Санди тайме», подсчитав, во что обходится налогоплательщикам содержание королевских дворцов и яхт, написала жирными буквами: «Пора положить конец этому мерзкому попрошайничеству и отвратительной скандальной истории».

Новый сатирический журнал «Томагавк» устроил настоящую сенсацию: в своем первом номере под картинкой, на которой была изображена подбитая горностаем королевская мантия, лежащая в свернутом виде на пустующем английском троне, он поместил следующую подпись: «Принц Уэльский вот-вот будет назначен регентом в связи с плачевным физическим и моральным состоянием здоровья, в каковом пребывает наша несчастная королева». В августе «Томагавк» вновь взбудоражил общество очередной карикатурой под названием «A Brown Study» («Уроки Брауна»): на ней был изображен британский лев, которого дрессировал укротитель Браун. Берти отправился в Осборн, чтобы попытаться поговорить с матерью.

Виктория как никогда часто прикрывалась медицинскими бюллетенями, услужливо составляемыми ее личными врачами, чтобы

избегать выполнения королевских обязанностей, но при этом не желала уступать сыну ни крупницы своей власти. «Скандальная история» с Брауном еще больше осложнила их отношения. Берти отказывался принимать у себя шотландца. И королева никогда не бывала ни в Мальборо-хаусе, ни в Сандрингеме — загородной резиденции принца и принцессы Уэльских в старинном замке Тюдоров из красного кирпича, который Альберт перед самой смертью приобрел для своего старшего сына. Виктория не посвящала Берти ни в какие дела и запретила министрам информировать его о больших или малых государственных проблемах. «Принц Уэльский излишне болтлив», — любила повторять она, ведь самой ей дядюшка Леопольд еще в детстве привил, что государь никогда не бывает чрезмерно «discreet»^[103].

А Берти действительно предпочитал жить в окружении красивых женщин, партнеров по карточному столу и любителей охоты, которые, дабы завоевать его расположение, пересказывали ему все последние сплетни. Приглашение в Мальборо-хаус являлось пропуском в высшее общество, а круг его веселых друзей-космополитов и блестящие вечеринки, душой которых он был, уже давно затмили скучный двор его матери. Берти водил компанию с бакалейщиком-миллиардером Липтоном, торговцем мебелью Маплом, банкирами-евреями Ротшильдами, Сассуном, Бишофеймом и даже с венгерским богачом по фамилии Херш, чего королева никак не могла одобрить: «Если ты когда-нибудь станешь королем, все эти друзья превратятся для тебя в тяжелую обузу и ты должен будешь порвать с ними».

Ему было двадцать восемь лет, а она не выпускала его из-под своей опеки и не показывала ему ни одной депеши. А он между тем интересовался международной политикой и лучше многих министров знал иностранных государственных деятелей, особенно французских, ибо чувствовал себя во Франции как дома. Он проводил там довольно много времени, убегая туда от лондонского пуританства, виндзорского траура и встреч с Джоном Брауном, все это он оставлял своим бедным сестрам.

В Париже он чувствовал себя вольной птицей. Ездил он туда без супруги и, будучи не обременен никакими официальными обязанностями, проводил вечера, наслаждаясь всеми прелестями парижской жизни: ходил в театр, рукоплескал исполнительницам французского канкана в трусиках с разрезом на самом пикантном месте и ужинал в «Английском кафе» в своем личном кабинете — «большом шестнадцатом номере», оклеенном красными обоями в золотых иероглифах, в котором однажды вечером друзья устроили ему сюрприз, заказав для него «блюдо-искушение». После

консоме из спаржи, заливного из дичи, запеченного в тесте омара, дроздов и волована с телятиной четверо официантов внесли огромный серебряный поднос, на котором возлежала известная дама полусвета Кора Перл, из одежды на ней было лишь жемчужное ожерелье, а в зубах — веточка петрушки. Поскольку мужчиной Берти был весьма дородным, во всех самых шикарных закрытых заведениях французской столицы вроде тех, что находятся на улице Шабанэ, у него имелось личное кресло. От Виктории он унаследовал глаза навывкате, гурманство и, главное, ее необъятную талию. У него даже было прозвище «Тит-Тит», то есть «Пузан». Гортензия Шнайдер с успехом выступала в парижском «Варьете» в оперетте Оффенбаха «Великая герцогиня Герольдитайн», и принца Уэльского часто видели там в его ложе в компании приятелей по Жокей-клубу. В каждый свой приезд в Париж он непременно ужинал с Сарой Бернар^[104], которая звала его не «принцем Уэльским», а «принцем Парижским». Единственное, от чего он отказывался, несмотря на свою неистребимую страсть к азартным играм, так это от посещения воскресных скачек: его мать и британская общественность ни за что бы ему этого не простили.

Он обожал Францию и ненавидел Пруссию — в отличие от своего отца. На торжествах по случаю Всемирной выставки 1867 года он встретился в Париже с Бисмарком, который держал себя с ним исключительно холодно. Русский царь, Вики с Фрицем и Алиса с Людвигом также прибыли на выставку. Его старшую сестру, еще не оправившуюся после смерти ее сына Зигмунда, упрекали в том, что она привезла с собой лишь «три уродливых платья» и покинула большой бал, который давали в мэрии, едва показавшись на нем. За исключением Алисы все остальные дочери Виктории унаследовали от своего отца патологическую застенчивость и, в отличие от Берти, находили мало удовольствия в светских развлечениях и восторженном приеме толпы.

Когда парижские бульвары ненадолго отпускали его от себя, принц Уэльский ездил поиграть в баккара в Монте-Карло, Канны или Биарриц. Весной посещал скачки в Ньюмаркете, Эпсоме или Аскоте. В июле — регату в Каусе. В начале августа он был на открытии охоты на куропаток в Шотландии. Сентябрь проводил на курортах Баден-Бадена, Хомбурга или Мариенбада и за покрытыми зеленым сукном столами казино вновь сходил со своими обычными партнерами по Мальборо-хаусу, представителями той самой загнивающей английской аристократии, которую Виктория винила в том, что она ведет монархию к гибели, а королевство — к республике. Она говорила доктору Дженнеру, что стоит ей подумать о разгульной жизни принца Уэльского, как она сразу же начинает

нервничать, и просила не произносить при ней его имени.

Увы, поселившийся в Кларенс-хаусе Аффи пошел по стопам своего старшего брата. Теперь он задумал жениться на Марии, дочери царя Александра II, с которой он познакомился в Дармштадте, куда она приехала навестить родственников своей матери. Аффи встретился с ней в доме Алисы. Этот союз позволил бы молодому человеку разделаться с долгами, но был совсем не по вкусу королеве, которая люто ненавидела этих русских «варваров». «Что до Гессенских, то слишком уж они любят светские развлечения!» — возмущалась она. Артуру, которому только что исполнилось восемнадцать лет, запрещалось ходить вместе с этим «беднягой Аффи» за театральные кулисы и ездить на скачки. Королева приказала наставнику Артура майору Элфинстону поддерживать в спальне юного принца температуру в пятнадцать градусов, не позволять ему причесываться на прямой пробор и держать руки в карманах, что всегда делал Берти, и эта его отвратительная привычка крайне раздражала Альберта.

«Малыш Лео» мог бы стать для нее утешением, если бы не его гемофилия, мешавшая ему вести нормальный образ жизни. Он унаследовал от отца ум и серьезность, но в 1868 году у него начались кровотечения, заставлявшие опасаться самого худшего. Его болезнь требовала ежеминутной осторожности. Когда в 1873 году умрет его племянник, сын Алисы, страдавший той же болезнью, Леопольд напишет своей сестре: «Не могу отделаться от мысли, что, возможно, нашему дорогому малышу повезло, ибо он не познает всех тех испытаний и страданий, которые выпадают на долю таких людей, как я». Виктория, способная жалеть лишь себя, тем не менее с большой нежностью относилась к своему несчастному сыну. Целые дни Лео проводил за книгами, зная, что любое падение может стоить ему жизни. Она наградила его орденом Подвязки на год раньше других братьев, поскольку «он намного образованнее их, и я хочу подбодрить его и сделать ему приятное, ведь ему приходится терпеть такие лишения».

Весной 1868 года палата общин все еще не могла решить проблему англиканской церкви в Ирландии. Премьер-министр предложил отправить Берти с официальным визитом в Дублин, чтобы подчеркнуть интерес британской короны к этому острову: «Господин Дизраэли позволил себе заметить, что за два века английские государи провели на земле Ирландии всего двадцать один день. Его Королевское Высочество сможет там поохотиться. Это позволит ему в какой-то мере совместить выполнение государственного долга с приятным времяпрепровождением, а это,

насколько всем известно, вполне соответствует образу жизни принца Уэльского». Виктория поначалу противилась: ее сын и так достаточно путешествует, чтобы еще и в Дублине развлекаться. Но в конце концов она дала согласие на эту поездку при условии, что все расходы будут оплачены правительством, а ноги Бerti не будет на скачках в Панчестауне. При одном лишь упоминании о Панчестауне кровь бросалась ей в голову!

Да, это было настоящим искусством «добиться чего-либо от Ее Величества», чья реакция порой была просто непредсказуемой. Но никто лучше Дизраэли не умел улестить королеву, засыпать ее комплиментами. «Я никогда не отказываю ей, никогда ничего не говорю супротив нее, иногда просто кое-что забываю», — объяснял он свой метод, с улыбкой приглаживая завитки волос на висках.

В Гладстоне, сменившем его в декабре после триумфальной победы на выборах, не было ничего такого, что могло бы привлечь эту эксцентричную вдовушку, восседающую на английском престоле. Свободное время этот колосс-прорицатель проводил в принадлежащем ему имении Гаварден, где находил отдохновение, занимаясь рубкой деревьев в парке, и ему явно не хватало тонкости, чтобы подстроиться к ганноверскому темпераменту государыни. Альберт говорил когда-то: «Я не спускаю с нее глаз, как не спускают глаз с молока, закипающего на плите». А Гладстон подавлял ее своим внушительным ростом и нагонял скуку бесконечными проповедями. Настоятель Виндзорской церкви, с которым они когда-то вместе учились в Итоне, советовал ему: «Нервозность и раздражительность королевы заметно возросли... Вы никогда не выражаете ей должного уважения, учтивости и, осмелюсь сказать, нежности... Постарайтесь не поднимать никаких спорных вопросов до тех пор, пока она не привыкнет к вам».

Но яростные споры по поводу клира в Ирландии не утихали, и Виктория опасалась, что отступничество государства от англиканской церкви этого острова может спровоцировать волнения. Нельзя было допустить, чтобы у людей появились мысли, будто «следующей падет церковь Шотландии». Равно как нельзя было допустить, чтобы у экстремистов создалось впечатление, будто британская корона «собирается отказаться и от другой своей собственности», например, от принадлежащих ей земель в Ирландии.

После возвращения королевы из Швейцарии министр внутренних дел постоянно получал информацию, что ирландские террористы-фениии решили убить или похитить королеву. Их движение — «Шинн-Фейн», созданное в США ирландскими эмигрантами, — поклялось покончить с монархией.

В Париже на Луизу набросился с оскорблениями активист какой-то проириландской организации. В Австралии некий ирландец выстрелил в Аффи и ранил его в бок на пикнике, где принц собирался пожертвовать чек на довольно крупную сумму на благотворительные цели. И Браун, которому повсюду мерещились фении, удвоил свою бдительность.

Но Виктория, никогда не дрожавшая за свою жизнь, упорно отказывалась от того, чтобы полиция постоянно находилась при ней в Бальморале. Два года назад генералу Грею уже приходилось буквально «на коленях» умолять ее уехать из Осборна. Ее пугали возможной атакой фениев с моря. Но все опасения тогда оказались напрасными, информация о готовящемся нападении не подтвердилась. Так что на этот раз ей не испортят ее отдых в Бальморале! Да и вообще, настоящий заговор плели никакие не фении, а ее собственный двор, правительство и даже ее дети, чтобы вынудить ее вернуться в Лондон и не дать ей поправить «пошатнувшееся» здоровье.

Отныне пять месяцев в году она проводила в Шотландии и три в Осборне. Это вынуждало членов ее правительства постоянно мотаться туда-сюда и вызывало недовольство всех министров, включая Дизраэли и Гладстона: «Никто не может поставить под сомнение тот факт, что отъезд королевы в Осборн в период парламентской сессии создает массу неудобств». А что уж говорить о Бальморале! Добираться туда нужно было целые сутки, жить там в нетопленых комнатах и умирать от скуки за ужином, который королева редко удостаивала своим присутствием. А главное, вездесущий Браун вел себя там так, словно он был хозяином дома, и позволял себе грубые выходки в адрес гостей. Например, генералу Гардинеру, начальнику штаба английских войск, прибывшему в Бальморал и поинтересовавшемуся у шотландца состоянием здоровья королевы, он ответил: «Она чувствует себя прекрасно. Она, кстати, сказала мне: “Вот досада, что завтра приезжает этот *damned*^[105] Гардинер. Он опять будет совать свой мерзкий нос во все мои дела!”»

По совету Гладстона один дублинский банкир подарил королеве имение в Ирландии, чтобы она могла отдыхать «в загородной резиденции и на втором острове Джона Буля». Виктория оценила этот жест, но заверила дарителя, что лишь уединение в ее домике «Глассалт Шил» успокаивает ее нервы. Несколько месяцев назад она раз и навсегда заявила генералу Грею: «Организм королевы, ее желудок и нервы сильно пострадали за шесть лет неустанного труда без всякой помощи, ее силы истощились под бременем тяжких обязанностей и страшного горя, особенно одолевавшего ее в первые три или четыре года ее вдовства... Она считает своим долгом перед

семьей и своим народом не допустить ухудшения своего здоровья, что помешало бы ей выполнять свои задачи».

Чтобы никто не подумал, что она одобряет предложенный Гладстоном законопроект, королева отказалась открывать очередную парламентскую сессию. Раздосадованный премьер-министр отправился вместе с женой в Осборн, чтобы попытаться умаслить королеву. Напрасный труд, Виктория посоветовала ему объяснить ее отсутствие преследующими ее сильнейшими мигренями.

Королевский двор разделился на тех, кто склонялся к мнению, что Виктория унаследовала от деда легкую степень сумасшествия, и тех, кто вроде Августы Стэнли считал, что помимо своего неисправимого монаршего эгоизма она страдала еще хронической депрессией, вызванной страхом оказаться не на высоте при исполнении своих обязанностей.

7 июня Гладстон писал Грью: «Я желаю знать правду, “настоящую” правду о состоянии здоровья королевы». Как истинный солдат, Грей, уставший от всей этой комедии, ответил, что он не обращает никакого внимания на стенания Виктории: «Ничто не может возыметь на нее ни малейшего воздействия, кроме повелительного, а скорее даже угрожающего тона. Да простит меня доктор Дженнер, но я считаю, что и здоровья, и сил у нее бывает в достатке, если речь идет о том, что ей нравится. Это просто-напросто ее извечная привычка, которой она никогда не изменяет — нянчиться с собой, и эта привычка не позволяет ей без истерики отложить исполнение какого-нибудь своего желания или каприза хотя бы на десять минут». Генерал, называвший Викторию не иначе как «Ее симулянтское Величество», добавил спустя несколько дней: «Откладывая бой за то, чтобы заставить королеву выполнить ее долг, вы добьетесь лишь того, что неизбежная битва будет еще труднее и болезненнее». По мнению Луизы, королева чувствовала себя «потрясающе». И ломала комедию тоже с потрясающим талантом.

Лесоруб Гладстон смело взялся за дело, которое было под силу лишь Геркулесу: не позволит ли королева хедиву Египта Исмаилу, который в 1868 году в течение двух месяцев с поистине восточной роскошью принимал у себя Берти и Алике, остановиться в Букингемском дворце? Из Бальморала королева ответила согласием, но при этом она высказала «категорическое возражение против любых поползновений заставить ее принимать за свой счет в единственном (дословно) принадлежащем ей дворце... всех этих иноземных царьков, которые приезжают сюда развлекаться».

Новый натиск: не согласится ли ее величество принять участие в торжественном открытии моста Блэкфрайерс через Темзу, строительство

которого должно завершиться в середине лета? А заодно посмотреть на холнборский виадук и на финальную стадию строительства метро? Отложить на несколько дней отъезд в Бальморал! Королеву просто затрясло от возмущения! Вот предупредительный Дизраэли понял бы, что она просто не в состоянии оставаться в августовскую жару в Лондоне! Но Гладстон не собирался отступать и продолжал свои атаки: все закончилось тем, что королева согласилась открыть мост в ноябре и даже осталась довольна тем, как восторженно приветствовала ее толпа. «Здесь собрался по меньшей мере миллион человек!» — воскликнула она в порыве чувств, явно преувеличивая число присутствующих на церемонии...

Блэкфрайерс стал единственной победой Гладстона в 1869 году. Премьер-министр, добившийся принятия своего законопроекта о церкви в Ирландии, сражался сейчас на другом фронте — любовном. Буквально потеряв голову от охватившей его страсти, все вечера, а порой и дни он проводил теперь не у себя в кабинете, а у красавицы Лауры Тислетвайт. С этой тридцатипятилетней уроженкой Шотландии — в прошлом дамой полусвета, а ныне яркой поборницей нравственности — он познакомился пять лет назад.

Он был так поглощен своим чувством, что даже забросил работу по спасению проституток и писал в своем дневнике, усеянном крестиками, свидетельствующими о греховных желаниях, что он живет «в сказке “Тысяча и одной ночи”». Он посылал Лауре по несколько писем в день, каждое начиная обращением: «Душа моя!» — и в одном из них написал: «Моя жизнь всегда была борьбой между долгом и искушением».

Молодая женщина была замужем за состоятельным военным, и в лондонских клубах анекдоты об отношениях красавицы Лауры с премьер-министром на время потеснили анекдоты о миссис Браун. «Гладстон, видимо, совершенно потерял голову», — писал лорд Карнавон одному из своих друзей. Лорд Дерби удивлялся, как премьер-министр может вот уже столько времени жить с особой, которая «не принята в свете». Дизраэли не смог отказать себе в удовольствии проинформировать об этой истории Викторию, и его разоблачения окончательно подорвали уважение королевы к Гладстону: не то чтобы ее шокировали его любовные похождения и его грехопадение, у нее вызвало отвращение извечное ханжество благочестивых речей ее премьер-министра. А эта его мания всюду примешивать Бога: и к политике, и к проституткам! А его пояснительные записки на двенадцати листах к бесчисленным проектам реформ или докладам по колониальным проблемам, в которых она ничего не могла понять уже с первой строчки! Альберт сумел бы достойно ответить на

путаную аргументацию Гладстона. Он доказал бы ему, что его законы вредны как для страны, так и для монархии. Эти двое никак не могли найти общего языка. Властная венценосная вдовушка приводила в оцепенение прорицателя-лесоруба. А огромный рост премьер-министра пугал королеву. Не имея физической возможности смотреть ему прямо в глаза при разговоре, Виктория предпочитала говорить ему «нет» в своих записках, которые она подкрепляла неизменными бюллетенями о плохом состоянии своего здоровья, подписанными доктором Дженнером. В феврале 1870 года умирающий генерал Грей воскликнул: «Дженнер умудрился превратить Ее Величество в инвалида!» На что врач возразил: «Разве не лучше сказать, что королева не может делать того-то и того-то из-за дурного состояния своего здоровья — что отчасти правда, — чем сказать, что она просто не хочет этого делать?»

Генерала Грея сменил при королеве Генри Понсонби, племянник Каролины Мельбурн. Он был не таким церемонным, как его предшественник, и более гибким: «Когда она настаивает на своем, утверждая, что дважды два пять, я говорю ей, что не могу помешать себе думать, что дважды два четыре. Она отвечает мне, что в моих словах, должно быть, есть доля правды, но она-то все равно ЗНАЕТ, что дважды два пять. И тогда я просто перехожу к другому вопросу». Столкнувшись с ее упрямством, министр юстиции лорд Галифакс хлопнул себя по лбу и пробормотал что-то о «некоторых признаках безумия».

Поведение Берти отнюдь не способствовало укреплению престижа монархии. Его похождения, непомерные траты и любовницы вызывали улыбку у друзей и беспокойство у тех, кто опасался, как бы корона не скатилась к подножию трона, как это часто изображали карикатуристы. Первые страницы всех газет пестрели сообщениями о бракоразводном процессе, затеянном против леди Мордаунт ее мужем. Леди Мордаунт входила в кружок завсегдатаев Мальборо-хауса, и то, чего опасался Альберт накануне своей смерти, произошло сейчас. Принца Уэльского вызвали в суд в качестве свидетеля. На судебном заседании были оглашены двенадцать писем, которые принц написал своей приятельнице, в настоящий момент находившейся на лечении в психиатрической клинике. Письма эти были абсолютно невинными по содержанию и разочаровали любителей клубнички, но не противников монархии. Лорд-канцлер никак не мог отделаться от мысли, что этот процесс нанес принцу Уэльскому такой же ущерб, как «какая-нибудь революция».

Королева направила сыну телеграмму, чтобы выразить ему свою поддержку и симпатию. «Я никогда не смогу сполна отблагодарить вас за те

добрые и ласковые слова, что вы адресовали мне», — ответил Берти. Но вот что она написала Вики: «Эта неприятная история унижительна для нас не только потому, что он невиновен, в этом я никогда не сомневалась, но и потому еще, что его имя трепалось в связи со всей этой грязью и ставилось в один ряд с подобными личностями, что совершенно не допустимо... Поверь мне, дети являются постоянным источником тревоги для их родителей, и боль, которую они причиняют им, неизмеримо больше той радости, что они доставляют. Поэтому-то я и не могу понять твоих восторгов по поводу того, что скоро у тебя появится еще один малыш». Как и Алиса, Вики ждала шестого ребенка. Ленхен была беременна третьим. Она переехала в Камберленд-лодж, где была совершенно счастлива и где оказалась в некотором отдалении от матери, что вызвало недовольство Виктории.

Чтобы заменить Ленхен, у нее оставалась Луиза, которая, как и Берти, унаследовала пылкий темперамент и эксцентричность своей родительницы. Луиза была самой красивой из пяти сестер. В отличие от трех старших, она быстро сменила траурные одежды на модные платья с корсетом и зауженной талией, выгодно подчеркивавшие ее формы и очень ее красившие. Веселая и артистичная, она была словно солнечный лучик в этом мрачном царстве, в которое превратился двор, где королем был Джон Браун.

В трехлетнем возрасте Луиза взяла свой первый урок рисования у Эдварда Корбоулда, преподавателя, которого пригласил к своим детям Альберт. Корбоулд не стал заставлять ее копировать полотна известных мастеров, хотя многих юных барышень того времени именно так учили рисовать. Он побуждал ее проявлять собственную индивидуальность. В конце жизни она признается: «Он был одним из моих немногочисленных настоящих друзей и многому научил меня... и не только в искусстве».

Ученица имела талант к живописи, но еще больший — к ваянию. Ее мать задавалась вопросом, достойное ли это занятие для молоденькой девушки. Дело в том, что королева была яркой противницей закона об эмансипации женщин, который недавно внес на рассмотрение парламента депутат-либерал Джон Стюарт Милль. Этот экономист, опубликовавший в 1869 году свой доклад о «Зависимом положении женщин», распространял абсурдные, по ее мнению, идеи. Следствием распространения этих идей стало то, что в Манчестере пять тысяч женщин потребовали права голоса. Художница Беатрикс Поттер вместе с миссис Хаксли, супругой крупного ученого Томаса Хаксли, подписали петицию о «правах женщин». «Мы, женщины, не созданы для того, чтобы править», — любила повторять

Виктория, вынашивая очередного ребенка, а беременности ее следовали буквально одна за другой. Конечно, она была королевой. Но это была тяжелая ноша, которую небеса взвалили на ее хрупкие плечи. После смерти Альберта она всегда отказывалась надевать свою парадную королевскую мантию на церемонию открытия очередной парламентской сессии. Она написала Гладстону: «Королева просто в ужасе от идеи, что женщины могут изучать медицину, да еще в компании мужчин. Это идет вразрез со всеми моральными принципами!»

Вики, которая тоже посещала курсы ваяния, вступилась за сестру. Их отец утверждал, что этот вид искусства был еще более благородным, чем живопись. А Луиза между тем уговорила королеву позировать ей. Во время этих сеансов она добилась от матери разрешения посещать занятия в Национальной школе искусств в Кенсингтоне, которая при поддержке Альберта начала активно развиваться после Всемирной выставки. Там она стала ученицей Джозефа Эдгар-да Бема, любимчика Лондона и официального придворного скульптора.

Бем подолгу жил в Бальморале, где по заказу королевы изготовил множество статуй, одной из которых была статуя Брауна в полный рост. После смерти Брауна Бема будут обвинять в том, что именно он первым начал распускать сплетни насчет связи Виктории с ее шотландским красавцем-ла-кеем. Будут даже поговаривать, будто эти скандальные слухи о королеве были нужны ему, чтобы скрыть его собственную связь с Луизой.

Юная принцесса пала жертвой обаяния талантливого венгра с его голубыми глазами и вьющимися волосами. Она слишком часто приходила к нему в студию под предлогом, что хочет поработать там. Бем был женат, и это осложняло дело. После бурного объяснения с дочерью Виктория решила расстаться с Луизой, с которой у нее было так много общего. Но нужно было подыскать ей мужа...

После свадьбы Ленхен в прессе то и дело появлялись сообщения о помолвке Луизы то с одним, то с другим из многочисленных наследных принцев протестантского вероисповедания из европейских стран, начиная с Вильгельма Оранского, который уже фигурировал в качестве кандидата на руку Алисы. В 1868 году Луизе исполнилось двадцать лет, и одно из крупнейших ежедневных датских изданий «Дагс-телеграфен» объявило о том, что она собирается замуж за принца Фредерика Датского, брата Алике, чего принцесса Уэльская желала всем сердцем. Но третий брак с датчанами после Алике и Кристиана Шлезвиг-Гольштейнского мог прийти не по вкусу пруссакам и Бисмарку. Луиза отправилась на несколько недель в Потсдам к своей сестре Вики, которая пригласила к себе в гости целую

толпу годящихся в женихи немецких принцев. Кружась с ними в танце, юная принцесса всем им вскружила головы, но ей самой все они показались спесивыми шовинистами и солдафонами, далекими от искусства.

Утомившись листать Готский альманах, Виктория объявила, что не в состоянии удовлетворить одновременно и тех, кто занимал пропрусскую позицию, и тех, кто анти-прусскую. День и ночь ломала она голову над этой проблемой и в конце концов решила выдать Луизу замуж за британского подданного. Подобного не случалось вот уже три с половиной века. Вместе с дочерью она составила список претендентов, достойных принцессы. Всех их по очереди приглашали провести несколько дней в Бальморале.

Маркиз де Лорн был хорош по всем статьям. Шотландец по происхождению и внук доброй приятельницы королевы герцогини Сазерленд, он обладал всеми качествами, чтобы понравиться матери и не вызвать отвращения у дочери. Это был красавец-блондин с чудесными голубыми глазами. Правда, будучи спортсменом, он, играя как-то в регби, получил травму носа и с тех пор слегка гнусавил, что несколько раздражало королеву. Но зато он писал стихи и был почти таким же талантливым художником, как Луиза. Его отец, герцог Аргайл, был главой клана Кэмпбеллов и имел самые обширные владения в Шотландии с роскошным замком Инвирери, в котором Виктория когда-то останавливалась вместе с Альбертом.

Маркиз предложил Луизе руку и сердце во время прогулки в «Глассалт Шил». 24 октября 1870 года в Бальморале, после заседания Тайного совета королевы, было официально объявлено о помолвке. Вот только Берти забыли поставить об этом в известность. Браун отправил одного из гилли через горы в Данробин, где в замке герцога Сазерленда отдыхали принц и принцесса Уэльские. А Вики узнала эту новость из берлинских газет, как всегда, раздувших антианг-лийскую кампанию.

Все братья и сестры Луизы с крайним неодобрением отнеслись к этому «мезальянсу». Берти считал, что если в королевскую семью войдет депутат-либерал, безоговорочно поддерживающий Гладстона, то это нарушит политический нейтралитет, предписанный короне. Но как пойти против воли королевы? Альберт считал, что великодержавные браки способствуют сближению государств. После прусских войн Виктория утратила уверенность в этом. Она объясняла сыну: «Времена изменились. Браки с иностранцами перестали быть благом, а скорее, стали поводом для беспокойства». Она писала Вики: «Я знаю, что за границей подобный брак,

если его глубинные причины не поняты, вызовет недоумение. Но я уже давно думаю о том, что мы не можем поступить иначе. Великие брачные союзы вроде твоего — идеальный вариант, но на него не могут рассчитывать все члены семьи, мелкопоместные же иностранные принцы не пользуются у нас популярностью, а брак с адептом римско-католической церкви противоречит нашим законам и моральным принципам. Таким образом, мы склоняемся к тому, чтобы обратить свой взор на тех, кто в нашем отечестве имеет солидные состояния и ранги, ничем не уступающие состояниям и рангам малоимущих немецких принцев». Впрочем, когда Вики выходила замуж, Пруссия еще не успела всех их «проглотить».

6 августа в Бальморале Виктория отмечала «чудесную новость» — победу ее зятя над Мак-Магоном^[106]. Одетый в килт герр Заль, библиотекарь-немец, служивший еще Альберту, радостно обнимался с гувернанткой фрейлейн Бауэр. После ужина никто не спешил расходиться, а прямо тут же, в столовой все склонились над разложенными на столе штабными картами.

В начале войны никто бы не поставил на то, что Франция проиграет ее. «Фриц принял командование над швабской и баварской армиями и одним прусским армейским корпусом. Он оказался в ужасной ситуации, поскольку войска южных земель оказались слабыми и недисциплинированными, а от их военачальников больше вреда, чем пользы. Фриц стал очень нервным и раздражительным, а порой даже заливается слезами», — писала Вики.

Королева, верная памяти любимого мужа, как могла поддерживала своих дочерей. На сей раз ее зятя сражались по одну сторону фронта, что было для нее большим утешением. Эрнест, брат Альберта, тоже был в стане Фрица. «Это не просто война Франции против Пруссии, а в высшей степени вероломное нападение на объединившуюся Германию, которая защищает свои земли и борется за свое выживание», — писала королева Гладстону. Английское правительство не торопилось принимать чью-либо сторону. У Берти сердце разрывалось. Его жена ненавидела Бисмарка, а сам он обожал Париж. Но в воскресенье, 2 сентября, пуританская Англия усмотрела в поражении Наполеона под Седаном перст Господень. В своей проповеди пастор церквухи в Крейти предал анафеме эту погрязшую во грехе Францию и прочел строки из Библии, посвященные Содому и Гоморре. Вики признавалась: «Наша бедность, наши мрачные города, непрерывная работа и полная лишений жизнь закалили наши тела и души. И мне не хотелось бы, чтобы нас, как и наших соседей-французов, поразила бы гангрена сладкой жизни».

В меморандуме от 9 сентября королева отмечала: «Сильная Германия никогда не будет представлять угрозы для Англии». В письме к теще Фриц уже писал о своем желании заключить великий союз между Англией, Пруссией и Австрией. Но когда в Зеркальной галерее Версаля было объявлено о создании Германской империи, весь мир содрогнулся от ужаса. Не обернется ли аннексия Германией Эльзаса и Лотарингии, самых богатых провинций в Европе, опасной концентрацией сил в руках Бисмарка? Фриц и сам прекрасно осознавал эту опасность. «Ему кажется, что все мы живем на вулкане, и он не удивится, если Бисмарк однажды решит пойти войной на Англию», — писала Виктория.

Луиза, повредившая во время прогулки верхом колено, воспользовалась этим и прислала матери письмо с извинениями за то, что ей придется задержаться «на несколько дней» в Бальморале. На самом деле она осталась в Шотландии еще на месяц и от души повеселилась на большом балу гилли, устроенном в парадной зале замка по случаю Хэллоуина. Она обожала ноябрь в своих «любимых Хайландах» с их солнцем, играющим на сиреневых склонах, с золотыми березами и алыми рябинами, соседствующими с темно-зелеными елями. Нигде в другом месте не чувствовала она себя столь «благодатно».

По возвращении в Виндзор она вместе с матерью и Беатрисой на специальном поезде тут же отправилась навестить бедняжку Евгению, которой удалось бежать из Франции на маленькой английской яхте, доставившей ее в Гастингс. Берти предоставил в ее распоряжение Чисвик-хаус, небольшую резиденцию поблизости от Лондона: «Когда наши друзья попадают в беду, мы всегда готовы оказать им помощь». У правительства эта позиция не нашла одобрения.

У императрицы не было никаких новостей о Наполеоне III, которого держали в заключении в одной из крепостей под Касселем. Виктория полчаса провела у Евгении, выражая ей свое сочувствие. Она с ужасом узнала, что в Париже народные депутаты единогласно провозгласили республику и не нашлось ни одного человека, кто высказался бы в поддержку императора: «До чего же народ неблагодарен!»

Принесенный с того берега Ла-Манша ветер республиканских перемен принялся гулять по Англии. В сентябре на Трафальгарской площади собрался многолюдный митинг, на котором собравшиеся требовали свержения монархии, а затем, с открытием республиканских клубов в Бирмингеме, Кардиффе, Плимуте, Абердине и почти каждом квартале

Лондона, в течение всей осени велись яростные атаки на корону и королевскую семью. Последние требования королевы о выделении средств

на нужды членов ее семьи вызвали взрыв негодования: речь шла о приданом для Луизы в размере 30 тысяч фунтов стерлингов и ежегодном содержании принцессы в размере 6 тысяч. Также следовало утвердить сумму ежегодного содержания принца Артура, которому исполнялось восемнадцать лет, в размере 15 тысяч фунтов стерлингов.

Депутаты потребовали создать комиссию по проверке финансового положения королевской семьи. С момента восшествия на престол Виктория каждый год получала от государства по цивильному листу 385 тысяч фунтов стерлингов. Это была колоссальная сумма для государыни, которая не устраивала больше официальных приемов и отказывалась селить у себя во дворцах зарубежных монархов во время их визитов в Англию.

В начале 1871 года появился памфлет, в котором, после перечисления всех выплат королевской семье из государственной казны, задавался вопрос: «Что же она со всем этим богатством делает?» Памфлет моментально разошелся по рукам, его буквально рвали друг у друга. Лидер республиканцев Чарльз Бредлаф выпустил еще один памфлет под названием «Георг, принц Уэльский», в котором писал: «Опыт последних девяти лет свидетельствует о том, что наша страна может прекрасно обойтись без короля и сэкономить на расходах по содержанию монархии». Некоторые газеты так распоясались, что королева запретила приносить их во дворец. Мэр Бирмингема Джозеф Чемберлен в одной из своих речей воскликнул: «Идея установления республики в нашей стране не вызывает у меня ужаса! Я уверен, что рано или поздно это все равно произойдет... А впрочем, я не вижу большой разницы между конституционной монархией, как наша, и свободной республикой».

В письме к лорду Грэнвиллу, министру иностранных дел его правительства, Гладстон выражал беспокойство: «Королева превратилась в “невидимку”, а принц Уэльский не пользуется уважением народа... Королева становится все упрямее, а с возрастом это будет только усугубляться... Между тем мы живем в эпоху, когда личное влияние государыни остается одним из последних столпов, на которых держится Корона».

9 февраля 1871 года Виктория вместе с детьми отправилась в карете в парламент. На голове ее была новая корона, на плечах — горностаевая мантия: «Луиза и Беатриса стояли на ступенях трона. Артур — справа от меня, рядом с Берти». Члены обеих палат парламента не видели ее в Вестминстере уже три года.

За выделение приданого Луизе было подано триста пятьдесят голосов. Подавляющее большинство. Гладстон лично позаботился об этом, ведь

жених принцессы, маркиз де Лорн, был депутатом от его партии. Королева сделала несколько уступок своему премьер-министру: она согласилась почтить своим присутствием открытие больницы святого Томаса, где проходили подготовку сестры милосердия Флоренс Найтингейл, а главное, прибыть вместе с Берти на открытие Королевского Альберт-холла, самого большого концертного зала в мире. Его огромные органы могли воспроизвести как грохот пушки, так и легкое дуновение ветерка. На церемонии Виктория так расчувствовалась, что не смогла произнести ни слова и попросила сына выступить вместо нее. «Королева объявляет зал открытым!» — громким голосом возвестил принц Уэльский. Кто-то в толпе попытался свистеть, но Гладстон поздравил ее величество с тем, что монархия стала наконец «видимой».

21 марта в Виндзорской церкви Святого Георгия с большой помпой прошло бракосочетание Луизы с маркизом де Лорном. Королевский штандарт реял в голубом небе этого весеннего утра. Прилегающие к церкви улицы были запружены каретами с лакеями в *алых* ливреях. Учащиеся Итона, выпускником которого был де Лорн, выстроились перед церковью, словно в почетном карауле. Перед семьей новобрачного, состоявшей из герцога Аргайлла, его супруги и их одиннадцати детей, выступали, играя на волынках, шотландские горцы. В черном атласном платье, расшитом сверкающим гарусом, Виктория, вся в бриллиантах и рубинах, вела свою дочь под венец. Газеты восторгались, а публика умилялась этой романтической парой. Один лондонский парфюмер создал новую туалетную воду и назвал ее «Love Lome» («Несчастливая любовь»). А в Глазго один местный фотограф получил шестьдесят тысяч заказов от желающих приобрести фотографию новобрачных. Королева писала Вики: «Популярность этого брака во всей империи, включая Ирландию, ни с чем не сравнима, и, притом что королевская семья столь многочисленна, а дети наши (увы!), в свою очередь, имеют такие же многочисленные семьи, союзы с наиболее достойными семействами нашего государства значительно укрепят монархию и упрочат связь между королевской семьей и страной. А главное, нам совершенно необходим приток свежей крови, иначе династию ждет вырождение и деградация». А какая кровь может быть благороднее шотландской! Альберт уверял, что в ней сохранилась частица неукротимой силы викингов.

На свадебном пиру шампанское лилось рекой. К летящим вслед отъезжающей карете с новобрачными башмакам и атласным туфелькам Браун добавил и новую метлу, что, по обычаю шотландских горцев, должно было принести молодоженам счастье. Они отправились в свадебное

путешествие по Европе под именем лорда и леди Сандридж, это был один из титулов де Лорна. В Дармштадте Алиса должна была посвятить свою юную сестру в секреты гинекологии, ибо сама королева на эту тему с дочерьми никогда не говорила. В 1885 году медицинский журнал «Ланцет» сокрушался по поводу той вопиющей безграмотности в интимной области, какую молодожены проявляют в свою первую брачную ночь.

А в Бальморале самая знаменитая больная королевства совершила в июне вместе с Брауном восхождение на Крэг Гоуан. На вершине горы стояла пирамида, над которой парила душа Альберта. Виктория спустилась оттуда, укрепившись в своем решении не уступать коварным проискам Гладстона. Премьер-министр намеревался провести широкомасштабную военную реформу. По традиции командные посты в английской армии занимали представители высшей знати, которые редко имели профессиональное военное образование. Офицерские должности и звания продавались и покупались. Премьер-министр собирался ввести в армии систему, при которой продвижение по службе будет зависеть только от личных заслуг военного.

Виктория усмотрела в этом проекте правительства выпад, направленный против монархии. Через несколько дней после свадьбы Луизы она приняла в Виндзорском дворце бывшего французского императора, вновь оказавшегося в изгнании в Англии. Герцог Кембриджский, как когда-то и Альберт, любил повторять, что «красные» полки легко поворачиваются против трона. И недавние события во Франции в очередной раз подтвердили правоту этой мысли. Королева надеялась, что со временем принц Артур сменит своего дядю Кембриджа на посту главнокомандующего английской армией. Проведя год в Канаде, ее сын был произведен в офицеры и теперь учился в военной школе в Альдершоте.

Скрепя сердце согласилась она парафировать законопроект Гладстона о реформе в армии. В палате общин радикалы подняли шум, требуя урезать сумму годового содержания Артура. «Королева не заслуживает больше нашего уважения, поскольку постоянно кланчит деньги!» — выкрикнул кто-то из депутатов. При голосовании, состоявшемся 1 августа, против было подано пятьдесят три голоса.

Спустя три дня, проснувшись утром, Виктория почувствовала «болезненный укус насекомого в районе правого локтя». Отправление ее поезда в Шотландию как обычно было назначено на 17 августа. Гладстон умолял королеву не уезжать в Бальморал до конца парламентской сессии. Она ответила ему телеграммой, заканчивающейся уклончивым обещанием:

«Я сделаю все, что в моих силах, но не более того». На руке у нее начал назревать нарыв. Тревожные бюллетени о состоянии ее здоровья, подписанные Дженнером, посыпались на правительство.

Лорд-канцлер, сэр Артур Хелпс и лорд Грэнвилл попытались оказать помощь премьер-министру. По их мнению, было как никогда важно, чтобы именно сейчас, когда по всей стране множились выступления республиканцев, вдохновленных их собратьями с континента, залившими кровью всю Францию, королева находилась у руля государства. В 1864 году Карл Маркс создал в Лондоне Первый интернационал. В апреле в Гайд-парке прошла грандиозная манифестация в поддержку парижских коммунаров. Совершенно недопустимо, чтобы ее величество удалилась в Бальморал в разгар парламентской сессии! Дабы напомнить ей о ее долге, Вики, отдохавшая в Осборне, написала письмо «нашей любимой мамочке и нашей государыне», которое заставила подписать всех своих братьев и сестер.

Виктория так активно жаловалась на свою усталость, что дети отказались от мысли вручить ей свою петицию, опасаясь спровоцировать у нее нервный срыв. Королева, уверенная в том, что от состояния ее здоровья зависит судьба монархии, писала лорду-канцлеру: «Что убило ее дорогого мужа? Переутомление и вечные заботы. Что убило лорда Кларендона? То же самое... а вы хотите, чтобы королева, уже немолодая женщина, все выдержала... Она считает необходимым повторить, что, если ее министры не окажут ей поддержку, она не сможет и дальше тащить этот непосильный груз на себе и будет вынуждена переложить его на молодые плечи. И тогда, быть может, недовольные пожалуют, что довели ее до изнеможения, хотя она еще могла бы быть полезной».

14 августа она отобедала в одиночестве, без детей. У нее не было аппетита. Она жаловалась на боли в горле. Гладстон доверительно сказал Понсонби: «Я считаю все это самым своим тяжким испытанием за сорок лет политической деятельности. Можно легко вообразить и худшие вещи. Но более ничтожных причин, наносящих такой ущерб монархии, трудно себе представить». И этот знатный лесоруб добавил: «Это то же самое, что рубить сук, на котором сидишь».

В назначенный день, 17 августа, Виктория уехала в Бальморал, поддержанная Брауном. Она была без сил и совершенно больной, у нее болело все с головы до пят, но при этом она чувствовала себя победительницей. Она одержала верх над своим правительством и над своими детьми. Даже республиканцы не смогли запугать и сломить ее!

Глава 19

Была ли она на сей раз действительно больна, эта маленькая тучная женщина, которая то и дело охала, но при этом заставляла своих придворных дам жить в адском ритме? Дженнер отправил в «Ланцет», самое авторитетное медицинское издание Англии, коммюнике без подписи, в котором сообщалось о том, что на правой руке королевы образовался нарыв, в связи с чем «Ее Величество физически не в состоянии находиться в переполненных и раскаленных гостиных, а посему не может продлить свое пребывание в Лондоне». Но никто больше не верил этому. Вот уже десять лет расстроенные нервы и постоянные мигрени королевы были основными побудительными мотивами ловко разыгрываемой национальной трагедии. Понсонби считал заметку в прессе совершенно несвоевременной, поскольку она играла на руку сторонникам отречения Виктории от престола: «Она не оставляет людям никакой надежды, и, на мой взгляд, это может привести к принятию санкций против королевы». Он горячо поспорил с Дженнером. «Кто стремится в Лондон, кроме легкомысленных светских баловней?» — возражал доктор. Мужчины почти перешли на крик. Показываться на публике — это одна из обязанностей королевы, подразумеваемых ее статусом, и если бы монарх-мужчина позволял бы себе игнорировать ее, «его бы уже давно скинули с престола», кричал в ярости личный секретарь Виктории. «Полковник Понсонби! Вы не можете не знать — я, во всяком случае, это знаю, — что во всем королевстве не найдется ни одной другой женщины, которая работает столько же, сколько королева!» — «Подождите того дня, когда она вновь обратится за деньгами, и тогда вы увидите, во что это выльется. Люди из средних классов и простонародья уверены, что она складывает их в кубышку». — «Какая глупость! Я знаю сотни мелких буржуа, которые относятся к ней с огромным уважением. Ей начнут чинить препятствия в этом вопросе, тут нечего сомневаться, но это дань нашим демократическим временам».

Помимо нарыва на руке у Виктории была еще и ангина. Пришлось уложить ее в постель. А поскольку она никогда столь серьезно не болела, то решила, что настал ее последний час. 22 августа Беатриса, которой исполнилось четырнадцать лет, послушно сделала под диктовку матери следующую запись в ее дневнике: «Ни разу еще со времен моей юности, когда в 1835 году я переболела в Рамсгейте брюшным тифом, я не

чувствовала себя так плохо». Дженнер, как всегда склонный к крайностям, доверительно поведал Понсонби, что в какой-то момент ему показалось, что королеве «осталось жить всего сутки». Придворная дама и ближайшая подруга Виктории леди Джейн Черчилль возмущалась: «Но почему тогда не вызвали сюда всех ее детей?» — «Упаси Боже, это ее сразу бы прикончило!» — воскликнул Биддалф, казначей ее величества.

Браун, ее ангел-хранитель, в буквальном смысле носил больную на руках: переносил ее с постели на кушетку или под тент, натянутый на лужайке, а затем нес обратно в постель. Через пять дней, все так же под диктовку матери, Беатриса писала Вики: «Меня вынуждены были кормить с ложечки, как маленькую, и так три с половиной дня! Если бы ты только знала, что это такое, когда тебе кладут пищу прямо в рот, вытирают тебе нос и делают за тебя все остальное!» Алиса исполняла при ней роль сиделки и развлекала ее игрой на фортепьяно. Но она же попросила Понсонби показать матери газеты, которые в один голос требовали, чтобы королева отреклась от престола в пользу Берти. Виктория со свойственным ей упрямством соглашалась читать лишь статьи в шотландской прессе, не поддержавшей идею ее отставки: «Ее верные шотландские подданные, всегда испытывавшие к ней симпатию, поднялись на ее защиту, тогда как ни одна газета в Англии не осмелилась на это!» Чтобы попытаться подправить ее имидж, ее личный секретарь составлял такие бюллетени о времяпрепровождении королевы, которые способны были растрогать публику. Так, в «Court Circular» от 30 августа сообщалось, что ее величество совершила прогулку «в карете» до Баллокского леса, где она навестила приболевшую сестру местного егеря.

4 сентября Дженнер тайно пригласил в Бальморал из Эдинбурга известного хирурга и крупного специалиста в области септицемии ^[107] доктора Листера, чтобы тот вскрыл нарыв на руке королевы, который уже достиг двенадцати сантиметров в диаметре. 5 сентября Виктория диктовала Беатрисе умирающим голосом: «Я с трудом дошла до своей кровати. Перевязка длилась ужасно долго, и приступили к ней лишь после применения на практике “великого изобретения” доктора Листера, заключавшегося в обработке раны фенолом, дабы “уничтожить все вредные микроорганизмы”». Хирург остался в Бальморале на целую неделю.

Уже после его отъезда в «Бритиш медикал джорнал» был помещен отчет о проведенной им операции, который заставил прослезиться задним числом всю британскую прессу. «Таймс» и «Дейли ньюс» принесли королеве свои извинения за то, что недооценили всю тяжесть ее состояния. А на Викторию после нарыва и болезни горла свалилась «третья» напасть

— жуткий насморк.

Аффи находился рядом с больной, что не способствовало его хорошему настроению. В двадцать семь лет второй сын Виктории с трудом выносил вид матери, которая всюду появлялась, опираясь на руку Брауна. Он стал резким и колючим. По приезду пожал руку всем слугам, кроме шотландца-мажордома. Однажды вечером, когда он попросил скрипачей прекратить игру, Браун, наперекор ему, приказал музыкантам продолжать. Атмосфера в гостиной накалилась до такой степени, что Виктория из своей спальни потребовала, чтобы конфликт был немедленно разрешен. Аффи заявил, что пойдет на мировую только в присутствии Понсонби: «На борту своего корабля я разговариваю с кем-либо из команды только в присутствии одного из офицеров». Это заявление заставило Викторию вспылить: «Мы не на корабле, и я не потерплю у себя в доме корабельных порядков!» Но даже Шарлотта, дочка Вики, демонстрировала свое презрение к Брауну. Она отказалась подать ему руку, когда он зашел при ней в комнату ее бабушки: «Мама говорит, что нельзя допускать излишней фамильярности в отношениях со слугами». На сей раз гнев Виктории пал на голову Вики. Понсонби и лорд Галифакс считали причиной всех этих бед женское одиночество королевы.

Виктория похудела на двенадцать килограммов, и Дженнер запретил показывать ей ругающие ее газеты. Гладстон не мог скрыть своего возмущения: «Каким образом можно вынести королевский трон из охваченного пламенем дворца, если врач запрещает прикасаться к нему?» Но Дженнер, как до него доктора Штокмар и Кларк, опасался приступов бешенства, характерных для представителей ганноверской династии. Лорду Галифаксу он объяснял, что яркий румянец, который появляется у ее величества после еды и который непосвященным кажется признаком хорошего самочувствия, на самом деле свидетельствует о ее повышенной нервозности: «Это такой вид безумия, и с этим ничего не поделать». Гладстон был убежден, что врач то же самое говорил и Дизраэли. 26 сентября на празднике урожая этот неисправимый льстец, а ныне лидер оппозиции, воскликнул, что королева уже давно «морально и физически не способна» исполнять свои обязанности.

Его необдуманное слово облетело все королевство. «Дейли телеграф», державшая сторону Гладстона, с возмущением вопрошала: так, значит, лидер оппозиции хочет сказать, что королева не в своем уме? Призванный на помощь преподобный МакЛеод заявил, что он ни разу не наблюдал у Виктории «ни малейшего признака душевного или умственного расстройства». Дизраэли передал Виктории через Дженнера письмо с

извинениями, но на сей раз измышления прессы возымели действие на королеву. Гладстон в письме к Грэнвиллу радовался по этому поводу: «Дизраэли невольно оказал и ей, и всей нации неоценимую услугу... Теперь главное — заставить королеву приступить к работе».

Нападки на королеву не прекращались. 6 ноября 1871 года, выступая в Ньюкасле-апон-Тайн перед многочисленной толпой, депутат-либерал Чарльз Дилк, с которым водил совершенно неуместную дружбу Берти, огласил список того, что содержит государство для королевской семьи и назвал, во сколько ему это обходится: все эти замки, яхты, поезда, слуги, лошади, охоты... «Почему государство должно содержать “лорда-сокольничего” или “придворного фотографа Ее Величества”?» — возмущался он. А затем заявил, что «пришло время республики. И судя по тому, как развиваются события, наше поколение доживет до ее установления». Спустя три дня, на ужине у лорда-мэра Лондона Гладстон отстаивал право любого английского гражданина выражать свое мнение «без всяких ограничений... по поводу государственных институтов королевства». Виктория направила премьер-министру ноту протеста. Она была тем более возмущена, что молодой Дилк был сыном друга ее Альберта, и на Всемирной выставке 1851 года она, увидев его там, даже погладила по голове: «Видимо, я погладила его против шерсти».

21 ноября в Виндзорский дворец, в котором еще не оправились от шока после «выходки Дилка», пришла телеграмма из Сандрингема, куда Берти только что прибыл для празднования своего тридцатилетия после охоты на фазанов у лорда Лондсборо. Охотничий домик лорда находился поблизости от бальнеологического курорта Скарборо, пользовавшегося дурной славой по причине своей, самой плохой в Англии, системы канализации. В результате у всех гостей начались желудочно-кишечные расстройства, а Берти подхватил какую-то инфекцию. На следующий день стало ясно, что инфекция эта не что иное, как брюшной тиф. Это был страшный диагноз, почти что синоним смерти. Виктория срочно отправила Дженнера в Сандрингем, а сама уединилась в мавзолее Альберта. Она словно вновь вернулась в те ужасные дни десятилетней давности.

Температура у Берти поднялась до сорока одного градуса. Еще не оправившись до конца от собственных недугов, королева поспешила к заболевшему сыну, у которого начался бред. И вот уже газеты, несколькими неделями ранее писавшие о том, что королевская семья не приносит никакой пользы государству, стали печатать один за другим специальные выпуски. Во всех храмах королевства пасторы при огромном стечении проливающих слезы прихожан возносили молитвы о выздоровлении

наследника престола. К «Боже, храни королеву» всюду присовокупляли «Боже, храни принца». Дурные предчувствия и нервозность возрастали еще и потому, что все это происходило буквально накануне роковой даты — 14 декабря — дня смерти Альберта. «Завтра исполняется десять лет с тех пор, как принц-консорт умер от той же самой болезни!» — восклицала в своей передовице «Пэлл Мэлл газетт».

В комнате с задернутыми шторами Берти уже никого не узнавал. Врачи запретили кому бы то ни было приближаться к его постели. Виктория из-за ширмы ловила слабые признаки жизни, которые подавал ее сын, а Алике ползком передвигалась по ковру, чтобы Берти не мог ее заметить. Королева не выходила из дома больше, чем на полчаса, и отказывалась ложиться спать из страха, что ее разбудят, чтобы сообщить роковую весть, которая казалась неизбежной. И вновь Алиса взяла на себя роль сиделки. 13-го числа Виктории позволили зайти в комнату умирающего: «Мы с Алисой подумали: “Значит, не осталось никакой надежды”. Я подошла к кровати, взяла его слабую руку, поцеловала ее и стала гладить. Он повернулся, посмотрел на меня мутным взглядом и спросил: “Кто вы?” А потом сам же и ответил: “Это моя мама”. — “Мальчик мой дорогой”, — проговорила я».

Провидение, видимо, услышало наконец мольбы всей Англии. 14 декабря, в тот день, когда Альберт испустил дух, свершилось чудо, врачи констатировали первые признаки улучшения! Утренний бюллетень впервые за долгое время был обнадеживающим: «Принц хорошо спал. Его дыхание стало спокойнее». Сильный организм Берти лучше справлялся с болезнью, чем хрупкий организм его отца. А врачи и медицинские сестры, лечившие его, лучше знали свое дело, чем самоуверенный доктор Кларк. «Если бы принца-консорта лечили и выхаживали так же, как принца Уэльского, то, возможно, он выжил бы», — заметила королева.

Выздоровление Берти спасло корону. «Злую шутку сыграла с Дилком эта болезнь принца», — сказал парламентарий-тори лорд Леннокс Дизраэли. Никаких разговоров больше не было не только о республике, но и об отречении Виктории от престола. Святоша Гладстон заказал благодарственный молебен в соборе Святого Павла. Королева согласилась присутствовать на службе при условии, что та будет «ультракороткой». Альберт всегда считал, что хорошая молитва не может быть затянутой, а Виктория была против «публичной демонстрации» набожности. Она была уверена, что двух-трех причастий в год вполне достаточно, и двор старался придерживаться этой нормы.

Камнем преткновения стал вопрос о том, как ехать в собор. Берти хотел ехать туда в своей карете, чтобы не сидеть вместе с Брауном, а

Виктория настаивала на том, чтобы принц и принцесса Уэльские сели в ее открытый экипаж, в котором они проедут по городу, «дабы народ, для которого и была предназначена эта церемония, мог лучше их видеть». И настояла-таки на своем.

С сыном, сидящим рядом с ней, и Брауном в самом его красивом килте за ее спиной, она чувствовала себя на вершине счастья. И жители Лондона тоже. Впервые после смерти Альберта Виктория казалась довольной тем, что она является их королевой. Восторженные крики достигли апогея, когда она взяла руку сына и поднесла к своим губам. И улыбнулась. Она вдруг поняла, что ее монарший сан, который она почти что возненавидела, может вновь доставлять ей пьянящую радость. Она вновь комфортно чувствовала себя в этом качестве. И вернувшись в Букингемский дворец, несколько раз выходила на балкон и махала толпе рукой.

Спустя два дня она отправит Гладстону письмо, предназначенное для прессы, в котором поблагодарит свой народ за «огромное участие и любовь, проявленные к ее дорогому сыну и к ней самой всеми слоями общества». Множество раз в течение этого «триумфального дня» она оборачивалась к своему доброму Брауну «в прекрасном праздничном одеянии», чтобы обменяться с ним взглядами.

Пристальнее, чем когда-либо, шотландец следил за ней глазами Альберта. После обеда она вместе с Артуром выехала на прогулку, чтобы подышать лондонским воздухом, с которым уже вполне свыклась. По дороге какой-то тип вдруг наставил на нее пистолет. Браун молниеносно выпрыгнул из кареты, схватил и обезоружил злоумышленника. Им оказался некий ирландец по фамилии О'Коннор, внучатый племянник лидера чартистов Фергюса О'Коннора, который добивался освобождения заключенных в тюрьму фениев. Его оружие не могло никого убить, поскольку было заряжено холостыми патронами, способными лишь произвести шум. О'Коннор хотел заставить Викторию подписать составленную им бумагу. Суд над ним состоялся 9 апреля. Журналисты хлынули в зал суда, поскольку Браун должен был выступать там в качестве свидетеля. На следующий день пресса писала, что королевский гилли сильно растолстел и постарел, но что его английский остался на том же примитивном уровне.

Виктория публично поблагодарила своего спасителя, вручив ему золотую медаль и пожаловав ренту в сумме 25 тысяч фунтов стерлингов в год. Бerti заметил, что Артур тоже вел себя молодцом, но в награду получил лишь булавку для галстука. А Браун помимо всего прочего получил еще титул «esquire»^[108], это была первая ступень в иерархии

дворянских званий: «Этот мой жест должен Вам показать, что я хочу, чтобы Вы видели, как много для меня значите. И с течением времени это станет все более и более очевидным. Я во всеуслышание заявляю, что вы — мой друг и человек, которому я доверяю больше всех на свете. Ваш верный друг Виктория К.». Двор ужаснулся, а Берти оскорбился.

Все это не имело уже никакого значения. Когда радикал Дилк потребовал в палате общин создать комиссию по проверке королевских расходов, его просто-напросто освистали. Едва зародившись, республиканское движение начало чахнуть из-за отсутствия авторитетного лидера и сильной идеи. А между тем бедняки по-прежнему оставались бедняками,

так что, по всей видимости, лишь богачи могли пользоваться плодами экономического процветания королевства. «Никогда еще за всю историю Англии ее могущество не было столь велико, а ее богатства столь значительны и неиссякаемы», — с гордостью говорил Дизраэли. В порту Ливерпуля лес корабельных мачт поражал воображение, многочисленные домны без остановки коптили небо Мидленда, а отмена «хлебных законов» не вызвала катастрофы, которую предсказывали благородные лорды: земельная перепись, проведенная в 1871—1873 годах, продемонстрировала, что, к сожалению, четверть всех земель государства по-прежнему находится в руках одной тысячи двухсот семейств. Если бы такой популярный политический деятель, как Гладстон, был республиканцем, королева могла бы оказаться в большой опасности. Но премьер-министр был ярким монархистом. Что не мешало ему постоянно ссориться с Викторией.

Королева решила на Пасху отправиться в Баден-Баден, где она собиралась повидаться со своей сводной сестрой Феодорой, находящейся при смерти. Гладстон, настаивавший на том, чтобы Виктория оставалась в Лондоне в течение всего периода парламентской сессии, не желал ничего слышать об этой поездке. На сей раз в парламенте шли дискуссии по очень важным законам об Ирландии и тайном голосовании: до сих пор избиратели голосовали только посредством открытого бюллетеня. Но Виктория, которая из-за войн на европейском континенте уже почти четыре года не выезжала за пределы своего королевства, мечтала вырваться за границу и зачитала ему преисполненное патетики письмо Феодоры.

На Пасху, как она и задумала, она уехала на три недели вместе с Лео и Беатрисой. Она пересекла Францию, все еще оккупированную прусскими солдатами, и вернулась домой с таксой по кличке Вальдманн, пополнившей свору королевских собак, которых с большим почтением изображал на

своих полотнах художник Лендсир.

Вернувшись домой и узнав, что стрелявший в нее ирландец О'Коннор был приговорен всего к году каторжных работ, королева пришла в ярость: «То, что подобный индивидуум окажется на свободе всего лишь через год, чревато новой опасностью».

Но три года назад, когда королева пригласила к себе Гладстона, чтобы предложить ему портфель премьер-министра, он, отложив в сторону свой топор лесоруба, произнес: «Я вижу свою миссию в том, чтобы восстановить мир в Ирландии». И сегодня он оставался верным своей клятве.

Помимо принятия законов о церкви, университете и земле, которые он именовал «триа священными столпами», он желал укрепить позиции британской короны на втором острове Джона Буля. Это был прекрасный повод придать «реальный статус» принцу Уэльскому. В своем меморандуме он предлагал, чтобы Берти, будучи назначенным вице-королем Ирландии, зиму проводил в Дублине, а летом возвращался в Лондон, чтобы возглавлять приемы в Букингемском дворце и заменять королеву на официальных мероприятиях: «Четыре-пять месяцев в Ирландии, два или три в Лондоне, осенние маневры плюс отдых в Шотландии и Сандрингеме легко заполнят весь год». Но Виктория, которая охотно признавала, что наследный принц пользуется популярностью у всех слоев общества — «с нижней до верхней ступеньки социальной лестницы», по-прежнему упрекала его в слабости характера: «Отныне этот план следует считать окончательно отвергнутым». Ей даже не приходило в голову, что, отказываясь привлекать сына к управлению королевством, она ставит под угрозу положение монархии. Алиса высказывала свои сожаления по этому поводу Гладстону и Понсонби: «Королева считает, что монархия продержится столько, сколько проживет она сама, и что бесполезно задумываться о том, как будут развиваться события, коль скоро главное заинтересованное лицо не беспокоится об этом, призывая на свою голову громы и молнии. Забота об укреплении династии и защита своей семьи, о чем пекутся все родители, видимо, совсем не занимают ее... и мы вынуждены ждать надвигающуюся катастрофу, даже ничего не пытаясь предпринять».

Сразу после выздоровления сына королева писала Вики: «Мы все думаем, что Бог сохранил ему жизнь, чтобы позволить начать ее заново. Если он не прислушается к этому предостережению Господа, если не оценит ту симпатию и те теплые чувства, что продемонстрировала ему вся нация, тогда все станет еще хуже, чем раньше, и приведет его к гибели».

Увы, Берти совсем не изменился. А когда Виктория упрекнула его в том, что он слишком часто появляется в свете, он ответил ей: «А что мне остается делать, если вы выходите в свет слишком редко?»

Атмосфера при королевском дворе оставалась столь же мрачной и гнетущей. Умница Лео жаловался, что за ужином во дворце ведутся бесконечные, нудные разговоры. Его наставник, преподобный Дакворт, был близким другом Льюиса Кэрролла, который семь лет назад списал с него своего Дака — утку из «Алисы в стране чудес». Лео обожал его, и Дакворт, считавший юного принца в высшей степени одаренной личностью, посоветовал ему продолжить учебу в Оксфорде. Виктория не хотела отпускать от себя сына. Она жаловалась Вики на беспечность Лео, который совсем не заботится о своем здоровье: «Поэтому приходится это делать за него». Кроме того, она просила свою старшую дочь «напомнить своему брату о его долге перед несчастной, страдавшей матерью». Но Лео настоял на своем и уехал в Оксфорд, где смог наконец вести жизнь нормального человека. Альберт всегда мечтал стать университетским преподавателем, и Лео прекрасно чувствовал себя в этом ученом мире среди средневековых построек и ровных, словно застеленных твидовыми дорожками газонов, вдоль которых чинно прогуливались студенты и профессора в черных тогах. Вечерами он ужинал в компании своих одноклассников под присмотром преподавателей, внимательно следящих за тем, чтобы они не нарушали заведенный еще их предками церемониал. Лео сблизился с критиком-искусствоведом Рёскином, свел знакомство с французским композитором Гуно и влюбился в дочку декана. Но то, что происходило в стенах английских колледжей, никогда не выходило за их пределы, за их тяжелые двери, запиравшиеся на засов с наступлением темноты.

Теперь при Виктории находилась одна лишь Беатриса: «Она последнее, что у меня осталось, и я не смогу жить без нее». Бывшая при жизни Альберта не по возрасту развитым ребенком, Бэби, с которой мать обращалась, словно с домашним животным, со временем превратилась в робкую и закомплексованную девушку-подростка. Училась она совсем мало, и ее преподаватели жаловались, что королева могла в любой момент войти в класс во время урока и забрать дочь с собой на ежедневную прогулку. И не важно, ветер ли был на улице, дождь или снег. Виктория проводила на свежем воздухе по полтора часа в день и обычно выезжала на прогулку в своей *pony-chair*. Браун вел лошадку под уздцы, а Беатриса шла рядом с матерью. В ее возрасте — в пятнадцать лет — Вики уже была давно помолвлена. Но Беатрисе королева прочила другую судьбу. Леди Эли

по поручению ее величества просила сэра Понсонби никогда не произносить слова «свадьба» в присутствии принцессы. Ее, как и ее сестер Ленхен и Луизу, смерть Альберта лишила безмятежной юности. Играла она только со своими племянниками, а танцевала только со своими братьями. Ее судьбой было сопровождать из Виндзора в Осборн, из Осборна в Бальморал и т. д. свою мать, свято чтившую все траурные даты и отмечавшую их потоками слез и горькими вздохами.

В сентябре, со смертью Феодоры, оборвалась последняя ниточка, связывавшая Викторию с ее детством, что усугубило ее депрессию: «Я чувствую себя такой несчастной, что хотела бы тихо удалиться в какую-нибудь скромную хижину среди холмов, чтобы отдохнуть и никого там не видеть, но пока мои силы и здоровье позволяют, я буду продолжать тянуть свою лямку, но боюсь, что надолго меня не хватит». Ее отношения с Гладстоном настолько испортились, что премьер-министр в Бальморале больше не появлялся. Ей невыносимо было слушать его речи, «абсолютно лишенные мелодичности и гармонии». Она просила сэра Артура Хелпса переводить ей меморандумы Гладстона «на более вразумительный язык».

В январе, не перенеся повторной операции на мочевом пузыре, в котором обнаружили камень «размером с абрикос», умер Наполеон III. Виктория, которая послала к нему своих лучших хирургов, сразу же написала Евгении письмо с соболезнованиями. Когда бежавший в Англию Наполеон III нанес ей визит, она нашла его сильно постаревшим, но не утратившим своего шарма. Чтобы не спровоцировать дипломатический конфликт с молодой Французской республикой, она не могла присутствовать на его похоронах. А Берти намеревался на них быть. В конце концов королева присоединилась к мнению правительства, возражавшего против этого шага. Тысячи бонапартистов прибыли из Франции в Чизлихерст, и существовала опасность какой-нибудь политической провокации. Альфред или Кристиан Шлезвиг-Гольштейнский могли бы заменить его. Но Берти не скрывал своего возмущения: «Это обычная справедливость — воздать последние почести великому человеку, отошедшему в мир иной». И отправился на похороны вместе с братом и зятем. Все его парижские друзья собрались вокруг набальзамированного тела императора. На следующий день, 15 января, десять тысяч человек, два маршала, семь адмиралов, пятнадцать генералов, восемь послов, тридцать пять префектов и сто девяносто французских парламентариев шли за его гробом. Они привезли из Франции по горсти земли, чтобы Наполеон III покоился не только в английской, но и в родной земле. Кто-то крикнул: «Да здравствует император!» Но

шестнадцатилетний принц, сын императора, оборвал кричавшего словами: «Императора больше нет, нужно кричать: “Да здравствует Франция!”»

Виктория попросила у Евгении что-нибудь на память об усопшем, и та прислала ей «походные часы» Наполеона III. Спустя несколько дней королева нанесла Евгении визит вежливости, чтобы принести ей свои соболезнования. Помолившись с Беатрисой в маленькой часовне и оставив там два траурных венка, она поднялась на второй этаж в будуар к Евгении, и та рассказала ей о последних минутах жизни низложенного императора.

Юный Луи-Наполеон учился в военной школе в Вулидже. Это был бледный, меланхоличный, довольно красивый юноша. Королева решила взять его под свою опеку. Она была искренне привязана к нему, и он платил ей тем же. У нее даже была мысль выдать за него замуж Беатрису! Когда он вместе с матерью приехал в Осборн, она усадила его за столом рядом с собой. Обед в компании с королевой для всех был тяжким испытанием. А Луи-Наполеон весело и без умолку болтал со своей венценосной соседкой. Когда его спросили, не вызывает ли у него отвращения общение с ней, он удивился: «Боже мой, конечно, нет! Почему это должно вызывать у меня отвращение? Мы очень любим друг друга». Понсонби позже скажет: «Лишь два человека на свете осмеливаются подтрунивать над королевой: Браун и сын французского императора».

В начале этого, 1873 года Виктории было почти пятьдесят четыре года, и окружающие с трудом узнавали в этой маленькой, грузной женщине в черном, чем-то похожей на гриб, очаровательную модель Винтерхальтера, чье полотно почти целиком занимало одну из стен в столовой Осборна. На нем были изображены королева и принц-консорт в окружении улыбающихся прелестных детишек в белых кружевных рубашечках. Идиллическое семейство вокруг юной, счастливой матери. Но не только внешность, ее характер тоже претерпел значительные изменения в худшую сторону. Вместо того чтобы поддерживать Беатрису и заботиться о ее образовании, она постоянно придиралась к дочери. Прикрываясь тем, что следует наказам Альберта, она превратилась в цензора своих сыновей и постоянно распекала их без всякой жалости, тогда как сама на пару со своим Брауном, которого все они ненавидели, разыгрывала постыдный спектакль, в котором исполняла роль пренебрегающей своими обязанностями государыни и скандально ведущей себя матери.

В январе через ее посольство до нее дошли слухи, что русский царь согласен выдать за Афффи свою дочь Марию. Тогда как все остальные поздравляли принца, Виктория выказывала по этому поводу лишь раздражение. «Это настоящее преступление», — написала она Вики.

Россия никогда не была союзницей Англии^[109], а Романовых королева считала просто «плутами». Что до ее будущей невестки, то она наверняка получила дурное воспитание в духе этой «русской, наполовину азиатской культуры». Ей была невыносима сама мысль, что свадьба ее сына состоится в Санкт-Петербурге и будет освящена православной церковью. Она уже представляла себе Кларенс-хаус, резиденцию Аффи, «битком набитым грязными бородами попами».

Раздражение ее достигло апогея, когда, спустя неделю после помолвки, она узнала, что Александр II отказывается ехать в Бальморал, чтобы представить дочь будущей свекрови. Больной царице пришла в голову совершенно неуместная мысль устроить встречу на пол пути, в Кёльне, что окончательно вывело Викторию из себя. Согласиться на трехдневное путешествие, чтобы «бегать» за какой-то русской! Эти Романовы решительно возомнили о себе бог весть что! Алиса решила выступить в роли посредника. Царица была родной теткой ее мужа Людвига. Но Виктория отчитала дочь: «Я не считаю, дорогая моя девочка, что ты вправе диктовать мне, сидящей на троне на двадцать лет дольше российского императора, мне, являющейся старейшей государыней, причем государыней правящей (в отличие от русской царицы), что мне следует делать!»

Перед свадьбой она направила сыну письмо, в котором потребовала, чтобы он прекратил свои любовные похождения. Аффи оставил его без ответа. Из-за дальности расстояния Виктория отказалась от участия в сказочной свадебной церемонии, которая состоялась год спустя в Санкт-Петербурге. Она ограничилась лишь короткой записью в своем дневнике: «Какой день!»

Гладстон все устроил так, что вопрос о финансовой поддержке Аффи в связи с его свадьбой прошел голосование в парламенте без всякой полемики. В благодарность королева согласилась принять у себя персидского шаха с соответствующей случаю пышностью, к которой вновь почувствовала вкус. Она с удовольствием узнала, что ее «восточный брат», сойдя с поезда на вокзале Виндзора и увидев там ее фотографию, почтительно поцеловал ее. Чтобы затмить роскошь персидских драгоценностей, она надела на себя «Кохинор», что не помешало шаху преподнести ей в дар еще два изумительных драгоценных камня. За столом ее гость с трудом управлялся с ножом и вилкой, а чай пил прямо через носик чайника, но Виктория делала вид, что ничего не замечает. Она была готова к худшему. Шах остановился в Букингемском дворце, и королева писала потом Вики, что всегда знала — эти персы будут жарить барашков

прямо в покоях шаха, а потом пожирать его все вместе, раздирая мясо руками! После отъезда шаха она потребовала у Гладстона дополнительных субсидий на ремонт тех комнат дворца, что пострадали от персидских жаровен. Премьер-министр ответил отказом.

Четырьмя месяцами ранее его правительство оказалось в меньшинстве при голосовании законопроекта о реформе ирландского университета, которому он упорно хотел предоставить самостоятельность. К огромной радости Виктории ему пришлось уйти в отставку. Но Дизраэли предпочел дожидаться новых выборов, и Гладстон вернулся. Премьер-министр и министр финансов в одном лице, он был очень болен и как никогда склонен к напыщенным наставлениям, а королева не могла больше выносить вида нависающего над ней его гладко выбритого лица с дряблыми, морщинистыми щеками. С ним она не соглашалась ни в чем, кроме одного: требования феминисток они оба считали безумными и аморальными.

10 февраля 1874 года, в годовщину своей свадьбы, она сделала запись о долгожданном возвращении Дизраэли, который только что одержал победу на первых в истории выборах с тайным голосованием. И победил он благодаря проведенной Гладстоном реформе избирательной системы. Преклонив колено, чтобы по традиции приложиться к пухлой королевской ручке, унизанной перстнями, новый премьер-министр принес ей самую чудесную клятву: «Я приношу клятву верности лучшей в мире госпоже». Такого в английском королевстве еще не слыхали!

Глава 20

Мужчина, которому в течение семи лет удастся держать королеву в плену своих чар, на самом деле был старым, немощным, с морщинистым лицом и крашеными волосами. Дизраэли было семьдесят лет. А выглядел он еще старше. И чувствовал себя, словно выжатый лимон. Но по-прежнему умел обольстить Викторию. Еще будучи юным денди в канареечном жилете, он знал слова, от которых сразу же теряли голову богатые дамы зрелого возраста, испытывавшие ностальгию по изящным признаниям в любви и платоническим романам. Вот уже два года, как он овдовел. После смерти Мэри-Энн он послал королеве записку, которая, возможно, заставила чаще забиться ее сердце: «Я теперь вдовец и прозябаю в одиночестве».

«Мне совершенно необходимо, чтобы моя жизнь была бесконечным любовным романом», — писал он жене. Отныне его сердце было свободным для Виктории. Ему очень повезло, что в Англии правила королева, а не король.

Как когда-то Мельбурн, Дизраэли понимал ее, знал ее недостатки и умел играть на них. Благодаря ему она ожила. Он уговаривал ее выходить в свет, участвовать в разных инаугурациях и вновь играть ту роль, что была ей положена по статусу. Он вернул ей уверенность в себе, убедил в том, что она вполне может править сама, без Альберта. Премьер-министр был единственным человеком, перед которым она не сдерживала своих эмоций. Однажды после визита к Виктории он писал своей приятельнице: «Я думал, что она вот-вот расцелует меня. Она все время смеялась, болтала и скакала по комнате, словно птичка». Хотя на картинах и фотографиях, предназначенных для потомков, позы для которых, как ее учил еще Альберт, она тщательно продумывала, королева предстает перед нами совершенно в другом облик: это суровая и величественная вдова. Мать поэта Теннисона удивлялась по этому поводу. «Ее умное и подвижное лицо, — говорила она, — совсем не похоже на то, что изображено на ее портретах». Горькие складки вокруг ее рта исчезали, когда она улыбалась и даже смеялась взахлеб со своим премьер-министром, которого она постоянно хотела видеть рядом с собой.

Уезжая из Лондона, она звала его с собой в Осборн или Бальморал. Но он плохо переносил переезды и под предлогом неважного самочувствия просил найти себе замену. При этом Диззи был отнюдь не равнодушен к

королевской роскоши. Рядом с королевой он претворял в жизнь свои юношеские мечты и никогда не скучал. Виктория занимала английский трон почти сорок лет и, хотя и говорила, что терпеть не может политику, прекрасно знала все ее секреты: ведь воспитывалась она под присмотром дядюшки Леопольда, а среди ее премьер-министров были такие корифеи, как Мельбурн и Пальмерстон. От русского царя Николая I до австрийского императора, от Наполеона III до турецкого султана — она лично знала всех коронованных особ. «Возможно, это идет вразрез с конституцией, что премьер-министр обращается за советами к королеве вместо того, чтобы самому их ей давать, но я надеюсь, Ее Величество простит ему его желание воспользоваться ее уникальным опытом», — выводил он своим пером, с которого только что елей не капал.

Лорд Дерби, его министр иностранных дел, предостерегал его: «Вы не боитесь переборщить, постоянно крепя веру королевы в ее всемогущество?» Но Дизраэли прекрасно умел предугадывать ее настроение и вспышки недовольства и был уверен, что сможет обуздать эту гневливую вдову, падкую на мужскую лесть. «Премьер-министр совершенный раб Ее Величества», — сказал как-то Биддалф. Он заблуждался: она была в не меньшей степени рабой Дизраэли. Но звеньями цепей, которыми они опутали друг друга, были нежность, взаимопонимание и главное — фантазия.

Первую победу Дизраэли одержал уже через несколько дней после того, как вновь заступил на свой пост. В мае в Виндзор вместе с Афффи приехали его молодая жена и ее родители — русские царь и царица. Королева наконец-то познакомилась со своей невесткой Марией, которая станет «сокровищем», когда обучится английским манерам, «добропорядочным, а не снобистским». Увы, дата отъезда в Бальморал была давно назначена, и Виктория не собиралась откладывать свою поездку из-за каких-то русских, которые с момента ее восшествия на престол всегда сражались против англичан^[110]. Но бросить Александра II и его свиту в Лондоне было просто невыносимо. Дизраэли использовал массу уловок, чтобы убедить Викторию задержаться на два дня. И королева уступила ему: «Чтобы доставить удовольствие господину Дизраэли и отблагодарить его за безграничную доброту». Он также умел заставить ее поступить так, как считал нужным, когда она предъявляла ему список новых назначений: «Если бы он был великим визирем Вашего Величества, а не премьер-министром, то с радостью посвятил бы остаток своих дней исполнению ваших малейших желаний, но, увы, мы живем в другой реальности».

Взамен он согласился приехать в Бальморал с его кошмарным холодом, нетоплеными каминами, охотничьими трофеями Альберта и этим полунемецким-полушотландским местным колоритом, который обожала Виктория. Он прибыл туда совершенно больным, и она тут же послала к нему доктора Дженнера, который прописал ему постельный режим. Королева позволила разжечь в его комнате камин. Более того, в отличие от Гладстона, которого в его последний приезд она заставила ждать целую неделю перед тем, как соблаговолила принять его, к Дизраэли она тут же наведалась сама, чтобы узнать, как он себя чувствует. «Можете не верить мне, если хотите, но королева самолично явилась ко мне в комнату», — ликовал он в письме к своей приятельнице леди Брэдфорд.

У него было самое большое парламентское большинство, какое только видели в этой стране за сорок лет, его партия обожала его и называла своим «шефом». Даже Виктория не смогла устоять перед ним, а «между тем, — говорил он, — я не думаю, что на свете есть более несчастное существо, чем я. Состояние, успех, слава и даже власть не способны принести счастье. Одни лишь чувства способны на это». Он страдал астмой, и теперь ему не хватало дыхания, чтобы произносить длинные речи, которыми он когда-то прославился: «Власть пришла ко мне слишком поздно. Было время, когда я был полон желаний и чувствовал в себе силы тасовать династии и правительства. Но время это прошло». А еще он страдал подагрой и порой приходил на заседания парламента в домашних туфлях.

И при всем при том осенью 1875 года он провел гениальную операцию: перекупил акции Суэцкого канала, которые срочно продавал, чтобы расплатиться с долгами, египетский хедив, являвшийся с 1869 года совладельцем канала вместе с французами. Парламент в это время был на каникулах, а действовать нужно было очень быстро, чтобы перехватить этот пакет акций у Франции. Стоил он 4 миллиона фунтов стерлингов. Дизраэли отправил своего личного секретаря Корри к Лайонелу Ротшильду, который в этот момент сидел за обеденным столом. «Кто гарантирует сделку?» — спросил банкир. «Британское правительство», — ответил Корри. «Вы получите эти деньги». Дизраэли отправил королеве сообщение: «Дело сделано, мадам... Он ваш».

Англичане, которые никогда не верили в успех проекта Фердинанда Лессепса^[111], взяли наконец реванш и вновь стали хозяевами морского пути в Индию. Эта блестящая победа привела Викторию в восторг: несколько дней назад Бисмарк позволил себе заявить, что Англия утратила былое политическое могущество и не способна соперничать в Европе с новой Германской империей.

В экономическом развитии Великобритании наступил «затяжной период спада», который продлится до конца столетия. Свободная торговля стимулировала импорт сельскохозяйственной продукции. Конкуренция в сфере промышленности с новыми государствами стала более жесткой.

Америка завершила свое объединение, то же произошло в Германии, Италии, Бельгии. После войны 1870 года Франция с удивительной быстротой оправлялась от ее последствий. И даже царская Россия делала первые шаги в развитии своей промышленности^[112].

Забываясь об укреплении английского могущества, Дизраэли делал ставку на расширение колониальной империи. На планисфере^[113], висевшей в его кабинете, красным цветом были обозначены зоны британского присутствия, которые постоянно разрастались. Чтобы удерживать эти территории под своим контролем, необходимо было модернизировать армию и увеличить флот. Виктория тоже прекрасно понимала это. Еще Альберт высказывал эти мысли. Ей тем более импонировали гегемонистские планы ее нынешнего премьер-министра, что «ужасный господин Гладстон», которого она называла не иначе как «мистер Г», думал лишь о сокращении военных расходов и даже мечтал об автономии Ирландии.

Берти отправился с визитом в Индию. Это было еще одной победой ее дорогого Диззи. Виктория дала в конце концов согласие на это дальнейшее путешествие сына при условии, что ей, естественно, не придется его оплачивать. В палате общин разгорелась ожесточенная дискуссия по этому поводу. Дизраэли не желал, чтобы наследник английского престола, совершающий свою первую поездку в Азию, чувствовал себя в стране магарадж «стесненным в средствах». И ему удалось добиться выделения Берти небывало крупного кредита в размере ста двенадцати с половиной тысяч фунтов стерлингов.

Пресса неистовствовала. В качестве экспертов Берти взял с собой своих партнеров по картам и вечеринкам, эту «команду шикующих бездельников» из Мальборо-хауса. В Гайд-парке республиканец Брэдли сорвал аплодисменты шестидесятитысячной толпы, когда воскликнул: «Вместо того чтобы критиковать этот визит в Индию своего будущего государя, англичане должны пожелать ему попутного ветра и как можно более длительного путешествия!»

Желая не ударить в грязь лицом перед индийской роскошью, Берти заказал себе новый фельдмаршальский мундир, звание фельдмаршала мать пожаловала ему на его последний день рождения. Но при весе в сто

килограммов и росте метр семьдесят он смотрелся в военной форме менее импозантно, чем его дорогой папочка. И еще менее импозантно, чем встречавшие его в Бомбее местные князья в расшитых золотом камзолах и тюрбанах, усыпанных бриллиантами и изумрудами величиной с голубиные яйца.

Ничто и никогда не сможет сравниться по роскоши и утонченности с Британской Индией. В ее дворцах с крашенными охрой стенами полчища босоногих слуг в белых одеждах занимались тем, что плели из жасмина душистые гирлянды, разносили серебряные подносы с фруктами и обмахивали огромными опахалами из страусиных перьев своих повелителей, восседающих на золотых тронах. В наполненных прозрачной водой бассейнах отражались своды дворцов, садовые беседки и павильончики, увитые бугенвиллиями и окруженные цветущими розами. Англия не стала отбирать их земли у трех с половиной сотен местных владык, которые исправно платили ей дань, а воздавала каждому из них соответствующие его рангу почести согласно строгому протоколу. Самые щедрые по отношению к британской короне могли рассчитывать во время своего официального визита к вице-королю Индии на салют в их честь из двадцати одного пушечного залпа, следующие — из девятнадцати, потом — из семнадцати...

К приезду наследника английского престола все лужайки были аккуратно подстрижены, струи ароматизированной воды изливались из фонтанов на цветы розового лотоса, слоны и лошади, верблюды и белые буйволы были покрыты золотыми попонами, а храмы устланы шелковыми коврами. Белые одежды магарадж, красные мундиры военных, сияющие на солнце пуговицы, шпаги и медные трубы, равно как и грохот артиллерийского салюта, производили сильное впечатление.

Кортеж гостей двигался сквозь толпу женщин в разноцветных сари и священников в шафранно-желтых тогах, мимо садов, где стройные кипарисы соседствовали с не менее стройными колоннами розового мрамора. Духовые оркестры, храмы с бесчисленными изображениями Шивы, стаи обезьян, скачущих по крышам домов, завораживающий танец местных танцовщиц, погребальные костры, кобры, послушные голосу флейты, запахи корицы и ладана, карри и гвоздики, которыми был напоитан воздух, — все это просто оглушило принца Уэльского. Каждый день он делился в письмах своими впечатлениями с матерью, которая советовала ему заботиться о своем здоровье. Людвиг Баттенбергский, немецкий принц и двоюродный брат Людвига Гессенского, состоял на службе в английском флоте и сопровождал Бerti в его поездке. Будучи талантливым

художником, он делал зарисовки увиденных им сцен, и они станут прекрасными иллюстрациями к рассказам путешественников. Газеты, поначалу враждебно отнесшиеся к турне наследного принца, широко освещали его на своих страницах. Это событие получило такой резонанс, что сто лет спустя даже будут ходить легенды, будто бы сама Виктория посетила Индию.

Как когда-то в Соединенных Штатах, принц Уэльский прекрасно справился со своей задачей. Сопровождавшие его дипломаты составляли для него программу на каждый день и диктовали ему его приветственные речи. Его непринужденные манеры и веселый нрав покорили всех индийских магарадж, с которыми он охотился на тигров, ягуаров и буйволов, сидя на спине слона. Вечерами он не сводил глаз с красавиц, увешанных тяжелыми золотыми браслетами, которые так и льнули к нему. Английские чиновники и военные, которые правили этой азиатской страной, не скрывая своего презрения к местному населению, считали даже, что принц Уэльский излишне фамильярен с туземцами.

Трюмы «Серापиса», военного корабля, который спустя семь месяцев доставил Берти в Лондон, походили на Ноев ковчег с разместившимися в них гепардом, серым арабским скакуном, пятью тиграми, семью леопардами, четырьмя слонами, тремя страусами и гималайским медведем, которые должны были пополнить коллекции английских зоопарков. Наследник короны привез с собой роскошные охотничьи трофеи и многочисленные подарки: ковры, картины, статуи, шелка, драгоценности, орхидеи, редкие растения... Подарком, доставившим его матери наибольшее удовольствие, был экземпляр ее «Шотландского дневника», переведенного на хинди, в мраморном переплете с драгоценными инкрустациями.

В честь возвращения сына Виктория устроила торжественный ужин, на котором «все были счастливы и веселы, что случалось довольно редко на подобных семейных сборищах». Рассказы Берти, описание увиденных им богатств не оставили королеву равнодушной. Она уже давно мечтала стать «императрицей Индии». Теперь же этот вопрос встал ребром, в том числе и по причине внутрисемейной иерархии. Прусский король, став императором, считал, например, что Фриц должен иметь преимущество перед Берти. А русский царь прислал Виктории письмо, в котором требовал, чтобы его дочь Марию, жену Афффи, называли «Ее Императорское Высочество», как это делалось «во всех цивилизованных странах». И в этом случае уже Алике должна была уступить свое первенство. Это переполнило чашу терпения королевы. Ведь еще в январе

1873 года она спрашивала у Понсонби: «Меня порой называют императрицей Индии, так почему я до сих пор не получила этот титул официально?»

Первая реакция на это была откровенно враждебной. Либералы во главе с Гладстоном считали, что лучшего титула, чем «королева Англии», просто не существует, а иерархические вопросы — это архаизм. Дизраэли, давно от *всего* уставший, не имел никакого желания ввязываться в жаркие споры в палате общин из-за такого пустяка. Но на сей раз именно ему пришлось отступить перед ганноверским упрямством. Королева была столь решительно настроена, что даже собиралась начать свою тронную речь на открытии очередной парламентской сессии нового, 1876 года именно с этого вопроса. Перепуганный Диззи сообщил ей, что в ее речи не будет даже намек на императорский титул. Дебаты по этому вопросу растянутся на долгие недели. Радикал Лоув, друг Гладстона, хотел, в частности, знать, что станет с этим титулом, если Англия в один прекрасный день потеряет Индию. «Мой уважаемый коллега, видимо, пророк, но пророчит он несчастья», — ответил ему премьер-министр, который из-за этой затянувшейся парламентской перепалки лишился последних сил.

Наконец, 1 мая 1876 года, столь желанный для Виктории титул был утвержден парламентом большинством голосов. В благодарность новоявленная императрица пожаловала своему великому визирю титул графа Биконсфилда, дабы избавить его от изнурительных ночных дебатов в палате общин — в палате лордов царили спокойствие и сдержанность, будто в каком-нибудь английском клубе. Графом Биконсфилдом звали одного из героев романа Дизраэли «Вивиан Грей». В последний раз полными слез глазами обвел он скамьи, на большинстве из которых ему довелось посидеть за свою долгую депутатскую карьеру, а затем, опираясь на руку секретаря, покинул палату общин в своем длинном белом плаще. На следующий день было объявлено о его уходе из нижней палаты. Он не захотел произносить прощальную речь. Депутаты в зале переговаривались тихими голосами, словно рядом находился покойник. Один из его обычных оппонентов написал ему: «Такое впечатление, что из нашей политики ушли рыцарский дух и изящество. Нам не осталось ничего, кроме тоскливой рутины».

Через некоторое время к огромному удовольствию королевы Дизраэли поставил на голосование в парламенте закон, регламентирующий вопросы вивисекции животных. Виктория послала ему статью из «Дейли телеграф», в которой рассказывалось о безжалостном истреблении детенышей тюленей. Она возмущалась по этому поводу и утверждала, что жестокость

по отношению к животным свидетельствует о людском бессердечии. Лошадей из королевских конюшен никогда не убивали, они тихо доживали свой век, пасясь на сочных лугах Виндзора, Осборна или Бальморала. Псов ее величества хоронили так же, как людей. И первый из них, Дэш, тот самый, который спал в ее кровати, когда она только взошла на престол, даже удостоился написанной ею эпитафии: «Здесь покоится Дэш, любимый спаниель Ее Величества королевы Виктории, умерший на десятом году жизни. В его любви не было эгоизма, в глазах лукавства, а в верности притворства. Прохожий, если ты хочешь быть любимым, хочешь, чтобы тебя оплакивали после смерти, бери пример с Дэша». Королева была уверена, что животные тоже наделены душой, которая воссоединяется с душами их хозяев в вечной жизни.

С острова Уайт она посылала Дизраэли цветы, главным образом примулы, которые станут его талисманом. Как настоящий романист, он благодарил ее в посланиях, преисполненных лиризма: «Вчера к вечеру мне доставили изящную посылку с надписью, сделанной царственной рукой. Когда граф Биконсфилд вскрыл ее, то вначале решил, что Ваше Величество прислала ему звезды всех своих главных орденов, и под впечатлением столь сладостного заблуждения, идя тем же вечером на банкет, где было множество гостей в орденах и лентах, он не смог устоять от искушения приколоть себе на грудь несколько примул, чтобы показать, что и он тоже был удостоен награды милостивой государыни. Потом, среди ночи, мне неожиданно пришло на ум, что все это было лишь наваждением, что эти цветы были подарком феи или правительницы сказочной страны, скажем, королевы Титании, которая выращивает розы у себя при дворе, на чудесном острове посреди моря, и рассылает свои волшебные букеты людям, чтобы отнять разум у тех, кто их получит».

Опытный царедворец, он отнюдь не был простаком и в порыве откровенности признался как-то одному из своих друзей: «С особами королевской крови не стоит скупиться на лесть». Королева заказала художнику Миллейсу его портрет. Неужто она была настолько слепа?

Она находила его забавным, любила его юмор и его восточные фантазии. Его поэтические излияния скрашивали ее жизнь и делали не таким тяжким груз ее королевских обязанностей. Она поделится с лордом Роузбери: «Когда мы не могли прийти к согласию, он так проникновенно и убедительно произносил “dear Madam”^[114], склонив свою голову».

Со своим восточным чародеем и своим шотландским ангелом-хранителем Виктория перестала отныне давить в себе свою веселую и жизнерадостную натуру и не испытывала больше по этому поводу никаких

угрызений совести. 1 января 1877 года, на пике своей славы, новоявленная императрица послала Джону Брауну поздравительную открытку, на которой была изображена юная субретка, а под рисунком были напечатаны следующие стихи:

*Я шлю к Вам мою служанку,
Она передаст Вам мое письмо
С поздравлениями по случаю Нового года.
Вы узнаете из него
О моей преданности и любви
К Вам, сокровищу сердца моего.
Улыбнитесь же ей и улыбнитесь мне,
И пусть Ваш ответ будет преисполнен нежности
И доставит мне радость.*

Она подписала эту открытку своей царственной рукой: «Моему лучшему другу Д.Б. от его лучшей подруги. К.И.В.». В начале XX века один из ее биографов, Е. П. Тисдалл, найдет в Шотландии фрагмент записки, адресованной Брауну, на котором можно было прочитать: «I can't live without you»^[115] с подписью «your loving one»^[116].

Став эсквайром, Браун обзавелся собственными апартаментами в Виндзорском дворце и доме в Осборне, а также отдельным коттеджем в Бальморале. И собственным лакеем. Шотландец постоянно вступал в пререкания с лордом-интендантом по поводу количества алкоголя, выделяемого слугам, и королева всегда принимала его сторону. А пил он все больше и больше, но она делала вид, что не замечает этого. Однажды, когда он, мертвецки пьяный, упал, растянувшись перед ней во весь рост, она воскликнула: «Я почувствовала, как земля заходила у меня под ногами!» В другой раз он просто не смог выполнять свои обязанности, и Понсонби, не проронив ни слова, занял место Брауна в карете позади королевы, выезжающей на прогулку. А личный врач королевы не раз выводил его из запоя.

Шотландец не любил позировать фотографам, но она заставляла его это делать. Она не уставала восхищаться его решительным подбородком, высоким ростом, статной фигурой и сильными ногами и коллекционировала его фотографии наряду с фотографиями своих детей. Он был настоящим мужчиной, хозяином в доме. Он был вестником хороших и плохих новостей, ибо именно он приносил ей телеграммы от

членов ее семьи, а также выступал третейским судьей, разбирая конфликты между слугами. Он всегда выступал в роли распорядителя всех празднеств, в том числе и ежегодного бала гилли. Луиза, Беатриса, лед и Черчилль и даже сама Виктория танцевали с ним.

Как и королева, Браун терпеть не мог Гладстона, которого называл «римлянином». Но всегда был «вежлив» с Дизраэли, поскольку прекрасно понимал, что должен принаравливать свои симпатии к симпатиям ее величества. В своих ежедневных письмах к Вики Виктория перестала жаловаться на свои нервы и свою «бедную голову».

Титул императрицы доставлял ей безумную радость. Любые свои записки она теперь подписывала не иначе как «К.И.В.» (королева императрица Виктория). В этот день, 1 января 1877 года, эта новость была официально доведена до всех индийских магарадж, приглашенных в Дели на роскошный прием — «durbār». В честь этого события в Виндзорском дворце был устроен большой банкет. Черное платье королевы почти скрылось под каскадами драгоценностей. После ужина Дизраэли поинтересовался у ее величества, все ли индийские украшения были сегодня на ней. «О, нет! Я вам сейчас покажу остальные». И по ее приказу слуги внесли три тяжелых чемодана. Дерзкий лорд Гамильтон не смог удержаться и представил себе, как бы смотрелась вся эта роскошь на некой высокой брюнетке.

Это посвящение в императрицы, дарованное Виктории Дизраэли, все эти победы и разные другие подарки словно высвободили ее неукротимую энергию. И вот она уже вновь с удовольствием занялась политикой и погрузилась в свою «работу королевы».

Уже полгода Англию лихорадило. По всей стране прокатилось не менее пятисот манифестаций, на которых собравшиеся осуждали жестокости, творимые башибузуками на территории Болгарии. Новые сведения о массовых убийствах православных христиан и надругательствах над женщинами подняли волну народного гнева, и Гладстон, отошедший от дел и углубившийся в теологию, вернулся к политической деятельности и принялся клеймить геноцид. По вечерам на собраниях своих единомышленников он громовым голосом призывал проклятия на голову убийц их братьев-христиан и на голову турецкого султана, этого «дьявола Абдула». Люди рвали друг у друга из рук его памфлет, двести сорок экземпляров которого разошлись за две недели. Герцог Сазерленд обвинял его в том, что он является шпионом русского царя и находится у него на жалованье. Разве не пил Гладстон чай у своей любимой Лауры Тислетвайт вместе с послом России графом Шуваловым?

Виктория погрузилась в чтение последнего тома «Жизнеописания принца-консорта», написанного Теодором Мартином, в котором речь шла о Крымской войне. Народ и пресса протестовали тогда против излишне пацифистского курса правительства. А Альберт выступал против политики русского царя, направленной на расчленение Центральной Европы на мелкие княжества, которые легко контролировать.

Когда в июне русские войска форсировали Дунай, королева с присущей ей воинственностью вновь возвысила свой голос: «Мы никогда не позволим русскому царю вступить в Константинополь». Ее, как и всех ее подданных, потрясли ужасы, творимые турками. Но она винила русских в том, что те подстрекают болгар к восстанию. А кто был заодно с Россией? «Этот гнусный тип... этот подстрекатель бунтовщиков... этот сеятель раздора... этот полубезумный Гладстон». Ее взгляд способен был пригвоздить к земле любого, кто осмеливался заговорить с ней об успехе его памфлета. Ее ненависть к этому лесорубу-проповеднику была почти патологической. Такой же глубокой, как и к русским. Она словно с цепи сорвалась. Царь бросил вызов не турецкому султану, а английской королеве.

Дизраэли направил английский флот в залив Безика, но в парламенте две партии, которые отныне называли «либеральной» и «консервативной», резко разделились на сторонников и противников войны. Правительство стояло на пацифистских позициях. Министр иностранных дел лорд Стэнли, ставший лордом Дерби после смерти престарелого герцога, довел через своего посла до сведения турецкого султана, что Англия будет сохранять нейтралитет. «Это выводит королеву из себя», — писала Виктория Дизраэли.

В ноябре на Кавказском фронте русские захватили Армению, а великий князь Николай^[117], возглавлявший Дунайскую армию, подошел в этот самый момент к воротам Блистательной Порты. Через Алису царь передал следующее послание: «Мы не можем и не желаем ссориться с Англией. Нужно быть полным безумцем, чтобы мечтать об Индии и Константинополе». Но королева не верила этим русским сказкам. Константинополь! Екатерина II всегда о нем мечтала. Виктория бомбардировала министров своими записками. Она устраивала смотры своих войск, грозила отречением от престола. Дизраэли был болен и скрывался в своей загородной резиденции. «Моя фея пишет мне каждый день и телеграфирует каждый час», — стонал он. 15 декабря она приехала к нему с визитом в Хьюгенден вместе с Беатрисой. Один из друзей Гладстона иронизировал: «Королева демонстративно отправилась к Дизраэли, чтобы

пообедать с ним в его гетто». А Виктория в очередной раз пыталась уговорить своего премьер-министра проявить смелость и «ускорить развязку». В первый день нового года в Виндзорском дворце она записала в своем дневнике мольбу о том, чтобы «амбициозная агрессивность и не имеющее себе равных двоедушие русских были наказаны».

14 января 1878 года в Осборне шотландец Грэхем Белл продемонстрировал королеве свое изобретение: телефон. Она поговорила по нему с сэром Бидцалфом, который находился в коттедже неподалеку, но ее разочаровало, что было плохо слышно орган и рожок, игравшие на том конце провода. Спустя всего лишь несколько месяцев англичане пустят в широкую продажу этот маленький деревянный аппарат, который перевернет жизнь людей.

А Виктория думала лишь о царе: «О, если бы королева была мужчиной, то сама бы отправилась туда и преподала бы хороший урок этим ужасным русским!» Ах, как же она жалела, что рядом не было упрямого Пальмерстона, который прекрасно умел «возвысить» свой голос в защиту чести британской короны. Чтобы подстегнуть все еще колеблющегося Дизраэли, она предложила ему принять от нее орден Подвязки. Но тот отказался. Осунувшийся, страдающий от ревматизма и подагры, к которым присовокупился приступ нефрита, премьер-министр разрывался между своим другом лордом Дерби, убежденным пацифистом, и своей воинственно настроенной «феей». Лорд Дерби порой злоупотреблял алкоголем и пьяным приходил на заседания Совета министров, а потом распускал язык, и его жена, приятельница графа Шувалова, информировала русского посла обо всех планах правительства. Шувалов вслед за царем считал Викторю «полоумной старухой», а Дизраэли «клоуном от политики». Но не один лорд Дерби выступал за мир, его поддерживал министр по делам колоний лорд Карнавон. А также молодой лорд Солсбери, который вскоре сменит лорда Дерби. Между тем вся Англия в унисон со своей королевой требовала вступления в войну с русскими. Число митингов множилось. Манифестанты перебили стекла в доме Гладстона, который вынужден был вместе с женой укрыться у друзей. Но Дизраэли, по-прежнему больной и слабый, никак не решался на объявление войны.

И вновь Виктория пригрозила ему, что отречется от престола: «И тогда другой наденет мою корону». Она никогда не опустится до того, чтобы «целовать сапоги варваров». Дизраэли прикрывался тем, что его министры пригрозили ему уйти в отставку. Во время одного из ужинов в Букингемском дворце королева, которой все это надоело, сделала выговор

«этому нелепому (хотя и умному в некоторых отношениях) лорду Карнавону». Она писала Вики: «Я нападала на него горячо и возмущенно — нужные слова нашептывал мне на ухо британский лев, — а он выглядел растерянным, но не собирался отказываться от своего мнения! И был готов на весь свет объявить о том, что мы не способны действовать!!! Ох, до чего же сегодняшние англичане не похожи на тех, что были раньше! Но мы отстоим свои права и свою позицию наперекор всему. Британцы никогда не станут рабами, таков наш девиз. Я признаю, что никогда не говорила с такой горячностью, как вчера вечером».

Она вновь вспылила, когда узнала, что Аффи вместе с Людвигом Баттенбергским принимал на борту военного корабля «Султан», стоящего на рейде вблизи Константинополя, родного брата Людвига — Сандро, которого русский царь намеревался посадить на трон будущей объединенной Болгарии. Она потребовала наказать обоих, а сыну запретила возвращаться в Англию из опасения, как бы он не заразил своим русофильством остальных братьев и сестер. К счастью, адмирал Хорнби, командовавший английским флотом, видел, что принц Баттенбергский поднимался на борт «Султана» не в русской, а в немецкой военной форме, поэтому адмирал не стал делать Аффи выговор, а ограничился «дружеским внушением».

А обескровленная Турция все еще ждала английского подкрепления. Трижды флот получал приказ выдвигаться. И трижды этот приказ отменялся. «Боюсь, что мы выставляем себя на посмешище перед всем светом, поскольку умеем только лаять, а не кусаться», — сокрушался Берти. Русские войска были в трех днях пути от Константинополя. 19 февраля в местечке Сан-Стефано был подписан мирный договор. Султан признал независимость Черногории, Сербии и Румынии. Согласился на образование Болгарского княжества. Уступил России устье Дуная и крепости Карс и Батум на Кавказе. И, наконец, гарантировал право прохода через Босфор и Дарданеллы как в мирное, так и военное время всем торговым судам нейтральных стран. У турок практически ничего не осталось в Европе. Эти «гнусные» пункты мирного договора стали известны в Лондоне лишь спустя три недели после его подписания. Общественность, как и королева, пришла в ярость: «Для Англии, Австрии и Германии очень плохо, что в Европе сформировался такой мощный русско-славянский блок, и всем странам теперь придется принимать меры, чтобы защитить себя от этой опасности». Лорд Дерби и лорд Карнавон ушли в отставку. «В силу сложившихся обстоятельств» лорд Солсбери объявил подписанный в Сан-Стефано договор неприемлемым для Англии.

Австрия предложила провести в Вене новый конгресс по этому вопросу. Но пройдет он в Берлине под председательством Бисмарка. Гамбетта^[118] довел до сведения Берти, находившегося в Париже в «галантной» поездке, что Франция поддержит на конгрессе Англию. Королева устроила по этому случаю импровизированный бал и впервые за долгие годы ее траурное платье развевалось в триумфальном вальсе, который она танцевала со своим сыном. «Артур танцует так же хорошо, как его дорогой папа», — отметила она с материнской гордостью и удовлетворением, что ее монарший гнев принес свои результаты.

Она пыталась отговорить Дизраэли от поездки в Берлин: «Здоровье и сама жизнь графа Биконсфилда представляют огромную ценность для меня лично и для всей страны. Не следует подвергать их опасности. Берлин находится слишком далеко». Но для него это был повод реабилитироваться. Он пообещал королеве ежедневно посылать ей вместе с отчетом о переговорах бюллетень о состоянии своего здоровья.

В первый день Бисмарк появился в зале заседаний в белой военной форме и в каске, увенчанной имперскими орлами. Этот колосс, заплывший жиром, нагонял страх на других участников конгресса одним своим видом, выделяясь среди них внушительным ростом. Канцлер много раз приглашал Дизраэли поужинать с ним тет-а-тет, и ироническое описание этих застолий оживляло письма английского премьер-министра к королеве, в которых он докладывал о том, как непросто шел раздел Балкан. Бисмарк вливал в себя литры шампанского и пива, попыхивал сигарой и рассказывал Дизраэли непристойные анекдоты. Он жаловался на прусского короля, который, по его словам, загубил его здоровье. На что Дизраэли заявил, что его королева — «сама справедливость и прямотушие» и что «все ее министры обожают ее». Во всяком случае, именно так описал он эту сцену Виктории. Он виртуозно владел пером, но и переговоры умел вести не хуже, чем писать. Англию не устраивала ни объединенная Болгария, ни отошедшая русским Армения. Дипломатическим языком был французский, но Дизраэли, плохо владевший им, изъяснялся по-английски. Если царь не откажется от спорных территорий, вновь разразится война. Он даже пригрозил, что покинет конгресс, и приказал готовить свой поезд к отъезду. Бисмарк сдался. Престарелый Горчаков воскликнул: «Выходит, мы напрасно принесли в жертву сто тысяч наших солдат!» Между делом Дизраэли выманил у Турции Кипр в обмен на обещание защищать ее интересы. Взяв Кипр под свой протекторат, Англия обеспечила себе безраздельное господство на Средиземном море и свободный морской путь в Индию. Франция в благодарность за оказанную Англии поддержку получила Тунис.

Лондон как героя встречал человека, привезшего ему «мир, не ущемляющий его чести». Вокзал Черинг-кросс был украшен флагами, набережные — геранями, пальмами и шпалерами, увитыми гирляндами из роз. На Трафальгарской площади море людей встретило его восторженными криками. Мужчины махали шляпами, женщины бросали цветы в его карету с откинутым верхом. В его рабочем кабинете на Даунинг-стрит его ждал еще один огромный букет цветов. «Это от королевы», — с улыбкой произнес Понсонби.

Она была в Осборне и с нетерпением ждала его рассказов. Дизраэли поспешил к ней: «Бисмарк, мадам, с восторгом воспринял сообщение о том, что Ваше Величество отдали приказ об оккупации Кипра. Он сказал, что это прогресс... А для него прогресс — это захват новых территорий». Королева фей и ее великий визирь дружно рассмеялись. В награду Виктория взволнованно повязала над коленом своего дорогого Диззи голубую ленту ордена Подвязки.

После того как мир в Европе был восстановлен, она вернулась к управлению своей семьей. 21 мая 1878 года, накануне своего пятьдесят девятого дня рождения, она писала: «Чем старше становишься сама и чем старше становятся твои дети, тем гармоничнее развиваются отношения с ними». Вот уже два года, как ее «бедный Лео», своим умом и чувством юмора так напоминавший ей их дорогого папочку, исполнял обязанности ее личного секретаря. Но в свои двадцать пять лет Лео с трудом переносил те ограничения, что диктовались ему его болезнью. Он обожал оперу и театр, водил дружбу с актрисой Сарой Бернар, художником Гюставом Дорэ и певцом Паоло Тости, а Лондон предпочитал Виндзору. У него теперь были личные апартаменты в Букингемском дворце, и он пошел на преступление, которому не было прощения, — отказался сопровождать мать в Бальморал, где «никогда ничего не происходит». Находясь под постоянной угрозой смерти, он хотел наслаждаться жизнью и решил посетить Париж. Королева, все время опасавшаяся какой-нибудь роковой случайности, позволила ему провести в этом «городе всех грехов» восемь дней, но он продлил свое пребывание там до двух недель. «Леопольд стал для меня постоянным источником огорчений и страхов», — жаловалась она Августе Прусской. Она призвала на помощь всех своих остальных детей, чтобы убедить Лео вернуться «к исполнению своего долга».

Мария, жена Аффи, беременная четвертым ребенком, умоляла королеву позволить ее мужу оставить службу на флоте. Но на Аффи была возложена миссия встретить в Канаде свою сестру Луизу и ее супруга маркиза де Лорна. Дизраэли со свойственными ему имперскими замашками

мечтал превратить этот доминион, территория которого постоянно увеличивалась за счет продвижения все дальше на Запад, в королевство, находящееся под протекторатом Великобритании. Альберт собирался посадить на канадский престол своего третьего сына, Артура. Королева же решила назначить туда генерал-губернатором своего зятя де Лорна. «У нас складывается впечатление, что мы стали ближе к нашей доброй государыне... Мы всегда воспитывали в себе гордость английских подданных!» — радостно восклицали канадцы. Луиза с мужем, обласканные соотечественниками, поездом добрались до Ливерпуля, где городские власти устроили в их честь грандиозный банкет. Провожали их Артур и Леопольд. Под звуки фанфар супруги взошли на борт «Сарматиана». Это судно, в прошлом корабль военно-морского флота, было гордостью компании «Аллан Лайн», помимо комфортабельных кают оно имело на редкость быстрый ход. Правительство опасалось, что фении могут напасть на судно и даже взять его на абордаж. Виктория же ужасно боялась потерять Луизу, свою неумную выдумщицу «Лузи».

А тут еще неожиданная помолвка Артура, которая пришлась ей совсем не по вкусу. У его невесты Луизы Прусской, двоюродной сестры Фрица, были очень некрасивые зубы. Ее родители находились в разводе, и отец, Фридрих Карл Прусский имел прозвище «Красный принц». В детстве Артур был любимчиком Виктории. Как и мать, он обожал танцы и всегда вносил оживление в традиционные балы гилли в Бальморале, заражая всех своим весельем. В отличие от Берти и Аффи, маленьких и толстых в мать, Артур был похож на своего ангелоподобного папочку. У него были самые красивые ноги в семье, и королева не уставала любоваться ими, когда он надевал килт.

Артур познакомился с Луизой в 1872 году у Вики. Королева, недовольная тем, что сын влюбился в такую «невидную» девицу, надеялась, что на свадьбе Аффи тот найдет себе другую, какую-нибудь более достойную его и более красивую принцессу. Она дала указание майору Элфинстону строго следить за Артуром и не позволять ему никаких развлечений, кроме тенниса и крокета. Помимо этого она не советовала сыну водить компанию с представителями аристократии. В результате Артур не покатылся по наклонной плоскости вслед за Берти и Аффи, но, увы, не охладел он и к своей Луизе. Королева сокрушалась по этому поводу в письмах к Вики: ну почему ее двадцативосьмилетнему сыну вдруг приспичило жениться? Но в конце концов она признала, что у «Луизхен» красивый профиль и что Артур прав, решив вырвать девушку из ее тоскливого семейного мирка.

А еще Виктория помирилась с Алисой, которая больше других критиковала ее затворничество и всемогущество Брауна. Два года подряд супруги Гессенские, которым было запрещено появляться в Осборне и Бальморале, снимали для своих шестерых детей не слишком комфортабельную виллу на побережье Бельгии. В отличие от Вики и Фрица они не могли похвастаться богатством. Чтобы построить новый замок, Людвигу пришлось брать кредит у банковского дома Куттсов, а также сократить парк своих экипажей и количество лошадей. На лето 1878 года королева сняла для них большой дом в Истборне, на английском побережье, как раз напротив Осборна. Алиса, отныне называвшаяся великой герцогиней Гессенской, отличалась таким же чувством долга, какое было присуще ее отцу. Она помогала страждущим, часто посещала больницы и даже в Истборне возглавила несколько благотворительных акций. Но все эти обязанности отнимали у нее много сил. И ее осунувшееся лицо вызвало чувство беспокойства у ее матери.

8 ноября, едва вернувшись в Германию, Алиса телеграфировала матери из Дармштадта, что ее дочь Виктория заболела дифтерией. Последующие телеграммы приносили лишь тревожные вести. 12-го числа слегла Алики, затем — по очереди — малышка Мэй, Ирена, единственный сын Алисы Эрни, герцог Людвиг и Элла. Алиса бегала из комнаты в комнату по своему новому замку, превратившемуся в одночасье в лазарет. Напуганная королева отправила на борьбу с дифтерией, весьма распространенной болезнью, которая часто заканчивалась смертельным исходом, доктора Дженнера.

Малышка Мэй умерла 16-го. 22-го резко ухудшилось самочувствие Эрни. Но спустя три дня его жизнь, казалось, была уже вне опасности. Придя в себя, он спросил у матери, как чувствует себя его младшая сестренка. Алиса не смогла скрыть от сына смерть Мэй и, желая утешить его, наклонилась и поцеловала мальчика. 7 декабря Людвиг телеграфировал теще, что Алиса тоже слегла, заразившись от сына дифтерией. «О, это невозможно! Ей не хватит сил, чтобы выкарабкаться!» — воскликнула насмерть перепуганная Виктория.

Чаще, чем когда-либо, она бывала в мавзолее Альберта. Ее «дорогая Алиса» с такой нежностью ухаживала за больным отцом. Приближалось 14 декабря. Эта роковая дата, которая так ее страшила! Напуганные не меньше матери Ленхен и Беатриса не оставляли ее одну. Их сестре было всего тридцать пять лет! Их отец не может, не должен позволить ей умереть!

В пятницу, 13-го числа Виктория весь день провела в Голубой комнате. Спать она легла с тяжелым сердцем, ее мучили дурные предчувствия.

Утром Браун принес ей две телеграммы от Людвига и Дженнера: дети были вне опасности, но Алиса находилась в безнадежном состоянии. Третья депеша поступила чуть позже: в восемь часов утра Алиса скончалась, ее последними словами были: «Dear рара»^[119]. Ровно семнадцать лет назад, день в день, умер Альберт. Совпадение показалось Виктории «почти невероятным и одним из самых таинственных». Спустя три дня она скажет Дизраэли: «Если бы у меня была возможность выбирать день для столь грустного события, то я предпочла бы, чтобы оно произошло в годовщину постигшего меня безутешного горя».

С несвойственным ей хладнокровием она сама сообщила эту новость детям. Ленхен была потрясена. Берти не смог сдержать рыданий: «Она была моей любимой сестрой». Вместе со своим зятем Кристианом он отправился в Дармштадт. Прусский император запретил Вики и Фрицу ехать на похороны из опасения, что они тоже могут заразиться дифтерией. Людвиг накрыл гроб жены британским флагом. «Я хочу уйти в мир иной под английским стягом», — всегда повторяла Алиса. В палате лордов Дизраэли превзошел самого себя, превознося достоинства Алисы в своей траурной речи: «Ей пришлось сообщить своему малолетнему сыну о смерти его сестренки, которую тот обожал. Мальчик так расстроился, что его бедная мать, желая утешить ребенка, сжала его в своих объятиях и поцеловала, и этот поцелуй стал для нее смертельным. Никогда в жизни, господа, я не видел ничего более трогательного».

Во время службы в Виндзорской церкви королева пожелала услышать любимый псалом своей дочери: «Да исполнится воля Твоя». Бему она заказала статую Алисы, которую собиралась установить в одном из приделов мавзолея Альберта. Скульптор представил на ее рассмотрение эскиз в виде лежащей фигуры ее дочери. Виктория пожелала, чтобы на памятнике была также изображена малышка Мэй, которую мать прижимает к своей груди. Как только риск заражения миновал, королева пригласила к себе в Осборн Людвига с детьми и они провели там два месяца.

Ее поразительное жизнелюбие окончательно восторжествовало. И если до конца своей жизни она с чисто кобургским педантизмом будет соблюдать продолжительный траур по всем усопшим родственникам и даже слугам, то уже не будет использовать это в качестве предлога для того, чтобы замкнуться в своем горе или уклониться от своих обязанностей. В марте, через три месяца после смерти дочери, королева поступилась некоторыми деталями своей вдовьей униформы ради свадьбы Артура. Она согласилась дополнить шлейфом черное платье, на котором сверкал «Кохинор», и с удовольствием слушала обожаемую ею ораторию

Мендельсона «Афалия». Лондонский корреспондент французской газеты «Фигаро» с удовлетворением отмечал: «Изменения, произошедшие в настроении Ее Величества, позволяют надеяться, что то глубочайшее горе, в котором она так долго пребывала, наконец развеется. Некоторое время назад я наблюдал, как карета королевы ехала по улицам английской столицы. Все было скорбным и черным: драпировка, конская упряжь, ливреи лакеев и самого Джона Брауна, который сидел позади королевы и зорко следил за тем, чтобы никто не приблизился к карете. Мрачный вид этого верного слуги королевы в его вечном костюме шотландского горца, которому он никогда не изменял и в котором будет лежать даже в гробу, вызывал искренний смех у зевак. Джону Брауну не понравились грубоватые шутки, что выкрикивал в его адрес народ. Он начал сердиться, и его жесты и слова, несмотря на его долгое пребывание при дворе, сразу же выдали его шотландское происхождение. Он всегда оставался горцем. И говорят, королева лишь еще больше ценит его за это».

Через несколько дней она уехала за границу. Это было первое путешествие из тех, что отныне она ежегодно будет совершать в пасхальные праздники. Она давно мечтала побывать на итальянских озерах, которые столько раз видела на картинах. Один из ее подданных, Чарльз Хенфри, сколотивший огромное состояние на строительстве железных дорог в Индии и Италии, предоставил в ее распоряжение виллу «Клара» на берегу одного из озер — Лаго-Маджоре.

Перед самым отъездом она получила телеграмму от Вики, которая сообщала, что ее сын Вальдемар также подхватил дифтерию. Ему было одиннадцать лет. Как-то летом он привез с собой в Осборн живого детеныша крокодила и бросил его прямо под ноги бабушке. Как же Виктория кричала тогда от страха! По приезде в Париж она получила вторую телеграмму, сообщавшую, что ужасная болезнь унесла жизнь мальчика. Казалось, на ее семью напал мор!

Более чем когда-либо ей хотелось перемены мест. В поездке ее как обычно сопровождала свита из шести десятков человек: придворные дамы, костюмерши, парикмахерши, французский шеф-повар, личный секретарь, Браун и конечно же двадцатидвухлетняя Беатриса, без которой Виктория совершенно не могла обходиться. Отправленные заранее из Осборна кровать королевы, ее письменный стол, портреты всех членов семьи, чемоданы с черными туфлями ее любимого фасона, которые она меняла каждые две недели, а также ее карета и множество лошадей уже дожидались ее в пункте назначения.

Сойдя в Шербуре с корабля, она продолжила путешествие под именем

«графини Бальморальской». Она всегда на этом настаивала, хотя никого не могла этим обмануть. Президент Французской республики Жюль Грев и его министр Жюль Ферри прибыли в английское посольство, чтобы поприветствовать ее, и почтительно склонились перед Джоном Брауном. Она была восхищена прекрасными манерами республиканцев и любезно пригласила Жюля Грев присесть, словно он был монархом. Французский президент выразил ей свою радость по поводу того, что принц Уэльский стал «настоящим парижанином». И это не было преувеличением... Королеве этот комплимент понравился гораздо меньше, чем Италия, увиденная ею впервые.

Построенная из красного кирпича вилла «Клара» являла собой беспорядочное смешение стилей со своей баварской башней с колоколенкой, французской мансардой, английскими окнами и итальянской лоджией под Ренессанс. Виктория нашла строение «очаровательным». Ее комната представляла собой «небольшой будуар, обставленный прелестной мебелью и полный разных безделушек». Ее вкус — во всех областях — удручал эстетов и вызывал смех у англичан. Но из ее окон действительно открывался самый прекрасный вид, какой только можно было себе представить: гладь озера, острова, а на другом берегу — горы с заснеженными вершинами.

Впервые она говорила по-итальянски в самой Италии. И она с гордостью констатировала, что садовник понял то, что она ему сказала, а еще она с удовольствием слушала, как дети кричали ей вслед: «Evviva, la regina d'Inghleterra»^[120]. Стоя за своим мольбертом, Беатриса чувствовала себя такой же счастливой, как и ее мать. Один лишь Джон Браун был недоволен. Его раздражали эти «damned» («проклятые») итальянцы, которые были слишком экспансивными и слишком уж размахивали руками при разговоре, заставляя его еще больше дрожать за безопасность Виктории.

В довершение всех неприятностей у Брауна началось рожистое воспаление кожи, и Дженнер две недели не позволял ему покидать его комнату. Первые дни шел дождь, и королева не стала выходить на прогулку без своего «телохранителя». Бедняге Брауну было так плохо, что она даже отменила свою экскурсию в Венецию, куда была приглашена одним из ее шотландских подданных, у которого был там собственный дворец. В Милане, в главном соборе города ее обступила такая плотная толпа желающих поближе рассмотреть ее, что она, к своему неудовольствию, была вынуждена быстро ретироваться. «Если бы королева находилась здесь с официальным визитом, у нас было бы пятьдесят карабинеров и не было

бы никаких проблем, но она заявила и не устает повторять, что речь идет о частной поездке, поэтому в нашем распоряжении их всего двое!» — воскликнул в раздражении Понсонби.

Выздоровевший, но вечно недовольный Браун не расставался со своей шляпой, которая защищала его от этого «damned» солнца. «Он похож на англичанина на отдыхе, который не знает, чем себя занять», — заметил с иронией секретарь королевы. Иногда Виктория просила остановить карету, чтобы сделать акварельные наброски. Но шотландец не позволял ей этого, боясь покушений: «Он конечно же преувеличивал опасность и сегодня в течение всей прогулки, кстати сказать, чудесной, упорно не сводил глаз с лошадиных хвостов».

Она не боялась никаких угроз. И обожала путешествия. Впервые она не скучала по Шотландии и тихому уединению в Глассалт Шил. Она не жаловалась ни на бессонницу, ни на усталость. Теплые краски, мягкий климат, средиземно-морское веселье привели ее в хорошее расположение духа. Ее забавляли сопровождавшие ее карету два карабинера и «смешные черные свиньи, у которых здесь очень длинные ноги». Ей вновь было двадцать лет.

Глава 21

24 мая 1879 года королева отмечала свое «старушечье шестидесятилетие». К этому времени у нее уже было двадцать семь внуков. А двенадцать дней назад родилась первая правнучка: Феодора. Шарлотта, дочка Вики, год назад пышно отпраздновала в Берлине свою свадьбу с принцем Саксен-Мейнингенским. Вечером после торжества, вдоволь наплакавшись, Вики писала матери: «Матери не теряют своих дочерей, если те любят их так, как люблю вас я».

В каждую годовщину ее рождения непременно палили из пушек, подданные ее по всей империи возносили за нее молитвы, а внуки вбегали утром в ее спальню. Они осыпали ее кровать лепестками роз, обнимали и целовали. Вечером они разыгрывали перед ней домашний спектакль под названием «День рождения бабушки».

Виктория, тиранившая своих детей, любила общаться с внуками и получала от этого огромное удовольствие, а те, в свою очередь, обожали бабушку, особенно сыновья Берти: Эдди и Георг. Однажды, в день отъезда в Бальморал, Браун перепугал начальника вокзала своим криком: «Королева желает, чтобы дети ехали с ней!» Она беспокоилась о их будущем. Юные принцы, которым было четырнадцать и пятнадцать лет, осваивали морское дело на «Британии». Виктории не нравились эти морские походы вдали от родных берегов, ведь именно они превратили ее милого Аффи в грубого мужлана и отдалили его от семьи. Старший из мальчиков был вялым и каким-то недоразвитым. Его даже принимали за близнеца его младшего брата. Виктория сомневалась, что он сможет когда-нибудь стать для Англии хорошим королем. Герцог Кембриджский вскоре напишет ей, что этот юноша «ни на что не годен».

А еще ее сильно беспокоили высокомерие и грубый нрав Вильгельма Прусского. Вместе с Вики она перепробовала все средства в надежде вылечить его левую руку, атрофированную с рождения. В десять лет Вильгельм не мог ни быстро бегать, ни ездить верхом, ни даже самостоятельно разрезать кусок мяса в своей тарелке. Врачи привязывали вилку к его усохшей руке, чтобы хотя бы таким образом приучить его действовать ею. Виктория подарила ему пони, и он приложил немало сил, чтобы научиться вскакивать в седло так же легко, как это делали другие дети его возраста. Вики отправила его вместе с братом в лицей Касселя, где с ним обращались, как со всеми остальными учениками.

Но три победоносные войны и то, что его дед стал императором, внушили ему мысль о собственном величии. Своему отцу-либералу он предпочитал деспотичного и воинственного Бисмарка, который люто ненавидел Гладстона и британскую демократию. Он считал непатриотичной любовь своей матери к Англии. Но уважал и боялся свою английскую бабу. Однажды он отказался поздороваться со слугой, как она того требовала. Буквально испепеленный ее взглядом, он подчинился, склонившись в поклоне почти до земли.

Осиротевшие дочери Алисы чаще других испытывали на себе нежность королевы. После смерти матери они уехали из Осборна в сопровождении гувернантки-англичанки, которой Виктория дала распоряжение ежедневно присылать ей отчеты об успехах принцесс. Особенно она была привязана к старшей из сестер, Виктории, та обладала яркой, породистой внешностью, но, к сожалению, прониклась ненавистными бабе республиканскими идеями. Королева считала себя ее второй матерью и однажды в порыве нежности подписала свое письмо к ней: «Твоя мамочка».

Она даже хотела женить их овдовевшего отца, великого герцога Гессенского, на Беатрисе. Но англиканская церковь запрещала мужчине вступать в повторный брак с сестрой покойной супруги. Увы, изменить этот закон ей не удалось! Дорогой Диззи не смог провести его через палату лордов, где против его принятия восстали заседавшие там епископы.

Великий визирь, чьи легкие были съедены табаком и лондонским смогом, не имел больше сил, чтобы бывать в гостях у своей королевы. «У столь Могущественной государыни не должно быть больного премьер-министра», — убеждал он ее, согнувшись пополам в приступе астмы. А сам между тем вовсе не собирался уходить в отставку, несмотря на сгущавшиеся над ним тучи.

Хотя банки в Сити процветали, обстановка в стране была далеко не радужной: к промышленному спаду и неурожаем последних лет добавились волнения в Южной Африке, где зулусы перебили около шестисот колонистов и огромное множество их покалечили. Верный политике британского гегемонизма Дизраэли решил отправить туда войска, дабы сохранить империи эти территории.

Юный Луи-Наполеон, которому исполнилось двадцать три года, воспыал желанием отправиться в эту экспедицию. Виктория отправила его учиться в военную школу в Вулидже: «Кто знает, какая судьба его ждет?» Он был юношей как раз такого типа, какой больше всего нравился королеве: с мечтательным выражением лица, обрамленного темными локонами, и шармом, унаследованным им от отца. Если бы можно было

выдать Беатрису замуж за одного из Наполеонов, не вызвав возмущения как у англичан, так и у французских бонапартистов, он был бы ей идеальным зятем.

Молодой человек снискал симпатию не только королевы, но и Берти, который часто приглашал его в Мальборо-хаус на свои веселые вечеринки. Их выдумкам не было предела: однажды они через окно втащили в дом осла, нарядили его в ночную рубашку и уложили в постель одного из гостей. В другой раз мужчины устроили побоище мешками с мукой, и Луи-Наполеон, атаковав принца Уэльского, обсыпал его мукой с головы до ног. Вышел бы из него великий монарх? Берти в этом даже не сомневался.

На военных парадах юного Бонапарта всегда встречали восторженными криками. Но, гарцуя рядом с каретой королевы и Беатрисы, великой славы было не снискать, а вот карательная экспедиция против зулусов могла стать для него долгожданной возможностью проявить свою храбрость. Герцог Кембриджский, главнокомандующий английскими войсками, поначалу отказался зачислить его в экспедиционный корпус к огромному облегчению французской экс-императрицы, которая продолжала носить траур по мужу и жила теперь лишь ради своего любимого сына. Но видя, как сильно расстроился Луи-Наполеон, Евгения дрогнула и позволила ему написать повторное прошение: «Эта война дает мне возможность выказать мою благодарность королеве и британской нации... Когда в Вулидже, а позже в Альдершоте я имел честь носить форму английских войск, я лелеял надежду, что пройду крещение огнем под знаменами наших союзников-англичан. Теряя эту надежду, я теряю смысл своего пребывания в Англии...» Герцог Кембриджский показал это письмо королеве, которая растрогалась, прочитав его.

Правительство же не проявляло ни малейшего энтузиазма по этому поводу. «Я не вижу никаких оснований для поездки (в Южную Африку) этого фата, императорского сына. Я считал, что мы договорились и не позволим ему участвовать в этой экспедиции. И вот он едет туда, а королева принимает его перед отъездом... Что тут еще сказать? Ее Величество прекрасно знает, что я не испытываю ни малейшей симпатии к этим Буонапарте», — писал разъяренный Дизраэли лорду Солсбери.

Юный принц не успеет внести свою лепту в эту военную операцию. Спустя четыре месяца, в ночь на 19 июня 1879 года, в Бальморале Джон Браун вновь выступил в роли вестника несчастья. Постучав в дверь королевской спальни, он вошел туда с перекошенным лицом и сказал королеве, что принес дурные вести, а затем выпалил: «Молодой французский принц мертв». Виктория никак не могла взять в толк, что он

имеет в виду, и заставила его несколько раз повторить эту фразу. Но тут в комнате появилась Беатриса, она держала в руках телеграмму и громко рыдала: «О, сын французского императора убит!»

Королева обеими руками заткнула себе уши и закричала: «Нет! Нет! Это невозможно! Это уж слишком!» И спустя несколько мгновений: «Бедная императрица, она еще ничего не знает! Это ее единственный сын! Она навсегда лишилась своего счастья!»

Бонапартисты и французская пресса подозревали «коварных» англичан в том, что те предали их принца, и Виктория лично приказала провести тщательное расследование. Подробности трагического происшествия заставили ее содрогнуться. Луи-Наполеон принимал участие в разведывательной операции в составе небольшого отряда под командованием некоего капитана Кейри, когда на них напали зулусы. Кейри и другие англичане пустились наутек, бросив принца одного, без лошади, поскольку та вырвалась у него и убежала. Когда тридцать или сорок зулусов окружили его, он попытался сопротивляться. На его теле, обнаруженном на месте сражения, насчитали семнадцать ран, все они были нанесены спереди. Позже зулусы расскажут, что «он сражался как лев».

За всю свою жизнь королева присутствовала лишь на одних похоронах — своего племянника, экс-короля Ганновера, умершего в феврале. Она объявила своему Тайному совету, что непременно собирается быть на похоронах Луи-Наполеона. А когда министры принялись отговаривать ее, она впала в такой гнев, что мужчины в черных рединготах склонили головы и отступились от нее.

Французская республика запретила маршалам Второй империи ехать в Англию. Гроб, покрытый французским и английским флагами, несли три сына королевы: Берти, Аффи и Артур и наследный принц Швеции. Королева была довольна тем, как прошли «эти похороны, такие пышные и блистательные, похороны человека, который обещал стать гордостью не только своей родины, но и всего мира». Евгения окончательно завоевала ее сердце, когда со вздохом проговорила: «Смерть моего сына значит для меня то же, что для вас смерть Альберта». Две эти вдовы, обе в черном, продолжают утешать друг друга в уединении Глассалт Шил. А Джон Браун постарается скрасить им жизнь, собственноручно готовя им форель по местному рецепту, на овсе.

Экс-императрица заказала бюст своего сына скульптору Ричарду Бэлту. Увидев готовую работу, она осталась ею довольна, но Виктория, попросившая показать ей бюст, скривилась: «Есть одна особенность, это касается линии рта, которая передана не точно. Если кто-нибудь принесет

мне мужскую шляпу, я покажу вам, что я имею в виду...» Ей принесли цилиндр, который она водрузила на свои седые волосы: «Посмотрите, когда принц склонялся перед дамой, он вот так приподнимал шляпу и вот так приоткрывал рот».

«Моя совесть чиста!» — воскликнул Дизраэли, которому пришлось в течение полутора часов слушать в Виндзорском дворце королеву, которая оплакивала «этих Буонапарте» и ругала собственную армию. Несколько дней спустя она писала ему: **«Если мы хотим сохранить наше положение могущественной державы первого порядка... мы должны, с нашей Индийской империей и другими нашими обширными колониями, быть ПОСТОЯННО готовыми к нападениям и войнам в том или ином месте. Главная наша задача — быть в постоянной готовности. Лорд Биконсфилд окажет своей стране неоценимую услугу, повторяя всем отныне и впредь этот урок и следя за тем, чтобы все ему следовали. Это поможет нам избежать войны».**

Но Дизраэли напрасно твердил ей, что было бы неплохо начать с замены герцога Кембриджского и всех этих старых, ничего не смыслящих в военном деле генералов-лордов, она ничего не предпринимала в этом плане. Ее двоюродный брат давно внушил ей мысль о том, что армия, если во главе ее не будет стоять принц крови, очень быстро может повернуться против короны. Особенно с Гладстоном, который развернул активную избирательную кампанию по подготовке к частичным выборам в своем избирательном округе в Шотландии. Будучи ярким противником колониальных завоеваний, этот проповедник-пацифист выступал в защиту «прав аборигенов» и восставал против ее титула императрицы, который считал «излишне театральным и глупым». От этих слов ее ганноверская кровь тут же закипала.

К счастью, Дизраэли умел пускать отравленные стрелы еще более виртуозно, чем его противник. Либерал лорд Грэнвилл объяснял королеве: «Лорд Биконсфилд и мистер Гладстон оба люди незаурядного таланта. Однако антипатия, которую они испытывают друг к другу, гораздо сильнее той, что обычно испытывают друг к другу общественные деятели, не сходящиеся во взглядах. Нет ни одного другого политика, про которого лорд Биконсфилд осмелился бы сказать, что его поведение хуже, чем поведение организаторов массовой бойни в Болгарии. Короче говоря, он легко мог вывести из себя человека, обладающего таким бешеным темпераментом, как у мистера Гладстона».

Консерваторы только что дважды выиграли частичные выборы. Премьер-министр счел этот момент более чем удачным для роспуска

палаты общин. В свои семьдесят с лишним лет Гладстон «не имел больше политического будущего», предрекал Диззи.

Увы, агитпоезд его противника восторженно встречали толпы народа, доведенного до крайности неурожаем последних шести лет. Один из богатейших людей Шотландии, лорд Роузбери, организовал избирательную кампанию либералов на американский манер, с мегафонами и транспарантами: в общей сложности было проведено тридцать митингов, в которых приняли участие восемьдесят пять тысяч человек, причем двадцать тысяч из них собралось на одном из самых крупных митингов в Эдинбурге.

Королеву возмущали эти новые «методы янки». По какому праву мистер Г обращается напрямую к нации? Он что, вообразил себя государем? «Я никогда больше не буду иметь дела с мистером Г. У меня не осталось ни капли доверия к нему после его ужасного и вероломного поведения в последние три года», — писала она леди Эли. Она оповестила весь двор, что «никогда не сможет» предложить пост премьер-министра этому «наполовину безумному революционеру, который не замедлит все разрушить, чтобы самому стать диктатором».

Она завидовала его популярности и вела себя столь же предвзято, как и в начале своего царствования. Но теперь она была на стороне консерваторов и их имперской политики. Дизраэли был частично в ответе за этот крен, против которого всегда боролись Альберт и Штокмар. Премьер-министр попросил королеву открыть очередную парламентскую сессию, чтобы оказать поддержку его правительству: «Будет сделано все возможное, чтобы не слишком утруждать Ваше Величество».

В разгар избирательной кампании, в День святого Валентина, Виктория послала ему открытку, на которую он ответил следующим образом: «Ах, как бы он хотел подобно этому юному Валентину с очаровательной картинкой, упавшей на него сегодня утром с розового облака, растянуться на солнечном пляже! Валентин, должно быть, мечтает о будущем, мечтает о своих юных возлюбленных... А граф Биконсфилд находится даже не на закате своего существования, а уже в сумерках после заката. Он ведет беспокойную жизнь, полную забот. Однако эта жизнь не лишена романтического очарования, поскольку он посвящает ее служению существу, которое более всего на свете достойно любви».

Какое счастье для государыни, когда ее так любят, нежат и всячески поддерживают. И какая деликатность в тот самый момент, когда в Глазго ужасный мистер Г провозгласил наступление новой эры социальной справедливости и независимости народов! Восторженная толпа собралась

послушать его при свете факелов. «Темные люди думают, что смена правительства принесет им хорошие урожаи и подъем производства», — горячилась Виктория в письме к Вики.

Увы, со всех концов империи поступали тревожные новости! После зулусов афганцы вырезали английский гарнизон в Кабуле, одним из первых пустив в расход представителя ее величества в Афганистане Луи Каваньяри. И опять за афганцами стояли русские! И многие англичане стали думать, что у Лондона иссякли силы и он не в состоянии уже играть роль эдакого нового Рима, за что всегда боролся Пальмерстон. Имперская политика обходилась слишком дорого, она требовала больших человеческих жертв и денег налогоплательщиков.

В отличие от Гладстона постоянно болевший Дизраэли не мог уже подниматься на трибуны, чтобы защищать империю. А Виктории нужно было отбыть в Дармштадт на конфирмацию Виктории и Эллы, старших дочек Алисы. Она чувствовала себя обязанной заменить в этот день девочкам мать. И в Баден-Бадене, где она выкупила шале Феодоры, Браун принес ей телеграмму, сообщавшую «ужасную новость»: либералы одержали победу с самым большим перевесом голосов за все время ее правления. В своем дневнике она записала: «Я рассматриваю падение нынешнего правительства как огромное несчастье для общества». Дизраэли писал ей: «Расставание с Вашим Величеством вещь для меня почти невыносимая». В порыве чувств Виктория попросила его перестать обращаться к ней как к величеству и во множественном числе: «Я не знаю, как отблагодарить вас за ваше трогательное письмо, излишнюю формальность которому придает лишь обращение в третьем лице... я очень рассчитываю на то, что вы останетесь моим другом, к которому я всегда смогу обратиться и на которого всегда смогу положиться. Надеюсь, что в воскресенье утром вы приедете в Виндзор, проведете там весь день, отужинаете с нами и останетесь ночевать во дворце».

Но кем заменить этого незаменимого друга? Лордом Грэнвиллом, который голосовал против ее титула императрицы? Лордом Хартингтоном, лидером либеральной партии? Напрасно Диззи называл его «Харти-тарти», именно ему она отдавала предпочтение. Но Гладстон не соглашался на другой пост, кроме поста премьер-министра. Королева ссылалась на расстроенные нервы, уверяла, что окончательно сляжет, даже грозила отречением от престола, все было напрасно. Ей пришлось смириться не только с назначением этого «полусумасшедшего», но и с введением в правительство двух ярых республиканцев: Дилка, который заявлял, что Англия прекрасно может обойтись без монархии, и Чемберлена,

демонстрировавшего не меньшую враждебность к короне. Чемберлен был сыном богатого промышленника и мэром Бирмингема. Королева потребовала от обоих письменных извинений за их дерзкие высказывания. А затем, сочтя это недостаточным, повторного покаяния. В этом правительстве ее «единственным, непредвзятым и искренним другом» был герцог Аргайлл, свекор Луизы.

Гладстон немедленно пошел в наступление. Во время избирательной кампании он обещал провести реформу избирательной системы. Солсбери, лидер консерваторов, требовал перераспределения мест в парламенте, чтобы его партия не растворилась в огромной массе либералов или радикалов. Но перепуганные члены палаты лордов отклонили закон о реформе. «Пэры идут против народа! — кричали рабочие и предлагали: — Разгоните их или заставьте подчиниться». В своей «Иоланте», принесшей им очередной успех, Гилберт и Салливан заставляли смеяться переполненные залы над словами: «Палата лордов ничего не делает, но делает это хорошо». Вышедший на улицы народ ополчился против этой палаты с передававшимися по наследству местами, которую называл «памятником древности» и «музейной рухлядью». Виктория напомнила Гладстону, что социализм совсем не означает революцию: «Положение монарха было бы абсолютно невыносимым, если бы не существовало равновесия сил и сдерживающей власти! Королева никому не собирается уступать... и она требует, чтобы мистер Гладстон обуздал, как он умеет это делать, своих слишком рьяных и агрессивных коллег».

Чтобы пополнить государственный бюджет, Гладстон решил ввести налог на пиво. По мнению Брауна, это было жуткой глупостью, поскольку в первую очередь ударило бы по малоимущим гражданам. Королева не могла своей властью запретить это шаг, но была согласна с аргументами ее верного шотландца, отнюдь не лишёнными здравого смысла: «Состоятельные классы, которые, как правило, пьют вино, могут предаваться этому удовольствию без ограничений, и у них достаточно денег, чтобы позволить себе это. Но бедняки не могут платить лишнего за напиток, который в большинстве районов страны является единственным доступным им».

Через несколько недель она писала Вики: «Все идет как нельзя хуже, и меня не покидает чувство отвращения и унижения». Вторая дочь Вики, Моретта, влюбилась в Сандро Баттенбергского, в двадцать два года взошедшего на болгарский трон. Сандро был молодым и симпатичным государем с либеральными взглядами, и королева с благосклонностью отнеслась к этой трогательной любовной истории, вызвавшей у нее

сладкую ностальгию. Одной из главных забот Виктории было назначение в правительстве такого министра иностранных дел, который был бы готов поддержать Сандро. Русская царица писала своему брату, отцу Сандро: «Виктория очень расположена к твоему сыну, и Джон Браун соблаговолил одобрить этот союз».

Королева только что подарила новый дом по соседству с Бальморальским замком человеку, который в течение четырнадцати лет служил ей поддержкой и опорой. Над его дверью был прибит герб со знаками отличия королевского дома. С возрастом характер Брауна так и не смягчился. Шотландец вечно придирался к прислуге, постоянно конфликтовал с курьером королевы Каннэ и даже с Грантом и другими бальморальскими гилли не мог найти общего языка.

Приход к власти Гладстона, этого «паписта», который хотел предоставить независимость Ирландии, сделал Брауна еще более ворчливым и угрюмым. Всюду ему мерещились фении. В палате общин их насчитывалось около шестидесяти человек во главе с Парнеллом, мрачным типом с бледным лицом в обрамлении темных волос. Его мать, американка ирландского происхождения, привила ему ненависть к Англии. Правительство предложило принять закон о возмещении убытков ирландским фермерам, согнанным с их наделов английскими землевладельцами. Получив одобрение в палате общин, этот «Land Bill»^[121] был отвергнут палатой лордов, где как раз и заседали нынешние хозяева большей части ирландских земель. Один из них, герцог Аргайлл, свекор Луизы, даже вышел из правительства в знак протеста против принятия этого оскорбительного закона. Гладстон в очередной раз схлестнулся с этой палатой лордов с ее правом передачи мест по наследству, что он считал анахронизмом.

В Ирландии Парнелл создал «Land League»^[122] для борьбы с злоупотреблениями там английских лордов. И придумал «boycott»^[123]. Одного английского офицера, капитана по фамилии Бойкот, местное население подвергло обструкции за то, что он по приказу крупного землевладельца лорда Эрнэ согнал с земли ирландских фермеров. После этого Бойкот не мог ни рубашку отдать в стирку, ни письмо отправить. Подобному наказанию по указке Парнелла систематически подвергали всех «гонимых». Членов Земельной лиги арестовали. Но все суды Дублина отказались выносить им приговор. У Гладстона не было другого выхода, как применить решительные меры, создав чрезвычайные суды.

Депутаты от Ирландии столь буйно вели себя во время голосования по

этому «дискриминационному закону», что их пришлось удалить из парламента, «только на один вечер», из-за устроенной ими беспрецедентной потасовки. Ненависть между ирландцами и англичанами достигла апогея.

Как и многие ее подданные, Виктория была убеждена, что «паписты» действуют по указке кюре, находящихся на службе у римско-католической церкви. Альберт ненавидел католиков. Она считала их «несносными». Равно как и предавшего интересы Англии Гладстона с его возмутительно проириландской политикой.

5 января 1881 года королева провела в Осборне заседание Тайного совета и ознакомилась со своей тронной речью. В ней она с удивлением прочла, что правительство приняло решение отказаться от содержания английского гарнизона в

Кандагаре, на самых подступах к Индии. Крайне недовольная этим, она потребовала исключить этот параграф. «Тронная речь — это речь правительства», — важно заметил ей сэр Уильям Харкот, министр внутренних дел. Дизраэли, к которому обратился за советом принц Леопольд, заявил, что это последнее утверждение есть не что иное, как «политиканство». В знак протеста Виктория отказалась открывать парламентскую сессию. Но ее потрясло письмо, которое прислал ей один английский офицер, проходивший службу в Индии: «Не дайте убедить себя в том, что следует сохранить Кандагар, это было бы роковой ошибкой — это мерзкая и никому не нужная дыра, где стыдно оставаться хотя бы на одну лишнюю минуту. Умоляю вас: давайте уйдем оттуда».

В 1872 году в гостях у герцога Аргайлла она встретила журналиста Стэнли, который в тот момент только что вернулся из Африки, где был вместе с Ливингстоном, и подарила ему золотую табакерку. С тех пор Стэнли успел сплавиться вниз по течению реки Конго, желая присоединить окрестные земли к британской короне, но Гладстон упустил этот шанс, и Саворньян де Бразза поднял там французский флаг. Не желая мириться с бездействием собственного правительства, Стэнли пошел на службу к бельгийскому королю Леопольду II, решившему начать разработку несметных природных богатств Конго.

Во время своей избирательной кампании Гладстон пообещал вывести британские войска и с других подконтрольных Англии территорий. И начать он собирался с Трансвааля. Война с бурами была развязана не вчера. С появлением англичан на юге Африки в конце XVIII века потесненные ими голландские колонисты создали республику Трансвааль, независимость которой Англия признала в 1852 году. Воспользовавшись

войной буров с кафрами — туземцами-мусульманами, — Дизраэли захватил Трансвааль с его золотыми и алмазными шахтами, в основном сконцентрированными вокруг его столицы Претории. Буры вновь взялись за оружие, и англичане после поражения под Мажубой вынуждены были отступить. Бурская республика Трансвааль была признана Гладстоном летом 1881 года.

Королева смотрела в будущее с тревогой. Каждый день Англия теряла частичку своего имперского могущества и блеска, которые приобрела с Дизраэли. Увы, 19 апреля великий визирь королевы скончался. В течение всех последних месяцев, несмотря на неодобрительное отношение к этому Понсонби, Виктория продолжала обмениваться с Дизраэли трогательными письмами. Последний раз он был на ужине в Виндзорском дворце 1 марта, а затем произнес свою последнюю речь: «Нелегко отказаться от уединения, в котором я живу, и приехать в палату лордов, чтобы говорить об империи, которая рушится». Обложенный подушками, с трудом дышавший, он писал своей королеве карандашом, дрожащей рукой, писал последнее письмо, которое подписал: «Ваш преданный, но очень больной Б».

Виктория послала к нему своих личных докторов. Каждый день она интересовалась его самочувствием. Перед тем как уехать в Осборн, она послала ему примулы из Виндзора и письмо, которое он только немного подержал в руках, но уже не смог прочесть самостоятельно. Он протянул его своему другу, лорду Баррингтону, члену Тайного совета, и тот прочел ему нежные слова королевы: «Я все время думаю о вас и хотела бы сделать все, что только возможно, чтобы помочь вам и быть вам хоть чем-то полезной».

Берти, приехавший навестить его, нашел, что он выглядит немного лучше, что подтвердила и «Таймс», но очередной приступ астмы оказался последним для самого лучшего защитника английской короны. И вновь Браун «с грустью на лице и слезами на глазах» взял на себя труд сообщить королеве роковую весть.

В своем дневнике Виктория доверительно писала: «Потерять столь мощную поддержку в столь трудный момент просто ужасно». Гладстон предложил похоронить Дизраэли с государственными почестями, но королева напомнила ему, что тот пожелал, чтобы его похоронили без всяких церемоний в Хьюгендене, рядом с его супругой. Трое сыновей королевы: Берти, Артур и Леопольд — представляли ее на этих похоронах. Сама она приехала почтить его память спустя четыре дня в сопровождении Беатрисы. Она приказала открыть его склеп, чтобы возложить на гроб букет камелий, и обнаружила там присланные ею и уже давно увядшие примулы.

Годом позже эти цветы станут символом сторонников Дизраэли, и «Таймс» предложит назвать 19 апреля «Днем примулы» в память об этом премьер-министре.

Медленно и печально вошла Виктория в библиотеку Хьюгендена, где три года назад умоляла Дизраэли вступить в войну с Россией, и выпила там с Беатрисой чаю, сидя под своим портретом, подаренным ею ее дорогому Диззи: «Мне казалось, что я слышу его голос, его пылкую и живую речь, которая была свойственна ему, о чем бы он ни говорил». В его кабинете она не удержалась и взяла на память о своем великом визире маленькое колечко, привезенное из Константинополя в тридцатых годах.

Браун организовал при дворе сбор пожертвований на мемориальную доску Дизраэли, которую Виктория решила установить в церкви Хьюгендена с его профилем и выбитой золотыми буквами фразой из одного псалма: «Короли любят того, кто говорит так, как надо». Она могла бы добавить: именно так, как «его признательная ему и привязанная к нему государыня и друг К.И. Виктория» желала, чтобы ее премьер-министры говорили с ней. Сделав Викторией императрицей, Дизраэли выполнил самое заветное ее желание. Примилив королеву фей с ее прерогативами, он вытащил ее из добровольного заточения и тем самым спас монархию. Но он оставил королеву одну, без ее обольстителя.

Глава 22

В июле из Абердина прибыл новый врач, доктор Рид, он сменил при королеве сговорчивого Дженнера. Она настаивала на том, чтобы ее личный врач непременно был шотландцем и знал немецкий язык, что было необходимо для того, чтобы он мог лечить членов ее семьи, часто приезжающих к ней в гости.

Тридцатидвухлетнего Рида, уже имевшего в этом возрасте несколько университетских дипломов, было не так просто заставить подчиняться капризам ее величества. Он считал, что его пациентка пребывает в «отличном состоянии здоровья». Она больше ни на что не жаловалась, хотя время от времени ссылалась на расстроенные нервы, дабы избежать исполнения обязанностей, которые пытался навязать ей неуступчивый Гладстон.

На самом же деле больше всего она страдала от приступов ревматизма да еще от метеоризма, что было совсем не удивительно, поскольку у нее была привычка, унаследованная ею от ее деда Георга III, очень быстро поглощать пищу, особенно столь любимые ею пудинги. Она по-прежнему верила в благотворное действие свежего воздуха, что внушил ей доктор Кларк. Даже когда в Бальморале шел снег, она каждый день выезжала на прогулку в своей открытой коляске, запряженной пони, в сопровождении Беатрисы, у которой вскоре тоже начался ревматизм. Ее дочь считала сущим наказанием пребывание в этом сером ледяном тумане, окутывающем долину реки Ди.

У бедняжки Лео был собственный врач. Когда принцу стало настолько плохо, что он не мог больше ходить самостоятельно, он стал передвигаться в шезлонге специальной конструкции, на трех колесах, которым очень ловко сам управлял. Несмотря на болезнь, он достойно исполнял все обязанности, положенные ему по рангу. Он был президентом Литературного общества и вице-президентом Художественного. Удобно расположившись среди мягких подушек на своей кровати, он запоем читал книги и журналы, а потом рассказывал о прочитанном матери. Когда он чувствовал себя немного лучше, то отправлялся в путешествия. Он уже давно мечтал побывать в Канаде и в конце мая поехал туда навестить Луизу, которая за два месяца до этого серьезно пострадала в аварии, в которую попал на улице Оттавы ее экипаж, когда она направлялась в нем на заседание местного парламента. У принцессы было порвано ухо. И с тех

пор она жаловалась на сильные головные боли. Леопольд был младше Луизы всего на пять лет, брата и сестру объединяла любовь к живописи, опере и театру, а кроме того, им обоим нравилось проводить время в компании артистов. Они обожали друг друга.

Они предприняли поездку инкогнито по северу Соединенных Штатов, начав с посещения Ниагарского водопада и закончив Чикаго, где американский президент Гарфилд уже развернул свою избирательную кампанию. Нью-йоркская пресса не преминула заметить, что у Леопольда появилась новая собака по кличке Вик, и детей английской королевы стала именовать не иначе как «Vic's Chicks»^[124]. «Вульгарность американских газет превосходит всякое воображение», — писал де Лорн отцу. Брат с сестрой присоединились к нему в Квебеке, прелестном французском городке. После чего целый месяц они все вместе провели в просторном деревянном доме на берегу реки Каскапедия, где, по словам де Лорна, «ловился самый лучший в мире лосось». Каждое утро на рассвете Леопольд с де Лорном на каноэ поднимались вверх по реке, а Луиза вставала за мольберт, пытаясь запечатлеть на холсте первые лучи солнца, озаряющего дикие берега Нового Света.

Она постоянно жаловалась на невралгию, и в конце июля Леопольд забрал ее с собой в Англию, чтобы она могла пройти дома курс лечения. Оттуда она уехала в Мариенбад, любимое место отдыха венценосных особ, Рождество отпраздновала в кругу семьи в Осборне, а на Пасху отбыла в Италию... Как и ее мать, она любила путешествовать инкогнито и повсюду разъезжала под именем графини Сандриджской, как во время своего свадебного путешествия. В Лондоне она

возобновила общение со своими любимыми художниками, среди которых был и скульптор Бем, а также часто бывала у Берти, принимая участие в его веселых вечеринках в Мальборо-хаусе. Какой же контраст составляли они с провинциальными приемами в Оттаве! Она никогда не была такой красивой, такой жизнерадостной. А оставшийся в Канаде де Лорн носился там по прерии, вел переговоры с индейцами и приглашал британских журналистов сопровождать его в организуемых им экспедициях, чтобы с помощью их репортажей привлечь в эти места иммигрантов, а также капиталы, необходимые для завершения строительства тихоокеанской железной дороги. Через тринадцать месяцев, в ноябре, супруги увидятся в Ливерпуле, куда Луиза приедет, чтобы встретить мужа.

Лео объявил им о своей помолвке с Еленой Вальдек, юной немецкой принцессой, прекрасно осознававшей, на какие трудности она обрекает

себя, вступая в этот брак. Она осмелилась открыто заговорить о них и обсудить условия своей будущей жизни во время беседы тет-а-тет с королевой, которая поначалу отнеслась к этому настороженно, но затем оценила ту зрелость, которую ее будущая невестка демонстрировала в двадцать один год.

В марте Виктория присутствовала на крестинах дочери Артура, а затем она и Беатриса отправились в их последнюю поездку на континент вместе с Леопольдом. Из Шербура в Ментону они ехали поездом в течение тридцати часов. Все начальники железнодорожных вокзалов были поставлены в известность о прохождении специального состава «графини Бальморальской» и обязаны были обеспечить его беспрепятственное движение. Чтобы создавать пассажирам как можно меньше неудобств, королевский поезд шел со скоростью не выше пятидесяти километров в час. Между восемью и девятью часами утра он делал остановку, чтобы королева могла спокойно умыться и одеться. Желавшие побриться мужчины могли заказать для себя кувшин с горячей водой, который доставляли им уже на ближайшей станции. Кроме того, поезд делал остановки на время еды. Все необходимые съестные припасы были взяты из Виндзора, но настоящие гурманы предпочитали им блюда французской кухни. .

Из окна своего вагона-гостиной Виктория смотрела на проплывающие мимо пейзажи и сразу же влюбилась в этот Лазурный Берег, пока еще нетронутый, с серебристой зеленью его олив, густой синью Средиземного моря, яркими бугенвиллиями и чудесными белыми розами. «Я могла бы написать целые тома о волшебной роскоши средиземноморской растительности!» — воскликнула в восхищении королева.

Она поселилась в другом доме, принадлежавшем Чарльзу Хенфри, владельцу виллы «Клара» на итальянских озерах. У подножия альпийских отрогов, поросших оливковыми деревьями, расположилось шале «Розьер» в швейцарском стиле вроде того, в каком она жила в Баден-Бадене. Но стояло оно на самом берегу моря недалеко от прелестного городка Ментона, куда только что прибыл король Саксонии со своей свитой. Вечером городок расцветился праздничной иллюминацией в честь Виктории. Все суда, стоящие на рейде в бухте, были украшены китайскими фонариками, а военный корабль «Инфлексибль» сиял электрическим светом.

Мужская часть виндзорской свиты поселилась в гостинице по соседству, которую держали англичане, оттуда джентльмены вместе с Лео ездили в Монте-Карло, где с удивлением обнаружили, что половину

игроков всех национальностей, теснившихся вокруг столов, покрытых зеленым сукном, составляют женщины.

На Ривьере Лео, казалось, ожил. Его мать тоже. Разгуливая с парасолькой в руке, она расхваливала благотворное действие солнца на ее моральное и физическое состояние. Доктор Рид понадобился ей лишь для того, чтобы вылечить больной зуб и простуженное горло. Как никогда полная энергии Виктория разъезжала по горным дорогам в итальянской коляске, доставленной ей из Милана, она посетила все окрестные деревни, монастырь, гончарную мастерскую. Остановившись выпить чаю на обочине дороги, она беседовала с женщинами, проезжавшими мимо верхом на своих осликах, и с бродячими музыкантами. Прачка из шале «Розьер» так расчувствовалась, увидев королеву, запросто сидевшую у дороги, что упала перед ней на колени.

Одному бедняге Джону приходилось несладко. Он сильно располнел, совсем поседел и в свои пятьдесят четыре года выглядел гораздо старше своих лет. В своей шляпе и килте он был объектом насмешек всей окрестной ребятни. Ему не нравились ни климат, ни еда, ни итальянские обычаи: «Браун все больше и больше ненавидит эти поездки за границу, поскольку ни с кем не может там общаться». Подозрительный и острый взгляд его голубых глаз постоянно шарил вокруг.

За две недели до этого на виндзорском вокзале у выхода ко дворцу в карету королевы стрелял какой-то шотландец. Виктория решила, что это загудел паровоз, но Браун, услышавший, как пуля просвистела у него над ухом, заявил королеве, открывая ей с перекошенным лицом дверцу кареты, что она только что счастливо отделалась — на нее было совершено покушение. Беатриса видела нацеленный в их сторону пистолет и двух учеников Итона, бросившихся, размахивая черным зонтиком, на убийцу, но не стала поднимать крик, чтобы не испугать мать. Родерик МакЛин, полубезумный молодой человек, был начинающим поэтом, не пользовавшимся успехом у публики. На следующий день Браун принес оружие убийства с наполовину расстрелянным магазином. Заваленная телеграммами с соболезнованиями, поступавшими со всех концов света, Виктория воскликнула: «Столько свидетельств любви с лихвой окупают один выстрел из пистолета!»

В десяти минутах езды от шале «Розьер» находился тенистый парк сэра Томаса Хенбери, который он предоставил в распоряжение ее величества, чтобы она могла гулять там вместе с Беатрисой и спокойно писать свои картины. С белым портиком, стенами цвета охры и зелеными ставнями вилла Хенбери «Мортола» очень нравилась Виктории, которая

находила в ней шарм «старого итальянского палаццо». Оттуда открывался великолепный вид на море. Сэр Томас сколотил свое состояние на Дальнем Востоке, и вот уже более пятнадцати лет ему присылали оттуда разные редкие растения. Вдоволь налюбовавшись на закат солнца, мать и дочь возвращались к себе в своей коляске. По вечерам они играли на фортепьяно и пели дуэтом перед своими придворными дамами, в то время как Леопольд, как когда-то его дорогой отец, вел с гостями светскую беседу.

27 апреля, через несколько дней после возвращения из этого чудесного путешествия, принц Леопольд отпраздновал в Виндзоре свою свадьбу, прошествовав к церкви сквозь строй шотландских горцев в килтах из сифортского полка, в котором он значился полковником. Королева покрыла себе голову кружевной накидкой, которая была на ней в день ее собственной свадьбы и которую она с того «благословенного» дня надевала лишь девять раз на крещение каждого из своих девяти детей. Она не без сожаления расставалась со своим сыном, но и не без облегчения перекладывала на плечи невестки заботы и страхи, связанные со слабым здоровьем Лео: «Ужасно было видеть моего дорогого мальчика в этот важный день его жизни все таким же хромым и с трудом передвигающимся. Дорогая Елена растрогала меня, ведь в каждом ее жесте сквозила огромная любовь к нему». Лео будет жить недалеко от матери. Она сделала молодым подарок — прелестное имение Клермонт.

Гладстон присутствовал на этой свадьбе, хотя на женитьбу Артура его в свое время не пригласили. Но его отношения с королевой отнюдь не улучшились. Более чем когда-либо она жаловалась на его ханжество. Весь Лондон только и говорил, что о ночных походах премьер-министра к проституткам, возобновившихся с прежним рвением. Один из парламентариев даже застал его как-то за пылкой беседой с ночной красавицей. Он обещал своему секретарю Гамильтону отказаться от своей «работы по спасению заблудших душ», но так и не сдержал слова.

В августе он привез в Осборн короля зулусов, вызвавшего фурор своим экзотическим видом, его взяли в плен в 1879 году после трех лет войны и доставили в Англию, словно какое-то диковинное животное. Визит к королеве должен был убедить мятежного туземца в величии империи. Поверх его пестрой туники на него надели черный редингот. Научили его произносить имена дочерей Виктории: Ленхен, Луизы и Беатрисы, которые с огромным любопытством ожидали встречи с ним. Королева поздравила африканца с тем, что он такой великий воин, и выразила радость по поводу того, что теперь он друг Англии. В ответ он сказал, что раньше видел ее лишь на фотографии и счастлив возможности лицезреть ее во плоти. Его

традиционный жест прощания поднятой вверх правой рукой до глубины души растрогал королеву, и она согласилась с предложением Гладстона вернуть туземцу его трон.

В Египте министр иностранных дел полковник Араби Паша устроил государственный переворот. В Александрии вырезали всех европейцев. Виктория убедила Гладстона в необходимости отомстить за убитых христиан и свергнуть узурпатора. Берти выразил готовность возглавить английские войска. Но поручено это было Артуру, он высадился в Египте, где 3 сентября разбил банды бунтовщиков и взял в плен Араби Пашу. В Бальморале Браун поспешил сообщить королеве о победе в Тель-эль-Кебуре. «Он достоин своего отца и своего знаменитого крестного — герцога Веллингтона!» — воскликнула Виктория.

Гладстон приказал звонить по всей стране в колокола. А Браун — разжечь костер в честь победы на вершине Крэг Гоуан, как когда-то это сделал Альберт в честь взятия Севастополя. И на сей раз виски лилось рекой. 13 сентября к ним приехал Леопольд со своей молодой супругой, которая была беременной, и Браун в присутствии всех гилли произнес за них тост. «Да живут они долго и умрут счастливыми!» — пророкотал он со своим гэльским акцентом и одним махом осушил стакан.

Вернувшись в Лондон, королева устроила в Сент-Джеймском парке смотр своим победоносным войскам, во главе которых вышагивал ее сын. «Я вручила триста тридцать медалей... Некоторые солдаты-индийцы протягивали мне свою саблю, чтобы я коснулась ее, как того требует их обычай. Мне доставило огромное удовольствие посмотреть на них вблизи, поскольку все они выглядели очень сильными, а некоторые и замечательно красивыми. Я стояла на великолепном восточном ковре, принадлежавшем Араби, который захватили в его палатке в Тель-эль-Кебуре. Артур спал на нем в ночь победы, а потом подарил мне», — взволнованно писала она Вики.

Она объехала госпитали и приколотла медали на грудь раненым: «Очень старалась никого не уколоть». Вихрь дел, церемоний, материнских радостей и имперской славы закружил ее. 14 декабря в Голубой комнате Альберта она удивлялась, что когда-то желала умереть. Рождество она встречала в Виндзорском дворце, в кругу семьи, под елками, украшенными свечками. На вершине ее елки сидела кукла-фея, которую ее внуки разыграли между собой.

Вот уже несколько недель Гладстон задавался вопросом, уж не «помутился ли рассудок» у феи Дизраэли из-за извращенных идей ее великого визиря. Она не пожелала назначить лорда Дерби на пост министра

по делам Индии под тем предлогом, что он заявил в Манчестере: «Египет сам должен разобраться в своих делах!» Разъяренный Гладстон воздел руки к небу и отдал Дерби портфель министра колоний. Виктория была возмущена подобным фокусом и не стала этого скрывать. Совершенно вымотанный премьер-министр, которому было уже семьдесят четыре года, уехал на полтора месяца в Канны, где его друг лорд Уолвертон предоставил в его распоряжение свой дом.

Не успел он вернуться, как 17 марта с королевой случилось несчастье — она едва устояла на ногах, оступившись на последней ступеньке парадной лестницы Виндзорского дворца. До кареты она дошла, опираясь на руку Брауна. К вечеру у нее сильно опухло колено. На следующий день, в Вербное воскресенье, ей пришлось отменить концерт Генделя в церкви Святого Георгия.

В следующую субботу Браун с лакеем Виктории Локвудом все еще на руках перенесли ее в *pony-cheir* для ежедневной прогулки. Дул ледяной ветер, и шотландец ворчал на королеву за то, что та захотела непременно выйти на улицу. Так она еще настояла на том, чтобы доехать до Клермонта и справиться о здоровье маленькой Алисы, дочери Леопольда. Месяц назад она присутствовала при ее рождении в Виндзорском дворце: «Мне все еще с трудом верится, что мой дорогой Леопольд стал отцом!» Лео опять был болен и встретил мать, лежа в постели: «Он лежал на одном диване, его жена — на другом, и когда появилась я, третье немощное существо, эффект получился комический».

На Пасху погода не улучшилась. Шел снег, когда Гладстон в саду у своих друзей рубил вишневое дерево. Постоянно опасавшийся этих «damned» ирландцев, не перестававших грозить, что убьют королеву, Браун совершал обход парка и сильно простудился. У него опухло лицо, а на одной щеке появились ярко-красные бляшки. Все испугались, что это рецидив рожистого воспаления. «Плохо спала ночью. Со страхом думала, что Браун не сможет больше служить мне...» — писала Виктория.

Алкоголь не только наложил отпечаток на характер Брауна, который ни с кем не мог ужиться, но и подорвал его могучее здоровье. Ему становилось все хуже, а королева, «прикованная к своему креслу», даже не могла навестить его. На следующий день у него случился приступ белой горячки. Доктор Рид день и ночь бегал между ним и королевой. Кроме того, его собственный отец находился при смерти, и королева предложила пригласить ему в помощь доктора Профита из Крейти. Но поскольку Браун, по всему, доживал свои последние часы, Рид счел невозможным для себя оставить в такой момент на кого-то другого свою именитую пациентку.

«Королеву снедает тревога за него... Она чувствует себя далеко не лучшим образом», — писал он матери.

Вечером 27 марта Браун умер. Эта новость произвела при дворе эффект торнадо. Именно шотландец приносил обычно королеве дурные вести. Теперь же пришлось вытащить из постели беднягу Лео, и хотя сам он был болен, он взял на себя труд сообщить на следующее утро матери, что ее верный ангел-хранитель скоропостижно, но без мучений скончался. Виктория находилась в этот момент в своей гардеробной. Раздавленная горем, она подняла полные слез глаза на фотографии Брауна и его братьев, вставленные под раму ее зеркала. Все они были такими сильными мужчинами! Как же ее могучий шотландец мог сгореть за три дня? А главное, как жить без него, особенно сейчас, когда она даже шагу ступить не может без посторонней помощи?

Она писала Понсонби: «В жизни королевы произошло столь же ужасное несчастье, что и в 1861 году». Своему внуку Джорджи, будущему королю Георгу V, которому было в ту пору семнадцать лет, она жаловалась: «Я потеряла самого своего дорогого, самого лучшего друга, которого никто и никогда не сможет заменить мне на этом свете. Никогда не забывай о лучшем и самом верном друге твоей бедной бабушки, которая очень огорчена». Одному из братьев Брауна, Хью: «Я часто ему говорила, что никто не любил его так, как я, и что у меня никогда не было лучшего друга, чем он». Жене Хью: «Плачьте вместе со мной, потому что все мы потеряли самое доброе и самое преданное сердце, какое когда-либо билось... Что до меня, то горе мое не знает границ, оно так жестоко, что я не знаю, ни как переживу его, ни даже как осознаю его. Наш дорогой, любимый Джон, мой лучший, мой самый дорогой друг, которому я все могла сказать, который всегда защищал меня и обо всем заботился, еще три или четыре дня назад был вполне здоровым человеком... У вас, у вас есть ваш муж, который поддерживает вас, а у меня отныне нет больше плеча, на которое я могла бы опереться».

Она никому не могла доверить составление некролога для «Таймс» и лично написала двадцать пять строк, которые появились в «Court Circular» и которые ее подданные комментировали с неподражаемой смесью юмора и грусти: «Мы должны проинформировать вас о смерти мистера Джона Брауна, личного мажордома Ее Величества... Это печальное событие стало причиной глубочайшего горя королевы, королевской семьи и всего королевского двора. Для Ее Величества это невосполнимая утрата, смерть ее верного и усердного слуги стала для нее сильнейшим ударом. Мистер Браун поступил на службу к Ее Величеству в 1849 году в Бальморале в

качестве гилли и благодаря своему усердию, энергии и уму в 1858 году был назначен личным слугой королевы. С 1864 года он стал ее бессменным слугой. Восемнадцать с половиной лет он был рядом с Ее Величеством, не оставляя ее ни на один день. Он сопровождал королеву во время ее ежедневных прогулок, ее поездок и экскурсий, а также стоял за ее спиной на банкетах и т. д. Он был честным, верным и самоотверженным “телохранителем” и скромным, прямодушным и преданным человеком. Щедро наделенный здравым смыслом, он выполнял свои непростые и деликатные обязанности с такой предупредительностью и стойкостью, что заслужил вечную дружбу королевы».

Некролог на смерть Дизраэли насчитывал всего пять строк.

Как и в 1861 году, Виктория не могла передвигаться самостоятельно. Ее усадили на стул и на нем подняли по лестнице в башню Кларенс. Тяжело опираясь одной рукой на Беатрису, другой на палку, она вошла в спальню Брауна, чтобы присутствовать при выносе его тела. Похороны ему устроили с отменной роскошью, но все члены королевской семьи нашли благовидные предлоги, чтобы не присутствовать на них. По дороге на вокзал гроб провезли по улицам Виндзора, все лавки которого были закрыты в знак траура. Спустя два дня любимый шотландец королевы был похоронен на кладбище в Крейти. «Венки, присланные принцами, императрицами и придворными дамами, скрыли под собой могилу Брауна», — писал Понсонби. Чтобы полюбоваться на них, на кладбище останавливались все проезжавшие через Крейти кареты и повозки. В течение всего лета на его могиле ежедневно бывало до сотни посетителей.

Даже Гладстон побывал там. После смерти Брауна он послал королеве лаконичную записку: «Ваше Величество может, конечно, назначить на его место достойного преемника, но было бы напрасным надеяться, что кто-нибудь сможет восполнить такую потерю». Какое отсутствие такта, какой контраст с Дизраэли, который в своих письмах всегда находил несколько слов для Брауна! Секретарь Дизраэли, лорд Раутон, между тем прибыл в Осборн, чтобы выразить свои соболезнования королеве, которая долго рассказывала ему, какие статуи Брауна она заказала и как собирается увековечить его память. Раутон уехал от нее в полном смятении: «Если королева претворит в жизнь все свои проекты, в стране разразится жуткий скандал!»

Как и в 1861 году, она удалилась на остров Уайт. Ее донесли на стуле до вагона поезда, а затем так же подняли на борт яхты «Альберта». В течение многих недель королева не допускала к своему столу никого из мужчин. Она не появлялась ни на каких официальных мероприятиях. Она,

не так давно вернувшаяся к нормальной жизни, вновь погрузилась в траур и молитвы. Комната Брауна должна была оставаться в нетронутom виде, с его огромным килтом, разложенным на кресле. Каждое утро на его подушку клали свежие цветы.

К поезду, на котором королева проследовала в Бальморал, постарались не допустить никого из посторонних. Расписание его движения держалось в секрете, а во время его стоянок на вокзалах проход на перрон был закрыт.

«Он был моим лучшим другом», — делилась она по приезде в Крейти с местным пастором. На кладбище она приказала установить надгробный памятник, на котором выбили двустиишие Теннисона, специально написанное по этому случаю:

*Он был не просто слугой, а преданным, искренним и отважным
другом,
Который до самой могилы, забыв о себе, исполнял свой долг.*

В Бальморальском парке статую Брауна, уже давно заказанную Бёму, установили на лужайке рядом с тентом, под которым Виктория писала свои письма. Шотландец продолжал наблюдать за ней с этого места, оставаясь невольным посредником между королевой и всем остальным миром. Удивительно, но лицом Браун сильно походил на Альберта...

Сыновья и дочери Виктории, решившие, что наконец избавились от ее надоедливого гилли, были оскорблены видом этого бронзового монумента, напоминающего им о том, о чем они, как и вся Англия, хотели бы побыстрее забыть. А их мать, немощная и опечаленная, коллекционировала фотографии. Пятеро братьев Брауна сфотографировались с бюстом Джона, как она сама фотографировалась с бюстом Альберта.

14 декабря в Голубой комнате Виндзорского дворца Виктория попросила преподобного Дэвидсона, нового настоятеля виндзорской церкви, вознести три молитвы: одну за Артура, отправленного с поручением в Индию, одну за прежнего настоятеля, умершего несколько месяцев назад, и одну за Брауна — «весьма деликатная просьба, от выполнения которой я не мог уклониться», — записал настоятель в своем дневнике.

После смерти Альберта королева написала «Страницы из дневника о нашей жизни в горах Шотландии». Теперь она села за «Новые страницы о нашей жизни в горах Шотландии», в которых описывала последние двадцать лет своего пребывания на шотландской земле и которые

посвятила «моим преданным горцам и особенно памяти моего верного друга Джона Брауна». Заключение она дописала в Бальморале в ноябре 1883 года: «Верного слуги, о котором столько раз упоминалось на этих страницах, больше нет рядом с той, кому он служил столь самоотверженно в расцвете своих сил... Если я скажу, что каждую минуту, каждый час мне не хватает его, это будет слишком слабым выражением, не передающим всей правды». Дети ее были в ярости. Берти возмущался, что для его имени не нашлось места на этих страницах, тогда как имя Брауна упоминалось на каждой из них. На это замечание королева ответила, что он, должно быть, не прочел ее книгу, поскольку его имя названо в ней пять раз! И указала ему номера соответствующих страниц.

Но этого Виктории показалось мало. Она попросила Теодора Мартина, биографа Альберта, заняться еще и «Жизнеописанием Брауна». При жизни люди не оценили достоинства ее верного шотландца, и она желала восстановить справедливость, точно так же, как она сделала это для Альберта. Теодор Мартин благоразумно отказался от этого поручения, сославшись на болезнь жены.

Но это не заставило королеву отказаться от задуманного. 23 февраля Понсонби получил пакет, к которому было приложено письмо от ее величества, информировавшее его, что она начала писать «небольшие мемуары» о Джоне Брауне и собирается издать их ограниченным тиражом.

Секретарь полистал написанное и, придя в ужас, бросился уговаривать королеву, чтобы до публикации книги она посоветовалась по ее поводу с двумя священнослужителями, хорошо знавшими жизнь двора: с преподобным Лисом из Эдинбурга и преподобным Карпентером, епископом из Ри-пона, с которым она часто устраивала в Бальморале спиритические сеансы, пытаясь вызвать дух Альберта в компании Брауна, Беатрисы, ее внучки Ирены Гессенской и герцогини Роксбро.

Виктория попросила вернуть ей ее мемуары, поскольку собиралась передать их лорду Раутону, бывшему секретарю Дизраэли, «который очень хотел прочесть их». Через несколько дней Понсонби встретился с Раутоном, тот был просто ошеломлен прочитанным: «Видел Раутона. Он посоветовал всеми возможными способами задержать публикацию».

Преподобный Лис настаивал на том, чтобы молодой настоятель виндзорской церкви преподобный Дэвидсон непременно поговорил с королевой. Хотя Дэвидсон заступил на свой пост всего несколько месяцев назад, он был шотландцем, и Виктория прислушивалась к его мнению. Ловкий Дэвидсон придумал следующее: получив экземпляр «Новых страниц о нашей жизни в горах Шотландии», он поблагодарил королеву и

добавил, что память Брауна уже достаточно почтена в этом произведении и нет никакой необходимости писать что-либо еще.

Королева высокомерно ответила, что она пишет то, что считает нужным. Дэвидсон, рискуя своей карьерой прелата, предпринял новую попытку отговорить королеву от задуманного. Тогда она поручила своей придворной даме, леди Эли, передать настоятелю, что она требует, чтобы он взял свои слова обратно и принес ей извинения за то огорчение, что причинил ей. Настоятель извинился, но остался при своем мнении и подал в отставку.

В течение двух недель королева искала ему замену, чтобы больше не встречаться с ним. Но потом тучи рассеялись так же быстро, как и сгустились. Проклятые страницы куда-то исчезли, скорее всего, их сжег Понсонби, а Дэвидсона вновь допустили к заботам о королевской душе.

Со смерти Брауна прошло уже десять месяцев, а королева все еще не могла передвигаться самостоятельно. Более чем когда-либо ей не хватало ее могучего шотландца. Понсонби был завален письмами от подданных Ее Величества, в которых все они предлагали самые верные способы ее излечения типа, например, использования трехколесного велосипеда. Беатриса в этот момент решила оставить мать, чтобы пройти курс лечения от ревматизма, и уехала в Экс-ле-Бэн, где массажистка-француженка по имени Шарлотта Ноттэ творила настоящие чудеса. Помогла она и Беатрисе, после чего ее сразу же пригласили к королеве.

27 марта, в годовщину смерти Брауна, Виктория записала в своем дневнике: «Я не могу перестать оплакивать его». Зима никак не хотела отступать, и, спасаясь от холодных дождей и пронизывающего ветра, бедняжка Лео и его жена, которая вновь была беременна, уехали в Канны. Вскоре его врач прислал телеграмму, сообщавшую, что принц упал в гостинице с лестницы и сильно расшиб колено. На следующий день он умер от кровоизлияния в мозг, ему был всего тридцать один год.

Лео хотел, чтобы его похоронили с воинскими почестями, и те же самые шотландские горцы из сифортского полка, что встречали его приветственными криками в день свадьбы, теперь несли его гроб. «Ради нашего дорогого Леопольда мы не можем отчаиваться... Его всегда снедало такое сильное желание иметь то, чего иметь он не мог; и казалось, что со временем это желание лишь усиливалось, вместо того чтобы поутихнуть», — писала королева. Однажды вечером в Бальморале Лео играл в бильярд с депутатом-радикалом Джоном Брайтом и вдруг воскликнул, что, если его мать и дальше будет отказывать ему в герцогстве, хотя все остальные братья их уже получили, он будет баллотироваться в парламент. «И от

какой же партии?» — поинтересовался Понсонби. «От левых экстремистов», — саркастически ответил Леопольд.

Через несколько дней траур по Лео был снят в связи с замужеством старшей дочери Алисы, на свадьбе которой Виктория не могла не присутствовать. В Дармштадте Виктория Гессенская выходила замуж за принца Людвига Баттенбергского. «Самый красивый мужчина в Европе», как его называл германский император, уже давно служил в британском флоте. Будучи талантливым художником, именно он делал зарисовки во время путешествия Берти в Индию. Кроме того, он обладал даром комического актера и пародиста, что очень «забавляло» Викторию.

Его брат Сандро привез болгарского слугу, которого Виктория нашла «великолепным». Королева всегда благосклонно относилась к любви болгарского принца и Моретгы, дочери Вики, хотя все прусское семейство возражало против их помолвки. В Софии Сандро проводил независимую антирусскую политику, а Бисмарк вместе с германским императором Вильгельмом и Вилли не хотели идти против русского царя. Третий брат, Генрих Баттенбергский, заглядывался на Беатрису, и та не устояла перед его шармом. Королева, которая постоянно видела их вместе, страшилась этой зарождающейся любви. Она с тревогой делилась со своим врачом, что после смерти Брауна и Леопольда совсем не хотела бы, чтобы Беатриса «покинула ее».

Но эту немецкую свадьбу словно закружило в вихре любовного безумия. Сестра новобрачной Элла объявила на ней о своей помолвке с великим князем Сергеем. Что до отца новобрачной, великого герцога Гессенского, которого королева считала «безутешным» вдовцом, до сих пор оплакивающим Алису, то он решил сочетаться браком со своей любовницей сразу же после свадьбы дочери, прямо в тот же вечер. Его новой супругой стала прелестная польская графиня Александрина, ей было тридцать лет, и она недавно развелась с мужем. Дети Алисы обожали ее. Но как было выдержать вспышку ганноверского гнева? Чтобы избежать прямого столкновения с тещей, Людвиг трусливо сбежал на два дня на охоту со всеми остальными принцами. Вики взялась ему помочь и рассказала обо всем Берти и леди Эли, придворной даме своей матери, которая была единственным человеком, умеющим разговаривать с королевой.

Виктория была разъярена так же, как и Берти. Она поручила сыну заставить Александрину подписать бумагу о признании ее брака недействительным. Графиня пролила море слез, но подчинилась, получив в качестве компенсации 5 тысяч марок, тайно переданных ей Викторией.

Германский император потребовал от Вики и Фрица немедленно собрать вещи и вернуться в Берлин, чтобы не иметь отношения к этим безобразиям.

7 мая королева вернулась в Виндзор и привезла с собой великого герцога Гессенского, которого она простила. «Наш дорогой Людвиг относился слишком по-рыцарски к своей графине, но мы открыли ему глаза. Теперь он знает, как и все остальные, что от нее можно ожидать самого худшего. Но он не выносит, когда кто-то начинает резко критиковать ее, ибо мужчина, увлеченный женщиной и считающий себя любимым ею, не может в один день вдруг возненавидеть ее», — писала она Вики.

Между тем ей так и не удалось обрести мир и покой у себя в доме. Предчувствие, посетившее ее в Дармштадте, не обмануло ее. Беатриса объявила ей о своем желании выйти замуж за Генриха Баттенбергского.

В этот миг королеве показалось, что кровь отхлынула от ее сердца. У рта ее образовалась горькая складка. Бросить мать после всех тех жертв, на которые она шла ради своей семьи! И они еще хотят, чтобы она выполняла свою работу, одна, без всякой помощи! Она пронзила дочь испепеляющим взглядом. Этот беспощадный взгляд ее голубых глаз приводил к подчинению Веллингтона, Пиля, Пальмерстона. Но Беатриса, кроткая, скромная Беатриса, которой в ее двадцать семь лет едва хватало смелости заговорить с соседями по столу или поднять глаза на мужчину, не собиралась уступать матери. И никакие жалобы, никакие стенания, никакие угрозы не способны были заставить ее изменить принятое решение! Она не хотела больше оставаться рабыней своей матери. Никогда еще королева не видела ее в подобном мятежном состоянии. Душераздирающие сцены, свидетельницей которых она стала в Дармштадте, видимо, заставили ее потерять голову! Виктория надеялась, что пройдет немного времени и ее младшая дочь образумится и вспомнит о своем долге. В течение полугода мать и дочь общались друг с другом лишь с помощью записок, которые они клали на середину стола во время завтрака.

Дети Виктории объединили свои усилия, чтобы восстановить мир в семье. Берти встал на защиту сестры. Как и Вики, которая в своих письмах напоминала матери о том, как «любил их всех их дорогой папа и как всегда хотел, чтобы его дети были счастливы». Но Виктория уступит лишь при одном условии: ее дочь никогда не должна покидать ее, должна оставаться ее личным секретарем, ее доверенным лицом и первой среди ее фрейлин. Своему врачу она объясняла, что боится не того, что ее дочь выйдет замуж, а того, что ее будущий зять, Генрих Баттенбергский, который собирался сделать карьеру на военном поприще, останется в Потсдаме и Беатриса уедет к нему туда. Людвиг и Виктория Баттенбергские, недавно

сочетавшиеся браком в Дармштадте и обосновавшиеся в Чичестере, взяли на себя роль посредников. Людвиг уговорил своего юного брата отказаться от военной карьеры и поселиться рядом с королевой. 3 декабря 1884 года было официально объявлено о помолвке Беатрисы и Генриха Баттенбергского.

Английская пресса яростно обрушилась на этого, которого уже по счету, немецкого принца «без гроша в кармане», собиравшегося жить за счет британских налогоплательщиков. Все братья Баттенбергские имели великолепную военную выправку, но не могли похвастаться своей родословной — она начиналась с них самих. Их отец, принц Александр Гессенский, был женат морганатическим браком на некоей польке, внучке кондитера, ставшей после свадьбы принцессой Баттенбергской. Сыновья получили при рождении фамилию матери. В Берлине Гогенцоллерны уже начали возмущаться по поводу этого мезальянса, который собиралась совершить дочь английской королевы.

А Викторию возмущали претензии прусского семейства. Она назвала сыновей Вики «недалекими и плохо воспитанными». И повторила фразу лорда Грэнвилла: «Если английская королева считает кого-то достойным своей дочери, что могут возразить ей другие?» Она пригрозила «распахнуть шкафы» и выставить напоказ скандальные секреты семейств, правящих в Берлине, Вене и Санкт-Петербурге. Сколько оскорблений пришлось пережить ее Альберту лишь за то, что он был младшим сыном в семье: «Я не могу забыть, как невежливо порой обходились с папой... и как мне это было горько».

Генрих, которого все звали Лико, был очень веселым молодым человеком, любил рассказывать забавные истории и обожал театр. Он был идеальным зятем. Жених с невестой не позволяли себе целоваться в присутствии королевы, и она радовалась этому в письме к Вики: «Никаких поцелуев и т. д. (Беатриса этого не выносит), что так утомляло меня в случае с нашим дорогим Фрицем». Правда, она даже не догадывалась, что втайне от нее они дымили как паровозы: Генрих курил сигары, а Беатриса — сигареты.

Помимо свадеб и похорон ее неукротимую энергию подпитывали многочисленные прибавления семейства. В Дармштадте на одной фотографии впервые были запечатлены сразу четыре поколения: Виктория снялась вместе с Вики, своей внучкой Шарлоттой и правнучкой Феодорой. 25 февраля в Виндзоре ее любимая внучка Виктория Баттенбергская разрешилась своим первенцем, и взволнованная королева повторила рядом с ней те же жесты, какие делала перед этой кроватью, когда двадцать два

года назад на ней рожала Алиса. На свет появилась новая Алиса, которую растроганная Виктория крепко прижала к себе.

Бракосочетание Беатрисы состоялось в июле в Осборне, в Уиппингемской церкви, построенной недалеко от их дома Альбертом и заваленной в этот день цветами. И вновь отъезд молодоженов заставил сжаться сердце Виктории, она даже уши себе заткнула, чтобы не слышать прощальной музыки: «Я нахожу этот отъезд ужасным — словно речь идет о каком-то наказании или экзекуции...»

Малые размеры церкви стали прекрасным предлогом, чтобы не звать на торжество нежелательных лиц. Гладстон не получил на нее приглашения и почувствовал себя обиженным. Он уже месяц, к великому облегчению Виктории, не являлся премьер-министром. В течение всей зимы королева регулярно бывала в Голубой комнате в надежде вызвать дух Альберта и в беседах с ним почерпнуть сил, чтобы противостоять политике этого «предателя».

Несколько месяцев назад в Судане была уничтожена британская военная колонна, это сделали мятежники по приказу новоявленного пророка по имени Махди. Судан находился во владении Египта, против которого и восстал Махди. Под нажимом прессы Гладстон отправил в Африку генерала Гордона с единственной целью — вывезти оттуда оказавшихся в опасности подданных ее величества.

Гордон был национальным героем. Он покрыл себя славой в Китае, спасая императора от мятежников, что коренным образом изменило отношения между Китаем и Англией. Император выразил желание прочитать написанные Викторией книги, и королева отправила ему свои «Шотландские страницы» и восемь томов «Жизнеописания Его Королевского Высочества принца-консорта», которые были торжественно доставлены на носилках в «Запретный город» в Пекине и положены на стол перед императором, что было неслыханной честью.

Овеянный славой Гордон был, подобно Махди, мистиком, который помимо приказов правительства Гладстона получал еще приказы и от самого Господа Бога. Причем небеса, с которыми он общался день и ночь, были для него большим авторитетом, нежели премьер-министр. По прибытии в Хартум Гордон забыл все инструкции Лондона. Он открыл двери тюрем и приказал сжечь на площади орудия пыток, с помощью которых банды Махди терроризировали суданцев. Он решил помочь египтянам восстановить их власть в Судане. Чего Гладстон ему вовсе не поручал.

Вскоре Гордон был взят в окружение бандами Махди, а премьер-

министр, проводивший антиимпериалистическую политику, не спешил отправлять войска ему на помощь, поскольку партизаны Махди, по его словам, «вели законную борьбу за свою свободу».

Мажордомом королевы в Виндзорском дворце был лорд Коуэлл, он вместе с Гордоном воевал когда-то на Дальнем Востоке. Этот старый вояка был страшно возмущен бездействием правительства. И королева разделяла его чувства. Она направила депешу лидеру либеральной партии Хартингтону: «Гордон в опасности, вы обязаны попытаться спасти его». Но для проведения операции спасения соотечественников в Судане, охваченном гражданской войной, требовалось отправить туда десять тысяч человек, а для их транспортировки нужны либо тысяча кораблей, чтобы подняться вверх по Нилу, либо пятьдесят тысяч верблюдов, чтобы пересечь пустыню. Гладстон заявил, что он не может «пойти на подобные расходы».

Общественное мнение и пресса, согласные со своей государыней, подняли кампанию протеста против этого правительства, неспособного помочь Египту, а главное — спасти жизнь своему национальному герою. Полгода Гордон просидел в осажденном Хартуме, на берегу Нила. Но Гладстон оставался непреклонным. «Вторжение в Судан стало бы не чем иным, как развязыванием захватнической войны против народа, борющегося за свою независимость», — возмущался в палате общин этот высоченный старик.

14 декабря, в этот святой день памяти Альберта, отчаявшаяся Виктория вновь искала утешения в Голубой комнате. А в этот самый момент Гордон, чьи волосы поседели за одну ночь, писал в Хартуме в своем дневнике: «А ТЕПЕРЬ ВНИМАНИЕ: если экспедиционный корпус — а я не прошу ничего более, кроме двух сотен человек — не прибудет сюда в течение десяти дней, скорее всего город падет, но я сделал все возможное, чтобы не посрамить чести своей родины. Прощайте. К. Г. Гордон».

Кроме того, генерал отправил Гладстону телеграмму с проклятием: если Англия не спасет его, на это ее правительство навсегда ляжет «несмываемое пятно». Читая эту телеграмму, Гладстон изменился в лице. Он побледнел так, «словно эти слова прожгли ему душу».

Он решил отправить в Судан требуемые десять тысяч человек. Лорд Уолсли, генерал-губернатор Египта, тщательно готовил экспедицию. Когда войска были наконец готовы погрузиться на корабли, Нил обмелел настолько, что судоходство по нему стало невозможным, а верблюдов не было. В результате помощь Гордону придет слишком поздно. За два дня до нее тело генерала, одетого в белый мундир, будет пронзено копьями

противника на ступенях хартумского дворца, а голову его в какой-то тряпке доставят в лагерь Махди. Глава победителей прикажет повесить ее на ветвях дерева при въезде в Хартум, чтобы прохожие могли бросать в нее камни. Никогда еще британской короне не наносили подобного оскорбления.

Печальная весть пришла в Осборн спустя две недели после трагедии, и королева лично сообщила ее глубокой ночью своему двору, ее черный силуэт и срывающийся голос заставили содрогнуться собравшихся: «Гордон мертв». Ее врачи опасались, что она может впасть в депрессию. Вики она жаловалась, что Англия опоздала, «как всегда, и я, как глава нации, почувствовала себя страшно униженной». Сестре Гордона она писала: «... То, что обещания выслать подкрепление не были выполнены, обещания, о которых я лично так часто напоминала тем, кто просил вашего брата отправиться в поход, причинило мне невыразимое горе. Я даже заболела из-за этого». В знак благодарности мисс Гордон отправила в Виндзорский дворец дневник своего брата, который королева положила на подушку из белого атласа и поместила в витрину под стекло перед входом в свои апартаменты таким образом, что всякий, кто входил к ней, мог прочитать фразу Гордона: «Я ненавижу правительство».

Отныне британские газеты сопровождали любое упоминание имени Гордона добавлением «мученик борьбы за национальные интересы». Гладстона же называли не иначе как «предатель» и «убийца». Разве не он был в театре в тот вечер, когда их герой принял смерть?

«Моя деятельность закончится в 1885 году», — не раз повторял премьер-министр королеве и Понсонби. И вот в июне 1885 года его правительство пало из-за предложенного им проекта закона об увеличении налога на пиво и другие алкогольные напитки. Когда министры явились к ней подать прошение об отставке, королева, которой пришлось на два дня раньше вернуться из Бальморала, отказалась пожать руку Гладстону и скрепя сердце позволила ему поцеловать лишь кончики своих пальцев. Хотя после смерти Гордона прошло уже полгода, каждый раз при виде лидера либералов ее захлестывала волна гнева.

У нового главы правительства, пятидесятипятилетнего маркиза Солсбери, были окладистая борода и искренний интерес к научным открытиям. Его замок чуть было не взлетел на воздух из-за взрыва во время одного из экспериментов, а гости его часто путались ногами в телефонных проводах, тянувшихся по полу из комнаты в комнату. Впервые премьер-министр королевы был моложе ее самой. В глазах Виктории он обладал одним неоспоримым достоинством: он возглавлял «Лигу примулы»

поклонников Дизраэли, чью политику имперского могущества собирался продолжить.

Сидя на скамье оппозиции, Гладстон вел себя необычно тихо. У него болело горло. Виктория не удержалась и послала ему ехидную записку: «Королева полагает, что мистер Г излечится от своей хрипоты, которой страдает уже многие месяцы, и пользуется этой возможностью, чтобы выразить надежду, что он побережет себя еще некоторое время, воздержавшись от публичных выступлений».

Выборы, состоявшиеся в конце года, закончились с ничейным результатом: ни консерваторы, ни либералы не смогли одержать верх. Судьба правительства Солсбери зависела от депутатов от Ирландии. 17 декабря сын Гладстона заявил в прессе, что его отец собирается со всей решительностью защищать «*Note Rule*»^[125].

Чтобы поддержать Солсбери, который вел себя по отношению к ней столь же предупредительно, что и Диззи, королева приняла решение открыть очередную сессию парламента. Церемония была обставлена с большой помпой. Викторю в черном платье, отороченном горностаем, и в маленькой бриллиантовой короне сопровождали трое ее сыновей: Берти, Аффи и Артур в военной форме. Справа ее поддерживала Беатриса в красном бархатном платье, а слева — наследный принц Эдди, они помогли ей в последний раз подняться и спуститься по ступеням трона. Никогда больше она не станет открывать парламентские сессии. Ее тронная речь длилась пять минут. Но читала ее не она.

Через пять дней Солсбери подал ей прошение об отставке. Депутаты-ирландцы во главе с Парнеллом решили поддержать Гладстона, чье возвращение стало неизбежным. Виктория скрепя сердце вынуждена была согласиться на него. Уже за полночь либерал Понсонби был отправлен в качестве эмиссара к Гладстону, чтобы предложить ему от имени королевы сформировать правительство. Она не обратилась к нему раньше, объяснял он, потому что «*Great Old Man*»^[126] без конца повторял, что «хочет уйти в отставку», чтобы посвятить себя изучению Священного Писания.

Пока шла избирательная кампания, Гладстон воздерживался от каких бы то ни было разговоров о своих планах в отношении Ирландии. Вся Англия с нетерпением ждала его речь, которую он должен был произнести в палате общин

8 апреля. Парламентарии начали съезжаться туда с самого раннего утра, чтобы занять места, а на галерке цена за аренду кресла поднялась до тысячи фунтов стерлингов. Премьер-министр, которому было почти

восемьдесят лет, уже плохо видел, но не утратил своих пророческих интонаций. Его речь длилась три часа двадцать минут — настоящий подвиг, восхитивший весь мир.

«Ирландия не может больше подчиняться закону, навязанному ей другим государством. Как только закон станет ирландским, Ирландия вновь начнет ему подчиняться!» — чуть ли не в трансе прокричал он. Гомруль предусматривал создание в Ирландии независимого двухпалатного парламента и независимого правительства. В компетенции Великобритании оставались вопросы внешней политики, внешней торговли и обороны.

Неделю спустя появился проект следующего закона, согласно которому английским землевладельцам предлагалось вернуть принадлежащие им ирландские земли за соответствующую компенсацию. Этот документ вызвал такое негодование в парламенте, что Гладстону пришлось тут же отозвать его. Через три месяца при голосовании по гомрулю во втором чтении премьер-министр превзошел самого себя: «Ирландия ждет вашего вердикта, ждет, надеясь, почти моля... Подумайте, прошу вас, подумайте как следует, подумайте спокойно, подумайте о том, что ваше решение имеет не сиюминутное значение, от него зависит будущее». Но даже внутри его правительства не было единства по этому вопросу. В результате он проиграл.

Не собирающийся сдаваться прорицатель распустил парламент. Во время избирательной кампании он критиковал систему распределения мест в палате общин между правящими классами и «народными массами», существовавшую уже полвека. Его собственные друзья считали, что он заходит слишком далеко и требует слишком многого. А он собственноручно писал письма тем из них, кто сомневался, стоит ли принимать его сторону.

В Тауэре и Вестминстере кто-то взорвал по бомбе. И избиратели стали винить в этом поборников демократии. На выборах консерваторы одержали внушительную победу. Королева была в Осборне. Гладстон прислал ей лаконичную телеграмму: «Ваш смиренный слуга и его кабинет просят отставку».

Через три недели королева собрала свой новый Тайный совет. Она была «цветущей и веселой». 23 ноября Беатриса произвела на свет своего первенца, мальчика. Как это было с другими ее дочерьми, а теперь и внучками, Виктория все время находилась рядом с роженицей, чтобы подбодрить ее и поддержать за руку: «Всю ночь провела у постели дорогой Беатрисы». Она сильно переживала и замучила врачей советами. В пять часов утра ей подали новорожденного внука, завернутого во фланелевую пеленку: Александра, которого будут звать Дрино, чтобы не путать с его

дядей Сандро, и который был вылитым Баттенбергом. Вернувшись в свою спальню, Виктория залюбовалась «великолепным восходом солнца». Она была счастлива. Когда она была еще совсем юной королевой, ничто не доставляло ей большую радость после бала в Букингемском дворце, нежели картина восходящего солнца, отбрасывающего на Темзу свои первые золотые лучи.

Глава 23

В детской в Осборне стояло в ряд сразу несколько колыбелей. Они никогда не пустовали. После рождения своего последнего ребенка, новой маленькой Викторией, прозванной Патси, жена Артура Луизхен уехала к мужу в Индию, оставив своих троих детей на попечение «бабули». Самые старшие во время обеда сидели на маленьких стульчиках с высокими спинками, с написанными на них именами их родителей и разрисованными Альбертом в немецком стиле.

В свои шестьдесят восемь лет королева «забавлялась», наблюдая за играми внуков, слушая их смех и забавные словечки. Она даже не думала жаловаться, когда двое детей покойного Леопольда, Алиса и Чарли, возводили вокруг ее ног картонные стены, пока она сидела за своим письменным столом. Ей нужно было попросить у них разрешения, чтобы встать. После смерти Брауна дисциплина при дворе упала. Дети Виктории стали охотнее приходить к матери на обед, а внуки, избавленные от традиционного: «Дорогой, поздоровайся с Брауном», безбоязненно входили в рабочий кабинет королевы.

Особенно она отличала старшую дочь Артура Маргарет: в свои четыре года девочка была страшно непослушной, но очень забавной. Ее кузины Шлезвиг-Гольштейнские, наоборот, были образцовыми юными леди. Их отец, принц Кристиан, не имевший никаких официальных обязанностей, занимался с ними немецким языком. Гувернантка-француз-женка учила их французскому языку, а мадам де Гонкур приходила два раза в неделю, чтобы давать им уроки французской литературы и французской истории. Они сами убирали свои постели и носили простые и строгие платья из темно-синей саржи.

Дочерям Алисы Виктория почти ежедневно писала письма, полные нежности, но также советов, а порой и упреков. Ей не нравилось, что Элла вышла замуж за великого князя Сергея, брата царя Александра III. Но та была очень счастлива со своим русским мужем. На ее свадьбе малыш Алики, которой было всего двенадцать лет, привлекла к себе внимание шестнадцатилетнего царевича Николая. Что до Ирены, то она собиралась замуж за своего немецкого кузена Генриха Прусского, сына Вики. В день их свадьбы на всех принцессах были бусы от их щедрой бабушки, которая на каждый день рождения дарила каждой внучке по крупной жемчужине, как раньше поступала со своими дочерьми.

Лишь у Луизы не было детей. После двухлетнего пребывания на американском континенте они с супругом вернулись в Англию. На поезде они проехали через все Соединенные Штаты до Сан-Франциско с его Чайна-тауном и поднялись вдоль западного побережья до Канады, где им устроили триумфальную встречу в городе Виктория. Пока де Лорн наблюдал за тем, как продвигается строительство тихоокеанской железной дороги, принцесса посещала школы и матчи по крикету и рисовала пурпурные деревья этой великолепной Британской Колумбии. Отпраздновав Рождество в Калифорнии, они вновь расстались. Луиза отправилась на Бермуды, а де Лорн в Вашингтон. Вернувшись в Европу, Луиза возобновила свои занятия живописью и скульптурой и путешествовала по Италии, а ее муж писал «Историю Канады». Ходили слухи, что де Лорн гомосексуалист, и этим никого нельзя было удивить. В 1872 году самый знаменитый преподаватель Итона Уильям Кори был со скандалом выдворен из этого престижного учебного заведения. Поэт и автор гимна «Eton Boating Song»^[127], он не любил женщин, а приглашал на пикники на природе своих самых блестящих учеников. Среди его любимцев были лорд Галифакс и его брат по прозвищу «Mouse»^[128], лорд Роузбери, будущий премьер-министр и поклонник Оскара Уайльда, а также белокурый и утонченный маркиз де Лорн, все это были достойные джентльмены, ни одному из которых не суждено было составить счастье женщины.

Но королева, верная принципам Альберта и англиканской церкви, даже слышать не хотела о разводе. Она поселила молодую пару в Кенсингтоне. Луиза сопровождала Викторию в художественные мастерские, где та заказывала статуи Брауна и Леопольда или очередной портрет кого-нибудь из внуков.

Королевская коллекция неуклонно пополнялась. Виктория завесила все стены портретами и пейзажами, заставила каминные доски фигурками из бронзы и фарфора, а покрытые скатертями столы — шкатулками и статуэтками собак и лошадей. К многочисленным подаркам, которые ей присылали к праздникам, дню рождения и Рождеству, добавлялись всевозможные трофеи, свозимые со всех уголков империи. Как и во времена Альберта, каждую вещь снабжали ярлычком, описывали и вносили в каталог. В Виндзорском дворце десятки шкафов ломились от ее сокровищ, большинство из которых были произведениями того стиля, который не отличался тонким вкусом и который навсегда станет символом эпохи, получившей название «викторианской».

На улицах выросли ряды похожих друг на друга домов из кирпича, более комфортабельных, но менее красивых, чем старинные особняки из тесаного камня, которые методично сносили. В моду вошла дубовая мебель, и в каждом доме непременно стоял столик, уставленный драгоценными вещицами в подражание королевским дворцам. И как в Бальморале, в интерьере домов для создания уюта стали использовать ковры с цветочным рисунком и шторы из «шотландки». На кресла начали надевать чехлы, а столы покрывать тяжелыми скатертями темных расцветок, ниспадавшими до самого пола. Стены, оклеенные обоями, тесно увешивали картинами поучительного содержания и семейными фотографиями. Королева проявляла к фотографии особый интерес. Она сильно изменилась со дней своей юности. Когда-то она вскрикивала от ужаса при взгляде на первые дагеротипы, на которых она выглядела совсем не так, как на портретах придворных художников, изображавших ее красавицей. Артур и Лео учились искусству фотографии у лучших мастеров этого дела. Она привыкла к своему «гнусному старому лицу» и не позволяла детям рвать фотографии, на которых она выходила не слишком привлекательно. «Я здесь такая, как есть на самом деле», — говорила она. Кстати сказать, она считала, что с возрастом ее лицо даже похорошело, что отметила и газета «Фигаро» во время ее визита в Париж в августе 1868 года: «Внешне королева выглядит гораздо симпатичнее, чем в молодости. У нее полное, слегка красноватое лицо. Ее нижняя губа, когда-то некрасиво оттопыренная, сейчас подобралась и стала изящнее. Она часто улыбается, хотя и сохраняет серьезный взгляд».

Ровно пятьдесят лет назад она взошла на английский престол, и у Берти появилась идея устроить по случаю юбилея пышные торжества, как недавно сделал его тесть, датский король. Мысль проехать в карете через Лондон сквозь шумную толпу пришлось королеве не по вкусу. Но маркиз Солсбери также считал, что монархии необходимо восстановить свой престиж, пошатнувшийся после поражения английских войск в Африке и Афганистане и беспорядков в Ирландии. А что можно придумать лучше, чем вид королевы-императрицы в кругу своего многочисленного семейства! Королева ни в чем не могла отказать своему верному премьер-министру, наследнику одного из самых древних и богатых родов королевства. На ее коронации пятьдесят лет назад Солсбери выступал в роли юного пажа.

Уже несколько месяцев Англия была занята шитьем флагов, обновлением фасадов зданий, чеканкой медалей и выпуском банкнот с изображением своей государыни. Чтобы быть в форме во время

утомительных официальных мероприятий, Виктория решила поехать на отдых во Францию.

1 апреля 1887 года она вместе с Беатрисой и ее супругом Генрихом Баттенбергским села на корабль, взявший курс на Шербур. Перед отъездом она согласовала все детали предстоящего юбилея: указала, какие воинские подразделения будут воздавать ей почести, распределила места в каретах и даже оговорила формат официальных фотографий.

В Каннах ее ждал Аффи. Будучи назначенным главнокомандующим Средиземноморским флотом, он жил теперь на Мальте. Он прибыл на своем адмиральском корабле, который стоял на рейде в бухте. Джорджи, сын Берти, служил под его началом и сопровождал его в этой поездке. Оба они стояли на перроне у ландо королевы, которое пожарные не без труда смогли втащить на территорию вокзала, чтобы ее величеству не пришлось делать ни одного лишнего шага.

Канны еще не оправились окончательно после недавнего землетрясения. Хотя жертв в результате его не было, но произведенные разрушения отпугивали туристов. Визит Виктории вновь привлек их на Лазурный Берег. Огромная толпа восторженными криками встречала ее кортеж, проследовавший по улице Антиб и бульвару Каннэ до виллы «Эдельвейс», принадлежавшей Августу Сейвилу, дипломату и брату английского посла в Риме. Мария, жена Аффи, тоже приехала с Мальты, чтобы повидаться с родственниками.

Вилла «Эдельвейс» находилась по соседству с виллой «Невада», где три года назад умер Лео. Отдохнув один день, королева, несмотря на дождь, посетила в воскресенье службу в церкви Святого Георгия. В память о Лео там был установлен его портрет.

В понедельник небо прояснилось, и Виктория отправилась на прогулку по окрестным холмам, покрытым розами и мимозой в цвету. Во вторник вечером мать с дочерью отбыли в Экс-ле-Бэн, оставив Генриха Баттенбергского, большого любителя парусного спорта, в компании Аффи.

Беатриса принимала лечение одна, без королевы. Со времени смерти Брауна та с трудом ходила, но по-прежнему не выносила теплые ванны. Она посетила термальные источники лишь в последний день перед отъездом. А так предпочитала кататься по окрестностям в своем миланском ландо. Кучер в коротких штанах и шелковых чулках украсил хвосты двух своих лошадей маленькими английскими флажками. Виктория была на седьмом небе от счастья.

В какой-то из дней она увидела на берегу озера до ужаса тощего ослика, которого вел за собой какой-то крестьянин. Животное проводило

проезжавшую мимо него королеву таким тоскливым взглядом, что сердце ее дрогнуло. Ослика звали Жако. Она спросила его хозяина, не согласится ли тот продать ей животное. Он утвердительно кивнул головой в ответ. Его ослик стоил 100 франков. Королева дала ему 200. На тучных пастбищах Виндзора Жако вновь обретет радость жизни и до самой смерти Виктории будет удостоен чести тянуть за собой королевскую коляску как в Англии, так и за ее пределами. Он стал талисманом двора и почти его членом, поэтому его брали с собой во все поездки.

22 апреля в восемь часов утра вилла «Моггэ» была разбужена серенадой, которую исполнял оркестр Тринадцатого полка альпийских егерей в честь дня рождения Беатрисы, праздновавшегося с недельной задержкой. Букеты цветов поступали в течение всего дня, некоторые были присланы из Ниццы.

На следующий день состоялась экскурсия в картезианский монастырь, расположенный в горах на высоте двух тысяч метров над уровнем моря. Ни один протестант не бывал там до них. Равно как и ни одна женщина, кроме императрицы Евгении, которая и посоветовала своей приятельнице Виктории посетить его.

Королеве представили двадцатитрехлетнего монаха-англичанина. «Он был очень красив и уверял меня, что ему очень счастливо живется в этом монастыре, где он находится уже пять лет», — рассказывала она в письме к Вики. Тишина, безмятежное спокойствие монахов, прохлада их келий и внушающая уважение строгость картезианского монастыря произвели на Викторию неизгладимое впечатление. Она даже почти забыла там о своей антипатии к католикам, которую она переняла у Альберта. Ничто не тронуло ее так, как комплимент кюре из Экс-ле-Бэна: «Вы, Ваше Величество, королева строгих моральных правил». Она даже решила приобрести имение где-нибудь в этой округе.

А юбилей между тем приближался. 28 апреля она села в свой поезд, держа в руках огромную охапку цветов: «Покой и свежий воздух оказали на меня самое благотворное влияние». Она была готова к длинной череде торжественных церемоний и празднеств.

4 мая Виктория приняла делегатов конференции по проблемам колоний. Из бесед с ними она узнала, что число ее подданных азиатского происхождения с девяноста шести миллионов выросло до двухсот пятидесяти четырех, а число англичан, проживающих в колониях, — с двух до девяти миллионов. Что в Канаде десятки городов, озер и мостов носят ее имя: «Ничто не могло заставить меня испытать большую гордость и большее счастье, нежели сведения о том, что лояльность моих подданных,

проживающих на отдаленных территориях, выросла пропорционально их успехам и процветанию». Все британцы мечтали сколотить себе состояние в каком-нибудь уголке империи.

10 мая королева устроила большой прием в Тронном зале Букингемского дворца. В платье со шлейфом, бриллиантовой короне, с бусами, брошью и серьгами с аметистами и бриллиантами, а также с лентой, усыпанной орденами, среди которых были орден Подвязки, орден Виктории и Альберта, орден Индийской короны, орден Королевского Красного Креста и орден Саксен-Кобурга и Готы, она сияла и демонстрировала прекрасное расположение духа. Целый час провела она на ногах, пока ей представляли юных барышень, дам и даже «несчастливых разведенных женщин», которых Альберт в свое время не желал видеть в Букингемском дворце, но она теперь считала, что это несправедливо по отношению к тем женщинам, чьи мужья были признаны виновными в «жестокости обращении с женами, уходе из семьи и адюльтере».

11 мая она держала с Солсбери «военный совет», на котором они в последний раз обсудили все детали этих празднеств, во время которых она станет центром мира. Огромный, тучный маркиз был самым деликатным из ее премьер-министров. Он никогда ничего ей не навязывал, а она никогда с ним не спорила. Время капризов и мнимых болезней миновало.

14 мая Виктория торжественно открыла «Народный дворец» — комплекс учебных и культурно-просветительных учреждений, о котором когда-то мечтал Альберт. В этот день королева проехала по Лондону десять километров. Шесть тысяч пятьсот восемьдесят один полицейский обеспечивал в городе порядок. Впервые в истории английский монарх совершал столь длительную прогулку по своей столице. И впервые же Виктория посетила рабочие кварталы Ист Энда. Была суббота. Погода стояла прекрасная. Сотни тысяч горожан вышли на улицы, чтобы поприветствовать свою королеву, удивленную и обрадованную тем, что так велика ее популярность. На фасаде лондонской богадельни висел плакат, на котором гигантскими буквами было написано: «Боже, благослови королеву! Пусть она почаще приезжает в восточные кварталы».

Со времени ее восшествия на престол Лондон удвоил число своих жителей, их стало четыре миллиона, и превратился в огромный современный столичный город. В нем больше не осталось старинных зданий за исключением Тауэра, где была выставлена диадема, в которой Виктория короновалась. Не войны разрушили старые дома, а архитекторы. На их месте выросли двух- и трехэтажные кирпичные здания, как две капли воды похожие друг на друга своими белыми портиками и опускными

окнами. Лондонский порт растянулся на десяток километров вдоль берегов Темзы. Сто пятьдесят судов ежедневно причаливали там или отчаливали оттуда. Каждый из девяти вокзалов имел свою большую гостиницу, в которой постоянно не хватало мест для все возрастающего количества приезжих. А лондонское метро, поезда которого ходили с интервалом в четыре минуты, перевозило более пятидесяти миллионов человек в год.

Лондонские пробки со всеми их двухэтажными трамваями, омнибусами и кебами вошли в поговорку. Велосипеды сновали туда-сюда в клубах пыли между лошадьми. Миллион англичан пользовался этим средством передвижения несмотря на туман вперемешку с угольной пылью, облаком накрывающий столицу, тот самый «смог», про который Виктор Гюго написал четверостишие:

*Ты в Лондоне, ты хочешь высморкаться,
Достаешь из кармана свой абсолютно черный носовой платок,
Сморкаешься и приходишь в ужас от этой английской копоти,
Что въелась в тебя до самой печенки.*

На тротуарах мальчишки бойко торговали самой популярной газетой в Англии — «Дейли телеграф», первой ежедневной газетой ценой в пенни, которая расходилась по двести пятьдесят тысяч экземпляров в день. Реклама еще только зарождалась, и крупные фирмы для продвижения своей продукции использовали имена своих венценосных клиентов, называя себя «эксклюзивными поставщиками королевского двора». Помимо всего прочего Виктория дала свое имя какао, Альберт — крему для бритья, а Бerti — ... виски. «Увенчанные короной головы украшают все этикетки соусов, соперничая с головами коров», — писал коммунары Жюль Валлес, нашедший убежище в Лондоне.

«Harrod's» и «Liberty's»^[129] распахнули свои двери для покупателей еще два десятилетия назад и с тех пор все разрастались и приукрашивались. Крупные магазины, шикарные бутики, дорогие частные гостиницы — вся роскошь Лондона — по-прежнему концентрировались в западной части английской столицы. Там же в определенные часы прогулок всадники назначали друг другу встречи на Роттен Роу, одной из аллей Гайд-парка, по которой лишь королева имела право ездить в карете.

Пятитысячной толпе, приветствовавшей ее внутри «Народного дворца», Виктория отвечала с непринужденностью, удивлявшей ее саму: «Мой горячо любимый супруг с безграничным удовольствием отметил бы

все те усилия, что были предприняты здесь для удовлетворения потребностей и развлечения трудящихся...» Кивком головы она подала знак Берти, чтобы тот предложил ей руку, и они прошли на закладку первого камня в фундамент Куинс-Холла. Тут в толпе кто-то засвистел, производя «ужасный шум», как скажет она Солсбери. Ей объяснят, что это всего лишь социалисты и ирландцы.

20 мая после еще нескольких официальных церемоний, стоивших ей много сил, королева вместе с Беатрисой отбыла на отдых в Бальморал. Там она отпраздновала свой день рождения, оделив персональными подарками каждого из своих слуг и членов королевского дома.

17 июня она вернулась в Виндзорский дворец, где ее ждали все съехавшиеся туда ее дети и внуки. Приехал даже Фриц, доставив ей тем самым огромную радость. У ее зятя была опухоль на голосовых связках, которая мешала ему говорить.

В Берлине болезнь наследника престола стала государственным делом. Месяц назад два немецких хирурга приняли решение произвести Фрицу трахеотомию, чтобы удалить опухоль. Вики, напуганная тем, что мужу собираются делать столь рискованную операцию, послала матери шифрованную телеграмму с просьбой срочно прислать к ней Макензи, знаменитого английского ларинголога. Макензи приехал вместе с Дженнером и с помощью акушерских щипцов, специально изготовленных по его инструкциям, извлек половину опухоли. Анализ ее клеток не подтвердил поставленного ранее диагноза — рака. Вилли же начал поговаривать о том, что будет представлять отца на юбилее своей бабки. Но теперь уже королева направила шифрованную телеграмму Дженнеру, написав в ней, что «по соображениям политического и семейного характера крайне важно, чтобы наследный принц смог приехать в Англию, даже если он и не будет участвовать в празднествах». Она не желала, чтобы молодой и спесивый Вилли заменял своего отца, столь любимого ею Фрица, который так трогательно относился к ней после смерти Альберта.

19 июня она позавтракала во Фрогморе и прослушала воскресную службу в мавзолее Альберта.

20 июня «Таймс» в своей передовой статье одним росчерком пера перечеркнула все те черные годы, на протяжении которых королева игнорировала свой народ и пренебрегала своими обязанностями: «Ни один конституционный монарх не относился с таким уважением к общественным свободам и не осознавал так ясно свой долг. Благодаря поведению самой королевы и благодаря тем мудрым советам, которые так часто помогали ей, монархия и сама государыня стали восприниматься в

стране по-новому».

Вечером, в прохладе Букингемского сада Виктория писала: «Великий день настал, а я одна...»

В этот вечер она ужинала в компании всех коронованных особ Европы: король Дании сидел по ее правую руку, король Греции по левую, а бельгийский король напротив. Начиная с немецкого кронпринца и кончая великим герцогом Гессенским и королем Саксонии, у нее собрались все те, чьи имена перечислялись в Готском альманахе, который она столько раз листала, подбирая женихов и невест своим детям. «Сегодня у нас большой семейный праздник», — гордо заметила она, перебирая своими пухлыми ручками в бриллиантах над уставленным золотой посудой столом.

21 июня в Вестминстерском аббатстве она слушала «Te Deum»^[130]. Возбуждение, радость и гордость толпы вызвали у нее воспоминания о другом торжественном событии — открытии Всемирной выставки 1851 года, ставшей триумфом ее дорогого Альберта: «Я сидела совсем одна (да, без моего горячо любимого мужа, у которого был бы такой повод для гордости в этот день), но все присутствующие благодарили Бога под музыку “Тедеума”, которую сочинил он, а хор исполнил его гимн “Гота”».

Она отказалась от кареты с застекленными окнами и поехала в открытом экипаже, который тянула за собой шестерка лошадей светлой масти, и впервые в ее эскорте были индийские конники. Перед ее каретой гарцевала кавалькада принцев, среди которых были три ее сына, пять зятьев, девять внуков и двадцать других родственников. Полмиллиона зрителей провожали восторженными взглядами этот кортеж, словно сошедший со страниц волшебной сказки. Самым красивым, самым внушительным и снискавшим больше всего восторгов был возглавлявший кортеж Фриц в своем белом мундире и серебряной кирасе. В своей каске с имперским орлом он возвышался над остальными принцами, скрывая свои ужасные страдания за безупречной выправкой, полной невыразимой грации.

Никогда еще мир не видел подобного праздника. Никогда еще ни у одной страны не было такого повода продемонстрировать свое богатство, свою мощь и свою национальную гордость. И никогда со времен Рима сокровища со всех концов империи не стекались в таком количестве в столицу.

И королева была первой, кто извлекал из этого пользу. Ее состояние, самое крупное в мире, невозможно было выразить в точных цифрах. Его оценивали примерно в 5 миллионов фунтов стерлингов. Она содержала всех своих детей, кроме Вики и Фрица, но никогда не допускала

бесполезных трат.

Вернувшись во дворец, она оделила всех своих дочерей брошками, а сыновей булавками для галстука. Обед начался в четыре часа дня, за ним последовал парад ее моряков, который она наблюдала с балкона дворца. В бальной зале дети преподнесли ей в подарок серебряный сервиз, а также она получила множество других, весьма экстравагантных подарков. Гавайская королева, например, прислала ей ее монограмму, изготовленную из перьев редких птиц: «Я совершенно без сил... Просто валюсь с ног». В спальню ее привезли в кресле-каталке.

Но на этот день ее славы для нее не закончился.

На торжественном ужине она появилась в затканном серебром платье, на котором сплелись воедино английская роза, шотландский чертополох и ирландский клевер, три главных символа ее королевства. Длинной вереницей прошли перед ней дипломаты со всего мира, индийские магараджи и бесчисленное множество других достойных особ, увешанных золотом, которые съехались сюда, чтобы пасть ниц перед английской королевой, а в это время ночное небо Лондона полыхало огнями бесчисленных фейерверков, а воздух содрогался от звуков фанфар, волюнок и скрипок.

На следующий день состоялся большой детский праздник. В Виндзоре сотни учащихся Итона, переодетых тамплиерами, устроили факельное шествие и шли, распевая гимн своей школы. Ранним утром в Гайд-парке разбили палатки, в которых тридцать тысяч детей бедняков под музыку военных оркестров получили по кружке молока, по булочке и по маленькому сувениру на память о юбилее. А когда с лужайки запустили в небо огромный шар, одна маленькая девочка закричала: «Смотрите! Это королева Виктория поднимается в небо!»

Глава 24

Никто больше не думал каким бы то ни было образом отравлять ей жизнь. Отныне никакие сплетни, критические выпады или скандалы никак не касались Виктории. Став императрицей Индии, она пожелала иметь у себя в услужении помимо шотландцев в килтах еще и индийцев в тюрбанах. Их экзотический вид вызывал у нее восхищение. Но ни в газетах, ни в клубах никто не высмеивал эти ее индийские фантазии. Красочная форма бенгальских конников, равно как и изящество и богатство украшений индийских магараджей, демонстрируемые ими во время праздничных шествий, распалили воображение англичан и вызывали у них чувство гордости. Индия была самой крупной жемчужиной английской короны, являвшейся предметом зависти всего мира и обогатившей множество младших отпрысков английских семейств.

Абдулу Кариму было двадцать четыре года. Он был стройным и красивым в отличие от толстого Магомета Букша, зато с лица этого последнего никогда не сходила улыбка. Виктория наняла их прислуживать себе за столом в июне, сразу после юбилейных торжеств, исключительно из-за их живописной внешности. Всего у нее будет семь индийских слуг, и начиная с 1893 года во время всех ее официальных передвижений по Лондону ее будет сопровождать эскорт из всадников в тюрбанах.

Красавец Абдул станет ее любимцем. Чтобы иметь возможность общаться с ним, она наняла ему преподавателя английского языка, а сама стала брать у Абдула уроки его родного языка. «Я выучила несколько слов на хиндустани, чтобы разговаривать с моими слугами», — записала она 3 августа в своем дневнике с энтузиазмом, вызывающим недоумение у ее неисправимо снобистского двора. «Я не понимаю, почему мы должны так носиться с этими индийцами», — недовольно ворчал Понсонби, которому королева также рекомендовала выучить их язык.

Ухудшившееся зрение не позволяло ей читать записки ее министров, зато она научилась рисовать буквы из алфавита хинди. Этот восточный язык заставлял так разыгрываться ее воображение, что она начала мечтать о поездке в Калькутту и Дели. Она коллекционировала индийскую мебель, разные безделушки и ткани.

Впервые она решилась изменить в Осборне то, что было возведено по плану, который когда-то начертал на бумаге карандаш Альберта. Она пристроила к дому новое крыло, в котором собиралась разместить большой

зал для приемов, отделанный под мрамор и украшенный резным деревом, его оформление она поручила выходцу из Индии, ученику отца Редьярда Киплинга, состоявшего хранителем музея в Лахоре. Эта гостиная, получившая название «Durbar»^[131], будет освещаться с помощью электричества. Там Виктория станет устраивать банкеты для своих венценосных гостей и будет встречать их, увешанная словно магарани драгоценностями, среди всех этих символов викторианской империи.

20 августа она составила пространный меморандум, подробно описав в нем, как ее индийские слуги должны одеваться: «Утром, во время завтрака на свежем воздухе они должны быть в новой тунике темно-синего цвета, а на время обеда надевать еще и *Pageri* (тюрбан) и пояс по своему усмотрению, но не золотой. Красную с золотом тунику, белый тюрбан и белый пояс следует надевать на время ужина. Если на улице холодно или идет дождь, завтрак следует накрывать в помещении. Кроме того, я могу пить чай во дворце, и они должны мне его подавать. Пока дни не стали слишком короткими, я часто беру чай с собой в карету, и в этом случае они должны дополнительно прислуживать мне еще и на прогулке. Идеальным было бы, чтобы они в течение получаса стояли наверху лестницы до того, как я выйду, чтобы вовремя отозваться на мой звонок. Они должны будут приносить мне письма и ящики с депешами, а также подавать мне чай вместо моих горничных. Если завтрак будет накрываться в помещении, они могут надевать какую-нибудь свою теплую одежду. Они не обязаны делать этого сразу, но постепенно должны будут привыкнуть к теплой твидовой куртке и брюкам, которые сошьют им в Бальморале, чтобы они могли выходить в этом костюме, когда не находятся на службе. Но индийскую моду им следует соблюдать. Они должны всегда носить свои тюрбаны. Чулки, носки, шерстяные перчатки и хорошую обувь для ходьбы им выдадут в Бальморале».

Она написала все это, потому что знала, что ее «честные» гилли во главе с Фрэнсисом Кларком не были лишены, впрочем как и все остальные ее придворные, расистских «предрассудков». В Осборне и Виндзоре она приказала отвести индийским слугам комнаты вдоль коридора, ведущего в ее покои. И очень переживала, что для них ничего не предусмотрели в Шотландии. Вскоре она отдала Абдулу комнату Брауна, что повергло старого доктора Дженнера в недоумение: «Я не верю в привидения умерших людей, но если бы верил, то вполне мог бы допустить, что в этой комнате живет одно такое привидение».

После двухмесячного отдыха в гостинице «Fife Arms»^[132] по

соседству с Бальморальским замком Фриц почувствовал себя лучше. «Дорогая моя, любимая мамочка... Вы, кто прекрасно знает, как я люблю Англию и Шотландию, вы можете представить себе мое счастье от того, что я поправил свое здоровье именно в вашей стране», — писал он теще накануне отъезда.

3 сентября вместе с Вики он отправился в Тироль, а затем в Венецию и Сан-Ремо, проигнорировав давление, которое на него оказывали, чтобы заставить вернуться в Берлин, где умирал его отец. Виктория писала дочери: «Чем хуже чувствует себя император, тем важнее, чтобы пошло на поправку здоровье Фрица».

Кроме немецких врачей в поездке его сопровождал и Макензи, которого королева, по просьбе Фрица, отрядила с ним. Между тем вновь подтвердился страшный диагноз — рак. В Берлине император настаивал на том, чтобы Фрицу сделали рекомендованную немецкими хирургами операцию. Пресса, подстегиваемая Бисмарком, не прекращала своих нападок на Вики, которая после своих первых родов доверяла лишь английским медикам. В ноябре Вилли прибыл в Сан-Ремо вместе с хирургом, которому его дед поручил уговорить Фрица на операцию. «Когда он только приехал, он вел себя со мной настолько грубо, неприятно и дерзко, насколько это вообще было возможно, но я проявила твердость, и он стал милым, нежным и любезным», — писала Вики матери. В конце концов 9 февраля Фрица прооперировали. А спустя месяц, 9 марта 1888 года, его отец, император Вильгельм I, умер.

В Берлине шел снег и было ужасно холодно. Виктория попросила Макензи отговорить нового императора от участия в похоронах в такую погоду, и Фриц наблюдал за траурным кортежем из окна своей спальни. Вот уже несколько недель он совсем не мог говорить. Берлинские газеты называли Макензи шарлатаном, ругали Вики и обвиняли английскую королеву во вмешательстве во внутренние дела немцев.

10 марта Берти и Алике отмечали свою серебряную свадьбу. Впервые королева переступила порог Мальборо-хауса, который она всегда считала гиблым местом. После праздничного обеда она осталась там еще и на ужин в узком семейном кругу и вернулась в Виндзорский дворец лишь около одиннадцати часов вечера. Она вдруг открыла для себя, что Берти очень мил и «забавен». Через три месяца она приедет к нему в Сандрингем, где проведет четыре дня. Принц Уэльский приказал переоборудовать там балльную залу в театр. Королеве показали мелодраму «Колокола», в которой было занято шестьдесят исполнителей, двое из них — Генри Ирвинг и Эллен Терри — были самыми знаменитыми комедийными актерами того

времени. Спектакль шел в сопровождении маленького оркестра. Поставили пьесу по книге «Польский еврей» Эркмана-Шатриана, под этим литературным псевдонимом творили два писателя-эльзасца, чьи произведения расходились как бестселлеры. Двум главным исполнителям была оказана невиданная честь — их пригласили на ужин с королевской семьей. И Виктория весело болтала с ними за столом.

21 марта, как и планировалось, королева отбыла во Флоренцию, где поселилась на вилле «Пальмьери», предоставленной в ее распоряжение графиней Кроуфорд. К ее приезду виа Боккаччо — улица, которая вела к вилле, была расширена, и на ней установили уличные фонари, а саму виллу покрасили снаружи и полностью переделали внутри. В ней оборудовали ванные комнаты и установили телефон.

Всюду радостно приветствуемая толпой королева посетила палаццо Питти, парки Боболи, Понте Веккио, который привел ее в полный восторг, а также многочисленные соборы и галерею Уффици, откуда Альберт во время своего пребывания во Флоренции вместе со Штокмаром в 1838 году выходил «одурманенным удовольствием». Она проехала мимо Каза-Гверини, где останавливался ее ангел, и послушала музыку в церкви Бадиа, исполнявшуюся на органе, на котором когда-то играл ее Альберт. У Виктории разыгрался ревматизм, и ей было трудно ходить, поэтому она лишь из коляски полюбовалась на Дуомо, но зато каждый день выезжала за город и даже доехала до Фиезоле, а также повидалась с королем и королевой Италии, королевой Вюртембергской, королевой Сербии и императором и императрицей Бразилии, причем лицо последней «показалось ей слишком смуглым».

Новости о состоянии здоровья Фрица были удручающими, и Виктория решила на обратном пути проехать через Шарлоттенбург, чтобы увидеться с зятем. Сообщение об этом визите вызвало бурю в Берлине и волнение в Лондоне. Премьер-министр опасался стычки королевы с Бисмарком, который по-прежнему выступал против брака Моретты и Сандро. Солсбери умолял Викторию взять с собой кого-ни-будь из министров. Но она ответила, что речь идет всего лишь о частном визите, что, впрочем, не помешало ей встретиться по пути, в Инсбруке, с Францем-Иосифом по его просьбе. Они пообедали в маленьком ресторанчике на вокзале, зал которого был празднично украшен в честь высоких гостей. В Мюнхене королева Баварии, носившая траур по своему сыну Людвигу II, покончившему жизнь самоубийством, преподнесла ей букет белых роз, таких, какие кладут в гроб покойнику.

В девять часов тридцать восемь минут утра она прибыла в Берлин, где

запретила устраивать в ее честь какие-либо официальные церемонии. Реакция немцев, которые встречались ей по дороге в Шарлоттенбург, была почти враждебной. Фриц принял ее, лежа в постели, и подарил ей букетик незабудок. Виктория прочла нотацию Вилли, которому следовало «добрее относиться к своей матери». И нанесла визит своей старой подруге, вдовствующей императрице Августе, превратившейся почти в приведение.

Бледный и больной Бисмарк прибыл к ней в полдень в закрытой карете несмотря на хорошую погоду. Он спросил у Понсонби, нельзя ли ему сесть в присутствии королевы. На сей раз уступить пришлось ей — она согласилась отговорить Моретгу от замужества с Александром Баттенбергским. Ей сообщили, что в Дармштадте Сандро влюбился в какую-то оперную певицу. Вытирая после их беседы лоб, Бисмарк воскликнул: «Какая женщина! Но с ней можно договориться!» Виктория попросила его представить ей свою жену, которую нашла «старой, мужеподобной и не очень симпатичной» (последнее слово она написала по-французски).

Вечером, во время торжественного ужина Бисмарк вновь целый час проговорил с королевой. В свои семьдесят три года он был как никогда огромным и толстым и как никогда ярким реакционером. Покидая Берлин, Виктория не смогла сдержать тяжкого вздоха при мысли о ее бедном Фрице: «Ну почему первыми всегда уходят самые лучшие...»

Она не поехала месяц спустя на свадьбу своих внука и внучки, Генриха Прусского и Ирены Гессенской. Фрицу хватило сил надеть в последний раз свою форму генерала померанских уланов, но из церкви его вывезли на кресле-каталке.

15 июня, после трех месяцев царствования, император Германии скончался в том самом замке, где он был так счастлив со своей Вики. Королева телеграфировала своему внуку Вилли, отныне императору Вильгельму II: «Мое сердце разбито... Помогите своей бедной матери и сделайте все, что сможете, для нее. Старайтесь следовать по пути, проложенному вашим отцом, самым лучшим и благородным из людей. Твоя бабушка К.И.В.».

Панцирь ее эгоизма дал трещину. Впервые со смерти Альберта на свете появилась женщина более несчастная, чем она сама! Едва его отец испустил дух, как Вилли приказал окружить родительский замок кольцом солдат, чтобы его мать не смогла вывезти никакие документы: «Дорогая моя, бедная моя девочка... На твою долю выпали еще более тяжкие испытания, чем на мою. Мне не пришлось увидеть, как другой занимает место моего любимого ангела. Думаю, что я не смогла бы этого

перенести!»

Доктор Макензи выставил королеве счет в 12 тысяч фунтов стерлингов за те тринадцать месяцев, что он провел рядом с Фрицем, «пожертвовав ради этого всей своей клиентурой». Он навсегда будет вычеркнут из списка придворных врачей за то, что предаст клятву Гиппократу, опубликовав брошюру под названием «Роковая болезнь Фридриха Благородного», в которой он обвинял немецких врачей в некомпетентности. Он дал одной голландской газете интервью, попавшее затем в берлинскую прессу. Вилли скажет по этому поводу: «Английские врачи убили моего отца, мне их вмешательство стоило руки, и все это произошло по вине моей матери, которая не доверяет немецким врачам».

Викторию «тошнило» при виде того, как юный император спешил на своей яхте на встречу с русским царем на Балтике, даже не дождавшись конца траура по своему отцу.

Помчался Вилли и в Вену, где отказался пожать руку своему дяде Берти.

На похоронах Фрица принц Уэльский поинтересовался у сына Бисмарка, правда ли, что покойный император собирался вернуть Эльзас Франции, Шлезвиг — Дании, а Ганноверский замок — английской королевской семье, о чем прошел слух. По своему обыкновению Бисмарк раздул из этого вопроса дипломатический инцидент. В своей пространной речи Вилли счел возможным заявить следующее: «Мы скорее пожертвуем на поле боя своими восемнадцатью армейскими корпусами и сорока двумя миллионами человек, чем отдадим хотя бы один своей камень!»

Берти пришлось сократить свое пребывание в Вене и уступить занимаемую им гостиницу Вилли, который обвинял дядюшку в том, что тот обращается с ним как с мальчишкой, а не как с императором. Королева писала Солсбери: «Мы всегда были в очень близких отношениях с нашим внуком и племянником, и требовать, чтобы в семейном кругу к нему обращались, как на публике, называя Ваше Императорское Величество, по меньшей мере глупо!.. С подобными идеями ему лучше бы никогда не появляться здесь».

19 ноября вместе с герцогом Кембриджским и немецким послом она встречала пароход, на котором прибыла в Англию ее старшая дочь, в трауре, с непросыхающими от слез глазами. Через день вся семья отмечала сорок восьмой день рождения Вики, и впервые за долгие месяцы окружающие увидели, как она улыбнулась.

Гладстон погрузился в свою Библию, королевство находилось в руках деликатного и предупредительного маркиза Солсбери. Англия и королева

чувствовали бы себя мирно и спокойно, если бы не начавшийся кошмар. В течение сентября и октября в одном из рабочих кварталов Лондона, Уайтчепеле, была зарегистрирована серия жестоких преступлений: кто-то убивал и расчленял тела местных проституток. Ответственность за каждое из этих преступлений брал на себя некий Джек Потрошитель, который хвастался перед журналистами и полицией очередным убийством и объявлял о следующем. Люди на улицах ждали выхода свежих номеров газет, в которых ежедневно печатались жуткие подробности.

Англичанам пришлось смириться с очевидным: их общество отнюдь не отличалось строгими моральными принципами и благопристойностью, которые старались привить ему пасторы после воцарения на престоле Виктории. Секс, кровь, нищета и тысячи проституток на улицах прекрасно уживались с пуританскими проповедями, женщинами в черных глухих платьях и изысканными джентльменами, лицемерно маскирующими свое развратное поведение и гомосексуализм хорошими манерами. Во всех душах поселился страх. Потрошитель, который бродил по ночам, крался по улочкам с блестящими от дождя мостовыми под тусклым светом фонарей, пряча под черным плащом запятнанные кровью ножи, мог оказаться соседом, придворным врачом или даже наследным принцем Эдди, посещавшим оргии в доме 19 по Кливленд-стрит и бордель гомосексуалистов, который содержал мистер Хаммонд. В пабах и клубах каждый выдвигал самые невероятные гипотезы. Серьезная газета «Нью-Йорк тайме» без обиняков нападала на Эдди: «Общественное мнение начало осознавать, что этот испорченный и недалекий юноша превратился в мужчину, которого отделяют от английского трона всего две жизни, и что это дебошир и темная личность». Годом ранее в книжных магазинах появились первые рассказы о Шерлоке Холмсе. И доморощенные детективы, вызывавшие восхищение обывателей, стали вскрывать ошибки, допускаемые профессиональными полицейскими. 10 ноября начальник лондонской полиции Чарльз Уоррен подал в отставку. Виктория выразила свое беспокойство по этому поводу в письме к Солсбери:

«Королева считает, что в тот маленький район, где были совершены все эти ужасные преступления, следует направить большое количество полицейских инспекторов, что каждую версию следует тщательно проанализировать и, если она окажется перспективной, начать по ней работать.

Обследованы ли грузовые суда, перевозящие скот, а также пассажирские пароходы?

Изучено ли огромное количество мужчин, живущих по одиночке в

своих комнатах? Убийца ведь должен же где-то прятать свою одежду, испачканную кровью.

Достаточно ли бдительны ночные патрульные?

Вот несколько вопросов, что пришли на ум королеве, когда она читала отчеты об этих ужасных преступлениях».

К счастью, в начале марта 1889 года, накануне ее отъезда в Биарриц, лондонский корреспондент «Фигаро» написал: «По всей видимости, Джек Потрошитель на некоторое время прекратил свои операции». Граф Ларошфуко предоставил в полное распоряжение королевы свой огромный дом на баскском побережье Франции, который перед ее приездом приказал заново покрасить. Королева уже останавливалась на вилле этого французского дипломата в Баден-Бадене, когда еще была жива Феодора. Над входом в дом, по просьбе Виктории, были подняты французский и английский флаги».

Королеву сопровождала свита из восьмидесяти человек, большая часть из которых остановилась в гостинице «Виктория». Огромный парк, окружавший «павильон Ларошфуко», позволял Виктории спокойно гулять там с Беатрисой и Лико, наблюдая, как огромные волны разбиваются о скалы. Она посетила древнее селение Фонтарраби, съездила в Ан-дай и Байонну. В Сен-Жан-де-Люз она вместе с мэром города зашла в дом, который в 1813 году занимал Веллингтон. Кроме того, она побывала на соревнованиях по баскской пелоте^[133]. Ей всегда нравилось смотреть, как сильные и красивые молодые мужчины занимаются спортом. В Осборне она приказала разбить теннисный корт и обожала наблюдать за игрой Артура и Лико, причем с видом знатока комментировала их игру и считала очки.

После того как к ней присоединились Луиза и де Лорн, она пересекла границу Франции с Испанией и доехала до Сан-Себастьяна, чтобы нанести визит регентше Марии-Кристине Испанской. В карете с откинутым верхом две государыни проехали под возведенными в их честь триумфальными арками, беседуя по-немецки. Во время своих зарубежных поездок Виктория никогда не упускала возможности встретиться с другими венценосными особами, и порой общение с ними наводило ее на мысль о подходящей партии для брачного союза кого-нибудь из ее внуков и внучек. Так, для дочери Беатрисы Эны, которой пока еще был год от роду, она присмотрела в мужья наследника испанского престола, будущего короля Альфонса XIII.

Когда 2 апреля она уезжала с баскского побережья, в Париже торжественно открывали Эйфелеву башню. Увы, королева сможет увидеть

ее только на фотографии. В августе она отправилась в Уэльс к шахтерам. И послала Берти телеграмму, полную упреков за то, что он никогда не был в «этом краю, принцем которого является и который находится всего в пяти часах езды от Лондона».

Отныне официальным встречам и политике она предпочитала семейные дела. В июне она пригласила к себе в Бальморал Моретту, та после разорванной помолвки с Сандро пережила несчастную любовь к великому князю Александру, от которой еще не оправилась: «Бабуля обняла меня и без конца целовала, единственное, на что мы обе были способны, это молча плакать». Все письма Виктории изобиловали замечаниями по поводу женихов ее внучек и даже сплетнями. В Майерлинге эрцгерцог Австрии Рудольф покончил жизнь самоубийством вместе со своей любовницей. Виктория писала Вики: «Мне рассказала Лили Ганноверская — а она узнала это от своей сестры, которая является близким другом императорской семьи, так что все это абсолютная правда, — что он пообещал отцу, что никогда больше не будет встречаться с мадемуазель Вечера. Нарушив данное им слово, он решил, что не сможет теперь показаться на глаза отцу, и поэтому покончил с собой».

Подыскивая невесту для Эдди, которому уже давно пора было жениться, она подумала о дочери Алисы Алики, той было семнадцать лет, и после того, как ее сестры покинули отцовский дом, она все чаще стала приезжать в Виндзор. Двоюродный брат обожал ее, но Алики, которую не интересовал никто другой, кроме русского царевича Николая, заявила, что «если ее заставят это сделать, она покорится». Добровольно же она ни за что не свяжет свою жизнь с наследником английской короны. Виктория писала Вики: «Она послала Эдди письмо, чтобы сказать ему, что любит его как брата, но никогда не была бы с ним счастлива и его не смогла бы сделать счастливым... Это говорит о необыкновенной силе ее характера, ибо таким образом она отказывается от самого высокого положения, какое только могла бы занять». По правде говоря, выбор ее ни у кого не вызывал удивления: Ники был очень хорош собой и безумно влюблен в нее, что выгодно отличало его от увальня Эдди, чей интеллектуальный уровень сильно недотягивал до среднего. Вики предложила ему в жены одну из своих дочерей, но Эдди счел ее недостаточно красивой. Каким бы глупым он ни был, а влюбился в Элен Орлеанскую, дочь графа де Пари, претендента на французский престол. Католичка Элен была готова поменять свою веру на протестантскую, и в августе 1890 года молодые люди встретились в Марлодж по соседству с Бальморальским замком, откуда собирались нанести визит бабушке Эдди. Виктория не устояла

против их романтического чувства и пообещала помочь им пожениться. Солсбери, находившийся на лечении в Ла Бурбули, пришел в ужас и отправил в Бальморал своего племянника Артура Бальфура. Королева не собиралась отступать, но граф де Пари запретил дочери менять веру.

Под белым навесом с зеленой бахромой Виктория в огромной шляпе на голове, укутанная в бесчисленные шали, проводила по шесть часов в день за своей перепиской под охраной огромной статуи Брауна. Отныне к ее дочерям прибавились внучки, которые помогали ей перебираться из одного кресла в другое и читали ей газеты, поскольку сама она никогда в жизни их не читала. Зрение ее все ухудшалось. Она жаловалась, что свечи стали светить не так ярко, как раньше, а от Солсбери и Понсонби постоянно требовала, чтобы они писали крупнее и только самыми черными чернилами.

Ежедневно она по часу беседовала со своим врачом, доктором Ридом, о своих недомоганиях. В 1889 году на службе у Виктории состояло три личных придворных врача, десять врачей по вызову, два акушера-гинеколога, два окулиста, один педиатр, четыре врача по вызову для придворных, один дантист и девять аптекарей. Ее массажистка из Экс-ле-Бэна раз в год приезжала к ней на две недели в Бальморал.

В декабре 1889 года королева поскользнулась в ванной и подвернула левую ногу. Но в целом, если не считать ревматизма, в семьдесят один год она чувствовала себя прекрасно. По мнению врачей, малоподвижность ее ног имела психосоматическую природу. После смерти Брауна она решила, что больше не сможет ходить, но в октябре 1890 года хвасталась, что дважды в течение одной недели танцевала кадрили: «У нас был чудесный маленький оркестр из восьми музыкантов, который играл с тем же задором, что и оркестры Штрауса...»

Многочисленный штат ее медиков больше занимался лечением придворных и членов ее семьи, чем ее самой. В конце года во время традиционной охоты Артур по неосторожности ранил своего зятя Кристиана Шлезвиг-Гольштейнского. Пуля попала мужу Ленхен в лицо, и тому пришлось удалить глаз. Беатриса родила еще одного ребенка, на сей раз мальчика. В декабре 1891 года внук Виктории Джорджи, брат Эдди, перенес тиф, от которого счастливо излечился.

В обязанности доктора Рида входило также лечить слуг и, главное, индийских слуг королевы. По этому поводу она составила для него памятку на пятнадцати страницах. «Она **для** них словно мать, усыновившая детей, оказавшихся вдали от своей родины», — говорил доктор. В Виндзоре у Абдула на шее образовался нарыв. Ему ставили компрессы. Дважды в день

Виктория навещала его в его комнате и поправляла ему подушки. Индийцы злоупотребляли ее хорошим к ним отношением. В 1889 году Абдул заявил, что он не слуга, и королева согласилась с ним: «Напрасно я заставляла его прислуживать себе за столом».

Возведенный в ранг Мунши, что соответствовало положению домашнего учителя, он стал безобразно вести себя по отношению к другим индийским слугам и вообще придворным, но королева постоянно защищала его. Летом 1889 года после одной из прогулок в карете у королевы пропала брошь. Это был подарок ее зятя Людвига Гессенского, и Виктория очень дорожила этой вещицей. Спустя некоторое время брошь обнаружилась у одного из виндзорских ювелиров, который уверял, что ему продал ее родственник Мунши.

Когда Виктории доложили об этом, она дала волю своему королевскому гневу: «Вот то, что вы, англичане, называете правосудием! Этот молодой человек является образцом честности и порядочности, он не способен ничего украсть, просто у индийцев существует обычай брать себе найденные вещи». И отказалась возвращаться к этой теме.

17 октября 1890 года Мунши сопровождал ее в Глассалт Шил. Она ни разу не была там после смерти Брауна. И осталась там на ночь в компании Беатрисы и двух горничных: Эмили Эмптхилл и Минни Кохрейн.

Столь же трепетно, как к индийцам, она относилась к своему отдыху во Франции, куда неизменно отбывала на Пасху, обычно в конце апреля. В 1890 году она в третий раз отправилась в Экс-ле-Бэн, где купила себе имение. Местный пейзаж напоминал ей Бальморал, а климат — Осборн летом. Но на этот раз ей настолько не повезло с погодой, что она решила больше туда не возвращаться. Через несколько лет она продаст там свое имение, равно как и шале в Баден-Бадене: «Содержание дома, находящегося так далеко и использующегося всего две недели в году, обходится слишком дорого». Она больше даже слышать не желала о баскском побережье: растительность там слишком скудная, а ветер слишком резкий. Теперь она была без ума от Лазурного Берега с его апельсиновыми деревьями, пальмами, кедрами, таким синим морем и такими душистыми цветами...

Весной 1891 года она побывала в Грассе. Вместе со своей свитой она заняла весь «Гранд-отель», откуда открывался чудесный вид на плантации роз, которые тянулись до самого моря. В ясную погоду оттуда даже можно было разглядеть Корсику. Для этой цели королева приобрела новейший бинокль, изобретенный астрономом Камилем Фламарионом.

В Каннах отдыхала вдова Лео, и Виктория нанесла ей визит. Но делала

все возможное, чтобы избежать встречи с братом Альберта, остановившимся неподалеку. Этот ужасный герцог Эрнест, который все никак не умирал, оказывал дурное влияние на сына Аффи, юного Альфреда, который жил в Кобурге. Чтобы королева могла спокойно гулять на свежем воздухе, Элис Ротшильд предоставила в ее распоряжение огромный парк вокруг своей виллы. Там была проложена специальная дорожка для коляски Виктории, которую тянул за собой Жако. Луиза с Беатрисой, но без матери, посетили выставку картин Фрагонара. А Виктория сокрушалась, что этот край оказался таким диким. Чуть позже она напишет Вики: «Должна признаться, что я очень люблю модные лавки и иностранные города. Мне там интересно». Плюс ко всему отдых в Грассе оказался подпорченным простудами и гриппом, доктор Рид сбился с ног, бегая от кровати одного больного к кровати другого. Элизабет, старшая горничная королевы, умерла в тридцать восемь лет от столбняка, которым заразилась, уколотившись иголкой. Королева лично следила за мельчайшими деталями похорон. Она не позволила, чтобы ночь перед погребением гроб с телом покойной простоял на кладбище: «Подобная мысль заставила возмутиться мою душу и тело». Она так горевала, словно речь шла о члене ее семьи.

В Лондоне Солсбери с аристократической небрежностью вершил дела государства. Виктория узнала, что под нажимом Берти апатичный Эдди решил попросить руки принцессы Мэй, дочери Марии-Аделаиды Кембриджской, весьма популярной в стране «толстухи Мэри», герцогини Тэксской и двоюродной сестры королевы. В ноябре белокурая Мэй держала экзамен в Бальморале. Вики, которая не оставляла надежды пристроить в невесты Эдди свою дочь, нашла девушку «легкомысленной». Но Виктория сочла ее вполне подходящей парой для своего внука: «Она не производит впечатления пустышки и хорошо воспитана». А Мэй волновалась: она совсем не знала своего жениха. Свадьба была назначена на 27 февраля, до нее оставалось четыре месяца. В декабре королева выделила им апартаменты в Сент-Джеймском дворце и повезла во Фрогмор, чтобы в его мавзолее получить «благословение Альберта».

Виктория надеялась, что новоиспеченный супруг будет более *discreet*^[134], чем его отец, поскольку Берти только что оказался замешанным сразу в двух скандалах, которые тут же раздула британская пресса, чья власть в королевстве была гораздо сильнее, чем власть всех государственных институтов. Два партнера Берти по картам устроили дуэль. Один из них обвинил другого в мошенничестве, и Берти пришлось давать показания в суде, а газеты тут же воспользовались представившейся

возможностью упрекнуть в праздности принца Уэльского, чья жизнь целиком была посвящена азартным играм и женщинам. Из Берлина Вилли прислал дяде нравоучительное письмо, в котором корил его за то, что он садится за карточный стол «с партнерами, годящимися ему в сыновья».

Виктория жаловалась Вики на то унижение, что ей довелось испытать «при виде того, как будущего короля валяют в грязи (уже во второй раз)». И словно ему было этого мало, Берти еще влюбился в леди Брук, бывшую любовницу лорда Бересфорда. Получивший отставку любовник выдвинул ультиматум: либо Берти забывает леди Брук, либо вся эта история становится достоянием прессы. Королева в отчаянии умоляла лорда Солсбери договориться с разгневанным лордом. А Алике была так рассержена, что даже отказалась присутствовать на праздновании пятидесятилетия Берти, который так часто забывал о том, что является ее мужем.

4 января Эдди собирался устроить в Сандрингеме прием по случаю своего дня рождения, ему исполнялось двадцать восемь лет. Мэй была приглашена на него вместе со своими родителями. За день до торжества принц, простудившийся на охоте, слег с сильнейшим гриппом. Меньше чем через неделю у него начался бред, он звал Элен, свою бывшую невесту-француженку. 14 января он скончался.

Королева в это время находилась в Осборне, и ее врачи не советовали ей ехать на похороны внука. Они опасались, что она тоже может заболеть гриппом. Журналисты ломали себе голову, придумывая, что бы написать в некрологе. Никто не находил у наследного принца ни одного достоинства, кроме, пожалуй, некоторого добродушия. Смерть увенчала никудышного жениха ореолом славы, которой он никогда бы не снискал, оставшись в живых. Фотография бедняжки Мэй, склонившейся над его гробом, чтобы возложить венок из флёрдоранжей, который она собиралась надеть на свадьбу, появилась на первой полосе всех газет. Англия заливалась слезами.

«После болезни Джорджи на нас посыпались все несчастья!» — писала королева Вики. Она только что узнала, что у Людвига Гессенского случился инсульт. 13 марта ее зять умер: «Милый, старый Дармштадт, прекрасный дворец и дивные прогулки; мой дорогой Людвиг возил меня всюду, где, как ему казалось, мне должно понравиться, он сидел либо рядом со мной, либо правил каретой, запряженной четверкой лошадей, он так любил это делать; и еще эти чудесные застолья в кругу семьи по вечерам и т. д., сколько же удовольствия, сколько удовольствия...»

Ее поездка на Лазурный Берег была запланирована на следующую неделю. Королева не стала переносить ее. Ей хотелось погреться на

солнышке, и она уехала на юг с Беатрисой и Патрицией Коннаутской, дочерью Артура. Из-за траура на всем протяжении пути на окнах ее поезда были опущены шторы. «Индийцы привлекали к себе всеобщее внимание. Они были одеты в удлиненные туники гранатового цвета, расшитые золотом, на груди у каждого сияла вышитая императорская корона, над которой переплетались буквы V.I.R.^[135]. Панталоны и пояса на них были белыми, а тюрбаны светло-желтыми», — писал корреспондент «Фигаро».

Она поселилась в четырех километрах от Йера, в Костебеле, давно облюбованном англичанами, у которых там была даже своя англиканская церковь. Гостиница оказалась скромной, но с просторными комнатами и полами, устланными ковром в красно-коричневых тонах, это была «ее любимая расцветка», как уверял журналист «Фигаро». Медные кровати англичане привезли с собой из Виндзорского дворца, а соседний Йер предоставил в распоряжение королевы свои сады и парки: «Самым большим из них был филиал Ботанического сада Булонского леса. Там разводили комнатные растения и выращивали раннюю клубнику, которую поставляли в Париж». Восемь лошадей и ослик Жако уже поджидали свою венценосную хозяйку.

Виктория отменила все официальные мероприятия. Артур с женой Луизхен остановился по соседству от матери в гостинице «Альбион». Генрих Баттенбергский вскоре должен был прибыть туда на своей яхте «Роксана». Апартаменты Беатрисы, в которых помимо всего прочего был и музыкальный салон с полным набором музыкальных инструментов, располагались под апартаментами Виктории.

Покидая морское побережье, королева нанесла визит лорду Солсбери в его замке «Бастида», расположенном в Болье. Ее поезд повез ее в Германию, где она собиралась посетить Дармштадт и, главное, напомнить Эрни, новому великому герцогу Гессенскому, о «его обязанностях». Обожавший живопись и поэзию Эрни, получивший прозвище «Красный герцог», как и его старшая сестра, отличался прогрессивными взглядами. Его бабушка считала, что в двадцать четыре года внуку пора жениться. Жена поможет ему справиться с ролью монарха. А в жены королева прочла ему его двоюродную сестру Даки, дочь Аффи.

В Англии либералы набирали очки. В свои восемьдесят три года Гладстон был популярен как никогда прежде. Даже за границей «Great Old Man» (Великий старец), или сокращенно G.O.M., снискал восторженное отношение к себе журналистов. Новые выборы должны были состояться в июле, и, увы, на сей раз тоже избирательная кампания либералов велась с большим размахом, с частыми и многочисленными митингами. В Эдинбурге

Роузбери произнес речь, которую королева сочла «почти коммунистической».

В результате случилось худшее из того, что можно было представить себе. После череды потерь близких ей людей Виктории вновь пришлось ставить во главе правительства своего злейшего врага. Но на этот раз она уполномочила Понсонби передать ему, что она будет «решительно отстаивать все, что касается чести, достоинства и безопасности обширной империи, которая ей доверена и которую она намерена передать в целости и сохранности своим детям и детям своих детей». И добавила, что она собирается сменить премьер-министра, но не политический курс. В своем дневнике она записала: «Мне кажется, это вина нашей несовершенной конституции, хотя она и признана за образец во всем мире, что я должна расстаться с прекрасным правительством, каким было правительство лорда Солсбери, хотя никаких жизненно важных показаний к этому нет, как нет и никаких особых причин, кроме результатов выборов». Она не видела в этом никакого противоречия. Виг Мельбурн проводил в жизнь консервативную политику. Пальмерстон начинал свою карьеру, будучи членом партии тори, а затем стал либералом. Пиль был лидером тори, когда боролся за введение свободной торговли. А хамелеон Дизраэли вообще множество раз менял свои позиции.

Гладстон же, увы, не собирался отказываться от своей программы: гомруль для Ирландии и реорганизация палаты лордов, не желавшей принимать этот закон.

Виктория находилась в Осборне, когда Солсбери подал ей в августе прошение об отставке. Пароходы курсировали туда-сюда с новыми и старыми министрами. «Я никогда не забуду свою последнюю встречу с королевой в мою бытность министром», — записал в своем дневнике верный соратник Дизраэли семидесятивосьмилетний Гаторн-Харди. Протягивая ему руку для поцелуя, королева разрыдалась. Она в очередной раз не смогла сохранить нейтралитет, как предписывалось ей правилами. Она писала лорду Лансдауну, вице-королю Индии, что она «более чем когда-либо чувствует необходимость опираться в Индии на такого здравомыслящего человека, каким является вице-король... Поскольку великие интересы государства, империи и Европы вверены в дрожащие руки злобного старика, который потерял чувство реальности... Это ужасное испытание, но, благодарение Богу, оно не должно затянуться надолго. Среди нового большинства уже произошел раскол, и всё теперь будет зависеть от того, как проголосуют ирландцы».

Она страшилась ветра перемен, гулявшего по стране. Новый военный

министр Кэмпбелл-Баннерман считал недопустимым оставлять на посту главнокомандующего британскими войсками герцога Кембриджского, занимавшего это место со времени своего возвращения из Крыма в 1856 году. А его коллеги-министры протестовали против дополнительной работы, возложенной на их секретарей: королева отказывалась принимать документы, отпечатанные на машинке. Следовало подавать ей бумаги только в рукописном виде, поэтому секретари были вынуждены переписывать все документы.

А Виктория между тем обсуждала со своими министрами лишь вопросы второстепенной важности. Она совсем потеряла интерес к политике и предоставила Гладстону возможность решать все проблемы с Понсонби, исповедовавшим либеральные взгляды, впрочем, как и почти все при дворе. Премьер-министр сохранил список тем, которые он затронул во время аудиенции, данной ему королевой в ноябре:

1. Вопросы к королеве о ее здоровье.
 2. Туман в Лондоне и Виндзоре.
 3. Придворный поэт Уильям Ватсон.
 4. Вдовствующая герцогиня Сазерленд.
 5. Румынская свадьба: дочь Аффи Мисси должна выйти замуж за Фердинанда Румынского.
 6. Лорд Актон: королеве его пока еще не представили...
 7. Состояние здоровья леди Кимберли.
 8. Правда ли, что один из племянников миссис Гладстон до сих пор преподает в Итоне?
 9. Настоятель Уэлсли.
 10. Настоятель церкви в Питерсборо.
 11. Состояние здоровья епископа Рочестерского.
 12. Бедственное положение сельскохозяйственных рабочих (ее величество, казалось, была склонна винить во всем «огромный импорт»).
 13. Создание комиссии по этой проблеме (не пожелала).
- Ни одного принципиального вопроса затронуто не было.

Гладстон называл эти аудиенции «очковтирательством». Для королевы «очковтирателем был он». Она никак не хотела смириться с тем, что он, будучи в таком преклонном возрасте, все еще оставался самым популярным человеком в королевстве.

Но в течение двух лет Гладстону так и не удалось урегулировать ирландскую проблему. Долгие месяцы писал он текст своего закона. Когда его министры начинали терять терпение, он отвечал им: «Я размышляю». Он стал чаще ездить во Францию: в Париж, Канны, Биарриц, уверяя, что

все равно слышит теперь не больше половины из того, что говорится во время парламентских дебатов. Принятый палатой общин гомруль был отвергнут палатой лордов после восьмидесятидвухдневного бурного обсуждения. Отказавшись увеличить финансирование флота, «Великий старец» вызвал недовольство всех своих министров. Сославшись в очередной раз на свой возраст и свои болезни, 2 марта 1894 года он подал в отставку, поскольку мало иметь благородные и смелые идеи, нужно иметь еще определенную ловкость, чтобы заставить политический мир принять их. Гладстон же был чересчур прямолинейным, чересчур уверенным в избранности своей миссии. В Ирландии так и не суждено было воцариться миру.

Королева пожелала Гладстону «тишины и покоя». А он с горечью заметил: «И это все, что мне осталось после пятидесяти одного года, что я заседал в Тайном совете Ее Величества». Его сменил лорд Роузбери, блестящий аристократ, но дилетант в политике. Он был мужем покойной Ханны Ротшильд, дальней родственницы Элис и Фердинанда Ротшильдов, с которыми Виктория была очень дружна, а еще он был лордом. Но это не помешало ему в своей речи в Брэдфорде критиковать палату лордов, назвав ее «настоящим национальным бедствием». В тронной речи королевы он написал: «Палата лордов больше никого и ничто не представляет». Королева, уверенная в том, что монархия не выживет без своих благородных лордов, пожелала убрать эту фразу. Но премьер-министра в этот момент больше всего занимало дерби, которое он уже дважды выигрывал.

Всё джентри^[136] с нетерпением ждало этих скачек, знаменовавших собой закрытие лондонского сезона. Королева была единственным человеком, чья нога ни разу не ступала на ипподром. Она предпочитала музыку и театр.

В Лондоне насчитывалось более сорока театров, зазывавших к себе зрителей ярко освещенными фасадами. Королевская семья не пропускала ни одну из больших премьер. После смерти Альберта Виктория прекратила свои походы в театр, но очень по нему скучала. Поэтому, когда появлялась какая-нибудь пьеса или опера, пользующаяся успехом, она приглашала труппу к себе в Виндзорский дворец, где в театральный зал превращалась просторная галерея Ватерлоо.

6 марта 1891 года королева посмотрела «Гондольеров» Гилберта и Салливана, а спустя две недели мелодраму «Пара очков». В 1892 году сэр Август Харрис показал ей оперу «Кармен», шедшую в лондонском Ковент-Гарден. Эта опера была создана во Франции еще двадцать лет назад, но

королева слушала ее впервые. История этой страстной любви привела ее в полный восторг. Она назвала Кальве «великой актрисой и великолепной певицей». На следующий год французская оперная дива вновь приедет в Англию, чтобы спеть перед королевой в «Cavalleria Rusticana»^[137] и в «Друге Фрице», а затем в 1894 году — в юношеском произведении Гуно «Филемон и Бавкида» и в опере Массне «Дочь Наварры», в которой королева вновь нашла Кальве «просто великолепной». Внучка Феодоры подарила ей бюст француженки, который изваяла собственноручно, и две маленькие статуэтки дивы в роли Кармен.

В марте 1893 года знаменитый актер Генри Ирвинг, любитель Шекспира и директор самого известного лондонского театра «Лицеум», привез ей спектакль «Беккет», переписанный ее любимым поэтом Теннисоном. Будучи на гастролях в Лондоне, «Комеди Франсез» сыграла в Виндзорском дворце водевиль Мейлака и Галеви «Лето в Сен-Мартене», а на следующий день — мелодраму Эмиля Жирардена «Пугающая радость». Знаменитый Коклен, создатель Сирано, читал ее величеству монологи из своих произведений. Она и в Шотландии не обходилась без представлений. В 1894 году труппа «Хеймаркета» приехала на гастроли в Шотландию и дала два спектакля в Бальморальском замке. На следующий год актеры Сент-Джеймсского театра играли для нее там «Liberty Hall»^[138]. Никто раньше не видел, чтобы она так от души хохотала.

В 1895 году она пожаловала Ирвингу рыцарское звание. Впервые подобной чести удостоили актера. На торжественной церемонии, произнеся предписанные протоколом слова, королева добавила: «Я так довольна, так довольна».

Лико, муж Беатрисы, любил театр не меньше своей тещи. Он сам ставил пьесы и живые картины и сам же в них играл вместе с женой, ее сестрами, придворными и даже индийскими слугами. От принимаемых ко двору новых фрейлин требовалось не только умение играть на пианино и петь, но и играть на сцене. Ничто не доставляло Виктории такого удовольствия, как наблюдать за репетицией и высказывать свое мнение. В 1893 году Луиза играла роль буфетчицы в классической пьесе Голдсмита под названием «Ночь ошибок, или Унижение паче гордости», и по ходу действия Фриц Понсонби брал ее за подбородок. Виктория послала ему записку с замечанием, что ему не следует заходить так далеко. На следующий день Фриц остановился в двух шагах от Луизы, после чего получил новую записку: на сей раз он стоял слишком далеко. Звездой придворного театра был гомосексуалист и остролов Йорк. Луиза обожала

его. Королева тоже. Это ему она бросила однажды свою знаменитую реплику: «We are not amused»^[139]. Дело было в том, что как-то во время ужина Йорк, сидевший на другом от королевы конце стола, рассказал анекдот, который рассмешил его соседей, но который не слышала Виктория. А она терпеть не могла оказываться в стороне от разговоров и веселья. Ее внук Вилли, император Вильгельм II, сохранит в памяти образ своей бабушки, сильно отличавшийся от того сурового образа, что вошел в легенду, он запомнит ее хохочущей за столом до слез: ее сосед адмирал Фоули рассказывал ей о кораблекрушении своей яхты. Королева выслушала его и поинтересовалась, как дела у его сестры. Тугой на ухо адмирал решил, что она продолжает разговор о яхте, и ответил: «Я перевернул ее и, хорошенько осмотрев днище, приказал отдраить его как следует». Ее внучка Алиса также подтвердит: «Да, бабушка обожала веселиться. Было множество вещей, способных вызвать у нее смех. Я помню, как она в буквальном смысле слова задыхалась от бешеного хохота...»

Именно с Йорком королева однажды вечером исполнила дуэт из музыкальной пьесы Гилберта и Салливана.

Он спрашивал ее: «Красавица, хочешь пойти за меня замуж?»

А она, пропев в ответ своим сопрано: «С великой радостью, мой господин», сделала паузу, чтобы сказать ему: «Вы знаете, ведь я брала уроки пения у Мендельсона».

Если бы у нее была такая возможность, она стала бы замечательной актрисой. Когда ей было восемнадцать лет, весь двор с удивлением наблюдал за тем, как чудесно она играет свою роль юной королевы. А почти в семьдесят пять лет она с таким мастерством обставляла свои появления на публике, что приводила в восторг толпы соотечественников и иностранцев.

Во Флоренции леди Паджет записала в своем дневнике: «Как правило, королева заставляет свою карету ждать себя в течение часа. Наконец она появилась после того, как в ее экипаж было погружено несчетное множество одеял, шалей, зонтиков и принадлежностей для рисования. Сбоку от кареты опустили лесенку, застеленную ковром, и седовласый шотландец с одной стороны и индеец в лимонно-желтом тюрбане с другой, поддерживая пожилую леди под руки, помогли ей сесть в просторное ландо. Затем туда же поднялись остальные дамы, и рослый шотландец захлопнул дверцу кареты, а индеец своими изящными смуглыми руками в это время расправлял над лицом королевы газовую вуаль. Своим молодым серебристым голосом она крикнула: “К Понте Веккио!”» Ее слуги в килтах или тюрбанах составляли часть ее декора и работали на ее легенду.

На следующий год один флорентийский фотограф выставит в витрине своего ателье монтаж из девяти фотографий Виктории, в центре поместив снимок Мунши, о котором наперебой писали все газеты. Как когда-то в Шотландии с Брауном, слухи распространялись быстро, и прохожие уверяли друг друга, что английская королева влюбилась в индийского раджу.

Она вернулась на родину, чтобы присутствовать на свадьбе своего внука Джорджи и Мэй Текской. Это Виктории первой пришла в голову мысль выдать несчастную невесту Эдди за его брата, новоиспеченного наследника престола. Она вынашивала эту мысль с момента смерти Эдди. Алике не возражала. Ее сестра Дагмара вышла замуж за русского царя Александра III после того, как на Лазурном Берегу умер от туберкулеза его старший брат, с которым она была помолвлена. Царь прислал вместо себя в Англию своего сына Николая, Ники, который был до такой степени похож на жениха — своего двоюродного брата, — что их можно было перепутать. Они сфотографировались вместе, и Виктория будет бережно хранить это фото.

На регате в Каусе яхта Вилли вновь оставила позади «Британию» Берти. Разъяренный принц Уэльский заявил, что никогда больше не будет участвовать в этих регатах, которые «подмял под себя Вилли». А тщеславный германский император желал заиметь собственные колонии. В 1895 году Лондон и Берлин поделили между собой две высочайшие вершины Африки: Килиманджаро и Кению. Не принимая в расчет исторически сложившийся уклад жизни местных племен, границу между английской Кенией и германской Танзанией провели таким образом, чтобы и Вилли, и его бабушка получили в свое владение по горе, увенчанной вечными снегами.

Возвращаясь из своей третьей поездки во Флоренцию в апреле 1894 года, королева заехала в Кобург, где должна была состояться долгожданная свадьба ее внука и внучки. Эрнст Гессенский женился на своей двоюродной сестре Даки при таком стечении венценосных особ, какого никогда еще не случилось на европейском континенте. Виктория не смогла сдержать слез, когда новобрачные произносили клятву верности в розовой дворцовой церкви в стиле барокко. За алтарем возвышалась кафедра, с которой Альберт внимал строгим лютеранским проповедям, а за ней виднелся орган, на котором ее горячо любимый ангел играл фуги Баха. Она вернулась в Кобург впервые после восемнадцатилетнего перерыва. Для ее удобства в замке провели лифт, доставлявший ее прямо в ее покои.

Ее Мунши ни на минуту не оставлял ее, что совсем не нравилось ее

сыну Аффи. Когда-то он уже ругался с матерью из-за Брауна. Он заявил Понсонби, что не желает видеть индийца в церкви среди гостей. Виктория была возмущена. Отправленный на галерку вместе со слугами Мунши оскорбленно удалился и послал королеве гневную записку, из-за которой она долго плакала. Она предоставила в его распоряжение отдельную коляску с кучером, чтобы он мог разъезжать по окрестностям, словно знатная особа.

А еще она расплакалась от умиления, когда Алики пришла к ней, чтобы представить ей своего жениха, которого называла «цесаревичем». Ники привез с собой русского попа, и тот должен был обратить его невесту в православную веру. В июле вся семья вновь собралась на крестинах новорожденного сына Джорджи и Мэй. Малышу дали семь имен: Эдуард, Альберт, Кристиан, Георг, Эндрю, Патрик и Дэвид. Звать его будут Дэвидом. Он получит титул герцога Виндзорского и в 1936 году отречется от престола. Церемония крещения состоялась в королевской церкви Сент-Джеймского дворца, где когда-то венчалась Виктория и где она ни разу не пожелала появиться после того, как овдовела.

Королева позировала фотографу вместе с тремя поколениями наследников престола: Берти и Джорджи стояли за ее спиной в одинаковых жемчужно-серых рединготах, с одинаковыми белыми цветками в бутоньерках. У них были одинаковые усы и одинаковые бородки клинышком. Берти не отличался высоким ростом, но Джорджи был еще ниже. От отца он унаследовал заикание, от которого никогда не сможет избавиться. Королева, сидя в кресле, обтянутом штофом, держала на коленях Дэвида в длинной крестильной рубашке белого цвета и с умилением смотрела на него. Он родился в тот самый день, когда во Франции неким итальянцем был убит президент Карно: «Какой ужасный контраст. Это так похоже на убийство Генриха IV. Нельзя было подпускать толпу так близко к карете. Это опасно».

Теперь количество ее правнуков и правнучек дошло до двадцати одного, и все они звали ее «ба-ба». Порой в один день в семье отмечали сразу пять дней рождения. Крестины и свадьбы следовали друг за другом в бешеном темпе, и все это было сопряжено с подготовкой приданого, составлением списка гостей и бесчисленными подарками. Ники привез своей невесте кольцо и бусы из крупного розового жемчуга, браслет с огромным изумрудом, брошь, усыпанную бриллиантами и сапфирами, и жемчужную подвеску, изготовленную специально для нее Фаберже. Как и ее бабка, Алики обожала драгоценности. Виктория не смогла удержаться от замечания внучке: «Ты не слишком-то воображай!»

Осенью русский царь умер, и Виктория «содрогалась» при мысли, что такому нежному юноше с такими чистыми голубыми глазами придется взойти на престол. Ники было двадцать шесть лет, и он часто повторял: «Я никогда не хотел быть царем». Единственным утешением было то, что жених с невестой нежно любили друг друга, и растроганная Виктория забыла свою ненависть к русским и согласилась с Роузбери, что этот союз сможет наконец улучшить отношения Англии с Россией.

Свадьбу сыграли 26 ноября в Санкт-Петербурге. В этот вечер королева дала в Виндзорском дворце большой праздничный ужин и провозгласила тост за «императора и императрицу, мою дорогую внучку». За ее спиной стояли ее индийские слуги. Это они теперь переносили ее из комнаты в комнату в золоченом кресле, словно магарани.

В Бальморале Виктория подарила Мунши дом: Карим-коттедж. И подарит еще два: Фрогмор-коттедж в Виндзоре и Артур-коттедж в Осборне. Индеец привез в Англию свою жену, «толстую, но вполне симпатичную, со светло-шоколадным цветом лица, роскошно одетую, с кольцами на руках и в носу, с маленьким зеркальцем, оправленным в бирюзу и надетым в виде перстня на палец, всю увешанную цепочками, браслетами, серьгами. На голове ее было розовое покрывало, густо затканное золотом, а все тело обмотано кусками шелковой и атласной ткани», — записала в своем дневнике одна из придворных дам. А другая не удержалась от возгласа: «Можно подумать, что мы находимся в пригороде Калькутты!»

Вице-король Индии написал королеве, что не сможет больше посылать ей депеши конфиденциального характера, если она будет продолжать показывать их своему Мунши. Виктория желала, чтобы министерство иностранных дел нашло для него официальную должность. Но наткнулась на категорический отказ. И успокоилась, назначив его своим помощником по вопросам, касающимся Индийской империи.

Эта зима была необычайно холодной. В феврале в Лондоне шел снег, а температура в некоторых районах Англии опускалась до двадцати двух градусов мороза. Когда 13 марта королева садилась на корабль, чтобы отплыть в Шербур, луга в Осборне были подернуты инеем. Через два дня ровно в шестнадцать часов, «не опоздав ни на минуту», королевский поезд прибыл в Ниццу. «Гранд-отель» в Симьезе был полностью готов к приему королевы, там провели новый лифт и в апартаментах, предназначенных для Виктории, побелили известью стены. Это она приказала ободрать с них обои. А также построить новую конюшню для Жако и сарай для ее экипажа. Погода стояла чудесная, а из окон гостиницы открывался вид на бухту Ангелов, самый прекрасный вид в мире.

Чтобы любопытные могли без особого труда подняться из Ниццы в Симье, по этому маршруту пустили электрический трамвайчик. Ежедневно толпы людей устремлялись туда в надежде увидеть королеву. На ужин в день приезда Виктории французский шеф-повар предложил ей «очень простое», по его словам, меню. В него входило всего восемь блюд: протертый рисовый суп на сливках, морской язык, жареная корюшка, битки из дичи с трюфелями, филе ягненка со спаржей, жаркое из утки с зеленым горошком, шоколадный пудинг и клубничное мороженое.

Четверо шотландцев в килтах и пятнадцать индийцев в желтых тюрбанах составляли часть ее свиты, насчитывающей около сотни человек. Ее придворные дамы никогда еще не видели ее в таком прекрасном настроении и добром здравии.

21 марта она наблюдала «Битву цветов» на Английском променаде. Беатриса и внучка королевы Виктория Шлезвиг-Гольштейнская уже поднялись на гостевую трибуну, когда сама она подъехала туда на своей коляске под звуки исполняемого в ее честь гимна «Боже, храни королеву». Она прямо из своего экипажа смотрела на проезжавшие мимо повозки, изукрашенные цветами. Она не желала больше подниматься и спускаться по ступенькам лесенки своей кареты. С места на место ее переносили теперь только на руках.

Девушки в национальных костюмах и соломенных шляпках, бросавшие пригоршнями розовые лепестки в толпу и распевавшие национальные провансальские песни под восторженные крики зрителей, просто очаровали ее. Веселье, яркие краски и насыщенные ароматы Ниццы покорили ее сердце. Она всегда любила цветы, любила их едва ли не больше бриллиантов. Каждый вечер одна из придворных дам поджидала королеву у входа в ее апартаменты с букетом цветов, который она преподносила ее величеству и который та неизменно ставила на свой стол, накрытый к ужину, справа от своей тарелки.

Она возвращалась в Англию через Германию, чтобы посетить чудесный замок Фридрихсхоф, в котором Вики после смерти Фрица целиком ушла в занятия декоративным садоводством и делала это столь же талантливо, как когда-то ее дорогой папочка. Дармштадт находился всего в нескольких километрах оттуда. И королева нанесла визит Эрни и Даки. Через год после свадьбы в молодой семье царил полный разлад. Ходили слухи, что в России на свадьбе Алики Даки влюбилась в великого князя Кирилла, а Эрни интересовался лишь юными особами мужского пола. Но, как и в случае с Луизой и де Лорном, бабушка-королева не желала даже слышать о разводе. «Супружеская пара должна быть сплоченной и

неразлучной», — любил повторять Альберт.

В Виндзоре ее ждал совершенно измотанный премьер-министр. Роузбери потерял покой и сон. Герцог Кембриджский в семьдесят шесть лет как никогда цепко держался за свой пост главнокомандующего вооруженными силами королевства. Пресса бурлила от возмущения. Виктория пришла в не меньшее возмущение, когда узнала, что в обмен на свою отставку ее двоюродный брат требует назначения ему дополнительной пенсии. Она сочла это «гротескным», ибо он уже получал 14 тысяч фунтов стерлингов в год и имел в своем распоряжении резиденцию, за которую не платил ни арендной платы, ни налогов. 4 мая она направила ему письмо, в котором «вежливо» попросила его сдать свой командный пост. Спустя две недели она повторила свою просьбу. Лишь 21 июня ее упрямый кузен сдался. А между тем коалиционное правительство пало. Его министры дошли до того, что даже перестали разговаривать друг с другом.

С уходом либералов палата лордов была спасена, и монархия оказалась вне опасности. Ах, если бы только Артур смог заменить своего дядю Кембриджского во главе британской армии, как обещал ей Солсбери, тогда Виктория стала бы самой гордой матерью и самой счастливой королевой!

Глава 25

Но лорд Солсбери изменил свое мнение! Герцога Кембриджского сменил на его посту сэр Уолсли, главнокомандующий английской армией в Египте. Артур же был назначен всего лишь начальником военного комплекса в Альдершоте. Это решение вконец расстроило королеву, и случилось это как раз в тот момент, когда из Африки пришли удручающие новости.

«Я хотел бы привлечь ваше внимание к Африке. Я возвращаюсь туда, чтобы проложить путь для торговли и христианской религии. Продолжите ли вы ту работу, которую я начал?» — вопрошал Ливингстон на одной из своих лекций в Кембриджском университете в 1857 году.

Спустя сорок лет великий миссионер и исследователь, наверное, перевернулся в своем гробу. Англия позволила Бельгии отнять у нее Конго, а Франции — создать огромную колониальную империю на западе и в центре африканского континента. Германия захватила Танзанию. Потерянный в момент гибели Гордона Судан так и не вернулся к Англии. И хотя Кения и Уганда и перешли под британский протекторат, но в 1892 году «Империял Бритиш Ист Африка Компани», которая строила железную дорогу между Момбасой и озером Виктория, объявила о своем банкротстве.

Золотой алмазодобывающие шахты в основном концентрировались на юге Африки. Там-то и столкнулись интересы всех тех, кто претендовал на господство в этом регионе. Занявший в 1890 году пост премьер-министра Капской провинции алчный Сесил Родс с вождением поглядывал на сокровища Трансвааля, маленькой бурской провинции, которой Гладстон в 1881 году предоставил независимость.

Уже многие годы богатые месторождения, открытые вокруг Йоханнесбурга и Претории, привлекали в Трансвааль толпы иммигрантов, восемьдесят процентов которых были англичанами. Буры — миролюбивые фермеры-протестанты — с опаской поглядывали на этот поток британских золотоискателей, которых они называли «Uitlanders» — «чужаками». Президент Трансвааля Крюгер был чистокровным буром. Он принимал депутатов у ворот своей фермы с трубкой во рту и Библией в руках, в ней он черпал вдохновение для своего законотворчества. Он облагал непомерными налогами доходы от золотодобычи: три четверти средств в бюджет республики поступало от уитлендеров.

Британские иммигранты требовали предоставить им южноафриканское гражданство, что позволило бы им платить существенно меньшие налоги. Крюгер отвечал им отказом. Помимо пятисот тысяч чернокожих жителей в Трансваале насчитывалось восемьдесят тысяч уитлендеров и всего шестьдесят тысяч буров. Если президент уступит требованиям чужаков, то республика перестанет быть бурской. Чтобы охранять сердце своей страны, Крюгер закупил пушки, изготовленные на заводах Круппа и фабрике Крезо.

Этот Трансвааль с его сокровищами стал уже сниться сэру Сесилу Родсу по ночам. Завоеваниям женщин он предпочитал завоевания новых территорий. «Если бы я мог, то захватывал бы целые планеты», — любил повторять этот здоровяк, занимающий пост генерал-губернатора Капской провинции. Он уже приступил к расширению границ подведомственной ему территории за счет земель, лежащих к северу от Трансвааля, приобретая на них концессию, вскоре они станут называться Родезией. Разработку месторождений там будет вести принадлежащая Родсу «Саус Африка Компани». Королева произведет его в рыцари и назначит членом своего Тайного совета. Он мечтал объединить весь юг африканского континента под британским флагом.

А для этого нужно было всего лишь захватить бурскую республику! Восстание уитлендеров стало бы хорошим предлогом для того, чтобы скинуть несговорчивого Крюгера! Родс передал в Йоханнесбург послание англичанам, создавшим комитет из шестидесяти четырех членов. Затем последовал второй акт этого хитроумного замысла: на границе с Трансваалем Родс разместил бригаду из пятисот полицейских и волонтеров, во главе которых поставил свою правую руку — доктора Джеймсона, врача по профессии. Третий акт: члены йоханнесбургского комитета направили Джеймсону письменное воззвание, в котором просили о помощи под тем предлогом, что их жизни грозит опасность. 29 октября 1896 года британское войско перешло границу Трансвааля, распевая «Боже, храни королеву» и опустошив перед этим четыреста бутылок шампанского, присланного принадлежащей Родсу «Саус Африка Компани».

Крюгер, которого успели предупредить о нападении, приказал арестовать в Йоханнесбурге всех членов «Комитета шестидесяти четырех» и, взяв в кольцо колонну Джеймсона, без всякой стрельбы загнал британцев в мешок Дорнкоп на подходе к столице Трансвааля. Все это было сделано без единого раненого со стороны буров и при наличии всего семнадцати убитых британцев. В результате Джеймсон и его сообщники оказались в тюрьмах Крюгера.

Подобное унижение смертельно ранило британскую гордость. А на европейском континенте развернулась бурная кампания против вероломства и высокомерия Альбиона. Республиканская Франция пела дифирамбы бурам. А германская пресса, как писала матери Вики, «изливала желчь» на англичан. Но ударом в спину стала для Виктории «подлая» поздравительная телеграмма, которую германский император отправил Крюгеру. Подобное поведение Вилли, которое кроме как провокационным и назвать было нельзя, глубоко оскорбило его бабу, королевскую семью Англии и всю страну в целом. Английская пресса ухватилась за этот предлог, чтобы выплеснуть свое негодование по поводу немецкого вмешательства во внутренние дела Англии. Первый драгунский полк королевы, в котором император Германии числился почетным полковником, сжег его портрет в знак протеста против оскорбления, нанесенного чести Великобритании.

Виктория направило сухое, полное упреков послание внуку, который ответил ей следующее: «Горячо любимая бабушка, моя телеграмма никогда не имела целью оскорбить ни Англию, ни ваше правительство». Он просил ее приказать сатирическому еженедельнику «Панч» прекратить нападки на него. Она ответила, что это не в ее власти.

На другой стороне Африки, так называемом «Золотом берегу» — будущей Гане, англичане разрабатывали золотоносные пески. Населявшее эти земли племя ашанти жило работорговлей. Англия, главный борец против торговли людьми, послало вождю племени ультиматум с требованием прекратить позорную коммерцию. Поскольку их ультиматум остался без ответа, англичане решили предпринять против ашанти карательную экспедицию. Лико, муж Беатрисы, захотел принять участие в этой операции.

Сразу после женитьбы молодой принц Баттенбергский был ослеплен роскошью Виндзорского дворца. Королева как сына полюбила этого энергичного и красивого юношу, исполняла малейшие его желания и прислушивалась к его мнению больше, чем к мнению Берти. Но со временем ни его почетная должность губернатора острова Уайт, ни домашние спектакли, которые он ставил вместе с деятельной, под стать ему, Луизой, ни даже морские путешествия на яхте «Роксана» не могли компенсировать ему скуку раз и навсегда расписанной королевой жизни ее двора.

Женившись на Беатрисе, Лико отказался от военной карьеры, тогда как его брат Людвиг Баттенбергский по-прежнему служил в английском флоте. Прошлым летом Ли-ко вместе с братом на его корабле «Сюрприз»

совершил поездку на Корсику. Слух об их похождениях там дошел до королевы, и она тут же приказала обоим братьям вернуться в Англию.

Героическая экспедиция в Африку позволила бы принцу бежать от двора и утолить свою жажду деятельности. Виктория была уверена, что Лико станет жертвой смертельной тропической лихорадки, и с ужасом думала о том, что может потерять «на старости лет свою незаменимую опору». Она поручила своему врачу, доктору Риду, отговорить принца от этой затеи и поддалась лишь мольбам Беатрисы, которая хотя и просила мать отпустить ее мужа, но, провожая его в начале декабря, пролила море слез. У принцессы по многу дней бывали красными глаза, когда ее муж куда-нибудь уезжал.

Королеве тем более не хватало Лико, что перед самым его отъездом после продолжительной болезни скончался Понсонби. Ее личный секретарь не разделял ненависти ее величества к Гладстону, но был преданным ей человеком, обладавшим прекрасным чувством юмора, а главное, он олицетворял в ее глазах ту последнюю ниточку, что связывала ее с Дизраэли, с Брауном, с Альбертом, со счастьем.

Бедняжке Лико так и не доведется увидеть африканскую саванну. Еще на пути к Золотому берегу он подхватил малярию. Его срочно отправили назад на борту плавучего госпиталя, носившего игривое название «Блондинка». 10 января Беатриса получила первую телеграмму: «У принца Генриха началась лихорадка». Последующие телеграммы были скорее обнадеживающими. Решено было доставить Лико на Мадеру, чтобы он прошел лечение в местной больнице. Но он туда не доехал. 20 января Лико скончался на борту «Блондинки» на широте Сьерра-Леоне.

Чтобы донести его тело в сохранном виде до Англии, врачи удалили из него внутренности и поместили в металлическую емкость, изготовленную из коробок для печенья и наполненную ромом. И вновь Артуру, в который уже раз, пришлось нести матери грустную весть, он вошел в ее гардеробную, где она в этот момент одевалась, с мертвенно-бледным лицом. Виктория переживала смерть уже третьего из своих зятьев! Этому было всего тридцать семь лет... Он был всегда таким веселым, таким обворожительным, ее Лико!.. Слезы катились у нее по щекам. Она была так расстроена, что даже не знала, хватит ли у нее сил описать все это в своем дневнике. «Солнце ушло из нашей жизни...» — писала она Вики.

Бюст принца занял место рядом с бюстами Алисы, Фрица и Людвига Гессенского в одной из ниш фрогморского мавзолея. Очередное немецкое имя появилось в этом склепе, где покоился Альберт, в этом германском анклав под сенью виндзорских кущ, где Виктория находила

умиротворение, погружаясь в дорогие ей воспоминания.

13 февраля 1896 года Беатриса отбыла в Симьез со своими четырьмя детьми. Некий бизнесмен по имени Виктор Казале предоставил в ее распоряжение свою виллу «Liserb». «Liserb» было анаграммой слова «Bresil»^[140], так называлась страна, в которой он нажил свое состояние. Молодой вдове с трудом удавалось прятать свои слезы под черной вуалью. Похороны в Осборне, в маленькой уиппингемской церкви, где когда-то состоялась ее свадьба, стали для нее жестоким испытанием. Луиза, обожавшая своего зятя, добавила горечи в и без того разбитое сердце сестры. Она не смогла удержаться и рассказала, что Лико часто делился с ней своими секретами и как-то признался, что «Беатриса ничего для него не значит».

Спустя месяц королева присоединилась к дочери в Ницце. Людвиг Баттенбергский встретил ее на перроне у выхода из вагона и поцеловал ей руку. «Из-за недавнего траура королева не желала, чтобы ей устраивали официальную встречу с воинскими почестями. Она также просила, чтобы вокзал специально к ее приезду не украшали и не дарили ей цветов», — писала «Фигаро».

Ее экипаж в плотном кольце эскорта прокладывал себе дорогу сквозь восторженно приветствующую ее толпу, и так продолжалось до самого «Гранд-отеля» в Симьезе, где она поселилась вместе с Беатрисой и своей внучкой Викторией Баттенбергской. На своей яхте прибыл в Канны Берти, а Мария, жена Афффи, отдыхала на Лазурном Берегу в своем замке, расположенном близ Фаброна. Евгения, жившая в это время на принадлежащей ей вилле на мысе Мартен, часто навещалась в Ниццу, чтобы немного развлечь молодую вдову. Стоявшие у мыса Мартен на своей яхте «Ми-ромар» австрийские император с императрицей также поднялись на симьезский холм, чтобы нанести визит английской королеве и ее дочери и выразить им свои соболезнования.

Гладстон уехал из Канн за два дня до приезда туда Виктории, что вовсе ее не расстроило. Еще совсем недавно она призналась одному депутату от либеральной партии, что этот человек «очень опасен из-за его мании вечно смешивать политику и религию». Солсбери, отдыхавший в Болье в своем поместье «Бастида», регулярно наезжал в «Гранд-отель» в Симьезе на чай к королеве.

Королева грелась на солнце, совершала экскурсии вглубь страны, но отказалась пойти на традиционный парад «Битва цветов». Мысли об оставшихся без отца детях Беатрисы отзывались постоянной болью в ее сердце. Двое младших страдали гемофилией. Любимцем Виктории был

старший, Дрино. Ему было всего десять лет, но он был очень забавным, смышленным и непосредственным мальчиком. Францйос, зять Вики, и Кристль, старший сын Ленхен, приехали к ним, чтобы немного их развлечь. Королеву ничто не радовало больше, чем присутствие рядом с ней молодых, красивых и галантных мужчин. В свои девятнадцать лет Кристль был очаровательным юношей. Именно он перевозил обычно с места на место свою бабушку, толкая ее кресло-каталку перед собой.

14 апреля Беатриса праздновала свое тридцатидевятилетие и первую годовщину своего вдовства. Ей преподнесли в подарок большой портрет Лико и несколько его миниатюрных изображений. «К счастью, его не было здесь в прошлом году, поэтому нас не преследуют сейчас мучительные воспоминания подобные тем, что ждут нас в Виндзоре», — писала королева Вики.

Ее придворные дамы по очереди читали ей газеты, а также письма ее старшей дочери. Теперь она не только практически не могла передвигаться самостоятельно, но все хуже и хуже видела. В мае, вернувшись на родину, она показалась двум английским офтальмологам, которые диагностировали у нее двустороннюю катаракту. Требовалась операция. Она не соглашалась. Ленхен когда-то лечилась в Висбадене у одного немецкого окулиста, которым осталась довольна. Звали его профессор Пагенштехер. По просьбе Виктории доктор Рид пригласил его приехать в августе в Осборн, и тот подтвердил, что у королевы катаракта. Она надеялась на чудо и даже слышать ничего не хотела о хирургическом вмешательстве. Она была готова лечиться любыми народными средствами, рецепты которых ей слали отовсюду. Один ирландец, например, рекомендовал ей пить настойку кайенского перца. Но Рид отсоветовал ей это делать, поскольку она сразу же сожгла бы себе желудок. Она пыталась носить очки в черной металлической оправе, которые выписала себе из Парижа. Но они совсем ей не помогали. Она даже жаловалась, что видит в них еще хуже, чем без них.

Этот недуг обострял чувство ее одиночества. После Ниццы Беатриса уехала на лечение в Германию, в Киссинген. А новые свадьбы не способны были стереть память о тех, кто ушел из этой жизни. В июле Мод, дочь Берти, вышла замуж за своего двоюродного брата, второго сына короля Дании Карла, который в 1905 году станет норвежским королем Хааконом. «Я пообещала быть там, но лишь на церемонии, а не на свадебном обеде», — сказала королева.

В сентябре она принимала в Бальморале своих внуков, Алики и Ники, русских царя и царицу, находящихся в Англии с официальным визитом.

Это была идея Солсбери, желавшего для Англии мирных отношений со всеми европейскими государствами, дабы у нее были развязаны руки для военных действий на африканском континенте. По случаю этого визита был устроен большой семейный сбор. Молодая царская чета въехала в Бальморальский замок ночью, под звуки волюнок, сквозь двойной строй шотландских горцев с факелами в руках. «Замок полон русских!» — воскликнула Виктория. Все коридоры были заставлены чемоданами, вкусно пахнущими кожей российской выделки. Погода, к сожалению, стояла отвратительная. Берти несколько раз водил Ники на охоту под ледяным дождем, и царь написал матери: «В Бальморале еще холоднее, чем в Сибири».

В Санкт-Петербурге Алики приказала повесить в своем будуаре над кушеткой огромный портрет своей бабушки. Молодые супруги по-прежнему нежно любили друг друга. Но юная царица, которую невзлюбила свекровь и не принял народ, винивший ее в том, что она принесла их стране несчастье, впала в депрессию и мистику. День и ночь она тряслась за своего мужа в этой России, где участились покушения, совершаемые нигилистами. В Бальморале за каждым деревом стоял охранник. Начальники вокзалов в Шотландии получили драконовские предписания. Во время прохождения царского поезда все другие пути должны были оставаться совершенно пустыми.

В воскресенье вся семья, включая и ее православную часть, посетила службу в маленькой церкви в Крейти. В день отъезда Виктория снялась вместе с русской императорской четой на «движущуюся фотографию», недавнее изобретение, которое вскоре станут называть синематографом. Дети перед камерой начали прыгать. Белокурый и кучерявый двухлетний Дэвид, будущий герцог Виндзорский, всегда умел развеселить свою прабабушку. Обычно он появлялся в столовой в конце обеда и кричал: «Вставай, бабуля!» — и тянул ее за руку, пытаясь вытащить из кресла.

23 сентября эта грузная бабуля побила рекорд своего деда Георга III: «Сегодня я на один день перекрыла самое долгое царствование в истории Англии». Некоторые газеты вновь заговорили об ее отречении от престола, но беспутный наследный принц, казалось, был совершенно не создан для того, чтобы стать великим королем. В июне он выиграл дерби благодаря своей лошади по кличке Персиммон, происходящей от названия сорта хурмы, произрастающего в Индии. Победа его ждала и на скачках в Ньюмаркете. Мать прислала ему телеграмму с поздравлениями, но при этом она как никогда ранее была далека от мысли, что скаковые дорожки могут привести к трону.

Она гораздо больше полагалась на Беатрису, которая, овдовев, вновь стала исполнять при матери обязанности ее личного секретаря, отдавая этому занятию все свое время. Но то, как принцесса с ее упрощенными представлениями о политике преподносила полуслепой Виктории происходящее в мире и государстве, никак не способствовало эффективной работе правительств огромной империи. Солсбери тайком от королевы передавал наиболее важные депеши принцу Уэльскому, тонкость суждений которого ценили все министры.

Приближался очередной юбилей государыни. Но как его отметить, чтобы затмить ее золотой юбилей? Все королевство ломало над этим голову. Бигг, сменивший Понсонби во главе секретариата ее величества, придумал название «бриллиантовый юбилей», что очень понравилось королеве. На полях его докладной записки она написала: «Одобряю. К.И.В.». Джозеф Чемберлен, министр по делам колоний, решил по этому случаю устроить большой праздник и созвать на него весь цвет империи. Виктории это показалось опасным: в отсутствие вице-королей и губернаторов в любой из колоний могли устроить государственный переворот. Но Чемберлен умел настоять на своем. Друзья звали «Pushful Joe» — «Пробивной Джо» этого великого оратора, движимого непомерными амбициями и бурными страстями. Королева ценила его не только за его имперскую политику, заставлявшую забыть о его республиканском прошлом. Со своим моноклем, орхидеей в бутоньерке и всегда гладко выбритым лицом Чемберлен выглядел франтом. И как когда-то ее дорогой Диззи, он постоянно интересовался ее мнением. «Королева говорит то, что думает английский народ», — парировал он обвинения тех, кто упрекал его в том, что он стал слишком ярым монархистом. Кроме того, с помощью этого юбилея Чемберлен рассчитывал реабилитироваться за позорный рейд против Крюгера.

А королева отбыла поправлять свое здоровье под солнцем Ниццы, взяв с собой Мунши, которому по случаю своего юбилея решила пожаловать тот же ранг, что имели в ее свите лица благородного происхождения. Пришедшие в ужас от того, что им теперь придется во время путешествий общаться на равных с индийцем, придворные дамы и джентльмены запротестовали. Весь двор знал, что Абдул был мошенником, что он обкрадывал королеву и лгал ей о своем происхождении. Гарриетт Фиппс была делегирована придворными к ее величеству с ультиматумом: либо ее Мунши, либо они. Но Виктория ничего не желала слушать. И обвинила своих приближенных в расизме.

Фрицу Понсонби между тем удалось довести до ее сведения, что

Абдул никогда не был принцем, он даже не был сыном врача. По просьбе ее величества Фриц разыскал в Индии отца Мунши: тот оказался нищим стариком, аптекарем одной из местных тюрем. Его соседи весело рассмеялись, когда услышали, какими привилегиями пользуется его сын при английском дворе. Виктория не хотела этому верить. И притворялась глухой, когда доктор Рид заговаривал с ней о тех женщинах, которых Мунши представлял в качестве своих жен, или о том, что Абдул подхватил венерическое заболевание. Королева продолжала брать у своего любимца уроки хинди и, к всеобщему ужасу, даже стала показывать ему депеши, поступавшие из Индии.

Гораздо большую опасность, чем сам Мунши, представлял для англичан его друг Раффудин Ахмед, который, по сведениям начальника лондонской полиции, поддерживал тесную связь с антиколониальным движением в Индии — «Мусульманской лигой патриотов». Придворные опасались, что лицемер Мунши, пользуясь доверчивостью и плохим зрением королевы, мог красть у нее документы конфиденциального характера. Дело осложнялось еще и тем, что из-за свирепствовавшего на всей территории Индии голода там назревала взрывоопасная ситуация.

Но Виктория не собиралась позволять своему двору диктовать ей какие-то условия. Ее Мунши стал полноправным членом ее свиты, сопровождавшей ее на Лазурный Берег. На вокзале в Нуази-ле-Сек в своем вагоне-гостиной она приняла Феликса Фора, прибывшего к ней специальным поездом. Инициатором этой встречи был Берти. Он хорошо знал французского президента, с которым виделся в каждый свой приезд в Париж. Королева нашла этого президента Французской республики «красивым, приятным, спокойным и деликатным мужчиной с манерами настоящего джентльмена».

В Ницце, где она была уже на следующий день, ее ждала прекрасная погода. Ее экипаж доставил ее в только что отстроенную гостиницу «Эксельсиор», к названию которой в ее честь добавили слово «Регина». Эта новая гостиница располагалась как раз напротив «Гранд-отеля», где обычно останавливалась Виктория, и из нее открывался еще более красивый вид на замок, порт и бухту Ангелов. Королева целиком сняла симпатичный белый павильончик с голубыми ставнями. Она поселилась в нем с Беатрисой, двумя из ее детей и дочерью Ленхен Викторией Шлезвиг-Гольштейн-ской. Покои Виктории располагались в бельэтаже, и специальный лифт доставлял ее прямо в ее комнату. Ее горничная спала в ее гардеробной.

Едва они устроились, как в порт Вильфранша прибыл крейсер «Кембриан», которым командовал Людвиг Баттенбергский. Людвиг

останется с ними до конца их пребывания на Лазурном Берегу. Берти находился в Каннах, где проходила регата. Аффи был в своем замке в Фаброне. Лорда Солсбери со дня на день ждали в его имении в Болье.

После совместной поездки с Мунши на поезде домашний бунт королевской свиты перерос в дворцовую революцию. Придворные дамы заявили принцу Уэльскому, что они доведены до такого состояния, что готовы объявить забастовку или вообще уволиться! Растерявшийся Берти пообещал замолвить о них словечко перед матерью, это же попытались сделать Аффи и Людвиг Баттенбергский, но усилия трех принцев не увенчались успехом. А через два дня на Лазурный Берег явился Раффудин Ахмед. Подозрительного мусульманина никто там не ждал и никто его туда не приглашал. Бигг, как бывший военный, приказал ему немедленно убираться отсюда и возвращаться в Лондон.

Из-за конфликта атмосфера в гостинице «Эксельсиор» была столь напряженной, что Людвиг Баттенбергский вынужден был каждый день появляться там, чтобы не допустить нежелательного инцидента на территории иностранного государства. Доктор Рид, на ком лежала обязанность лечить штат индийских слуг, вновь решился завести с королевой разговор на животрепещущую тему. В течение часа он пересказывал ей то, что удалось узнать о неблагоприятном поведении Мунши как в Лондоне, так и в Индии. Ответом ему было ледяное молчание. Но спустя два дня Виктория призналась своему врачу, что она, «возможно, слишком далеко зашла» со своим индийским слугой.

Желая раз и навсегда покончить с этой проблемой, Рид опять отважно ринулся в бой: «Высокопоставленные особы, хорошо знающие Ваше Величество, говорят мне, что единственным правдоподобным объяснением происходящего может быть лишь временное помутнение рассудка Вашего Величества... Вчера я виделся с принцем Уэльским, и он в который уже раз с большой тревогой заговорил со мной обо всех этих историях. Он сказал, что пришел к выводу, что с ними нужно срочно кончать, ибо их последствия могут повредить не только королеве, но и ему самому... Поскольку все это бросает тень на престол».

На следующий день врач повторил свою попытку: «Новый тягостный разговор с королевой, которая пришла в сильнейший гнев и заявила, что мы все безобразно ведем себя по отношению к ней. Я ответил ей таким образом, что она была вынуждена попросить меня никогда не повторять те слова, что только что сорвались с ее губ».

Рид имел также беседу с Мунши: «Вы не можете претендовать на то, чтобы вас считали джентльменом. У вас нет для этого ни образования, ни

соответствующего происхождения. Безумно смешно, что вы именуете себя “секретарем”. Вы не можете написать ни единого слова ни на английском, ни на хиндустани... Ваша ложь доказывает, что вы хотите ввести королеву в заблуждение. Полиция уже предупреждена на ваш счет».

Визит Сары Бернар, большой приятельницы Берти, стал для всех приятной передышкой. Актриса разыграла перед ними маленькую одноактную пьеску в жанре мелодрамы под названием «Жан-Франсуа». Викторину привели в восторг певучие интонации неповторимого голоса знаменитой актрисы и настоящие слезы, которые лились из ее глаз.

Перед отъездом из Симьеза королева составила для своих придворных дам и джентльменов специальный меморандум, регламентирующий их отношения с Мунши. Завершила она его, выразив надежду, «что они не станут больше заводить разговор об этой неприятной истории ни между собой, ни с посторонними людьми и что больше не будут плести при дворе заговоры против этого человека».

Но во время юбилейных торжеств ненасытный Мунши стал просить, чтобы ее величество пожаловала ему «Крест Виктории». Хранитель королевской сокровищницы сэр Флитвуд-Эдвардс, узнав об этом, направил королеве возмущенное письмо. Виктория поручила Риду поговорить на этот предмет с Солсбери. Премьер-министр вполне резонно ответил королеве, что эта награда, пожалованная индийцу-мусульманину, может вызвать ревность у ее подданных-индуистов. В новом послании к Риду Виктория писала: «Прошу вас довести до сведения сэра Флитвуда-Эдвардса: причиной того, что Мунши не получил желаемой награды, послужило не его дерзкое письмо, а мнение лорда Солсбери».

16 октября «Дейли график» опубликовала большую фотографию королевы за письменным столом с собачкой у ее ног. Рядом с Викторией стоял Мунши в тюрбане, жирный, самодовольный и высокомерный, с документом в руке. Под фотографией стояла следующая подпись: «Королева в Шотландских горах. Ее Величество берет уроки хиндустани у Мунши Хафиза Абдула Карима КИИ» (КИИ означало кавалер Индийской империи). На удивленный вопрос Рида, как эта фотография попала в газету, фотограф ответил, что Мунши потребовал опубликовать ее в специальном юбилейном выпуске.

Врач проинформировал об этом королеву, которая прислала ему в ответ записку: «Вам не следовало проявлять эту инициативу, не переговорив предварительно со мной. Это может иметь для меня самые неприятные последствия, поскольку Мунши считает вас своим смертельным врагом». А днем она отправила ему пространное письмо на

четырнадцать страниц, в котором объясняла, что она сожалеет по поводу публикации этой фотографии, сожалеет о том, что двор столь враждебно относится к ней, сожалеет, что рассказала обо всем Мунши...

В тот год, когда весь мир с благоговением и обожанием пал перед ней ниц, жизнь ее была отравлена этим индийским мошенником, с которым она отказывалась расстаться из-за своего ганноверского упрямства, поскольку боялась потерять лицо.

Весной 1898 года Мунши в очередной раз пренебрег мнением двора, решив приобщить своего друга, это дьявольское отродье Раффудина Ахмеда, к прелестям жизни королевского двора в Симьезе. Тут уже Солсбери отправился в Виндзорский дворец, чтобы предупредить королеву об опасности, которой она подвергает себя, позволяя индийцам ехать вместе с ней во Францию, где пресса легко может «выставить ее в смешном виде». Раффудина вычеркнули из списков свиты, но Мунши все равно приехал на Лазурный Берег спустя несколько дней после прибытия туда королевского поезда. Виктория составила ноту, которую Рид должен был предать гласности в случае конфликта. Индиец, как и в прошлом году, получил в свое распоряжение персональное ландо... и королева не собиралась терпеть никаких замечаний на его счет от своих придворных.

Обошлось без инцидентов. Виктория вместе с Беатрисой наслаждалась ничем не омраченным отдыхом в гостинице «Эксельсиор-Регина», где, как и в предыдущем году, было зарезервировано восемьдесят комнат для ее свиты, состоящей из семидесяти семи человек. Телефонная связь была проложена между покоями ее величества и всеми другими апартаментами. Виктория отказывалась ею пользоваться, но еще год назад дала согласие на установку телефонных аппаратов в ее замках в Виндзоре, Осборне и Бальморале.

Каждое утро горничные приносили в ее комнату присланные ей букеты цветов. За все время своего пребывания там Виктория отослала обратно лишь один букет, пришедший из Монте-Карло, столицы азартных игр и греха. Каждый вечер певцы приходили к ней под окна, чтобы исполнить для нее неаполитанские песни, заканчивая свой концерт неизменной «Funiculi, Funicula»^[141]. Виктория благодарила певцов, посылая им щедрое вознаграждение.

А на дороге в Вилльфранш ее всегда поджидал одноногий инвалид в коляске, запряженной двумя собаками. Она знала его с 1895 года и находила его собак такими умильными, что каждый раз, проезжая мимо, бросала ему десятифранковую монету. Этот год для инвалида был особенно доходным, поскольку Виктория не сидела на месте, постоянно разъезжая по

окрестностям.

Ленхен жила на вилле «Лизерб». Королева часто приезжала к ней по утрам, чтобы покататься по парку в своей *pony-chair*. Множество раз она бывала в Болье у лорда Солсбери. Феликс Фор отдыхал в гостинице по соседству. Королева пригласила его к себе в гости. Берти, который должен был проводить его в покои матери, по своей привычке опоздал, и французскому президенту, весьма уязвленному этим, пришлось какое-то время топтаться у лестницы. Когда он вошел к ней, Виктория поднялась со своего кресла и, опираясь на палку, сделала несколько шагов ему навстречу. На чай к ней приезжала и Вильгельмина, юная королева Нидерландов, со своей матерью, королевой Эммой. Вильгельмина унаследовала престол принцев Оранских в десятилетнем возрасте. Сейчас ей было восемнадцать лет, и, увидев ее, Виктория растрогалась: «Она такая непосредственная, достойная и симпатичная девушка с прелестным свежим личиком и стройной фигурой. Ее юный вид напомнил мне мое собственное восшествие на престол, ведь я тогда была как раз в ее возрасте...»

Королева побывала на сельском празднике под названием «lou festin di sougoudoun» (праздник кабачков), который завершился для нее экскурсией в старинную и очень живописную деревушку Турэт. Во время детского праздника, на который она случайно попала, ее коляску забросали цветами. Она весело смеялась.

В Страстной четверг она наблюдала процессию католиков, прошедших по улицам Ниццы. А также встретила с местным епископом, монсеньором Шапоном, и попросила его передать «ее наилучшие пожелания папе Леону XIII», который только что перенес тяжелую болезнь.

Аффи находился на борту своей яхты «Сюрприз», стоявшей на рейде Вилльфранша. У него случился геморроидальный приступ. Ему потребовалась срочная операция. Королева отправила ему телеграмму. Ее сын должен впредь проявлять осмотрительность и никогда больше не отправляться в путь без сопровождения врача: «Берти согласен со мной, что это совершенно необходимо». За полгода до этих событий доктор Рид признался королеве, что Аффи слишком много пьет, в связи с чем ему необходимо пройти курс антиалкогольного лечения и отказаться от активной общественной жизни. Она навестила сына на его яхте, а затем в его замке в Фаброне, где он восстанавливался после операции.

Вернувшись в мае на родину, королева узнала, что 19-го числа, в День Вознесения Господня, умер Гладстон. В последний раз она виделась с ним в Ницце в прошлом году. Старик ныл: «Я с удовольствием бы нанес визит Ее Величеству, если бы она позволила». Виктория никак на это не

реагировала. Луиза, которая, как и Берти, поддерживала дружеские отношения с детьми Гладстона, пригласила «Великого старца» в гостиницу «Эксельсиор-Регина» к себе на чай и предложила закончить их беседу этажом выше, в номере своей матери. Королева пожала руку Гладстону и поцеловала его жену.

Во всех церквях пасторы возносили хвалу лидеру либералов. Настоятель кембриджской церкви завершил свою проповедь весьма лукавым замечанием: «Такая громадина, как Гладстон, скорее была способна расположить к себе короля, нежели королеву». Виктория охотно согласилась с этим, хотя вся страна оплакивала «Великого старца» так же, как в свое время Пиля. Гроб с его телом был доставлен специальным поездом на станцию метро «Вестминстер». Со времен Веллингтона страна не знала столь грандиозных похорон. Траурный балдахин над гробом Гладстона держали Берти, его сын Джорджи, Солсбери и Роузбери. Из Бальморала королева отправила сыну гневную телеграмму, вопрошая, по чьему примеру или чьему совету он взял на себя подобную инициативу. Берти ответил, что его шаг не знал прецедентов и что он не нуждается ни в чьих советах.

Виктория писала Вики: «Я не стала бы говорить, что он был “великим англичанином”. Он был умным человеком, наделенным множеством талантов, но он никогда **не сражался за честь и престиж** Великобритании. Он потерял Трансвааль, бросил в беде Гордона, разрушил ирландскую церковь, пытался отделить Ирландию от Англии и натравить одни социальные классы на другие. Причиненное им зло нелегко будет исправить».

А между тем стали поступать хорошие новости из Судана, где генерал Герберт Китченер пытался отомстить за смерть Гордона. В апреле в битве при Атбаре погибло три тысячи воинов-махдистов. Китченер же потерял лишь пятьсот восемьдесят три человека. С этого момента Англия, затаив дыхание, следила за продвижением своих войск вдоль Нила по направлению к Хартуму.

По случаю бриллиантового юбилея Виктории всюду славил величие империи, и восславление это достигло апогея. У всех на устах были фольклорные песенки, в которых империализм Дизраэли смешался с мистицизмом Гладстона. Считая себя посланниками самого Господа, англичане видели свою священную миссию в том, чтобы расширять границы своей империи и нести другим народам мир, Библию и не знающий себе равных британский парламентаризм.

Китченер, новый национальный герой, был ростом метр восемьдесят.

На его лице грубоватой лепки особо выделялись квадратная челюсть и густые черные усы. Он родился в Ирландии в 1850 году, но один из его английских дедушек нажил себе состояние на торговле чаем. Его отец, служивший в английских войсках в Индии, воспитывал своих детей с военной строгостью. Китченер требовал, чтобы завтрак подавали ему в комнату ровно в восемь часов утра. Горничная с подносом в руках ждала под его дверью, когда начнут бить стенные часы, чтобы войти к нему с первым их ударом.

Взращенный исключительно на приключенческих и героико-исторических романах, которые привили ему уверенность в превосходстве английской расы, Герберт Китченер ненавидел французов. И будучи в высшей степени набожным, сторонился женщин. Очарованный Индией Киплинга, он через всю жизнь пронес любовь к песчаным пустыням Востока, ему нравилась суровая жизнь в колониях среди аборигенов, которым он с безжалостной жестокостью демонстрировал свой британский шовинизм. В штабе английских войск ходили легенды о его аскетизме, который некоторые считали чрезмерным.

Бережно относясь к жизни своих подчиненных, он мог по несколько дней выжидать, не ввязываясь в бой. Главным вопросом для него было: как одолеть врага с наименьшими потерями? 3 сентября он одержал победу в битве при Ом-дурмане, расчистив себе путь к Хартуму. И вновь английские пушки и ружья взяли верх над копьями дервишей. Китченер потерял убитыми всего сорок три человека и ранеными четыреста тридцать. Потери противника не шли с этим ни в какое сравнение: с их стороны одиннадцать тысяч человек погибло, а шестьдесят тысяч попало в плен, причем большая часть последних также умерет из-за отсутствия медицинской помощи. .

На ступенях дворца, где был убит Гордон, Китченер приказал отслужить молебен. И не смог сдержать слез, слушая любимый псалом погибшего героя «Будь со мной».

Вся Англия плакала вместе с ним, но уже от гордости. «Это прекрасная победа», — писала королева Вики. Через два дня Китченеру стало известно, что в пяти днях пути от Хартума, в Фашоде, на западном берегу Нила появилась колонна французов во главе с полковником Маршаном. Высадившись пятнадцать месяцев назад на атлантическом побережье Африки в конголезском порту Лоанго, французы пешим порядком отправились в Джибути и сейчас собирались переправляться через реку.

Китченер послал в Лондон телеграмму: имея под своим началом пять кораблей и сотню шотландских горцев, он может заставить своих заклятых

врагов свернуть знамена, которые те водрузили в африканской пустыне. Их силы были ничтожны. Восемь французов и сто двадцать аборигенов, вымотанных длительным переходом с запада на восток африканского континента.

Китченер и Маршан встретились и решили, что каждый проконсультируется со своим правительством. Лондон не собирался уступать французам. Париж — англичанам. Виктория из Бальморала послала телеграмму Солсбери. Она советовала ему проявить твердость, но в то же время признавала, что несколько арпанов^[142] песков не стоят того, чтобы развязывать из-за них войну. Евгении она писала: «Если Франции и Англии придется сражаться из-за Фашоды, то пусть Господь призовет меня к себе».

Китченер вернулся в Англию, где его ждал триумф, достойный полководцев античного Рима. Королева пожаловала ему звание пэра и пригласила новоиспеченного лорда на ужин в Бальморал. В свои сорок восемь лет этот закоренелый холостяк, всю свою жизнь прослуживший в колониальных войсках, предпочитал вечера в походной палатке званым ужинам при дворе, на которые следовало являться при полном параде. К счастью, Ее Величество могла до бесконечности говорить о трагедии, постигшей несчастного генерала Гордона, сознательно брошенного на произвол судьбы Гладстоном. Воспользовавшись паузой, сделанной королевой, Китченер поведал ей, что после победы под Омдурма-ном у него на руках оказались две тысячи суданских вдов, с которыми он не знает, что делать. «Какие они из себя?» — спросила Беатриса. «Такие же, как все остальные женщины. Ужасные болтушки!»

Накануне полковник Харрингтон передал королю Абиссинии Менелику и его супруге королеве Тайту звуковое послание от Виктории, которое она записала для них на пластинку, наговорив текст своим красивым мелодичным голосом. Харрингтон получил приказ уничтожить пластинку после того, как прокрутит ее на фонографе королю и королеве. Чета африканских правителей замороженно слушала раз за разом этот монарший голос, доставленный к ним из-за тридевять земель. Увы! Для потомков он не сохранился, Харрингтон выполнил данные ему предписания.

В начале нового года пришли плохие новости из Кобурга. Выросший в Германии вдали от своих родителей юный Альфред, единственный сын Аффи и наследник кобургского престола, увлекся некой ирландкой. Все последние годы он вел такую же распутную жизнь, что и его двоюродный дедушка Эрнест, и подхватил какое-то венерическое заболевание. После

ужасной сцены, которую устроила ему его мать, он попытался покончить жизнь самоубийством, выстрелив в себя из пистолета. Его родители, готовившиеся отметить свою серебряную свадьбу, отправили его в Меран, в Австрию, несмотря на тревожные прогнозы медиков. Молодой человек не смог оправиться от своего ранения. Он умер в одиночестве в первых числах февраля 1899 года. Решительно, из Германии поступало слишком много грустных новостей. За неделю до этого, в день сорокалетия Вилли, Виктория в меланхолии сделала следующую запись о кайзере: «Я очень сожалею, что в этом возрасте он не стал более осмотрительным и менее импульсивным».

Все чаще и чаще ее взгляд обращался к Франции. 18 февраля новый президент Эмиль Лубе сменил Феликса Фора, недавно умершего в Елисейском дворце на руках своей любовницы. «Говорят, что это честный и достойный уважения человек, который не запятнал себя нападками на Дрейфуса», — с облегчением констатировала Виктория. Передача власти прошла без инцидентов. Но королева, которую повергли в ужас несправедливые обвинения в адрес капитана Дрейфуса, потребовала от своего посла в Париже ежедневно присылать ей отчеты по этому «Делу». Она даже подумывала о том, чтобы отменить свою традиционную поездку в Ниццу.

Между тем «Фигаро», целые развороты которой были посвящены дебатам в кассационном суде по делу Дрейфуса, сообщила, что английская королева прибывает во Францию в воскресенье 12 марта.

На этот раз Виктория пересекла Ла-Манш не на собственной яхте, а на рейсовом пассажирском судне — Кале-Дувр, специально для нее полностью отремонтированном. Пароход без флага на мачте вошел в акваторию порта Булони в сопровождении десяти эскадренных миноносцев и сторожевого судна «Ирэн». Через час Виктория уже садилась в свой поезд, состоящий из девяти вагонов. Как обычно, ее сопровождало около сотни человек, с радостью бежавших от лондонских туманов.

Перед ее отъездом Бигг попытался объяснить ей, что эти королевские миграции стали слишком большим бременем для казны. И посоветовал ее величеству сократить свиту. Вначале Виктория запротестовала, но потом потребовала представить ей бесконечный список придворных дам, костюмерш, парикмахеров, пажей, конюхов, поваров и индийских слуг, которые в течение пяти лет сопровождали ее в зарубежных поездках, чтобы подумать над тем, кого можно вычеркнуть. На следующий день она вернула его, сделав на полях пометку: «None»^[143].

Гостиница «Эксельсиор-Регина» была арендована на полтора месяца.

Когда Виктория приезжала в Ниццу, там воцарялись порядки королевского двора Англии с его этикетом, приемами и ежедневными прогулками в коляске, запряженной осликом.

А также это был повод для семейных и геральдических встреч. Беатриса и Ленхен приехали сюда вместе с матерью. К прибывшему на своей яхте Берти вскоре присоединились Алике и две их дочери. Аффи обсудил там с матерью вопрос о наследовании кобургского престола. Он хотел бы, чтобы это герцогство досталось Артуру. Но Вилли заявил, что в этом случае его дядя должен будет носить форму германской армии. В конце концов герцогство унаследовал Чарли, сын Леопольда: «Боюсь даже думать о том, что испытал бы бедный папа, если бы это наследство было потеряно». На один день из Бордигеры заехала к ней Вики. Этой зимой она упала с лошади и теперь страдала от болей в позвоночнике. «Никогда еще в этой гостинице не останавливалось столько принцев и принцесс!» — воскликнула Мари Малле, одна из придворных дам королевы.

По прибытии в Ниццу Виктория с облегчением узнала, что после многомесячных переговоров Англия и Франция подписали в Лондоне договор о Фашоде. Парижу пришлось пойти на уступки, но в разгар бурных споров вокруг дела Дрейфуса во французских газетах не нашлось места для возмущения по этому поводу. Виктория собиралась почтить своим присутствием похороны префекта Ниццы, с которым ее связывали «такие теплые» отношения. Но ее отговорили от этого, опасаясь недружественных выступлений в ее адрес.

Без малейших угрызений совести королева наслаждалась ласковым солнцем, прекрасным видом, клубничными десертами и импровизированными концертами. Всего на один вечер приехал сюда Леонкавалло, чтобы исполнить отрывки из собственной оперы «*I Pagliacci*»^[144] и оперы «Богема» своего собрата Пуччини: «Он замечательно играет, выкладываясь до конца». Лишь выхлопные трубы автомобилей, которые она терпеть не могла, немного омрачали ее счастье. Складывалось такое впечатление, что на Лазурном Берегу машин было гораздо больше, чем во всем остальном мире.

Накануне отъезда, после раздачи подарков и фотографий с памятными надписями офицеру французской полиции, обеспечивавшему ее безопасность, а также вокзальным и почтовым служащим, Виктория нанесла последний визит лорду Солсбери в его чудесном имении в Болье. Стройные кипарисы и оливы четко вырисовывались на фоне голубого моря, бугенвиллии почти закрывали собой белые стены вилл, а ароматы роз, тимьяна и смоковницы витали в легком весеннем воздухе. «Мне так жаль

уезжать отсюда обратно на север, где нет солнца, но я так благодарна за все те удовольствия, что получила здесь», — записала Виктория вечером в своем дневнике с ноткой меланхолии. Она уже никогда не вернется во Францию.

Глава 26

Эта старая леди в своем вечном вдовьем платье, почти инвалид, была объектом всеобщего поклонения. Ее подданные так боялись, что она вот-вот умрет, что бросились к ней со всех сторон, едва она появилась на Паддингтонском вокзале, чтобы увидеть ее в последний раз. Она все еще удивлялась подобному вниманию! «На улице было множество народу. Мы не могли понять почему и подумали, что, наверное, что-то случилось, но оказалось, что все эти люди собрались, просто чтобы увидеть меня...» — записала королева после того, как в закрытой карете посетила могилу своей дорогой леди Эли.

Застенчивая, подверженная продолжительным депрессиям и неуверенная в себе Виктория никогда не стремилась завоевывать народную любовь. Любое проявление почтения, любой знак внимания, любое выражение любви трогали ее так же, как в первый день ее царствования. 24 мая 1899 года, в день своего восьмидесятилетия, который отмечался по всей империи как национальный праздник, она получила четыре тысячи писем и потребовала, чтобы почти все они были ей прочитаны. После того как она закончила прием делегаций, выслушав их поздравления, она смотрела военный парад, во время которого ее сын Артур промаршировал перед ней во главе полка шотландской гвардии. Эти высокие и красивые мужчины в килтах вышагивали под звуки волынок и флейт, и она могла бесконечно любоваться этим зрелищем.

«First Life Guards»^[145] прислал ей в подарок восемьдесят роз. Ах, цветы, военные, музыка — вот они, все радости Виктории! Она носила самое прекрасное имя, приводившее в восхищение всю нацию! И это имя стало символом ее эпохи...

Как и в каждый из ее юбилеев стояла необычная для Англии погода. Лишь только солнце осветило виндзорские луга, она отправилась в мавзолей Альберта, чтобы возложить цветы к подножию дорогой ей могилы: «Как бы возрадовался мой Альберт всем этим проявлениям любви и преданности». Она всегда оставалась уверенной в том, что эта поразительная связь между государыней и ее народом была делом рук принца-консорта. Альберт знал, что страной следует править не речами, а личным примером, демонстрируя приверженность вечным ценностям: много работая, проявляя серьезность, набожность, верность, любовь к своей семье.

Понимал он и то, что в их XIX столетии Библия должна стать фундаментом национального единства и социального мира в Англии.

Виктория была полной противоположностью Альберта. Чувственная от природы, она обожала флирт, праздники, театр, танцы, пение, смех, любила выпить и хорошо поесть, любила цветы, а самое главное — любила жизнь во всех ее проявлениях. Авторитарный и склонный к менторству германский принц обращался с ней как с ребенком, как с больным человеком. Он не был уверен, что действительно любит ее, но готов был жизнь положить ради того, чтобы сделать из нее великую королеву. Она любила все красивое. Страстные ночи заставляли их забывать о ссорах и несхожести их характеров. Но после двадцати двух лет супружества вездесущий Альберт, истинный правитель страны, уйдя из жизни, оставил ее еще более растерянной, чем в первый день восшествия на престол.

Все джентльмены королевства были восхищены тем уверенным тоном, каким она читала свою первую речь королевы. Овдовев и пережив жесточайшую депрессию, она уцепилась за принципы Альберта, подавляя в себе свою природную взбалмошность и жизнелюбие и настороженно поглядывая на своего старшего сына, который был слишком похож на нее. Это ведь Альберт требовал, чтобы на их свадьбе подружками невесты были только самые добродетельные девицы, это Альберт запретил разведенным женщинам переступать порог Букингемского дворца. Это столетие лицемерной добродетели было отнюдь не «викторианским», оно по всем статьям было «альбертианским».

Сегодня, в день своего восьмидесятилетия, она вновь обрела свой задор юной королевы. Отдых в Ницце восстановил ее жизненные силы и вдохнул в нее радость бытия. После большого семейного ужина Виктория уселась в первом ряду расставленных в галерее Ватерлоо кресел. Ее вниманию были представлены два акта «Лоэнгрина», в котором пели знаменитые братья Ян и Эдвард Решке. Она любила музыку Вагнера так же, как итальянское бельканто, поскольку присущая обоим высшая степень лиризма приводила ее с полным восхищением.

Единственным, что омрачало ее радость, было отсутствие Вики. Ее старшая дочь не смогла приехать к ней из-за люмбаго, приковавшего ее к постели. Вскоре Вики сообщит матери, что больна раком.

Королева не пожелала пригласить на свой день рождения Вилли. Она написала ему и предложила навестить ее лучше в июле в Осборне. В своем пространном ответе ее внук обвинял франкофила Солсбери в том, что тот роет разделительный ров между двумя братскими странами, Англией и Германией, тогда как он, Вилли, носит военную форму обоих этих

государств. Виктория призвала его к порядку: «Я сильно сомневаюсь в том, что суверен одной страны когда-либо обращался в подобных выражениях к суверену другой страны, тем более что речь идет о родной бабушке первого и ее премьер-министре». И приложила к своему письму ответы Солсбери на каждую претензию Вилли. В постскриптуме письма к Вики она добавила: «Мне даже в голову не пришло бы написать хотя бы строчку в подобном стиле о его министрах».

Спустя три дня она уже была в Бальморале. И по традиции первым же делом отправилась возложить венок на могилу Джона Брауна. Она возлагала цветы сама, что делала только для членов своей королевской семьи. Погода стояла морозная, но Виктория была не тем человеком, который стал бы на это жаловаться. «Ах, если бы у меня была хотя бы четверть ее энергии... Она никогда в жизни не пребывала в таком добром здравии и таком хорошем настроении, как сейчас!» — восклицала Мари Малле.

По соседству гастролировал цирк, Виктория пригласила его к себе в замок и захлеб хохотала над шутками клоунов и трюками дрессированных животных. Между тем зрение ее совсем испортилось. В Бальморале провели электричество, но его свет слепил ей глаза. Профессор Пагенштехер регулярно прописывал ей новые капли, но те совсем ей не помогали. А Беатриса читала ей порой депеши настолько рассеянно, что прыгала с фразы на фразу, и это выводило Викторию из себя.

Самой большой радостью для нее стало присутствие рядом с ней двух ее внучек: Торы, дочери Ленхен, и Даки, жены Эрни Гессенского, которая совершенно не чувствовала себя великой герцогиней. Она расписывала обои и мебельные ткани и заявляла, что предпочла бы жить в простом английском коттедже, а не в этих ужасных немецких крепостях. Ее брак с двоюродным братом, предпочитавшим женщинам мужчин, был большой ошибкой, но как и в случае с Луизой королева, свято чтя память своего возлюбленного супруга, даже слышать не хотела слова «развод». Зато не потерпела того, что принц Альберт Анхальтский плохо обращается со своей женой Марией-Луизой, сестрой Торы. «Передайте моей внучке, пусть она возвращается ко мне. К.И.В.», — писала она в гневе.

Хотя видела она совсем плохо, убеждения ее оставались как никогда твердыми. В течение всего лета она с волнением следила за судебными перипетиями дела Дрейфуса. 9 сентября ей стало известно, «что беднягу Дрейфуса опять осудили пятью голосами против двух». Она послала Солсбери телеграмму открытым текстом: «Нет слов, чтобы выразить мой ужас... Как было бы хорошо, если бы вся Европа дружно выразила свое

возмущение! Я уверена, что это дорого всем обойдется!»

Не меньше возмутило ее и то, что 11 октября президент Трансвааля Крюгер объявил Англии войну. В мае она получила петицию, под которой стояло 21 684 подписи уитлендеров, они жаловались на отсутствие в Трансваале элементарных свобод. Переговоры между Крюгером и Милнером, высокопоставленным английским чином в Южной Африке, провалились. 29 сентября Солсбери еще объяснял Виктории: «Невозможно не догадаться, что целью буров является создание южноафриканской республики, состоящей из Трансвааля, Оранжевой провинции и Капской колонии Вашего Величества».

В июне правительство приступило к переброске своих войск в Капскую провинцию. 5 октября перед отъездом из Бальморала королева приняла генерала Буллера, назначенного главнокомандующим английскими войсками в Южной Африке. Она сочла его «букой». Вслед за своим правительством она думала, что речь идет о классической колониальной экспедиции, какие Англия организовывала на всех пяти континентах ради укрепления своего имперского могущества.

Но в своем ультиматуме упрямый Крюгер требовал, чтобы Англия отозвала все свои войска: как те, что уже начали брать в кольцо Трансвааль, так и те, что находились на пути в Южную Африку. Если до пяти часов утра 11 октября он не получит удовлетворительного ответа, то сочтет молчание англичан объявлением войны.

После неудачного рейда Джеймсона два года назад Родс и Чемберлен только и ждали этого нового повода для того, чтобы взять реванш. Но прибывающие на юг Африки английские войска были плохо оснащены, а генералы постоянно грызлись между собой. Противостояла же им армия буров, более чем в два раза превосходящая их по численности, в ней по разным оценкам было от сорока до пятидесяти тысяч человек. К тому же буры хорошо ориентировались на местности. Осознавая свою силу, Крюгер сразу же пошел в наступление, не дожидаясь, пока британцы получат подкрепление. Буры выступили с востока, запада и севера, окружая и отрезая города Ледисмит, Кимберли, Мафекинг. Впервые в истории английская империя терпела поражение от христиан-европейцев и была этим жестоко унижена. Мобилизацию стали проводить форсированными темпами.

Перед тем как уехать из Бальморала, Виктория провела смотр полка шотландских горцев имени Гордона, готовившегося к отплытию: «У меня перехватило горло, когда я уезжала от них... Я подумала, что, возможно, не все из этих, таких красивых, мужчин вернутся домой».

Разменяв девятый десяток, она имела такой боевой дух, который заставлял ее забыть о ее немощем теле. Едва сойдя с поезда на виндзорском вокзале, она напрямик направилась в солдатские казармы в Спитале, чтобы проинспектировать три эскадрона королевской кавалерии. «Таймс» восхищалась ее физической выносливостью и отмечала, что на сей раз королева даже пренебрегла «обычным комфортом». В Бристоле, пестревшим флагами, она открыла новый госпиталь. Дочь местного пастора написала ей, что некий инвалид, парализованный и слепой старик, живет на обочине дороги, которой она поедет, и она приказала остановить свою карету у дома этого несчастного и послала ему пятифунтовую ассигнацию, сочтя, что деньги ему нужнее, чем ее фотография. По дороге как туда, так и обратно она просила, чтобы ее поезд шел как можно медленнее, дабы ее подданные могли увидеть ее. Солсбери предложил поднять на 6 пенсов цену за пинту пива, чтобы покрыть военные расходы, но Виктория отговорила его от этой затеи, поскольку не хотела утяжелять «бремя рабочего класса».

Запланированный несколько месяцев назад официальный визит Вилли пришелся как нельзя более некстати. Германия громко осуждала британский империализм и открыто поддерживала боров, которым поставляла пушки и ружья. 20 ноября кайзер появился в Виндзоре с женой, детьми и своим имперским статс-секретарем иностранных дел фон Бюловом. Как раз в этот день у Солсбери умерла жена, и он попросил своего племянника Артура Бэлфора заменить его.

На следующий день Виктория давала большой банкет. Фон Бюлов так описывал ее появление: «Маленькая старая дама отнюдь не внушительного вида сидела в золоченом кресле, которое несли четверо индусов. Кайзер почтительно шел рядом со своей бабушкой... Эта женщина, стоящая во главе огромной империи, которая кончиком вилки тыкала в картофелины, выбирая ту, что помягче, напомнила мне наших обыкновенных старушек из Ганновера, Гамбурга или Гольштейна...»

В декабре королева отменила свою поездку в Осборн, где обычно проводила праздники. К Рождеству она послала в подарок фронтовикам теплые вязаные вещи. Узнав, что офицеры все забрали себе, она отправила солдатам новые подарки — шоколад, расфасованный в коробки из белого металла с ее изображением на крышке. Солдаты спорили из-за них, и некоторые готовы были пожертвовать двухмесячным жалованьем, лишь бы заполучить такую.

Для Англии эта война обернулась катастрофой. Генерал Буллер разделил свои войска на три ударных корпуса, которые один за другим

понесли большие потери в серии стычек и рейдов. Количество жертв исчислялось тысячами. Британская гордость была уязвлена. «Мы потеряли столько друзей», — сокрушался Берти.

Вторую неделю декабря окрестили «black week»^[146]. В Лондоне туман был таким густым, что прохожие с трудом разбирали траурные заголовки газет. 15 декабря Буллеру, форсировавшему реку Тугелу, чтобы отбить город Ледисмит, пришлось срочно ретироваться, встретив ожесточенное сопротивление буров. Британское королевство погрузилось в печаль и никак не могло оправиться от стыда. Европа рукоплескала Крюгеру. Сэр Редверс Генри Буллер получил прозвище «сэр Реверс». Он стал всеобщим посмешищем.

Королева плакала, читая каждый день длинные списки погибших. Она приказала наклеить в альбомы фотографии красивых офицеров, сложивших в бою свои головы. И заявила Солсбери: «**Я** надеюсь, что ко мне наконец прислушаются и отправят туда лорда Робертса и лорда Китченера, как я просила с самого начала». Она жаловалась на «слабость» своего премьер-министра, казавшегося ей недостаточно активным. Она приходила в ярость от того, что не могла передать ему часть той энергии, что переполняла ее саму.

За два дня до Рождества шестидесятидевятилетний лорд Робертс поднялся наконец на борт военного корабля «Дуннотар Касл». Принц Уэльский проводил до пристани нового главнокомандующего, одетого в знак траура в черный сюртук и цилиндр. Он только что потерял своего единственного сына в битве при Коленсо, и эта смерть стала для него жестоким ударом. Китченер был назначен начальником его штаба. Оба генерала прибыли в Кейптаун 10 января и сразу же приняли на себя командование военными действиями.

Спустя две недели английские войска потерпели новое поражение в битве при Спайон Коп. Потери их были огромны: тысяча семьсот человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Смрад от разлагавшихся на летнем южноафриканском солнце тел стоял такой, что буры не смогли оставаться в только что захваченном ими городе.

Но 15 февраля англичанам удалось вернуть себе Кимберли, а 26-го числа лорд Робертс одержал победу при Паардеберге, это было его первое крупное сражение. Бурский генерал Кронье сдался в плен вместе с шестью тысячами мужчин, женщин и детей. А еще через два дня Буллер вошел победителем в Ледисмит.

Оставался еще Мафекинг, по-прежнему осажденный бурами. «Мафекинг» — это название было у всех на устах с самого начала

конфликта. Оно станет символом британской доблести. Этот город, через который проходила железная дорога и в котором располагались многочисленные ремонтные мастерские и воинские склады, был пунктом стратегического значения. Внутри его стойко держал оборону генерал Баден-Пауэл, используя разные бойскаутские трюки. Он опоясал весь город связанными друг с другом железной проволокой черными ящиками, обозначенными красными флажками, чтобы все думали, что это мины. На немецкие гранаты, которыми забрасывали их буры, он отвечал консервными банками, набитыми порохом. Чтобы поддержать моральный дух двух тысяч солдат и гражданских лиц, оказавшихся в осаде, он стал издавать газету «Мафекинг мэйл», в которой печатал патриотические песни и сатирические памфлеты, в которых высмеивал «Creaky»^[147], гигантскую пушку, изготовленную на конвейере заводов Круппа и доставленную противником к стенам осажденного города из Претории.

Благочестивые буры строго чтили святую субботу, а в воскресенье вообще прекращали военные действия. Британцы старались в этот день расслабиться, играя в крикет, устраивая скачки или театрализованные представления. По всей Англии пасторы возносили молитвы за Мафекинг, который оттянул на себя половину армии буров.

8 марта королева проехала по Лондону, чтобы поблагодарить жителей столицы за их помощь фронту. Из Сити ее карета направилась в рабочий квартал Блэкфрайерс, жители которого собрали по подписке 100 тысяч фунтов стерлингов и на эти средства экипировали полк волонтеров. 9 марта она посетила аристократические кварталы Вест Энда, где ее ожидал тот же восторженный и теплый прием, что и везде.

Она просила жен и других родственников солдат воздержаться от поездок в Южную Африку, чтобы не мешать действиям воюющей армии. Агентство Кука уже начало доставлять всех желающих к местам сражений. А сама королева отказалась от поездки во Францию, хотя очень скучала по «своему солнечному и цветущему югу». Но французская пресса пестрела саркастическими высказываниями в адрес «английских захватчиков» и печатала карикатуры, на которых королева Великобритании шлепала по лужам крови, сменив свою корону на солдатскую каску. Виктория отправится в Ирландию, где она не была с 1861 года: «Эта идея пришла мне в голову так же неожиданно, как и идея отменить поездку (во Францию). Это доставит мне удовольствие и принесет пользу». Она желала выразить свою благодарность ирландским солдатам, отважно сражавшимся в Южной Африке.

Ее судно причалило в Кингстауне 4 апреля. Два с половиной часа в

ландо с откинутым верхом ехала она через бедные пригороды к Дублину. Она приказала вышить серебряные трилистники на своей головной накидке и зонтике.

Поселившись на три недели во дворце вице-короля Ирландии, она ездила по окрестным госпиталям, монастырям и школам и даже посетила зоопарк. В некоторые дни она наматывала по тридцать с лишним километров. Ее встречали не только транспарантами, перевозносившими ее «многочисленные достоинства», но порой и свистом, который, к счастью, заглушался топотом копыт ее лошадей.

Она стала часто засыпать посреди дня и вернулась в Лондон крайне уставшей. Но тем не менее продолжала объезжать госпитали, лавируя в кресле-каталке между рядами кроватей, с которых приподнимались раненые, чтобы поприветствовать ее. 19 мая она как раз была с визитом в Веллингтон-колледже, где учился Дрино, сын Беатрисы, когда ей сообщили о снятии блокады с Мафекинга. Восторг было через край. Курсанты спешно изготовили и подняли транспарант: «Да здравствует королева Мафекинга!»

Лондон не знал подобного веселья со времен побед Веллингтона. Люди высыпали на улицы, смеялись, пожимали друг другу руки, обнимались и целовались со знакомыми и незнакомыми. Пиво лилось рекой. Можно было подумать, что в городе проходит карнавал.

Через пять дней, по случаю дня рождения королевы, в Бальморале наняли дополнительно шесть секретарей, чтобы они отвечали на поздравительные телеграммы. Виктория уехала в Шотландию на отдых. Но продолжала следить за событиями в Южной Африке, о которых ее информировали каждый час. 31 мая английские войска вошли в Йоханнесбург, а 5 июня Робертс и Китченер торжественно въехали на своих лошадях в Преторию.

Спустя несколько недель Крюгер бежал в Европу. Робертс вернулся в Англию, оставив на Китченера командование английскими войсками в Южной Африке. Для правительства, как и для народа, война была закончена. Но Виктория предостерегала Солсбери, цитируя пессимистические высказывания лорда Робертса: «Мне бы очень хотелось сказать Вашему Величеству, что война вот-вот закончится. Но буры, по всей видимости, пока не собираются складывать оружие».

Англичане потеряли в этой войне шесть тысяч человек. Буры — семь, но наперекор всему они продолжали партизанскую войну против британских войск. Китченер устроил по всей стране концентрационные лагеря, куда сгонял буров целыми семьями: там найдут свою смерть от

двадцати до двадцати восьми тысяч заключенных. Спустя тридцать пять лет опытом Китченера воспользуется Гитлер.

В июле Виктория устроила в Букингеме *garden-party*^[148], куда съехались пять тысяч человек, желающих увидеть своими глазами вечную хранительницу британской короны и символ имперского величия. Вместе с Алике она сделала два круга по саду в *pony-cheir*: коляску тянули за собой две белые лошадки. Зрение королевы настолько ухудшилось, что она уже не узнавала своих гостей, их имена шептали ей на ухо. Благородные лорды вновь заговорили о ее возможном отречении от престола.

Она страдала от несварения желудка и от бессонницы. Но больше всего ее угнетало то, что она уже не могла вести такой же как прежде активный образ жизни: «Я теперь каждый день отдыхаю после обеда. Подразумевается, что это должно пойти мне на пользу, но на самом деле это пустая трата времени». Ее любимая внучка, Виктория Батгенбергская, готовилась произвести на свет очередного ребенка, и бабушка Виктория попросила дать новорожденному ее имя, «какого бы пола он ни был». Родился мальчик, которого называли Людвиг-Франциск-Альберт-Виктор. Родители будут звать его Дики. Он станет Льюисом Маунтбеттенем, последним вице-королем Индии. На крестинах, состоявшихся через несколько дней после рождения малыша, королева в течение всей церемонии держала его на руках. Мальчик так крутился, что сбил с нее ее новые очки в серебряной оправе.

В Розенау Аффи умирал от рака языка. Его жена Мария приехала в Виндзор в начале июля со своей дочерью Бэби Би. Не вдаваясь в подробности, она рассказала королеве, что Аффи недавно прошел курс лечения в Геркулесбаде, но оно не принесло ему желанного облегчения. На самом деле кормили его уже только через трубку. 24 июля в Осборн пришла телеграмма, что состояние Аффи безнадежно.

Пролежав довольно долгое время в коме, он умер в тюрингском раю Альберта. «Я считаю, что они не должны были так долго скрывать от меня правду», — горько вздыхала королева. Еще один близкий ей человек ушел из этой жизни... Через несколько дней этому ее сыну исполнилось бы пятьдесят пять лет. Раньше вся семья собиралась в Осборне на его день рождения, и знамена развевались над их швейцарским шале. Она с нежностью вспоминала, как этот изобретательный и восторженный мальчик стоял перед макетами своих кораблей. После смерти Альберта она слишком мало его видела. Пятнадцать лет он прожил на Мальте, будучи командующим Средиземноморским флотом, а последние семь лет провел в Кобурге, взойдя на его престол. На Пасху они встречались на Лазурном

Берегу. Слишком редко...

На следующий день Тино, зять Вики и наследник греческого трона, приехал вместе с Берти в Осборн: «Увы, новости, которые он привез мне о моей дорогой Вики, совсем не радостные». 26 августа она, верная своей привычке отмечать дни рождения и смерти своих близких, отмечала день рождения Альберта. Она писала своей старшей дочери, что среди всех этих свалившихся на нее горестей она помнит «тот чудесный день в Сен-Клу, нарядный проспект, украшенный флагами, императора, преподносящего папе великолепную картину, “Битву” (Месонье), и императрицу с элегантной стрижкой...».

Она была в Бальморале, когда на нее свалилось новое несчастье. На сей раз ее внучка Тора Шлезвиг-Гольштейнская, заливаясь слезами, сообщила ей о том, что ее брат Кристиан, дорогой Крисл, подхватил в Претории дизентерию. Через три недели он должен был вернуться домой, доказав свою храбрость на полях сражений... В письмах он уже предвкушал радость встречи с друзьями, близкими и своими собаками. «Ленхен боготворила этого своего сына», — заметила Виктория, со слезами на глазах вспоминая юного принца, такого милого, такого услужливого. Крисл всегда с такой готовностью предлагал ей повезти ее кресло-каталку... От всего этого у нее пропал аппетит, она ничего не могла проглотить, кроме молочного супа: «Как это тяжело — сидеть за столом, будучи не в состоянии что-либо съесть». Чтобы заставить ее заснуть, ей стали давать «дуврский порошок», смесь опия с ипекакуаной.

Все эти смерти, все эти проблемы близких ей людей истощили ее энергию, которой еще год назад восхищалась «Таймс». Впрочем, своей придворной даме она как-то призналась: «После смерти принца-консорта я тоже хотела умереть, но сейчас хочу еще пожить и сделать все, что в моих силах, для своей страны и для тех, кого люблю». Написав мужу, что королева уже неоднократно повторяла ей эту фразу, Мари Малле поделилась с ним пришедшей ей в голову мыслью: «Я вдруг подумала, что она, видимо, просто боится того, что ее место на престоле займет принц Уэльский».

Конечно же она беспокоилась о будущем. Берти был несчастьем для Альберта и, возможно даже, причиной его смерти. В течение последних тридцати лет старший сын постоянно давал поводы для гнева и депрессий Виктории, для всех ее сожалений, всех угрызений совести, всех забот. Сколько же монахий рухнуло вокруг, и во Франции, и в Германии. Этим летом, к примеру, был убит итальянский король! Уверенная в том, что любая из венценосных особ может стать жертвой анархистского заговора,

она теперь каждый раз дрожала от страха, когда кто-либо из ее детей или внуков отправлялся куда-нибудь на поезде.

На самом же деле принц Уэльский был не менее популярен в стране, чем она сама и гораздо популярнее, чем Альберт. Как и его благочестивый отец, он уделял много внимания строительству жилья для малоимущих. Его задор, веселый нрав и жизнелюбие помогали ему быстро находить общий язык с самыми разными людьми. Но королева упорно отказывалась признавать его достоинства.

Она призвала его к себе в Бальморальский замок вместе с Артуром. Лорда Уолсли следовало заменить на его посту главнокомандующего британскими войсками. Она желала, чтобы это место занял ее сын. Ей уже однажды отказали в его назначении, когда с этого поста ушел ее двоюродный брат Георг Кембриджский. Но сейчас она настаивала на исполнении своей воли. Если во главе ее армии встанет Артур, то корона будет застрахована от катастрофы. Но Солсбери был целиком занят проведением избирательной кампании. А лорд Робертс, победитель буров, пользовался такой огромной популярностью! Его, а не Артура, назначили главнокомандующим. «Сегодня был мрачный и грустный день», — записала королева в своем дневнике 6 ноября, перед своим отъездом из Шотландии.

На сей раз «благословенный» отдых в Бальморале не пошел ей на пользу. Она так похудела, что в Виндзоре ее портнихам пришлось ушивать все ее черные платья. Через неделю после ее возвращения ее врач, доктор Рид, поделился с принцем Уэльским своей тревогой по поводу ее состояния. Но она не желала дряхлеть. Пока жива она, жива и монархия! Она приняла делегацию ирландских монахинь, которые под бомбами в осажденном Мафекинге ухаживали за ранеными, а в конце месяца нашла в себе силы, чтобы провести смотр Первого лейб-гвардейского полка, вернувшегося из Кейптауна. И даже почтила своим присутствием обед, устроенный для офицеров. Не собиралась она отказываться и от своих ежедневных прогулок, даже если и засыпала во время них под своими многочисленными пледами.

2 декабря Рид писал Берти: «Она уже не та, что прежде. Я начинаю опасаться, что лучше ей уже не будет». А она между тем начала разговоры о поездке в Ниццу. Врачи реагировали на них крайне осторожно: «Это небезопасно и заслуживает серьезных размышлений».

Ее дети надеялись, что исключительная жизнестойкость их матери вскоре возьмет верх над ее недугами. Врач Берти, сэр Фрэнсис Ларкинг, посоветовал ей в качестве стимулирующего средства пить по несколько раз

в день молоко, разбавленное виски.

Но Виктория вообще перестала есть. Однажды вечером слуги даже забыли подать ей заказанную ею на ужин лапшу. На лице ее застыло выражение безграничной грусти: «Я чувствую себя по-прежнему плохо, хотя мне говорят, что дела мои идут на поправку». Тем не менее она собиралась посетить проходившую в Виндзоре Ирландскую промышленную выставку. И 12 декабря Беатриса повезла ее за покупками на благотворительный ирландский базар, устроенный в городской мэрии.

14 декабря, в годовщину смерти Альберта, она уединилась в его мавзолее. На следующий день она как обычно уезжала в Осборн. В своем вагоне-гостиной она ехала в компании своей старинной подруги Джейн Черчилль. Та была поражена изможденным видом королевы. «Именно так выглядят умирающие», — сокрушалась леди Джейн.

Но по иронии судьбы на Рождество именно о ее смерти сообщили Виктории: королева лишилась той, которая на протяжении сорока лет была ее верной спутницей. Джейн Черчилль умерла ночью во сне от остановки сердца. С этой смертью оборвалась последняя ниточка, связывавшая королеву с теми счастливыми днями, когда был жив ее Альберт.

Накануне ее привезли в зал «Дурбар», чтобы она могла полюбоваться на установленную там елку, украшенную зажженными свечками. Но она с трудом разглядела ее. И не осталась на семейный ужин. В одиночестве выпила у себя в спальне немного бульона и теплого молока с печеньем «Бенджер». Ночью, лежа в постели без сна, она слушала разыгравшуюся грозу: завывания ветра и стук дождя о стекло.

Вики, все еще прикованная к кровати, прислала матери лупу. Та продиктовала Беатрисе письмо, в котором благодарила старшую дочь: «Я не слишком хорошо себя чувствовала, но тебе нечего беспокоиться, да и пульс у меня нормальный. Я могу почти каждый день ненадолго выходить на свежий воздух. Твои сестры, должно быть, писали тебе и сообщали наши новости, не представляющие, впрочем, ни малейшего интереса. Надеюсь, что в следующий раз я сама смогу написать тебе».

1 января ей стало лучше. Вместе с Артуром она отправилась в приют для военных инвалидов, открытый на острове Уайт. На другой день она вручила орден Подвязки генералу Робертсу, чей рост был едва ли выше ее собственного. Она настояла на том, чтобы традиционный церемониал был соблюден до мельчайших деталей. Оба они вспоминали о близких, которых потеряли в Южной Африке. Робертс нарисовал королеве хвалебный портрет принца Крисла, а затем описал могилу в Коленсо своего сына, «невинно убиенного» бурами. Перед отъездом он представил Виктории

шестерых своих индийских гвардейцев, которых она нашла «очень красивыми».

В пятницу, 11 января, ярко светило солнце, и она смогла совершить утреннюю прогулку.

На следующий день Чемберлен прибыл к ней, пробившись сквозь густой туман. «Речь ее была, как всегда, четкой, а разум ясным», — заявил министр по делам колоний, которому рисовали самые плачевные картины состояния королевы. В воскресенье Ленхен читала ей депеши. А перед церковной службой они немного погуляли на свежем воздухе.

14 января, впервые с 1832 года, очередная страничка дневника Виктории осталась незаполненной. Она вновь приняла лорда Робертса. Он был так поражен, увидев ее в столь плачевном состоянии, что, уходя, даже забыл попрощаться с ней.

15 января она в последний раз вышла из дома в сопровождении своей невестки Марии, вдовы Аффи.

16 января Рид счел необходимым оповестить детей королевы об ее все ухудшающемся самочувствии. А она между тем полностью сохраняла рассудок. В шесть часов вечера она поднялась с постели и отправила своему послу в Берлине официальный приказ передать германскому кайзеру, что его бабушка отказывается принять награду, которую он хотел ей вручить. Она не простила внуку того, что он поддерживал буров.

17 января газеты впервые заговорили о ее болезни. Она не покидала постели в течение всего дня и вышла из своей летаргии лишь для того, чтобы поинтересоваться у Ленхен, не встревожена ли общественность тем, что королева перестала появляться на своих ежедневных прогулках. В восемь часов вечера Рид вызвал для консультации своего коллегу из Лондона. Оба врача сошлись во мнении, что у Виктории произошло небольшое кровоизлияние в мозг. Она уже с трудом могла говорить.

В пятницу, 18 января, к ней созвали всех ее детей. Артур находился в Берлине. Рид отправил германскому кайзеру конфиденциальное сообщение: «Появились тревожные симптомы, которые вызывают у нас серьезные опасения». Артур решил немедленно вернуться на родину, но своему племяннику не советовал ехать вместе с ним. На что Вилли ответил: «Место старшего внука королевы рядом с ней». Его личный поезд доставил их в Голландию, где они зафрахтовали голландское почтовое судно, поскольку императорская яхта опаздывала. Кайзер отправил дяде Берти телеграмму, в которой предупреждал его о своем прибытии в Лондон.

Принц Уэльский ужинал у своей близкой приятельницы, блистательной Агнес Кейзер. Он не стал прерывать ужин, чтобы не вызвать

беспокойства у окружающих. На следующее утро он примчался в Осборн. Поскольку состояние королевы несколько улучшилось, он отправился обратно в Лондон встретить Артура и Вилли, поскольку последний изъявил желание заехать по пути в Мальборо-хаус, чтобы облачиться в немецкую военную форму.

Духовник и друг Виктории Рендл Дэвидсон, епископ Винчестерский, пересекал в этот момент Те-Солент в противоположном направлении, чтобы занять место у изголовья своей государыни. В полночь ей стало совсем плохо.

Но утром в воскресенье 20 января она заговорила со своим врачом:

«Мне сейчас лучше?»

«Да, Ваше Величество».

«Тогда принесите мне Тьюри».

Ее померанского шпица посадили к ней на кровать. Улыбка скользнула по ее лицу.

Репортеры со всего света начали стекаться на остров Уайт. Они заняли наблюдательные посты у ограды королевской резиденции в Осборне, подстерегая все въезжающие и выезжающие кареты.

В понедельник, 21 января, в полдень прибыли принц Уэльский, его брат Артур и германский кайзер. Каждого из них в отдельности врач подводил к огромной кровати с балдахином. Королева пребывала в полусне. Вечером Рид вновь привел Берти в комнату его матери. Когда тот уже ушел, Виктория поднесла к своим губам руку врача, думая, что это рука ее старшего сына. Ее спросили, хочет ли она видеть принца Уэльского. Она ответила: «Да». Берти вернулся к ее изголовью, заговорил с ней. Она прошептала: «Поцелуй меня».

22 января в половине десятого утра ей стало совсем плохо. Вся семья собралась вокруг ее кровати, Рендл Дэвидсон возносил молитвы, а врач старался привести ее в чувство с помощью кислородной подушки.

По очереди Ленхен, Луиза и Беатриса произносили имена всех членов семьи, находившихся в спальне королевы, выпуская лишь имя Вилли, который стоял в изголовье своей бабушки. Рид наклонился к Берти: «Может быть, следует сказать ей, что ее внук, кайзер Германии, тоже находится здесь?» — «Нет, это может слишком разволновать ее».

Чуть позже, к удивлению врачей, она почувствовала себя лучше. Семья покинула ее спальню, чтобы дать ей возможность отдохнуть. С ней остались лишь ее сиделки. Ближе к полудню Рид спросил у Берти, не может ли он проводить Вилли к его бабушке. «Конечно, и скажите кайзеру, что таково желание принца Уэльского».

«Ваше Величество, ваш внук кайзер здесь. Он приехал, чтобы повидаться с вами, узнав, что вы очень больны». Виктория улыбнулась и кивнула головой. Они оставались наедине в течение пяти минут. После ухода Вилли она прошептала: «Кайзер очень добр».

Последние силы оставляли ее. В четыре часа дня врач подписал официальный бюллетень: «Королева при смерти».

А на улице продолжала бушевать гроза. Члены королевской семьи тихонько вошли в спальню Виктории и обступили плотным кольцом ее кровать. На этот раз Вилли продел свою правую, здоровую, руку под бабушкину подушку, чтобы помочь врачу поддерживать ставшее таким легким тело королевы в полусидячем положении. В течение двух с половиной часов он не шелохнулся, вызвав восхищение своих теток и дядьев. «Она была похожа на величественный корабль, который медленно шел ко дну», — скажет потом ее зять де Лорн.

Короткий январский день уже закончился, и ночь опустилась на остров, вымоченный дождем. Журналисты оседлали свои велосипеды и ринулись к телефонным аппаратам соседнего Кауса. Находившийся в Осборне министр Артур Бэлфор только что подписал официальное коммюнике: «В 18.30 королева почилла с миром».

Англия погрузилась в тишину. Родители шикали дома на детей, если те вдруг начинали петь. Люди ходили по улицам, низко опустив головы. В церквях пасторы читали псалмы. На ткацких фабриках станки работали на пределе своей мощности, выпуская километры черного драпа.

Виктория лежала на своей кровати среди цветов, которые всегда доставляли ей радость при жизни. Кайзер приказал сделать ее посмертную маску. Но принцессы запротестовали: их матери это вряд ли понравилось бы. Двум художникам было позволено зарисовать ее успокоившееся навек лицо и белое шелковое платье, будто перечеркнутое голубой лентой ордена Подвязки. Но семья ни на минуту не оставляла без присмотра в королевской спальне никого из немцев из свиты Вилли.

Королева оставила последние распоряжения своему личному врачу. Она не желала, чтобы ее гроб был выставлен в церкви. Не желала, чтобы публика стекалась, чтобы взглянуть на нее в последний раз. Она попросила, чтобы в ее гроб положили помимо фотографий Альберта и ее детей домашний халат ее горячо любимого супруга, плащ принца-кон-сорта, расшитый Алисой, и слепок с его руки. Перед тем как закрыли гроб, Рид попросил всех членов семьи покинуть комнату и вложил, по желанию Виктории, в ее левую руку фотографию Брауна и футляр с прядью волос шотландца, после чего прикрыл все это цветами, положенными в гроб

принцессой Уэльской, чтобы никто ничего не заметил.

На море в почетном карауле выстроились корабли военно-морского флота. Небо опять послало Виктории яркое, почти летнее солнце. На борту самой маленькой из ее яхт, «Альберты», гроб, задрапированный белой тканью и установленный на красном постаменте, пересек Те-Солент. Королевская семья эскортом следовала за гробом на «Альберте и Виктории», «Осборне» принца Уэльского и «Гогенцоллерне» германского кайзера, завершавшем траурный кортеж. Виктория пожелала, чтобы все — и принцы, и принцессы — оделись в белое. Сорок лет она ждала этого «благословенного дня», когда воссоединится со своим Альбертом.

Поезд, который вез ее до вокзала Виктория, шел с опущенными шторками на окнах. Завидев королевский состав, люди прямо в поле становились на колени. В Лондоне гроб с телом королевы установили на артиллерийский лафет пушки, над которым развевался королевский штандарт, и повезли его по улицам столицы, увешанным приспущенными лиловыми полотнищами, украшенными розетками из белого атласа. Топот лошадей сливался с барабанной дробью, звоном шпаг, бьющих о стремяна, и артиллерийским салютом, и все вместе это звучало наподобие вагнеровских симфоний. «Это был неподражаемый спектакль! — писал жене в своем номере в гостинице «Савой» Клод Моне. — На фоне черной толпы резко выделялись все эти всадники в красных плащах и касках, пестрели разноцветные униформы армий всего мира... Но как же мало все это походило на похороны! Во-первых, не было никакого крепа, ничего черного, все дома были украшены лиловыми полотнищами, великолепные лошади тянули за собой артиллерийский лафет, рядом с которым гарцевал на коне Вильгельм II, показавшийся мне на удивление тщедушным. Я думал, что он выглядит более внушительно. Что до короля Эдуарда VII, то он прекрасно держался в седле и поражал всех своей величественной осанкой. Остальное все тоже было просто великолепно. Блеск золота и буйство красок... У меня даже глаза заломило».

В Виндзоре после короткой службы в церкви Святого Георгия тело Виктории оставили на три дня в маленькой местной церкви, в которой в свое время стоял гроб с телом Альберта, пока строился его мавзолей. Усыпанный цветами гроб королевы поражал своими размерами всех, кто его видел. Он был таким маленьким!

4 февраля 1901 года Виктория навсегда упокоилась под лазурно-золотыми сводами мавзолея, выстроенного когда-то для Альберта. Свой надгробный памятник она заказала одновременно с надгробным памятником принцу-консорту. На нем лицо ее было слегка наклонено в

сторону мужа. Альберт смотрел вдаль прямо перед собой. Она любила его.
А он сделал из нее последнюю королеву.

Эпилог

Первой заботой Берт, ставшего королем Эдуардом VII, было уничтожение всех компрометирующих документов, способных бросить тень на легенду о Виктории. Уже через несколько часов после смерти матери он потребовал у Мунши вернуть все бумаги и письма королевы, оказавшиеся в его распоряжении. Он сжег их в камине в присутствии

Алике и Беатрисы. Взамен он позволил индийцу войти в комнату, где лежало тело королевы, чтобы попрощаться с ней. После смерти Мунши в 1909 году были уничтожены и другие бумаги, найденные в Агре в том доме, который Виктория подарила своему псевдосекретарю.

С Брауном дело обстояло гораздо сложнее. Все газеты, в том числе и иностранные, множество раз писали о скандальной связи английской королевы с ее шотландцем в килте. Бронзовую статую Брауна, установленную на лужайке в Бальморале, немедленно убрали и спрятали от людских глаз в самой чаще леса. Остальные бюсты и другие памятные вещи были уничтожены. В туалетной комнате королевы в Осборне были оставлены лишь те фотографии красавца Джона, на которых он был изображен вместе с его братьями. Письма и записки, написанные рукой королевы, регулярно находили в разных местах и тут же сжигали. В сентябре 1904 года сын бальморальского врача, доктора Профита, попытался продать письма, которые Виктория писала его отцу и речь в которых шла о Брауне. Переговоры, растянувшиеся на полгода, поручили вести доктору Риду. 8 мая 1905 года Рид победно записал в своем дневнике: «Джордж Профит пришел ко мне и передал мне полную коробку писем королевы, их было там более трехсот, часть из которых могла сильно скомпрометировать ее». Врач, в свою очередь, передал их лично в руки короля, «который был очень доволен этим». Размеры суммы, уплаченной за то, чтобы положить конец этому шантажу, остались неизвестными.

Но как было стереть память у всех жителей Бальморала и Крейти, которые были свидетелями постоянных танцевальных вечеров, прогулок, пикников и уединений в Глассалт Шил? В Шотландии находящаяся по соседству с королевским замком могила Брауна и сегодня остается «достопримечательностью», обозначенной во всех туристических справочниках. Привязанность королевы к ее дорогому гилли не может быть истолкована двусмысленно. Речь здесь идет о банальной любовной истории. Понятно, что детям королевы это никак не могло понравиться. И

Беатриса полностью переписала дневник своей матери с момента смерти принца-консорта.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ КОРОЛЕВЫ ВИКТОРИИ

1819, 24 мая — Родилась Виктория, дочь Эдварда Огастеса, герцога Кентского, и его супруги Виктории Саксен-Кобург-Заальфельдской.

1820, 23 января — Умер отец Виктории.

1835—1841 — Либеральное правительство лорда Мельбурна.

1837, 20 июня — Виктория унаследовала трон Великобритании после кончины ее дяди Вильгельма IV.

1838, 28 июня — Коронация в Вестминстерском аббатстве.

1838—1842 — Первая война Англии с Афганистаном.

1840, 10 февраля — Брак Виктории и принца Альберта Саксен-Кобург-Готского.

21 ноября — Рождение первого ребенка Виктории и Альберта — Виктории, будущей императрицы Германии.

1841, 9 ноября — Рождение наследника престола Эдуарда, принца Уэльского, будущего короля Эдуарда VII.

1841—1846 — Консервативное правительство Роберта Пиля.

1843, 25 апреля — Рождение дочери Алисы — будущей великой герцогини Гессен-Дармштадтской, матери русской императрицы Александры Федоровны.

1844, 6 августа — Рождение сына Альфреда, герцога Эдинбургского.

1846, 25 мая — Рождение дочери Элен, будущей княгини Шлезвиг-Гольштейн-Зондербургской.

1846—1847 ~ «Великий голод» в Ирландии.

1848, февраль — Подъем чартистского движения в Англии.

18 марта — Рождение дочери Луизы, будущей герцогини Аргайл.

1849, февраль — Аннексия Англией Пенджаба. Завершение британского завоевания Индии.

1850, 1 мая — Рождение сына Артура, будущего герцога Коннахтского.

1851, май — Всемирная выставка в Лондоне.

1853, 7 апреля — Рождение сына Леопольда, будущего герцога Олбани.

1854, апрель — Начало Крымской войны.

1855—1865 — Консервативное правительство лорда Пальмерстона.

1856, март — Парижский мир, закрепивший поражение России в Крымской войне.

1857, 14 апреля — Рождение последнего ребенка Виктории и Альберта — дочери Беатрис, будущей княгини Батгенбергской.

Май — Восстание сипаев в Индии.

1857—1860 — «Опиумная война» Англии и Франции против Китая.

1858, август — «Акт об управлении Индией», передающий контроль над этой страной в руки британского правительства.

1861, 16 марта — Смерть герцогини Кентской, матери Виктории.

14 декабря — Смерть принца Альберта.

1863, 10 марта — Брак принца Эдуарда и датской принцессы Александры.

1867, март — Учреждение британского доминиона Канада.

1868—1874 — Либеральное правительство Уильяма Гладстона.

1868 — Опубликована книга Виктории «Страницы из дневника».

1874—1880 — Консервативное правительство Бенджамина Дизраэли.

1876, 1 мая — Виктория стала императрицей Индии.

1878—1880 — Вторая война Англии с Афганистаном.

1880—1885 — Либеральное правительство Уильяма Гладстона.

1882, май — Начало террористических атак фениев в Ирландии.

Сентябрь — Британская армия оккупировывает Египет.

1885, май — Южная часть Нигерии становится британским протекторатом.

Ноябрь — Англия начинает войну с Бирмой (Мьянмой) и оккупировывает эту страну.

1895, май — Создание британского протектората Родезия.

1895—1902 — Консервативное правительство лорда Солсбери.

1898, сентябрь — Англия подавляет восстание махдистов в Судане и оккупировывает эту страну.

1899, октябрь — Начало Англо-бурской войны (завершилась в 1902 году).

1901, январь — Австралия получает статус доминиона.

22 января — Кончина Виктории в Лондоне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Источники

Greville C. Memoirs. 1817—1860. Ed. R. Fulford. L., 1963.

The Journal (дневники Виктории, хранящиеся в Королевском архиве, никогда не публиковались в полном объеме. Различные отрывки из них приводятся в нижеследующих изданиях).

The Letters of Queen Victoria: A Selection from Her Majesty's Correspondence (три серии по три тома в каждой). London, 1907— 1932.

Life at the Court of Queen Victoria. Ed. B.S. Nevill. Exeter, 1984.
Longford E. Queen Victoria. Born to succeed. N.Y., 1971.

2. Историография

Стрэчи Дж. Л. Королева Виктория. Пер. с англ. / Ростов н/Д., 1999.

Хибберт К. Королева Виктория. Пер. с англ. / М., 2005.

Энтони Э. Королева Виктория. Пер. с англ. / М., 2002.

Auchincloss L. Persons of consequence. Queen Victoria and her circle. N.Y., 1979.

Cullen T. The Empress Brown: The Story of a Royal Friendship. L., 1969.

Holmes R. Queen Victoria. L., 1897.

Lee S. Queen Victoria. L., 1904.

Longford E. Queen Victoria. Born to succeed. N.Y., 1971.

Marshall D. The life and times of Victoria. L., 1972.

Sitwell E. Victoria of England. Boston, 1936.

Weintraub S. Victoria. L., 1987.

notes

Примечания

Фиоритура (муз.) — орнаментальные пассажи, украшающие мелодию.
(Прим. пер.)

«Старый сотый псалом» (англ.).

Работные дома (*англ.*).

Во время ходынской трагедии погибло, согласно официальным данным, порядка тысячи человек. Однако реальное число жертв явно превышало эту цифру, но доходило ли оно до трех тысяч — сказать трудно.

Прием гостей в саду, на открытом воздухе (*англ.*).

Гилли — шотландский егерь (*гэл.*).

«Мир женщин» (англ.).

Речь идет о якобинском терроре в 1793—1794 гг. во время Великой французской революции. Однако выражение «термидорианские гильотины» является неудачным: как раз именно после термидорианского переворота 27—28 июля 1794 г. террор пошел на убыль.

Перевод С. Богуславского.

Купольное помещение (*англ.*).

«Отелло» и «Севильский цирюльник».

Бабушка (нем.).

«Акт о регентстве» (*англ.*).

Максимильен де Бетюн Сюлли — генеральный интендант финансов при Генрихе IV. Именно в его мемуарах приводится фраза, будто бы сказанная Генрихом IV перед вторичным обращением в католицизм: «Париж стоит мессы».

Добрая старая Англия (*англ.*).

Роберт Уолпол, граф Оксфорд — премьер-министр Великобритании в 1721—1742 гг.

Новый дворец (англ.).

Цивильный лист — сумма, назначаемая главе государства на расходы и представительство. (*Прим. пер.*)

Салический закон — сборник обычного права салических франков, ставший основой правовой системы Франции и Священной Римской империи. В него входило положение о невозможности занятия женщинами трона. (*Прим. пер.*)

Луи Конде, герцог Ангиенский — выдающийся французский полководец XVII в.

Сульт командовал французскими войсками на юге Франции, когда туда вторгся в 1814 г. Веллингтон (он разбил Сульту под Тулузой), а также был начальником штаба у Наполеона при Ватерлоо, где англичанами также руководил Веллингтон.

«Чартистский вестник» (англ.).

Официальные приемы при дворе (*англ.*).

«Альберт, самый покорный и преданный слуга Вашего Величества»
(англ.).

Я в ярости (*англ.*).

Партия движения — общественная организация во Франции в эпоху Июльской монархии.

В 1346 г. во время Столетней войны.

В 1350 г. англичанам сдался после длительной осады Кале. Эдуард III потребовал выдать ему шестерых самых авторитетных граждан города. Они явились к нему в рубище, с веревками на плечах, готовые своей жизнью спасти Кале от разграбления, но король внял уговорам жены и некоторых советников и помиловал этих людей.

«Северная звезда» (англ.).

Имеется в виду король Шотландии, правивший в 1437—1460 гг.

Шафранно-опийная настойка. *(Прим. пер.)*

«Королева» (англ.).

Арековая пальма широко культивируется в тропиках Азии, в том числе и в Индии, ради семян, так называемых «орехов бетеля», содержащих ареколин и другие алкалоиды и применяемых в медицине и ветеринарии. (Прим. пер.)

В июне 1520 г. во время встречи Франциск I победил Генриха VIII в борцовском поединке, на который тот его вызвал.

Smala(h) — свита главы арабского племени, его чада и домочадцы.
(Прим. пер.)

Знаменитые сюжеты греческой мифологии. Мелеагр был победителем в Калидонской охоте.

«Вести королевского двора» (англ.).

Это отражало скорее страхи верхов, нежели реальное положение дел, хотя, конечно, идейная оппозиция правительству росла.

Намек на название будущего союза — Антанты, означающее «сердечное согласие».

Разумеется, после победы в Англии Реформации.

Билль об эмансипации (*англ.*).

Идеальная леди (англ.).

Мятежи, то есть революции, начались позднее, в 1848 г.

«Лига» (англ.).

«Хлебные законы» (*англ.*).

Франкфуртский парламент - национальное собрание Германии во время революции 1848-1849 гг.

Шотландские егеря. (*Прим. пер.*)

«Времена года» (*англ.*).

Низкий тип (*нем.*).

«Я римский гражданин» (*лат.*) — своего рода формула неприкосновенности личности, которая на практике, впрочем, далеко не всегда соблюдалась.

«Клуб реформ» (англ.).

Министерство иностранных дел Англии (*англ.*).

Хрустальный дворец (*англ.*).

Счастливая судьба (англ.).

Тартан (гэл.) — клетчатая шерстяная материя, шотландка, цвета которой имели символическое значение. (*Прим. пер.*)

По русским данным — три тысячи.

Русские войска вступили в Венгрию не в 1848-м, а в 1849 г. Упреки в адрес русских войск справедливы лишь отчасти — австрийцы действовали ничуть не мягче. Другое дело, что австрийцы (тоже, кстати, не пользовавшиеся популярностью у английского общества) подавляли восстание собственных подданных, тогда как русские пришли в чужую страну.

После сражения герцог жаловался на тяжелые потери, говоря, подобно эпирскому царю Пирру, что после еще одного такого сражения не останется солдат.

Под Балаклавой из-за бездарности британского командования попала в ловушку и была практически уничтожена английская кавалерия, состоявшая преимущественно из отпрысков знатных родов.

Уверяли, что, поскольку Ватерлоо было последней кампанией Раглана перед Крымской войной, Раглан все время по старой памяти называл противников (то есть русских) французами, которые на это, естественно, обижались.

В. А. Корнилов погиб еще в начале осады, и руководство обороной возглавил П. С. Нахимов.

Единственная опера Л. Бетховена.

Ходили слухи, что королева Гортензия (Евгения Богарнэ) родила своего сына, ставшего впоследствии Наполеоном III, не от своего супруга Луи Бонапарта, брата Наполеона I, а от голландского адмирала Веруэля. (*Прим. пер.*)

«Крест Виктории» (англ.).

Дети (исп.).

Имеется в виду сражение на реке Черной.

Возраст для танцора весьма почтенный.

Андре Ле Нотр (1613—1700) — ландшафтный дизайнер и архитектор при дворе Людовика XIV. (Прим. пер.)

Замок (нем.).

Рил — быстрый шотландский танец. (*Прим. пер.*)

Бездоказательное утверждение.

В 1859 г. было даже подписано русско-французское соглашение, однако особых последствий оно не имело.

Камилло Бенсо Кавур (1810—1861) — итальянский государственный деятель, премьер-министр Сардинского королевства (Пьемонта), сыгравший серьезную роль в объединении Италии под властью Пьемонта.

Панталоны в обтяжку (*англ.*).

В Англии — закрытые средние учебные заведения для мальчиков
(англ.).

«Сеть школ для бедных» (*англ.*).

Очень похорошевшим (фр.).

Маунт-Вернон — имение Джорджа Вашингтона.

Чего-нибудь интересного (*англ.*).

Это твоя женушка (*нем.*).

Поцелуй (нем.).

К а н т, к а н т и к - похвальное песнопение (стихотворение) торжественного светского или церковного содержания.

Коляске, запряженной пони (*англ.*).

«Идиллии» (англ.).

«В память» (*лат.*).

Англия, Шотландия, Ирландия.

Церковь памяти Альберта (*англ.*).

Ну вы, потише (*ломаный немецкий*).

Мари де Рабютен-Шанталъ Севинье (1626—1696) — французская писательница, чьи сочинения, написанные в форме писем дочери, отличались превосходным стилем.

Прелестное дитя (*англ.*).

Фахверк (нем. Fachwerk) — в средневековой западноевропейской архитектуре деревянный брусчатый остов (каркас) малоэтажных зданий, состоящий из системы стоек, раскосов и обвязок, с заполнением камнем, кирпичом, глиной и др.

Жорж Кювье (1769—1832) — французский зоолог, один из реформаторов сравнительной анатомии, палеонтологии и систематики животных.

Официальный прием при дворе (*англ.*).

1864 г.

«Горцы Шотландии» (*англ.*).

Проклятым (*англ.*).

Мораль по-ба́льморальски (игра слов, *англ.*).

Бенито Хуарес в тот момент был президентом Мексики.

Максимилиан при поддержке Наполеона III боролся за власть в Мексике, императором которой себя объявил. Попал в плен и был расстрелян.

Сомелье — здесь: слуга, ведающий спиртными напитками и обносящий гостей вином. (*Прим. пер.*)

Джон Буль — прозвище англичан, которое появилось в конце XVIII в.
(Прим. пер.)

Л а н д ы - песчаные равнины. (Прим. пер.)

Сдержанный, неболтливый (*англ.*).

Сара Бернар (1844—1923) — знаменитая французская актриса.

Проклятый (*англ.*).

При Вёрте.

Септицемия — форма сепсиса, при котором возбудитель, размножаясь в крови больного, наводняет ее токсинами, вызывающими массовую гибель эритроцитов, поражение органов кроветворения и выделения. (*Прим. пер.*)

Эсквайр (*англ.*).

В правление Виктории.

Слово «всегда» не вполне уместно — русские сражались против Англии при Виктории лишь один раз — в Крымскую войну, да и агрессором по отношению к Англии Россия отнюдь не выступала.

Фердинанд Лессепс (1805—1894) — французский инженер и предприниматель, в 1859—1869 гг. руководил строительством Суэцкого канала. (*Прим. пер.*)

Первые шаги в развитии своей промышленности Россия сделала еще в XVII — начале XVIII в., а при Александре II в России вовсю уже шел промышленный переворот — в Англии к тому времени, правда, завершившийся.

Планисфера — изображение земного или небесного глобусов на плоской карте в виде полушарий. (*Прим. пер.*)

Любезная сударыня (*англ.*).

Я не могу жить без вас (*англ.*).

Любящая вас (англ.).

Николай Николаевич - старший.

Леон Гамбетта (1838—1882) — французский политический деятель, занимавший в разное время высокие государственные посты. (*Прим. пер.*)

Дорогой папа (*англ.*).

Да здравствует королева Англии (*ит.*)

Билль о земле (*англ.*).

Земельная лига (*англ.*).

Бойкот (*англ.*).

Выводок Вик[тории] (*англ.*).

Гомруль (*англ., ист.*) — буржуазно-либеральная программа самоуправления Ирландии в рамках Британской империи.

Великий старик (*англ.*).

Мышь (*англ.*).

«Гимн гребцов Итона» (*англ.*).

Крупные лондонские магазины (*Прим. пер.*).

«Тебя, Бога, хвалим» (лат.).

Это индийское слово обозначало зал для приемов.

«Герб Файфа» (англ.).

Пелота — командная спортивная игра с мячом во Франции и странах Пиренейского полуострова, имеющая несколько разновидностей, например, баскская пелота. (*Прим. пер.*)

Благоразумен (*англ.*).

Английское сокращение - Виктория. Императрица. Королева.

Английское мелкопоместное дворянство. *(Прим. пер.)*

«Сельская честь» (*ит.*).

«Либерти-холл» («Зал свободы», *англ.*).

А нам не смешно (*англ.*).

Бразилия (*фр.*).

«На качелях» (*ит.*).

Арпан — старая французская земельная мера (20—30 а).

Никого (*англ.*).

«Паяцы» (*ит.*).

Первый лейб-гвардейский полк (*англ.*).

«Черная неделя» (*англ.*).

Дословно - скрипучий (*англ.*).

Прием гостей в саду (*англ.*).